ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

КвазиРазмерность

КНИГА ВТОРАЯ

научная фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Игра в Размерности затягивает двух братьев, заставляя их увлеченно готовиться к финальной схватке с бунтующими игроками. Подруга братьев, застрявшая в игровом проекте Квазара, тщетно пытается выбраться из мира энергии Подпространства в материальную реальность, где осталась ее дочь-нейропат, над которой хочет получить опеку отец – хранитель Всемирной иерархии. Девочка вынуждена скрываться сначала у престарелого друга семьи, а затем на исследовательской мобильной станции среди ученых, отправляющихся к центру Великого ледника с целью изучения возможности локализации тысячелетнего катаклизма. На перевалочной базе, построенной удаленно механическими универсальными сборщиками, ученые активируют вирус, адаптированный к новым нейронным сетям. Подчинив сознания членов экспедиции, этот вирус пытается добраться до жилых комплексов…

-
- Книга третья
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Книга четвертая
- Глава первая

- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая

* * *

Книга третья

Виталий Вавикин
http://vavikin-horror.ru/

Глава первая

Игровая площадка «Фивы». Дворец Эдипа в закрытом городе. Вторая половина игрового дня. Комната личных достижений.

- Как, черт возьми, я найду Афну?! – возмущалась Саломея, изучая запутанный план поисков, хотя больше ее злило, что новая задача заблокировала прежние достижения и личные воспоминания.

Случись подобное десяток игровых дней назад, и Саломея, не раздумывая, покинула бы проект, но сейчас… Она не хотела признаваться, но процесс захватил ее, увлек. Да и связь с реальностью, как боялась вначале Саломея, не терялась, а лишь немного корректировалась во время игрового дня, позволяя наверстать упущенное ночью в комнате личных достижений, пока основные Адаптивные алгоритмы перенастраивают игровой мир для нового дня. Если бы еще избавиться от песочных часов, которые проявлялись в призрачной дымке КЛД, куда бы Саломея не смотрела, предупреждая, что отведенное на задание время заканчивается, а стоит начать новый игровой день, как каждый сквозняк, каждое дуновение ветра превращаются в шепот: «Торопись!» И никаких конкретных подсказок.

- Хорошо еще сказали, что Афна находится в Фивах, - ворчала Саломея, начиная новый игровой день.

Сознание покинуло комнату личных достижений. Основные адаптивные алгоритмы внесли корректировку в точку сборки, сократив ожидание окончания тонких настроек игрового мира до пары секунд. Протоколы обновили резонансы построенной в Подпространстве площадки. Активация игровых зон проходила поэтапно. Мир восстанавливался, начиная с окраин: Далекие Земли; Голиафские Горы; Каньон Ветров; безбрежные пустоши Аида; Озеро Мертвых; Колодец Воспоминаний, где хранится лог игры; пустыня-клетка для Гарпии – еще одна тайна, которая ждет, когда ее раскроют; дворец Сфинкс; внутренний город и наконец покои в замке Эдипа.

Саломея открыла глаза. Игровой образ работал исправно, подменяя основные протоколы точки сборки, использовавшей вид оставленного в Размерности тела. Едва уловимый сквозняк колыхал укрывавший кровать балдахин. Детализация мира заслуживала отдельной похвалы, хотя Саломея так и не смогла привыкнуть к отсутствию нейронных сетей.

Совет для поэтапного прохождения квеста «поиск Афны», заложенный в точку сборку при загрузке нового игрового дня, назойливо пульсировал в голове посторонней мыслью, что нужно

отправиться на королевский рынок и встретиться с людьми, способными помочь в поисках таинственной богини. Отдельной информации о том, кто сможет помочь, не было. «Значит, подсказки появятся на месте», - решила Саломея, соскользнув с кровати. Воздушный балдахин вожделенно вздохнул, словно надеялся, что актриса Торсия проведет под его защитой еще одну ночь. Саломея буквально почувствовала эти ассоциации – яркие, прописанные в точку сборки игрового персонажа. И еще шепот: «Торопись!», от которого обострялись все чувства, усиливая восприятие построенного в Подпространстве мира.

«Торопись!»

Саломея замерла, чувствуя босыми ступнями холод старых камней. Обострилось и понимание бессонной ночи, которой закончился минувший игровой день: успешно выступление в замке Эдипа, ужин в королевских залах, хвалебные речи, угощения, позаимствованные разработчиками игры у канувшей в небытие эпохи, пляски, льстивые речи партнеров, непристойные предложения знати, которые Саломея еще день назад сочла бы пошлыми, если бы не побывала во дворце Сфинкс – мире, закрытом для местных игроков. После того, что Саломея увидела там, местные непристойности казались просто невинной шалостью. Но вот с усталостью было не поспорить. Адаптивные алгоритмы установили основные протоколы в точку сборки игрока, и оставалось лишь надеяться, что самочувствие улучшится ближе к обеду.

«Торопись!»

Саломея выглянула в длинный каменный коридор с высокими узкими окнами, за которыми слепило синевой высокое небо. Когда Саломея только попала в игру, небо, пожалуй, было единственным, что впечатлило ее. После нейронных клеток жилых комплексов сложно было не любоваться небом, пусть и сотканным из энергии мира Подпространства. Впрочем, выбравшись за пределы внутреннего города во дворец Сфинкс и увидев там, как серое небо, гноясь нарывами, опускается на игровую площадку Аида, Саломея уже не могла с прежним очарованием любоваться синевой небосвода Новых Фив. Еще до того как купить ключ игрока, выбирая игровую площадку, Саломея считала, что проект «Фивы» был создан либо психически нездоровыми людьми, либо для тех, кто испытывает подобные проблемы. Слишком много безумных образов, жестокости, непотребств…

Саломея прошла мимо помятой после долгой бессонной ночи царских гуляний стражи. «Настоящие игроки или Имитации?» - думала она, вглядываясь в лица стражников. Один из них широко

улыбнулся и, узнав главную актрису нашумевшей постановки Торсия, подмигнул голубым глазом, под которым красовался уродливый шрам, рассекший щеку.

«Торопись!» - услышала Саломея шелест ветра. Мир сжался, восприятие сконцентрировалось на шраме стражника. В точку сборки игрового образа добавилась новая информация: название сражения, при котором был получен шрам, модель оружия, нанесшего шрам, физическая сила противника, справка о возможных исправлениях повреждения и плюсах сохранения шрама, что для воина считается предпочтительным. «Значит, не Имитация», - решила Саломея, отмечая появившуюся информацию о возможности вступить с охранником в переговоры, чтобы получить необходимую информацию для продолжения выполнения задания.

- Понравился мой шрам? – спросил охранник, растягивая в хищной улыбке тонки губы.

Саломея проигнорировала вопрос, покосилась на второго стражника – молчаливый и застенчивый, но, судя по всему, тоже игрок, а не имитация. «Хотя я уже ошибалась прежде», - подумала Саломея, вспоминая минувшую ночь и девушку, которая часть празднества сыпала как из рога изобилия хвалебными речами, а потом растворилась в темноте, слившись с тенями.

- Во дворце Эдипа все относительно, - сказал Торсий, который и сам был имитацией.

«Что если со стражниками случится нечто подобное? - подумала Саломея, понимая, что пробыла в игре достаточно времени, чтобы начать различать подделку. – Иначе превращусь в инструмент корректировки игровых процессов». Она тщетно попыталась вспомнить, что рассказывал о проводимом адаптивными алгоритмами контроле игровых систем Арк-Ми – один из двух братьев, по вине которых пришлось ввязаться в эту авантюру с заработком необходимых единиц Влияния в игре…

- Я видел вчера твое выступление, - услышала Саломея далекий голос охранника, вернувшись в игровую реальность. – Мне не понравилось.

- Не понравилось? – Саломея растерянно хлопнула глазами. Кажется, это была первая критика за последние сутки.

- Слишком много имитаций, - пожал плечами стражник. – За ними не видно тебя. Словно деревья в лесу. В твою точку сборки заложено понимание леса?

- Конечно.

- Хорошо. А то я встречал игроков, которые провели в игре не один день, а система так и не удосужилась загрузить им основные базисы игрового мира.

- Может быть, это были имитации?

- Исключено. Я вижу этих оборотней насквозь. У меня, можно сказать, нюх на имитации.

- Какая-то способность персонажа или что?

- Говорят, каждый, кто был в Размерности нейропатом, здесь может определить Имитацию.

- Ты был нейропатом? – Саломея вздрогнула, вспомнив дочь.

- Не бойся, мы не кусаемся, - примирительно улыбнулся стражник.

- Да я не боюсь, просто… - Саломея бросила на него пытливый взгляд. – Просто… - она хотела сказать о способностях Ариши, но не могла. Впервые за последние дни игровые протоколы заблокировали часть способностей. – У меня… - еще раз попыталась Саломея.

- Ты тоже нейропат? – помог охранник.

- Нет.

- Значит… кто-то из твоих родственников?

- Почему ты можешь разговаривать о Размерности, а я нет? – возмутилась Саломея.

- Может быть, потому что я не пытаюсь выделиться?

- Выделиться?

- Твое выступление перед Эдипом. Думаю, чтобы добиться подобной чести в игре, нужно пройти долгий путь.

- Я не чокнутый игроман, который проводит в «Фивах» большую часть жизни, - сказала Саломея, тщетно пытаясь вспомнить, сколько в действительности уже находится в игре. Страха не было – ответ придет, как только закончится игровой день, и она попадет в комнату личных достижений, но вот до этого…

- Пытаешься вспомнить, как давно здесь? – догадался стражник.

Саломея кивнула.

- Значит, игра затянула тебя.

- Думаешь, это опасно?

- Только для твоего счета, потому что сначала адаптивные алгоритмы увлекут тебя, а затем высосут все доступные твоим родителям единицы Влияния.

- Моим родителям? – опешила Саломея. – Ты что… решил, что я… ребенок?

- А разве нет?

- Нет! У меня самой уже есть дети! – выпалила она и замерла, понимая, что эмоции смогли взломать простейшие игровые блокировки точки сборки. Теперь главное не останавливаться, преумножая успех. – Мою дочь зовут Ариша, она нейропат, и я

оказалась в игре, потому что бывший муж хочет забрать у меня ребенка. Он хранитель и сделал так, что меня уволили из игрового проекта «Голод». Теперь его социальный статус выше моего, и суд отдаст нашего ребенка ему. Поэтому мне пришлось изворачиваться… - точка сборки создала чувство удушья, заставляя молчать. Саломея отдышалась.

- Никогда бы не подумал, что ты старуха, - сказал растерянно стражник.

- Я не старуха! – вспылила Саломея. – Не игроман, но и не старуха… - она насторожилась. – А сколько лет тебе? Я имею в виду не в игре, а в Размерности… или Квазаре… Не знаю, где ты живешь…

- Ну, скажем так: обратиться в репродукционный центр за ребенком я еще не смогу, - осторожно произнес стражник, покосившись на своего напарника.

- Так вы всего лишь мальчишки! – натянуто рассмеялась Саломея.

- Не мы, а только я, - сказал стражник. – Что касается моего партнера, то думаю, что он имитация.

- Я не имитация, - сказал напарник.

- И чем докажешь? – встал в позу молодой охранник.

- Не буду я тебе ничего доказывать, - отмахнулся напарник. – Может, это ты имитация, а не я. Хочешь, чтобы я доказал, что настоящий игрок? Докажи сначала сам.

- Я знаю, что я игрок.

- А я знаю, что я не имитация.

- Вот видишь! – уставился на Саломею молодой охранник. – Первый раз такая засада. Обычно настоящие игроки обижаются и уходят, а этот… Нет, был, конечно, один – пытался меня убить, сочтя, что я хочу его оскорбить, но потом… В общем, сейчас мы с ним хорошие друзья. Говорит, что хочет открыть в «Фивах» школу, где будут обучать, как отличить настоящего игрока от имитации. А то расплодились! Я понимаю вне закрытого города. Аид, Каньон Ветров, Мертвое Озеро, дворец Сфинкс… А здесь… Это ведь почти Далекие Земли, только без тамошней анархии. Почему бы просто не оставить нас в покое, позволив насладиться игровым процессом?

- Имитации как раз и нужны для того, чтобы игровой процесс не зашел в тупик, - машинально пояснила Саломея, невольно выбирая покровительственный тон на правах более мудрого и зрелого.

- Говоришь так, словно была большим человеком в игровом проекте «Голод», - скривился молодой стражник.

- Так и есть.

- И что же ты делала? Обслуживала нейронные сети главных разработчиков?

- Вообще-то я была одним из главных разработчиков, - Саломея поймала себя на мысли, что чуть ли не впервые в жизни гордится своей прежней работой. – Мой отдел возглавлял Думах. Знаешь такого?

- Мерзкий тип, - скривился молодой стражник. – Мой отец – нейронный инженер. Так вот, когда к нему обратился Думах, чтобы построить ему новый жилой комплекс… В общем с тех пор мой отец зарекся больше не работать с карликами.

- Да, с Думахом иногда сложно найти общий язык, - согласилась Саломея и тут же решила, что пора менять тему разговора. – Ну а ты? Как отец допустил, чтобы любимый сын сбежал от семьи в игру?

Стражник не ответил: потупился, пожал плечами.

- Ты был ребенком-бунтарем или родители обратились в репродукционный центр и подарили тебе братика? – решила не отставать Саломея.

- Подпространство нейтрализует способности нейропата, - хмуро сказал мальчик. – Так что у меня был выбор: либо переселиться в Квазар, где для меня все чужое, либо спрятаться от судьбы в игре. Я выбрал «Фивы».

- Вот оно как…

- Да… - молодой стражник фальшиво улыбнулся. – Ну, а что насчет твоей дочери? Ты сказала, что она тоже нейропат? Тогда почему вместо того, чтобы отправить ее в Подпространство, заблокировав сверхспособности, ты сама застряла в игре?

- Иногда все становится слишком сложным… Даже для взрослого.

- Есть некоторые проблемы, в которых может разобраться только ребенок.

- И как бы ты разобрался с моей проблемой?

- С какой именно? Судя по всему, у тебя их много. Твоя дочь – нейропат. Твой муж – хранитель. Тебя уволили с работы. Ты застряла в игре, но вместо того, чтобы выбираться отсюда, продолжаешь играть, надеясь, что это решит твои проблемы… - молодой стражник прищурился. – Какую тайну ты планируешь разгадать? Думаю, чтобы решить твои проблемы, нужно много единиц Влияния. Поэтому и тайна должна быть значительной…

- Не пытайся угадать. Это сложнее, чем ты можешь представить, - сказала Саломея, собираясь уйти.

- Дай мне шанс, - попросил молодой стражник.

- Разоблачай лучше имитации.

- Разоблачать имитации скучно, - стражник по-детски надул

губы: точка сборки игрового персонажа исправно отражала чувства и переживания извлеченного сознания. – Я здесь уже больше года, но так и не решил, чем развлечь себя. С одними мне интересно, но они либо зациклены на игровом процессе, либо прогоняют меня, когда узнают, что я ребенок, а с другими скучно и хочется бросить все, вернуться в Размерность и стать бездушным нейропатом. Ты хочешь, чтобы я стал нейропатом?

- Вот только не надо давить на жалость!

- Ладно, не буду, - стражник примирительно поднял руки. – Но дай мне шанс. Мне наплевать на выигрыш. Главное принять участие. К тому же я давно в игре. Знаю много тайн и загадок. Со мной тебе будет лучше, чем без меня.

- Сильно сомневаюсь.

- Потому что я ребенок?

- Потому что… - Саломея задумалась на мгновение, затем осторожно кивнула. – Да, пожалуй, дело в этом.

- А ты испытай меня! – оживился мальчик. – Расскажи, что ты ищешь, и если я не смогу помочь, то, обещаю, больше не стану приставать с просьбами взять с собой.

- Ну, не знаю… - протянула Саломея, жалея, что не может прямо сейчас заглянуть в комнату личных достижений, чтобы проверить, нужен ей союз с молодым стражником или нет.

- Не томи! – нетерпеливо топнул ногой мальчик. – Ты ведь хочешь заработать, верно? Значит, должна пытаться разгадать сложную тайну или выполнить многоуровневое задание. Давай, скажи, какой ты получила квест?

- Расскажи мне все, что знаешь о внешнем мире, и обещаю подумать о том, чтобы взять тебя в помощники.

- Внешний мир большой, - растерялся молодой стражник.

- Хорошо, давай оставим только дворец Сфинкс.

- Мерзкое место! – мальчик помрачнел. – Мои родители всегда говорили, что Аид – не место для детей. Конечно, разработчики гарантируют, что возрастные ограничения восприятия, вносимые в точку сборки, не позволят воспринимать большую часть игрового процесса, но… - молодой стражник нахмурился, затем неожиданно просиял. – Так ты во дворце Сфинкс получила свой квест? Я знаю одного игрока, который уже несколько месяцев пытается отыскать выход из внутреннего города. Говорят, нужно найти призрак Сфинкс и следовать за ним. Но я думаю, что все контролируют адаптивные алгоритмы. Если система решит, что нужно показать тому или иному игроку выход за пределы закрытого города, то так оно и будет, а если нет, то… - мальчик сокрушенно всплеснул руками. – Впрочем, ты это и сама знаешь, если действительно работала на «Голод».

Сомневаюсь, что там игровой проект устроен иначе.

- Ну, в чем-то ты прав, а в чем-то нет. Дело в том, что «Голод» материален, а «Фивы»…

- Эфемерны? – оборвал Саломею на полуслове мальчик, и на лице его появилась широкая улыбка. – Сразу вижу в тебе коренного жителя Размерности. Мне родители все уши прожужжали, когда покупали ключ игрока в игровой проект Подпространства.

- Не вижу, что тут смешного.

- Смешное в том, что когда ты попадаешь в игру и задерживаешься дольше, чем на пару дней, то значения уже нет, откуда ты: из Размерности или из Квазара. Сознание начинает адаптироваться, принимая единственно доступную реальность.

- Ты сам до этого додумался, или услышал где-то?

- Услышал, но мог бы додуматься и сам. По-моему, это просто. Старик Латуш вообще считает, что развитие и понимание основ игрового проекта заложено разработчиками в точку сборки.

- Так это старик Латуш обучает тебя мудрости?

- Иногда, - пожал плечами мальчик.

- И он помогает тебе раскрывать тайны?

- Иногда.

Саломея подумала, что встреча с молодым стражником могла оказаться не случайной. Что если это часть квеста? Что если для поисков Афны нужно встретиться с игроком по имени Латуш? (Или с персонажем?) Кто знает, что здесь реально, а что нет? Как отличить имитацию от настоящего игрока?

- Как ты думаешь, старик Латуш может помочь мне разгадать загадку? – осторожно спросила Саломея молодого стражника.

- Смотря кто будет просить о помощи, - улыбнулся мальчик.

- То есть тебя мне в любом случае придется взять с собой? – догадалась Саломея.

Молодой стражник не смог скрыть хитрой улыбки.

- А как насчет твоего друга? – кивнула Саломея в сторону напарника мальчишки.

- А что не так с моим другом?

- По-моему, он имитация. Как ты думаешь, ничего страшного, что мы будем таскать с собой имитацию, разгадывая квесты?

- Почему ты решила, что он Имитация?

- Посмотри сколько времени твой друг стоит рядом с нами и не вмешивается в разговор.

- Может быть, ему просто скучно и он активировал возможность пропуска ненужных сюжетных линий? Знаешь, последнее время я замечаю, что настоящие игроки не особенно заботятся о том, чтобы отличаться от имитаций, когда последние

из кожи вон лезут, чтобы выглядеть, как настоящий игрок. Плюс вечерами имитации могут подвисать. Они обычно словоохотливы, но когда основные адаптивные алгоритмы перегружены, то имитации в основном молчат. Старик Латуш разработал несложную систему вопросов, которые могут спровоцировать у имитации зависание. Самое забавное, что они начинают притворяться, что не слышат или заняты чем-то другим…

- Я замечала за подругой нечто подобное, - растерянно сказала Саломея, вспоминая девушку, которая помогла ей попасть в театральную труппу Торсия.

- Старик Латуш говорит, что Внутренний Город можно поделить на зоны: в одних имитаций подавляющее большинство, в других почти нет.

- Думаешь, моя подруга тоже Имитация?

- Думаю, что раз это твоя подруга, то тебе и решать.

- Я доверяла ей, как настоящему игроку.

- Старик Латуш говорил, что последнее время имитации используются даже в роли местных ангелов и демонов… - мальчик увидел, как вздрогнула новая знакомая. - Это персонажи, которые советуют другим игрокам, как поступать и что делать…

- Я знаю, кто такие ангелы и демоны Новых Фив, - сказала Саломея. – Просто дело в том, что…

- Один из них находится рядом с тобой? – помог мальчик.

Саломея осторожно кивнула. Я думала, что это мой друг, но если учесть, что Криста, которой я доверяла, как напарнику – это, судя по всему, имитация, то…

- Уау! – только и сказал молодой стражник, обходя вокруг новой знакомой.

- Ты никогда не встречал игроков с ангелом или демоном за плечом? – растерялась Саломея.

- Встречал конечно, просто… Знаешь, на игру можно влиять извне: небольшие выплаты, чтобы замолвить словечко за игрока. Обычно просьбы о помощи оставляют на имя игрового божества Ндора. Говорят, существуют целые кланы фанатов в КвазаРазмерности, готовые сбрасываться, чтобы посодействовать в продвижении игрока.

- Один мой знакомый говорил, что лучше обращаться к Люцию – больше шансов на успех, - сказала Саломея, увидела, как мальчик кивнул, и догадалась, что родители заботятся о нем, оплачивая покровительство одного из местных богов.

- Они хотели, чтобы я нашел друга, который сможет присматривать за мной, - сказал молодой стражник.

- Я думала, за тобой присматривает старик Латуш.

- Старик Латуш ни за кем не присматривает. Это за ним

скорее нужно присматривать… - мальчик пытливо вглядывался новой знакомой в глаза.

- О! – опешила Саломея. – Так ты думаешь, что Ндора послал меня, заботиться о тебе? – она тщетно попыталась рассмеяться. – Нет. У меня своих хлопот полным-полно! Да и причем тут я?! Мой персонаж – актриса. Что общество у слуг искусства и стражников?

- Ты сама сказала, что развить персонаж и попасть во дворец Эдипа тебе помогли имитации.

- Я сказала, что не отрицаю такую возможность. Это не одно и то же.

- Но ты искала игроков, которые помогут тебе разгадать полученный квест, а я один из них.

- Ты всего лишь промежуточное звено, которое знает нужного мне игрока. К тому же нет гарантии, что старик Латуш сможет разгадать тайну Афны.

- Латуш не сможет, - улыбнулся мальчик. – Старик – светоч, маяк. Он лишь указывает путь, продираться сквозь тернии нужно самим игрокам. И чем серьезнее тайна, тем больше опасностей ждет игрока в пути.

- Дай догадаюсь, - снисходительно поджала губы, скрывая улыбку, Саломея. – Ты думаешь, что сможешь защитить меня от монстров и других игроков, которые решат составить мне конкуренцию по дороге к раскрытию тайны?

Вместо ответа молодой стражник обнажил пару острых кинжалов и ловко рассек десяток горящих факелов, которые, заполнив каменный коридор едким дымом, тут же восстановились, засияв с прежней силой.

- У меня очень дорогой персонаж, с грамотно построенной точкой сборки, - сказал мальчик, увидел, что напарник активировал свой игровой персонаж, реагируя на обнаженное в дворцовых стенах оружие, и спешно убрал кинжалы в ножны.

- Что ты делаешь? – спросил напарник.

- Ничего интересного для тебя, - отмахнулся мальчик. – До конца смены еще несколько часов, так что можешь снова отключиться.

Напарник кивнул. Саломея дождалась, когда персонаж стражника снова примет безучастное выражение.

- Давай сделаем так, - предложила она молодому стражнику. – Сначала мы доберемся до старика, послушаем, что он скажет, а потом решим, что предпримем дальше.

- Ничего не выйдет, - качнул головой мальчик. – Либо мы заключаем договор и играем вместе, либо ищи старика сама.

- Думаешь, я не смогу это сделать?

- Думаю, что пробраться в царские темницы без помощи

стражника будет очень сложно.

- Латуш пленник?

- А как, по-твоему, я познакомился с ним? Его держат глубо-глубоко под землей. В самой надежной камере, которую можно построить в игре.

- Так старик Латуш имитация?

- Старик Латуш – это старик Латуш. Он выше игровых правил и систем. Одни считают его системной ошибкой, другие творением акеми… Ты знаешь, кто такие акеми?

- Из-за акеми, можно сказать, я оказалась здесь. Один из них втянул моих родителей в финансовую аферу, а потом на нас повесили огромный долг и натравили адептов террористической организации «Мункара и Накира»… - Саломея запнулась, увидев, что молодой охранник улыбается.

- Все знают, что с акеми лучше не иметь никаких дел. Ты что, была настолько глупа, чтобы связаться с одним из них? – мальчик не сдержался и громко хохотнул. – А хочешь разгадать большую тайну «Фив», - и еще один противный смешок. – Не удивительно, что тебя обманули имитации. Боюсь даже представить, что случится, когда ты столкнешься с игроманами со стажем. Да они обманут тебя как ребенка! – молодой охранник покинул пост и направился к каменной лестнице, уходившей извивающейся змеей в подвалы. – Пойдем, - позвал мальчик Саломею, став вдруг серьезным. – У нас впереди долгий путь.

Глава вторая

Точка сборки игрового персонажа работала исправно, обостряя ощущения сырости и холода по мере того, как Саломея и молодой стражник по имени Джаво спускались все ниже и ниже в подвалы величественного королевского замка. От роскоши и убранств не осталось и следа. Факелы коптили. Вдоль стен по сточным канавам, вырубленным в камне, ползли казавшиеся живыми массы нечистот. Хмурые стражники-имитации меряли незваных гостей недовольными взглядами, но предпочитали молчать, воспринимая молодого стражника Джаво одним из своих, а девушку… Девушка могла быть кем угодно…

- Не верю, что все стражники здесь имитации, - прошептала Саломея, когда они миновали пару высоких крепышей с плотоядным взглядом. – Обрати внимание, как они смотрят на меня. Думаешь, имитации способны на подобные мысли?

- Это не мысли. Это восприятия, - пожал плечами Джаво. – Ты актриса в театре Торсия. А актриса – это почти танцовщица, что подразумевает подобные хищные взгляды противоположного пола. Имитации притворяются людьми, так что их поведение всегда возведено в абсолют.

- Почему же ты не смотришь на меня, как те стражники?

- Потому что у меня в точку сборки игрового персонажа внесены возрастные ограничения. Хотя сомневаюсь, что кто-то из других игроков станет так же пялиться на тебя. Как говорит старик Латуш: в жизни все относительно. А эти взгляды… В общем имитации всегда прилагают слишком много усилий, чтобы казаться настоящими игроками.

- Не забывай, что старик Латуш тоже имитация, - напомнила Саломея. – Так что, если он знает о подобных недостатках, то и адаптивные алгоритмы должны знать.

- Перестань называть его имитацией! – обиделся мальчик, игровой персонаж которого выглядел как закаленный в боях воин. – Я же говорил тебе, что Латуш особенный.

- Сомневаюсь, что создатели «Фив» допустили бы вмешательство в игровой процесс акеми, которые могли создать, по твоим словам, старика. Что касается системной ошибки – то в это верится еще меньше.

- Старик Латуш – не имитация! – надулся Джаво. – Подумай сама, если бы он был Имитацией, то зачем ему учить меня, как отличать настоящих игроков от имитаций?

- Может быть, твои родители перечислили много единиц Влияния на счет «Фив», чтобы Ндора заботился о тебе… Иначе,

как ты вообще смог познакомиться с Латушем?

- Это была случайность.

- Брось! Подобных случайностей не бывает в полностью сбалансированной и находящейся под контролем игре Подпространства. Будь это в Размерности, то я бы еще задумалась о вероятности, но не здесь.

- Квазар тоже находится в Подпространстве, и все говорят, что это самая свободная реальность из всех доступных.

- Игровая площадка «Фив» - это не Квазар. Здесь не такой размах, плюс изначально отсутствовала спонтанность во время развития. Поверь мне, в подобных проектах каждый игровой участок продуман до мелочей…

Они миновали еще один пост хищных стражников с плотоядными взглядами, на которых Саломея на этот раз не обратила внимания.

- Если это Имитации, то не значит, что они не могут причинить вред, - сказал Джаво, но Саломея сочла, что мальчик просто вредничает после недавнего спора.

- Зря ты не веришь, - пожал плечами молодой стражник. – Я здесь дольше тебя и видел много страшных вещей.

Саломея решила, что сейчас лучше всего будет молчать. Каменный коридор вывел их в темный лестничный проем, лихо нырнувший вниз.

- Мало кто спускается так глубоко, - продолжал Джаво, не обращая внимания на молчание новой знакомой. – Одних не пускают стражники, другие… В общем, о других говорят, что они редко возвращаются.

- И что они все идут к старику Латушу? – спросила Саломея не столько для того, чтобы поддержать разговор, сколько, чтобы услышать голос Джаво, потому что темнота вокруг стала абсолютной, и только так можно было продвигаться вперед.

Молодой стражник не ответил, и Саломея успела подумать, что попала в ловушку, но неожиданно в руках Джаво вспыхнул факел.

- Такое здесь иногда случается, - извинился мальчик и посвятил на край ступеней, за которыми разверзлась бездна. – Думаю, адаптивные алгоритмы специально тушат факелы, установленные на этом опасном участке. Одни смельчаки сорвутся в пропасть, заплутав в темноте, других сбросят тени…

- Тени?

- Ты слышала о Колодце Воспоминаний?

- Это где собран общий лог игры?

- Здесь это называют событиями игровых дней, - Джаво увидел одну из теней и поднял высоко над головой факел,

привлекая внимание Саломеи.

- Я ничего не вижу, - растерянно завертела она головой.

Чувства обострились, проявляя интерес ко всему таинственному, следуя программе, заложенной в точку сборки игрока. Саломея вздрогнула, чувствуя, как сквозняк окутывает тело, с которого, казалось, содрали кожу. Осязание стало на мгновение абсолютным, но именно это спасло ее от неминуемого падения, когда она едва не рухнула в бездну, наступив на скользкую ступеньку.

- Осторожней! – крикнул Латуш, протягивая року.

Саломея отказалась от помощи, потому что чувства все еще были обнажены, и она не сомневалась, что прикосновение к другому игроку вызовет боль. Тень, за которой наблюдал Джаво, подкралась ближе, сочтя историю достойной того, чтобы проявить интерес.

- Вон там еще одна тень! – оживился молодой стражник, указывая факелом на другую стену.

Желтое пламя задрожало, породив дюжину призрачных бликов, среди которых Саломея так и не смогла разглядеть живую тень.

- Я думала, во внутреннем городе практические нет монстров из Аида, - сказала она, осторожно ступая на следующую скользкую ступень.

Извилистая каменная лестница вывела на очередной этаж подземной тюрьмы, где желтый свет редких факелов робко лизал тьму, не в силах победить эту густоту. В тишине было слышно, как где-то далеко монотонно капает вода. Эффект, судя по всему, был запланированным, потому что едва Саломея прислушалась, как к ударам падающих капель прибавилось бульканье сточных вод, чьи зловонные массы неспешно ползли по выдолбленным в камне желобам вдоль стен. Саломея понимала, что в мире энергии, где построена игровая площадка «Фив», все относительно и является частью фантазии разработчиков и анализа созданных хронографами реконструкций прошлого, но протоколы, прописанные в точку сборки, заставляли воспринимать окружающую обстановку как неоспоримую реальность. Программирование было настолько тонким, что не перекрывало реальные восприятия, а осторожно, ненавязчиво подменяло их, стоило лишь на мгновение отвлечься от собственных мыслей, уделяя внимание окружающей действительности.

- Думаю, если судить по тому, как грамотно созданы эти игровые уровни, то разработчики уделяли им большое значение, - сказала Саломея, прислушиваясь к далеким нарастающим стонам

узников.

- Не думаю, что это так, - решительно возразил Джаво.

- Как же тогда?

- Старик Латуш говорит, что миром правит случай. Мне кажется, он хочет этим сказать, что за многое в игре отвечают адаптивные алгоритмы развития. Разработчики не могут уследить за всем, что происходит, взяв под контроль весь мир. Так что многое находится во власти игровых систем, запрограммированных на развитие и улучшение.

- Так ты считаешь, что старик Латуш – часть этого развития?

- А ты снова будешь все отрицать?

- Не знаю… - протянула Саломея. – У меня в КвазаРазмерности был друг, который работал над проектом «Фивы». Он ничего не говорил о подобных персонажах.

- Если мы чего-то не знаем, то это не означает, что этого нет, - многозначительно подметил мальчик.

Саломея решила не спорить, да и звуки стонов усилились, перерастая в непрерывное завывание, перетекавшее в душераздирающие вопли мучеников и мольбы о пощаде. «Жуткое место, - подумала Саломея, убеждая себя, что все эти звуки не более чем звуковые эффекты. – На самом деле никто никого не пытает. Никто никого…»

Толстяк в кожаном фартуке, вышел из ближайшей камеры, едва не столкнувшись с Саломеей. В правой руке толстяк держал щипцы с раскаленными углями. За незакрытой дверью в камеру для пыток был виден стол и прикованная жертва – полуобнаженный тощий мужчина с длинными грязными волосами и неестественно голубыми глазами, которые сверкнули, когда Саломея встретилась с жертвой взглядом.

- Твою мать! – не сдержалась она, сдобрив брань парой крепких выражений, свойственных только коренным жителям Размерности.

- Помоги мне, - произнес одними губами узник.

Почувствовав новую историю, голодные тени, стервятники Химеры из колодца воспоминаний в Аиде, проникшие на территорию закрытого города, потянулись к камере пыток, предвкушая сытную трапезу. Лысый толстяк в кожаном фартуке смерил Саломею внимательным взглядом, жадно втягивая широким носом воздух, пытаясь уловить запах потенциальной жертвы.

- Она со мной, - сказал молодой стражник.

Палач перевел взгляд на Джаво, оценивая уровень навыков игрового персонажа, дерзнувшего заговорить с ним. Мальчик выдержал тяжелый взгляд палача и положил правую руку на эфес

одного из кинжалов на поясе, давая понять, что не намерен отступать. Напряжение возросло, и Саломея снова почувствовала, как обостряется восприятие, превращая заложенные в точку сборки протоколы функционирования нервной системы в обнаженный нерв. Она даже почувствовала нестерпимый жар от раскаленных углей, зажатых в щипцах палача. Память четко нарисовала увиденные мгновения назад ожоги на груди голубоглазой жертвы в камере пыток. Собственная грудь начала зудеть, принося боль. Саломея поморщилась, чувствуя запах горелой плоти. Казалось, что кожа на груди действительно горит.

- Помоги мне, - произнесли ее губы помимо воли голосом пленника.

Живые тени, привлеченные действием, окружили странную троицу в каменном коридоре, но Саломея не заметила этих стервятников ночи. Она заставила себя отвести взгляд от раскаленных углей в щипцах палача и заглянула в глаза молодого охранника.

- Хочешь освободить узника? – понял он без слов.

Саломея кивнула. Немногочисленные факелы вздрогнули, реагируя на извлеченные клинки. Сталь призрачно блеснула, как минутой ранее блеснули голубые глаза жертвы. Тени вздыбились, боясь упустить детали поединка. Джаво сделал выпад, целясь в горло толстяку в залитом кровью кожаном фартуке, но палач увернулся от смертельного удара. Лезвие кинжала рассекло кожу на щетинистой щеке. Зажатые в щипцах угли полетели молодому стражнику в лицо. Джаво взмахнул вторым кинжалом, защищаясь. Угли рассыпались, окатив молодого стражника всполохом искр, лишая на пару секунд зрения. Палачу этого хватило, чтобы схватить щипцами противника за горло. Джаво захрипел, тщетно пытаясь дотянуться короткими кинжалами до толстяка.

Саломея видела, как под слоем жира вздулись мышцы на руках палача, заставляя противника опуститься на колени. Вены на лбу Джаво вздулись, глаза налились кровью.

- Отпусти его, это просто невинный мальчик! – закричала Саломея.

Вместо ответа толстяк попытался сдавить щипцы сильнее. Саломея подскочила к нему, нанесла несколько бесполезных ударов, которых палач даже не заметил, а когда попыталась дотянуться до его лица, чтобы выцарапать глаза, отлетела к стене, ударившись спиной о холодный камень – толстяк отмахнулся от нападавшей женщины как от назойливой мухи. Обостренное восприятие взорвалось в сознание приступом нестерпимой боли, но Саломея заставила себя подняться, сорвала со стены факел, замахнулась, не понимая, что

импровизированное оружие рассыпается на тысячи переливающихся песчинок, которые подхватывает появившийся ветер, возвращая на прежнее место в стене.

- Что за… - растерялась Саломея.

Толстяк гортанно рассмеялся, затем неожиданно захрипел, забулькал, пытаясь вытащить застрявший в груди арбалетный болт, который успел выпустить молодой стражник, воспользовавшись тем, что палач отвлекся на Саломею. Щипцы еще сжимали горло Джаво, но силы противника кончались. Оставалось продержаться лишь пару мгновений. Понимая это, палач снова сдавил щипцы, пытаясь оторвать молодому стражнику голову. Болт выскочил из груди, оставив зияющую пустотой рану, из которой мгновение спустя хлынул фонтан темной, почти черной крови. Тени зашептались, обсуждая поражение местного злодея и победу молодого стражника. Палач пошатнулся и грузно упал на спину. Факелы вспыхнули на мгновение чуть ярче, затем тьма скрыла тучное тело, которое распалось так же, как чуть ранее факел в руках Саломеи – превратился в песок, которые унес едва ощутимый порыв ветра.

- Никогда не видела, как распадаются образы погибших игровых персонажей, - призналась Саломея, помогая Джаво подняться.

- Это не всегда происходит так, как сейчас, - хрипло сказал молодой стражник, потирая поврежденное в схватке горло.

Саломея кивнула, вошла в камеру пыток, чтобы освободить пленника. Железные оковы на руках и ногах голубоглазой жертвы были крепкими для рук актрисы театра Торсия, но пальцы-тиски молодого стражника справились с браслетами без проблем.

- Воды, - попросил узник.

- Воды? – опешила Саломея, так и не успев привыкнуть за время, проведенное в игре, к необходимости питаться.

«Почему нельзя было оставить все как в КвазаРазмерности?», - гневно думала Саломея, пытаясь отыскать в камере пыток сосуд с водой, добрым словом вспоминая нейронные сети, отвечающие за все жизненно важные процессы в организме человека. «Иначе не выжить. В борьбе с Великим ледником, каждая единица энергии важна. Иначе не выжить», - думала Саломея, смутно вспоминая, что пыталась скрыться от неприятностей в экспедиции к сердцу Великого ледника.

- Но вместо того, чтобы заниматься наукой, я превратилась в чокнутого игромана, - проворчала она.

- Поищи сосуды с водой рядом с печью, - посоветовал Джаво, подумав, что новая знакомая злится из-за того, что не может решить простейшую задачу.

Саломея выдала порцию нелицеприятных проклятий, понятных лишь коренным жителям размерности, и подошла к пылающим жаром печам, где сияли раскаленные угли. Алые, нагретые до синевы, они привлекли внимание Саломеи, приковали взгляд. Казалось, пройдет еще мгновение, и руки сами потянутся к этим источникам боли.

- Воды, - снова попросил обессиленный узник.

Саломея вздрогнула, очнулась. Жар от огня подобрался к ногам, вцепился в подол платья. Ткань начала дымиться.

- Не пытайся тушить ее, залей водой, - посоветовал Джаво.

- Водой? Я думала, вода нужна узнику.

- Все взаимосвязано.

- Чертовы квесты, - проворчала Саломея, добралась до корыта с водой, зачерпнула полный ушат, вылила часть на подол платья, другую отнесла узнику. Голубоглазый хиляк выпил, оживился, смог наконец-то подняться на ноги и, покачиваясь, стоял напротив Саломеи, пристально вглядываясь ей в глаза.

- Еще воды? – растерянно спросила она, услышала, как хохотнул Джаво, и устремила на молодого охранника гневный взгляд. – Что не так?

- Думаю, мы нашли старика Латуша, - пояснил мальчик.

- Думаешь? – Саломея смерила голубоглазого узника растерянным взглядом. – Это тот самый старик Латуш?

- Надеюсь, что да.

- Надеешься? – точка сборки начала сбоить, уступая закипавшему гневу. – Как это, черт возьми: ты не знаешь?! Ты говорил, что старик Латуш твой друг. А мы обычно знаем друзей в лицо.

- Старик Латуш для каждого свой. Он то, что мы хотим увидеть.

- Думаешь, я хотела увидеть голубоглазого хиляка?

- Думаю, ты меньше всего хотела сейчас кого-то спасать.

- Так это было испытание?

- Для меня это был старик, на которого напали гигантские крысы. Для тебя – голубоглазый узник.

- Мне больше нравилась идея увидеть мудреца в старике, чем в тощем пленнике, - призналась Саломея, увидела, как спутанные волосы узника посеребрила седина, и в очередной раз грязно выругалась.

Постаревший голубоглазый узник, доверчиво улыбаясь, смотрел на спасительницу.

- Черт! – шумно выдохнула Саломея. – Ну и как это работает?! Я спасла его. Значит, можно задать пару вопросов, и он ответит? Или нужно выполнять еще какие-то задания?

- Я же говорил тебе, что старик Латуш – не имитация. Его поведение невозможно предсказать. Иногда он мудрец. Иногда безумец. Когда мы только познакомились, то он завел меня в заброшенную часть подземелий, где мне пришлось сразиться с великаном-дикарем, победив которого, я получил арбалет. Тогда я не понимал, зачем мне арбалет. А сегодня арбалет спас мне жизнь. Без него палач оторвал бы мне голову, и я покинул бы игровую площадку. Так что старик Латуш – может быть кем угодно, но в итоге, как мне кажется, он не может навредить игроку.

- Я бы не хотела ни с кем сражаться, - сказала Саломея молодому стражнику. – Меня устроит вопрос-ответ, - она повернулась к старику Латушу. – Скажи, как мне найти Афну?

Голубоглазый узник с ниспадающими на узкие плечи седыми волосами продолжал улыбаться.

- Что я делаю не так? – спросила Саломея молодого стражника.

- Для каждого свои правила, - пожал плечами Джаво. – Я, например, просто начинаю рассказывать ему историю своей жизни, а он делает замечания и дает редкие советы.

- Один из которых привел тебя в пещеру к великану-дикарю? – скривилась Саломея.

- Не забывай, что если бы я не победил дикаря, получив его арбалет, то не смог бы сегодня выжить в схватке с палачом, - напомнил Джаво.

- А говорил, что не нужно выполнять задания, - Саломея сдержалась, чтобы не выругаться в очередной раз. – И как мне заставить работать эту штуку? Рассказать историю своей жизни?

- Может быть, начнешь с того, что перестанешь относиться к нему, как к примитивной Имитации?

- Хорошо. Это не примитивная имитация.

- Я имел в виду, чтобы ты перестала вообще воспринимать старика Латышам, как имитацию.

- Да знаю я, что ты имел в виду… - Саломея оборвалась на полуслове, растерянно уставившись на освобожденного пленника, который, сильно хромая на левую, изуродованную палачом ногу, ковылял к выходу из камеры пыток. – Что теперь?!

- Думаю, нужно идти за ним, - сказал Джаво.

Саломея выругалась, покинула камеру пыток. Восприятия пространства, заложенные в точку сборки и протоколы передвижения в подпространстве, изменились. Старик Латуш шел впереди, едва переставляя ноги, но чтобы не отстать от него, нужно было бежать.

- Куда он ведет меня? – спросила Саломея, когда они

покинули освещенный факелами коридор и снова начали спускаться по винтовой лестнице.

- Не тебя, а нас, - поправил Джаво новую знакомую.

- Хорошо, куда он ведет нас? – решила не спорить Саломея.

Любопытные тени густым шлейфом тянулись за ними, перетекая по сырым ступеням, срывались в бездну и возвращались к преследованию, поднимаясь по стенам. Если бы не факел в руках старика Латуша, который он взял со стены перед тем, как ступить на винтовую лестницу, то тьму можно было считать абсолютной. Саломея и Джаво тоже пытались взять факелы, но те рассыпались у них в руках, превращаясь в прах.

- Чертовы игрушки, - ворчала Саломея.

Вопрос, заданный молодому стражнику, о том, куда их ведет старик Латуш, остался без ответа. Вместо этого Джаво обнажил клинки, услышав призрачный скрежет когтей, будто кто-то крадется по стенам, почуяв пищу. Даже тени и те предпочли держаться лестницы и желтого света, ореолом окружавшего факел, высоко поднятый в руке старика Латуша.

- Только не смей говорить, что именно здесь ты встретил великана, - шепотом сказала Саломея молодому стражнику.

- Не здесь, - признался он. – На несколько пролетов выше. Так глубоко я еще никогда не спускался.

- «Фивы» построены в Подпространстве, а в мире энергии нет понятий глубины, - сказала Саломея, однако легче от этого не стало.

Заложенные в точку сборки игрового персонажа восприятия исправно обостряли инстинкты. Страх усиливался с каждым шагом. Преследовавший непрошеных гостей монстр двигался слишком быстро, чтобы можно было успеть разглядеть его. Острые когти рассекали воздух. Иногда жалобно стонали зазевавшиеся тени, которых разрывал притаившийся в темноте хищник. На игроков он пока не нападал, но это было вопросом времени. Еще пара пролетов и…

- Думаю, будет лучше, если ты возьмешь мой арбалет, - сказал Джаво, окончательно уверившись в том, что в конце спуска их ждет важная схватка.

- Я актриса театра Торсия, - скривилась Саломея. – Кажется, в комнате личных достижений говорится, что при необходимости могу стать танцовщицей. Но не воином. Помнишь, что было, когда я пыталась защитить тебя, взяв факел?

- Арбалет – это другое. К тому же когда начнется схватка, никто не спросит тебя об игровых навыках. Так что бери арбалет и готовься к бою, если не собираешься затанцевать врагов до смерти.

Немногочисленные тени, которым удалось уцелеть по дороге, охраняемой монстром, зашептались, отмечая новое событие игрового дня. Арбалет сверкнул в руках Саломеи, позволив разглядеть преследовавшую их тварь: ничего выдающегося и сверхъестественного. Скорее наоборот – настолько простое, что просыпались забытые инстинкты, доставшиеся от предков. Крупный и крепкий, монстр был покрыт густой черной шерстью, а его клыки и когти поблескивали в полумраке. В налитых кровью глазах не было ничего, кроме смерти. Саломея понимала, что все это ход разработчиков игры, но не могла противиться основным протоколам. Дыхание перехватило, мысли спутались, крик застрял в горле… Вскинув арбалет, Саломея прицелилась и нажала на спуск. Оружие снова сверкнуло и превратилось в прах. В сгустившейся темноте лязгнули клыки монстра.

- Я же говорила, что актриса, а не воин, - отчитала Саломея молодого стражника.

- Зато разглядели монстра, - попытался найти положительную сторону в происшествии Джаво.

- И что это меняет?

- Монстром могла быть вся скважина, а так мы знаем, что у него нормальные размеры. Значит, с ним можно сражаться.

- Прости, но после схватки с палачом, я не особенно верю в твои силы, - Саломея не могла видеть в темноте лицо Джаво, но, судя по тому, что он не ответил, слова попали в цель, обидев молодого игрока.

Где-то в темноте снова скрипнули о камень когти монстра, который, устав ждать, предпринял первую попытку атаки. Выбравшись на лестницу за спиной непрошеных гостей, он бросился на добычу, сметая в бездну попадавшиеся на дороги тени.

- Если со мной что-то случится, продолжай идти за стариком Латушем, - сказал молодой стражник Саломее. – Это просто игра, так что монстр, расправившись с одним врагом, обязательно возьмет паузу, - голос мальчика дрогнул, но Саломея притворилась, что не услышала этого.

Монстр зарычал и приготовился к прыжку. Но целью был не молодой стражник.

- Пригнись! – крикнул Джаво, решив, что монстр собирается атаковать Саломею.

Гибкое тело танцовщицы могло среагировать мгновенно, но в том не было необходимости – целью монстра был старик Латуш. Зверь ударил тщедушное тело, сбив с ног. Факел подлетел, закрутился в воздухе и застыл, упав на скользкие каменные ступени спускавшейся в бездну лестницы. Старик Латуш не

произнес ни слова. Упавший факел вспыхнул напоследок, позволяя увидеть детали кровавой трапезы монстра. Возрастной лимит точки сборки молодого стражника не позволял видеть большую часть происходящего, но ему хватило услышать проклятия Саломеи, чтобы понять, что это зрелище не для его глаз. Для Джаво кровь, вырванные внутренности и плоть, застрявшая в зубах монстра, были скрыты. Он видел только, как судорожно дергаются тощие ноги старика Латуша да широкую спину монстра. Иногда зверь оборачивался, и тогда Джаво видел налитые кровью глаза монстра. Зверь тихо рычал, продолжая трапезу, заставляя чужаков держаться на расстоянии, а когда добрался до сердца старика Латуша, неожиданно завыл. Вой эхом разнесся по каменным тоннелям, и вернулся ответным рыком.

- Что это было, черт возьми? – насторожилась Саломея.

- Может быть, сородичи монстра? – предположил Джаво.

Зверь затряс головой, отделяя плоть жертвы от костного скелета. Нанесенные острыми когтями разрезы были точными. Мясо с хлюпаньем отделилось от костей, которые с глухим стуком упали на каменные ступени.

- Да это его детеныши! – гневно прошептала Саломея, увидев крошечных монстров, ожидавших, когда родитель принесет пищу. – И после этого создатели «Фив» еще обвиняют руководителей «Голода» в жестокости?!

Зверь зарычал, взмахнул лапой, вспарывая когтями воздух, крепче ухватил зубами освежеванную плоть и прыгнул к детенышам. Пламя факела, лежавшего на ступенях, задрожало, вспыхнуло напоследок и погасло. В абсолютной темноте светились только глаза монстров, да раздавалось жадное чавканье.

- Вот тебе и старик Латуш… - прошептала Саломея.

- Не переживай за Латуша, - сказал Джаво. – Я видел несколько раз, как он погибает, так что, думаю, этот не станет последним.

- Да я и не переживаю, просто не пойму, куда нам теперь идти?

Вместо ответа один из монстров подавился, зашелся лающим кашлем и отхаркнул вставший поперек горла кусок, который со звоном упал на холодные каменные ступени и покатился вниз, к ногам Саломеи и молодого стражника, источая призрачное рубиновое сияние.

- Думаю, это твоя награда за спасение старика Латуша, как арбалет, который я получил, когда познакомился с ним, - сказал Джаво.

Рубиновый камень нетерпеливо сверкнул чуть ярче, а когда

Саломея подняла его, засиял, прогоняя абсолютную ночь. Увлеченные трапезой монстры недовольно зарычали, давая понять, что идти можно только вперед.

Глава третья

Спуск закончился усеянным человеческими костями каменистым дном, в дальней части которого виднелся призрачный желтый свет. Извилистая лестница за спиной скрылась во мраке. Где-то там остался и грозный рык преследовавших чужаков монстров. Заметить перестроение игровой площадки было невозможно, но Саломея могла поклясться, что почувствовала, как изменились протоколы восприятия, заложенные в точку сборки персонажа. Страх уступил место любопытству и волнению.

- Думаешь, старик Латуш вел нас именно туда? – спросила Саломея молодого стражника.

- Давай, посмотрим, - Джаво неловко улыбнулся. – К тому же, кажется, это единственный путь.

Сияние полученного в награду драгоценного камня, который Саломея держала в руке, начало тускнеть, заставляя игроков двигаться к единственно доступному источнику света. Человеческие кости под ногами сменились былым камнем, формировавшим узкую, идеально ровную дорогу. К затхлой духоте подземелий добавились запах горящего воска и благоухания ладана. Дрожащие языки пламени сотен свечей внутри созданного в скалах храма, рождали десятки вытянутых теней, бродивших внутри служителей храма Иакха. Последняя информация пришла в голову Саломеи и молодого стражника спонтанно, будучи заложенной в точку сборки.

- А еще они – последователи культа тушителей свечей, - шепотом добавил Джаво, озвучивая получаемую информацию.

- Да знаю я! – отмахнулась Саломея, стараясь блокировать заполнявшие сознание чужеродные знания. – Как думаешь, весь этот информационный хлам, становящийся доступным, когда мы открываем новые игровые уровни, загружен в точку сборки изначально или добавляется каждую ночь во время перезагрузки основных систем по мере необходимости?

- Думаю, был заложен изначально. Иначе выходит, что адаптивные алгоритмы контролируют процесс игры, а у игроков нет право выбора… - молодой стражник вспомнил старика Латуша, который привел их к храму древнего бога на дне усыпанного костями спуска… - Что говорил об этом твой друг Арк-Ми, который работал в «Фивах»?

- Почувствовал себя марионеткой? – Саломея криво

улыбнулась, не сводя глаз с далеких силуэтов монахов в длинных рясах.

Сгорбленные и кроткие, с убранными под капюшоны седыми волосами служительницы храма бродили между казавшимися бесконечными рядами свечей, заменяя прогоревшие на новые. Монотонная процедура была превращена в ритуал.

- Кажется основные протоколы ТС не воспринимают это место, как потенциально опасное, - подметил Джаво, не чувствуя запрограммированной тревоги или страха.

- Хватит с нас опасности за сегодня, - сказала Саломея, вспоминая встречу с монстрами на лестнице и смерть старика Латуша. – Надеюсь, новых приключений до ночной перезагрузки системы не будет.

- А я готов к бою! – сказал молодой охранник, демонстративно обнажив пару клинков.

- Спрячь оружие, или ты собрался сражаться с монашками?

- Думаешь, они могут обернуться монстрами? – оживился мальчик. – Интересно, какие трофеи мне дадут, если я смогу одолеть их? Может быть, двуручный меч? Или новые доспехи? Хотя, родители оплатили мне качественную броню… - молодой стражник помрачнел. – Я хотел стать воином, а они обманули меня и купили игровой ключ стражника. Здесь нет приключений. Только скука. Если бы не встреча со стариком Латушем, то я до сих пор караулил камеры с имитациями.

- Ты говоришь о поединке с великаном, когда получил за победу арбалет, или о сегодняшнем спуске?

- Я говорю обо всем… Хотя сегодняшний игровой день был классным… - Джаво смерил Саломею настороженным взглядом. – Или ты думаешь, что это было только твое приключение?

- Я вообще не отношусь к происходящему, как к забавному приключению, - устало сказала Саломея. – Не забывай, ты – ребенок, а я… - она вспомнила, что мальчик нейропат, и возвращение в Размерность послужит катализатором его способностей, так что, выходит, он так же застрял здесь, как и она.

Служительницы храма Иакха затушили несколько огарков свечей у входа, заменив новыми, и стали неспешно удаляться, дав Саломеи возможность сменить тему разговора.

- Давай догоним жриц и расспросим о храме, - поторопила она мальчика. – Может быть, тогда станет ясно, зачем адаптивные алгоритмы привели нас сюда?

Не дожидаясь ответа, Саломея взяла молодого стражника за руку, заставив убрать кинжалы, и потянула к храму. Запах воска усилился. Тьма расступилась, съедаемая желтым светом. Живые

тени, голодные стервятники, жадные до чужий историй, не посмели войти в храм, оставшись в спасительном мраке.

- Подождите! – крикнула Саломея служительницам храма, осторожно продвигаясь между рядами свечей, языки которых так и норовили облизать подол ее пышного платья.

Имитации проигнорировали просьбу. Вместо этого начали перемещаться невидимые глазу платформы, из которых состоял пол, угрожая сжечь непрошеных гостей, если те не покинут храм. Старые служительницы продолжали уходить вглубь храма, но восприятие пространства изменилось, и казалось, что можно догнать жриц в любой момент, нужно лишь миновать калейдоскоп перемещающихся плит.

- А что если затушить свечи? – оживился молодой стражник, выхватил кинжал и попытался рассечь ближайшую свечу.

Сталь и желтый язык пламени встретились. Клинок вспыхнул, раскалился докрасна, обжигая Джаво ладонь, и неожиданно рассыпался, превратившись в прах.

- Ого! – растерялся мальчик, неуверенно начиная обнажать второй клинок.

- Подожди, - остановила его Саломея, подалась вперед и осторожно попыталась задуть пару свечей, но едва ее дыхание достигло желтых языков пламени, как они тут же вспыхнули ярче.

Саломея почувствовала, как лицо обдало нестерпимым жаром. Запахло палеными волосами. Игровые алгоритмы, заложенные в точку сборки, активировали в сознание понимание, что еще одна подобная попытка будет стоить Саломеи кожи. Сначала вспыхнет дорогое платье, благодаря которому она попала в театр Торсия, затем начнет гореть плоть… Видения были настолько яркими, что Саломея оторопело замерла, заставляя себя не бежать прочь.

- Думаю, здесь есть определенная система, - услышала она далекий голос Джаво. – Эти платформы двигаются упорядоченно. Нужно лишь вычислить траекторию, и тогда мы сможем проскочить.

Саломея заставила себя сосредоточиться на решении новой проблемы. Жуткие видения растаяли. Появились азарт, волнение, желание разгадать тайну движения платформ быстрее молодого стражника.

- Ты тоже это чувствуешь? – спросила она.

- Что чувствую? – растерялся Джаво, нервно кусая губы, увлеченный соперничеством.

- Адреналин. Адаптивные алгоритмы не посягают на наше сознание, но направляют и контролируют посредством подмены восприятия.

Саломея вспомнила бесконечные споры, когда ученый по имени Пай-Мик смог впервые взломать базовые протоколы восприятия ТС. Иерархия роптала на адептов террористической организации «Мункара и Накира», которые начнут использовать подмену протоколов восприятия, чтобы скрыть личность в Квазаре. Социологи вспомнили древние учения о божественном происхождении сознания, начав рассуждать о корректности вмешательства в то, что создано высшим проведением. Дом жизни. Плитка многоуровневости бытия…

Саломея не помнила, какие идеи и науки восстали после открытия Прай-Ми из пепла небытия, а какие родились заново, но взлом базисов восприятия ТС наделал много шума. Но все закончилось появлением в мире Подпространства игровых площадок, из которых «Фивы» обрели мощь и армию постоянных поклонников. Разработчики обещали незабываемые впечатления и новый игровой образ, тесно связанный с персональной точкой сборки игрока. Но о подмене восприятий, как правило, умалчивалось. «Интересно, знают ли клирики о том, что взлом базисных протоколов ТС зашел так далеко?» - подумала Саломея, невольно сравнивая «Фивы» с местом прошлой работы.

- В «Голоде» подобного не было, - сказала она молодому стражнику, увлеченному расчетом траектории площадок со свечами. – Там никто не лезет тебе в голову, заставляя чувствовать то, чего на самом деле нет.

- Хочешь сказать, что если бы ты оказалась в подобной ситуации в реальной жизни, то твои чувства были бы другими?

- Сомневаюсь, что подобная ситуация возможна в Размерности.

- Реальность не ограничивается Размерностью. В Квазаре происходит много интересного… - мальчик широко улыбнулся. – Кажется, я знаю, как мы сможем пройти здесь.

- Кажется или знаешь?

- Не цепляйся к словам, - отмахнулся он, сбивчиво пытаясь объяснить систему передвижения сотен крошечных площадок со свечами.

- Ну не знаю… - засомневалась Саломея, до боли в глазах вглядываясь в ставшие вдруг ослепительно яркими сотни свечей на перемещающихся платформах. – Мне кажется, что в их движение нет логики. Не вижу ничего из того, о чем ты говоришь.

- Не ищи логику, просто поверь, что она есть, - посоветовал Джаво. – Иначе адаптивные алгоритмы вцепятся в твои сомнения, подменяя базисы восприятия – типичная ошибка новичка. На второй-третий месяц пребывания в игре появляется опыт и… - мальчик понизил голос. – Один знакомый мне вор, которого я

спас от ареста в обмен на ключ от центральных ворот царского дворца, говорил, что научился подменять восприятие своей игровой ТС настолько, что способен проходить сквозь стены.

- Если он мог проходить сквозь стены, почему тогда боялся ареста? – скептически спросила Саломея.

- Думаешь, ключ, который он мне дал, тоже фальшивка? – помрачнел молодой стражник.

- Думаю, настоящие игроки более лживые, чем имитации, - сказала Саломея, наконец-то начиная видеть цикличность в сложном движении платформ. – И как я не заметила этого раньше?!

Система перемещений была простой до неприличия, но стоило отвернуться потерять ритм, и все снова расплывалось, становилось хаотичным.

- Ничего сложного, - скривилась Саломея, начиная продвигаться вперед, маневрируя между парящими платформами со свечами.

Джаво шел рядом. Первая треть пути не вызвала затруднений, но затем Саломея краем глаза заметила, что жрицы культа тушителей свечей начинают удаляться, и нужно торопиться, чтобы догнать их, получив информацию о том, что делать дальше. Подобные мысли отвлекли Саломею от парящих платформ, движение которых тут же утратило стройность. Огненное кольцо замкнулось и начало сжиматься. Свечи вспыхнули ярче, заметив чужаков. Чувства обострились. Саломея испугалась, почти запаниковала, затем заставила себя признать, что все это уловки адаптивных алгоритмов, чтобы сделать игровой процесс интереснее и динамичней. «Нужно просто сосредоточиться», - сказала себе Саломея, пытаясь не думать о том, что жрицы могут уйти. Огненное кольцо вздрогнуло и начало распадаться.

- А ты быстро учишься, - похвалил молодой стражник, когда парящие в воздухе платформы со свечами остались за спиной. – Из тебя может получиться хороший игроман.

- Не знаю, как для тебя, а для меня, подобное сравнение скорее не похвала, а оскорбление, - сказала Саломея, тщетно пытаясь отыскать взглядом растаявших в полумраке служительниц храма. Свет оставшихся за спиной свечей не проникал дальше отведенного им периметра, словно внутреннее пространство храма было разделено невидимыми стенами.

- Попробуй воспользоваться кристаллом, который получила за спасение старика Латуша, - посоветовал молодой стражник, но пользы это не принесло.

- Придется идти наугад, - решила Саломея, убирая кристалл

обратно в карман платья, где могли поместиться сотни подобных трофеев, преобразованные основными протоколами площадки в соответствии с игровыми базисами.

Сделав десяток шагов в полумрак, Саломея заметила, что начинает различать скрытые прежде детали: сводчатые потолки, алтари, усеянные потухшими свечами… То ли протоколы восприятия решили создать эффект, что глаза привыкли к темноте, то ли… Саломея увидела собственную тень, вытянувшуюся далеко вперед, во мрак и резко обернулась, поняв, что источник света находится за спиной. Обернулся и Джаво, ловко обнажив уцелевший клинок, готовый отражать атаку. Но атаки не было. Их преследовала одна из усеянных свечами площадок, которая еще недавно угрожала сжечь игровых персонажей.

- Думаю, это тоже трофей. Как кристалл, - сказал Джаво.

- Боюсь, в кармане у меня такая штука не поместится, - неловко пошутила Саломея, потому что молодой стражник тут же оживился и начал рассказывать, как один его знакомый смог архивировать подобным образом боевого коня.

- Я просто хотела поднять нам настроение шуткой, - устало пояснила Саломея. – Наверное, ты слишком долго играешь и отвык воспринимать реальность Размерности, адаптировавшись к правилам и законам «Фив».

- Ты скоро станешь такой же, - сказал молодой стражник.

- Сомневаюсь.

- Значит, вылетишь из игры.

Они переглянулись, и мальчик примирительно улыбнулся, желая показать, что он тут ни при чем – просто таковы правила игры. Площадка со свечами парила в воздухе за спиной, ожидая, когда игроки продолжат движение.

- Кажется, я что-то слышу, - сказал Джаво, указывая вдаль темного коридора с низким сводчатым потолком.

- Думаю, тебе показалось, потому что я ничего… - Саломея не закончила фразу, отчетливо разобрав далекие песнопения.

Жрицы храма Иакха монотонно возносили молитву своему богу. Слова были непонятны, но информация, поступавшая в точку сборки игровых персонажей, позволяла представить историю Иакха – взлеты и падения мира, который никогда не существовал в реальности.

- Нам обязательно тратить на это время? – спросила Саломея.

Джаво пожал плечами. Возрастные ограничения восприятия скрывали от него сотни пикантных деталей, доступных Саломеи. Ужас одной из игровых легенд звал ее, манил, демонстрируя отвратительные картины далекого прошлого, где люди больше

напоминали зверей, нежели разумных существ. Сначала это были едва различимые блики, силуэты, тени, сдобренные пониманием того, что нужно продвигаться вперед, к центру этой истории, чтобы получить ответы.

- Кажется, это задание только для тебя, - услышала она голос Джаво. – Возрастные ограничения блокируют для меня возможность продвижения.

- А если я не хочу идти? – с пренебрежением спросила Саломея, боясь даже представить, что еще придется увидеть, если начать продвижение к окруженному седовласыми жрицами алтарю забытого бога. – Я, конечно, не из брезгливых, но сейчас разработчики, кажется, перегнули палку в своей больной извращенности.

- Ну раз так, то мы всегда можем попробовать вернуться, - пожал плечами молодой стражник. – Только это ведь игра. Здесь нужно двигаться вперед, иначе какой смысл вообще играть?

- Думаешь, дойдя до алтаря, я узнаю, где найти женщину, на поиски которой меня отправила богиня из храма Сфинкс?

- Игровой процесс сложный и запутанный. Мы оказались здесь, потому что ты хотела, чтобы старик Латуш помог тебе. Так что этот квест принадлежит тебе.

- Это значит, что возле алтаря мне откроется понимание, где найти Афну?

- Может быть так, а может быть, это задание станет частью пазла на пути к ответу.

- Всегда ненавидела игры, - процедила сквозь зубы Саломея, делая шаг вперед.

Свечи на парящей за спиной площадке вспыхнули, облизав желтыми языками пламени стены. Огонь за мгновение охватил сводчатые потолки и устремился к алтарю. Но вместо того, чтобы сжечь призрачные картины, он придал им сил, вдохнув жизнь. Блеклые силуэты вспыхнули россыпью цветов. Игровые протоколы точки сборки отреагировали мгновенно, обострив восприятия. Картины на стенах распустились, проникая в сознание видениями далекого прошлого, которое, согласно игровому сюжету, имело место быть.

Саломея увидела высокие горы на пиках которых бушевали вулканы. Серые пепел скрывал солнце, а по склонам гор вместо магмы текли реки крови. Это были времена, когда человечество только зарождалось – дикое, жестокое, похожее на своих первородных богов. Саломея видела десятки войн: крошечных и безбрежных, захватывающих целые материки огнем безумия.

Смерть не знала пресыщения. Плач, крики и смех победителей сливались воедино, формируя песню жизни. Все

было хрупким, относительным, но в то же время нерушимым и ясным. Милость и кара. Боль и страдания, превращенные в желанные мгновения сладострастия. Смерть и безумие. Хаос, в котором рождался порядок, и порядок, где вновь зарождался хаос хаоса. Плоть. Мясо. Зубы. Страх и отчаяние, внутри которых зарождается свет и надежда, разгоняющая мрак.

Для Саломеи этим светом стал окруженный жрицами алтарь в храме – маяк, к которому она продвигалась подобно человечеству на пути от рассвета к зениту цивилизации. Последние мысли принадлежали программам, установленным в ТС Саломеи, но легче от этого не становилось. Восприятия, как и собственная личность, были готовы развалиться на части. Игровые протоколы деградировали, превращая игрока в животное. Больше всего хотелось встать на четвереньки и завыть, но где-то подсознательно жужжало назойливой мухой понимание, что сдаться уже нельзя: ты либо соберешь силы в кулак и доберешься до алтаря, либо вылетишь из игры.

«Ну уж нет! – разозлилась Саломея. – Только не так. Не в окружении глупых образов, рожденных больным воображением разработчиков, насмотревшихся древних реконструкций хронографов». Она попыталась представить, как один из братьев, по вине которых ей пришлось играть, будучи в прошлом одним из разработчиков «Фив», создает каркас храма Иакха, образы старых жриц, основные схемы взаимодействия с игроком…

- Иакх! – прошелестели жрицы полушепотом-полустоном.

Сняв капюшоны имитации, словно почувствовав свою уязвимость, впервые посмотрели на игрока. У старух не было зрачков – за веками извивались желтые языки пламени свечей.

- Мне не нужен ваш бог. Мне нужна Афна, - попыталась торговаться Саломея, решив поверить Джаво, что они оказались здесь не случайно.

- Афна? – прошелестели имитации, и пламя свечей в их глазах вспыхнуло ярче, облизнув своды желтыми языками, подарив новые видения и образы.

Адаптивные схемы восприятия перенастроились на прием новой информации. Саломея увидела, как рождается древний бог храма, в который она осмелилась войти. Пламя на стенах и потолке создало детали жизни культа Сабазия – извращенного богохульника, который вместе с падшей жрицей Кибелой и ее верными нимфами устраивал дикие ночные мистерии. Саломея не хотела смотреть на бесчинства, но что-то не позволяло ей отвести взгляд, пока она не видела среди нимф Афну – почти божественное создание в эпицентре разверзшегося земного ада. Разве может она отказаться от того, чтобы следовать за хозяйкой?

Саломея почувствовала, как в игровые программы начинают загружать в системы восприятия сопереживание.

«Чертовы пазлы! – подумала она, вспоминая предоставленные минувшей ночью в комнате личных достижений сведения на Афну, где ни слова не говорилось о том, что она нимфа. – Сколько еще нужно разгадать глупых тайн, чтобы избавиться от поручения?»

Огненные картины, проникая в сознание, показали рождение Иакха – ребенок древних богов, подаренный Сабазию в благодарность за преданность бесчинствам и непокорность новым богам. Афна полюбила младенца с рождения. Саломея видела, как нимфа воркует возле непризнанного бога, которого Сабазий с рвением безумца пытался приобщить к своему культу, чтобы спасти от наследственной жестокости старых богов. Почившие родители маленького бога не знали пощады. Но в объятиях Кибелы и Сабазия окруженный заботой и покрытый поцелуями Иакх сохранял в себе силы бороться с тем, что уготовила ему природа. Порок исцелял лучше убеждений.

Но новые боги, пришедшие к власти, несли новые верования, побуждая Иакха покинуть объятия прекрасных нимф, создав собственный культ и объединив последователей, чтобы заслужить право встать на одну ступень с существующими богами.

Он не вернулся к Сабазию. Вместо него пришли слухи о его деяниях, ужаснув приемных родителей – чудовищное сочетание науки похоти, привитой с детства, и жестокости, которая текла в его крови с рождения. Порок и страдания. Вожделение и боль. Саломея видела, как обезумевшие женщины, которых он собирал возле себя, убивали в экстазе мужей, а мужья, склонив колени перед молодым богом, убивали жен.

Истории и знания множились, продолжая заполнять сознание, и среди россыпи образов Саломея четко увидела Сабазия и Кибелу, которые отправляют Афну найти их приемного сына и положить конец его безумию.

- Почему я? – спросила Афна

- Потому что ты любишь его. Потому что он любит тебя. Ты нужна ему, так же, как он нужен тебе.

Долгие странствия Афны пронеслись перед глазами Саломеи в одно мгновение. Вместе с Афной молодой бог возвел новый город, который был так же красив, как и бывшая нимфа. Информация стала смазанной. Любовь, дети, века мудрого правления – все осталось позади. Саломея вздрогнула, увидев крушение империи. Тени сгустились. Блики обрели плоть, являя четкую картину трагедии: крупные слезы на щеках Афны. Ее любимый город был разрушен. Дети убиты.

- Как же так, Иакх? – застонала она, склоняясь над растерзанным телом непризнанного бога.

Его сердце еще билось. Афна подняла его, прижимая к своей груди.

- Ты не сможешь вернуть его к жизни, – сказала Кибела, когда Афна пришла за помощью в покинутый века назад культ Сабазия. – Но ты сможешь помочь ему исполнить его давнюю мечту. Стать богом. Его сердце. В нем жизнь его родителей. Ты должна сохранить его. Настанет день и твой возлюбленный возродится вновь и займет свое место среди богов.

- Но без меня.

- Ты нимфа. Тебе место здесь.

- Я понимаю.

Вспоров себе живот, Афна опустила в разверзшуюся полость сердце возлюбленного. Теперь оно всегда будет с ней – там, где заканчивается ее женское начало, будет начинаться его сердце.

История снова побежала вперед с чудовищной быстротой. Оргиастические мистерии, поклонение свергнутым богам, начало новой эпохи и ее крушение… Саломея увидела, как молодая правительница Сфинкс принимает решение переселить культ Сабазия и Кибелы в Новые Фивы, где бессмертная нимфа Афна покинет сородичей, выбрав собственный путь, притворившись обыкновенной женщиной, смешавшись с многоликой толпой на шумных улицах, изредка посещая театр Торсия, чтобы увидеть божественные постановки, которые так сильно напоминали бессмертной нимфе о канувших в небытие временах.

- Так она была все время рядом! – прошептала Саломея, отчетливо представляя лицо Афны в первых рядах рукоплещущей актерам публики.

- Рядом! – прошелестели старые жрицы, указывая на пустой алтарь, где должно находиться сердце их бога. – Верни нашу дочь, в теле которой живет наш бог.

- Вернуть? – Саломея только сейчас поняла, что добралась до алтаря. – Но я не могу вернуть Афну. Я пообещала богини из Аида, что приведу к ней Афну.

- Верни Афну, и мы подарим тебе бессмертие.

- Бессмертие? – Саломея злилась, что общается с имитациями, принимая правила игры, словно стала частью этого чокнутого мира.

«А может быть и стала? - подумала она растерянно, вспоминая слова молодого стражника, что только так здесь можно продвигаться к цели. – Да как бы ни так!» Она подняла голову, собираясь рассмеяться над старыми жрицами.

- Не забывай: те, кто могут подарить бессмертие, с легкостью

способны оборвать жизнь, - предупредили имитации.

- Я…

- Верни Афну и бога в храм, или мы найдем и убьем тебя! – громыхнули старые жрицы, и подкравшееся со спины пламя, лизавшее стены и потолок, окутало Саломею, перенося из подземелий на шумные улицы Новых Фив к театру Торсия, откуда она должна начать поиски сбежавшей нимфы.

Глава четвертая

- Саломея! – закричал Джаво, тщетно пытаясь пробиться сквозь пламя к новому другу.

Жар обжег кожу. Схемы восприятия отозвались острой болью. Молодой стражник не знал, как долго броня сможет противостоять огню, но судя по быстро нарастающему уровню боли, времени у него было немного. «Может быть, сила жриц и огня заключена в алтаре?» - подумал Джаво, обнажая кинжал, надеясь, что сможет добраться до цели прежде, чем пламя нанесет критический урон. Но стоило ему сделать несколько шагов, и огонь усилился, заставляя отступиться. Джаво обернулся, сравнивая пройденное расстояние и оставшееся. Дорога была преодолена примерно наполовину, так что разницы в какую сторону идти уже не было.

«Уничтожив алтарь я могу получить бонус, а что получу отступившись, признавая провал, кроме ожогов игрового персонажа?» - думал мальчик, продолжая приближаться к алтарю. Главное, чтобы хватило сил пустить вход кинжал. Главное… Молодой стражник услышал, как лязгнула сталь об алтарь. Никаких повреждений. Джаво нанес десяток ударов, пока силы не покинули его. Ноги подогнулись. Броня перестала защищать тело. Вспыхнула плоть. Возрастные ограничения блокировали волну боли. Мальчик тщетно попытался вспомнить хотя бы одно ругательство, коими сыпала Саломея. Ничего не вышло. Восприятия рассыпались в соответствии с алгоритмом смерти персонажа.

Какое-то время адаптивные алгоритмы пересчитывали набранные игроком бонусы, затем провели переформирование личного счета и вместо того, чтобы позволить Джаво пробудиться в капсуле терминала переходов, отправили в имитацию комнаты личных достижений, где мальчику сообщили, что личный счет позволяет оплатить возрождение, и предложили продолжить игру, исключая возвращение в КвазаРазмерность.

- И где произойдет мое возрождение? – спросил Джаво, обращаясь к созданным для общения богиням судьбы, которые в обычном варианте КЛД по обыкновению хранили молчание.

- Твоя игровая среда – Внутренний Город, - ответили вразнобой три богини.

Разрозненные голоса вызвали мимолетный сбой протоколов игровой точки сборки.

- А точнее сказать нельзя? – спросил Джаво. – Внутренний Город большой. Я бы хотел начать игру рядом с Саломеей… - он

запнулся. – Она… ведь жива?

- Мы не вправе разглашать информацию о других игроках, - сообщили вразнобой три богини, и протоколы игровой ТС вздрогнули, предупреждая, что следующий вопрос может оказаться последним, нарушив связь сознания игрока с персонажем. Оставалось либо принять предложение возрождения, либо покинуть игру.

- Возрождайте меня, - принял решение Джаво, хотя появись подобный выбор пару дней назад, то ответ был бы другим. Персонаж стражника порядком надоел мальчику: слишком скучно и никаких приключений, пока не появилась Саломея. «Вот она удивится!» - успел подумать Джаво, прежде чем система обработала запрос на возрождение и вернула его в проект, перенастроив временные колебания точки сборки на резонанс нового игрового дня.

Джаво очнулся в своей комнате, услышав голос Имитации стражника, который барабанил в дверь, напоминая, что скоро смена караула.

- Да иду я. Иду! – прокричал Джаво, зная, что иначе имитация не отстанет.

Солнечный свет пробивался в комнату через грязные стекла, по которым ползали мухи. Молодой стражник часто слышал, как другие игроки с восхищением смакуют тонкости детализации игрового мира, но сам никогда не понимал подобных хвалебных песен. Возможно, он просто был молод, чтобы замечать подобные тонкости, хотя часто встречались и другие игроки со стажем, не скрывавшие своего преклонного возраста, которых привлекал сам игровой процесс, а не поиск изживших себя в реальности детализированных рудиментов прошлого. Кому они нужны, когда мир скован Ледником, а человечество живет в гигантских Жилых комплексах, не видя неба на протяжении тысячелетий?!

Что касается Джаво, то его семья, а, следовательно, и он, жили в комплексе Isistius labialis, пострадавшем еще до его рождения так сильно, что Всемирная иерархия всерьез рассматривала возможность закрытия жилого комплекса. Джаво никогда не интересовался деталями трагедии, превратившей Isistius labialis в безжизненную груду металла, опутанную нейронными сетями, но слухов существовало так много, что невозможно было игнорировать их. К тому же уцелевшие жители комплекса, пострадавшего в результате теракта, совершенного адептами из организации «Мункара и Накира», казалось, гордились тем, что выжили, выстояли и смогли снова встать на ноги. Правда, встать на ноги смогли не все. Полученные от Всемирной иерархии в качестве компенсации единицы Влияния,

необходимые, чтобы выжить в полумертвом комплексе, быстро перетекли с одних счетов на другие. В результате в обществе Isistius labialis сформировался чудовищный социальный разрыв, продержавшийся не одно десятилетие, пока пустующими территориями жилого центра не заинтересовались исследовательские корпорации. Они заключали договора с местной элитой, которая скупала для будущих исследовательских центров пустующие территории, что привело к увеличению социального неравенства.

Родители Джаво происходили из зажиточных семей местной аристократии, сформировавшейся после трагедии, уничтожившей девяносто процентов жителей Isistius labialis. Впрочем, вторжение ученых и разработчиков в первые годы не принесло ничего хорошего в бедствующий жилой комплекс. Не появилось даже обещанных рабочих мест, так как на высокооплачиваемую работу нанимали профессионалов из жилых комплексов Galeus longirostris или Hexactinellida, а черновая работа оплачивалась согласно местным расценкам, сохраняя требования центральных комплексов.

В духоте экономического застоя глотком свежего стали первые игровые площадки, появившиеся в результате глобального эксперимента, одобренного Иерархией, который предполагал превратить жилой комплекс Isistius labialis в тестовую площадку нейронных сетей нового поколения. Мало кто думал, что ненадежные и в те времена подверженные частым сбоям нейронные сети седьмого поколения привлекут внимание разработчиков игровых площадок, но основную роль в этом вопросе сыграла существенная экономия единиц Влияния за использование нейронных сетей, плюс пластичность новых систем, открывавших практически безграничные возможности для инженеров Размерности. Так же не нужно забывать о недорогой арендной плате за территории игровых площадок, которая с лихвой покрывала дорогие терминалы переходов, посредством которых игрок мог попасть из двух главных жилых комплексов в тело игрового клона на площадке Isistius labialis.

Впервые игровые проекты Размерности приблизились к тому, чтобы составить конкуренцию живописным играм Квазара. Какое-то время представители игровых проектов Подпространства пытались не замечать конкурентов, надеясь, что экспериментальные сети седьмого поколения закроются на стадии бета тестирования, но Великий ледник, сковавший планету, пробирался и в уцелевшие жилые комплексы, так что Всемирная иерархия понимала необходимость перемен. Да и старые нейронные сети уже давно не справлялись с Ледником,

требуя глобальной реконструкции и доработки. Так что новые нейронные сети рассматривались как панацея борьбы с Великим ледником, и вместо того, чтобы свернуть проект, Иерархия предпочитала закрывать глаза на ряд нарушений и сбоев, имевших место быть на первых этапах существования проекта.

Развитие игровой индустрии в Isistius labialis пустило одних местных богачей ко дну, а других вознесло на недосягаемый для соседей уровень. Единицы Влияния текли рекой. Строительство не прекращалось даже ночью, хотя вначале внешние координаторы из Galeus longirostris и Hexactinellida прерывались на сон вместе с основными системами КвазаРазмерности. Клоны, в которых находилось сознание внешних координаторов, лежали в капсулах терминалов переходов. Подобные остановки не радовали разработчиков, поэтому, в конце концов, разработчики начали отдавать предпочтение местным координатором, которые, как правило, могли работать сутками, организуя ночные смены, да и второй уровень реальности в Isistius labialis не пользовался спросом после того, как адепты совершили теракт, нарушив связь находившихся в Квазаре сознаний людей с оставленными в Размерности телами. Так что заморочки двухуровневого дня построенного в подпространстве мира и перезагрузки временных резонансов не касались местных жителей Isistius labialis, которые предпочитали держаться в Размерности, ограничиваясь новшествами нейронных сетей седьмого поколения, которым, по правде говоря, было далеко до пластичной энергии Подпространства и эфемерных творений ученых акеми. Последних коренные жители Размерности называли алхимиками нового мира.

- Подпространство – это проклятый мир, где кишат адепты, беглые преступники – содомиты, жулики с неопределенным коэффициентом личности и просто невинные сознания, потерявшиеся в бесконечных временных колебаниях по вине случайных сбоев, - говорили родители Джаво, и для мальчика Квазар казался не миром света, коим был в реальности, а мрачным, кровавым и безумным отстойником жизни, где нет ничего кроме смерти, порока и отчаяния.

Отца Джаво звали Демир, и он, в отличие от своих предков сколотивших состояние, обслуживая игровые площадки, стремился перейти на новый уровень, подписав контракт с Иерархией на обслуживание центральных генераторов нейронных сетей жилого комплекса. Впрочем, от хорошего заработка, работая на игровые площадки, Демир не собирался отказываться, брезгуя лишь молодыми проектами, работавшими по запутанными кредитным программам, с которыми, в случае

банкротства заказчиков, было невозможно разобраться, получив причитавшиеся застройщикам единицы Влияния.

Нужно ли говорить, что Джаво знал не понаслышке обо всех крупных игровых площадках Isistius labialis? Времена, когда игровые проекты Квазара стояли вне конкуренции, давно прошли, и к моменту когда в репродукционном центре на свет появился Джаво, игровая площадка «Голод», построенная в полупустом жилом комплексе, занимала десятки ярусов и соперничала с одним из самых популярных игровых проектов Квазара «Фивами».

Родители оплачивали любые увлечения сына, и у Джаво не было проблем с тем, чтобы достать необходимое количество единиц Влияния на покупку ключа игрока, но правила официальных терминалов «Голода» не допускали в игру всех, кто не достиг установленного Иерархией возраста, допустимого для участия в играх категории «Голод» - да, название самой известной игры Размерности стало названием категории, где действовали самые строгие возрастные ограничения. «Голод» считался самым жестоким, кровавым и аморальным из всех официально разрешенных проектов. Были, конечно, площадки, рядом с которыми любая официальная игра «нервно курила в сторонке», но достать ключ игрока таких проектов было крайне сложно, к тому же, в случае если любитель острых ощущений попадется, Иерархия выписывала покупателю ключа порицание. А кто хотел набрать критическое число порицаний?

Часто присутствуя на строительных площадках, Джаво слышал от рабочих и Корректировщиков много жутких историй о Квазаре и преступников, которые скрываются там, потому что не могут вернуться в Размерность из-за того, что набрали недопустимое количество порицаний. Большинство историй рассказывались только с одной целью – напугать избалованного мальчика, который ищет острых ощущений, но была среди них и доля правды.

Некоторым друзьям Джаво, таким же молодым и богатым, нравились истории об опасностях во время путешествий по безграничным территориям Квазара. Причем использование официально разрешенного и проверенного кольца переносов не рассматривалось. Избалованные мальчишки представляли себя героями, которые сражаются с созданными акеми монстрами и дикими ордами содомитов, перемещаясь по Квазару на собственном кубе переносов, от частого использования которого смещается точка сборки, нарушая связь с оставленным в Размерности телом.

Не один из мальчишек так и не воплотил свои мечты в жизнь, разменяв реальность приключений на иллюзию опасности в

игровых порталах. Все они, согласно внушению родителей и веянию моды Isistius labialis, выбирали игровые проекты, расположенные в Размерности. Джаво был самым младшим в этой компании и для того, чтобы компенсировать разницу в возрасте, из кожи вон лез, поддерживая мнения и взгляды друзей. Беда была в том, что возрастные ограничения игровых площадок не позволяли ему принимать участие в играх более взрослых друзей. Чтобы решить эту проблему, Джаво планировал отправиться на местный черный рынок и расспросить торговцев о незаконных игровых терминалах, где можно было купить ключи игрока в обход основных правил. Джаво готовился к этому приключению не один месяц и, скорее всего, воплотил бы мечту в жизнь, если бы у него не выявили склонность к нейропатии.

Мальчик воспринял диагноз как смертный приговор. Рабочие и корректировщики часто травили байки о том, что видели в крупных жилых комплексах, делая акцент на большое количество нейропатов, которых Иерархия стала привлекать для работы с общественностью. Рабочие называли их мертвецами, потому что способность посредством взаимодействия с нейронными сетями читать мысли людей выжигала человеческие чувства, превращая нейропатов в машины. Местная элита тщательно фильтровала круг общения для своих детей, поэтому, несмотря на то, что в Isistius labialis соотношение нейропатов к числу местных жителей превышало средний коэффициент двух других хилых комплексах, Джаво ни разу не видел тех, кем должен был в скором времени стать. Поэтому вместо реального нейропата он представлял примитивного синергика – комичного робота, встреченного в одной из официально доступных Джаво игр. Синергик притворялся человеком, а его фальшивая широкая улыбка напоминала хищный оскал.

Джаво поделился бедой с друзьями, но они, вместо того чтобы поддержать, в один голос заявили, что лучше умереть, чем стать нейропатом.

- Я не позволю тебе стать нейропатом, - заверил Джаво отец, когда нервное напряжение мальчика стало таким сильным, что он начал кричать во сне, нарушая работу медицинских нейронных систем, а жидкий чип, интегрированный от рождения, подвергся критическим перегрузкам и временному отторжению.

Несколько часов, пока чип не восстановился, Джаво жил в мире без прикрас, обеспечиваемых нейронными сетями. Никогда прежде Джаво не видел жилой комплекс без нейронных образов. Наверное, не думай он о поставленном ему диагнозе, случившееся могло стать самым ярким приключением в его жизни, а так…

- Хочу посмотреть на улицы комплекса без нейронных образов! – фальшиво оживился Джаво.

Службы контроля передали его отцу предупреждение о том, что пожелание Джаво не одобрено, по крайней мере, пока не восстановится жидкий чип мальчика.

- Но почему нельзя? – обиделся Джаво.

Отец встретился с ним взглядом и смущенно пожал плечами.

- Когда я еще смогу увидеть жилой комплекс таким какой он на самом деле? – решил не сдаваться Джаво. – Кто еще сможет похвастать подобным? Вспомни, когда ты сам был ребенком, разве не мечтал о чем-то выходящем за пределы обычного?

- Мир без нейронных сетей – это скучно, - сказал отец. – К тому же без жидкого чипа не безопасно передвигаться по комплексу. Не забывай, что у нас используют сети седьмого поколения, а это значит, что нейронные образы интегрированы в окружающий мир достаточно глубоко. Что если ты забудешься и выберешь нейронный лифт? Или провалишься сквозь нейронную стену?

- Я скоро стану бесчувственным нейропатом, а ты переживаешь, что я могу упасть и сломать пару костей, которые нейронные медицинские помощники вылечат за час? – начал давить на жалость Джаво.

Отец сдался, но поставил условие: идти на улицу они должны вместе.

- Без проблем, - улыбнулся Джаво.

- И я буду держать тебя за руку.

- Без проблем.

Нейронные службы контроля снова предупредили об опасности запланированной прогулки. «Порицание за это не выпишут, а штрафных выплат я не боюсь», - подумал отец Джаво, покидая с сыном безопасный монолит жилища.

- А ты знал, что в реальности здесь все ржавое и старое? – спросил Джаво, не скрывая разочарования. – Это скучно и печально.

- Иерархия и многие другие исследовательские центры работают над улучшением формул консервантов и восстановителей, - сказал отец. – К тому же сейчас на игровой площадке «Голод» тестируется новая методика реконструкции поврежденных поверхностей. Инженеры вернулись к закрытым проектам по созданию крошечных ремонтных роботов, тела которых состоят из строительных материалов, что позволяет увеличить коэффициент полезности в несколько раз. Эти крошечные механические жуки будут передвигаться под нейронными образами по материальной поверхности жилых

комплексов, исцеляя наш дом своими телами…

- И ты хочешь получить грант на разработку этих жуков? – спросил Джаво.

- Боюсь на этот раз у нас слишком много влиятельных конкурентов из других жилых комплексов. А ты знаешь, кому Всемирная иерархия отдает предпочтение в подобных спорах…

- Разработчиком из крупных комплексов?

- Именно.

Они шли по неприглядной для Джаво улице, которая для его отца светилась, слепя глаза многочисленными нейронными рекламными вывесками. Была середина ночи и дороги были закрыты, хотя Isistius labialis не мог похвастаться большим количеством частных средств передвижения и днем. После теракта использование старых магнитных дорог стало экономически невыгодным, а новые нейронные сети развивались не так быстро, чтобы заменить ими устаревшие магнитные поля автострад и изношенные генераторы полей. Впрочем, в тоннелях общественного транспорта, пронзавших Жилые комплексы, последняя зарекомендовала себя только с лучшей стороны. К тому же в Isistius labialis уже давно интегрировали нейронные сети в капсулы общественного транспорта, чтобы сделать поездку комфортной, исключив перегрузки на виражах.

- А давай воспользуемся сетями общественного транспорта, - предложил отцу Джаво, устав от однообразной серости окружающих пейзажей без нейронных прикрас.

- Думаешь найти себе новый аттракцион? – догадался отец.

- Еще одно приключение, - улыбнулся Джаво, зная, что отец не сможет отказать.

Нейронные службы контроля снова посоветовали вернуться в квартиру, предупреждая об опасности использования сетей общественного транспорта с неработающим жидким чипом.

- Уверен, что хочешь сделать это? – спросил отец, когда из пневмотоннеля вынырнула капсула общественного транспорта.

- Уверен, - сказал Джаво слишком беззаботно, чтобы обмануть отца.

- Если есть сомнения…

- Я должен!

Мальчик дождался, когда откроются двери капсулы общественного транспорта и вошел, заставляя себя не смотреть, последовал ли за ним отец. Несколько пассажиров даже не взглянули на полуночных попутчиков. Двери закрылись. Капсула вздрогнула и скользнула по вакуумным рельсам в пневмотоннель. Нейронные сети компенсировали перегрузки ускорения для тех, у кого жидкий чип работал исправно. Джаво взмахнул руками,

пытаясь устоять. Отец схватил его за руку.

- Ух ты! – крикнул Джаво, выводя из полусонного ступора попутчиков.

- Осторожно! - забеспокоился отец.

- Да все нормально! – мальчик высвободил руку из отцовской ладони и приготовился к новому ускорению или крутому повороту. – Теперь я приготовлюсь заранее и…

Резкое торможение и поворот швырнули Джаво вперед. Мальчик упал, разодрав ладони, поднялся, морщась от боли, но пытаясь улыбаться, зная, что отец наблюдает за ним, оценивает.

- Мне не больно, - соврал Джаво.

Отец кивнул, увидел, как кровь из разодранных ладоней сына тонкой струйкой стекает по пальцам, капая на пол, но притворился, что не придает этому значения. Правда Джаво успел перехватить тревожный взгляд отца.

- Нейронный медицинский помощник все исправит, как только заработает мой жидкий чип, - сказал мальчик, глядя на ладони. – Пустяки.

Он сжал пальцы в кулак, чтобы остановить кровь и приготовился к новому виражу капсулы общественного транспорта, за окном которой вместо привычных нейронных реклам, вгрызающихся в мозг, взаимодействуя с интегрированным жидким чипом, красовались обледеневшие стены.

- Еще не наигрался? – притворно небрежно спросил отец, после десятка падений сына.

- Нет, но, кажется, я определил систему и теперь смогу… - Джаво не успел договорить, потому что пневмотоннель изогнулся, лихо уходя вверх, заставляя капсулу с пассажирами совершить жуткий пирует.

Мальчик устоял во время торможения, но потом начался резкий подъем, и Джаво, предвидя новое падение, едва не запаниковал, едва не попросил у отца помощи. Интегрированный жидкий чип активировался в тот самый момент, когда Джаво сдался и начал звать отца. Мир вспыхнул, распустился яркими образами. Серая унылость канула в небытие. Информационные и энергетические потоки зарегистрировали жидкий модуль Джаво, начав непосредственное взаимодействие с ним. Мальчик машинально взмахнул руками, но интеграция в нейронные сети уже обеспечила ему прописанную в систему защиту от перегрузок во время пользования общественным пневмотранспортом. Перегрузки показались сущим пустяком по сравнению с тем, что было, когда жидкий чип не работал.

- А у тебя, кажется, действительно получается держаться на

поворотах, - услышал Джаво голос отца, который продолжал изображать сонливое безразличие, хотя внутри сгорал от тревоги и желания оградить сына от получения ран. – Ты быстро учишься, - похвалил он.

- Вовсе нет, - отмахнулся Джаво, показывая затянувшиеся раны на ладонях. – Мой жидкий чип снова начал функционировать.

Подобное отклонение было настолько редким, что услышав об этом, попутчики тут же перестали дремать и настороженно уставились на мальчика, который минуту назад разве что на голову не вставал, но не мог привлечь их внимания. Джаво буквально чувствовал их страх, который пульсировал в голове: «А что если мальчишка подхватил какой-то вирус, после чего его жидкий чип отключился, и как передается этот вирус?»

- Нет, это был не вирус, - сказал Джаво попутчикам.

Проснувшиеся люди растерянно переглянулись.

- Я говорю, не нужно бояться. Вам ничего не грозит, - мальчик повернулся к пожилой женщине, отсутствие волос на теле которой выдавало в ней коренного жителя Квазара. – Успокойтесь, такое случается крайне редко. И не нужно из-за этого единичного случая считать Размерность или жилой комплекс Isistius labialis опасными и ненадежными. Это не так. Ошибки и сбои случаются и в Квазаре. Так что… - Джаво запнулся, отчетливо увидев то, о чем думала женщина.

Картины были яркими и сочными, как если бы незаконная реклама прорвалась сквозь брандмауэр нейронных сетей, заполнив сознание информационными образами в самый неподходящий момент.

- Что это? – растерялся Джаво. – Ты тоже это видел? – спросил он отца.

- Видел что?

- Мысли женщины из Квазара… - мальчик вздрогнул, увидев, как нахмурился отец.

- Нейропат! Это нейропат! – зашептались попутчики. Или это были их мысли?

- Пожалуйста замолчите! – взмолился Джаво, зажал уши руками, но это не помогло. Чужие мысли врывались в сознание, насиловали мозг.

«Я стал нейропатом!» – думал Джаво, представляя себя примитивным роботом, лишенным чувств и эмоций. Видение было четким и ясным. Вот капсула общественного транспорта. Вот отец и другие пассажиры. А вот примитивный робот, который широко улыбается, тщетно пытаясь стать человеком.

Капсула замедлила скорость, приближаясь к остановке.

Джаво увидел, как открылись двери, и выскочил на перрон.

- Куда ты? – закричал отец, а следом за словами Джаво увидел его мысли.

- Я нейропат! Нейропат! Нейропааат! – истошно голосил мальчик, продолжая бежать, не разбирая дороги, и отец не мог угнаться за ним. Никто бы, наверное, не смог.

Глава пятая

Джаво очнулся в незнакомом квартале. Жидкий модуль снова перегрелся и отключился, чтобы не сгореть. Мир стал тихим и серым. Жилой комплекс просыпался, оживал. Группа туристов в телах еще совсем свежих клонов пялилась на странного мальчика, спрашивая проводника, что не так с этим ребенком.

- Понятия не имею, - услышал Джаво ответ проводника. – Может быть, неудачный пример обмена телами в незаконном терминале?

- Мы совершали переход законно, - спешно загалдели туристы.

- Я знаю, - скривился проводник, сожалея, что не сможет потребовать с богатых простаков дополнительную плату за молчание.

«Придется заставить их раскошелиться, проведя на задворки строительных площадок игрового проекта «Мекка», - услышал Джаво мысли проводника. – Они ведь слышали о «Мекки»? Обязаны были слышать, потому что в последнее время от рекламы этой никчемной игрушки спасу нет».

- Как насчет того, чтобы пробраться за кулисы центральных игровых площадок? – осторожно предложил проводник…

Джаво не слушал его хвалебные дифирамбы новой игровой площадке, потому что в мыслях проводника отношение к проекту было абсолютно противоположным. «Еще один накачанный единицами Влияния мыльный пузырь, который скоро лопнет», - думал проводник. Джаво пытался закрыться от чужих мыслей, блокировать нежеланный поток, но ни одна плотина, возведенная им, не могла устоять.

- Да что не так с тем мальчишкой? – не мог успокоиться турист, озадаченный поведением Джаво.

Покрытый потом, зажимая ладонями уши и не замечая катившихся по щекам слез, Джаво смотрел на беспокойного туриста налитыми кровью глазами.

- Может быть ему нужна помощь? – предположила высокая, болезненно бледная женщина с безволосым черепом. – Я слышала, что в Размерности прогрессируют жестокость и физические болезни, с которыми не могут справиться медицинские нейронные помощники.

Туристы оживились, потеряв интерес к историям проводника, и начали осторожно приближаться к Джаво, увидев в нем новый источник впечатлений на остаток дня. «Чертов мальчишка!» - услышал Джаво мысли проводника, правда гнева в них не было.

Скорее усталость и понимание, что хорошо заработать в этот день не удастся.

- Может быть, этот мальчик – клон, сбежавший из незаконного центра Энрофы? – продолжала строить теории безволосая высокая женщина.

Джаво отчетливо увидел, как она представляет себе эти центры и тех, кого там выращивают – бракованные биологические сосуды, у которых в голове вместо мозга пустота.

- У меня не пустота вместо мозга! – обиделся мальчик.

- Ах, он умеет разговаривать! Какая прелесть! – всплеснула руками безволосая женщина. – Кажется, правду говорят, что центры Энрофы творят чудеса!

«Нет, этот мальчишка не клон», - подумал кто-то в толпе местных жителей, привлеченных галдящими туристами. Мысли были далекими, долетая до Джаво скорее призрачным шумом, нежели четкими образами, но то, что можно было разобрать, пугало не меньше, чем способность к нейропатии. Разрозненные истории, роившиеся в голове незнакомца, которого не мог разглядеть в толпе Джаво, мелькали перед глазами, заставляя вздрагивать, реагируя на каждый призрачный крик клона. В основном это были уродливые даже по меркам Размерности женщины, созданные по стандартам прошлого, когда детей вскармливали грудью, рожая естественным путем – дикие времена и нрава, но Джаво видел в мыслях чужака, что среди некоторых богачей Galeus longirostris, а так же среди адептов «Мункара и Накира» подобное рождение пользовалось спросом.

Джаво видел, как, выполняя подобные заказы, ученые Энрофы создают тела женщин из прошлого, способных к деторождению в отличие от женщин современности. Заказчикам нужны были только тела, поэтому мозг обычно выращивался измененным, исключая возможность присутствия интеллекта, и лишь когда требовалось послеродовое выкармливание рожденного ребенка, клона делали чуть более человечным, но примитивный мозг все равно исключал возможность переноса сознаний. Крайне редко заказчики, обычно женщины Размерности, негативно настроенные на развитие мира энергии и рассказы о том, что скоро появятся дети Квазара, которые будут свободны от бремени материальной оболочки, требовали создать для них полноценного клона, способного к деторождению, чтобы можно было совершить перенос сознаний и выносить ребенка лично. Подобных смельчаков было крайне мало, но человек в толпе, мысли которого видел Джаво, знал нескольких женщин лично. Именно их крики и слышал Джаво. Затем появились видения искаженных родовыми муками лиц…

- Хватит! – крикнул Джаво, вглядываясь в лица, окруживших его людей.

Страх и отвращение смешивались, отъедая у детства беспечность. «Никогда больше я не стану таким, как был», - подумал Джаво с неожиданным хладнокровием. Страх отступил, утратил власть над разумом, став призрачным осколком чувств. Новая способность читать мысли других выжигала прежние способности чувствовать, переживать…

- Ну это мы еще посмотрим, - процедил сквозь зубы Джаво, ощупывая взглядом окружившую его толпу.

Он пытался отыскать человека, мысли которого продолжали показывать незаконных клонов. «Если я увижу этого монстра, то страх вернется», - думал мальчик, впервые не пытаясь блокировать новую способность заглядывать в мысли других. Пусть жуткие картины льются в сознание, возвращая страх. «Надеюсь, незнакомец окажется настоящим монстром, и я испугаюсь так сильно, что вся нейропатия сгорит во мне», - молился Джаво, не замечая, как к толпе подходит хранитель.

Высокий и стройный для жителей Размерности, но тучный и коренастый для жителей Квазара, он вклинился в толпу, пытаясь понять, что привлекло внимание людей. Его безмолвный вопрос - «Что происходит?» - проник в сознание шумной толпы, распространившись посредством нейронных сетей. Люди замерли, обернулись. Джаво видел их мысли – растерянные, смущенные, настороженные, но не напуганные, если не считать одного… Мужчина с серым лицом и почти лысым черепом за спинами туристов, привлеченный разговорами о сбежавшем из центра Энрофы клоне, за которого приняли мальчика-нейропата.

- Никогда бы не думала, что хранители в Isistius labialis похожи на хранителей из других жилых комплексов! – всплеснула руками высокая безволосая женщина.

Кто-то из зевак начал сбивчиво рассказывать о сбежавшем из незаконного центра Энрофы клоне. Любопытство и презрение в мыслях людей смешались – Джаво не хотел пропускать эти потоки сквозь себя, потому что кроме образов к ним добавлялись и чувства людей вокруг, заставляя презирать и жалеть самого себя.

- Я не клон! – заорал Джаво, и большинство чужих мыслей стихли.

Люди замолчали, растерянно уставившись на странного мальчика.

- Поразительно! – закудахтала высокая безволосая женщина. – Как далеко зашла наука – биологический репликант без мозга может разговаривать! – она выступила из толпы, подходя к

Джаво. – Как вы думаете, за речевую функцию в нем отвечает биологический процессор, выращенный вместо мозга или используется обычная технология жидких чипов и контроля посредством нейронных сетей?

Джаво видел, как заметались мысли других туристов, воображение которых отреагировало на слова высокой безволосой женщины. Даже хранитель и тот любопытно подался вперед, на мгновение поверив, что центры Энрофы совершили очередной прорыв в нейро-генетике и связи личности человека с биологической оболочкой. Джаво увидел мысли хранителя о схемах жизнеустройства, связывающих миры материи и энергии, и опасения, что когда-нибудь наука выйдет за дозволенные рамки, разрушив хрупкий дом жизни. Следом за этими мыслями шли воспоминания о ликвидированных хранителями незаконных центрах Энрофы, и вера, что это были праведные действия.

Джаво увидел, как работают утилизационные фабрики Всемирной иерархии, перерабатывая тела клонов и вздрогнул, когда среди мыслей хранителя увидел воспоминание о том, что утилизации подвергаются не только лишенные сознания клоны, но и те, в чьих телах находятся личности, перенесенные посредством терминалов. Обычно нарушителями были адепты «Мункара и Накира» или авантюристы, заложившие свои тела в центрах Энрофы, но иногда встречались и богатые домохозяйки, решившие, не отставая от моды, испытать прелести материнства, выносив и родив своего будущего ребенка лично. В случае с преступниками хранители предлагали им добровольно сообщить координаты терминала, где хранится их подлинное тело, и если получали отказ, то проводили процедуру извлечения в принудительном порядке, отправляя сознание в произвольный временной набор Подпространства.

«Хуже чем смерть», - подумал Джаво, невольно переводя взгляд на мужчину с серым лицом и почти лысым черепом, мысли которого выдавали его причастность к незаконной деятельности терминалов Энрофы. Мысли хранителя проникли в мальчика, став его частью. Джаво хотел испугаться и у него это получилось. И еще у него получилось перенаправить свой страх незнакомцу с серым лицом. Мужчина вздрогнул и растерянно уставился на Джаво, ставшего проводником, объединив чужака и хранителя, который, увидев мысли нарушителя, спешно попытался отыскать его в толпе, посчитав, что информация поступила по нейронной сети.

Туристы ахнули, услышав монотонный речитатив хранителя, извещавший публику о начале задержания, в конце которого следовала просьба держаться как можно дальше от преступника.

Следом за словами в сознание хлынули нейронные образы, которые не прекращались до тех пор, пока свидетели не отошли на безопасное расстояние. Невысокий коренастый мужчина остался один, понял, что его вычислили, и метнулся к толпе, пытаясь избежать задержания посредством нейронных сетей.

- Вот это представление! – обрадовалось высокая женщина-турист.

Нейронные сети попробовали блокировать нарушителя, обратившись непосредственно к интегрированному жидкому чипу, но незаконные модификации чипа перенаправили запрос на ближайших подключенных к сети жителей. Несколько туристов вскрикнули и забились в припадке, катаясь в ногах зашумевшей толпы. Другие, топча упавших, отхлынули от центра стычки хронографа и коренастого мужчины. Кто-то наступил катавшейся в припадке женщине на руку. Хрустнула сломанная кость, активировав нейронного медицинского помощника, образ которого появился в эпицентре хаоса, сообщая о полученном женщиной уроне, сроках восстановления и расценках за дополнительные услуги транспортировки и нейронного бандажа.

Выпучив глаза, Джаво испуганно смотрел на кости, торчавшие из раны на сломанной руке женщины. Острые края разорвали вены, и кровь толчками выбрасывалась в воздух, нейронные сети, перераспределяя необходимую для восстановления энергию посредством интегрированного жидкого чипа, уже начинали исцелять руку. Плоть вокруг раны то воспалялась, то бледнела. Лицо женщины искажали мимики не то боли, не то гнева на медлительного медицинского помощника. Джаво спешно отвернулся, испугавшись, что мысли пострадавшей женщины хлынут ему в голову.

- Ты должен отойти на безопасное расстояние, мальчик, - услышал Джаво спокойный голос хранителя, неспешно приближавшегося к невысокому почти лысому мужчине, мысли которого выдали в нем представителя незаконных центров Энрофы.

- Осторожно, у него есть оружие! – крикнул Джаво, увидев в мыслях невысокого мужчины спрятанный под одеждой дезинтегратор – уменьшенная копия ружья «Черная дыра», используемого на игровой площадке «Голод».

Сколько раз Джаво слышал восторженные истории друзей, возрастные ограничения которых позволяли принять участие в самой популярной игре, о том, как на площадках «Голода» дезинтегратор превращает противников в пыль.

Изначально запланированный в качестве тарана и средства, способного помочь игроку пройти сквозь любую стену, нарушив

молекулярные связи строительных материалов, дезинтегратор быстро был усовершенствован местными умельцами, а вскоре получил официальное разрешение совета разработчиков «Голода» для использования в качестве оружия во время бунтов. Так дезинтегратор превратился в «Черную дыру» - оружие, которые в силу неожиданной популярности стало использоваться не только на игровой площадке, но и попало на черные рынки Размерности, после того, как основные схемы устройства были переданы посредством незаконного канала Мейза из «Голода» находившимся вне игровой площадки инженерам.

Джаво смотрел на низкорослого, почти лысого мужчину и понимал, что может узнать касательно спрятанного у незнакомца оружия все, что захочет. Тем более мужчина, глядя на приближающегося хранителя, не мог думать ни о чем другом, кроме дезинтегратора. Где он его достал, когда, у кого, сколько заплатил единиц Влияния и какую услугу оказал, когда продавец дезинтегратора сказал, что кроме оружия, может познакомить с инженером Размерности, которому под силу внести ряд существенных изменений в интегрированный жидкий чип, что позволит обходить ряд нейронных запретов. О том, что заказчик не сможет пользоваться нейронными лифтами, инженер Размерности умолчал, в результате чего последний едва не поплатился за это жизнью, когда ведомый любопытством хотел изучить работу новых технологий и возможностей нейронных сетей, испытав прелести скоростного подъема на первых экспериментальных лифтах.

Сейчас он снова стал жертвой любопытства – услышал разговоры о сбежавшем клоне и решил, что кто-то из центра Энрофы на этих уровнях жилого комплекса снова облажался, как это случилось два года назад, когда потеряли женщину-клона, предназначенную для рождения и вскармливания ребенка семьи адепта по имени Гахар… Ситуация была скверной, и вспоминать о последствиях совершенно не хотелось…

Джаво пытался игнорировать мысли преступника, но они лились в его сознание, словно река, прорвавшая плотину: заполняла сознание мальчика, служившее временной станцией, и устремлялась дальше, в мозг хранителя, который благодаря случаю и неумению молодого нейропата контролировать свои способности, был втянут в этот противоестественный обмен мыслями, чувствами и воспоминаниями.

- Что ты делаешь? – спросил хранитель, уставившись на Джаво.

Понять, кто виновник происходящего было несложно, так как туристы и местные зеваки разбежались. Даже женщина со

сломанной рукой, кости которой уже срастались, ковыляла прочь. Кроме нарушителя оставался только мальчик. Значит, он и был нейропатом. Хранитель никогда не видел ничего подобного, но слышал, что это возможно в случае, если дремлющая способность нейропатии достаточно сильна и заявляет о себе слишком внезапно. Нейропат не готов контролировать новые способности, и они заполняют его, льются через край.

Джаво увидел в мыслях хранителя исследовательский отдел Всемирной иерархии, где группа ученых пытается изучить особенности нейропатов и причины активации способностей, чтобы, выяснить возможно ли наделить даром нейропатии простого человека или создать благоприятную среду для развития способности. Джаво вздрогнул, увидев десяток добровольцев в камерах. Ему не нравилось то, что он видит, но не нравились эти воспоминания и хранителю, мысли которого он читал.

«Значит, хранитель лучше чужака из центра Энрофы», - решил Джаво, неосознанно сделав выбор, на чьей стороне хочет находиться в этом странном объединенном мыслями и воспоминаниями противостоянии.

- Стреляйте в нарушителя! – заорал Джаво, надеясь, что хранитель успеет воспользоваться нейронным излучателем. – Стреляйте, иначе нарушитель выстрелит в вас!

Хранитель услышал крик мальчика и, вместо того чтобы начать действовать, замер. Предупреждение Джаво принесло совершенно противоположный результат, нежели планировал мальчик. Замешательство, вызванное объединением сознаний, оставило не хранителя, а невысокого, почти лысого мужчину, который выхватил скрытый под одеждой дезинтегратор. Сомнения нарушителя за мгновение до активации оружия заполнили сознание Джаво, став доступными и хранителю.

Никогда прежде хозяин дезинтегратора не забирал жизнь настоящего человека. Была однажды стычка с дельцом из Galeus longirostris, который находился в теле дешевого изношенного клона, воспользовавшись услугами незаконного терминала переходов, чтобы попасть в Isistius labialis, но тогда все закончилось благополучно для дельца, пытавшегося жульничать, потому что умирающего клона успели доставить в незаконный терминал и вернуть сознание в оставленное в Galeus longirostris тело дельца. Сейчас, если применить дезинтегратор, второго шанса у пострадавшего не будет. Молекулярный распад сожрет тело жертвы, ничего не оставив.

- Ты не посмеешь, - сказал хранитель, когда мысли нарушителя, используя промежуточной базой мальчика-нейропата, достигли его сознания.

Взаимодействие сознаний помогло без слов определить степень наказания за совокупность правонарушений, совершенных сотрудником незаконного центра Энрофы.

- Я не хочу подвергнуться корректировке, - прошептал нарушитель, на что хранитель подумал о ссылке в произвольный резонанс Подпространства. – И это тоже не выход, - сказал сотрудник незаконного центра Энрофы.

Его мысли донесли до хранителя понимание неизбежности сложившейся ситуации: один не может позволить себя арестовать, другой не может отпустить нарушителя.

- Ничего личного, - сказал невысокий, почти лысый мужчина, повторяя слова, произнесенные адептом по имени Рэкш, когда «Мункара и Накира» вынесла приговор одному из ненадежных сотрудников центра Энрофы, который пытался выторговать у Иерархии списание критического количества набранных порицаний, приводившее к коррекции сознания или высылке в Подпространство, в обмен на сведения о семьях адептов, обращавшихся в центры, чтобы приобрести пригодных для деторождения клонов.

- Ничего личного, - произнес в тот день Рэкш, глядя предателю в глаза, хотя все знали, что слова эти – ложь, потому что среди общих заказчиков пригодных для деторождения клонов фигурировала и семья адепта.

- Ничего личного, - прошептал, вспоминая оставшуюся в прошлом историю, невысокий, почти лысый мужчина, заставляя себя смотреть хранителю в глаза, активируя дезинтегратор.

Джаво вздрогнул за мгновение до выстрела, прочитав смирение в мыслях нарушителя. Чужак не ликовал, готовясь убить человека, но и страх ушел. Осталось лишь что-то холодное и липкое, словно пот, который давно научились контролировать, перерабатывая в энергию, интегрированные жидкие чипы, но Джаво мог поклясться, что чувствует, как по спине скатываются холодные капли.

- Ничего личного, - услышал он слова нарушителя.

С едва различимым хлопком из дезинтегратора вырвался пучок яркого света. Нейронные сети попытались защитить хранителя, но протоколы блокировки атаки оказались неэффективными в борьбе против неофициальных видов оружия. Сгусток света ударил хранителя в грудь. Распад начался мгновенно: сожрал одежду, добрался до плоти. Джаво видел, как на груди хранителя разрастается сквозная дыра. Нейронные медицинские помощники блокировали боль, пытаясь бороться с повреждениями, но процесс невозможно было обратить. Хранитель исчезал на глазах.

Джаво не знал почему, но последними мыслями служителя Всемирной иерархии стало осознанное обращение к мальчику-нейропату.

- Беги, Джаво, - сказал хранитель. – Спасайся. Теперь ты главный свидетель.

- Откуда вы знаете мое имя? – спросил, задыхаясь, Джаво, но тут же понял, что и сам знает, как зовут хранителя – Власт. И знает имя нарушителя – Верак.

Джаво отвернулся, чтобы не видеть, как разрушается тело хранителя. Невысокий, почти лысый мужчина смотрел на мальчика-нейропата, продолжая сжимать в руке активированный дезинтегратор. Джаво слышал размеренный гул заряженного оружия. «Беги! Спасайся!» - прозвучали в голове слова погибшего хранителя. «Беги! Спасайся!» - подхватили их мысли невысокого, почти лысого мужчины с активированным дезинтегратором в правой руке.

Верак! Джаво не хотел помнить это имя, но оно вертелось в голове помимо воли. «Убийцу зовут Верак, и он работает в незаконном центре Энрофы, тайно расположенном где-то поблизости», - думал Джаво, зная, что убийца может видеть его мысли.

- Беги, черт тебя дери! – заскрипел зубами мужчина, показывая мальчику-нейропату, что не собирается убивать ребенка. – Беги так далеко, чтобы хранители не нашли тебя и не расспросили обо мне. Иначе я доберусь до тебя и заберу твою никчемную жизнь!

Джаво смотрел в глаза убийце и боялся пошевелиться. Разбежавшиеся зеваки набрались смелости и начали выбираться из укрытий, желая узнать, что происходит.

- Он убил хранителя! – шептались они, указывая на невысокого мужчину.

- Не подходите ко мне! – заорал он, переводя прицел дезинтегратора с Джаво на осмелевших туристов. – Убирайтесь, если не готовы умереть во имя своего любопытства! – его горящий безумием взгляд снова устремился к Джаво. – Ты еще здесь, мальчишка?

Джаво видел, как в мыслях убийцы желание забрать еще одну жизнь борется с остатками человеческого, но сложнее всего переступить черту, потом последствия катятся, как снежный ком с крутой горы.

- Ну, как знаешь, - мужчина скрипнул зубами и снова прицелился в мальчика-нейропата.

Джаво зажмурился, не в силах пошевелиться. Страх стал абсолютным. Страх, который еще недавно Джаво отчаянно искал,

не желая превращаться в нейропата. Связь с убийцей прервалась. Река чужеродных мыслей обмелела. От неожиданной тишины закружилась голова, и Джаво подумал, что оглох. Он робко приоткрыл один глаз, желая убедиться, что мир вокруг не исчез, не лопнул. Пара подоспевших к месту происшествия хранителей целилась в нарушителя из нейронных излучателей.

Странно, но, несмотря на напряженный момент, Джаво подумал, что именно такое оружие распространено на игровой площадке «Голод». Вот только Силовикам в игре запрещено им пользоваться, пока не начнутся регулярные бунты… Готовясь, когда возрастной лимит позволит присоединиться к игре, Джаво изучил правила вдоль и поперек. «Интересно, а нейропатам продают ключи игроков или нет?» - отрешенно думал Джаво, позволяя своим противоестественным мыслям плыть в голове… Хотя, наверное, ничего противоестественного в этом не было – когда вокруг хаос и смерть, а инстинкт самосохранения и пробуждающий его страх равны нулю, то сложно сохранить связь с свихнувшейся вдруг реальностью.

Продолжая размышлять о новых способностях и деталях игровой площадки «Голод», Джаво отрешенно наблюдал за происходящим, словно это была интерактивная реконструкция хронографов, повествующая о канувших в небытие событиях, частью которых ты временно становишься. Обычно реконструкции устроены так, что ты либо принимаешь участие в происходящих событиях, либо наблюдаешь в качестве стороннего зрителя – система сама адаптируется в соответствии с твоими действиями.

Джаво смотрел то на дезинтегратор работника местного центра Энрофы, то на нейронные излучатели в руках Хранителей, спешно вспоминая все виды оружия, применяемого на игровой площадке «Голод». Он успел дойти до второго десятка, когда независимые адаптивные алгоритмы правопорядка, интегрированные в нейронные сети местного уровня жилого комплекса, сочли затянувшуюся перебранку Хранителей и нарушителя слишком долгой и открыли огонь. Ближайший генератор находился достаточно далеко от места стычки, поэтому энергию для пары импульсов пришлось выкачивать напрямую из нейронных сетей, перенаправляя потоки, питавшие затянувшие квартал образы. Зеваки ахнули, увидев обнажившиеся стены, местами покрытые льдом, местами тысячелетней ржавчиной, подвергшейся консервации и неудачному восстановлению века назад.

Туристы, не привыкшие к подобным провалам нейронных сетей в центральных жилых комплексах, ахнули и растерянно

завертели головами. Их мысли призрачным эхом долетели до Джаво. Высокая безволосая женщина, которая ранее приняла его за клона, сейчас думала, что наступил обещанный пессимистами-социологами конец света. «Иначе как объяснить эти ужасные образы?!» - думала женщина, глазея на покрытые инеем ржавые стены.

Продлившийся всего несколько секунд провал нейронных образов, позволил основным сетям собрать необходимую для ликвидации нарушителя энергию, плюс отвлечь внимание толпы от центральной сцены действия, где находились сотрудник незаконного центра Энрофы, мальчик-нейропат и два хранителя, тщетно пытавшихся уговорить нарушителя сдаться.

- Смотрите! – закричал кто-то из толпы, увидев образовавшийся светящийся шар.

Крик привлек внимание нарушителя, который обернулся и машинально попытался прикрыться рукой от нацеленного в спину нейронного импульса – глупый жест, если не считать, что в правой руке находился дезинтегратор. Яркая вспышка, возникшая в момент столкновения импульса и незаконного оружия, ослепила глаза свидетелей. Дезинтегратор взорвался, издав гулкий хлопок, от которого у всех, кто стоял рядом с эпицентром, заложило уши. Светящийся шар нейронного импульса увеличился, проглотив нарушителя. Пространство вздулось, выворачиваясь наизнанку. В образовавшемся искрящемся коконе беззвучно кричал хозяин дезинтегратора, внутренности которого выворачивались вместе с пространством. Пораженные туристы загалдели – зеваки, волна которых отхлынула от эпицентра сразу, как только появилась опасность.

Джаво видел хаотичные мысли туристов, большинство из которых не особенно понимая, какая опасность им грозит, воображали, как вернутся в родной жилой комплекс героями, которым удалось пережить жуткие теракты славящегося дурной славой Isistius labialis. Лишь несколько из них по-настоящему испугались, увидев смерть нарушителя, для других происходящее представлялось элементом шоу, и отступали они от эпицентра только потому, что не хотели попасть под кровавый дождь, если вдруг нейронный кокон не удержит внутренности взорвавшегося нарушителя.

«Мальчишка! – услышал Джаво мысли одного из Хранителей, получившего указания по нейронной сети. – Нужно задержать мальчишку. Он свидетель».

Пульсирующий кокон неожиданно замер, ярко сверкнул, вздулся, увеличившись почти вдвое, и начал сворачиваться, втягиваясь в невидимую точку в центре. Один из Хранителей,

выполняя полученное от клириков указание задержать свидетеля, шагнул к Джаво. Свернувшийся кокон превратился в крохотную точку, сверкнувшую напоследок. Вспышка ослепила глаза собравшихся. Точка исчезла, оставив блики сбоивших нейронных сетей, которые спешно восстанавливались после инцидента. Призрачные всполохи света и крошечные электрические разряды появлялись то тут, то там, вызывая у туристов восторженные вздохи, словно микросбои интересовали их больше, чем смерть человека минутой ранее.

- Я здесь ни при чем! – сказал Джаво, когда к нему подошел хранитель. – Я не виноват.

- Не виноват в чем? – спросил служитель Иерархии, параллельно делая запрос в информационный центр, чтобы получить реконструкцию недавних событий, в результате которых погиб хранитель.

Ответ пришел с задержкой в минуту с подробным отчетом нейронных служб контроля, определивших Джаво главным виновником инцидента. Его странное поведение привлекло внимание туристов и местных зевак, среди которых оказался нарушитель. Личность последнего не смогли определить до сих пор, но проведенный незадолго до взрыва дезинтегратора анализ жидкого чипа неизвестного, подтвердил, что он не клон. Снятые с модернизированного чипа данные были отправлены в архив и должны были утилизироваться спустя сутки. Сейчас информация проведенного анализа была восстановлена и передана в исследовательский центр Иерархии для подробного изучения и взлома блокировок и сторонних модификаций в будущем.

- Тебе придется пойти с нами, - сказал хранитель, положив руку на плечо Джаво, хотя адаптивные службы контроля предлагали использовать нейронные фиксаторы, способные в случае попытке к бегству заблокировать посредством интегрированного жидкого чипа моторные функция главного свидетеля и подозреваемого в одном лице.

- Но я ничего не сделал, - сказал Джаво, читая мысли хранителя о том, что происходит, когда задержанные пытаются сбежать.

- Давай не будем привлекать ненужное внимание, - пришло по нейронному каналу предложение хранителя, но Джаво и так уже прочитал в его мыслях страх, что туристы увидят, как происходит арест ребенка. Да и нейронные службы контроля не отличаются избирательностью, и для них, что адепт из «Мункара и Накира», что напуганный мальчишка – разницы нет.

- Они уже так думают, - тихо сказал Джаво.

- Что? – не понял хранитель.

- Туристы. Вы боитесь, что они обвинят вас в жестокости, и не хотите у всех на глазах задерживать ребенка, но они и так считают, что местные системы защиты убили человека.

- Откуда ты знаешь? – спросил хранитель, делая параллельно еще один запрос.

На этот раз анализ занял чуть меньше десяти секунд. Нейронные службы контроля объединили свежую информацию с той, что была детально разобрана, сделав единственно верный вывод.

- Ты нейропат? – очень тихо спросил хранитель.

Джаво не ответил. Хранитель кивнул и, не убирая руку с плеча мальчика, начал выводить его сквозь толпу к служебному транспорту. Нейронные службы контроля активировали двадцатипроцентный барьер, создав коридор для хранителя и свидетеля. Перераспределение энергии местных сетей не самого благополучного квартала вызвало искажения и рябь скрывавших стены нейронных образов. Толпа туристов загудела, решив, что службы контроля снова собираются открыть огонь. Службы контроля усилили мощность барьера, из-за чего искажений стало больше. Недалеко от барьера провал нейронной сети вспыхнул яркой точкой.

- Они хотят убить нас всех! – закричала высокая безволосая женщина в толпе туристов, указывая на появившуюся белую точку.

Расценив людские волнение как признак несогласия, адаптивные службы контроля перевели в максимальный режим барьер, ограждавший хранителя и арестованного мальчика от толпы. Перенаправленная для защиты энергия вызвала новые провалы в местных сетях. К висевшей над головами людей первой точке добавился еще десяток. Искрясь крошечными электрическими разрядами, они продолжали расти, пока скрывавший старый свод комплекса нейронный образ не отключился, позволив упасть на головы людей мусору, скопившемуся на нем в результате естественного распада древних конструкций и ремонтных работ по их восстановлению. Приняв случившееся за обстрел нейронными импульсами, толпа обезумела, превратившись в бурную реку, внезапно вышедшую из берегов.

Нейронный барьер выгнулся, пытаясь удержать людей, но устоять не смог. Бурный поток вышедших из-под контроля масс подхватил Джаво. Какое-то время хранитель продолжал держать мальчика, но противостоять стихии было невозможно. В память о Хранителе осталась лишь боль в ключице, которую он сжал мальчику-нейропату так сильно, что едва не сломал.

Джаво не знал, куда несет его толпа: главным было устоять на ногах, иначе обезумевшие люди, спасая свою жизнь, затопчут упавшего, не заметив этого. О помощи можно было и не мечтать. Джаво видел мысли напуганных людей. Казалось, в сознаниях не осталось ничего кроме инстинктов и подавленного гнева, который копился. Что будет, когда чаша гнева заполнится, и страх, превратившись в злость, хлынет через край, Джаво не знал. Десятки чужих мыслей путались в голове диким образами чинимых расправ над представителями власти, создавшей нейронные службы контроля. Одни, зная принципы работы сетей, мечтали добраться до генераторов, чтобы уничтожить источник опасности, другие винили во всем инженеров, допустивших просчет в работе адаптивных алгоритмов, третьи слепо ненавидели хранителей и Всемирную иерархию, которая еще час назад воспринималась образчиком закона и порядка в мире КвазаРазмерности.

Джаво вздрогнул, разглядев среди общего хаоса мыслей встревоженное, но не подверженное всеобщей истерии сознание человека, появившегося на сцене действий уже после того, как погибли хранитель и работник незаконного центра Энрофы. Незнакомца, как и прочих зевак, вело любопытство – Джаво видел это в его мыслях, - но в отличие от других незнакомца не интересовали убийства и аресты. Он оказался здесь из-за мальчика-нейропата. «Он оказался здесь из-за меня», - понял Джаво и снова вздрогнул, потому что мысли других стихли. Восприятие сосредоточилось на странном мужчине, который находился где-то рядом, позволяя мальчику-нейропату видеть своими глазами.

- Кто ты? – не выдержал Джаво, тщетно пытаясь отыскать взглядом незнакомца.

«Меня зовут Рахаб», - прозвучал в голове мужской голос, щедро приправленный сохранившимися воспоминаниями о его детстве и юношестве, словно доказать подлинность своего имени, было для незнакомца крайне важно.

- Но я не знаю никого по имени Рахаб! – прокричал Джаво. – Ты тоже нейропат?

- Ты можешь доверять мне, - прозвучал в голове голос чужака. – Это все, что тебе нужно знать прямо сейчас. Потому что если я не уведу тебя в безопасное место в ближайшую пару минут, пока хранители и нейронные службы правопорядка не взяли ситуацию под контроль, то ты окажешься на допросе в Иерархии. Ты хочешь попасть на допрос к клирикам?

Джаво увидел жуткие образы машин для извлечения и коррекции сознания, но так и не смог понять, показал ему эти

картинки Рахаб или он запомнил их, когда увидел мысли недавно погибшего работника незаконного терминала Энрофы.

- Я не должен быть здесь! – шмыгнул носом Джаво, и пузырь чужих мыслей в голове лопнул, оставив звенящую тишину.

Толпа людей продолжала уносить мальчика все дальше от места, где погибли нарушитель и служитель Иерархии. Высокая безволосая женщина, бежавшая позади Джаво, споткнулась и, падая, навалилась ему на плечи. Ноги мальчика подогнулись. Он вскрикнул, решив, что сейчас безумная толпа раздавит его, переломает кости, как эту случилось недавно с упавшей женщиной.

- Осторожней, - сказал незнакомец, придержав мальчика за локоть.

Джаво узнал голос спасителя. Рахаб – так мужчина сказал, что его зовут.

- Хочу домой, - подумал мальчик, и Рахаб, прочитав его мысли, сказал, что сейчас есть только два пути: либо довериться незнакомцу, либо отправиться в камеру для допросов Всемирной иерархии.

Глава шестая

- Не понимаю, зачем я вам, - сказал Джаво, когда похититель привел его на станцию общественного транспорта.

- Ты телепат, - пожал плечами Рахаб. – А телепаты должны держаться вместе.

- Я не хочу ни с кем держаться вместе, - мальчик поморщился и потер плечо, зудевшее после сделанной новым знакомым инъекции, подменяющий на несколько часов основные идентификационные данные интегрированного жидкого чипа, что позволяло избавиться от преследования, исчезнув для нейронных служб контроля. – Я просто хочу домой, - Джаво увидел подошедшую капсулу общественного транспорта и покосился на Рахаба.

- Не сейчас, - качнул головой новый знакомый.

Джаво не знал, боится этого человека или нет. Наверное, за сегодняшний день он уже устал бояться, устал бежать. Хотелось закрыть глаза и уснуть, отыскав на перроне сводную нейронную скамейку, которая подстроится под любое тело, приняв лучшую форму и положение.

Пассажиры высыпали из капсулы на станцию и, не замечая никого вокруг, засеменили прочь. Станция снова опустела. Была середина дня – точнее Джаво определить не мог, так как инъекция микросистем блокировки, которую ему сделал Рахаб, ограничила доступ почти ко всем функциям общественных нейронных сетей, оставив лишь восприятие образов, созданных, чтобы прикрыть неприглядность жилого комплекса.

- Перед тем, как я начал видеть мысли других, у меня отключился жидкий чип, - сказал Джаво, глядя, как закрываются двери капсулы общественного транспорта. – Я был вне системы. У всех нейропатов так?

- Нет.

- А у тебя так было?

- Нет.

- Это не страшно. Я уговорил отца, и мы пошли кататься в капсуле общественного транспорта. Там большие перегрузки, и если ты не подключен к нейронным сетям, то выходит очень забавно. Я буквально летал по капсуле, пытаясь удержаться на ногах.

- Я знаю, - Рахаб едва заметно улыбнулся. – Мы наблюдаем за тобой с того дня, когда у тебя обнаружили склонность к нейропатии.

- Но это незаконно!

- Быть нейропатом и не сообщить об этом Иерархии – незаконно.

- А мой отец не сообщил обо мне?

- Нет.

- Я не знал, но догадывался, - Джаво тяжело вздохнул. – Думаю, он надеялся вылечить меня.

- Это не болезнь.

- Но и не дар! – сверкнул глазами мальчик, догадавшись, не используя способности нейропата, о чем думает новый знакомый.

- Я хотел сказать, что это неизбежность, - соврал Рахаб. – Как дети Квазара. Понимаешь?

- Дети Квазара – миф!

- Но когда-нибудь он станет реальностью, - Рахаб заставил себя улыбнуться. – Ты знал, что о нейропатах говорили задолго до нашего появления?

- Как о детях Квазара?

- Да. Если изучать реконструкции хронографов, то корни истории нейропатов уходят в далекое прошлое. Нас называли по-разному, но суть оставалась одна – инженеры давно рассматривали возможность эволюции человеческого сознания в соответствии с изменениями окружающей среды.

- А если я не хочу эволюционировать?

- А если я скажу, что не хочу жить в мире, где Великий ледник сжимает в своих объятьях три жилых комплекса, заставляя человечество пользоваться нейронными сетями и жидкими чипами, интегрируемыми с рождения, чтобы можно было более экономично перераспределять энергию, необходимую для борьбы с вечным холодом?

- То есть от меня ничего не зависит? – спросил мальчик, хмуря светлые брови. – Во всем виноваты нейронные сети?

- Выходит, что так.

- Тогда я их ненавижу.

- Это ничего не изменит.

- Я знаю, но… - Джаво отвернулся. Интегрированный ему от рождения жидкий чип переработал слезы, прежде чем они успели навернуться на глаза, превратив в энергию, не позволяя мальчику заплакать. – А если я не буду пользоваться нейронными сетями? – спросил Джаво, не поворачиваясь к новому знакомому. – Я не люблю Квазар, но… У моего отца много единиц Влияния, он может устроить меня в Квазаре, и я никогда больше не вернусь в Размерность.

- Твое сознание никогда не вернется в Размерность, - поправил мальчика Рахаб. – А тело придется держать в местных терминалах, так что…

- Когда я вернусь из Квазара, то чувств во мне станет меньше? – догадался Джаво.

- Для коренных жителей Квазара это ничего не значит, но для тех, кто вырос в Размерности…

- Думаю, я смогу приспособиться жить там.

- Ты можешь приспособиться жить здесь.

- Без чувств? Как робот?

- Всемирная Иерархии отмалчивается касательно нейропатов, но неофициально существуют науки, позволяющие контролировать развитие сверхспособностей, выбирая какими чувствами ты готов пожертвовать, а какими нет… - Рахаб тронул мальчика, заставляя обернуться. – Сегодня, когда нейронные службы контроля допустили ошибку, уничтожив нарушителя, ты заблокировал свой страх, верно?

- Я не хотел этого делать, - сказал Джаво, глядя новому знакомому в темные глаза коренного жителя Размерности. – Просто когда я начал видеть чужие мысли… - он замолчал, вспомнив, что беды начались, когда у него восстановился после сбоя жидкий чип. – А что если я попрошу отца, и он найдет для меня хорошего инженера, который согласится за достойное вознаграждение удалить или заблокировать интегрированный мне при рождении жидкий чип? Без него я не смогу связаться с нейронными сетями, а значит, и мысли других людей не смогу читать, верно? Это ведь так работает?

- А еще без нейронного чипа ты не сможешь получать и перерабатывать жизненно важную энергию. Тебе придется принимать пищу, очищать тело от переработанных продуктов питания. Тебе придется мыться, потому что ты начнешь потеть. Нейронный медицинский помощник не сможет наблюдать за состоянием твоего тела двадцать четыре часа в сутки. Ты не сможешь пользоваться современными технологиями, которые повсюду внедряются в нашем жилом комплексе после того, как нейронные сети седьмого поколения получили от Всемирной иерархии официальное разрешение на интеграцию и замещение старых сетей в Isistius labialis.

- Это как перегрузки в капсуле общественного транспорта? – прищурился Джаво. – Думаю, с такими трудностями я смогу справиться. Можно сделать специальные крепления, чтобы пристегиваться к сиденьям…

- А как ты поступишь с нейронными лифтами? Сейчас их начинают внедрять повсюду в нашем комплексе. Плюс, не забывай о том, что ты лишишься возможности пользоваться терминалом переходов. Доступ в другие жилые комплексы будет закрыт для тебя, если только твой отец не организует Великую

Экспедицию, чтобы переправить тебя в Galeus longirostris или Hexactinellida по ледяной поверхности. Да и как ты собираешься бороться с вечным холодом? Независимые нейронные генераторы, выделенные для этого, лишь частично справляются с задачей, контролируя пробирающийся в жилые комплексы ледник по периметру. Остальное перераспределение тепла и выравнивание температур в соответствии с установленными Всемирной иерархией нормами осуществляют обычные общественные сети.

- Отец сможет построить для меня отдельный дом, где будет свой нейронный генератор, который борется с холодом в обход персональных жидких чипов, как это происходит на окраинах жилых комплексов.

- И ты готов провести свою жизнь взаперти? Повзрослеть, возмужать и состариться в четырех стенах индивидуального дома?

- Это лучше, чем лишиться чувств, став роботом, - сказал мальчик, сверкнув не менее темными, чем у нового знакомого, глазами.

- И какая разница: лишишься ты чувств, оставшись полноценным членом двухуровневого общества КвазаРазмерности, или сохранишь чувства, став изгоем, проведя жизнь в изоляции? – Рахаб едва заметно улыбнулся, отметив промелькнувшие в глазах мальчика сомнения. – Позволь, перед тем как примешь окончательное решение, показать тебе, как в действительности живут нейропаты. Не забывай, что мы коренные жители Isistias labialis, а здесь, как ни в одном другом жилом комплексе, сильна связь с Размерностью. Плюс повсеместное использование нейронных сетей седьмого поколения усиливает способности нейропатов, которые, если верить неофициальным исследованиям, в разы превосходят способности нейропатов других жилых комплексов. Последние исследования показывают, что местные нейропаты принципиально отличаются от нейропатов других комплексов. Мы тратим меньше сил, следовательно плата за чтение чужих мыслей становится ниже. Последние исследования показывают, что при грамотном обучении взрослый нейропат Isistias labialis может сохранить до тридцати процентов чувств, а это не так мало, если учитывать, что процент этот можно распределять неравномерно. Так что, уменьшив практически до минимума чувство страха, можно сохранить почти полностью чувство эмпатии.

- Сохранить чувство эмпатии – это хорошо, - шмыгнул носом Джаво.

Нейронные образы возле пневмотоннеля активировали сообщение о прибытии новой капсулы общественного транспорта.

Пространство вспыхнуло яркими переливами, но так и не сформировалась в ясное сообщение. Даже информационный нейронный поток, доступный для всех, кто находился в зоне действия новостной рассылки станции, не дал вразумительных объяснений касательно предстоящего прибытия.

- Что происходит? – насторожился Джаво, когда понял, что происходящее видят только он и Рахаб.

- Инъекция, которую я тебе сделал, блокирует не только некоторые функции твоего жидкого чипа, но и открывает доступ к не доступным прежде, - сказал новый знакомый, поднимаясь на ноги.

Нейронная скамейка для пассажиров, ожидающих своей капсулы, приняла нейтральную форму, сбросив настройки характеристик последнего пользователя. Блокировавший доступ к пневмотоннелю образ распался, являя взору пустоту – недопустимая ошибка служб контроля. Джаво растерянно вертел головой, не веря, что подобные нарушения возможны в современном мире. Где хранители, которым надлежит изучить ситуацию и найти виновных? Где нейронные предупреждения об опасности?

- Доверься мне, - сказал Рахаб, когда у перрона появилась старая капсула общественного транспорта.

- Ты хочешь, чтобы мы ехали в этом? – растерялся Джаво, тщетно пытаясь получить ответ из нейронной сети о дате производства капсулы. – Ее нет в основной базе данных, - сдался мальчик.

Двери капсулы открылись. Джаво неуверенно посмотрел на нового знакомого, дождался, когда тот войдет первым, и только после этого вошел сам.

- Ионизаторов для ежедневной дезинфекции здесь, конечно, тоже нет, - скривился мальчик, смахивая с сиденья толстый слой пыли.

Двери закрылись. Загудели вакуумные рельсы, швырнув капсулу в темноту тоннеля, который выглядел крайне зловеще с учетом, что нейронные рекламы оставались деактивированными, потому что основные системы не регистрировали старую пневмокапсулу.

- Если система нас не видит, то мы можем столкнуться с другой капсулой? – пришел к выводу Джаво.

- Можем, но не столкнемся, - сказал Рахаб.

- У вас здесь своя система учета транспортных потоков?

- Можно и так сказать.

Старая капсула лихо рванула вверх, заставляя Джаво спешно пристегнуться – пережиток прошлого, которым до сих пор

снабжались современные средства транспорта на случай сбоя нейронных компенсаторов, хотя официально подобного никогда не случалось. Джаво попытался заглянуть в мысли Рахаба, но то ли нейронные сети не работали здесь, то ли инъекция блокировала способность. «Интересно, можно ли сделать, чтобы так осталось навсегда?» - подумал Джаво, решив, что избавиться от нейропатии, сохранив пятидесятипроцентный доступ к нейронным сетям, не так уж и плохо. Он уже собирался спросить об этом нового знакомого, когда старая капсула, лихо взяв в сторону, устремилась в тупик, проткнув нейронный образ стены прежде, чем Джаво успел закричать.

- Это ремонтные полости, - пояснил Рахаб.

Джаво кивнул, тщетно пытаясь отдышаться. Крик застрял в горле удушьем. Капсула снизила скорость, перестроившись на дополнительные пути. От гула активировавшихся старых вакуумных рельсов заложило уши. Остатки нейронных образов рассыпались на части, сжались, пытаясь компенсировать недостатки энергии уменьшением площади покрытия, и снова рассыпались, растаяв в воздухе гаснущими призрачными бликами. Похолодало. Температура упала так резко, что Джаво испугался, увидев, как дыхание паром вырывается изо рта. За окнами были видны обледеневшие стены тоннеля.

- Я всегда думал, что за исправностью пневмотоннелей следят биоавтоматы, - сказал Джаво. – Не такие, конечно, как отправленные давно на другие планеты, но…

- О, не думал, что ты разбираешься в истории! – удивился Рахаб, лицо которого в молочно-белом освещении казалось серым и рыхлым, как грязный лед на стенах тоннеля за окном или иней, покрывавший до основания проржавевшие конструкции старой капсулы. – Ты увлекался реконструкциями хронографов или просто отец любил рассказывать о проектах и капиталовложениях?

- Друзья любят ужастики… - смутился Джаво, сбивчиво пытаясь пересказать страшные истории о туристах, пневмокапсула которых сбилась с пути, оказавшись в ремонтных полостях жилого комплекса.

- И что с ними стало? – подыграл мальчику Рахаб.

- Сначала они пытались остановить капсулу и вернуться, пока не стало слишком поздно, потом на них напали ремонтные жуки, пытаясь превратить в материал для реконструкции тоннелей, а под конец, когда все думали, что самое страшное уже позади, и капсула достигла ремонтных площадок, туристов пленили модифицированные биологические автоматы, разобрав их на органы! - воодушевленно подытожил Джаво, решив, что чем бы не

закончилась эта поездка по закрытым для использования тоннелям, он все равно давно уже перещеголял друзей, и приключений за один день у него было столько, что хватит на всю жизнь. Вот только все прежние ценности теперь ничего не значат.

- А эта история о туристах… - попытался отвлечь мальчика от мрачных мыслей Рахаб. - Ты просто слышал ее от друзей или пользовался развлекательной интерактивной реконструкцией?

- Слышал от друзей. Родители никогда не разрешали мне пользоваться подобными продуктами… - на губах Джаво появилась несвойственная ребенку ироничная улыбка. – А теперь я не просто участвую в интерактивных путешествиях по закрытым для людей территориям жилого комплекса, а нахожусь здесь на самом деле, сбежав от хранителей и став причиной смерти двух человек… Думаю, знай моя мать, что я натворил за последние несколько часов, то у нее пошла бы изо рта пена, - он тщетно попытался притвориться, что его все это веселит. – Мне ведь, если честно, никогда ничего не разрешали, а тут такое! Наверное, родители верили, что я всегда буду оставаться ребенком. Даже когда тесты показали, что у меня есть склонность к нейропатии, родители убедили себя, что вероятность мала и ничего страшного не случится. Уверен, они прямо сейчас обвиняют меня в потере контроля и бегстве, планируя, какое наказание лучше всего пойдет мне на пользу: либо ограничить общение с друзьями, либо доступ к детским интерактивным нейронным каналам…

Старая капсула вздрогнула, перестраиваясь на дополнительный путь, заставив мальчика замолчать. Ремонтная платформа была пуста, но едва зажимы зафиксировали капсулу, двери в мастерские открылись и оттуда вышли три робота.

- Это синергики? – шепотом, почти благоговейно спросил Джаво.

- Еще одна история, рассказанная друзьями? – снисходительно улыбнулся Рахаб.

- Все знают, что боевые синергики запрещены Иерархией.

- С чего ты взял, что видишь боевых синергиков?

- А разве есть другие?

- Конечно.

- Я слышал обратное. Каждый синергик сильнее любого человека. Он может обойти нейронные блокировки и способен действовать как в одиночку, так и пользуясь коллективным разумом… - Джаво попятился, увидев подошедших к капсуле синергиков. – Чего они ждут? – шепотом спросил мальчик.

- Пытаются получить доступ к архивным базам данных, чтобы понять, нужен ремонт нашей капсуле или нет.

- А почему бы им просто не отправить нашу капсулу в утиль?

- Потому что информация занесена в их первичный код, и они просто игнорируют ее.

- Выходит информация о капсуле для синергиков – это вирус?

- Выходит, да.

- Круто! – мальчик осторожно выглянул из капсулы, но тут же обернулся, недоверчиво уставившись на нового знакомого. – А разве можно изменить первичный код после активации основной нейронной цепочки алгоритмов машины?

- Твой отец занимается и этим? – удивился Рахаб.

- Пытался, - нахмурился мальчик. – Последнее время все кому не лень болтают об экспедиции к центру Великого ледника. Всемирная иерархия готова тратить на проект колоссальные суммы единиц Влияния. Отец говорит, что все, у кого есть мозги, пытаются пристроиться к этой кормушке. Одни работают над коммерческими перевалочными базами, другие над передвижными исследовательскими платформами, третьи пытаются предложить нейронные варианты связи, что даст возможность работать удаленно… В общем, отец тоже хотел стать частью этого проекта, пытаясь возродить закрытый проект синергиков. Он планировал усовершенствовать старый биоэлектронный мозг, внедрив в основные ядра искусственно выращенные чипы, способные напрямую взаимодействовать с нейронными сетями последнего поколения. Проект считался перспективным, так как в случае провала с синергиками, мог трансформироваться в разработку принципиально новых жидких чипов, интегрируемых от рождения людям, но клирики выкупили у отца разработки и заморозили исследования прежде, чем его ученые смогли добиться серьезных успехов. Отец счел это удачей, потому что не верил в успех затеи – нейронные сети восьмого поколения вряд ли появятся в ближайшие несколько веков, а что касается биоэлектронного мозга, то взлом основных ядер оказался сложнее, чем планировалось вначале, так что… - Джаво покосился на застывших возле капсулы синергиков. – Отец, конечно, следил, чтобы я не совал нос в его дела, но и того, что мне удалось пронюхать, хватает, чтобы знать – после того, как биоэлектронный мозг активирован невозможно внести изменения не в одно из миллиардов ядер, не разрушив основные связи, что приведет к отключению основных систем био-машины.

- А ты не думал, что первичный код мог быть изменен до активации биоэлектронных систем? – улыбнулся Рахаб без намека на снисхождение.

- Я ребенок, но не глупец! – обиделся Джаво. – Этим синергикам не одна сотня лет. Никто не мог знать, что появятся нейропаты и будут скрываться в ремонтных полостях

пневмотоннелей, добираясь сюда из Размерности на старой, давно списанной с обслуживания капсуле общественного транспорта.

- А если мог?

- Что?

- Прежде чем отрицать, попробуй найти объяснение.

- Говорите, как чокнутые акеми.

- Говорю, как обыкновенный нейропат, который видел достаточно людских мыслей, чтобы разучиться делать поспешные выводы.

- И что это значит? – скривился Джаво. – Кто-то научился заглядывать не только в прошлое, но и в будущее? Но как? Новое понимание дома жизни? Взлом схем жизнеустройства и полный доступ к плитке многоуровневости бытия?

- Не так сложно, - Рахаб улыбнулся, увидев, как мальчик нетерпеливо всплеснул руками. – Ты слышал о разработанном Иерархией специально для нейропатов модуле блокировки?

- Совсем чуть-чуть, когда мне сказали о новых способностях.

- Думаю, доктора официального центра не сообщили о множестве сторонних программ, разработанных независимыми инженерами, для основных базисов модуля блокировки, кроме классического теста эмпатии, который проверяет процент развития способностей нейропата и отмирание основных чувств?

- Если честно, то я не помню даже о модуле блокировки, - признался Джаво.

- Понимаю. Когда я узнал, что мой тест на нейропатию дал положительный результат, то с трудом мог вспомнить, как меня зовут.

- Нет, я помнил, - натянуто улыбнулся Джаво. – Вот отец мой, наверное, забыл в тот момент обо всем.

- Да, мой тоже забыл.

- А мать наоборот была сильной и притворилась, что ничего страшного не случилось.

- Думаю, матери в подобных случаях просто запрещают себе думать о плохом, - сказал Рахаб.

Джаво нахмурился, затем осторожно кивнул, соглашаясь. Воспоминания нахлынули, заставляя интегрированный нейронный чип активировать системы взаимодействия со слезными железами, перерабатывая выделяемый секрет прежде, чем он успеет миновать выводные протоки, превращая в энергию, перераспределяемую на жизненно важные функции и процессы.

- Так что там со сторонними программами для модуля блокировки? – спросил Джаво, шмыгнув носом. – Еще один тест или что-то интерактивное?

- Большинство сторонних программ использует подмену воспоминаний последних минут жизни, гарантируя вернуть реальность, после того как игровая программа закончится.

- Когда-то давно нечто подобное использовали в игровых порталах, - оживился мальчик, услышав что-то знакомое. – Старая, изжившая себя практика. Отец говорит, что эффект погружения не нужен современному обществу. Люди научились отличать реальность от вымысла и не желают смешивать границы… Хотя мне иногда хотелось бы попробовать нечто подобное…

- Боюсь, здесь речь немного о другом.

- Так это не игрушка для модуля блокировки?

- Нет. Ты слышал историю об азиатской девочке-призраке?

- Я не верю в призраков! – гордо заявил Джаво.

- Никто не верит, - согласился Рахаб. – В мире двухуровневой реальности призракам нет места, но вот что касается системных ошибок, резонансных отклонений, подпространственных аномалий и неучтенных разработок, которые продолжают существование после смерти создателей, превращаясь в белый шум КвазаРазмерности, то здесь, пожалуй, так много реальных примеров, что спорить не имеет смысла.

- Так азиатская девочка, о которой ты говоришь, один из проектов прошлого, продолжающий существовать в настоящем? – задумчиво спросил Джаво, пытаясь понять нравится ему подобный поворот или нет.

- Ты разочарован? Зря. В прошлом было очень много перспективных проектов, опережавших время, которые закрылись, не найдя финансовой и технологической поддержки. Взять хотя бы космические программы…

- Мне не нравятся космические программы, - скривился мальчик. – Отец говорит, что глупо тянуться к звездам, живя в комплексах, где не видно неба. Да и Великий ледник не позволит потратить необходимую для пробных запусков энергию. КвазаРазмерность сбалансирована и в ней нет места космическим программам. Они выглядят нереальной мечтой, понимание несбыточности которой ранит… - Джаво задумался на мгновение и тяжело вздохнул. – Не помню, что говорил об этом отец дальше. Наверное, дело в том, что здесь нет доступа к нейронным сетям, и я не могу получить доступ к большинству реконструкций разговоров с отцом.

- Сомневаюсь, что нейропатам есть дело до космических программ. Мы ведь тесно связаны с нейронными сетями и без них наши способности равны нулю, так что…

- Забытые разработки, о которых ты говоришь, связаны с

запрещенными модуляторами и нейронными наркотиками? – оживился мальчик. – У меня был друг, который клялся, что пробовал нечто подобное, но я думаю, что он врал. А мне тоже придется принимать нейронные наркотики?

- Нет, - Рахаб заставил себя не улыбаться, чтобы не обидеть Джаво. – Если говорить о времени, когда существовали нейронные сети, пусть и в примитивном их виде, то последний всплеск популярности нейронных модуляторов пришелся на период предшествующий Великому леднику, а то, о чем хочу рассказать тебя я, намного старше современного периода истории.

- Неужели Третья мировая война? – вздрогнул мальчик, и глаза его предательски сверкнули, выдавая интерес.

- Если верить Юмико, то немного раньше.

- Раньше Третьей мировой войны?! – Джаво раскрыл рот, затем подозрительно прищурился. – Кто такая Юмико? Звучит, как имя девчонки.

- У тебя нет среди друзей девчонок?

- Фу!

- Ну, ради тебя, думаю, Юмико примет другой образ. Хотя ей нравится быть девчонкой. Таким был создан ее основной алгоритм.

- Алгоритм? Так она всего лишь сложный протокол?

- Она гениальная разработка тек-инженера из далекого прошлого. Она называет его мастер Ючи. Ты знаешь, кто такие тек-инженеры?

- Инженеры – всегда инженеры, - пожал плечами Джаво.

- Верно. Но Ючи, пожалуй, можно назвать гением. Если верить Юмико, то он создал базу основных нейронных протоколов восприятия Размерности еще до того, как появились необходимые для этого сети и само понимание Размерности.

- Если верить Юмико? – зацепился за слова мальчик.

- В свободном доступе нет реконструкций периода предшествующего Третьей мировой войне.

- Можно проникнуть в официальные архивы Иерархии, - предложил Джаво.

- Мы нейропаты, а не банда «Двухголовых драконов» из игрового проекта «Голод».

- Но… - мальчик помрачнел.

- Зато Юмико может предвидеть будущее, - поспешил обнадежить его Рахаб.

- Чушь! – вытаращил глаза Джаво.

- А как, ты думаешь, я смог найти тебя?

- Ну, для тех, кто может взломать защитные системы

пневмотоннелей общественного транспорта, написать алгоритм слежения, подключившись к нейронным службам контроля не составит труда.

- А то, что нас не трогают ремонтные синергики? Ты же сам сказал, что невозможно внести изменения в активированные ядра биоэлектронного мозга.

- Можно придумать новый протокол восприятия, который сделает нас для синергиков невидимыми.

- И ты слышал, что такое возможно?

- Нет, но и о том, что можно предсказывать будущее, я тоже не слышал… Тем более странно, что это может делать какая-та девчонка из прошлого.

- Это не девчонка, - не смог сдержать улыбки Рахаб. – Ее создали во времена, когда люди ничего не знали о Подпространстве и терминалах. Учению Энрофы только предстояло зародиться. По всему миру функционировали коррекционные тюрьмы класса «Тиктоника». Планета была разделена на Технократические и Корпократические державы. Правительства стран-лидеров готовились к войне, в тайне начиная возводить гигантские военные базы, которые позднее превратятся в Жилые комплексы, став основой современного мира. Если верить реконструкциям, созданным хронографами, то центром столкновения противодействующих держав оказались азиатские страны. Большинство аналитиков сходятся, что название Свободный Токио больше подчеркивает весь период того времени, нежели название одного города, который, по мнению многих, играет важную роль в начале Третьей мировой войны, не вписываясь в устройство мира той эпохи.

- Это как сейчас не вписывается наш жилой комплекс? – подметил Джаво и гордо вздернул нос, когда новый знакомый похвалил его за сообразительность.

- Думаю, о коррекционных тюрьмах класса «Тиктоника» тебе не нужно рассказывать? – спросил Рахаб.

Мальчик энергично тряхнул головой, выдвинув предположение, что тек-инженер, создавший первичный алгоритм Юмико, работал в одной из таких тюрем, и смутился, когда Рахаб дал отрицательный ответ.

- Но ведь это же логично! – заупрямился мальчик. – Коррекционные тюрьмы работают с сознанием. Где, как не там, создавать революционный первичный алгоритм сознания?!

- Это же не игра, - пожал плечами Рахаб. – В жизни часто все наперекосяк. Взять хотя бы коррекционный тюрьмы времен Свободного Токио. Правительство искренне верило, что способно извлечь из человека сознание, корректировать личность и вернуть

обратно в тело. В действительности технологии тех времен позволяли только копировать алгоритмы личности, нарушая основные связи сознания, в результате чего появлялась возможность вернуться копию воспоминаний в тело, которое превращалось в тюрьму для подлинника. Люди думали, что совершили прорыв, научившись извлекать и корректировать сознания, но в действительности разработали новую пытку для каждого заключенного, проходившего корректировку. В защиту ученых можно лишь сказать, что любые открытия достигаются методом проб и ошибок.

- Как радиация, исходившая от реакторов древних источников питания?

- Ты очень образованный мальчик, - похвалил Рахаб, отдавая должное, что и без доступа к информационным базам данных нейронных сетей Джаво продолжает давать правильные ответы и находить уместные сравнения.

- Но кем тогда был тек-инженер по имени Ючи? – спросил мальчик, пропустив похвалу мимо ушей. – На кого он работал? Тогда ведь не было акеми, Энрофы и адептов «Мункара и Накира».

- Ты что-нибудь слышал о кланах якудзы? – спросил Рахаб, увидел, как вспыхнули темные глаза Джаво, и понял, что долгие объяснения о природе и важности клана не потребуются.

- Думаю, что якудзы – это самая лучшая раса на игровой площадке «Голода», - сказал мальчик, заставляя Рахаба признать, что игры иногда приносят пользу. – Ты знал, что наномечи и нейронные татуировки, которые используются в «Голоде» являются прототипом настоящего оружия прошлого? – Джаво увидел улыбку нового знакомого и смущенно поджал губы.

- Тек-инженер Ючи работал на клан большой тройки, - пояснил Рахаб, боясь, как бы мальчик не начал развивать идеи и домыслы игровых площадок, где задействованы персонажи прошлого. – Проверяя правдивость истории Юмико, я изучил много реконструкций того времени, но расхождений не нашел… Впрочем, не нашел я и подтверждения этих историй… - Рахаб осознанно выдержал долгую паузу, подогревая интерес Джаво. – Юмико говорит, что первые ядра протоколов ее программы были созданы в коррекционной тюрьме – копия сознания девочки, отец которой пытаясь спасти дочь, использовал тело одного из заключенных…

- Так Юмико все-таки девчонка! – всплеснул руками мальчик.

- Спасая дочь, отец не знал, что не извлекает ее сознание, а всего лишь делает копию, - терпеливо продолжил Рахаб. – Таким образом, личность заключенного оказалась плененной в

собственном теле, взаимодействуя с новым ядром сознания.

- Алгоритм внутри алгоритма! – восхищенно воскликнул Джаво.

- Биоэнергетическое сознание внутри искусственного алгоритма, - уточнил Рахаб. – В те времена ученые еще не открыли мир Подпространства, поэтому и о связи энергетической части сознания с биологической оболочкой ничего не знали. То, что случилось с Юмико можно назвать ошибкой коррекционных систем. Отцу умирающей девочки пришлось работать в экстремальных условиях – одна из реконструкций, изученных мной, подтверждает, что на «Тиктонику» было совершенно нападение одним из кланов якудзы. Событие вызвало резонанс в мировой политике и повлекло за собой ряд радикальных мер, включивших в состав охраны коррекционных тюрем предоставленных Корпократами боевых синергиков. В числе жертв действительно были один из главных врачей коррекционного центра и его дочь. О пропавших заключенных не сообщалось, но в те времена о многом замалчивалось, чтобы не обострять и без того накаленную обстановку. Так что, мы склонны верить Юмико, которая рассказывает, что, покинув «Тиктонику» попала, к тек-инженеру по имени Ючи, который занимался программированием синергиков для клана «Тэкия». Незаконченная коррекционная программа, сохранившая остаточные связи сознания заключенного с мозгом собственного тела, позволили вступить ему в симбиоз с копированным сознанием девочки – ядро внутри ядра, как ты уже подметил. Подобное отклонение превратило мозг девочки в мощнейшую аналитическую систему, которая, усиленная нейронными модулями для лучшей интеграции в существующие в то время информационные сети, могла просчитывать развитие мировых событий на десятки шагов вперед. Тек-инженер, отметив эту особенность, провел исследования и усовершенствовал систему, восстановив незавершенный процесс корректировки заключенного, тело которого использовала Юмико, чтобы создать сеть из подобных аномалий. На свет появилась дюжина оракулов, способных анализировать триллионы вариантов развития событий, отметая малозначимые и тупиковые, оставляя единственно верные.

- Почему они не предотвратили войну? – подозрительно прищурился мальчик, решив, что обнаружил важную нестыковку.

- Некоторые войны должны случиться, - пожал плечами Рахаб. – Юмико говорит, что так устроен мир людей – катастрофы и трагедии должны происходить, иначе человечество разучится ценить то, что у него есть. Меньшее зло предотвращает большее.

Это сложно понять, когда ты не можешь планировать на тысячи ходов вперед, но Юмико уверяет, что не случись Третья мировая война, и энергетический кризис привел бы к созданию новых источников энергии, из которых впоследствии создадут оружие, способное уничтожить планету. Только на этот раз управлять им будут не люди, рука которых может дрогнуть в последний момент. Развитие адаптивных алгоритмов неизбежно. Вопрос лишь в том, какими будет создавать их человечество. К тому же без Третьей мировой войны человечество не смогло бы объединиться. Военные базы получили статус жилых комплексов. Затянувшаяся на несколько веков война сошла на нет. Не было ни победителей, ни побежденных. Сначала люди привыкли, что мир находится в состоянии войны, забыли, что значит жить в мирное время, а затем сочли это нормой. Так что Третья мировая война так официально и не закончилась. Человечество изолировало себя в гигантских жилых комплексах, дожидаясь, когда измученная боевыми действиями планета начнет оживать, восстанавливая себя, подготавливая тихоокеанские пляжи и Пиренейский полуостров для зарождения Размерности и науке, посвященной изучению Подпространства, пусть вначале это и воспринимали миром бога. Именно на тихоокеанских пляжах Юмико впервые и осознала себя, как личность. Это случилось много веков спустя после смерти ее создателя – тек-инженера по имени Ючи, жившего в эпоху Свободного Токио. Юмико не многое помнит о последних годах своего существования в тот период – коллективное сознание, собранное из множества ядер, состоявших из биоэнергетического сознания, включавшего в себя искусственные алгоритмы, работало исключительно как машина, собирая и анализируя необходимую информацию. Созданная Ючи система продолжала работать и в первые годы войны, но перегрузки были такими частыми, что тот период стерся из памяти Юмико. Да и тек-инженер, пытаясь освободить биоэнергетические сознания оракулов, заменив их ядрами усовершенствованных искусственных алгоритмов, провел ряд неудачных экспериментов, взяв за основу первые знания о мире Подпространства. Нет официальных свидетельств, но, возможно, именно тек-инженер Ючи провел первый успешный эксперимент по извлечению сознания из биологической оболочки посредством переноса в Подпространство и последующего возвращения. Правда, вторая стадия эксперимента не удалась, и вместо того, чтобы извлечь ядра биоэнергетического сознания из ядер искусственных алгоритмов Ючи уравновесил их, нарушив иерархию первичных связей. Оракулы утратили тела и личности, став случайным нейронным всплеском, который существовал в

первое время только благодаря дополнительным адаптивным протоколам, которые действовали независимо от нового ядра сознания, оберегая его, защищая от внешних атак примитивной нейронной сети того времени, считавшей Юмико вирусом. На протяжении нескольких лет Ючи продолжал работать над внешними протоколами взаимодействия для нового ядра, занимаясь этим в основном в свободное время – военное положение накладывало свои обязанности. Последнее упоминание о мастере Ючи, которое мне удалось отыскать в архивах хронографов, датировано периодом ожесточенных сражений на территории нейтральных государств, оказавшихся волею судьбы между воюющими державами. Интерактивные реконструкции тех событий позволяют отыскать след тек-инженера Ючи в Военном комплексе Isistius labialis, в отделе, разрабатывающем новые модели боевых синергиков. Прямых сведений о Ючи нет, но его персонаж четко прослеживается как в реконструкциях, так и в непосредственном изучении сохранившегося в Подпространстве эха прошлого. Можно предположить, что он пытался возродить идеи, культивируемые им еще в Свободном Токио – использовать тела синергиков для ядер биоэлектронного сознания.

- А почему мастер Ючи не остался в Свободном Токио? – спросил Джаво, обрывая нового знакомого на полуслове.

- К тому времени Свободный Токио находился на грани гибели. Заговоры и коррупция разрывали город изнутри. Окружающая среда становилась непригодной для жизни не в силах вынести технологические войны корпократических заокеанских стран и технократического Севера.

- Может быть, если такие, как тек-инженер Ючи не бежали из родных городов в Военные комплексы, то и война не продлилась бы так долго?

- Думаешь, они смогли бы придумать решение, как прекратить неизбежный конфликт?

- По крайней мере, не стали бы изобретать новые виды оружия, питая конкуренцию и иллюзию победы.

- Боюсь, эта теория не применима для тех времен. Не забывай, это была одноуровневая реальность, и видение мира строилось иначе.

- Неизбежная война?

- Да, именно так, - Рахаб выдержал паузу и снова вернулся к истории Юмико, которая долгое время находилась в плену созданных тек-инженером Ючи защитных протоколов, продолжавших улучшать себя и после смерти создателя. – Первую попытку освободиться, Юмико предприняла, когда на

тихоокеанских пляжах восстановившегося после Третьей мировой войны побережья начали создавать аналог современной Размерности. Нейронные сети действовали ограничено, и это едва не погубило Юмико, попытавшуюся связаться с людьми, упрощая структуру ядер своего сознания, подгоняя его под примитивные алгоритмы восприятия.

- И сколько было всего таких попыток?

- Согласно Юмико, пять, но только когда появились нейронные сети седьмого поколения, а у некоторых из нас проявились способности нейропатов, она смогла вступить в контакт после четырех с половиной тысяч лет одиночества.

Глава седьмая

- А можно мне прикоснуться к ним? – спросил Джаво, когда они с Рахабом проходили мимо синергиков, застывших возле прибывшей в ремонтный сектор старой капсулы общественного транспорта.

- Думаешь, сможешь потом хвастаться этим перед друзьями?

- Почему бы и нет? Кто еще сможет похвастаться подобным?

- Тебе не поверят.

- Почему?

- А ты бы поверил, что кто-то смог проникнуть в ремонтные полости пневмотоннелей, прикоснуться к синергикам, запрограммированным не замечать доставившую тебя сюда капсулу, а затем встретился с нейронно-биологическим алгоритмом по имени Юмико, которому четыре с половиной тысячи лет?

- Наверное, нет, - вздохнул мальчик. – Но я бы все равно хотел прикоснуться к синергику. Хотя бы для себя.

- Ну, если для себя… - Рахаб кивнул, давая разрешение.

Джаво подбоченился, подошел к синергикам, но прикоснуться так и не решился.

- Сделаю это на обратном пути, - сказал он, помялся и добавил, что не испугался. – Просто… - нужные слова так и не пришли в голову. – А можно мне на обратном пути взять на себя управление старой пневмокапсулой? – решил сменить тему разговора мальчик, когда они покидали ремонтную площадку.

Герметичные двери закрылись за спиной, отрезав сотни последовавших за чужаками потоков холодного ветра, гулявших в пневмотоннеле.

- А здесь ничуть не теплее, - поежился Джаво, начиная замерзать без дополнительной поддержки нейронных сетей, взаимодействующих с интегрированным жидким чипом.

По широкому коридору, огибавшему змеей помещения с репликаторами для создания запчастей и мастерскими, промаршировала группа модифицированных синергиков.

- А вот эти уже точно похожи на боевых! – оживился Джаво.

Рахаб промолчал. Синергики прошли мимо, не обращая на чужаков внимания. Кроме биоэлектронного мозга машинам были добавлены органические глаза. Одежда скрывала остальные модификации, но сомнений не было – глаза не единственная доработка.

- Их что, хотят превратить в людей? – растерялся Джаво, переводя взгляд с нано-мечей синергиков на органические глаза и

обратно.

- Протоколы восприятия органических механизмов сложнее подменить, - пояснил Рахаб.

- Подменить? Кому нужно подменять протоколы восприятия синергиков в ремонтных полостях? – мальчик задумался, затем просиял, беззаботно обвинив нового знакомого в обмане. – Вот, значит, как вы контролируете синергиков! – оживился он. – Подменяете протоколы восприятия, устанавливая модифицированные детали! А я чуть не поверил, что изменения действительно вносились в ядра основных протоколов!

- Я тебя не обманывал.

- Зачем тогда органическая кодировка?

- Затем, что в Размерности намного больше неучтенных программ и адаптивных алгоритмов, чем заявляют современные аналитики.

- Еще одна Юмико?

- Не настолько сложные, но… - дверь в одну из мастерских открылась, заставив Рахаба замолчать.

- Ух ты! – оживился Джаво, увидев камеры, где выращивались органические основы биоэлектронных мозгов будущих синергиков.

Группа синергиков деактивировала две камеры, слив содержимое в утилизационную емкость вместе с забракованным системой биологическим материалом.

- Что они теперь сделают с этим? – шепотом спросил мальчик, когда синергики провезли мимо него утилизационную емкость вверх по изгибающемуся коридору. – Они ведь не съедят это? – мальчик не моргая смотрел на утилизационную емкость, парящую в воздухе благодаря магнитным опорам.

- Съедят? – опешил на мгновение Рахаб, затем заставил себя улыбнуться. – Они везут забракованный материал в утилизационный сектор для переработки.

- А можно увидеть, как выращивают синтетические скелеты синергиков?

- Это не так интересно, как кажется.

- Позволь мне судить самому, к тому же… - мальчик хитро прищурился. – Я вообще не верю, что ты видел, как выращивают скелеты синергиков. Это ведь то же самое, что пробраться в репродукционный центр и подсмотреть, как выращивают новых людей.

- Люди – это не синергики, к тому же… - Рахаб прервался невольно заглядывая вместе с мальчиком в открывшуюся дверь, ведущую на ремонтную площадку, куда прибыла для обслуживания капсула общественного транспорта. – К тому же

коридор спиралью огибает мастерские и помещения с репликаторами, - продолжил Рахаб, - и с другой стороны радиус нейронных сетей жилого комплекса захватывает часть местных помещений, так что наши жидкие чипы смогут подключиться, и я позволю тебе заглянуть в мои воспоминания, чтобы ты увидел, как выращивают синтетические скелеты синергиков на нижних уровнях ремонтной базы.

- А синергики могут подключаться к внешним нейронным сетям?

- Нет, у них другие коммуникативные протоколы.

- Как же тогда с ними общается Юмико?

- Никак. Базовые правила и алгоритмы заданы до активации основных ядер.

- Сотни, а возможно, и тысячи лет назад, когда человечество вернулось в Жилые комплексы, вытесненное с материков Великий ледником?

- Выходит, так.

- Почему же тогда, если Юмико могла предвидеть будущее и создать для себя эту обитель, она не придумала, как создать себе нормальное тело?

- Потому что ядра сознания Юмико слишком сложны для использования в биоэлектронном мозге синергика.

- А люди?

- Что люди? Хочешь, чтобы Юмико использовала биоэнергетическое сознание человека?

- Почему бы и нет?

- Тек-инженер Ючи потратил всю жизнь, чтобы извлечь созданный им набор ядер из человеческих тел, а ты хочешь обратить этот процесс?

- Сейчас не хочу, но если бы провел в одиночестве четыре с половиной тысячи лет, то хотел бы.

- И кто бы стал добровольцем? Ты бы согласился отдать свое тело?

- Нет, но это, думаю, уже детали.

- Вот как? – на губах Рахаба появилась раздраженная улыбка, которая не ускользнула от глаз Джаво.

- Я слишком много болтаю? – доверчиво спросил мальчик.

- Немного, - признался Рахаб, проходя ту часть коридора, где зона покрытия нейронных сетей могла подключиться к интегрированным жидким чипам.

- Ты обещал мне показать свои воспоминания о том, как выращиваются скелеты синергиков, - робко напомнил Джаво.

- Да, обещал… - Рахаб сосредоточился на воспоминаниях о камерах, где выращиваются скелеты синергиков. – Видишь? –

спросил он мальчика.

- Скорее помню, - скривился Джаво, пытаясь привыкнуть к новым способностям восприятия информации. – У нейропатов всегда так? Все размыто и нечетко, словно сон, когда воспринимаешь отдельные отголоски прошлого, отраженного в Подпространстве, но все они искажены, не позволяя разобрать ничего конкретного, потому что сознание остается в биологическом теле, не в силах без терминала установить связь с миром энергии.

- А чего ты хотел? Воспоминания – это не интерактивная реконструкция событий.

- А нет возможности сделать апгрейд жидкого чипа, чтобы он позволял мне переживать чужие воспоминания, а не воспринимать, как часть собственных прожитых моментов жизни?

- А вдруг тебе не понравится то, что ты увидишь в чужих воспоминаниях? Здесь ведь нет предварительного анонса, что тебя ждет в голове того или иного человека.

- Тогда можно встроить протокол, который будет обрабатывать чужие воспоминания, превращая в интерактивные реконструкции, которые, если мне понравится то, что увижу в чужой голове, можно будет потом активировать.

- Слишком сложная технология даже для современного мира. Не забывай, способности нейропатии до сих пор мало изучены. Все, что смогли установить ученые – базовые процессы способности уходят в биоэнергетические ядра сознания, доступ к которым возможен только в Подпространстве, где акеми смогли взломать начальный уровень блокировок точки сборки личности, добравшись до алгоритмов, отвечающих за формирование внешнего образа в Квазаре, но дальше продвинуться в расшифровке преобразованных ядер биоэнергетического сознания человека не удалось.

- Получается, мы такие же сложные, как Юмико?

- Не мы, а наша способность нейропатии. Мы – самые обыкновенные.

- А Юмико тоже умеет читать мысли?

- Возможно.

- Ты не спрашивал ее?

- Мне достаточно того, что она может предсказывать будущее.

- А я бы спросил, - Джаво попытался заглянуть в воспоминания Рахаба, хранившие информацию о его первой встречи с Юмико.

- Что ты делаешь? – насторожился Рахаб.

- Ничего… - испуганно тряхнул головой мальчик, словно его застали за непристойным занятием.

Связь с сознанием нового знакомого прервалась в тот самый момент, когда Джаво попытался найти воспоминания о том, как Рахаб впервые понял, что он нейропат.

- Тогда расскажи мне об этом сам, - попросил мальчик.

- Рассказать о чем?

- О том, как ты стал нейропатом и познакомился с Юмико. Ты сразу стал читать чужие мысли или учился этому? А быть посредником, как это было у меня с хранителем и работником запрещенного центра Энрофы… - Джаво вспомнил то, что виде в воспоминаниях хранителя и поежился. – Как ты думаешь, почему Иерархия не закрывает незаконные центры Энрофы? Нет, я, конечно, понимаю, что это не так просто… - мальчик замолчал, увидев открытые двери на ремонтную площадку, где вместо пневмотоннеля и вакуумных рельсов пульсировала искрящаяся тьма.

- Ученые Энрофы называют это место временным провалом, - сказала пожилая женщина, выскользнув из черноты дверного проема.

Ее окружали нейронные и энергетические завихрения, напоминая призрачную ауру, которая тянулась к Джаво и Рахабу, пульсируя искрящейся тьмой позади. Энергетическое поле было настолько мощным, что его можно было ощутить физически – легкие покалывания, от которых Джаво невольно вздрагивал. Странное место находилось вне зоны покрытия местных нейронных сетей, но мальчик чувствовал, что при желании сможет заглянуть в мысли пожилой женщины.

- Меня зовут Турелла, - промурлыкала она, заглядывая Джаво в глаза. – И нет, тебе не нужно бояться темноты за моей спиной.

- Вы можете читать мои мысли? – растерялся мальчик.

- Ты удивлен?

- Но, как?! Здесь ведь нет нейронных сетей!

- А ты думаешь, нейропатия – продукт нейронных сетей? Нет, - губы женщины растянулись в ироничной улыбке. – Этот дар у нас в крови. Когда-нибудь, возможно несколько поколений спустя, он сможет взаимодействовать непосредственно с энергией Подпространства, став абсолютно самодостаточным. До тех пор мы зависимы от современных технологий, позволяющих нам подключаться к фону мира. Комната, которую ты видишь за моей спиной – это одна из таких технологий. Мир внутри мира, где правят собственные временные колебания. Невозможно объединить мир материи и мир энергии, но здесь ученые предприняли смелую попытку сделать невозможное. Считай это новым этапом в понимании терминалов переходов, где не будет больше грязных и неудобных капсул, проблем с подключением к

нейронным идентификаторам и неизбежного контроля со стороны Всемирной иерархии, если, конечно, не пользоваться незаконными терминалами, которые еще более грязные и убогие, чем зарегистрированные официально.

- Я туда не пойду, - качнул головой Джаво, и без способности нейропата понимая, что его вели именно сюда.

- Люди смогут устанавливать новые терминалы в своих квартирах, - продолжила Турелла, не замечая слов Джаво. – Представляешь, каким спросом будут пользоваться новые терминалы в кругах коренных жителей Квазара?

- Я бы лучше воспользовался старой доброй капсулой, какой бы грязной она ни была.

- Тебя пугает черный цвет? Скоро это исправят. Просто когда ученые начинали проект, о цветовой схеме вообще не думали, поэтому за базу было взято отсутствие цвета. Проект находится в стадии альфа тестирования, так что… - Турелла окинула мальчика внимательным взглядом, и взгляд этот не понравился Джаво. – Тебе страшно?

- Немного.

- Если будешь сотрудничать, то, обещаю, с тобой ничего не случится.

- Не случится? – Джаво показалось, что обещание звучит как угроза, но он решил, что виной всему внезапный страх перед странной черной комнатой.

- Процесс перехода и контроль временных подпространственных колебаний пока не решен, поэтому терминал работает исключительно как временной и материальный провал Размерности. Это новая технология, закрытая для Всемирной иерархии. Проследить вошедшего в терминал невозможно. Некоторые, приближенные к проекту инженеры, говорят, что это первый шаг к смещению границ Размерности и Квазара и к более тесной интеграции линейного мира времени и материи с трехмерным временем и энергией мира Подпространства. Все меняется. Технологии и восприятия становятся более сложными, многоуровневыми. Природа человека слишком долго сохраняла неизменную целостность, чтобы угнаться за развитием технологий. Все ученые, включая акеми, в один голос заявляют, что появление нейропатов – это явный прорыв. Природа человека адаптировалась к существующим технологиям и начала подстраиваться под установленные правила и нормы. Сейчас местные центры Энрофы работают над тем, чтобы создать клона, наделенного способностями нейропата, но пока все чего им удалось добиться – это усиление способностей посредством внесения

принудительных изменений в структуру ДНК уже рожденных нейропатов. Но прорыв близок. Если бы исследовательские центры Энрофы могли сбросить с плеч груз гонений, чинимых Всемирной Иерархией, да бремя финансовых вопросов, то появление нового искусственно выведенного вида нейропатов могло бы стать реальностью в ближайшие годы. Можешь ли ты представить себе общество, где нейропатия не воспринимается как проказа, а считается нормой, естественным состоянием? – спросила Турелла, вглядываясь Джаво в глаза. – Никаких секретов, тайн, заговоров. Никакой лжи. Люди откроются друг другу. Это будет новый этап восприятия. Человечество сможет оставить в прошлом распри и всецело посвятить себя науке и новым открытиям, исследуя схемы жизнеустройства, приоткрывая занавес тысяч тайн, разгадки которых сейчас остаются недосягаемыми в связи с устаревшим и требующим перемен устройством мира, - женщина протянула Джаво морщинистую руку. – Ты сможешь стать частью нового восприятия. Ученые Энрофы постоянно работают над возможностью усилить способности нейропатов. Сейчас им удалось добиться успеха в корректировке и усилении сверхспособностей на ранних этапах проявления нейропатии, как это случилось с тобой.

- Со мной? – Джаво оторвал взгляд от морщинистой руки женщины и уставился ей в глаза.

- Ты не сказал ему? – спросила она Рахаба.

- Нет, - качнул тот головой.

- Ну не беда, - Турелла фальшиво улыбнулась и снова протянула Джаво руку, предлагая войти вместе с ней в черную комнату. – Обещаю, там ты сможешь все увидеть сам. Твоя способность, усовершенствованная учеными Энрофы, быстро адаптируется к новой среде, в отличие от нас.

- Усовершенствованная? – Джаво с трудом сдерживался, чтобы не сбежать. Да и куда бежать он не знал. В памяти остался лишь извилистый коридор да множество закрытых дверей. И если даже удастся найти выход, то как заставить работать старую пневмокапсулу? – О каких усовершенствованиях вы говорите? – спросил мальчик.

- Возьми меня за руку и все узнаешь, - предложила Турелла.

Джаво бросил короткий взгляд на Рахаба, которого уже начал воспринимать как друга.

- Хочешь, чтобы он пошел с нами? – прочитала мысли мальчика Турелла. – Это не проблема. Нейропаты всегда держатся вместе. Мы – новое общество в старом мире. И скоро нас станет намного больше.

Тьма за спиной Туреллы заискрилась сильнее и потянулась к

людям щупальцами-вспышками. Джаво представил, как, вернувшись домой, рассказывает друзьям о сегодняшнем приключении, услышал их звонкий смех и решил, что сбегать точно нельзя. Да и черная комната не только пугала, но и вызывала интерес, подогреваемый мыслями Туреллы, показывавшими, что ничего страшного за порогом нет.

- Ты – новое поколение нейропатов, Джаво, - услышал мальчик в своей голове слова неизвестного, скрытого тьмой экспериментального терминала.

- Как много там людей? – спросил Джаво, до боли в глазах вглядываясь в черноту за дверным проемом.

- Тебя интересуют только нейропаты или люди вообще?

- Только нейропаты.

- Тогда никого кроме нас.

- Чей же голос я слышу? Кто-то говорит со мной из этой комнаты.

- Может быть, это Юмико?

- Юмико?

- Рахаб не рассказал тебе о Юмико?

- Рассказал, просто я думал, что она может общаться с нейропатами, только когда соблюдены определенные условия.

- Если ты присоединишься к нам и убедишь отца взять под опеку основные разработки новых терминалов, то нам станут не нужны подобные формальности. Нейропаты превратятся в новую расу сверхлюдей, которые в совокупности с современными технологиями придут на смену устаревших проектов, вытеснив рано или поздно обыкновенных жителей КвазаРазмерности.

- Я не хочу никого вытеснять, - насторожился Джаво, вспоминая отца. – Мои родители самые обыкновенные. И друзья… Если честно, то я совсем не хочу быть нейропатом. Лучше вернуть все, как было… - мальчик вздрогнул, услышав в своей голове смех Туреллы.

Следом за Туреллой смеяться начал и Рахаб, и… Джаво понимал, что этого не может быть, но мог поклясться, что слышит свой собственный смех. Кто-то внутри него хотел быть сверхчеловеком и высмеивал собственные слабости, которыми обладал до того, как у него обнаружился дар нейропатии.

- Ничего не изменилось! – крикнул Джаво и попытался высвободить руку из ладони Туреллы.

Женщина оказалась сильной, и чем настойчивее Джаво пытался освободиться, тем громче становился его собственный смех. Затем чернота нового терминала разверзлась и проглотила его. Или же это он сам сделал шаг в открытую дверь? Он – другой, высмеивающий человеческие слабости и привязанности.

- Пусти меня! – крикнул Джаво не столько Турелле, сколько своей второй половине, вцепившейся в сознание мертвой хваткой, продолжая истерично хохотать, сводя с ума. – Пусти… - он захлебнулся хлынувшей в рот густой чернотой, которая заполнила его без остатка, лишила тела, оставив обнаженное сознание, которое сжималось, не зная, куда спрятаться и как вернуть утраченное тело.

Холод стал абсолютным. Ничего не осталось. Мир замерзал, и вместе с ним замерзало попавшее в ловушку сознание. Или же не в ловушку?

- Хватит хныкать, мальчишка! – услышал Джаво детский голос, звучавший, казалось, отовсюду.

- Кто здесь? – Джаво тщетно пытался понять, как устроен мир, в котором он оказался.

Какими были законы, правила, основные протоколы? Если это Подпространство, то почему точка сборки не адаптировалась к новой среде, почему отсутствуют алгоритмы восприятия?

- Где я? – закричал Джаво, исторгая вместо слов тьму, из которой состояло его тело, и можно было кричать бесконечно долго, выдыхая тьму самого себя, которая снова становится тобой.

«Где я?» - подумал Джаво, заставляя себя успокоиться.

Тишина.

- Кто я? – спросил мальчик.

- Вот так уже лучше, - похвалил его за сообразительность старческий надтреснутый голос.

- Кем я стал?

- Кем стали мы все мы, - поправил голос женщины, который почему-то напомнил ему голос матери.

- Или кто стал нами, - добавил мужской голос, напомнив голос отца.

- Я – это вы? Или вы – это я?

В ответ раздался детский плач, сменившийся старческим хрипом, возможно последним, изданным за мгновение до смерти.

- Всегда и никогда, - прошептал хор голосов. – Везде и нигде – ты… Повсеместно… Ежесекундно и длинною в вечность… - шепот хора голосов усилился до невыносимых вибраций, от которых, казалось, могла распасться личность. – Все и ничто, - громыхал едва различимый шепот тысяч голосов одного голоса в разные временные промежутки.

Бесконечные вибрации пронзали сознание Джаво, уносясь в недосягаемую даль пустоты, чтобы вернуться, отразившись от еще одной содрогающейся личности.

- Рахаб! – догадался мальчик. – Рахаб и Турелла!

Невозможно было сопротивляться вибрациям и невозможно отдаться во власть их накатывавших беспощадных волн.

- Ты – ничто. И ты – это все, - услышал Джаво шепот себя самого.

Шептали младенец и старик, юноша и мужчина. Шептали, обливаясь слезами и радуясь, печалясь и гогоча до слез, ненавидя и любя, готовясь умереть и принести себя в жертву. Все это был один человек, но в разные промежутки времени, словно жизнь сжалась до абсолютной единицы в планковской системе исчисления и одновременно растянулась до кальпы, вобравшей в себя больше четырех миллиардов лет, за которые можно произнести тысячи триллионов слов, но теперь все они звучат в одно мгновение, разрывая мир бесконечными вибрациями.

- Ты – ничто. И ты – это все.

- Я – ничто. И я – это все, - согласился Джаво, распадаясь на мельчайшие частицы, превращаясь в бесконечные вибрации, способные существовать как в материальном мире, так и в мире энергии.

- Рахаб! – позвали вибрация, признавая себя всем и одновременно никем.

- Я здесь, - родилась родственная вибрация где-то в бесконечном море колебаний.

- Это потрясающе, Рахаб! – признался мальчик. – Это лучше самой невероятной истории, доступной в мире КвазаРазмерности.

- Я знаю.

- А эти колебания… Ты знаешь, что это за место?

- Ученые Энрофы называют это исходным кодом схем жизнеустройства, отвечающих за работу нашего двухуровневого мира КвазаРазмерности.

- Нашего? Есть и другие. Как много?

- Это называется плиткой многоуровневости бытия, мой мальчик, - обозначила свое присутствие Турелла. – Некоторые акеми считают, что все это создано для поддержания более сложного состояния мира, понимаемого, как дом жизни.

- Почему я никогда не слышал о подобных теориях?

- Потому что клирики Всемирной иерархии объявили учение акеми ересью, а центры Энрофы, способные построить подобные машины, придали анафеме.

- Но если подобная машина построена, то теперь можно рассказать о ней людям! Пусть они сами все увидят!

- Обычные люди не смогут ничего увидеть. Они либо не вынесут перехода на новый уровень сознания, либо навсегда застрянут на базовых этапах распада личности. Доступ к исходному коду схем жизнеустройства открыт только

нейропатам. Только нейропат мог разработать подобную машину, и только нейропат способен создавать необходимые для правильного функционирования протоколы переносов на столько глубоком уровне. Для остальных людей это станет либо прокрустовым ложем, либо удачным способом попасть в Квазар, в обход устаревших терминалов. Понимаешь теперь, почему мы привели тебя сюда?

- Я должен был увидеть это своими глазами и рассказать отцу, чтобы он помог вам продолжить исследования?

- Ты должен был стать частью этого.

- Как сейчас? Превратившись в вибрации, утратив личность, и снова осознав себя личностью?

- Да.

- А если отец не послушает меня?

- Обязан послушать. Ты сильный нейропат. Покажи ему то, что сможешь запомнить об исходном коде схем жизнеустройства, когда вернешься в Размерность.

- Показать? Не думаю, что у меня получится.

- Не нужно думать. Просто сделай. Твоим способностям под силу многое.

- А можно тогда Рахаб пойдет со мной и поможет, если я сделаю что-то не так?

- Тебе не нужны ни Рахаб, ни я. Ты сильнее нас. Мы встретились с учеными Энрофы уже после того, как стали нейропатами. О твоих способностях нам сообщили прежде, чем ты активировал их, и в исследовательском центре, где ты проходил обследование, тебе сделали инъекцию, разработанную учеными Энрофы. Это помогло сконцентрировать твои способности на начальных стадиях, ограничив утечки, сбои и отмирания важных участков мозга, отвечающих за восприятие, неизбежные в процессе становления способности, как это было с обычными нейропатами вроде меня и Рахаба. Не считай себя особенным, потому что подобный процедуре подвергся еще ряд дремлющих нейропатов как в нашем жилом комплексе, так и в других двух. Твоей исключительностью является лишь твое происхождение. Не будь твой отец богат, ты бы жил, как обычный нейропат второй волны, за которым тайно приглядывают нейропаты первой волны. Но кроме природы у ученых есть и другие препятствие в виден необходимого финансирования и столкновений с клириками Всемирной иерархии. Так что…

- Я все понимаю.

- Это хорошо.

- А можно задать еще вопрос?

- Конечно.

- Мои чувства. Если я принадлежу к нейропатам второй волны, означает ли это, что проблема с выжиганием чувств по мере развития способности решена?

- Ты увидел исходный код схем жизнеустройства, но все еще печешься о присущих примитивному материальному миру чувствах?

- Немного.

- Тогда вынуждена тебя расстроить – ученые Энрофы не работали над сохранением чувств. Им было важно устранить утечки способности во время ее формирования. Пока это все. Возможно, если ты уговоришь своего отца помогать нам, в третьей волне нейропатов учтут проблему выжигания чувств. Не раньше.

Глава восьмая

- Где ты был? – не поверил отец, когда Джаво вернулся домой, рассказав о встрече с нейропатами.

Одним из главных доказательств правоты сына, был старый ремонтный синергик, которого Рахаб послал с мальчиком, проводив до капсулы общественного транспорта, доставившей их в тайное убежище. Прощание вышло сухим и коротким.

- Я обязательно вернусь, - пообещал Джаво. – Поговорю с отцом и вернусь.

Рахаб кивнул. Он стоял на ремонтной платформе, пока пневмокапсула с мальчиком и синергиком не скрылась из виду.

- Эти люди похитили тебя, - сказал отец, выслушав историю сына. – Они не могут быть твоими друзьями.

- Рахаб не похищал меня, - насупился Джаво. – Он спас меня от ареста. Я заблудился, запаниковал. Группа туристов решила, что я клон, сбежавший из незаконного центра Энрофы. Их галдеж привлек внимание мужчины, который действительно имел отношение к производству клонов. Я видел его мысли о запрещенных Всемирной иерархией центрах.

- Ты что? – не то растерялся, не то разозлился отец.

- Я – нейропат, забыл?

- Не говори…

- Если я не буду говорить о том, какие способности развиваются во мне, то это ничего не изменит! – топнул ногой Джаво.

Повисла неловкая пауза.

- Работника незаконного центра Энрофы звали Верак, - решил продолжить мальчик. – Я увидел это имя так же, как увидел процесс выращивания клонов. Увидел, как адепты «Мункара и Накира» используют клонов для рождения детей естественным путем. И не только адепты… Богатые люди тоже иногда предпочитают покупать клона, в теле которого вырастит их ребенок…

- Я никогда не хотел так поступить, и не знаю никого, кто пользовался подобными услугами, - процедил сквозь зубы отец, меряя сына гневным взглядом.

- Я знаю… Вижу в твоих мыслях, что ты не врешь, но тогда… - Джаво старался не замечать, не воспринимать буквально пульсирующую вокруг отца ауру гнева. – Тогда я запаниковал, испугавшись своих способностей. А потом подошел хранитель, и

я… Не знаю, как это вышло, но… Туристы галдели, считая меня сбежавшим клоном, и хранитель, желая выяснить, что происходит, продирался в центр толпы. Разговоры о клонах заставляли его вспоминать незаконные центры Энрофы. Я видел процесс ликвидации и переработки клонов. И… Не знаю, как это вышло, но… я стал проводником, объединив мысли работника незаконного центра Энрофы и хранителя, который попытался задержать нарушителя. В результате заварушки хранитель погиб, а затем, когда прибыли другие служители Иерархии, нейронные службы контроля допустили ошибку и уничтожили нарушителя. Меня посчитали виновником случившегося и хотели арестовать, но я сбежал воспользовавшись тем, что среди туристов началась паника, потому что они решили, что следом за нарушителем свихнувшиеся нейронные службы контроля начнут уничтожать простых людей… Тогда меня и встретил Рахаб.

- Ты хочешь сказать, похитил, - поправил отец.

- Нет, встретил, - настырно качнул головой Джаво. – Он помог мне скрыться, сделав инъекцию дополнительных жидких чипов, протоколы которых помогли мне скрыться от слежения нейронных сетей.

- Скрыться – это значит сбежать на старой пневмокапсуле, века назад списанной в утиль? – уточнил отец, увидел кивок сына и едва не вышел из себя. – О чем ты думал?! Ты понимаешь, что передвигаться на подобном транспорте опасно?!

- Я нейропат! – закричал Джаво, потеряв терпение. – Что может быть опаснее?

- Не смей…

- Кричать на тебя?

- Ты испытываешь…

- Твое терпение? – мальчик смотрел на отца безумными глазами, пугая родителя. – Я могу увидеть все, о чем ты думаешь сейчас. Каждую твою мысль. Я – ренегат, которого боятся люди. Хранители считают меня виновником гибели двух людей, и, возможно, они в чем-то правы. Я побывал в ремонтных полостях пневмотоннелей, вошел в экспериментальный терминал, находящийся в стадии глубокого тестирования, вернулся с настоящим ремонтным синергиком, но после всего этого ты отчитываешь меня за то, что я пользовался старой пневмокапсулой?!

Отец не ответил. Обернувшись, он окинул ремонтного синергика недобрым взглядом и признался, что не понимает, как нейронные службы контроля позволили этой машине передвигаться в жилом комплексе.

- У него установлен модуль подмены личности, который

взаимодействует исключительно с биологической частью системы, позволяя нейронным службам контроля видеть в нем не машину, а обыкновенного человека, - наигранно устало пояснил Джаво.

- И кто установил ремонтному синергику модуль подмены? – спросил отец, пытаясь найти нестыковки в рассказе сына. – К тому же, если меня не обманывает получаемая сейчас по нейронной сети информации, ремонтные синергики изначально программировались исключительно для обслуживания пневмотоннелей и личного развития в соответствии с нормами безопасности, предъявляемым к общественному транспорту. Ни о каком взаимодействии с чужаками, присутствие которых не предусмотрено проектировщиками, речи не идет. Больше, при обнаружении посторонних в пневмотоннелях, системы обслуживания обязаны расценивать не установленные объекты как брак и поломку, пытаясь устранить дефект. Так что ни ты, ни похитивший тебя нейропат по имени Рахаб, не могли находиться в ремонтных полостях пневмотоннелей.

- Ты не слушаешь меня! – закричал мальчик, едва не затопав ногами. – Почему, прежде чем отрицать, ты не хочешь попытаться найти объяснение?

- Именно этим я и занимаюсь.

- Пытаясь доказать, что я все придумал?

- Ну не все… - отец нахмурился, заставляя себя не смотреть на старого синергика. – Но вот в возможность предсказывать будущее, программируя основные ядра биоэлектронного мозга ремонтных синергиков с учетом встречи много лет спустя с нейропатами… - он тяжело вздохнул и качнул головой. – Как ты говорил называется тот вышедший из-под контроля адаптивный алгоритм?

- Юмико… И это не адаптивный алгоритм.

- Ты инженер Размерности, чтобы делать подобные выводы?

- Нет.

- Ученый Энрофы?

- Нет.

- Ты хотя бы видел Юмико?

- Нет, но Рахаб сказал, что я смогу подключиться к ней в любой момент, если приобрету стороннюю программу для разработанного Иерархией модуля блокировки, способного проверить уровень эмпатии нейропата.

- И что это за программа?

- Ее разработали местные инженеры Размерности.

- Это понятно, но ты знаешь, сколько всего на рынке программ для модуля блокировки, учитывая, что их дюжинами

портируют, используя исходники других интерактивных платформ, благо возрастных ограничений у последних нет. Так что либо ты говоришь мне название конторы разработчиков или имя инженера, создавшего стороннюю программу, либо… - отец демонстративно развел руками. – Либо я бессилен и придется признать, что Юмико – это миф.

- Юмико не миф! Она повсюду, понимаешь? Может быть, даже сейчас она где-то здесь, наблюдает за нами.

- Пусть тогда покажется.

- Это не так просто ее могут видеть только нейропаты.

- Значит, ты ее видишь?

- Нет… - Джаво насупился и, опустив голову, уставился себе под ноги. – Рахаб не мог обмануть меня.

- Думаю, Рахаб использовал твою болезнь, чтобы подобраться ко мне.

- Ты не видел новый терминал, не знаешь что такое стать частью вибраций исходного кода схем жизнеустройства. Это другой мир, другие истины и восприятия. Рахаб говорит, что нейропатов становится все больше и больше. Ученые Энрофы работают над усилением врожденных способностей.

- Об этом я уже сообщил своим людям в Иерархии, - отец поджал губы, сдерживая гнев. – Думаю, подобное вмешательство заинтересует многих хранителей, которые проведут тщательное расследование совместно с коллегами из других жилых комплексов, чтобы предотвратить подобные происшествия в будущем.

- Так ты веришь, что я принадлежу к нейропатам второй волны, но не веришь, что когда-то люди изменятся?

- Я верю, что ты болен, Джаво.

- Но…

- И если твои слова о том, что дремлющие в тебе способности к нейропатии были усилены кем-то извне, окажутся правдой, то клянусь, что сделаю все возможное, чтобы наказать виновных.

- Я не обижаюсь на них.

- Ты еще ребенок и многого не понимаешь.

- Но у тебя ведь много единиц Влияния. Что изменится, если ты потратишь часть на разработки нового терминала?

- Официально проект закрыт. Ты хочешь, чтобы я нарушал установленные катехизисы, спонсируя разработки, касающиеся изучения схем жизнеустройства?

- Разве ты не говорил, что если бы слепо исполнял каждое предписание Всемирной иерархии, то давно разорился?

- Верно. Говорил. А теперь вспомни, что я говорил о жуликах, которые вертятся возле таких как я? Они узнали о нашей беде и

решили провернуть аферу.

- А как же вибрации исходного кода схем жизнеустройства, которые я видел?

- Ты знаком с работами резонансных инженеров или с наукой акеми, чтобы узнать базовые вибрации исходного кода?

- Ты знаешь, что нет.

- Тогда как ты отличил исходный код от подпространственной интерактивной площадки, построенной специально для того, чтобы обмануть тебя?

- Мы не пользовались терминалом. Я просто вошел в ту черную комнату и все.

- Значит, это была сложная нейронная реконструкция.

- Черта с два!

- Не выражайся.

- А ты не держи меня за дурака. Думаешь, я не смогу отличить нейронную реконструкцию от вибраций исходного кода схем жизнеустройства?

- Разве ты только что не признался, что не можешь определить исходный код схем жизнеустройства?

- Ты знаешь, о чем я!

- Я знаю лишь то, что тебе нужно успокоиться, - отец положил тяжелую руку сыну на плечо. – Доверься мне, Джаво. Позволь решить эту проблему.

- Какую проблему? – мальчик тяжело вздохнул. – Ты сможешь сделать так, чтобы я перестал быть нейропатом, или что?

- Я готов потратить все единицы Влияния, что у меня есть, лишь бы избавить тебя от этого недуга.

- И ты думаешь, у тебя получится?

- Я сделаю все, что в моих силах, найму лучших специалистов, арендую новейшие лаборатории…

- И сколько потребуется на это времени? Как много во мне останется чувств, когда лекарство будет найдено?

- Об этом я уже подумал. Мы отправим тебя в Квазар.

- Ненавижу Квазар. У меня там нет ни одного родственника.

- Я не говорю о мире Квазар. Речь идет о любом игровом проекте, который ты выберешь.

- Ты хочешь, чтобы я спрятался от своих способностей в Подпространстве? – прищурился Джаво.

- Пока не найдется решение проблемы.

- Любая игра. И не волнуйся о возрастных ограничениях. Я решу эту проблему.

- А если я откажусь?

- Откажешься?

- Что если я захочу присоединиться к другим нейропатам?

Что если я больше не презираю себя за свою способность, а горжусь этим?

- Не говори так.

- А ты попытайся представить, что Рахаб прав, и природа действительно обновляет наш вид. Люди меняются, и оставаться прежним – это не спасение, а проклятие.

- Я не хочу это слушать! – разозлился отец, повышая голос.

Он ушел, оставив сына одного, активировав нейронные системы защиты дома. Сколько раз доброжелатели советовали ему усилить контроль, признав, что Джаво может оказаться под ударом? Но нет, он хотел, чтобы сын рос не чувствуя давление богатства. Что ж, выходит, это было ошибкой.

Демир связался с личным консультантом и велел ему провести повторный анализ медицинских исследований Джаво. «Если повезет, то склонность к нейропатии может оказаться фальсификацией, сфабрикованной исключительно для того, чтобы подобраться ко мне», - думал беспокойный отец, делая одновременно с этим по закрытому каналу нейронной связи запрос на поиск агентства «Ксанет», предлагавшего ему услуги год назад, обещая решить любую проблему. Тогда богатый арендодатель послал их к черту и забыл о предложении, но не прошло и месяца, как услышал о «Ксанет» от знакомых, которым агентство помогло разобраться с коррупцией на строительных площадках. Сейчас Демир надеялся, что «Ксанет» поможет ему разобраться с проблемами сына.

Ответ на оставленный запрос пришел четверть часа спустя. «Ксанет» принимал извинения крупного арендодателя, но отказывался вести переговоры посредством нейронных сетей, предлагая личную встречу.

- Вы считаете, что проблемы вашего сына не стоят труда, прийти к нам в офис? – спросил представитель «Ксанет», когда Демир попробовал торговаться.

- Откуда вы знаете о моем сыне? – не столько растерялся, сколько насторожился делец.

- Вы рассматриваете возможность фальсификации данных медицинских тестов сына группой нейропатов, пытающихся вытянуть из вас крупную сумму единиц Влияния, но считаете, что об этом никто не узнает?

- Могу я узнать ваше имя? – решил сменить тему отец Джаво, относясь к разговору, как к очередной торговой сделке, где каждый торгуется, как умеет.

- Окс.

- Просто Окс? И никаких координат перемещений по карте КвазаРазмерности или отчета активации ключей резонанса? –

спросил Демир, пытаясь выиграть время. – Кто вас учил общаться с клиентами?

Связь прервалась, оставив нейронное послание с координатами дочернего офиса «Ксанет».

- Вот ведь… - делец выругался на языке коренного жителя Размерности.

Отключив привилегированные системы нейронной защиты, обеспечиваемые Всемирной Иерархией, Демир отправился на станцию общественного транспорта. Интерактивный помощник долго выпытывал координаты места назначения, чтобы проложить оптимальный маршрут с минимальным количеством пересадок, но делец решил, что лучше будет сделать все самому. «И так уже слишком много случайных свидетелей», - думал он, проходя в пневмокапсулу, остановившуюся у перрона. Маршрут был выбран спонтанно, с целью запутать интерактивных помощников. «Давно я не делал ничего подобного», - думал Демир, не без удовольствия вспоминая годы забытой молодости, когда, желая переплюнуть отца, заключал десятки незаконных сделок за спиной семейного бизнеса.

На второй пересадке делец выбрал нужный маршрут, придерживался его на протяжении трех остановок, затем снова выбрал случайную пневмокапсулу. Система была проверенной и редко давала сбой. Конечно, если кто-то очень захочет, то сможет «сесть на хвост» и лично проследить до конечного пункта, но к этому Демир тоже был готов. В годы молодости за ним не могли угнаться ни нейронный службы контроля, ни нанятые конкурентами шпионы, ни представители хранителей. Последние, впрочем, пересекались с молодым отцом Джаво лишь косвенно, преследуя, как правило, его недобросовестных подельников, у которых не было за плечами внушительного состояния, и приходилось рисковать, втягиваясь в крупные авантюры. Что касается Демира, то он всегда был осторожен и предусмотрителен, продолжая семейный бизнес и, надеясь, что настанет день, и его место займет Джаво, и круг не будет разорван. Но у Джаво обнаружилась склонность к нейропатии, а затем мальчика похитила группа отступников и, промыла мозги.

- Как думаете, сможете разобраться с этим? – спросил напрямую делец, когда наконец добрался в «Ксанет».

Его лично встретил глава агентства по имени Лиор, провел в отдельную комнату, ограниченную защитным полем независимого нейронного генератора, и спросил:

- Разобраться с чем?

Взгляд у Лиора был цепким. Маленькие черные глазки выглядели застывшими на рыхлом лице. Тело главы агентства

«Ксанет» было тучным, если не сказать толстым, что являлось крайне редким для человека с интегрированным от рождения жидким чипом, контролировавшим большинство биологических процессов в организме.

- Как я понимаю, - продолжил Лиор, поскольку клиент молчал, ожидая, когда оппонент приоткроет свои карты, выдав часть известной ему информации, - вы хотите, чтобы я навел справки о людях, похитивших вашего сына?

- Не только.

- Вам нужны сведения о незаконных разработках ученых Энрофы, к которым вас пытались привлечь через вашего сына?

- Мне нужно знать все, что связано с историей, которую рассказал мне сын, - произнес Демир, решив проверить, как много знает «Ксанет».

«Если он выдаст, что ему известно о деталях моего разговора с сыном, значит, давно следит за мной и может оказаться заодно с людьми, похитившими Джаво», - решил делец.

- У вас есть нейронная реконструкция разговора с сыном или вы хотите, чтобы мы сами пообщались с мальчиком, - спросил Лиор.

- У меня есть нейронная реконструкция, - сказал Демир, меряя пристальным взглядом главу агентства «Ксанет».

- А если я замечу детали в разговоре, которые не освещены в реконструкции?

- Вам придется пользоваться тем, что есть.

- То есть на разговор с вашим сыном можно не надеяться?

- Нет.

- Что-нибудь еще? Какие-нибудь особенные пожелания?

- Разве что… - делец замялся, понимая, что показывать сомнения не самый удачный способ ведения переговоров. – Вы знаете о том, что такое разработанные для нейропатов модули блокировки, которые проверяют процент развития способностей нейропата и отмирание основных чувств?

- Сейчас все говорят о нейропатах, - пожал плечами Лиор.

- А о сторонних программах восприятия и общения, разработанных для модулей блокировки вместо классического теста эмпатии, знаете?

- Немного.

- Мой сын говорил о той программе, где происходит подмена воспоминаний и присутствует азиатская девочка из прошлого.

- Есть еще что-то или нам работать с ограниченной информацией?

- Мой сын считает, что эту девочку видят только нейропаты… - Демир смущенно пожал плечами. – Ему так сказали похитители.

- Считаете, что это может оказаться заговор нейропатов?

- Заговор?

- Многие сейчас боятся новой силы.

- Я не считаю нейропатию силой. Скорее проказой. А вы?

- Я считаю, что мы ушли от основной темы разговора, - сказал Лиор.

- Да, - согласился делец, но вместо того, чтобы уточнить задание, продолжил смотреть главе агентства «Ксанет» в глаза, заставляя строить догадки.

- Вам нужна эта программа или информация о том, как она в действительности воздействует на нейропатов?

- Я хочу, чтобы вы узнали все, что сможете об этой программе. Кто был ее создателем? Что будет, если обыкновенной человек воспользуется модулем блокировки, активировав программу? Что он увидит? Каким будет воздействие на мозг, на интегрированный жидкий чип...

- То есть, нам нужно нанять группу ученых, которые проведут независимое расследование сторонней программы, использующей интерактивную основу в виде общения с девочкой из прошлого?

- Вам нужен совет, как вести дела?

- Мне нужно знать, что от меня требуется. Это исключает холостой ход расследования и тупиковые направления.

- В моем случае от вас требуется узнать все, что мне нужно. И неважно, холостой это будет ход или нет. Вас не должно подобное волновать. Это относится и к расходам.

Теперь молчал Лиор, позволяя клиенту говорить, высказываться, пускать пыль в глаза.

- Думаешь, перед тобой очередной богатый встревоженный отец? – потерял самообладание Демир.

- Нет, - качнул головой Лиор, и делец вдруг понял, что глава агентства общается с кем-то по закрытому нейронному каналу. – Если хотите получить полный доступ к необходимой вам информации, то не обращайтесь в агентство «Ксанет», а напрямую свяжитесь с представителями скандального монополиста по имени Лок-Кли, у которого одна из самых больших личных информационных баз Размерности, и договоритесь о встрече. Что касается моего агентства, то мы не собираем информацию, а помогаем людям решать проблемы. Я спрашиваю: у вас есть проблемы? – взгляд невысокого толстяка с жидким волосяным покровом на голове коренного жителя размерности стал колким, недружелюбным.

Демир молчал, зная, что без труда сможет выдержать этот взгляд. «И почему все считают богачей хлюпиками?» - гневно думал он, но не мог не признать, что стиль Лиора ему нравится. С

такими людьми проще вести дела, нежели с лицемерными неудачниками с раздутым самомнением, которые тщетно пытаются завысить свои способности. В последние годы Демир общался в основном с крупными дельцами, взгляд которых не имел и десятой доли от твердости взгляда Лиора.

- Мне нравится, что вы местный и не пытаетесь скрывать этого, - сказал Демир главе агентства, не расценивая эти слова как похвалу. – И… Да, у меня проблемы.

Лиор никак не отреагировал на услышанное.

- Кто-то подобрался к моему сыну, и я хочу разобраться с этим, пресечь на корню, - решил делец начать переговоры заново.

- Вы хотите принимать участие в этом лично или будет достаточно точной нейронной реконструкции? – спросил Лиор нейтральным тоном, подчеркивая, что согласен обнулить предыдущий разговор.

- Я готов принять личное участие, если на то будет необходимость.

- То есть вы оставляете этот вопрос на наше усмотрение?

- Да.

- Есть какие-либо приоритеты выполнения задания, или это снова решать нам?

- С нейропатами, похитившими моего сына, можете разбираться в удобном вам порядке, что касается сторонней программы для модуля блокировки, то этот вопрос нужно решить в кротчайшие сроки, предоставив мне подробный отчет и рабочий образец разработанной программы.

- Хотите убедить сына, что похитившее его нейропаты врали о девочке из прошлого?

Демир хотел сказать, что это уже его личное дело, но затем решил просто кивнуть.

- А если программа будет рабочей? – спросил Лиор.

- Что?

- Я спросил вас о том, как вы планируете применить программу, чтобы понять, какой конечный результат от нас необходим.

- Но я думал… - Демир невольно активировал личную реконструкцию воспоминаний о разговоре с сыном. Восприятия разделились на работу с интерактивным нейронным потоком и реальностью. Жидкие чип справлялся с функцией замечательно, но вот мозг, отвыкший за последние годы от подобного буйства информации, начинал подтормаживать. – Вы что, всерьез рассматриваете возможность, что история о девочке из прошлого, которую видят только нейропаты, может оказаться правдой?

- Да, - просто сказал глава агентства «Ксанет», добавив, что

уже просмотрел нейронную реконструкцию разговора Демира с сыном. – Возможно, для более оперативной работы, нам придется воспользоваться сторонними информационными базами, чтобы получить часть второстепенных ответов на главные вопросы, - предупредил Лиор, упомянув имя скандального монополиста Лок-Кли.

- Я никак не связан с Лок-Кли, так что можете не беспокоиться об осложнениях.

- Я думал о вашей репутации.

- Репутация крупного арендодателя никогда не бывает идеальной.

Глава агентства кивнул. Демир хотел задать еще пару вопросов о программе для модуля блокировки, но решил, что это будет лишним и непрофессиональным, выдавая встревоженного родителя, а не расчетливого дельца, коим нужно казаться в общении с посторонними людьми.

Глава девятая

Когда отец Джаво ушел, Лиор деактивировал нейронные образы, созданные поверх официальных образов Размерности за счет независимого генератора, и вызвал к себе единственного сотрудника отдела по имени Окс, который уже разговаривал с Демиром ранее. Агентство «Ксанет» не было фикцией, но когда помогаешь одним людям решать проблемы, прибавляя проблемы людям другим, лучше отказаться от постоянного офиса. В Квазаре Лиор и Окс пользовались универсальным коэффициентом восприятия, подменявшим базисные протоколы точки сборки – лучшая защита от преследования. Оставалось скрыть свою личность в Размерности жилого комплекса Isistius labialis, воспользовавшись услугами терминала переходов, чтобы попасть в жилой комплекс Galeus longirostris или Hexactinellida, где снова обратиться в терминал переходов, но на этот раз незаконный, и вернуться в родной жилой комплекс в теле клона.

- Хочешь, чтобы я встретился с Недом? – спросил Окс, глядя на компаньона ничего не выражающим взглядом.

- Связаться с представителями Лок-Кли мы всегда успеем, - протянул Лиор, с трудом удерживая связь с реальностью, запустив в два потока нейронный информационный поиск. – Делец хочет вернуть доверие своего сына, разоблачив обман промывших сыну мозги нейропатов.

- Так мы ищем любительскую программу для модуля подмены нейропатов? – голос Окса был пресным, как и взгляд.

- Разберемся с девочкой из прошлого, а там увидим, что делать дальше, - сказал Лиор.

Окс кивнул и закрыл глаза.

- Ты бы не мог вернуть мне контроль хотя бы над половиной мозга, - попросил он компаньона, который увлекся, активировав третий поток нейронного поиска. – Я, конечно, понимаю, что ты у нас голова, а я мускулы, но какой от меня будет прок, если я не смогу думать вообще?

- Извини, - примирительно улыбнулся Лиор, спешно деактивировав два поисковых потока из трех. – Иногда возможность использовать дополнительно чужие способности затягивает.

- Да, я знаю, - хмуро согласился Окс, вспоминая, как сам недавно допустил подобную оплошность, используя во время потасовки дополнительную энергию, предназначенную для жидкого чипа Лиора.

Технология замещения была экспериментальной и не

одобрялась Всемирной Иерархией, хотя официального запрета до сих пор не вышло. Интегрировать апгрейд жидкого чипа предложил Окс, хотя со стороны генератором идей казался Лиор. Впрочем, до того, как им интегрировали дополнения к жидким чипам, все было с точностью до наоборот.

Несколько лет агентство «Ксанет» было крохотной конторой, едва сводившей концы с концами, готовой взяться за любую работу, какой бы грязной та ни была, но и этого было мало, чтобы держаться на плаву. Бесконечные мелкие правонарушения, долги и просто ряд случайностей тянул «Ксанет» ко дну, заставляя учредителей всерьез начать задумываться о том, чтобы вернуться к прежнему способу заработка – Окс перебивался мелкими подрядами на строительных площадках, где услуги третьесортного координатора оплачивались до смешного низко, а Лиор сотрудничал с незаконными терминалами Энрофы, сдавая в аренду свое тело для желающих совершить временный переход в прославившийся игровыми площадками жилой комплекс. Последний способ заработка обещал внушительные премиальные, но большинство прибылей уходило на лечение собственного тела после обмена – мало кто заботился о теле донора, относясь к нему почти так же расточительно, как к телу клону, а иногда и хуже, считая, что если человек решил заработать, заложив собственное тело, то ниже падать уже некуда.

Ко дню когда Окс и Лиор встретились, решив организовать небольшую контору, обещавшую местным жителям помочь разобраться с любой проблемой, часть тела Лиора была заменена дешевыми имплантатами. Окс прогуливал заработанные гроши в квартале, славившимся скандальными салонами, предоставлявшими интимные услуги, преданные анафеме Всемирной Иерархией да и большей частью современного общества в целом. Но после того как игровые площадки начали реконструировать канувшие в небытие эпохи до становления КвазаРазмерности и повсеместной интеграции жидких чипов, спрос на забытые, отмирающие инстинкты и образы жизни снова начал появляться в узких кругах. Сначала это были игроманы, собиравшиеся вместе вне игровых площадок, предпочитая продолжать поддерживать атмосферу игры, затем к ним начали присоединяться туристы, решившие, что побывать в прославленном игровыми площадками жилом комплексе и не посетить незаконные салоны – непростительный грех.

Турист из жилого комплекса Galeus longirostris, арендовавший тело Лиора, решил попробовать нейронный наркотик, но вместо незабываемых впечатлений коллапсирующей реальности получил нож под ребра, когда торговец нейронным «счастьем» оказался

простым воришкой. Ранение оказалось легким, и решивший продолжить приключения турист бросился в погоню за воришкой, который скрылся в ветхой, давно заблокированной ветке пневмотоннелей. Впрочем, о том, что это пневмотоннель помнили разве что местные. Для других это были просто обледеневшие трущобы, от которых держались подальше даже скрывавшиеся от хранителей нарушители.

- Думаешь, сможешь напугать меня? – крикнул турист, арендовавший тело Лиора.

Воришка ответил громким смехом, который раззадорил туриста сильнее.

- Я найду тебя и задушу! – пообещал он, пытаясь представить, как сожмет горло вора и будет смотреть в угасающие, налитые кровью глаза. Нечто подобное турист видел в игровом проекте «Голод», когда покупал ключ банды «Двухголовых Драконов». С тех пор пристрастие к играм давно кануло в небытие, но воспоминания о драйве и пережитых эмоциях остались. – Ты знаешь, что перед тем, как умереть человек может обмочиться? – спросил турист, осторожно, почти наощупь продвигаясь по обледеневшему пневмотоннелю. – Надеюсь, твой жидкий чип работает исправно, потому что я не хочу, чтобы твой мочевой пузырь опорожнился, когда я буду душить тебя.

Он еще что-то говорил, но вор не слушал его – выставил несколько старых, разработанных местным умельцем капканов и затаился. Турист чудом миновал первый капкан и наступил правой ногой во второй. Щелкнул зажим. Стальные зубья сомкнулись на лодыжке, разрывая плоть и дробя кости.

- Получи, чертов игроман! – заверещал, ликуя, воришка. Выскочил из убежища и начал пританцовывать вокруг пойманного олуха, пока сам не угодил в еще один капкан.

Теперь настало время смеяться туристу – тело воришки было его собственным, тогда как турист использовал чужое. Воришка взвыл, завертевшись на месте. Боль была такой сильной, что казалось, став материальной, брызжет на обледеневшие стены вместе с кровью из разорванных артерий.

- И все-таки я тебя придушу, - сказал турист.

Дополнительные модули блокировали семьдесят процентов боли чужого тела, давая преимущество перед верещавшим воришкой. Турист попытался разжать усеянные острыми зубьями дуги капкана, понял, что это не удастся, и, стиснув зубы, начал отрывать искалеченную ногу, державшуюся практические на одних сухожилиях. Во времена увлечения игрой «Голод» турист уже проделывал нечто подобное, когда начались бунты, и прогремевший рядом взрыв повредил его игрового клона

разорвав туловище надвое. После этого турист продолжал набирать очки еще три дня: притворился мертвым и убивал всех, кто имел неосторожность подойти на расстояние удара ножом. Но прежде этим ножом ему пришлось отрезать клону нижнюю часть туловища, безнадежно застрявшую под рухнувшей после взрыва стеной. Так что с ногой справиться он сможет.

Увидев, как турист отрывает свою ногу, воришка, обливаясь потом и слезами, начал просить пощады, возвращая не только украденные у туриста наркотики, но и весь свой улов за долгий вечер. Турист в теле Лиора смеялся, продолжая ползти к своей жертве. Возможно, если бы воришка не запаниковал, а попытался защищаться, то у него был бы шанс, а так… Турист вскарабкался на него и повалился с ног, прижав к обледеневшим конструкциями заброшенной ветке пневмотоннелей. Вместо левой руки, которую потерял после того, как богатый делец на спор решил отрубить ее, выплатив после неплохие отступные, Лиор установил недорогой, но качественный органический имплантат, превосходивший по силе обычную руку в несколько раз. Турист воспользовался этим, сдавив имплантатом горло жертвы. Воришка захрипел.

Несмотря на заброшенность, в бывшем тоннеле продолжали работать утилизационные службы жилого комплекса. Пролитая кровь активировала системы тонкой очистки. Нейронные сети преобразовывали плазму и форменные элементы выделяя едва заметное свечение, которое усилилось, когда процесс затронул переработку оторванной конечности, застрявшей в капкане. Сдавливая горло жертвы, турист ждал, когда глаза воришки начнут наливаться кровью, но вместо этого услышал хруст ломающихся хрящей голосовой коробки, а следом за этим в лицо ударила кровь из раздавленного горла воришки.

Турист растерянно отпрянул назад, отрешенно наблюдая, как светится в процессе утилизации мертвое тело воришки. Тонкая очистка коснулась и туриста, избавляя его от чужой крови. Доступ нейронных сетей к жидкому чипу был частично блокирован, поэтому о повреждениях и активации нейронного медицинского помощника не могло быть и речи. Кровь хлестала из раны, заливая обледенелый пол тоннеля. Туристу было плевать на тело, в котором он находился, но если умереть сейчас, не добраться до терминала переносов, то вернуться в свое тело не получится. Это не игра «Голод», где невозможно пострадать. Здесь, потеряв ключ резонанса, ты затеряешься в бесконечных колебаниях Подпространства. Так что смерть чужого тела, в котором ты находишься, будет означать не только смерть добровольца, решившего заработать, предоставив незаконному

терминалу свое тело на время, но и смерть находящегося в этом теле постороннего сознания.

Турист активировал протокол первой помощи, получив прямой доступ к интегрированному жидкому чипу. Процесс был крайне опасным, но после нескольких лет в «Голоде» на многие вещи смотришь иначе, хотя большинство людей считало, что пользоваться протоколом экстренной помощи, это все равно что пытаться сделать себе операцию на жизненно важном органе не имея возможности блокировать боль.

- Ну, не все так страшно, - проворчал турист, пытаясь разобраться в нейронном анатомическом образе собственного тела, чтобы интегрированный жидкий чип заблокировал кровоток в поврежденных артериях и венах оторванной капканом ноги.

Следом за кровотоком он деактивировал чувствительность нервных окончаний и попытался подняться. С третьего раза ему это удалось. Раздробленная кость хрустнула, продавив корку льда, покрывавшего стены и пол заброшенного пневмотоннеля. Наступать на оторванную ногу было неудобно, и турист несколько раз чуть не упал, прежде чем выбрался в жилые районы уровня. Утилизационные службы продолжали перерабатывать попавшую на него кровь воришки, и поэтому лицо туриста слабо люминесцировало.

Именно это призрачное свечение и привлекло к нему внимание Окса, покидавшего местный салон. Затем координатор заметил, что у человека оторвана ступня и предложил помощь.

- Активируй своего медицинского помощника и оплати нейронный экзоскелет для меня, - сказал турист.

- Боюсь, у меня не хватит единиц Влияния, чтобы сделать это, - растерялся Окс.

- Если я не попаду в терминал переходов, то мне кранты, - сказал турист.

- Так ты не местный, - протянул разочарованно Окс, собираясь уйти.

- Если умру я, то умрет и тот, чье тело я взял в аренду, - закричал турист. – Не хочешь помогать мне, помоги своему соседу.

Окс остановился, спросил туриста, откуда он, и снова хотел уйти.

- Пожалуйста, - снизошел до просьбы гордый житель центрального жилого комплекса Galeus longirostris.

- Ненавижу, когда такое происходит, - признался Окс, и велел туристу обнять его за шею, чтобы они смогли доковылять до местного инженера, у которого найдется функционирующий медицинский модуль прошлого поколения, который сможет

обработать рану, игнорируя блокировки жидкого чипа.

- Просто доставь меня в терминал, - попытался торговаться турист. – Этого будет достаточно.

- Для тебя, может, и достаточно, а вот для парня, тело которого ты сейчас убиваешь… - Окс опустил глаза к луже крови, скопившейся под обрубком ноги. – Не знаю, как ты смог перекрыть кровообращение основных поврежденных артерий, но рана продолжает убивать тебя, а в районе, где находится твой терминал перехода, я не знаю ни одной конторы, где могут оказать медицинскую помощь.

- Найдешь, - пожал плечами турист.

- Найду? – Окс растерянно хлопнул глазами, борясь с желанием дать наглецу в зубы. Одно дело не беречь тела клонов – он видел подобное довольно часто на строительных площадках, но вот наплевательски относиться к телу настоящего человека… - Надеюсь, хозяин тела отнесется с пониманием, - проворчал Окс, от души приложившись в ухо заносчивому туристу, заранее зная, что блокировки боли меньше всего распространяется на область головы как у клонов, так и у сданных в аренду тел настоящих людей.

Турист не потрудился сдержать проклятия, но стал намного сговорчивее. Позднее, уже в терминале переходов, когда сознание Лиора вернули в пострадавшее тело, Окс рассказал ему ту часть истории, которую смог вытянуть из туриста, извинившись за удар в ухо.

- Думаю, это меньше из приключившихся со мной в эту ночь зол, - отмахнулся Лиор, снова и снова поглядывая на обрубок, красовавшийся вместо ступни.

- Инженер, который залатал твою рану, сказал, что может сделать качественный недорогой имплантат, - предложил Окс.

- Было бы не плохо, - согласился Лиор.

Так началась их дружба, результатом которой стало создание агентство «Ксанет» - очередная авантюра отчаявшихся бедняков Isistius labialis. «Мы решим любые проблемы», - обещали учредители агентства, но клиентов было мало, да и те, что были, часто предпочитали сбежать, не оплатив оказанные им услуги. Окс начал поговаривать о том, что может немного подработать, вернувшись на строительные площадки.

- А куда на подработку отправляться мне? – мрачно спросил Лиор. – Снова сдавать в аренду свое тело в незаконных терминалах Энрофы?

И все закончилось бы именно этим, если бы в «Ксанет» не обратилась отчаявшаяся женщина инженер по имени Эсфирь. На вид она была не похожа ни на коренного жителя Размерности, ни

на жителя Квазара. Высокий рост свидетельствовал в пользу последнего, но на голове девушки красовались два лохматых пучка рыжих волос, что говорило о принадлежности к материальному миру. И еще у нее были огромные темно-карие глаза на небольшом лице, которое из-за размера глаз казалось еще меньше.

- Ты случаем не клон? – спросил Окс, когда впервые увидел женщину, тщетно пытаясь определить ее возраст.

Женщина явно не было старухой, но и молодой ее назвать язык не поворачивался. Она была чем-то средним, почти неопределенным, в зависимости от того, с какого угла на нее смотреть, словно в Размерности научились подменять коэффициент восприятия, как это происходило в Квазаре.

- Кто ты, черт возьми, если не клон? – спросил Лиор, хотя женщина не ответила на предыдущий вопрос.

- И что не так с твоими глазами? – поддержал напарника Окс.

- Я – то, кем вы никогда не станете, олухи, - резко сказала женщина. И тут же добавила совершенно другим подавленным, напуганным голосом: - Пожалуйста, помогите мне. Я не знаю, что делать.

Большие глаза на крохотном лице разбежались в разные стороны, пытаясь пристально смотреть сразу на двух мужчин.

«Жуть какая-то», - невольно поежился Окс и покосился на напарника. Лиор понял друга без слов и согласно кивнул.

- Гордыня правит миром, - сказала женщина, начиная бешено вращать большими глазами. – Лед и пламя. Тепло и холод. Замерзшие моря оттают вновь, но в прошлом. В будущем нас ничего не ждет. Только тепло…

- Наверное, вы обратились не по адресу, - начал было Окс, но устремленный на него левый глаз женщины, в то время как правый продолжал смотреть на Лиора, заставил замолчать, запнувшись на полуслове.

- Как много боли, - промурлыкала незнакомка. – Как много чувств. Любовь, - она пропела это слово так дивно, что Окс и Лиор растерянно хлопнули глазами. – Кто-нибудь видел небо за радугой познания? А звезды? Кто мудрее: мы или они?

Женщина подалась вперед, словно желала лучше рассмотреть учредителей агентства «Ксанет», при этом ее глаза еще больше разбежались в стороны.

- Вы знаете, почему печален господь? – вкрадчивым шепотом спросила она.

- Потому что мы не верим в него? – не сдержался Лиор.

- Нет, - качнула крохотной головой высокая женщина. – Бог живет в каждом сердце язычника, в то время как язычник живет в

сердце бога. Но сомнениям нет места. Поэтому всевышнему остается только грусть.

- Понятно.

Два друга снова переглянулись, без слов пытаясь решить, кому придется выставить чокнутую вон.

- Очень интересный был разговор, но… - начал было Окс, но запнулся, смущенный следящим за ним огромным левым глазом женщины.

- Можно узнать, почему вы пришли к нам? – помог другу Лиор.

- Вы не «Ксанет»? – сухо спросила женщина. – Вы не обещаете решить любую проблему?

- Обещаем…

- Значит, я пришла правильно. Звезды не падают просто так, - женщина неожиданно улыбнулась. – Меня зовут Эсфирь.

Друзья кивнули и назвали свои имена.

- Очень хорошо, - женщина снова улыбнулась.

Только сейчас стало заметно, что кроме огромных глаз у нее был очень большой рот с пухлыми бледными губами.

- И нет, я не клон, - сказала она. – Всего лишь генетическая аномалия.

- А-а-а! – протянули два друга.

- Некоторые в репродукционных центрах развиваются с дополнительной парой рук, некоторый не имеют ног, а я родилась с очень маленькой головой, в которой не смог сформироваться полноценный мозг. Вместо этого, он вот здесь, - она прижала указательный палец к своей плоской груди. Ученые решили провести эксперимент и вырастили дополнительный мозг, соединив с тем немногим, что было в моей крохотной голове… Некоторые до сих пор считают это шедевром, а вы?

- Мы? – Окс и Лиор переглянулись и пожали плечами.

- Вот и я до сих пор не поняла, - женщина помрачнела, сказала, что архитектура ее мозга отличается от обычной, затем закатила глаза и снова начала нести тарабарщину о далеких звездах, Великом леднике, любви, нейронных связях…

- Я предлагаю выгнать ее, - тихо сказал Окс. – Только чокнутых нам и не хватало.

- Говоришь так, словно у нас от клиентов отбоя нет, - скривился Лиор, вспомнив недобрым словом, как сдавал свое тело в аренду, и что скоро придется вернуться к этому, если «Ксанет» не начнет зарабатывать необходимые для жизни единицы Влияния.

- И ты думаешь у этой чокнутой есть Влияние?

- Можно спросить.

- Что, просто взять и спросить?

- Ну да… - Лиор подался вперед, стараясь смотреть сразу в два жутко косивших глаза женщины. – Мы не работаем забесплатно, - сказал он.

- Работают машины, люди оказывают услуги, - сказала Эсфирь. – Услуга за услугу. И так до бесконечности от начала времен.

- То есть ты хочешь, чтобы мы оказали тебе услугу, а в обмен ты окажешь услугу нам?

- Ягоды меняли на шкуры животных, а теплые шкуры на ножи, чтобы перестать собирать ягоды и открыть сезон охоты.

- Нам не нужны шкуры. Мы работаем за единицы Влияния, - Лиор говорил с женщиной, словно она была глухим ребенком, у которого нет интегрированного жидкого чипа: передача чувств недоступна, короткие объяснения, заканчивающиеся ссылками на нейронные информационные ресурсы невозможны, да и голосовой контакт не так прост, потому что нужно тщательно проговаривать каждую деталь. – Только единицы Влияния. Никаких услуг, - прокричал Лиор.

- Влияния – это тоже товар. Обмен повсюду. Бог создал людей и обменял любовь к ним на любовь к ангелам. Люди создали первую микросхему и променяли любовь бога на благосклонность науки. Обмен везде. Всегда.

- Ты случаем не принадлежишь к общине инертов? – осенило Окса. – Вся эта чушь и боге и…

- Бог это все – чертог, дом жизни, бытие…

- Ну точно – инерт, - сокрушенно качнул головой Лиор.

- Инерт? – зацепилась за знакомое слово Эсфирь. – Нет! – затрясла она головой и пучки рыжих волос заметались из стороны в сторону. – Я не инерт.

- Нет?

- Не-е-е-т, – большие глаза перестали вращаться, уставившись на учредителей убыточного агентства. – Я содомит.

- Содомит? – Окс выругался, не особенно вдумываясь в смысл, лишь бы использовать побольше непристойностей.

- Что значит: содомит? – спросил Лиор, решив, что неверно понял слова странной женщины. – Разве ты не сказала, что работаешь инженером?

- Инженер не может быть содомитом? – глаза Эсфирь начали вращаться. – Или содомит не может быть инженером? Как думаешь, есть разница?

- Содомиты – это беглые преступники!

- А разве ученые не преступники, на которых время от времени устраивают гонения? Взять хотя бы отношения между

акеми и Всемирной иерархией.

- акеми отличаются от обычных инженеров.

- Интересно чем? Базовыми знаниями? Подходом к науке? Резонансные инженеры работают с энергией Подпространства, как и акеми. Так что, материал у них один, отличаются лишь подходы.

- Пусть так, но что делать беглому инженеру на окраинах Квазара в компании деградирующих преступников?

- Может быть, деградировать? – пожала плечами Эсфирь.

- Деградировать?

- Мой мозг. Он работает не так, как у обычного человека. Другая конфигурация и нейронные связи. Говорят, в репродукционном центре сами не особенно понимают, как такое вышло. Они просто пытались спасти мне жизнь, не думая о том, что получится в конечном итоге. Если верить основным отчетам, которые были предоставлены моим родителям, то часть биологических изменений внесли ученые центра репродукции, а часть природа. Ну или случайность, как вам будет угодно. Позднее я не раз слышала от ученых, что подобный эксперимент не был единичным случаем, а являлся курируемой Всемирной иерархией программой, которую спешно свернули после ряда неудач. Говорят, что клирики планировали вывести новый вид хранителей, способных навести порядок в двухуровневой реальности КвазаРазмерности. Не знаю. Если честно, то я никогда не пыталась выяснить это. Разве что одна из моих чокнутых личностей, которые проявляются в модифицированном мозге помимо моей воли. Один знакомый акеми, скрывавшийся среди содомитов от адептов, предлагал провести ряд экспериментов над моей точкой сборки, чтобы выяснять, как тесно связаны эти личности с моим энергетическим сознанием, учитывая, что в Квазаре у меня никогда не бывает смещений восприятия и отношения к миру. Только не путайте это с раздвоением личности, которое встречается в современном двухуровневом мире довольно часто. У таких людей происходит полноценное смещение личности, и они воспринимают себя совершенно иным человеком, причем процесс, как правило, можно контролировать. Да и личностей не бывает больше двух-трех. Так что к этому можно привыкнуть. Ходят слухи, что Иерархия разрабатывает катехизис, рассматривающий право человека обладать несколькими личностями. Думаю, это делают, чтобы упростить систему наказаний, учитывая, как много у нас людей с подобными проблемами – присвоить паре внутренним личностям общий социальный статус, и никаких заморочек с законом.

- Выходит, у тебя не все так плохо, как может показаться, -

хмуро подметил Окс.

Женщина пожала плечами.

- У меня нет посторонних личностей, но моя личность меняется в зависимости от смещения восприятий, что можно приравнять к раздвоению личности. Обычно я могу контролировать свое состояние, но для этого нужна стабильная обстановка. Как только меняются внешние факторы, меняются и восприятия. Я становлюсь другой, и никто не знает, что придет мне в дурную голову. Вместе с ученым акеми мы успели разработать алгоритм подсчета вариаций восприятия, происходящих в моем дополнительном мозгу. Приблизительный подсчет показал более десятка тысяч. Обычно это пограничные состояния между гневом и блаженством, но иногда все сводится к абсолюту и в те моменты лучше, чтобы я была одна.

- Так ты поэтому жила с содомитами? – спросил Лиор. – Боялась, что можешь причинить вред обычным людям?

- Нет, - качнула головой Эсфирь. – Я жила с содомитами, потому что уже причинила обычным людям много вреда.

- Вот как… - прищурился Окс. – И от кого же ты хочешь, чтобы мы тебя спасли? От разгневанных родственников?

- Нет родственников, только я.

- Только ты?

- Что-то внутри. Что-то с моим восприятием.

- То есть твое восприятия последние время влияет на личность так, что ты хочешь причинить себе вред?

- В каком-то роде.

- Обычно это называется раскаяние, - подметил Лиор, не скрывая презрения. – Хотя, вряд ли содомиты знают о том, что это такое.

- Мне наплевать, как это называется, - холодно ответила Эсфирь. – Я никогда не ценила ни свою жизнь, ни жизни других. Дело в том, что я не могу уйти из жизни сейчас.

- Кажется, у нее снова изменилось восприятие, - хмыкнул Лиор, обращаясь к другу.

Окс хмуро кивнул, продолжая следить за странной женщиной. Что они знали о содомитах, кроме того, что большая часть этих отбросов общества обитала в Подпространстве, скрываясь от праведной расплаты за совершенные деяния. Маньяки, насильники, психопаты – все возможные опасные для общества архетипы канувшей в небытие эпохи, предшествующей Великому леднику. Они бежали от преследований в пустынные уровни Квазара, где собирались в группы, продолжая деградировать в замкнутых общинах.

Никто не пытался подобраться к ним, вернуть в суды

Размерности или Квазара, чтобы взыскать долги за совершенные злодейства. Клирики предпочитали притворяться, что содомитов не существует в современном мире, а что касается адептов «Мункара и Накира», являвшихся представителями неофициальной власти Квазара, то они либо вершили суд молча, до того, как содомит успевал добраться до пустынных уровней Квазара, либо объявляли беглеца вне закона и назначали баснословную награду за его голову, в случае, если глупец попытается вернуться.

- Я не знаю ни одного человека, который, попав в поселение содомитов, смог вернуться, - сказал Окс. – То, что ты стоишь перед нами, либо доказывает, что твоя история – ложь, либо заставляет поверить в чудеса.

- Я гениальный ученый, - пожала плечами Эсфирь. – То, что для простых людей – волшебство, для мира науки лишь вопрос времени да пары гениальных идей, способных сдвинуть процесс с места.

- Это не ответ.

- Хорошо, скажи, какого ответа ты ждешь, и я тебе его дам. Во что тебе будет проще поверить?

- Во-первых, я не понимаю, как резонансный инженер, работающий извне, смог адаптироваться к программированию внутри Подпространства. Ты же не акеми, и не говори, что быстро учишься. Я встречал одного акеми. Они изучают базисы своей алхимической науки, едва успев родиться, так что, считай, это течет у них в крови.

- И как звали акеми, которого ты якобы встречал? – спросила Эсфирь, скривив пухлы губы неестественно большого рта.

- Что? – опешил Окс.

- Я прошу тебя назвать только имя. Например, акеми, с которым я познакомилась в поселении содомитов звали Сво-Дош. Его отцом был известный ученый Подпространства по имени Дош-Ро. Его открытия могли перевернуть представления о путешествиях в Квазаре, позволяя расширить границы, выходя за пределы установленного резонанса, но Всемирная иерархия решила, что достаточно официального колеса переносов, предназначенного для далеких путешествий по миру энергии. Технология, разработанная Дош-Ро, предполагала дальние передвижения в обход использования точек энергетической сцепки, и как только Иерархия поставила на проекте крест, технологией заинтересовались многие не чистые на руку дельцы, надеясь построить более дешевые средства передвижения, как это уже случилось, когда ученые построили первый куб переносов – аналог кольца переносов, передвигающийся за счет ТЭС, но менее

громоздкий и неуклюжий. Впрочем, так как безопасность кубов оставляет желать лучшего, то Квазар ждет новой альтернативы. Дош-Ро, будучи ученым, хотел, чтобы его детище жило, но потом появились слухи, что внерезонансные двигатели могут быть превращены в оружие Квазара, поэтому ученый, проведя десяток исследований, принял решение закрыть проект. Другие акеми поддержали его. Говорят, что поддержку оказали даже адепты «Мункара и Накира», курирующие мир Квазара. О проекте говорили несколько лет, затем забыли, пока сын Дош-Ро по имени Сво-Дош не украл разработки, выведав у отца, где хранятся исходники испытаний и проведенных тестов… - Эсфирь устало зевнула. – В общем, так мой друг акеми стал сначала ренегатом, а затем присоединился к содомитам, чтобы избежать гонений со стороны адептов в Квазаре и хранителей в Размерности.

- За кражу? – недоверчиво скривился Окс.

- Кража была вначале. Потом направление проекта попытались изменить, превратив, как и предсказывалось, в оружие. Что-то пошло не так, и почти целый уровень Квазара подвергся обрушению. Сознания жителей вышибло из резонансной петли в произвольный временной набор… Хотя по поводу последнего до сих пор нет определенного мнения. Появляются новые слухи, теории и, думаю, скоро появятся новые науки касательно энергетической составляющей сознания человека, так называемого центрального ядра точки сборки личности в Подпространстве. Одни утверждают, что это неизменная единица, которая не может подвергнуться распаду, другие выдвигают теории о пластичности ядер точки сборки, и даже об их ликвидности, позволяющей принимать любые формы, что подводит нас к версии о самовоспроизводящейся вселенной, которая умирает и рождается бесконечное количество раз, не имея цикла и, следовательно, выходя за рамки общепринятых законов времени, энергии и материи, формируя материал, необходимый для построения дома жизни. Вы знаете, что такое Дом Жизни?

- Алхимический бред акеми? – пожал плечами Окс, наслушавшись подобных теорий от чокнутых координаторов во времена работы на строительных площадках.

- Короче, несколько сотен сознаний так и не были найдены, и мой друг Сво-Дош превратился в одного из самых кровавых убийц в современной истории, - Эсфирь притворно зевнула.

- Только не говори, что у тебя была похожая история, - сказал Окс, выражая не только свое, но и мнение друга.

- У меня? – Эсфирь изогнулась, вытянула руку и ткнула себя в грудь указательным пальцем. – Нет! – большие глаза вылезли из

орбит. – У меня все было просто. Я – злодей и психопат, если поместить меня в незнакомую среду. Восприятия ломаются, и на свет рождается убийца. Но кроме этого я – гений, - она широко и наивно улыбнулась. – Мой мозг позволяет мне мыслить иначе, поэтому многие вещи, которые поставили знаменитых ученых в тупик, мне кажутся очень простыми… Считайте это плюсом многоуровневого восприятия. Минус – я теряю идею и желание работать раньше, чем успеваю сформировать новую теорию…

- Тоже мне гений, - скривился Окс, неосознанно надеясь, что подобный тон спровоцирует не приглянувшуюся ему женщину, и она первой начнет драку, после чего ее можно будет просто вышвырнуть из офиса – и дело с концом.

- Могу то же самое сказать о вашем заявлении, что агентство «Ксанет» решит любые проблемы… - парировала Эсфирь, заставляя Окса признать, что невозможно спорить с человеком, у которого восприятия мира меняются каждую минуту. То она хрупкая и ранимая. То дерзкая, заносчивая. То одержимая, лишившаяся рассудка и бормочущая бред. А то просто стерва, каких еще поискать… - Я, по крайней мере, сделала несколько полезных открытий, которые, пусть и не принесли мне славы, но помогли другим ученым закончить свои исследования…

- Ты сделала открытия до того, как начала убивать людей или после? – продолжил задирать женщину Окс.

- Почти все до, и только одно после… - едва уловимая волна эмоций прокатилась по лицу Эсфирь, реагируя на изменения восприятия. – Думаю, это единственная достойная вещь, которую я сделала в жизни. Хотите - верьте, хотите - нет, но и среди содомитов можно встретить умного человека. Мне повезло, и судьба свела меня с акеми по имени Сво-Дош. Общество объявило его вне закона, но его единственной виной было желание продолжить исследования отца. Он рос, видя, как одержимо отец работает над проектом альтернативных Подпространственных двигателей. Это было смыслом существования семьи, их воздухом, их жизненной энергией. И когда настало время, Сво-Дош решил, что сможет закончить то, что не смог отец. Поэтому он и выкрал исходники проекта. Все остальное было жуткой случайностью, черной полосой в мире науки, потому что получись у него применить на практике теоритические разработки, то это стало бы неоспоримым прорывом, а так… от величия остались угли сожалений, которые могут свести с ума и самых лучших из нас… Когда я нашла молодого акеми, он был почти безумен, приняв правила и порядки окружающей среды – дикий, как и большинство содомитов, отчаявшийся, как тысячи непризнанных гениев, с которыми судьба сыграла злую шутку. Он

не пытался выжить и найти себя в новом поселении. Он просто хотел, чтобы его все оставили в покое, но это желание лишь сильнее распаляло окружавших его садистов и психопатов. Я приняла Сво-Дош под свою защиту. Не знаю, почему не стала издеваться над ним, как это делали другие содомиты, наверное, виной всему мое восприятие, которое напомнило о том, что Сво-Дош мог быть моим сыном… С ним мы попытались заново возродить заброшенный проект альтернативных перемещений в Подпространстве. Возможно, объединив усилия и учитывая прежние ошибки, у нас был шанс добиться успеха, но к тому времени судьба уже наложила на акеми отпечаток неудач, и он не мог думать ни о чем другом, кроме пропавших во время провалившегося эксперимента людей. Вернуть их стало его идеей фикс. Поэтому он с головой ушел в работу над пониманием точки сборки и взломов ядер сознания. Не берусь утверждать, но Сво-Дош, возможно, первым научился выявлять склонность к нейропатии у людей. Конечно, до современных тестов ему было далеко, да он и не ставил себе подобной идеи, но результат мог с точностью до девяноста процентов выявить в человеке склонность к нейропатии до того, как способность активируется и начнет становиться сильнее, поглощая ядра восприятия. Уникальность теста состояла в том, что Сво-Дош разработал его, не покидая Квазара, доказав, что нейропатия имеет, как биологическую, так и энергетическую основы, несмотря на то, что, действуя комплексно, может быть применена только в нейронных сетях Размерности. Я пыталась подтолкнуть акеми, чтобы он продолжал исследования, но биологические основы сознания не интересовали его. Он знал, что для активации и последующего использования возможностей нейропатии человеку нужна биологическая оболочка, где эволюционировавший мозг расширил базовый потенциал, добавив новые нейронные связи, выполняющие функции дополнительного жидкого чипа, сформировавшегося естественным путем, а не интегрированного при рождении. Остальное не интересовало акеми, одержимого идеями альтернативных подпространственных перемещений и гибелью людей, связанных с первыми экспериментами. Я предлагала ему продолжить изучение нейропатов, чтобы, обманув эволюцию, создать искусственные дополнения к жидким чипам, сделав возможным превращение в нейропата любого человека. Подобное, при удачном договоре с клириками, могло обеспечить амнистию главному разработчику и его ближайшим помощникам, но Сво-Дош не искал прощения извне. Как и все акеми он жил в своем собственном мире, где сам выступал обвиняемым, судьей и присяжными. Так что перед тем, как вымаливать прощения у

общества, он должен был для начала простить себя сам. А для этого нужно было вернуть пропавших людей. Поэтому он вернулся к изучению природы программирования ядер ТС и пониманию их роли в мирах энергии и материи. Мне оставалось либо отступиться от него, либо помогать. Я выбрала второе, начав собственные исследования и надеясь, что когда-нибудь Сво-Дош очнется от забытья самоистязания и поможет мне рядом свежих, перспективных идей… - уголки полных губ Эсфирь опустились в жалком подобии улыбки, недотягивавшей даже до ироничной. – Сво-Дош не очнулся, - сказала она. – Вместо этого он с одержимостью присущей только акеми начал плодить теории: одну безумнее другой. Последний раз, я видела его, он верил, что нашел способ общаться с затерявшимися в Подпространстве сознаниями. Я с дуру подумала, что он все-таки нашел способ вернуть сознания, затерявшиеся после неудачного тестирования двигателя его отца, но оказалось Сво-Дош общается с глупцами, умудрившимися застрять в мире Энергии, неудачно воспользовавшись транспортом Квазара, предназначенным для перемещения на короткие расстояния, - Эсфирь скривилась, вопросительно уставившись на учредителей агентства «Ксанет». – Вы можете представить себе идиотов, которые вылетели из фиксированного резонанса, пользуясь пульсарами?

- Мы коренные жители Размерности, - ответил Окс за себя и за друга. – Наше средство передвижения – это капсулы общественного транспорта.

- Понятно. Очередные ксенофобы?

Партнеры пожали плечами, всем своим видом желая показать, что им плевать.

- Гм! – Эсфирь выругалась на сленге Размерности так неожиданно и так смачно, что Окс и Лиор от растерянности открыли рты. – Чертовы олухи! Как вы не понимаете, что двухуровневое восприятие реальности – это суть существования мира. Отрицание мира материи или мира энергии – равносильно отрицанию существования Дома Жизни.

- В дом жизни, мы то же не верим, - осторожно признался Окс.

- Вот как? – в огромных, страдающих жутким косоглазием глазах Эсфирь сверкнул огонь. – Так бы и убила, - тихо произнесла она одними губами, затем замерла, прикрыла глаза и вздрогнула, реагируя на перемену восприятий. – Будучи инженером сложно понять многие вещи, - выдохнула Эсфирь, осторожно открывая глаза. – Мне оставалось либо сходить с ума вместе с акеми, либо отойти в сторону, пытаясь спасти то немногое, что он успел создать, пока был в здравом рассудке, -

сказала, казалось, уже совсем другая женщина, нежели была минуту назад. – Пытаясь мыслить как Сво-Дош в недолгие минуты его прозрения, я объединила исследования ученого акеми со своими наработками резонансного инженера, положив начало революционному процессу перераспределения сознания и энергии между двумя и более биоэнергетическими личностям, то есть людьми. Трамплином для этого мне послужили различия в центральных ядрах ТС у нейропатов и обычных людей, которые выявил Сво-Дош. И если одни ученые видели в этом открытии потенциал для создания нейропатов в искусственной среде, то для меня на горизонте замаячил потенциал транзакций сознания и энергии, что накладывает на изобретателя некоторую ответственность… - Эсфирь наградила Окса и Лиора многозначительным взглядом, не скрывая удивления, как они не смогли до сих пор понять, в чем угроза ее открытия. – Обладая подобной технологией, человек сможет выкачивать из другого человека умственные и физические силы, умножая собственный потенциал в разы.

- И ты боишься, что кто-то украдет у тебя это открытие и станет использовать в корыстных целях? – попытался догадаться Окс.

- Я боюсь, что сама это сделаю, - сказала Эсфирь.

- Тогда просто уничтожь исследования и дело с концом, - посоветовал Лиор.

- А если бы тысячи лет назад ученый по фамилии Васнецов, обнаружив мир Подпространства, вместо того, чтобы продолжить опасные исследования, просто уничтожил все данные об открытии?

- Ну не было бы у нас Квазара, - пожал плечами Лиор.

- Ничего бы сейчас не было, - вытаращила огромные глаза Эсфирь. – Наука давно перестала развиваться поступательно. Гениальные теория появляются, гаснут, потому что опережают свое время, и вспыхивают тысячи лет спустя, когда мир технологий догоняет мир мысли ученого. Без хронографов многие теория остались бы неузнанными. Они создают реконструкции отголосков прошлого, пользуясь остывающими слепками минувших веков в Подпространстве. Благодаря реконструкциям в закрытых во время Третьей мировой войны комплексах враждующих стран, смогли восстановить и улучшить технологии нейронных сетей, без которых мы не смогли бы противостоять Великому леднику. И не говорите, что это единичный случай. Знаете, как говорят: в истории остаются единицы, хотя вершат ее многие.

- Так ты считаешь, что твое изобретение спасет мир, как

нейронные сети? – спросил Лиор, пропустив последние слова женщины мимо ушей.

- Я считаю, что оно может принести миру больше пользы, чем зла. Но только не в моих руках.

- Ладно, с технологиями все понятно, но… - Лиор демонстративно почесал переносицу. – Будь добра, объясни, как тебе удалось сбежать от содомитов и кто тебя преследует?

- Побег удался благодаря наработкам альтернативных двигателей Подпространства, которые доработал Сво-Дош до того, как увлекся общением с потерянными душами. А что касается преследователей… - Эсфирь смущенно опустила голову, став вдруг застенчивой и неуверенной в себе. – Меня преследуют лишь мои собственные восприятия. Но от них не скрыться. Можно лишь принять необходимые меры защиты, передав полезное открытие миру.

- То есть ты хочешь, чтобы мы связались с клириками и сообщили о твоих разработках? – Лиор снова почесал переносицу.

- К черту клириков! – выкрикнула Эсфирь, в очередной раз подчиняясь изменившимся восприятиям. – Никому не нужен сырой продукт, в основе которого лежат исследования акеми, однажды погубившего сотни людей. Необходимо все проверить, провести клинические испытания… - Эсфирь выдержала паузу, наблюдая за учредителями агентства «Ксанет». – И знаете, что? Вы, два олуха, станете моими первыми подопытными. И не спешите выставлять меня вон. Только представьте, как это поможет вашему бизнесу. После интеграции дополнительных чипов и внесения изменений в ядра точек сборки, вы сможете стать в несколько раз сильнее и умнее, объединившись в сеть. Один получит интеллект, другой мускулы и необходимую кинетическую энергию. Система будет работать, автоматически собирая необходимую для анализа информацию. Срок проведения теста я ограничила официальными рекомендациями Иерархии для сторонних изобретений и открытий. После система изменит настройки, и вы снова станете неудачниками, коими являетесь сейчас. Останется только базовая разработка и тестовые данные, которые вы отправите Всемирной иерархии от лица представителей официального разработчика. Впрочем, если вы этого не сделаете, то данные будут переданы по нейронным сетям автоматически, лишив вас причитающихся в подобных случаях щедрых выплат, которых при грамотном расходовании, вам хватит до конца дней. Что касается меня, то, покинув ваше убогое агентство, я воспользуюсь модернизированным корректором сознания, уничтожив основные знания об изобретении. Вас я тоже помнить не буду, чтобы не иметь искушения прийти и вырезать

жидкие чипы, чтобы восстановить разработки…

Глава десятая

- Думаю, пришло время встретиться с Эсфирь, - решил Лиор после встречи с отцом мальчика нейропата.

- Эсфирь? – Окс произнес имя женщины инженера как ругательство.

- Прошли три года, - Лиор попытался вспомнить, как жил, не обладая расширенным потенциалом мозга, заимствуя резервы друга. – Эта чокнутая сказала, что как только закончится установленный клириками период тестового использования, интегрированные нам дополнительные жидкие чипы деактивируются, и мы утратим свои способности.

- Я предпочитаю думать, что это была ложь чокнутой женщины, - скривился Окс.

- Сколько раз, начиная с момента нашего знакомства с Эсфирь, мы уличили ее во лжи?

- Не считал.

- Ни разу.

- Вот как?

- Поверь мне, - Лиор постучал себя указательным пальцем по виску. – Здесь есть все, чтобы провести анализ.

- А здесь, - Окс, широко улыбаясь, показал крепкий бицепс, - все, чтобы собрать нужные данные и привести части уравнения к нужному знаменателю.

Друзья и компаньоны обменялись улыбками, и тут же помрачнели, понимая, что если что-то не изменить, то скоро их успешная карьера закончится. Они снова станут неудачниками, которыми были до того, как Эсфирь подвергла коррекции ядра их точек сборки, сделав возможным установки дополнительного жидкого чипа для создания замкнутой сети обмена и замещения.

Когда она спросила, кто из них хочет получить дополнительные мозги, а кто мускулы, вопросов и сомнений не было – тело Лиора была напичкано имплантатами, установленными после небрежного обращения туристов соседних жилых комплексов с телом, предоставленным в аренду жителем прославленного игровыми площадками и передовыми технологиями Isistius labialis, так что, желая избежать конфликтов с перенаправленной кинетической энергией и ограничениями искусственных заменителей потерянных прежде конечностей, мускулы было решено отдать Оксу, в то время как Лиор получит перенаправленный потенциал мозговой активности друга.

Последствиями подобного замещения стали частые головные боли Окса и жуткое недомогание Лиора, если один из друзей имел неосторожность перегрузить сеть, злоупотребляя обменом. Других существенных сбоев не наблюдалось.

Имплантаты работали исправно, позволив друзьям превратить умирающие агентство «Ксанет» в серьезную фирму, которой действительно под силу решить любую проблему клиента. И пусть первые задания вышли не самыми простыми, но потом, привыкнув к новым способностям, Окс и Лиор решали сложные задачи с легкостью волшебников. Интеллект и мускулы. Конкуренты долгое время дивились быстрому взлету агентства, затем начали ставить палки в колеса, заставив разработать систему ложных офисов «Ксанет».

По причине особенностей дополнительных жидких чипов, друзья практически не работали в Квазаре, где их способности теряли силу. Поэтому на свет появился слоган: «Агентство Размерности решит любую проблему Размерности». Фраза была неуклюжей, и Лиор, создавая ее, планировал лишь подчеркнуть, что «Ксанет» не работает в Квазаре, но ход привлек дополнительных клиентов. Обычно это были обыкновенные ксенофобы, не желавшие принимать двухуровневую реальность. О том, что Окс и Лиор не могут работать в Квазаре, никто знал, награждая их статусом приверженцев размерности. В некоторых кругах их даже начали ставить в пример другим агентствам:

- Вот посмотрите на ребят из Размерности. Они могли заработать вдвое больше единиц Влияния, выйдя на рынок Квазара, но предпочитают держаться своих, местных, игнорируя иллюзорный мир Подпространства.

Окс и Лиор не возражали – если кому-то нравится так думать то, пусть думают, главное, чтобы это не вредило бизнесу, к тому же изменить что-то они все-равно не могли. Квазар был закрыт для их способностей, следовательно, и об успехе в мире Энергии нечего было надеяться. Поэтому оставалась старая добрая Размерность, где Окс и Лиор, начиная с первого дня своего перерождения не провалили ни одного дела. Были, конечно, нестыковки, но иногда им везло, а иногда на выручку приходили те, кому «Ксанет» уже оказал неоценимую помощь прежде. Так что связи агентства прочились от месяца к месяцу, количество заработанных единиц Влияния росло, и только оставшееся на реализацию время катилось под гору с катастрофической скоростью.

- Думаешь, если мы найдем Эсфирь, то она поможет нам отключить деактивацию дополнительных жидких чипов? – спросил Окс.

- Думаю, она сможет помочь разобраться в том, что случилось с мальчиком нейропатом, - сказал Лиор.

- А наши способности?

- Если Эсфирь не нарушила слово и удалила свои воспоминания об этом проекте, то сейчас она и не вспомнит нас…

- Но помочь-то сможет?

- Будем надеяться, что эта женщина действительно так гениальна, как говорила, - уклончиво ответил Лиор, возвращаясь к разговору о мальчике нейропате по имени Джаво. – Его отец поручил нам узнать все, что удастся о сторонней программе для модуля подмены. Думаю, чтобы разобраться с этим, нужно начать с поисков разработчика. Конкретных сведений у нас нет, но сейчас я провожу параллельно поиск в нейронных базах обо всем, что связано с интерактивными программами подобного плана. Пока система выдает более тысячи похожих вариаций, но я работаю с фильтрами поиска, поэтому скоро, думаю, смогу сократить до дюжины.

- Дюжина вариантов – это уже что-то, - отрешенно сказал Окс, пытаясь вспомнить свою жизнь до того, как встретил Эсфирь, которая интегрировала ему дополнительный жидкий чип.

- Боишься, что не справишься? – спросил Лиор.

- Что?

- Эсфирь вернулась в поселение содомитов, а это Квазар, где наши способности не работают. Будет не просто снова стать прежним…

- Неудачником? – помог Окс.

- Я хотел сказать «человеком», - примирительно улыбнулся Лиор.

- Это почти одно и то же, - ответил улыбкой на улыбку друг.

- Так ты не боишься отправиться в Квазар?

- Деи-Ле нам кое-что по-прежнему должен, - пожал плечами Окс.

- Деи-Ле нельзя верить. У него своя банда в Квазаре, свой маленький бизнес транспортировки людей посредством кубов переносов, и то, что мы помогли его семье в Размерности, мало что меняет. Ходят слухи, что он заключил договор с группой незаконных терминалов Энрофы, чтобы перевозить их клиентов между жилыми комплексами. Если это правда, то бизнес Деи-Ле пойдет в гору. Вряд ли Иерархия станет преследовать его за подобный контракт, ведь он не работает с незаконными терминалами напрямую. Выходит, заключенная сделка – чистая выгода, которая принесет хозяину парка кубов переносов уважение в Квазаре, новые связи и стабильный заработок.

- Не забывай, что семья Деи-Ле живет в Размерности, и здесь

у них не все так радужно, как у отца в Квазаре.

- Так ты хочешь заключить новую сделку?

- Если ты не придумаешь ничего лучше, - Окс пожал плечами, признавая, что пока между ними функционирует нейронная сеть, созданная Эсфирь, генератором идей является Лиор. – Я ведь просто мускулы, верно?

Друг пропустил замечание мимо ушей, начиная размышлять о семье Деи-Ле.

- Если честно, то никогда не понимал, почему они живут в Размерности, - признался Окс. – В Квазаре бизнес Деи-Ле идет в гору, а здесь его семейная компания частных перевозок всегда была убыточной. В Isistius labialis не так много жителей, чтобы люди избегали пользоваться переполненными сетями общественного транспорта, как это происходит в Galeus longirostris и Hexactinellida.

- Может быть, Деи-Ле просто держит для себя место отступления, на случай, если что-то не заладится в Квазаре?

- Как наши активы в паре небольших игровых проектах на случай, если не удастся сохранить созданную Эсфирь сеть?

- Что-то вроде того.

- Только на этот раз, сначала возьмем с Деи-Ле плату, а потом уладим пару крупных проблем его семьи.

- Я включу это в расходы, когда выставлю отцу мальчика нейропата счет, - улыбнулся Лиор.

- Я так и подумал, - кивнул Окс.

Последний год он замечал, что редко возражает напарнику, превращаясь из компаньона в рабочего. Лиор стал движущей силой, головой агентства, а Окс… Он не знал, но в последний год действительно изменилось многое. Лиор вышел на новый уровень использования установленной связи, открыв скрытые возможности замещения. Так, например, последнее предложение Окса использовать Деи-Ле, чтобы добраться до общины содомитов, заложил ему в голову Лиор. Нечто подобное он ежедневно проделывал на протяжении последних шести месяцев, усиливая свое влияния на друга, пытаясь понять, сможет или нет получить над ним полный контроль. Лиор занимался этим безо всякого умысла – просто обнаружил возможность и решил посмотреть, куда она его заведет. «В конце концов, - размышлял он, - Окс ведь не думает, сколько выкачает из меня необходимой ему энергии и какие неудобства это принесет мне».

Последний раз, когда Окс попал в серьезную потасовку, столкнувшись с представителями нечестных на руку проектировщиков, решивших нагреть клиентов агентства «Ксанет» на приличную сумму единиц Влияния, он, спасая свою

жизнь, выкачал из Лиора столько кинетической энергии, что едва не убил его. Лиор все понял и не стал устраивать сцен, несмотря на то, что последующий месяц был вынужден передвигаться с помощью нейронного экзоскелета, который сделал ему на заказ один из бывших клиентов агентства в часть погашения долго. Единственным камнем преткновения в той ситуации стало откровенное заявление Окса, что он совершенно не думал о друге, когда выкачивал из него необходимую для драки энергию.

- Наверное, я бы смог обойтись и меньшими затратами, - сказал он. – Просто хотелось быть уверенным наверняка, имея внушительный запас сил.

«Твой внушительный запас едва не убил меня», - подумал тогда Лиор, но решил промолчать. Вместо возмущений он начал незаметно подмешивать во время замещения мысли о необходимой безопасности, которые возвращались эхом в мозг Окса, после того как друг активировал созданную Эсфирь сеть. К пониманию соблюдения правил безопасности добавлялись видения смерти Лиора – это были его собственные страхи, которыми он щедро делился с компаньоном.

Лиор не знал, как это работает – пытался изучить, но потом сдался, признал, что для этого мало иметь доступ к дополнительному мозгу, потенциал которого можно активировать в любой нужный момент. Нужно быть гением и, возможно, генетической аномалией, как Эсфирь. Потому что для программирования на уровне ядер Точек Сборки необходимо перевести сознание на иной уровень, но если это сделать, то назад дороги не будет. Никакой больше нормальной жизни. Только наука. И к подобному восприятию мира невозможно подготовиться или научиться включать и выключать по необходимости. Оно либо есть, либо нет. Возможно, тяга к знаниям и исследованиям, заложена в ТС, а возможно, скрыта где-то в биологическом теле мозга, зашифрована среди связей органики и энергии…

Чем больше Лиор пытался разобраться в своих новых способностях, тем сильнее увязал в бесконечных деталях, потому что для того, чтобы разобраться в одном, нужно сначала разобраться в десятке других нюансов, которые приводят к необходимости изучить сотни дополнительных теорий, требующих знания тысячи не менее сложных деталей… И так до бесконечности, увеличиваясь в геометрической прогрессии.

Поэтому Лиор решил принять вещи такими какие они есть. Если он может обезопасить себя, внушив Оксу понимание опасности и желание снизить угрозу, которую причиняет другу, забирая кинетическую энергию, передаваемую на жидкий чип

Лиора посредством нейронных сетей. «Хуже от этого ведь никому не станет», - думал в те дни Лиор, но не прошло и месяца, как за мыслями о причиняемой опасности он начал заливать в голову друга дополнительные взгляды и убеждения. Система работала не четко, и Лиор чувствовал азарт, пытаясь разобраться в нюансах. Мысли, которыми он наполнял голову друга, были призрачными, едва уловимыми для понимания. Вначале Окс считал их обрывками снов, которые никак не хотят выходить из головы с началом нового дня. Потом списывал это на усталость, тревогу, сбои нейронных сетей… «Это просто взросление», - послал другу новую мысль Лиор, и Окс принял чужое восприятие как должное.

Так было на протяжении последних месяцев. Ничего не изменилось и после визита в один из фиктивных офисов агентства «Ксанет» богатого арендодателя, сын которого был похищен нейропатами. Лиор внушил Оксу, что нужно делать, и Окс принял это, расценив как собственные мысли.

- Не хочешь пойти со мной на встречу с Деи-Ле? – предложил он другу. – Все-таки в Квазаре мы в равных условиях. Да и твои имплантаты не отражаются на образе точки сборки…

- Боишься остаться один в Подпространстве? – прищурился Лиор, дразня друга. – Без друзей, без сверхспособностей.

Окс отмахнулся, подчеркивая, что друг говорит ерунду, недостойную считаться даже шуткой.

- Я останусь и попробую уладить часть проблем семьи Деи-Ле, - став серьезным, сказал Лиор. – Нет смысла тратить время. Сеть продолжит работать. Пусть ты не сможешь пользоваться моими силами в Квазаре, для меня доступ к твоим умственным способностям продолжится, так что… - он замолчал, сожалея, что не предусмотрел возможность подобного разговора, заранее залив в голову друга мысль, что в Квазар ему нужно отправляться одному.

Лиор попробовал сделать это налету: заполнил доступные части мозга друга, дав максимальную нагрузку, затем сбросил соединение, концентрируясь на том, чтобы компаньон отправился в Квазар один.

- Ох ты! – крякнул зависший на несколько долгих секунд Окс. Тряхнул головой, растерянно уставившись на друга. – Я же просил тебя не злоупотреблять замещением без необходимости! – проворчал он.

- Извини, - притворно смутился Лиор. – Не правильно задал поисковой запрос, и нейронная сеть завалила меня информационным хламом.

- Слишком часто подобное происходит в последнее время, - без умысла подметил Окс. – Надеюсь, что в Квазаре сознание

отдохнет от этих провалов.

«Скоро он начнет догадываться, - подумал Лиор, считая, сколько осталось времени до окончания тестового периода дополнительных жидких чипов. – Если Окс не найдет Эсфирь, заставив ее отменить дезактивацию чипов, то дело мальчика нейропата станет последним для нашего агентства». Лиор дождался, когда Окс уйдет, и залил ему в голову свои мысли, включая нежелание снова становиться неудачником, как это было до встречи с Эсфирь.

Сутулясь на станции общественного транспорта, Окс замер, покачнулся и, не устояв на ногах, упал на колени. Немногочисленные пассажиры, которые стояли рядом, предпочли не обращаться к упавшему человеку напрямую, проконсультировавшись сперва с нейронным помощником, чтобы узнать возможные причины падения незнакомца и не угрожает ли опасность им.

- Нет, по хорошему этот парень явно не понимает, - зло прошипел Окс, поднимаясь на ноги, давая себе зарок, что вернувшись из Квазара, обязательно устроит другу головомойку. – Все в порядке. Ничего страшного не случилось! – обратился к пассажирам Окс, хотя о его падении уже все забыли. – Ну и черт с вами, - буркнул он, дождался нужной капсулы общественного транспорта и не без удовольствия отметил, что перрон покинул только он.

Загудели вакуумные рельсы. За окнами замелькали затянутые льдом стены тоннеля. Нейронный помощник предлагал содействие в планировании маршрута, но Окс знал маршрут наизусть. Еще до того, как они встретились с Лиором и открыли агентство «Ксанет», он всегда считал, что всевозможные навигационные программы в Isistius labialis созданы исключительно для туристов и пользоваться ими крайне унизительно.

- Ты должен знать родной жилой комплекс наизусть, - говорил Окс друзьям, а потом появился Лиор и друзья отошли на второй план, уступив место неблагодарной работе.

Окс никогда не признавался, но он немного скучал по временам, когда работал координатором на строительных площадках. Особенно острым это чувство стало, после того, как появилась Эсфирь со своим странным подарком, и забурлившая вокруг жизнь забросила утопающее агентство «Ксанет» на гребень волны. И если Лиор смог приспособиться и полюбить новую жизнь, то Окс продолжал с грустью вспоминать минувшие времена. Он скучал не по нищете, изнурительной работе и дешевых развлечениях, которые можно было позволить на

нищенские зарплаты третьесортного строителя. Ему нравилось, что в прошлом осталось нечто хорошее, несмотря на то, что вокруг все кажется идеальным. Это значит, что годы не были прожиты напрасно. Цели, друзья, работа, стремления – все это что-то значит и по сей день, иначе почти вся жизнь кажется стертой. И пусть Лиор говорил, что это страх перемен и все такое, поднимая друга на смех, Оксу было плевать – он тот, кто он есть, и меняться не собирается, а Лиор… Что ж, если ему нравится жить, притворяясь, что не было лет, когда он сдавал в аренду свое тело в незаконных терминалах Энрофы, то пусть живет – это его личное дело.

Сделав шесть пересадок, Окс добрался до дома, где жил. Не семьи, не детей. Только работа да увядший букет непродолжительных связей с представительницами противоположного пола, которых никогда не интересовал Окс, только его новое положение в обществе, плюс внушительное количество единиц Влияния на личном счете, за долю которого они готовы полюбить и вступить в связь почти с кем угодно. «Совсем не то, что женщины из моей прошлой жизни, - убеждал себя Окс, возводя несуществующие в реальности идеалы, в тайне с нетерпением ожидая дня, когда жидкий чип Эсфирь деактивируется, и жизнь вернется в прежнее русло.

«Или мое последнее дело окажется действительно последним, и я застряну в Квазаре после того, как либо содомиты, либо другие безумцы мира энергии уничтожат мой ключ резонанса, превратив в призрака, потерявшегося в Трехмерном Времени Подпространства», - думал Окс, делая распоряжения перед отбытием на случай своей смерти.

Когда-то давно один коллега по работе сокрушался, что в случае смерти, не сможет ничего оставить своей семье. Сейчас, выбирая наследника, Окс поймал себя на мысли, что его доли с продажи «Ксанет» могло бы хватить, чтобы на несколько лет обеспечить дюжины семей, как была у старого друга, вот только ему некому оставить свое богатство. Если не считать Лиора, он остался один в этом промерзшем до основания нейронном мире.

Глава одиннадцатая

Для перехода в Квазар Окс воспользовался легальным терминалом. Тело поместили в очищенную ионизаторами капсулу, а извлеченное благодаря технологиям ученых Энрофы сознание отправили в Подпространство, настроив колебания на резонанс петли Квазар. «Странно, - успел подумать Окс, сравнивая официальные терминалы с запрещенными Всемирной иерархией центрами, - почему-то в официальных терминалах служащие никогда не улыбаются. Все пресно и стерильно». Затем наступила темнота, в которой не осталось никаких чувств. «А в незаконных терминалах обычно чувствуешь холод», - снова отрешенно подумал Окс, прежде чем темнота хлынула в сознание. На мгновение пустота стала абсолютной, потом сознание сформировалось в Квазаре.

Официальный терминал был просторным, но неуклюжим и сутулым на фоне окруживших его строений, созданных акеми. Всемирная иерархия сторонилась этих ученых, считая чуть ли не алхимиками современной науки, но каждый житель Квазара знал, что без акеми мир энергии никогда не расцвел бы дивными переливами фантазии, оставаясь нерушимым монолитом, напоминая Размерность. Такой была архитектура клириков, если конечно в мире, лишенном материи, можно говорить об архитектуре – скорее восприятия.

«Если со мной что-то случится, и я не вернусь отсюда, то проблем с признанием наследства не будет», - думал Окс, изучая информационные щиты на залитой белым светом улице, напоминавшей многоликостью и яркостью лиц канувшие в небытие вавилонские мостовые. На информационных щитах не было предупреждений для туристов о нестабильных секторах и всплесках активности адептов террористической организации «Мункара и Накира». Оксу было плевать на предупреждения, но именно эту процедуру предписывала Иерархии для каждого новоприбывшего туриста, не гарантируя безопасность в случае нарушения предписаний.

Обычно Окс игнорировал подобную рутину, но сегодня стремился соблюсти все правила, чтобы система не усмотрела в нем безумца, добровольно прибывшего в Квазар, чтобы умереть. В этом случае клирики могли наложить арест на счета самоубийцы, и не видать наследникам заработанных погибшим единиц Влияния. В качестве наследников Окс выбрал друзей из своего

безвозвратно потерянного прошлого. Список был большим, но за последние годы учредители агентства «Ксанет» заработали много единиц Влияния. Так что нищие строители, став наследниками, смогут серьезно поправить свое бедственное положение.

Установленные в квартале центры наблюдения быстро проанализировали появление нового туриста и направили к нему гида, который долго рассказывал о местных достопримечательностях. Окс ждал, когда разговор дойдет до внутренней системы перемещений «Пульсар», и притворно оживившись, сказал, что хочет попробовать систему в действии. Механизм передвижений преобразовывал точку сборки, превращая в сгусток энергии, и забрасывал с помощью направленного луча на ближайший маяк, где происходило перенаправление на следующий маяк, и так пока сознание не доберется до заданной цели.

Когда Окс оказался в Квазаре впервые, то долго не мог привыкнуть к новым восприятиям реальности, где, не имея необходимых протоколов передвижения, невозможно сдвинуться с места. Хорошо еще созданная учеными петля, позволяла чувствовать иллюзию линейности времени, включая двухуровневый день Квазара, разделенный на период бодрствования и возвращения в оставленные в Размерности тела. Впрочем, возвращение не ощущалось, превращаясь в обыкновенный сон, длящейся ровно столько, сколько было отведено на второй уровень дня Квазара, когда система перезагружалась, подстраиваясь под новые резонансы обновленного Подпространства, превращая его в петлю для созданной в мире Энергии реальности. Обновление резонанса было необходимо только для того, что отраженные на бесконечных колебаниях Подпространства моменты прошлого замещались новыми, соответствуя реальным видам Размерности. Никто особенно не хвалил подобный ход, но не было и критиков.

Люди приняли стандарты, привыкли к ним и не собирались ничего менять, хотя на протяжении последних тысячелетий не раз появлялись частные разработчики, которые пытались запустить обновленную копию Квазара, учитывая современные предпочтения. Ни один проект не ушел дальше стадии тестирования в силу отсутствия спроса. Аналитики и социологи, споря о причинах провала, часто отмечали обновления протоколов альтернативной Петли Квазар в качестве главного просчета. «Разработчики делают ставку на перемены, но люди не хотят меняться, - говорили социологи. – Великий ледник, сковав мир, лишил людей желания мечтать и развиваться. КвазаРазмерность – это великий прорыв науки и великий провал,

потому превзойти это достижение практически невозможно».

Окс редко обращал внимание на подобные дебаты. Сначала он был слишком беден, чтобы принимать во внимание то, что говорят богачи, затем он стал богачом, решив, что равные ему люди не скажут ничего из того, чтобы он не знал…

- Знаешь, наверное, ты так и остался глупым, отчаявшимся строителем, - сказала ему как-то раз девушку, с которой его познакомил Лиор, надеясь, что эти отношения смогут вылиться в продолжительную связь.

Вспоминая тот разговор, Окс всегда считал, что девушка была права, друг, пытавшийся свести их – нет. «Почему Лиор считает меня ребенком, который не может позаботиться о себе сам?» - злился Окс, и это было первой черной кошкой, пробежавшей между учредителями агентства «Ксанет» после того, как Эсфирь интегрировала им дополнительные жидкие чипы, расширив способности каждого из друзей в соответствии с выбранными предпочтениями.

- И еще эти чертовы зависания! – подумал Окс, вспоминая Лиора недобрым словом.

Эмоции были настолько яркими, что точка сборки восприняла это за попытку разговора, преобразовав в речевой поток, понятный надоедливому гиду, без устали трещавшему о безопасности транспортной сети Пульсар, не забывая сдабривать монолог о проскочивших мимо маяка преобразованных сознаниях, застрявших в Квазаре до перезагрузки. Суть этих историй сводилась к тому, что до тех пор, пока ты пользуешься легальными терминалами, ничего страшного с тобой не случится, потому что в противном случае, система во время перезагрузки может обнаружить затерявшееся сознание, после неудачного использования Пульсара, и расценить за случайную помеху, коих очень много в программных кодах. В этом случае сознание будет вынесено за пределы обновленного резонанса нового дня Квазара, застряв в Подпространстве и медленно угасая, не имя возможности связаться с оставленным телом.

- О каких зависаниях вы говорите? – растерялся гид, неверно приняв на свой счет направленные в адрес друга проклятия Окса.

- Ни о каких. Просто мысли вслух, - бывший строитель выждал пару минут, дав гиду возможность прийти в себя, и сказал, что хочет попробовать Пульсар в действии.

- Очень хорошая мысль! – похвалил гид, начиная по второму кругу рассказ о местной транспортной системе.

Окс слушал его, изображая интерес, на случай если душеприказчикам, назначенным Всемирной Иерархией придет в голову проверить его последние часы официальной жизни. Он

даже задал пару нелепых вопросов, желая, чтобы гид отчетливо увидел в нем новичка. Затем выслушал подробную инструкцию перед первым использованием Пульсара и воспользовался ближайшим направленным потоком. Гид пообещал, что последует за ним до ближайшего маяка, но Окс не собирался придерживаться названного маршрута. Его легальное присутствие в Квазаре заканчивалось.

Как-то раз в агентство «Ксанет» пришел высокий худощавый мужчина с абсолютно лысой головой. Его кожа была настолько бледной, что напоминала имплантат. А глаза… О, эти светлые глаза, которые невозможно встретить среди жителей Размерности! Конечно, потом Окс и Лиор встретили Эсфирь, и ее большие сильно косившие глаза стали образцом уродства, но в тот день до визита Эсфирь было еще далеко, так что глаза посетителя показались образчиком того, какими глаза не должны быть.

- Мне нужна помощь, - сказал коренной житель Квазара.

Друзья хотели сказать, что работают только с жителями Размерности, но дела агентства были настолько плохи, что приходилось браться за любую работу. Поэтому Окс сказал:

- Если собираетесь рассчитываться единицами Влияния, то мы готовы взяться за ваше дело.

Клиент работал проверяющим в крупном филиале отдела резонансных инженеров. Главным работодателем выступала Всемирная иерархия. Окс узнал, сколько получает клиент за тестирование разработок и, не сдержавшись, присвистнул. Далекий от реалий Размерности, сотрудник филиала резонансных разработок так и не понял, чему удивился Окс.

- Мужик, да я за последний год заработал меньше, чем ты за неделю, - рассмеялся Окс.

Клиента звали Ле-Гре, и его проблема оказалась настолько незначительной, что у Окса рука не поднялась взять с него плату за это.

- Никогда не понимал, как коренные жители Размерности могут вступать в связь с коренными жителями Квазара, - признался Окс, когда Ле-Гре рассказал о девушке, с которой планировал связать жизнь, обратившись в репродукционный центр, чтобы получить ребенка.

Ле-Гре смутился и покраснел, отчего по его бледной коже пошли яркие алые пятна.

- Подожди-ка, - нахмурился Окс. – А может, эта девушка не хочет быть с тобой, и ты собираешься попросить нас похитить ее?

- Нет! – затряс головой Ле-Гре, не понимая, что Окс шутит. – Все дело в бывшем парне Рены, который не дает нам покоя.

- Так ты хочешь, чтобы я как следует врезал ему? – догадался Окс, увидел осторожный кивок клиента и громко рассмеялся, смутив того еще больше, затем неожиданно стал серьезным, спросил Ле-Гре, как к этому относится его девушка.

- Моя девушка? Ох, не переживайте об этом. Бывший так достал ее, что…

- Я не спрашиваю о том, как она относится к тому, чтобы кто-то врезал ее бывшему. Я спрашиваю, как она смотрит на то, что это сделает посторонний человек?

- Не знаю, - опешил Ле-Гре. – Думаю, она не будет против.

- А может, будет лучше, если ты сам врежешь ее бывшему?

- Я?! – клиент вздрогнул так сильно, что вместе с ним, казалось, вздрогнула окружавшая его атмосфера в украшенной нейронными рекламными образами приемной агентства «Ксанет».

- Не бойся. Я научу тебя, как это сделать, - предложил Окс.

- Я не смогу. Материальный мир – это, мягко говоря, не мое.

- Это не так сложно, как кажется. Главное найти хорошего учителя, который покажет пару хитростей. К тому же… - Окс покосился, на сдерживающего смех Лиора, - мы будем поблизости, и если что-то пойдет не так, то сразу вмешаемся.

- А если он ударит меня? Вы знаете, как легко повредить биологическую оболочку людей?

- Повреждения быстро заживают. И не забывай, что синяки украшают мужчин. Правда сейчас почти все исцеляют моментально нейронные медицинские помощники, но серьезные ранения держатся какое-то время, привлекая внимание женщин.

- Не думал, что женщинам нравятся синяки. В Квазаре обычно…

- Ты не в Квазаре, хлюпик, - Окс хлопнул клиента по плечу, подчеркивая, что шутит.

Следующие три дня они потратили на обучение, купив жутко дорогой экзоскелет для грудной клетки и правой руки, который под одеждой выглядел так, словно его и нет. Несколько часов Окс показывал Ле-Гре, как правильно нанести удар и что делать, если сопернику удастся увернуться. Клиент был хорошим учеником, но страх моментально парализовал его, стоило только начать реальную драку.

- Ударь меня, - орал Окс на Ле-Гре, и коренной житель Квазара сжимался, съеживался, становясь похожим на напуганную серую мышь, которые иногда просачивались сквозь защитные системы игровых площадок, где грызуны служили антуражем минувших времен хаоса и плотских утех. – Ударь меня или я ударю тебя! – Окс замахивался, и Ле-Гре падал на колени, умоляя не причинять ему боль.

- Отведи его в запрещенный салон, - посоветовал Лиор. – Пусть посмотрит, как живут в Размерности. Может, удастся подраться или подцепить девочку для связи в Квазаре, - Лиор пренебрежительно покосился на богатого клиента. – Тебе ведь нравятся интимные связи в Подпространстве?

Странно, но коренной житель Квазара не смутился. Он просто кивнул, не заметив в голосе Лиора пренебрежения.

- Нет, мучайся с ним сам, - махнул рукой Лиор, обращаясь к Оксу. – Кажется, ты приноровился общаться с коренными жителями Квазара в отличие от меня.

- Что-то не так? – насторожился Ле-Гре, когда ушел, громко матерясь на сленге Размерности, Лиор.

- Не принимай на свой счет, - успокоил его Окс, возвращаясь к тренировкам, однако ближе к вечеру решил воспользоваться советом Лиора и отвел клиента в запрещенный салон, выбрав не самое злачное место из возможных, но специально спровоцировав драку незадолго до закрытия.

На Ле-Гре был надет экзоскелет, но воспользоваться им он так и не сумел. Зато получил удар в нос, отключившись на несколько минут, пока медицинский нейронный помощник не исправил повреждения, списав с личного счета столько единиц Влияния, сколько Окс зарабатывал за месяц, будучи строителем.

- Не люблю Размерность, - бормотал Ле-Гре, когда они добирались домой к Оксу, пользуясь общественным пневмотранспортом.

Утром Ле-Гре попытался сбежать, а когда Окс поймал его, начал умолять отпустить, обещая перечислить на счет агентства тройную плату.

- Сбежишь сейчас и всегда будешь жить, зная, что отказался от борьбы за свою женщину, потому что струсил, - сказал Окс. – Сейчас это ее бывший парень, потом кто-то из твоих друзей… И не забывай, что трусом тебя считать будет и твоя женщина.

- Она не такая!

- Это ты не такой! Живешь в Квазаре и не понимаешь мир Размерности. Здесь другие правила. На кой черт тебе женщина из чуждой реальности? Давай лучше вместо драки мы свяжемся с ней и объясним, что ты струсил бороться за нее.

- Я не… - Ле-Гре замолчал, получив затрещину.

- Трусишка! – Окс прописал клиенту еще одну затрещину. – Подумать только, мужчина Квазара – это баба в Размерности. Нужно связаться с Иерархией, и предупредить клириков, что у нас намечается однополый брак…

Окс ловко увернулся от просвистевшего возле лица кулака Ле-Гре. Удар был неуклюжим, но клиент явно вложился в него –

Окс понял это, услышав, как хрустнули выбитые костяшки, когда кулак Ле-Гре угодил в стену. Коренной житель Квазара охнул и отключился, как это случилось прошлой ночью, когда ему сломали нос. Снова появился нейронный медицинский помощник, устраняя повреждения. Окс деактивировал экзоскелет клиента. Ле-Гре застонал, открыл глаза, увидел разбитую часть стены, не прикрытой нейронным полем, долго смотрел на свою сломанную руку – болевые ощущения были блокированы, раны затягивались на глазах, - затем неожиданно выругался, пользуясь сленгом коренных жителей размерности.

- А ты быстро учишься, - похвалил Окс, решив, что сейчас Ле-Гре уйдет.

- Не так быстро, как хотелось, - скривился клиент, требуя вернуть экзоскелет.

- Хочешь взять с собой и повесить на стенку, как трофей? – хмуро пошутил Окс. – Не хочу тебя разочаровывать, но в Квазар ты не сможешь пронести экзоскелет. Разве только его копию, изготовленную каким-нибудь резонансным инженером. Так что…

Ле-Гре поднялся и вернулся в комнату, где Окс объяснял ему базисы использования экзоскелета.

- Хватит трепаться. Ты должен еще многое мне объяснить перед дракой, - сказал он смущенно, но это было уже лучше, чем блаженный пацифизм Квазара, от которого местных жителей Размерности выворачивало наизнанку.

- Нужно тебе почаще разбивать кулаки о стену, - подметил Окс, хотя в спонтанную вспышку храбрости клиента не поверил.

«Это ведь не вирус, который поражает нейронные сети и через них интегрированные жидкие чипы, - думал он, механически продолжая обучение. – Храбрость, она ведь как генетическая аномалия или склонность к нейропатии – либо есть, либо нет». И пусть Ле-Гре из кожи вон лез, чтобы доказать обратное, Окс решил подстраховаться и, выведав у клиента адрес девушки, с которой тот собирался обратиться в репродукционный центр, пригласил ее посмотреть на предстоящую драку.

Ход оказался верным, потому что когда девушка пришла, Ле-Гре, лишившись напускной храбрости, как раз начинал торговаться с Оксом, чтобы он сам разобрался с наглым типом, который не собирался отпускать Рену. Окс притворился, что не слышал трусливого предложения и начал демонстративно проверять экзоскелет клиента.

- Разве так можно? – прищурилась Рена, вгоняя Ле-Гре в краску.

- Твой бывший парень крепкий, как титан, - вступился Окс. – А твой нынешний… - он шумно выдохнул, чтобы не выругаться. –

Жители Размерности всегда славились мускулами и живучестью, тогда как жители Квазара – интеллектом и пацифизмом. Никто не просил тебя – коренную жительницу Размерности, находить себе парня из Квазара, да еще сталкивать его со своим бывшим парнем. Говоришь, что пользоваться экзоскелетом нечестно? Согласен, но как еще Ле-Гре сможет одолеть противник? «Задумать» или «задружить» до полусмерти? Конечно, за Ле-Гре с твоим бывшим парнем могу разобраться я, но какой от этого будет прок?

- Никакого, - согласилась Рена, пообещав, что если Ле-Гре пострадает во время драки, то она лично найдет Окса и обольет кислотой.

- Может, стоило проделать это с бывшим парнем? – скривился Окс.

- А ты не лезь в чужие дела!

Они продолжали спорить, не заметив, что Ле-Гре оставил их. Храбрость не вернулась к нему, но что-то придало сил, позволив подойти к обидчику и, размахнувшись, нанести удар. Бывший парень Рены увернулся и провел сокрушительную серию ударов в корпус. Собравшаяся возле неофициального салона толпа загудела, потому что худосочный Ле-Гре каким-то чудом устоял и смог повторить атаку, попав на этот раз в цель. Толпа ахнула. Крепыш пошатнулся, сделал шаг назад, потряс головой, приходя в чувства и снова провел сокрушительную серию, приведя зрителей в восторг брызнувший на стены кровью. На этот раз Ле-Гре упал.

- Ах ты скотина! – заверещала Рена, наблюдавшая за поединком, начиная с первых возгласов толпы.

Расталкивая столпившихся людей, она пробралась в центр, где происходила драка, но вместо того, чтобы броситься к Ле-Гре, накинулась на бывшего парня. Зеваки оживились, снова загалдели, одобряя напор женщины. Она не слышала криков, тщетно пытаясь ударить в ненавистное лицо бывшего парня. Он отворачивался от крошечных, но крепких женских кулаков какое-то время, затем получил тычок в зубы и, психанув, отмахнулся от истерички, ткнув ее в живот. Девушка крякнула и упала на колени рядом с Ле-Гре, жадно хватая ртом воздух. Толпа взорвалась криками, когда выведенный из себя крепыш демонстративно размахнулся, собираясь ударить Рену в лицо.

Вынырнув в центр импровизированного ринга, Окс перехватил руку бывшего парня Рены. Несколько мгновений строитель и праздный гуляка, щедро одаренный природой, мерялись силами, затем победили закаленные долгими годами работы на стройке мышцы. Толпа совсем обезумела и разве что не улюлюкала, приветствуя происходящее. Сбитый с ног крепыш

поднялся и бросился на Окса, надеясь, что удастся повалить его. Окс устоял, ударив нападавшего сцепленными в замок руками по затылку. Парень охнул и осел, перестав понимать, что происходит. Публика разочарованно выдохнула.

- Надо убираться отсюда, пока не подоспели дружки моего бывшего, - сказала Рена, помогая Ле-Гре подняться.

Никто не пытался остановить их.

- Прости, что облажался, - сказал Ле-Гре, выругался на сленге Размерности и подметил, что, кажется, заразился непристойностью материального мира.

- Переживешь, - фыркнула Рена и небрежно добавила: - И, нет, ты не облажался.

Ставший невольным свидетелем Окс, решил, что если Ле-Гре сейчас начнет хныкать и давить на жалость, то обязательно даст ему затрещину. Но коренной житель Квазара оказался на удивление молчалив. Он не хвастался и не хныкал, выпрашивая, чтобы его пожалели и похвалили за храбрость.

Окс проводил странную, почти противоестественную пару до терминала КвазаРазмерности, убедился, что оговоренные единицы Влияния за оказанную услугу перечислены на счет агентства «Ксанет», и уже собирался уходить, когда вдруг получил предложение от чокнутой парочки посетить построенный в Подпространстве мир.

- Какого черта я забыл в Подпространстве? – растерялся Окс. – У меня нет там ни одного друга.

- Ну, теперь есть, - сказал Ле-Гре.

Окс насторожился, решив, что сейчас его попросят вернуть перечисленные за услугу единицы Влияния, но Ле-Гре наоборот сказал, что если агентству «Ксанет» когда-нибудь понадобится помощь, то он сделает все, что в его силах.

В последующие несколько лет Окс встречался с Реной и Ле-Гре трижды, причем первый раз он заявился к чокнутой парочке, желая убедиться, что координаты, которые они ему дали, реальны. Обмана не было, и Оксу пришлось соврать, что он пришел, узнать, как у влюбленных дела. Они приняли его, настояв, чтобы он задержался как минимум на день. Окс сдался, пытаясь приспособиться, но как только Ле-Гре завел разговор о близости в Квазаре, назвав это единением душ, Окс спешно вспомнил о «неотложных делах» и ретировался, не в силах выносить философские размышления чокнутой парочки о том, что близость в Квазаре делится на необходимую и на благословленную природой.

- Необходимая близость, - говорила Рена, - заложена в центральные ядра точки сборки, связывая сознания с телом, и

поэтому подобные желания раньше предпочитали удовлетворять в материальном мире так же, как это делали вымершие животные. Что касается благословленной близости, то я понимаю под этим названием любовь. Вряд ли ученые в ближайшие столетия разберутся в этом, но близость людей, когда между ними есть что-то большее, нежели желание удовлетворить заложенную природой потребность, превращается в нечто божественное. Особенно актуальным это стало, когда Всемирная иерархия перенесла близость в Квазар, придав животные связи в материальном мире анафеме. Хотя, я считаю, что любая близость совершаемая без обоюдной любви, должна быть названа животной связью.

Рена наградила гостя внимательным взглядом – точка сборки идеально передавала образу внутренние эмоции, помогая поддерживать в мире Энергию иллюзию общения материального мира.

- Будь добр, Окс, скажи, у тебя когда-нибудь была близость по обоюдной любви? – спросила Рена.

- Наверное, нет, - заставил себя ответить Окс.

- Печально, - Рена на мгновение помрачнела, затем оживилась и предложила Оксу посмотреть, как близость происходит у нее с Ле-Гре.

Это уже было слишком для Окса. Он ушел, дав себе зарок, что никогда больше не появится на пороге этой чокнутой парочки да и всех других парочек Квазара, но не прошло и года, как Рена и Ле-Гре сами пришли к нему, сообщив, что получили положительный ответ на отправленный в центр репродукции запрос, и скоро станут родителями. Это случилось уже после того, как в агентство «Ксанет» заявилась Эсфирь, интегрировав учредителям дополнительные чипы.

- У нас будет собственный ребеночек! – ворковала Рена, в которой от коренной жительницы Размерности осталось разве что тело. Все остальное Квазар изменил.

«Или же люди сами меняют себя, устав от прошлого?» - подумал Окс, сравнивая свою жизнь до встречи с Эсфирь и после. Впрочем, Рена и Ле-Гре все равно продолжали казаться ему самой чокнутой парочкой на всем свете. «Так что я остался прежним несмотря ни на что», - успокоил себя Окс, и не возвращался к мыслям о неизбежности перемен, пока чокнутая парочка не заявилась в агентство «Ксанет» - свой адрес Окс им так и назвал - в третий раз.

Рена держала на руках крупного, розовощекого ребенка с неестественно зелеными глазами, которыми мать и отец хвастались по несколько раз за минуту, гордясь, что лично

выбрали цвет.

- Говорят, что зеленый не в моде, зато очень индивидуально, - смеялась Рена.

Окс смотрел на ребенка и тщетно пытался вспомнить хоть одну женщину из прошлого, с которой готов был обратиться в репродукционный центр. Только когда чокнутая парочка оставила его, он понял, что так и не узнал пол ребенка. Или же это было неважно? Какое ему было дело до чужого ребенка, если он никогда не думал о том, чтобы обзавестись собственным? Окс попытался представить себя на месте Ле-Гре – безрезультатно.

- Ну их к черту! – сказал Окс, и старался не вспоминать о чокнутой парочке больше года, пока не покинул Размерность, отправившись на поиски Эсфирь и ответов для, возможно, последнего клиента в истории агентства «Ксанет».

Глава двенадцатая

Дом Ле-Гре был компактным снаружи и просторным внутри, впрочем, как и все строения Квазара, если, конечно, хозяева осознанно не желали создать обратный эффект. Энергия была пластичной и податливой, особенно когда проектировки занимались акеми, потому что у резонансных инженеров Иерархии большинство проектов выходило громоздкими и несуразными, напоминая серую неприглядность жилых комплексов Размерности.

Сбежав от надоедливого Гида, Окс пришел в дом Ле-Гре, желая замести следы. Если душеприказчики решат провести расследование, то они не увидят в его поступках умысла причинить себе вред. Что плохого в том, что житель размерности, учредитель агентства «Ксанет», подружился с одним из бывших клиентов, навещая его в Квазаре? «По-моему, так живут многие», - подумал Окс.

Всемирная иерархия официально предала самоубийства анафеме, так что в случае, если у комиссии душеприказчиков возникнут подозрения, что он приложил к своей смерти руку, то у наследников могут возникнуть большие проблемы, потому что на счета нарушителя будет наложен арест. Нет, Окс не планировал лишить наложить на себя руки, но место, куда он отправлялся, не славилось гостеприимством. Поселения содомитов – это, конечно, не тренировочные лагеря адептов «Мункара и Накира», но в чем-то сборище психопатов и маньяков было опаснее профессиональных убийц и фанатичных последователей лидера по имени Малик, который давно превратился в легенду. Настоящий Малик умер века назад, но копия его сознания передавалась от одного последователя к другому. Этих людей называли Ан-Наби, и процедура переноса сознания Малика полностью выжигала их собственную личность.

Как-то раз в «Ксанет» пришел мужчина, умоляя вернуть его брата, который отобрался в финальную дюжину избранных. Учредители агентства заявили, что решают проблемы простых людей и не связываются с клириками Иерархии или адептами Малика.

- Могу дать тебе бесплатный совет, - сказал Лиор, перед тем, как поникший мужчина ушел. – Смирись и начинай оплакивать брата, потому что, как я слышал, из финальной дюжины выживает только один – тот, кому надлежит отдать свое тело сохраненной личности Малика, а это можно сравнить со смертью.

«Нечто подобное можно было бы сказать и о человеке,

решившим отправиться в поселение содомитов», - подумал Окс, подходя к дому старых друзей. Он надеялся увидеть семейную идиллию. «Сколько сейчас их зеленоглазому ребенку? Год? Два года?» - думал Окс, активируя запрос приветствия хозяев энергетического строения, стены которого пульсировали, усеянные алыми прожилками, напоминавшими лимфатическую систему человека. В Квазаре не было дверей, не было окон – свет пронзал мир энергии, искрился на менее качественных строениях, выдавая недостатки программирования. Впрочем, ошибками всполохи света считали только резонансные инженеры, гордившиеся серой монолитностью своих громоздких творений. Для акеми свет был нормой. И чем больше света, тем лучше. «Неужели поселение содомитов тоже создано из света?» - думал Окс, ожидая ответа на оставленный запрос приветствия.

Когда пульсирующая стена расступилась, впуская гостя, Окс все еще представлял себе семейную идиллию, а учитывая расположение к нему Рены и Ле-Гре, то можно было предположить, что встречать его они отправят свое зеленоглазое чадо, пол которого Окс так и не узнал. Он попытался выбросить из головы мысли о поселении содомитов и настроился на улыбку, которую протоколы точки сборки передадут его энергетическому образу.

- Эй, есть тут кто? – растерянно спросил Окс, прождав пару минут.

Без ответа.

- Рена? – позвал он, тщетно пытаясь вспомнить лицо коренной жительницы Размерности, выбравшей себе в спутники мужчину, прожившего большую часть жизни в Квазаре. – Рена, если это какая-то шутка, то хочу предупредить, я не сторонник подобных розыгрышей…

Окс настороженно прошел в дом. Ни смеха, ни детских криков.

- Ле-Гре? – громко позвал Окс.

- Я здесь, - отозвался высокий худосочный мужчина из дальнего угла комнаты, выглядевшей бескрайней.

- А где Рена и ребенок? – спросил Окс.

Его голос дробился, преодолевая растянутое пространство энергетического строения, искажался, чтобы добраться до притаившегося вдали хозяина. В какой-то момент можно было разглядеть вибрации, создаваемые голосом.

- Что случилось, Ле-Гре? – спросил Окс, чувствуя недоброе, но все еще надеясь, что это окажется розыгрышем.

- Рена ушла, - тихо сказал бывший клиент агентства «Ксанет».

- Устала от Квазара и, забрав ребенка, сказала, что это не для

нее? – попытался догадаться Окс.

- Нет. Рена ушла без ребенка.

- Вот как… - отступившая было тревога вернулась. – Где же тогда… - Окс отчитал себя за то, что не узнал имя ребенка друзей.

«Да что там имя, я ведь так и не узнал пол ребенка!» - сокрушенно подумал он, пытаясь подойти к Ле-Гре, но растянутое пространство оказалось вязким, почти липким. Окс чувствовал, как в невидимой густоте увязают ноги.

- Это охранная система, друг, - сказал Ле-Гре. – Протоколы строения работают только с занесенными в базу точками сборки. Другие рассматриваются как нарушители.

- Ну так занеси в базу мою точку сборки.

- Не могу, - улыбнулся Ле-Гре, и пространство на мгновение сжалось, позволив гостю разглядеть эту улыбку крупным планом.

От неожиданности Окс отпрянул, с трудом устояв на ногах.

- Почему ты не можешь занести в базу мою ТС? – спросил он, сдерживая проклятия.

- Потому что если я это сделаю, то ты попытаешься меня остановить.

- Остановить? – тревога усилилась. – Где твой ребенок, черт возьми?

- Ребенка нет… - и снова пространство исказилось, увеличив улыбку убитого горем отца. – В репродукционном центре сказали, что подобное случается крайне редко. Один случай на несколько тысяч… Что-то было не так с жидким чипом – так сказали представители Энрофы, хотя инженеры Размерности официально заявили, что жидкий чип работал исправно до последнего. Думаю, все эти лицемеры просто хотели снять с себя ответственность. Ошибки не было. Ребенок умер, потому что так сложились обстоятельства. Никто не виноват…

- Я не знал, что твой ребенок умер, - хмуро сказал Окс, - Да я, если честно, не знал даже его имени, но…

- Ну не то, чтобы умер… - Ле-Гре оборвал гостя на полуслове. – Он просто угас… Здесь, в Квазаре… Никто так и не смог дать нам внятного разъяснения, почему прервалась связь между его телом и сознанием… Знаешь, как бывает, если в Размерности что-то пойдет не так, и тело человека, находящегося в Квазаре, погибнет. Сознание продолжит жить, но без энергетической подпитки, получаемой благодаря жизни тела, будет медленно угасать. Говорят, что это основа схем жизнеустройства и базис нерушимости бытия, потому что, как только ученые смогут разорвать эту связь, люди перестанут умирать и дом жизни рухнет… - кривая улыбка снова, преодолев расстояние,

мелькнула перед глазами Окса. – Только тело моего ребенка было крепким и сильным. Оно живет и сейчас, но это уже просто оболочка, капсула без угасшего сознания. И никто не может объяснить, как могла прерваться связь сознания с телом. Понимаешь? Мы живем в двухуровневом мире, используем нейронные сети седьмого поколения, способные передавать такое количество кинетической энергии, что можно создать силовые стены и пол для человека, подключенного посредством жидкого чипа к системе, а дети продолжают умирать…

- Мне жаль.

- Я знаю, Окс. Все сожалеют. Даже Рена. Сказала, что ей жаль и ушла. Жаль, что умер ребенок. Жаль, что она не может после этого находиться в Квазаре, из-за того что построенный в Подпространстве мир напоминает ей о трагедии.

- Так она просто ушла? – немного успокоился Окс, потому что в какой-то момент ему показалось, что история закончится еще одной смертью.

- Да, - глуповато улыбнулся Ле-Гре, и пространство снова сжалось, увеличив улыбку. – Просто ушла.

- Почему ты не ушел с ней?

- Куда? В Размерность?

- Почему бы и нет?

- Не говори ерунды!

- Думаешь, ты не создан для Размерности?

- Думаю, я не создан для Рены. Теперь не создан… И ничего не осталось…

Ощущение недоброго снова пробралось в сознание Окса.

- Сегодня я сброшу показания своего ключа резонансов, и все закончится, - сказал Ле-Гре.

- Почему бы просто не покинуть Квазар, отправившись в Размерность?

- Я не хочу в Размерность, - качнул головой Ле-Гре.

- Но именно там ты очнешься, после того, как закончится вторая фаза двухуровневого дня Квазара.

- Нет, не очнусь. Последний раз, когда я был в Размерности, пытаясь вернуть Рену… В общем, получив очередной отказ, я не вернулся в официальный терминал КвазаРазмерности, а воспользовался одним из незаконных. Не знаю, почему это сделал. Просто бродил по жилому комплексу, вспомнил одного знакомого из Galeus longirostris, который говорил, что так можно существенно сэкономить, главное не потерять предоставленный ключи резонансов, иначе система при ежедневной перезагрузке не сможет обработать код твоей точки сборки и примет за помеху или вирус… В общем, я подумал, что это, возможно, не плохая

идея…

- Убить себя?

- Кто говорит о смерти? Система просто выбросит меня из сетки фиксированных колебания – и все.

- Ты понимаешь, что после этого твое сознание начнет угасать, не имя возможности связаться с телом?

- Конечно.

- Выходит, ты все-таки хочешь убить себя…

- Это не смерть. Я просто угасну… Как прежде угас мой ребенок.

- И ради чего?

- А ради чего мне этого не делать?

- Не знаю.

- Вот и я не знаю.

Они замолчали, и Окс подумал, что если сейчас не возобновить разговор, то Ле-Гре отзовет приглашение, и система выдавит его за пределы энергетических стен дома.

- Ты и Рена, вы всегда напоминали мне чокнутых влюбленных, в хорошем смысле этого слова, если ты понимаешь, но сейчас… Сейчас я не хочу смотреть на то, что происходит с вами. Тебе нужно собраться.

- Зачем?

- Так надо, Ле-Гре.

- Хорошо, я собрался.

- Точно?

- Конечно.

- И почему я тебе не верю?

- Может быть, потому что не понимаешь?

- Или понимаю слишком хорошо.

- Тогда зачем предлагаешь ерунду?

- То, что ты хочешь сделать – ерунда.

- Возможно.

- Но ты все равно сделаешь это?

- Да.

- Сегодня?

- Или завтра… Какая разница? Я отключил для себя восприятия линейного времени внутри этого дома, так что теперь неважно – днем больше или днем меньше…

- Ты сам отключил восприятия линейности? – спросил Окс, решив что сейчас уличит бывшего клиента во лжи, доказав, хотя бы себе, что Ле-Гре просто хочет, чтобы его пожалели, а не собирается в действительности причинить себе серьезный вред.

- Я заплатил одному акеми, который изменяет протоколы линейности для исследовательских центров и увеселительных

заведений, где предлагают услуги близости в Квазаре… Когда-то, еще до встрече с Реной, я частенько захаживал туда… Ты ведь знаешь, мой личный счет позволяет приобрести многое…

- Да, знаю, - нехотя согласился Окс.

- Веселые были времена… Особенно мой бой с бывшим парнем Рены. Ух и наподдал бы он нам с ней, не появись ты.

- Рена бы справилась… - неловко пошутил Окс.

- Да, Рена сильная… - шутка принесла грусть. – Ты никуда не опаздываешь? – спросил Окс. – А то ты обычно сбегаешь так внезапно, что я подумал…

- Ты и Рена нравились мне, - спешно сказал Окс, понимая, куда клонит Ле-Гре. – Просто вы с ней другие. Понимаешь? Не такие как я.

- Ты тоже не такой как мы, но нам нравилось видеть тебя здесь.

- Я помню…

- Да, и я помню… Теперь это все, что осталось… - надломленное пространство увеличило грустную улыбку хозяина дома в десятки раз. – Выходит, ты был прав. Мы с Реной были плохой парой.

- Я не считал вас плохой парой.

- Но никогда не приходил.

- Я сейчас пришел.

- Но не нашел то, что искал.

- Нашел, - Окс подумал, что если сейчас просто уйдет, то никогда не простит себе этого. Нужно было что-то сделать, что-то сказать или… - Мне нужна твоя помощь, - соврал Окс.

- Что? – не поверил Ле-Гре.

- Недавно в агентство пришел богатый арендодатель, сына которого похитили нейропаты, чтобы заставить отца вложить деньги в их проект, запрещенный Всемирной иерархией, - начал осторожно Окс. – Мальчик вернулся. Похитители не причинили ему физического вреда, но вот сознание ребенка…

- Они что-то сделали с его жидким чипом? – оживился Ле-Гре.

- Нет. Все проще. Незадолго до похищения у мальчика обнаружили склонность к нейропатии. Отец из кожи вон лез, чтобы заглушить эту способность сына, но похитители убедили мальчика, что нейропатия – это не проказа, а дар природы. Ему рассказали о сторонней программе, разработанной для модулей блокировки, благодаря которой с нейропатами общается древний интеллект, созданный из множества ядер, являясь в образе маленькой девочки по имени Юмико, которая заявляет, что предрекла появление нейропатов, как новый и неизбежный виток эволюции человечества. Похитители построили свой обман

мальчика на этой программе, так что его отец обратился к нам с просьбой выяснить, что это за программа и кто ее создал.

- И зачем тебе я? – спросил Ле-Гре.

- Ты знаешь Квазар, знаешь местных жителей. Ты свой человек здесь, в то время как я – чужак, - соврал Окс, но сейчас ему казалось, что в этом есть смысл. – Я пришел просто за советом, но если ты сейчас один… Было бы не плохо, если бы ты пошел со мной.

- Я тебе не верю. Ты говоришь это, чтобы отвлечь меня.

- На кой черт мне отвлекать тебя? Ты мужик, пусть и коренной житель Квазара, и разбираться с большинством трудностей должен сам. Я скорблю о твоей потере, но сейчас для меня важнее позаботиться о попавшем в неприятности ребенке – сыне клиента нашего агентства, - Окс не блефовал. Отчасти он действительно думал именно так, но и просто уйти, не попытавшись отговорить друга от совершения задуманной глупости, не мог. – Ты говорил, что у тебя есть связи с акеми. Думаю, они могут помочь нам найти создателей сторонней программы для модулей блокировки, о которой говорил наш клиент.

- Наш?

- Да. Не знаю, как у тебя обстоят дела с единицами Влияния на личном счете, но «Ксанет» сейчас наплаву, так что, если хочешь, могу сделать тебя полноценным партнером в деле мальчика-нейропата.

- Думаешь, моя помощь действительно может пригодиться?

- Думаю, да, - Окс на мгновение засомневался в принятом решении. Возможно, он переоценил степень духовного кризиса Ле-Гре, и было бы достаточно хорошей затрещины, чтобы привести его в чувство? – Ты не возражаешь, если я останусь у тебя на вторую фазу дня, а утром, после перезагрузки, мы решим, как поступим дальше.

- Почему не сейчас?

- Потому что мне нужно встретиться с местным дельцом, который должен помочь в поисках одной женщины…

- Еще одно дело агентства?

- Давнее и не особо важное… - уклончиво протянул Окс, не желая распространяться о связях с изворотливым, не гнушающимся любыми мелкими правонарушениями дельцом Квазара по имени Деи-Ле, предупредить которого о везите Окса должен был Лиор, встретившись с оставленной в Размерности семьей бывшего клиента агентства «Ксанет».

«Но основные переговоры мне придется вести самому», - думал Окс, выстраивая предстоящую стратегию торгов, потому

что в Квазаре от подарка Эсфирь не было никакой пользы. Сознание было ясным и чистым – редкое состояние для последних лет. Обычно Лиор постоянно был подключен к доступным участкам мозга Окса, впрочем, как и сам Окс постоянно выкачивал из друга и компаньона дополнительную энергию. Они никогда не разговаривали об этом, но Окс начинал чувствовать, что подарок Эсфирь превращается для них в наркотик, без которого сложно представить жизнь.

- Как думаешь, Рена когда-нибудь вернется? – спросил где-то далеко Ле-Гре.

«Кто?» - едва не спросил Окс, увлеченный своими мыслями.

Защитные системы оставались активированными, растягивая пространство, делая его вязким, непроходимым для установленных в точке сборки протоколов движения.

- Может, выключишь эту штуку? – предложил Окс. – Или тебе нравится держать меня незваным гостем?

- Нет, мне нравится отсутствие протоколов линейного времени, - сказал Ле-Гре.

Окс задумался, кивнул, соглашаясь со своим прежним умозаключением, что хватило бы хорошей затрещины, чтобы заставить Ле-Гре выкинуть из головы мысли о суициде. Пусть после этого друг обижается – плевать. Иногда крайние меры приводят в чувство лучше любых уговоров и душевных бесед.

- Ты понимаешь, что Рена не вернется? – тихо спросил Окс. – Неважно сколько времени ты будешь ждать, ничего не изменится.

- Я знаю.

- Тогда почему не активируешь протоколы линейного времени?

Ле-Гре пожал плечами, долго вглядывался Оксу в глаза, затем спросил:

- Почему люди Размерности так сильно отличаются от коренных жителей Квазара?

- Потому что мир давно разделился на два уровня восприятия реальности. Ничего не попишешь.

- Думаешь, если бы я выбрал для жизни с Реной Размерность, то наш ребенок был бы жив?

- Я не знаю.

- Думаю, если бы мы не забрали его в Квазар, если бы держали подальше от Подпространства…

- Но ведь никто не знал об этом заранее… Он бы все равно или поздно воспользовался терминалом… И тогда…

- Я понимаю… - Ле-Гре помрачнел, отключил установленные в доме блокировки.

Помещение сжалось до нормальных размеров, подчиняясь

слаженной работе стандартных протоколов, исправлявших искажения времени и пространства. Окс притворился, что не придал значения случившемуся, решив не поощрять капризы Ле-Гре. «Почему большинство жителей Квазара ведут себя как дети?» - подумал он. Хотелось послать Ле-Гре к черту и уйти. Окса останавливала лишь приближающаяся вторая фаза двухуровневого дня Квазара.

Официальные представители резонансных инженеров заявляли, что ничего страшного не случится, если перезагрузка застанет жителей на улицах, но Квазар полнился историями о случаях, когда система, проводя фильтрацию, принимала случайные сознания за ошибки. Причем происходило подобное в основном с пользователями официальных терминалов КвазаРазмерности и никогда с пользователями незаконных терминалов Энрофы. Причем слухи подкреплялись данными статистики и официальным заявлением Всемирной иерархии, в котором они признавали ничтожную вероятность сбоя распознавания точек сборки.

Конечно, большинство людей понимало, что для сравнения нужна официальная статистика терминалов Энрофы, которой никогда не существовало в действительности, но находились и те, кто верил, что незаконные терминалы Энрофы безопаснее официальных представительств КвазаРазмерности. Объяснялось это закрытостью и консерватизмом терминалов Всемирной иерархии, которые отказывались принимать нововведения, не проведя тысячи тестов на безопасность, экономичность, устойчивость к взломам. В результате этого к моменту проведения апгрейда, неофициальные обновления опережали утвержденные на несколько выпусков минимум.

Была и третья точка зрения, пытавшаяся объяснить вероятность ошибочного восприятия системами фильтрации сознания, оставшегося вне координат зарегистрированных строений, и его последующего удаление из новой Петли резонансов. Считалось, что в то время как официальные терминалы КвазаРазмерности работают с построенной в Подпространстве петлей резонансов в целом, заботясь о назначении новых Ключей не только для жителей, но и для прочих неживых предметов, созданных, как акеми, так и резонансными инженерами Размерности, незаконные терминалы Энрофы работали исключительно со своими клиентами, сводя возможность ошибки практически к нулю.

Что касается Окса, то он никогда не обращал внимания на слухи и легенды, особенно если они были рождены в Квазаре. «Мир света погряз в фантазиях и мечтах о несбыточном», - думал

он, невольно вспоминая истории о детях квазара и косясь в сторону Ле-Гре, который недавно потерял своего ребенка. Именно эта потеря и разбередила воображение, возродив в памяти фантастические рассказы о том, что когда-нибудь родятся дети, сознания которых не будут связаны с Размерностью. Дети без тел – чистая энергия, пучки света. Квазар станет для них родным домом, а для визитов в Размерность им придется использовать тела клонов.

«Еще более невероятно, чем оказаться выброшенным из системы во время перезагрузки», - думал Окс, стараясь не принимать во внимание тот факт, что случившееся с ребенком Ле-Гре звучит совершенно нереально, но тем не менее имеет место быть.

«А как быть с мальчиком-нейропатом, ради которого я рискую жизнью, отправляясь к содомитам?» - подумал Окс, пытаясь вспомнить его имя, что без дополнительных, выделенных для личных нужд свободных архивов нейронных сетей сделать оказалось крайне сложно. Уже не одно столетие ученые пытались изучить природу ядер личности, взломав протоколы точки сборки, но работа не продвинулась дальше базисов. Миллиарды ядер, где хранились основные восприятия и осознания личности оставались загадкой. Схемы жизнеустройства твердо держали позиции, не желая отступать под натиском науки.

Всемирная иерархия экспериментировала с коррекционными системами личности, ученые Энрофы изучали сознания клонов, акеми взламывали базисные протоколы программирования точки сборки, формирующей образ человека в Подпространстве, но все чего они смогли добиться как индивидуально, так и совместно – это расщепление основного модульного ядра личности на компоненты, состоящие из микроядер, а так же определение основных и резервных ядер, отвечающих за память сознания. Далее считывался необходимый для взаимодействия с основным модулем сознания исходный код каждого ядра, после чего ядра удаляли, а на их место помещали искусственные дубликаты, повторявшие считанный прежде исходный код. Количество дубликатов подбиралось один к трем к количеству удаленных ядер. Остальные ядра заимствовались из резервных участков расщепленного модуля, и производилась перекомпиляция основного модульного ядра. Позднее дубликаты, выработав отведенный им ресурс, угасали, но основные данные к тому моменту уже были скопированы в резервные ядра – система сама записывала себя. В связи с этим глобальная коррекция допускалась лишь однажды, хотя адепты «Мункара и Накира», критикуя Иерархию, заявляли, что клирики подвергают

корректировке сознания хранителей ежегодно.

«К черту клириков, - ворчливо думал Окс тщетно пытаясь отыскать в воспоминаниях имя мальчика-нейропата, – лучше бы решили проблему естественной памяти сознания, когда прибываешь в Квазар. Неужели в мире энергии невозможно расширить потенциал точки сборки?!»

Конечно, Квазар предлагал десятки аналогов нейронных информационных сетей Размерности, но все они действовали разрозненно, борясь за независимость и территории. Одни работали с местными жителями, другие с туристами. Тарифы и опции рознились. Конкуренция заставляла владельцев информационных сетей держаться обособленно, не создавая общих баз данных…

- Джаво! – вспомнил Окс, напугав Ле-Гре, и спешно попытался объясниться. - Мальчишку, которого похитили нейропаты, зовут Джаво.

- И что? – хмуро спросил Ле-Гре.

Окс смутился и растерянно пожал плечами. Заложенные в точку сборки протоколы предупредили об окончании первой фазы двухуровневого дня Квазара. Последним, что увидел Окс за мгновение до того, как началась перезагрузка, было лицо Ле-Гре. «И почему сегодня я поверил, что этому хлюпику действительно хватит смелости сбросить свой Ключ резонансов», - успел подумать Окс, ругая себя за ненужную суету возле очередного хиляка из Квазара. Затем наступила темнота, а сознание погрузилось на какое-то время в абсолютное ничто, пока система не вернула его в оставленное в Размерности тело, дав возможность увидеть сны, где было что-то теплое, безвозвратно канувшее в небытие прошлого, позволяя забыть о настоящем.

Окс не знал, но за несколько мгновений до начала второй стадии двухуровневого дня Квазара, Ле-Гре активировал приобретенный у знакомого акеми протокол сброса ключа резонансов, превратившись в призрака, затерявшегося в бесконечных колебаниях Подпространства, после того как система очистки сочла его сознание случайной помехой, вышвырнув за пределы Петли Квазара в произвольный временной набор.

Глава тринадцатая

Самоубийство Ле-Гре спутало планы. Случись подобное в Размерности, и представители Всемирной иерархии устроили бы целое расследование, чтобы выявить причины совершенного поступка, приданного анафеме и приравненного к категории особо тяжких преступлений. На имущество и счета нарушителя налагался арест, иногда, если самоубийца вел активный образ жизни, для расследования вызывались хранители. Они проводили расследование, выявляя всех причастных к случившемуся, приравнивая знание и бездействие к соучастию в преступлении. Расследование затрагивало близких, друзей, соседей. Иногда под раздачу попадали случайные прохожие, которые так или иначе могли повлиять на поступок нарушителя. Последние подвергались наказанию, если имели несчастье пересечься с самоубийцей не позднее, чем за три дня до совершения преступления.

Окс знал, что хранители редко появляются в Квазаре, да и расследования в Подпространстве велись не так как в Размерности, но неприятности все равно нависали над головой, особенно, если учитывать, что нарушение произошло в секторе, курируемом Всемирной иерархией. Люди говорили, что очистка и перезагрузка систем начинается именно с таких секторов, уменьшая возможность случайных ошибок, допущенных резонансными инженерами. Что касается акеми, то их работы начинали сбоить крайне редко, да и то это происходило только в том случае, если ошибку допускали фильтрационные системы во время перезагрузки или назначался неверный резонанс. Раньше работы акеми не принимались в курируемых Всемирной Иерархией секторах, но потом грани стерлись, и рядом с неуклюжими уродливо монолитными строениями резонансных инженеров появились искрящиеся и переливающиеся шедевры акеми.

Окс покинул дом Ле-Гре до того, как протоколы выявили нарушение и начали официальное расследование. Когда-нибудь они все равно выйдут на него, но лучше пусть это будет поздно, чем раньше. Хотя неприятности теперь точно обеспечены. Если с ним что-то случится в ближайшие дни, то Всемирная иерархия обязательно начнет тщательное расследование, особенно после того, как найдет свежее завещание. «Вот так всегда, - ворчливо подумал Окс, - хочешь помощь кому-нибудь, а получается, что делаешь только хуже. Хуже ему. Хуже себе».

Воспользовавшись транспортной системой Пульсар, Окс

добрался до расположенного вдали от секторов, курируемых Иерархией, офиса бывшего клиента агентства «Ксанет», не честного на руку дельца по имени Деи-Ле. Маяк, поймавший направленный луч Пульсара, преобразовав сознание Окса, возвращая ему человеческий образ, был расположен на крыше невысокого пузатого строения, где и находился офис Деи-Ле. Стены строения пульсировали зеленым с желтыми прожилками, повторяя окраску используемых для путешествий между жилыми комплексами кубов переносов, находившимися в собственности дельца. Впрочем, он стремился раскрасить в цвета своей фирмы не только собственные кубы, но и принадлежащие наемным рабочим, которые приходили с собственным транспортом, надеясь расширить сферу деятельности и круг клиентов для дополнительного заработка.

- Эй, турист! – позвала Окса женщина, лицо которой имело неопределенный коэффициент восприятия. – Ищешь куб и хорошего водилу?

- Ты не сможешь доставить меня туда, куда мне нужно.

- Ты не знаешь, что я могу, а что нет.

- Конечно, не знаю, - криво ухмыльнулся Окс, и точка сборки четко смоделировала ухмылку на лице сформированного в Квазаре образа. – Если честно, то я вообще не доверяю людям, которые пользуются протоколами неопределенного восприятия.

- Можешь сделать себе такое же лицо и будем на равных, - женщина подошла ближе. – Хочешь получить лицо с неопределенным коэффициентом восприятия? Многие туристы мечтают о том, чтобы можно было вернуться в Размерность и хвастаться своими приключениями в Квазаре.

- Это не обо мне.

- Брось! Ты говоришь, что хочешь отправиться к черту на кулички, куда не сможет тебя доставить обычный хозяин куба… - женщина прищурилась, и ее образ за эти несколько мгновений сменил как минимум три разных лица. – Если собираешься нарушить закон или спрятаться от кредиторов, то неопределенный коэффициент восприятия – это то, что доктор прописал.

- А у тебя определенно талант заинтересовывать людей, - ухмыльнулся Окс.

- Это означает, что ты готов воспользоваться моими услугами?

- Нет.

- Значит ни о каком моем таланте и речи быть не может, - образ женщины распустился новым розовощеким лицом с широкой почти клоунской улыбкой. – Меня зовут Джиль-Ла.

Найдешь, если передумаешь и решишь сэкономить, воспользовавшись частными услугами в обход официальных предложений шарашкиных контор вроде той, в которую ты идешь сейчас.

- Не очень-то лестно ты отзываешься о своем работодателе.

- Что заслужил, то и получает, - улыбчивое лицо женщины сменилось хмурым, совершенно не похожим на прежнее.

«Интересно, сколько всего вариаций предусматривают подобные протоколы?» - думал Окс, проходя в офис Деи-Ле. Служебные системы продержали его в приемной четверть часа, затем перекомпилировали помещение, собрав его так, что Окс и Деи-Ле оказались в одной комнате.

- Слышал, ты вчера прибыл в Квазар и уже успел влипнуть в неприятности? – спросил делец, пропуская приветствия.

- Ничего серьезного.

- Люди говорят самоубийство.

- Я не имею к этому отношения.

- А что решит Всемирная иерархия, когда просмотрит последовательность событий, произошедших в доме Ле-Гре за последние дни?

- Ты хорошо осведомлен, знаешь имя и…

- Ты не ответил на мой вопрос.

- Незачем отвечать. Ле-Гре деактивировал большинство стандартных протоколов в своем доме.

- Деактивировал сам?

- Ты подозреваешь меня?

- Агентство «Ксанет» никогда не было праведным и образцовым, - Деи-Ле примирительно улыбнулся. – Ты знаешь, что этот парень мог быть моим далеким родственником?

- Если судить по имени, то не исключаю такой возможности.

- Я тоже не исключаю… - Деи-Ле тяжело вздохнул. – Хотел бы я знать, что произошло между вами на самом деле.

- Это не секрет. Ле-Гре потерял ребенка, был в депрессии и собирался сбросить показатели Ключа резонансов, чтобы закончить жизнь, оказавшись выброшенным из Квазара в свободный временной набор. Я посоветовал ему смириться и предложил отвлечься, помогая мне отыскать стороннюю программу для модуля блокировки, построенного учеными Иерархии специально для нейропатов, чтобы проверять уровень эмпатии. Ле-Гре успокоился и мне казалось, что все стало на места, но за несколько мгновений до перезагрузки системы он все-таки сделал то, что задумал.

- Ох уж эта депрессия… - сокрушенно покачал головой Деи-Ле. – Надеюсь, клирики наконец-то решатся и утвердят закон,

запрещающий подобные состояния. Обществу от этого станет только лучше. Ты не согласен?

- Я не думал об этом.

- А о чем ты думал? О сторонней программе для модулей блокировки?

- Всего понемногу.

- Так ты за этим пришел ко мне? Но я не работаю с инженерами. Моя стихия – переносы по Квазару от одного жилого комплекса к другому.

- Поэтому я и пришел к тебе, - Окс огляделся.

- О, не волнуйся, в своем офисе я не допущу наличие алгоритмов слежения, - успокоил его Деи-Ле. – Только сделай одолжение, перестань вести себя так, словно все еще находишься в Размерности. Здесь нет материи и нейронных сетей, следовательно системы слежения работают совершенно иначе… - делец прервался, увидев гневный взгляд Окса, сформированный точкой сборки на лице созданного образа, и тяжело вздохнул. – Туристы, - примирительно проворчал он.

- Твою семью в Размерности мне тоже считать туристами? – хмуро спросил Окс.

Вместо ответа Деи-Ле спешно вернулся к прежнему разговору, деловито пытаясь выпытать детали. Услышав о том, что Окс хочет попасть в поселение содомитов, делец выругался на сленге Квазара. Окс не понял ни одного слова, ни одной проскользнувшей между точками сборки эмоции.

- Услуга за услугу, - решил напомнить Окс, потому что после извергнутых ругательств Деи-Ле замолчал, замкнулся.

Если бы они находились в Размерности, то Окс решил бы, что делец подключился к дополнительному нейронному каналу, обсуждая с кем-то третьим детали предложения, но в Квазаре мир был устроен совершенно иначе. Мир энергии предполагал иные протоколы передачи данных и восприятия сознания. Энергия была пластичной, податливой субстанцией, из которой акеми создавали свои шедевры. Что касается протоколов передачи мыслей и многопотоковых восприятий, то здесь трудности возникали из-за бесконечно меняющихся колебаний времени, победить которые было невозможно – только приспособиться. Плюс работу незаконных алгоритмов и протоколов усложняли ежедневные перезагрузки и очистки системы. Поэтому системы слежения не работали в Квазаре дольше первой половины двухуровневого дня.

Впрочем, с частной и официально разрешенной связью дела обстояли не лучше, так как часто фильтры во время перезагрузки принимали их за вредоносные протоколы и удаляли, заставляя

разработчиков восстанавливать системы в соответствии с обновленным резонансом. Единственным, что исправно работало в Квазаре, были информационные щиты, имевшие фиксированные координаты, что позволяло занести их в список исключений для фильтров ежедневной проверки. Акеми обещали решить проблему связи, но и они год за годом терпели неудачи, основной причиной которых многие считали несогласованность между учеными: одни предлагали прописывать протоколы в каждый программный код нового строения, создавая тем самым глобальную сеть, другие хотели переработать транспортную сеть Пульсар, которая станет не только переносить сознания, но и научится перенаправлять информацию в соответствии с запросами пользователей, установивших в своих жилищах дополнительные микро-маяки, третьи вообще рассматривали возможность переписать главный системный код Квазара, кардинально изменив подход к перезагрузкам и формированию резонансов.

На фоне предыдущих глобальных нововведений, предлагаемых акеми, появлялись сотни, ушедших в частный сектор резонансных инженеров, которые создавали собственные информационные сети в мире Энергии. Их базы данных были крайне ограничены в ресурсах, зона покрытия мизерна, но сетей становилось все больше и больше. Резонансные инженеры, с оптимизмом глядя в будущее, строили планы, что когда-нибудь они смогут договориться друг с другом и объединить базы данных, предоставив своим клиентам общий доступ, что в сотни, а то и в тысячи раз позволит расширить доступную к запросу информационную базу.

Обо всем этом Окс знал, потому что перед тем, как отправиться в Квазар и встретиться с Деи-Ле, бегло изучил, чем занимается семья дельца в Размерности. Основной сбор информации и последующий анализ проводил Лиор. Рассказывая другу о том, что семья Деи-Ле скупает мелкие конторы резонансных инженеров, предлагающие услуги информационной связи в Квазаре, Лиор, пользуясь дополнительными возможностями, подаренными Эсфирь, сделал прогноз, что подобная тактика может принести успех лишь на первых этапах, пока акеми всерьез не возьмутся за дело.

- В общем, больше проблем с конкурирующими контрами, чем шансов на удачу, - сказал Лиор.

Сейчас, вступая в переговоры с Деи-Ле, Окс собирался пообещать дельцу уладить ряд вышеназванных проблем в обмен на билет до поселения содомитов и обратно.

- До поселения содомитов? – переспросил Деи-Ле, открыв рот

и решив, что ослышался.

Окс кивнул.

- Твою мать! – не сдержался делец, утратив изысканность диалекта коренного жителя Квазара. – Ты совсем спятил?!

- Ты поможешь или мне найти кого-нибудь другого? – нарочито небрежно спросил Окс.

- Никого ты не найдешь другого, - отмахнулся Деи-Ле.

Окс выдержал паузу.

- Ты что, действительно готов отправиться в поселение содомитов ради очередного клиента, обратившегося в «Ксанет»? – растерянно уставился на него делец.

- Это просто работа, - соврал Окс, решив не рассказывать о планах встретиться с Эсфирь.

Деи-Ле снова выругался, активировал служебные системы, которые перекомпилировали здание так, что часть его, отделившись, проглотила одного из хозяев куба переносов.

- Снова ты! – усмехнулась женщина с лицом, скрытым неопределенным коэффициентом восприятия, когда увидела Окса.

- Вы знакомы? – Деи-Ле показалось, что в этот день удивлениям не будет конца.

- Она предлагала мне купить лицо с неопределенным коэффициентом восприятия, - сказал Окс, умолчав о предложении заключить договор Переноса в обход Деи-Ле.

- От владельцев кубов всегда одни проблемы, - сокрушенно покачал головой делец, однако удивления слова Окса у него не вызвали.

Повернувшись к женщине, лицо которой постоянно менялось, он долго смотрел на нее, затем спросил, что она знает о поселении содомитов.

- Знаю достаточно, чтобы держаться подальше от этого проклятого места, - сказала Джиль-Ла.

- Видишь? – Деи-Ле повернулся к Оксу. – Она не сказала, что никогда не была там.

- Но и о том, что была, не говорила, - уточнила Джиль-Ла.

- Конечно, - согласно кивнул Деи-Ле. – Мне незачем знать то, что я не должен знать, - он снова повернулся к Оксу. – Я ненадолго покину вас, а вы тут… в общем… - делец так и не нашел нужных слов или специально предпочел не говорить ничего конкретного, лишь неловко бросил, что ближайшие пару дней Джиль-Ла работает на полной ставке.

- А твой процент, как работодателя? – спросила женщина.

- Нет процента, - сказал Деи-Ле. – Считай, что следующие несколько дней ты работаешь по бонусной программе.

- По бонусной программе? – Джиль-Ла задумалась, покосилась на Окса, снова смерила внимательным взглядом своего работодателя и громко рассмеялась. – Вот пройдоха! Уверена, уже получил свое, верно?

- А ты не смотри на то, что принадлежит мне. Стремись к тому, что твое, - дал совет Деи-Ле, активировал служебные система, пересобравшие здание так, что в сжавшейся комнате остались только Окс и Джиль-Ла.

Женщина с постоянно меняющимся лицом параноидально огляделась и активировала интегрированный в базовые ядра ТС протокол проверки слежения. Проецируемый образ вспыхнул, реагируя на изменения протоколов, мигнул несколько раз, замораживая работу переменного коэффициента восприятия, в результате чего на несколько секунд лицо женщины превратилось в каменную маску, отображая последнюю случайную комбинацию черт.

- Все чисто, - сказала Джиль-Ла, когда ее лицо снова начало меняться. – Можешь теперь сказать, куда на самом деле ты хочешь отправиться.

- В поселение содомитов, - сказал Окс, услышав грубую брань женщины на сленге Квазара, из которой сумел разобрать лишь пару фраз и случайных восприятий, но и этого хватило, для общего понимания, за кого его принимает Джиль-Ла после подобных шуток.

- Это не шутка, - сказал Окс, надеясь, что не ошибся с переводом.

Женщина нахмурилась.

- Так ты понимаешь наш диалект? – спросила она.

- Совсем немного.

- Тогда запомни, то, что я сказала, не особенно вяжется с обманом или шуткой. Это скорее… - Джиль-Ла задумалась, подбирая эпитеты. – Это скорее извращенная и унизительная процедура, которой твои слова подвергают мой мозг в теле, оставленном в Размерности.

- Я так и подумал, но… у меня и в мыслях не было проделывать что-то подобное с твоим мозгом.

- Так ты действительно хочешь попасть в поселение содомитов?

- Да.

- И кто там? Возлюбленная? – Джиль-Ла окинула его внимательным взглядом, надеясь, что образ, созданный точкой сборки, передавал вид настоящего тела. – Ребенок?

- Ребенок?

- Я подумала, что у тебя могут быть достаточно взрослые

дети, которые стали содомитами.

- К счастью нет.

- Что тогда? Хочешь найти там друзей? Удовлетворить грязные фантазии? Если так, то…

- Там находится старый друг. Когда-то давно она помогла мне встать на ноги, а теперь может помочь мальчику-нейропату и его отцу, который обратился в наше агентство.

- Так ты решаешь проблемы других?

- Типа того.

- И как женщина-содомит может помочь мальчику-нейропату?

- Она знает людей, которые разбираются в сторонних программах, написанных для официального модуля блокировки, разработанного Всемирной Иерархией для нейропатов, чтобы проверять уровень эмпатии.

- Ненавижу все эти заморочки. Иногда мне кажется, что подобное происходит только в Размерности: нейропаты, модули блокировки, Ледник, вирусы в нейронных сетях…

- У нас нет адептов «Мункара и Накира».

- Адепты есть везде, вот только Квазар – это их дом, поэтому они охраняют его от бесчинств Всемирной иерархии, которая занимается только тем, что придумывает все новые и новые ограничения, лишая людей свободы выбора. О чем говорить, если они даже умереть не дают спокойно, приравняв действия суицидальных личностей к покушению на убийство. Бред! Кому какое дело?! Это ведь моя жизнь, что хочу, то и делаю.

- Лучше не напоминай мне об этом, - попросил Окс.

Джиль-Ла фыркнула, окинула его пристальным взглядом и сказала, что он не похож на самоубийцу.

- У меня был друг, бывший клиент агентства, который покончил с собой вчера.

- В Размерности?

- Нет, здесь.

- Обнулил ключ резонансов?

- Именно.

- Кажется, это становится модным. Думаю, скоро Иерархия пронюхает, что к чему и внесет изменения в протоколы очистки системы во время перезагрузки Квазара.

- Сомневаюсь, что все будет так глобально.

- Я, если честно, тоже, но клирики все равно что-нибудь придумают.

- Скорее всего, просто ужесточат ответственность близких и друзей погибшего.

- Боишься за себя?

- Я сделал все, что в моих силах, чтобы отговорить его.

- Но ты знал.

- Да.

- И не сообщил о намерениях? Знаешь, есть закон, который обязует оставлять в подобных случаях сообщение на информационных щитах, чтобы система могла обработать информацию и принять меры… Нечто подобное требуют от официально зарегистрированных владельцев кубов переносов – оставлять на информационных щитах сведения о пассажирах. Хотя если делать все официально, то заработанного не хватит на обновление протоколов куба и доступ к информации о точках энергической сцепки, чтобы можно было перемещаться по этому миру от одного жилого комплекса к другому.

- Моя знакомая из поселения содомитов говорит, что ученые близки к тому, чтобы создать новые виды подпространственных двигателей, эффективность которых во много раз превышает ныне существующие протоколы двигателей.

- Так ты предлагаешь мне доставить тебя в поселение содомитов в обмен на призрачную информацию одного из изгоев о каких-то там прототипах двигателей?

- Тебя это не устраивает?

- Устраивает, если сможешь доказать, что подобные разработки существуют, и показать отчеты хотя бы бета тестирования продукта. До тех пор – это пустые слова.

- Тогда назови свою цену.

- Новый куб переносов, плюс помощь моему брату, который увяз в долгах терминалам Энрофы, набрав авансов, но не успевая поставлять в соответствии с заключенным договором туристов, готовых воспользоваться клонами, чтобы попасть в Isistius labialis.

- Слишком большая цена, - качнул головой Окс. – К тому же Ксанет не работает в Квазаре.

- Ладно, тогда ограничимся новым кубом.

- Чем тебе не нравится тот, который уже есть?

- Боюсь, он не переживет очередной доработки, которая потребуется, если я возьмусь прокатить тебя до поселения содомитов и обратно.

- Не думал, что так сложно попасть в поселение содомитов.

- Попасть не сложно, но для того чтобы выбраться, одного желания будет мало. Твоя подруга не рассказывала тебе об этом?

- Эсфирь говорила, что смогла вернуться благодаря разработкам альтернативного двигателя, которые проводил содомит-акеми по имени Сво-Дош.

- Сво-Дош? – оживилась Джиль-Ла. – Твоя подруга была знакома с акеми по имени Сво-Дош? Я не ослышалась?

- Нет.

- Ого!

- Ты его знаешь?

- Каждый хозяин куба переносов знает о том, кто такой Сво-Дош, и чем успех его разработок грозит для нашего бизнеса.

- Так у нас выходит конфликт интересов?

- Конфликт интересов? – растерялась Джиль-Ла. – Нет никакого конфликта. Только представь, что будет, если я смогу получить подобную технологию?

- Сомневаюсь, что ты сможешь продать ее крупным разработчикам. У исследований есть своя темная история, так что…

- Продать? Зачем мне продавать такое сокровище? Я могу использовать разработку в личных целях.

- Не думаю, что удастся получить официальное разрешение…

- Перестань ворчать! Вы, жители Размерности, привыкли, что Иерархия во всем ограничивает ваши права. В Квазаре большинство этих законов не действует. Да и нет смысла соблюдать правила и нормы в мире, который подчиняется совершенно иным законам и формулам. Нам ненужно бояться продвижения Великого ледника, экономя каждый джоуль доступной энергии для борьбы с ним. Мы не прячем за нейронными образами прогнившие насквозь остовы жилых комплексов. Мы свободны от плоти и жидких чипов, которые управляют биологическими процессами человека. Если задуматься, то Размерность – это несовершенный вариант Квазара, промежуточное звено.

- И еще это мой дом, - хмуро напомнил Окс. – Так что полегче на поворотах.

Джиль-Ла широк улыбнулась и примирительно подняла руки.

- Это означает, что мы договорились? – спросил Окс.

- Ты даешь мне новый куб и альтернативную технологию подпространственных двигателей, а я доставляю тебя хоть к черту на кулички.

- Забудь о новом кубе.

- Без существенных доработок мой куб может не выдержать путешествия туда и обратно. Это ведь не Пульсар, где цепляешься за поток и перемещаешься к соседнему Маяку. Путешествие по неиндексированным территориям чревато искусственными временными провалами и нестабильностью точек энергетической сцепки. И если с первыми еще как-то можно бороться, адаптируя протоколы передвижения так, чтобы держаться подальше от границ нестабильных колебаний Квазара, в поле действия которых можно быть выброшенным в произвольной временной резонанс, то с нестабильностью ТЭС дела обстоят куда хуже,

потому что невозможно рассчитать насколько тонким окажется пространство в месте сцепки. Впрочем, иногда все случается с точностью до наоборот, и вместо того, чтобы лопнуть до сброса протоколов блокировок, ТЭС срывает куб прежде запланированного начала Переноса. Хозяин куба и пассажиры превращаются в сгустки энергии, подчиняясь местным законам динамики, но внутреннее энергетическое поле, которое должно удержать их внутри куба, еще не активировано. Прыжок вызывает у пассажиров сбой связей внешнего образа и точки сборки. На личностном уровне происходит полная разбалансировка и сбой систем контроля, поэтому что-либо исправить уже невозможно. Остается ждать, когда тебя выбросит с площадки куба и надеяться, что кто-нибудь найдет тебя и поможет вернуться, прежде чем система, устав от твоего присутствия, во время одно из перезагрузок, решит удалить тебя за пределы Квазара.

- То есть ты намекаешь, что перед отправкой нужно провести модернизацию твоего куба переносов? – не скрывая улыбки спросил Окс.

- Боюсь, для стабильной работы одной модернизации будет мало. Моему кубу потребуется реконструкция, а в Квазаре мало что поддается глобальной смене системного кода, если это не было предусмотрено заранее.

- Это значит, что мы снова вернулись к покупке нового куба?

- Написание протоколов нового куба дело долгое, не терпящее спешки. Если ты готов ждать пару месяцев, то я не против, а так просто хотела объяснить, что нас ждет, когда мы отправимся в поселение содомитов. И не забывай, я еще не рассказала тебе о тренировочных лагерях адептов «Мункара и Накира» и прочих жутких байках и местных легендах о том, что ждет глупца, решившего отправиться в неиндексированные территории Квазара.

- Я коренной житель Размерности, - устало напомнил Окс. – Работал на стройках и жил в крайне неблагополучных секторах Isistius labialis, пока с другом не организовал агентство «Ксанет». Хотя после этого не скажу, что жизнь стала мягкой и пушистой. Скорее наоборот. А ты, если пытаешься напугать меня, видимо давно не покидала этот наполненный светом мир, чтобы напомнить себе, какова жизнь в материальном мире.

- Да я, если честно, вообще не планирую покидать Квазар, - нарочито небрежно усмехнулась Джиль-Ла. – Для хозяина куба переносов со стажем доступ в Размерность закрыт. Регулярные смещения точки сборки во время прыжков разрушают связи с оставленным в Размерности телом, и когда мы пытаемся вернуться, то, очнувшись в капсуле терминала, понимаем, что не

можем контролировать части своего тела, а органы чувств работают так, словно сошли с ума, и ни один жидкий чип не может исправить это, потому что физических повреждений нет. Все намного глубже – на уровне основных протоколов и базисных ядер точки сборки, но так глубоко, чтобы исправить это, ученые еще не смогли запустить свои руки.

Глава четырнадцатая

Энергетический всплески окутали установленный в центре куба переносов шестигранный стержень, из которого вытянулись контролируемыми всполохами света тонкие лучи-щупальца, вцепившись в пространство Точки Энергетической Сцепки, и потянули на себя. Поднявшийся гул, казалось, может создать такие вибрации, что прорвав ограничительные протоколы резонансов Квазара, они создадут брешь, сквозь которую куб будет выброшен в свободный временной набор.

- Держись подальше от центрального стержня, он не защищен силовым полем, - предупредила Джиль-Ла.

Окс кивнул. Гул усилился. Вибрации проникли в базовые ядра точки сборки, разрушая связи и устоявшиеся восприятия. «Сбрасывай чертовы блокировки!» - гневно подумал Окс, мысленно обращаясь к Джиль-Ла. Пространство начало разваливаться, зияя искрящейся чернотой. Шестигранный стержень задрожал, изогнулся, не в силах удерживать исходящие из него нити. Протоколы блокировки отключились. Куб дернулся и нырнул в развезшуюся перед ним пустоту. Поврежденные связи базовых ядер точки сборки спутались, подменяя восприятия и контроль над образами.

У подобных путешествий было одно правило – не сопротивляться. Окс знал об этом, но никогда не испытывал на своей шкуре, что такое перенос в Подпространстве на ненадежном кубе. «Главное не сопротивляться», - убеждал себя Окс, стараясь не обращать внимания, что протоколы команд, управляющих образом, спутаны настолько сильно, что невозможно даже закрыть глаза, потому что вместо этого почему-то начинают подниматься руки, а при попытке что-либо сказать, сгибаются колени.

Незадолго до прыжка Джиль-Ла спросила Окса, имеет ли он представление о том, что такое поселение содомитов в действительности?

- Я представляю, какой контингент там обитает. Думаю, этого будет достаточно, - сказал Окс.

- Среди содомитов очень много гениальных ученых.

- Я считаю, что безумие и наука всегда идут бок о бок.

- Я не о том. Представь, если каждый из этих ученых был изгнан из цивилизованного мира за свои безумные идеи, то, что они явят миру, когда объединят усилия?

- Думаю, лучше опасаться насильников, извращенцев и убийц. Ученые могут навредить, только когда им предоставлены технологии и материалы, а без этого они словно капризные дети.

- Может быть, в Размерности это и так, но не в мире Подпространства, где все создано из энергии. Необходимые технологии и материалы повсюду, нужно лишь обойти ограничения основных протоколов Квазара и не вывалиться из заданного резонанса.

- Сильно сомневаюсь, что больной разум, объединившись, сможет уйти дальше сезона любви.

- Ты слышал о сезоне любви в поселении содомитов?

- Когда нашим… другом… стала женщина оттуда, мы навели кое-какие справки.

- Это было нечто, верно? – оживилась Джиль-Ла. – Бесконечное удовольствие. Близость повсюду…

- По мне, так чокнутые ученые просто взломали базовые протоколы точки сборки и основной код, считанный во время настоящей близости в Подпространстве, объединив людей в универсальную сеть.

- Многие дельцы на подобие Деи-Ле, пытались повторить этот «просто взлом», как ты сказал, но у них ничего не вышло. Планы создать территории, на которых будут действовать «законы любви», рухнули.

- Думаю, виной всему плохое финансирование. К тому же сильно сомневаюсь, что подобные технологии пользовались бы спросом.

- Ты не прав! Многие люди проживают свои жизни, так и не испытав что такое близость в Квазаре, когда участники влюблены друг в друга. И не спорь о любви. Это уже доказано. Чувство зашифровано где-то в базовых ядрах личности.

- А еще многие ученые пытались приравнять эти чувства к вирусу. Кажется, придумали даже название. Вирус парности, если не ошибаюсь?

- Ты не ошибаешься… - Джиль-Ла выглядела обиженной девчонкой, которой юношеский максимализм не позволяет принять простые истины, проверенные временем. - Думаю, ты никогда не испытывал ничего подобного, - сказала она.

- А ты испытывала?

- Нет, но когда-нибудь… Если бы сейчас открылись территории, куда можно пойти с кем-нибудь и пережить то, что переживают во время близости влюбленные, то я бы пошла.

Окс промолчал. Не видя настоящего лица, он не мог понять, сколько в действительности лет Джиль-Ла. Если гадать, то разброс выходил неуместно огромным. То она напоминает

подростка, то взрослую, немного циничную женщину, а то…

- Ты похожа на Эсфирь, - сказал Окс.

- Эта женщина, ради которой мы отправляемся в поселение содомитов?

- Да. У нее была генетическая аномалия, и ученым пришлось устанавливать дополнительные участки мозга в грудь ребенка, чтобы он мог функционировать в обществе, как полноценная личность.

- Мерзость. Не удивительно теперь, что она закончила среди содомитов.

- Эсфирь говорит, что благодаря дополнительным участкам мозга, она стала хорошим ученым.

- Таким же хорошим, как Сво-Дош?

- Не забывай, что начал разработки альтернативных двигателей Подпространства не Сво-Дош, а его отец.

- Ты не ответил на мой вопрос.

- Сомневаюсь, что она настолько велика, но…

- Старательна? – одно из бесконечного множества лиц Джиль-Ла расплылось в широкой улыбке.

- Она очень помогла моему агентству встать на ноги, поэтому, сделай одолжение, не принижай ее ум. Недостатки и маленькие демоны есть у каждого.

- Ты причинял людям вред, как это делала Эсфирь?

- Нет, но я и не приносил людям пользы, как это делала она.

- Маленькому человеку маленькие недостатки?

- Именно…

Их разговор был прерван визитом акеми, согласившегося провести возможные доработки куба переносов. Оплату производил Окс. Акеми работал быстро и почти не разговаривал, лишь на прощание пошутив, что куб теперь готов к любым испытанием, включая перенос в поселение содомитов, на что Джиль-Ла нервно рассмеялась, а Окс поспешил напомнить, что подобный перенос запрещен законом.

- Законом? – удивленно уставился на него акеми.

- Он из Размерности, - объяснила ситуацию Джиль-Ла.

- Ах, вот оно что! – протянул акеми, и спустя пару минут ретировался, посоветовав Оксу расслабиться и не думать о клириках и хранителях, которые не дают покоя людям в Размерности, но в Квазаре появляются крайне редко.

- Зато у вас полным-полно адептов, - сказал Окс.

- Так разве это плохо? – улыбнулся акеми, хотел, кзалось, начать конфликт, но ретировался прежде, чем Окс успел открыть рот.

- Не обращай на них внимания, - посоветовала Джиль-Ла.

- После встречи с Эсфирь, меня вообще мало что может удивить.

- Она была такой особенной?

- Она интегрировала мне и другу дополнительные жидкие чипы, объединив нас в экспериментальную сеть.

- Как нейропатов?

- Что?

- Вы можете с ним читать мысли друг друга или что-то другое?

- Он может подключаться к моему мозгу, а я выкачиваю из него необходимую мне кинетическую энергию.

- Необходимую для чего?

- Для драки, например. Иногда силы неравны и нужно либо звать на помощь, либо заимствовать у Лиора дополнительные ресурсы.

- Как я понимаю, это работает только в Размерности?

- Да.

- Жаль. Когда доберемся до поселения содомитов, думаю, нам бы понадобилась возможность выкачивать из других необходимые для драки силы.

- Главное найти Эсфирь. Дальше, надеюсь, она сможет прикрыть нас.

- Не забывай о Сво-Дош и обещанных разработках альтернативных двигателей.

- Конечно, - отмахнулся от женщины Окс, сделав это слишком небрежно, чтобы она поверила.

- Даже не думай обмануть меня, - предупредила Джиль-Ла.

- Конечно, - сказал Окс.

- Думаешь, я шучу? – ощетинилась женщина с лицом неопределенного коэффициента восприятия.

- Никогда.

- Думаешь, - прошипела Джиль-Ла и сыпала угрозами последующие два часа, пока Окс, устав от этого, не заявил, что от него ничего не зависит.

- Это не я изобрел те чертовые альтернативные двигатели, - сказал он. – Я могу лишь пообещать сделать все, что в моих силах, чтобы достать тебе чертежи или работающий прототип. Остальное будет зависеть от случая.

- Вот теперь звучит правдиво, - одобрительно кивнула Джиль-Ла и переключилась на разговор о трудностях, с которыми они могут столкнуться, попав в поселение содомитов. – Согласно, самое страшное позади, я говорю о сезоне любви, но свихнувшиеся ученые все время изобретают что-то новое. Последний человек, который недавно вернулся оттуда, говорит,

что в поселении запущен проект «Мы – то, что нас окружает».

- Что за человек?

- Такой же, как я, только не думай, что сможешь договориться с ним в обход меня. Здесь такое не приветствуется.

- Понятно. Что насчет проекта «Мы – то, что нас окружает»? Еще одна извращенная фантазии на подобие Сезона любви?

- Глобальное замещение образов.

- Как в играх, площадки которых базируются в Подпространстве?

- Намного глубже. Меняется не только образ, но и восприятия, ход мыслей. Созданные протоколы взламывают базисные ядра личности, отраженные точкой сборки, добираясь до последних воспоминаний, на которых происходили микро-сбои восприятия, в результате чего появились свободные базовые ядра. Память в них долго не хранится, но если алгоритмы находят что-то, вызвавшее сбой восприятия, то восстанавливают угасающие данные и производят перекомпиляцию точки сборки, включая подмену центральных ядер личности… - Джиль-Ла выдержала паузу, вглядываясь Оксу в созданный точкой сборки образ его глаз. – «Мы - то, что нас окружает» - это проект, который превращает всех людей, зацикленных на чем-то так сильно, что появляются сбои восприятия, в предмет их одержимости.

- То есть Сво-Дош мог превратиться в альтернативный подпространственный двигатель?

- Вполне возможно.

- А что с сознанием?

- Все работает в соответствии с новыми восприятиями. Ничего человеческого не остается, кроме стержня сознания.

- То есть если это случится с тобой, то ты превратишься в куб переносов?

- Ну как-то так, да.

- И будешь думать, как куб переносов?

- Думать я будут так, как думаю сейчас, но изменятся восприятия, а следовательно и видение мира… Как думаешь, кем станешь ты?

- Думаю, никем не стану. У меня не было микросбоев восприятия, значит, и превращаться мне не в кого.

- Ты говорил, что работал когда-то строителем.

- С тех пор прошло много времени.

- А как же агентство?

- Думаешь, я превращусь в агентство? – рассмеялся Окс. – Не хочу тебя разочаровывать, но благодаря Эсфирь, я вообще крайне нечувствителен ко многим вещам, которые заботят обычных людей. Мой друг пользуется не только участками моего мозга, но

и забирает кучу эмоциональных эксцессов. Эсфирь пыталась изменить работу фильтров дополнительных чипов, но оказалось, что это необходимая мера, потому что, чем меньше я переживаю, тем теснее наша с Лиором связь. Так что он, можно сказать, собирает в свободных ядрах личности сбои восприятия за двоих.

- Везучий ты, - улыбнулась Джиль-Ла, отправляясь подготавливать куб к прыжку. – Хотя, у меня в семье подобной зависти достоин брат, - крикнула она, обернувшись, и точка сборки, преобразовав желание говорить, донесла до Окса через стабильное пространство нужные слова. – Он всегда делал все, что хотел, а расхлебывали за него родственники.

- Да, знакомая история. У меня был друг, к которому неприятности словно магнитом притягивало.

- Если бы так было с Ингг-Ла, - сокрушенно покачала головой Джиль-Ла. – С моим братом все иначе. Он не жулик и не прохвост, как многие другие, которые занимаются поиском клиентов для терминалов Энрофы. Подобные хитрецы обычно ошиваются возле центров отправлений и точек энергетической сцепки. Они прохода не дают туристам, и специально доплачивают владельцам кубов переносов, чтобы они сообщали информацию о тех, кто едва сводит концы с концами, чтобы можно было впарить им изношенных клонов, когда они решат посетить не родной жилой комплекс. Мой же брат не хочет продавать бракованный продукт, честно предупреждая о недостатках. Думаю, виной всему случай, когда он наслушался историй о жизни в Размерности и сбежал из дома. Он украл ключи доступа к семейному счету, упросив друга интегрировать данные ему в точку сборки. Накопления были небольшими, поэтому ему пришлось покупать самого дешевого клона, который был на рынке Квазара в районе жилого комплекса Galeus longirostris. А куда же еще мог отправиться молодой идеалист, как не в центр мира! Вот только о запланированных свершениях не могло быть и речи. Клон, в котором он оказался, был настолько плох, что брат застрял в Galeus longirostris на несколько лет. Ему повезло и на него вышли хранители, которых заинтересовали странные перепады активности сбоившего жидкого чипа клона. Поэтому они нашли Ингг-Ла и отправили в исследовательский центр, где ученые смогли проследить нейронный след до незаконного терминала, который спустя несколько дней был закрыт хранителями. Клиентов у терминала было немного. Хранители нашли каждого клона и вернули их в Квазар, прежде чем закрыть незаконный терминал и уничтожить тела клонов. Подключение брата было решено оставить активным, пока ученые не разберутся в природе сбоев жидкого чипа его клона, который

не позволял подключиться к нейронным сетям и воспользоваться капсулой терминала… В общем, вернувшись, он сделал смыслом своей жизни работу с туристами, которые не могут позволить себе официальные терминалы и проверенных клонов. Ингг-Ла работает с незаконными терминалами, проверенными лично. Ни один турист, который воспользовался его услугами посредника, не пострадал и благополучно вернулся из Isistius labialis обратно в Квазар. Жаль, что подобный альтруизм не окупается, и брат все глубже и глубже увязает в долгах, с которыми приходится разбираться его семье. Но ему, кажется, нет до этого дела. Сомневаюсь, что он понимает: помогая одним, он вредит другим, заставляя их платить за его доброту… - Джиль-Ла помрачнела. – У твоей подруги в поселении содомитов, случайно нет лекарства от альтруизма?

- Можно будет спросить, - уклончиво ответил Окс, не поняв, шутит женщина или нет.

- Да, можно, - согласилась она и велела забираться в куб, активировав подготовку к прыжку…

Их первая остановка состоялась недалеко от поселения акеми. Тонкие нити вырвались из шестигранника в центре куба и вцепились в заданные координаты точки энергетической сцепки. Автоматика включила протоколы блокировки. Окажись координаты неверными, и куб расплющило бы об энергетические поля пространства. Восприятия и основные связи образа с ТС вернулись вместе с затихающим гулом и рывками куба, пытавшегося продолжать движение.

- Ух, чуть не проскочили! – изобразила испуг Джиль-Ла, поняла, что на Окса это не произвело эффекта, и кисло напомнила, что вокруг Квазар, а не какая-нибудь игра, трансляции которых крутят по нейронным каналам Размерности. – Ты ведь понимаешь, что если тебя убьют здесь, то убьют по-настоящему. Пробуждения в капсуле терминала не будет.

- Я знаю, - сухо сказал Окс, устав от попреков за жизнь в Размерности. – Что это за поселение? – спросил он, меняя тему, глядя в сторону светящихся строений.

- Здесь работают акеми.

- И что они изобретают?

- Не знаю. Что-то для Квазара. Возможно, для Всемирной иерархии или личные заказы клириков.

- Не смеши меня. Иерархия не работает с акеми.

- Кто сказал? – широко улыбнулась Джиль-Ла.

Окс решил не спорить. Выбравшись из куба, он сделал несколько шагов в сторону поселения, проверяя работоспособность протоколов движения, которые, согласно

слухам, акеми постоянно меняли возле своих поселений. Сейчас ничего подобного не наблюдалось. Все выглядело, как и обычно.

- Я же говорю, все законно, - расплылось в широкой улыбке одно из многочисленных лиц Джиль-Ла, словно она могла читать мысли Окса, как это делают нейропаты в Размерности, перехватывая онлайн потоки сознания. – Квазар – это не ад, как думают, многие, - добавила женщина.

Окс кивнул, решив, что иначе его не оставят в покое, сделал еще несколько шагов в направлении поселения акеми, надеясь, что это позволит ему избавиться от разговоров с Джиль-Ла. Вокруг призрачно поблескивал Великий ледник материального мира, отпечатавшийся на энергетической плоти Подпространства. Белый цвет и простор вгрызались в сознание. Окс, привыкший к монолитной тесноте жилых комплексов, чувствовал дискомфорт от бескрайних ледяных пустынь, холод которых, казалось, пробирается в самые кости, хотя в Квазаре подобное чувство было иллюзией. Даже первые хронографы, которые отправлялись в заданные резонансы Подпространства, чтобы изучить прошлое и создать реконструкции, оставались нечувствительными к внешней среде оттисков минувших времен. А в те годы никто и знать не знал об акеми и взломах базисных протоколов точки сборки, совершенных ученым по имени Пай-Мик.

- Попробуй сосредоточиться на поселении, - посоветовала Джиль-Ла. – И не спорь. Я знаю, что тебя сейчас буквально наизнанку выворачивает из-за простора. Подобное происходит со всеми, кто редко выбирается из клеток жилых комплексов.

- Не такие уж они и маленькие, как ты говоришь, - проворчал Окс.

- Тысячи лет назад, любое место, откуда не видно неба, считалось тюрьмой. Люди тянулись к звездам. А что сейчас?

- Сейчас люди тянутся к ядру Земли, - попытался пошутить Окс, намекая на общину инертов, обитавшую в жилом комплексе Galeus longirostris.

- Что это значит? – спросила Джиль-Ла, решив, что услышала какую-то странную шутку или иронию Размерности.

- Ты никогда не слышала о такой псевдонауке, как инертность?

- Что-то мельком… Это, случаем не то, где порицается борьба с Великим ледником?

- Именно.

- На мой взгляд, борьба с Великим ледником – это единственная достойная вещь, благодаря которой клирики все еще что-то значат в двухуровневом мире, а инертность… Мне кажется сдаться и отступить от Ледника – это глупость. А инерты

– свихнувшиеся ренегаты, которые деградируют, слепо продолжая питать ошибками и заблуждениями новые поколения ретроградов, негативно настроенных на все новое.

- Зато инерты верят, что когда-нибудь человечество эволюционирует в детей Квазара. Думаю, именно поэтому их науку сравнивают с алхимией акеми.

- В детей Квазара верят не только инерты, а что касается сравнения их науки, с учением акеми, то…

- Инерты видят будущее человечества в Подпространстве, просто сейчас, считают они, нужно опускаться под землю к ядру земли, способному согреть и обеспечить необходимой энергией десятки, а возможно, сотни поколений.

- Ты видел их хоть раз?

- А что?

- Да ничего, просто, я признаю, что ничего не знаю о них, но они уже не нравятся мне. Больше похожи на каких-то ренегатов Размерности, чем на ученых…

- Звучит так, словно ты сравниваешь их с содомитами.

- А это идея! – оживилась Джиль-Ла, собралась отпустить скабрезность, касательно Размерности, но оборвалась на полуслове, получив координаты новой точки энергетической сцепки на пути к поселению содомитов. – Хватит пялиться на лагерь акеми, - заорала она Оксу. – Возвращайся в куб. Нам предстоит еще один прыжок.

Тонкие нити из установленного в центре шестигранника уже стягивали пространство точки энергетической сцепки, готовясь к прыжку, когда Окс забрался в куб. Поднявшийся гул был сильнее, чем в прошлый раз.

- Почему так громко? – тревожно проорал вопрос Окс.

- Нам предстоит очень далекий прыжок!

Гул превратился в вибрации, разрывавшие хрупкое естество.

- Может быть, лучше использовать несколько промежуточных ТЭС? – занервничал Окс.

- Если будем использовать промежуточные ТЭС, то застрянем во временных аномалиях, - прокричала в ответ Джиль-Ла за мгновение до того, как отключила протоколы блокировок куба.

Глава пятнадцатая

Эсфирь. Распад восприятия прогрессировал. Она чувствовала это подсознательно, практически на уровне инстинктов, но не могла понять, осмыслить, потому что понимание находилось на уровне, который был подчинен распаду. Восприятия рисовали дивный мир, где любая мечта может стать явью. Видение длилось несколько минут, высасывая желание жить пониманием, что в этом безгранично счастливом мире никто не может достичь и толики подобного счастья. Затем восприятия менялись, следуя нахлынувшему отчаянию, возводя это чувство в абсолют, пульсируя в голове безнадежностью и мечтами о прекрасном.

Эсфирь начинала присматриваться к окружающим ее людям, пытаясь убедить себя, что не все так плохо. Сердце сжималось от понимания, что людям еще хуже, чем ей, но потом среди них появлялись яркие лица, выпадавшие из общей череды масок боли и отчаяния. Люди с яркими лицами проходили мимо, и Эсфирь понимала, что они счастливы, несмотря на ее боль. Восприятия менялись, принося ненависть: яркую, чистую, желанную.

- А ну стой! – заорала Эсфирь девушке, спешащей к остановившейся у перрона капсуле общественного транспорта.

Девушка не обернулась, решив, что если бы кто-то звал ее в действительности, то мог при необходимости воспользоваться открытым информационным поток нейронной сети, а так…

- Эй! – вскрикнула она, когда Эсфирь схватила ее за жидкие волосы – признак коренного жителя Размерности. – Какого черта?!

Девушка оказалась не промах и вместо того, чтобы испугаться, ответила агрессией на агрессию. Ученые модифицировали мозг Эсфирь, но оставили мускулы обычного человека.

- Я убью тебя, счастливая сука! – зашипела она, пытаясь дотянуться пальцами до глаз противника.

Девушка ударила Эсфирь кулаком в нос. Хрустнули костяшки и сломавшаяся переносица. Интегрированный чип не мог справиться самостоятельно с хлынувшей кровью, переработав ее, превращая в энергию, поэтому автоматом был сделан запрос в нейронные средства тонкой очистки. Процесс занял чуть больше пары секунд. Кровь толчками текла из носа Эсфирь, но активированные системы очистки перерабатывали большую ее часть прежде, чем она успевала достигать платформы станции общественного транспорта. К ногам Эсфирь падали лишь крохотные капли, изредка превращаясь в тонкую струйку.

- Что это? – растерялась Эсфирь прикладывая ладони к разбитому носу. – Как это? – она растерянно переводила взгляд с ударившей ее девушки на капли крови на своих ладонях. – Что ты наделала? – Восприятия изменилось, принося чувство растерянности и обиды. – За что?

- За что? – скривилась девушка, которой нейронный медик исправлял выбитые костяшки.

- Что я тебе сделала? – Эсфирь уставилась на обидчицу большими вращающимися глазами и протянула к ней окровавленные руки. – Что я тебе сделала? – закричала Эсфирь.

- Ты хотела меня убить, - напомнила девушка.

- Я никого не хотела… - в голове что-то заклинило и, закатив глаза, Эсфирь отключилась.

Она не приходила в сознание дольше года. Жидкий чип работал исправно, снабжая тело необходимой энергией, но мозг объявил бойкот реальному миру. Вернее два мозга: один недоразвившийся в голове, и другой, выращенный учеными в груди взамен правого легкого. Врачи отвезли Эсфирь в исследовательский центр, изучавший отклонения. Нигде, кроме жилого комплекса Isistius labialis, не было подобных учреждений, так что Эсфирь, можно сказать, повезло. За ней присматривали лучшие умы науки. Генетическая ошибка заинтересовала ученых из соседних жилых комплексов.

Три женщины прибыли из Galeus longirostris, используя новенькие тела клонов. Они не пытались разобраться, как вернуть Эсфирь в сознание. Их интересовала возможность замещения правого легкого дополнительным мозгом. В отличие от соседних жилых комплексов, где людей проживало столько, что не развернуться, в Isistius labialis проблем с перенаселением не было, а следовательно, не возникало проблем и с арендой необходимых помещений, позволяя задействовать для исследований аномалии Эсфирь целый корпус. Зато с поиском квалифицированного персонала было сложнее. Услуги официальных терминалов переносов стояли недешево, а найти помощников и лаборантов с хорошим образованием в Isistius labialis было весьма проблематично, поэтому в просторных помещениях нового отдела было тихо и почти всегда безлюдно. Лишь в дни комиссией, когда из соседних жилых комплексов прибывали ученые, чтобы посмотреть на Эсфирь, отдел оживлялся, гудел голосами и нейронными информационными запросами. Потом снова все стихало.

Женщину, возглавлявшую проект «Дополнительный мозг», звали Манх. Тело ее клона, полученного в терминале переходов, было молодым, хотя в действительности жизнь ее подходила к

концу. Многоуровневые анализы показывали, что связь тела с сознанием прервется в ближайшие два-три года – неизбежность, предсказывать которую научились более тысячи лет назад, проводя комплексное изучение состояния тела, вторичных ядер сознания, отвечающих за взаимодействие с физической оболочкой в материальном мире, и нестабильности протоколов точки сборки. Каждый из трех анализов проводился в отдельности, затем выявлялся общий коэффициент. В первые десятилетия теорию «Ликвидности жизни», рассматривали как забавную шутку, но после того, как предсказания и анализы стали сбываться, отнеслись всерьез.

Появилось несколько направлений «Ликвидности жизни», а количество анализов увеличилось с трех до девяти. Впрочем, подобное увеличение сбора данных для анализа поддерживалось не всеми, что послужило причиной разделения теории на новую и старую школы. Новая школа закладывала в расчеты ликвидности жизни не только энергетические и физические показатели личности, но и социальный статус, экономическое состояние жилого комплекса, принадлежность к одному из двух уровней реальности КвазаРазмерности, причем процент ликвидности жизни у коренных жителей Квазара был выше, чем у жителей Размерности, если, конечно, оцениваемый человек не жил в Isistius labialis, где в недалеком прошлом произошел теракт, унесший жизни девяносто процентов населения, находившегося в Квазаре.

Что касается Манх, прибывшей из Galeus longirostris изучать заменивший правое легкое мозг Эсфирь, то она достаточно серьезно относилась к теориям Ликвидности жизни. О дате своей смерти она узнала еще будучи подростком, когда начала изучать спорную теорию, познакомившись с ученым, исследовавшим «Ликвидности жизни». Тест стоил недешево, но для приверженцев и последователей проводился бесплатно – это была их собственная контрольная работа, которая должна была показать, способны они продолжить изучение науки или нет. Манх прошла тест, но от дальнейшего изучения «Ликвидности жизни» отказалась, увлеченная новым ученым и новыми горизонтами.

Оставив друзей и забросив собственные исследования «Ликвидности жизни», она посвятила свою долгую, как обещали тесты, жизнь официальным репродукционным центрам, работая преимущественно с генетическими аномалиями. Подъем по служебной лестнице был долгим и нелегким. Десятки перспективных исследований, курируемых Манх, зашли в тупик. Никто не отрицал ее талантов, но неудачи, преследовавшие Манх за годом в год, сформировали вокруг нее нерушимую аура

ученого, навсегда застрявшего на стадии «молодого и перспективного». Исследования Эсфирь были последним шансом для престарелой Манх.

Второй мозг, дополнительные связи и раздельные процессы вычислений, превращавшие сознание в многопоточный механизм восприятия, маячили перед глазами Манх обещанием долгожданного признания на закате жизни. Нет, здоровье ее было прекрасным, и обычные нейронные медицинские тесты, черпая комплексную информацию из интегрированного жидкого чипа, обещали еще как минимум десять-пятнадцать лет, Манх подсознательно осталась приверженцем теорий «Ликвидности жизни», согласно которым ей осталось чуть больше двух лет.

Многие, узнавая дату своей смерти, отказывались верить, но два из трех предсказаний попадали в точку с точностью до нескольких месяцев. Манх не боялась смерти, она боялась, что умрет, не получив признания. И ради признания, она готова была на многое.

Первым нарушением, которое совершила Манх, стала подмена анализов Эсфирь. Женщина с дополнительным мозгом вместо правого легкого определенно представляла интерес для изучения, но не настолько, чтобы Иерархия выделила целый отдел для этих целей, поэтому Манх пришлось фальсифицировать отчеты, завысив в десять раз показания дополнительного мозга женщины, впавшей в кому. Чтобы скрыть обман, Манх почти с первого дня начала пичкать Эсфирь стимуляторами, способными вывести активность мозга на заявленный в фальшивых отчетах уровень. Дозировки превышали предельно допустимые, гарантируя свести подопытную с ума, но Манх разработала компенсационную программу, способную перераспределять нагрузки между дефективным основным мозгом и дополнительным мозгом, сбрасывая перегрузки во время транзакции.

Трудности возникли почти сразу, потому что Манх не учла модифицированный жидкий чип, интегрированный Эсфирь с рождения, позволяя нейронным сетям работать с дополнительным мозгом, установленным вместо правого легкого. «А ведь только это делает эту женщину маленьким шедевром», - думала Манх, завидуя ученым, которые смогли разработать подобную систему, а главное, найти семейную пару, которая согласилась бы на эксперимент, потому что в противном случае клирики закрыли бы проект раньше, чем ребенок успел окончательно сформироваться.

Один из знакомых связался с Манх и попросил разрешения присоединиться к исследованиям. Его имя было Мей-Ар, и

большую часть жизнь он провел в Квазаре.

- Чем мой эксперимент мог привлечь акеми? – подозрительно спросила старого знакомого Манх.

- Базовые ядра, - уклончиво ответил Мей-Ар.

- Только базовые?

- Даже на этом уровне Иерархия сильно ограничивает исследования, так что меня интересуют только базовые ядра.

- С каких пор акеми подчиняются Иерархии?

- Разве твой проект не курируют клирики?

- Само собой курируют.

- Думаешь, они разрешат мне присоединиться к проекту, если я скажу, что собираюсь заняться незаконными экспериментами с основными ядрами личности?

- Думаю, нет.

- Поэтому я прошу у тебя разрешения присоединиться к проекту, чтобы изучать базовые ядра твоей подопытной.

- Пациента.

- Ну, пусть будет «пациента», - улыбнулся Мей-Ар.

Манх нахмурилась, но почти тут же улыбнулась и пообещала, что поговорит с клириками, решив, что помощь Мей-Ар не помешает. Вместе с ним она провела несколько экспериментов по разделению восприятия Эсфирь, изучая влияние подобного процесса на точку сборки в Квазаре.

- Очень интересный экземпляр! – ворковал Мей-Ар, создавая видимость, что выполняет условия оговоренных с клириками исследований.

- Думаю, у меня впервые в жизни может что-то получиться, - подпевала ему Манх, притворяясь, что не замечает нарушения, чинимые акеми.

Подобное сотрудничество длилось первые полгода, затем Мей-Ар забыв о безопасности, начал в открытую изучать связи между двумя разными мозгами на уровне основных ядер, а Манх перестала притворяться, что она не замечает этих исследований, и что они не интересуют ее. На горизонте замаячило революционное открытие, благодаря которому становилось возможным двухуровневое существование в КвазаРазмерности.

- Только представь! – говорил Мей-Ар. – Человек сможет находиться сразу и в Квазаре и в Размерности! И плата за это – правое легкое, вместо которого каждому человеку интегрируют дополнительный мозг.

Перспективы вскружили голову, особенно, учитывая, что ученым репродукционного центра удалось внести изменение в генетический код Эсфирь таким образом, что дополнительный мозг развивался вместе с ущербным плодом, замещая развитие

правого легкого.

- Если наше открытие начнут применять в репродукционных центрах, то это перевернет мир! – светилась счастьем Манх.

Первые несколько месяцев удачи пьянили так сильно, что она буквально летала по лабораториям, но потом, немного успокоившись, она поняла, что теория ничего не значит, если не подтверждена практически. Эсфирь может оказаться единичным случаем. Не зря же на этой женщине стоит клеймо «генетическая ошибка».

- Нам нужно найти добровольца, - сказала Манх.

- Легального добровольца? – спросил Мей-Ар.

- Я попробую получить разрешение…

- Клирики не только откажут тебе, но и тут же прикроют проект, - разбил остатки надежд акеми.

- Что же тогда нам делать? – спросила Манх после паузы в несколько часов, во время которой так и не смогла найти решение появившейся проблемы.

- Ты знаешь, что мы должны делать, - сказал Мей-Ар.

- Ты предлагаешь найти добровольца в обход Иерархии? – похолодела Манх, хотя подсознательно давно поняла, что другого выхода нет. – Но…

- У нас хорошее финансирование. В Isistius labialis найдется много людей, которые захотят заработать подобным образом.

- А если что-то пойдет не так?

- А если все получится?

Они пререкались не один день: ссорились, решали взять паузу, возвращались к разговору спустя пять минут, почти соглашались и снова ссорились, пока однажды Манх не осенило:

- Я стану добровольцем.

- Ты?! – опешил Мей-Ар. – Боюсь, я не настолько хорош, как ты думаешь.

- Ты – акеми.

- Вот именно. Я – акеми, а ты превосходный специалист репродукционного центра. Я не смогу без твоей помощи провести эксперимент.

- Мы автоматизируем процесс.

- А если что-то пойдет не так?

- В теории все работает замечательно.

- Но то в теории, не мне тебе говорить, что никогда не бывает все гладко.

- Мы можем… - Манх замолчала, вглядываясь Мей-Ар в глаза. – Мы могли бы сохранить мои воспоминания.

- И какой мне прок от твоих воспоминаний? Мы ведь не сможем использовать их автономно, а от реконструкции слепка

сознания проку в реальной ситуации ноль. Твоя имитация никогда не сможет решить задачу, с который ты бы справилась с закрытыми глазами. У нее просто не будет в базе нового решения. А мыслить имитации не могут, так что…

- Я не говорю о слепках сознания, - прервала друга Манх. – Я предлагаю тебе изъять из моего сознания ряд основных ядер, отвечающих за большую часть воспоминаний, заместив их свободными ядрами, если, конечно, последние еще остались.

Манх улыбнулась, но Мей-Ар остался хмурым. Спора между ними не было. Каждый знал, что они не должны поступать так, и каждый знал, что именно так они и поступят.

- Дай мне неделю на подготовку, чтобы уладить дела, - попросила Манх, ограничившись двумя днями.

Она уже давно перестала считать, сколько законов нарушила, когда взялась за свой последний проект.

- Только не вытащи из меня вместе с частью знаний о центрах репродукции воспоминания о детстве, - пошутила Манх, вот только выдавить из себя улыбку так и не смогла.

Капсула извлечения, используемая в коррекционных системах сознания, была заказана в лабораторию в обход клириков и официальных систем контроля.

- У нас все получится, - сказала Манх, пытаясь поддержать друга.

Мей-Ар предпочел промолчать. Единственное, что приходило ему на ум – предложить Манх поменяться местами, но он не был так смел и так фанатично предан науке. «Наверное, поэтому акеми никогда не доводят ничего до конца, - хмуро думал он, активируя коррекционную камеру. – Нам не хватает смелости и готовности пожертвовать собой ради цели…»

Он долго смотрел на умиротворенное лицо отключившейся Манх, затем активировал процесс извлечения сознания. Работать с основными ядрами воспоминаний надлежало уже в Подпространстве, поэтому Мей-Ар несколько раз перепроверил показатель резонанса назначения и координат. Обычно колебания выбирались вне Квазара, но акеми не мог воспользоваться официальными центрами корректировки, созданными в произвольных резонансах мира энергии, а с центрами Энрофы невозможно было работать, не услышав десяток вопросов о целях эксперимента, отвечать на которые Мей-Ар не собирался. Поэтому оставались только сотканные из света лаборатории братьев акеми, попасть в которые можно было воспользовавшись обычным терминалом КвазаРазмерности, но в этом случае тело осталось бы в капсуле под охраной нейронных систем, и главная часть эксперимента стала бы неосуществима.

Манх задолго до извлечения провела всевозможные тесты, и системы анализы выдали необходимое время для выращивания дополнительного мозга равное тысячи пятидесяти шести часам, или примерно сорока пяти дням. Мей-Ар надеялся, что все это время ему удастся водить клириков за нос, пользуясь извлеченными ядрами сознания Манх и спроектированными простейшими адаптивными протоколами подмены для кратковременной связи.

Увлеченный экспериментом он и не вспоминал об оставленной без внимания подопытной женщине с неестественно маленькой головой, в которой природа отказалась создавать полноценный мозг. Впрочем, ученые тоже не стали рассматривать подобную возможность, решив оставить голову нетронутой, включая огромные глаза, страдающие просто жутким косоглазием.

Эсфирь очнулась, когда в двухуровневом мире была фаза сна. Правда, в Размерности это вовсе не означало, что жизнь должна останавливаться на это время, как это происходило в Квазаре в моменты перезагрузок. Препараты и нейронные стимуляторы, которыми Манх накачивала Эсфирь, закончились, а о новых порциях Мей-Ар и не вспомнил.

Женщина выбралась из капсулы, где провела больше года. Восприятия сбоили, чувства путались. Она помнила, как мгновение назад стояла на станции общественного транспорта и смотрела на девушку, разбившую ей нос, а сейчас…

- Где я? – спросила Эсфирь, подходя к Мей-Ар, склонившемуся над капсулой с телом Манх.

Нейронный помощник показывал процесс формирования нового сердца. Материи легкого перерабатывались в энергию, и на их месте начинала формироваться ткань дополнительного органа центральной нервной системы. Процесс находился на промежуточной стадии развития. Формировались нейроны, складывались синаптические связи. Кора больших полушарий выглядела незаконченной, словно ее обглодал ворвавшийся в лабораторию безумец.

- Так выходит, что это правда? – спросила Эсфирь.

- Что правда? – растерялся Мей-Ар.

- То, что моя генетическая аномалия не была случайностью, и все это часть какого-то эксперимента… Мерзкого эксперимента! – последние слова Эсфирь буквально выплюнула акеми в лицо.

Восприятия встали с ног на голову. Все было относительно: любовь и ненависть, благодетель и грех, жизнь и смерть…

- Смерть… - протянула Эсфирь, лаская слово полными губами огромного рта. Она смотрела на женщину в капсуле, на Манх, и

видела жертву, мученицу, на которой ставят опыты помимо ее воли. – Смерть… - Эсфирь чувствовала, что обязана освободить пленницу. – Убийцы! – зашипела она на акеми, пытаясь разобраться в управлении капсулой и обещая Манх, что освободит ее, прекратит страдания.

- Нет, ты все неправильно поняла! – запаниковал Мей-Ар.

Он схватил безумную женщину за руки, пытаясь остановить. Она вывернулась и вцепилась ему в лицо, выдавливая длинными большими пальцами глазные яблоки. Мей-Ар закричал. Эсфирь ответила на этот крик истошным воплем. По пальцам потекла глазная жидкость. Мей-Ар дернулся, не устоял на ногах и повалился на спину. Запрокинув голову, Эсфирь беззвучно завыла, затем подошла к капсуле, где находилась Манх, и отключила системы жизнеобеспечения.

Таким было ее первое убийство.

Глава шестнадцатая

«Мы – то, что нас окружает».

Десяток Точек Энергетической Сцепки, прыжков, смещений ТС. Два резонансных кармана, из которых куб едва смог выбраться, разрывая на части свои основные протоколы, чтобы можно было цепляться за Временные Колебания, где трехмерное время Подпространства то замирало, то бешено мчалось вперед. Одно нападение диких обитателей необжитых территорий, отбить которое удалось благодаря резонатору образов, спрятанного Джиль-Ла среди энергетических переплетений нестабильного от множества прыжков куба. Подобным оружием пользовались исключительно хранители, но Окс решил не напоминать сейчас о правилах Иерархии и возможном наказании за использование резонатора образов. «Хорошо что это не оружие адептов, способное выбросить из Квазара в произвольный набор, и то ладно», - подумал он, но потом, когда куб сцепился с ТЭС недалеко от поселения содомитов, решил, что будь у него возможность, то обязательно взял с собой оружие адептов и плевать на правила и законы клириков.

- Мы то, что нас окружает, - сказала Джиль-Ла, указывая на поселение, раскинувшееся в Подпространстве недалеко от точки энергетической сцепки, где остался старый куб переносов.

- Я представлял это место другим, - признался Окс. – Думал, что столкнусь здесь с чем-то жутким, безумным, а это… - он растерянно смотрел на причудливые постройки, созданные из энергии Квазара. - Не пойму только, где содомиты?

- Я же говорю, местные свихнувшиеся ученые постоянно экспериментируют. Сейчас ими запущен проект «Мы - то, что нас окружает».

- И где, черт возьми, все люди?

- Ученые перенастроили их точки сборки так, что люди стали, тем, что было им ближе всего в жизни.

- Да, я помню об этом, но… - Окс замолчал, заметив странную пульсацию поселения.

Это не было похоже на особенности строений в Квазаре. Скорее что-то осмысленное, словно… поселение было живым. Десятки, сотни деталей, двигавшихся по выверенной траектории, как толпа людей, которая кажется хаотичной, но каждый индивид поддерживает строй, не позволяя потоку превратиться в давку. Окс, не ожидавший увидеть подобное, выругался.

- Испугался? – ехидно спросила Джиль-Ла. – Думаешь, как только пересечешь границу поселения, то превратишься… - она

окинула пассажира усталым взглядом. – Как думаешь, в кого ты превратишься? Я помню, ты говорил, что в Размерности большинство твоих эмоций приходилось переживать Лиору, благодаря созданной Эсфирь сети, но здесь ведь не Размерность.

- Надеюсь, что останусь собой, - сказал Окс, наконец-то отыскав взглядом в поселение обычного человека.

Высокий и стройный мужчина, шел между пульсирующих жизнью созданных из энергии образов домов и механизмов, не сводя глаз с прибывших в кубе чужаков.

- Если он не превратился, то и у нас есть шанс сохранить прежние формы, - сказал Окс.

- Считаешь себя особенным?

- Нет, но… - он не успел договорить, потому что незнакомец из гостеприимного жителя превратился вдруг в дикого варвара и, обнажив острые зубы, побежал к чужакам.

Джиль-Ла выстрелила в нападавшего четыре раза, но он продолжил бежать.

- Какого черта? – растерялась она.

Содомит зарычал, почувствовав близость жертв.

- Кажется, у него модифицированная точка сборки, - успела сказать Джиль-Ла за мгновение до того, как нападавший перешел с бега на гигантские прыжки, катастрофически быстро сокращая расстояние.

- Проваливай с куба! – заорала Джиль-Ла, и, не дожидаясь ответа, толкнула Окса в грудь.

Потеряв равновесие, он упал на спину. Джиль-Ла переключила протоколы куба в режим прыжка, сбросив координаты точки энергетической сцепки. Установленный в центре стержень заискрился, высвобождая тонкие нити. Не имея установленных координат, они тщетно пытались отыскать ТЭС для подготовки к прыжку. Одна из нитей почувствовала энергетический образ Джиль-Ла и потянулась к хозяйке куба, которая едва успела увернуться. Другие опутали прыгнувшего на Джиль-Ла содомита. Его голодный рык сменился воплем ужаса, когда нити пронзив энергетический образ, разорвали основные связи протоколов точки сборки безумца. Тело содомита заискрилось и распалось на части.

Упав рядом с Оксом, Джиль-Ла спешно начала отползать дальше от куба. Окс последовал ее примеру.

- Что теперь будет с кубом? – спросил он.

- Если основные протоколы выдержат и простейшие алгоритмы управления не разберутся, что ТЭС находится прямо под ним, то ничего страшного, а если нет то… - Джиль-Ла прервалась, увидев еще трех содомитов на окраине поселения, и,

не сдержавшись, выругалась.

- Что это значит? – спросил Окс, все еще думая, что речь идет о кубе и последствиях активации прыжка без заданных координат ТЭС. – Я не очень хорошо разбираюсь в сленге Квазара, поэтому…

- Заткнись и посмотри на северную границу поселения, - велела Джиль-Ла.

Окс подчинился, увидел содомитов и смачно выругался на сленге Размерности.

- А я думал, все жители поселения принимают участие в проекте «Мы - то, что нас окружает», - сказал Окс.

- Сомневаюсь, что это жители поселения.

- Разве это не содомиты?

- Не все содомиты живут в поселении, к тому же… - Джиль-Ла вздрогнула, услышав хлопок, оборвавшейся нити, которой повезло нащупать под кубом опору ТЭС. – Твою мать! – только и успела сказать Джиль-Ла до того, как алгоритм управления получил сигнал от оборвавшейся нити о координатах возможной сцепки и перенаправил остальные нити в эту точку.

Стержень загудел, изогнулся, тщетно пытаясь натянуть энергетическое пространство, чтобы набрать необходимую для прыжка энергию. Куб задрожал и начал заваливаться набок, но прежде чем он успел опрокинуться, сломался стержень. Протоколы, необходимые для создания куба, распались, высвободив используемую для проекта энергию. Окс и Джиль-Ла отвернулись, одновременно выругавшись на разных наречиях, но суть ругательств была одна.

- Кажется, мы влипли, - сказал Окс, поворачиваясь к северной окраине поселения, откуда приближались, клацая зубами, дикие содомиты.

- Мой куб! – пролепетала Джиль-Ла.

- К черту куб, сейчас у нас есть проблемы серьезнее!

- Куда серьезней?! Без куба мы здесь застряли!

- Как быть с другими содомитами? Ты была здесь прежде. Соберись и придумай план действий.

- Я никогда не видела подобный вид.

Привлеченные вспышкой распавшегося куба, одичавшие люди, ТС которых давно утратили базисные протоколы человеческого облика, озирались по сторонам, ища причины случившегося.

- Если они нас увидят, то мы влипли, - прошептал Окс.

- Мы не в Размерности! – цыкнула на него Джиль-Ла. – Когда ты привыкнешь, что здесь не действуют обычные для мира матери законы?! У этих содомитов явно изменены основные протоколы личности, и кто знает, какие еще перемены были проведены.

- Зачем эти безумцы поступают так с собой?

- Не всегда они идут на подобное добровольно.

- Не думал, что содомиты издеваются над содомитами.

- Иногда перемены происходят с людьми до того, как они становятся содомитами.

- Почему тогда они не вернуться в Размерность? Дефектная точка сборки еще не приговор.

- Иногда повреждения не обратимы.

- Не обязательно жить в Квазаре.

- Почему все коренные жители Размерности считают Квазар не столько вторым уровнем реальности, сколько глобальной игрушкой, в которую можно играть или не играть по желанию?!

- А разве это не так?

- Ты дурак или пытаешься дразнить меня? И не смей говорить, что ничего не слышал об оружие адептов, которое способно выбросить из Петли Квазар в свободной временной набор, откуда невозможно вернуться.

- Содомиты, которые хотят нас сожрать, не похожи на жертв адептов.

- Я знала, как минимум дюжину человек, которым при различных обстоятельствах повредили ТС так сильно, что сознание не могло вернуться в оставленное в Размерности тело. Плюс, не забывай о том, что содомитам путь в Материальный мир закрыт.

- Можно выбрать коррекцию сознания и прощение.

- Коррекция не всегда помогает. Клирики могут промыть тебе мозги на уровне ядер сознания, а система, проведя кучу сложных анализов, наложит запрет на возвращение в общество. И все – ты содомит да еще и с частично измененной личностью.

Окс и Джиль-Ла могли пререкаться так вечно – старый как мир спор коренных жителей разных реальностей. От вышедших на охоту содомитов их скрывали волнообразные искажения, которые появились недалеко от поселения после крушения куба и последовавшего за этим энергетического всплеска. Но искрящиеся всполохи гасли, стихали. Сотканное из энергии пространство приходило к изначальному состоянию покоя.

Содомиты чувствовали чужаков, но не могли за стеной энергетических волн вычислить их местоположение. Хозяин содомитов удалил из точек сборки протоколы, отвечающие за визуальное восприятия мира, а так же возможность улавливать искусственные запахи. Не могли содомиты и слышать. Но подобные лишения не были желанием причинить им страдания. Эсфирь была безумным ученым, но не садистом. Она не искала жертв, ей нужны были слуги, которые заменят обслуживающий

персонал, работавший на гениальных ученых, делая за них всю грязную работу. Считала ли Эсфирь себя гением? Нет. Но вот Сво-Дош был гениален. Особенно после того, как над ним поработал Мей-Ар – талантливый акеми, совмещавший в себе знания ученых Энрофы. С ним у Эсфирь были давние связи.

Когда сбои восприятия начали заявлять о себе, и она попала в исследовательский центр, Мей-Ар оказался одним из ученых, проводивших над ней эксперименты. Две трети личности Эсфирь понимали его поступок. Если бы она хорошо разбиралась в теориях акеми и учении Энрофы, то и сама, несомненно, не смогла бы отказаться от возможности изучить генетическую аномалию, у которой в груди вместо правого легкого в репродукционном центре на стадии формирования плода создали дополнительный мозг. В общем как ученый она его понимала, но как генетическая аномалия – нет, считая, что выдавленных глаз недостаточно, чтобы расплатиться за причиненные ей страдания.

Последним экспериментом Мей-Ар, перед тем как Эсфирь очнулась и принесла смерть и страдания своим мучителям, стала попытка объединить два мозга, связанных между собой дополнительными жидкими чипами, в общую точку сборки при переходе в Квазар, так как до этого, когда Эсфирь пыталась отправиться в Подпространство, ТС видела только протоколы дефективного, неразвившегося мозга в черепной коробке, игнорируя мозг в груди, превосходящий интеллектом в несколько раз обычный мозг человека. В результате, обращаясь в терминал переходов, Эсфирь не могла полноценно пользоваться ни оставленным в Размерности телом, ни частью сознания, сформировавшей в Квазаре посредством точки сборки энергетический образ, соответствующий физической оболочке. Получалась, что Эсфирь находится не здесь и не там. В Размерности гениальный мозг оказывался заложником нарушенных связей с телом, а в Квазаре оказывалась примитивная часть сознания, сохранившаяся в крохотном дефективном мозге.

Мей-Ар, придя в отдел ученой репродукционного центра по имени Манх, пытался исправить просчеты врачей, допущенные на стадии формирования ребенка, внеся необходимые изменения в основные ядра сознания Эсфирь.

Эксперимент не интересовал Манх, да и Мей-Ар занимался этим в основном для того, чтобы скрыть от наблюдателей Всемирной иерархии, курирующих проект, основные направления исследований, направленные на создание сверхчеловека и возможности превратить генетическую аномалию Эсфирь в закономерность, выращивая в репродукционных центрах гениев с

дополнительным мозгом вместо правого легкого. Позднее Мей-Ар забросил работу над КвазаРазмерной совместимостью Эсфирь на стадии бета тестирования, хотя и добился неплохих результатов. Для продолжения корректировки основных ядер личности необходимо было выводить сознание Эсфирь из искусственной комы, а это не входило в планы честолюбивых ученых. К тому же их главный эксперимент подходил к концу и требовал максимальной концентрации, особенно после того, как Мей-Ар неофициально возглавил проект, заняв место Манх, ставшей добровольцем в предстоящем грандиозном эксперименте по выращиванию дополнительного мозга и установлению стабильных нейронных связей с прежним мозгом на уровне ядер личности.

Мей-Ар не знал, но он почти исцелил Эсфирь, решив проблему совместимости в двухуровневом мире. Недоработкой осталась лишь сохранявшаяся связь сознания, отправленного в Квазар с оставленным в Размерности телом. Протоколы точки сборки, взаимодействуя с модифицированными ядрами сознания, сохраняли ощущения физической оболочки, лежащей в капсуле терминала переходов, передавая чувства на энергетической образ личности в Квазаре. Эсфирь могла слышать все, что происходит в терминале, а при желании ей удавалось заставить физическую оболочку открыть глаза и передать визуальные образы на основные протоколы восприятия ТС.

Связь извлеченного сознания с оставленным в Размерности телом вызывала в первое время дискомфорт, но потом Эсфирь смогла привыкнуть. Да и выбора у нее все равно не было после кровавой расправы, учиненной в исследовательском центре Манх. Эсфирь никогда не пыталась узнать и вспомнить, сколько всего убила людей в тот день, но тогда в голове что-то конкретно щелкнуло, и восприятия вздыбились, выйдя из-под контроля, проглотив всех, кто попал под руку.

После задержания и вынесения приговора, Всемирная иерархия заявила о невозможности проведения процедуры корректировки в связи с особенностями генетической аномалии и предложила Эсфирь два варианта дальнейшего развития событий: пожизненная ссылка в случайный резонанс Подпространства, где, превратившись в призрака среди теней отпечатавшегося на плоти энергетического мира прошлого, придется провести в одиночестве и тишине остатки жизни, пока не угаснет сознание; и официальное присвоение статуса «содомит» с последующей ссылкой в Квазар. Присвоение официального статуса означало, что до конца своих дней Эсфирь будет находиться под наблюдением. И даже в Квазаре, благодаря внесенным

изменениям в протоколы точки сборки, она не сможет приблизиться к центрам цивилизации без риска распада ТС, обреченная скитаться вдали от жизни и нормальных людей по бескрайним просторам неиндексированных территорий.

Эсфирь выбрала жизнь содомита, впервые оказавшись в Квазаре за долгие годы. Впрочем, о первом переходе она почти не помнила. Это случилось в далеком детстве, когда родители, замечая отклонения дочери и бесконечные изменения ее восприятий, попытались перебраться в Квазар, послушавшись совета друзей, которые заверили, что в Подпространстве многие дефекты не воспроизводятся точкой сборки, как например это происходит с нейропатами, которые лишаются своих способностей в Квазаре. Родители надеялись, что с дочерью произойдет нечто подобное и ее психологическое здоровье пойдет на поправку.

- А потом можно будет отыскать незаконный центр акеми и создать для дочери новый образ, чтобы никто не смог разглядеть в ней генетические отклонения, - говорили они, надеясь на лучшее.

Эсфирь провела в Квазаре чуть больше суток, и спешно покинула Подпространство, начиная сходить с ума от связи с оставленным в Размерности телом. Да и созданный точкой сборки образ она едва могла контролировать.

«Но это все равно лучше ссылки в произвольный временной набор Подпространства», - думала Эсфирь, надеясь, что сможет приспособиться. О том, что Мей-Ар частично исправил проблему, она не знала.

Хранители сопроводили Эсфирь в официальный терминал КвазаРазмерности, заблокировав в отведенной для ее тела капсуле возможность возвращения извлеченной личности во время бодрствования, сохранив лишь обязательное правило Квазара – прерывание на вторую фазу дня, чтобы система могла провести очистку и перезагрузку с учетом нового резонанса линейного времени, отражая на энергетическом пространстве призрачными тенями настоящее Размерности.

«А все не так и плохо», - подумала Эсфирь, когда ТС сформировала ее образ в Квазаре. Вместе с ней в Подпространство был отправлен хранитель. Эсфирь не запомнила его имени, хотя могла поклясться, что он называл его, когда соблюдал этикет официального знакомства. Потом он почти не разговаривал. Воспользовался отдельным каналом Пульсара, доставил заключенную на последнюю станцию Квазара в районе жилого комплекса Isistius labialis и объявил, что теперь ей присвоен статус содомита, и если она не уйдет в

неиндексированные территории до конца первой половины двухуровневого дня, начнется распад протоколов точки сборки, и система во время перезагрузки выбросит ее сознание из Петли Квазар в произвольный временной набор, превратив в призрака.

Затем хранитель ушел. Эсфирь осталась одна. Модифицированные акеми ядра сознания взаимодействовали с протоколами точки сборки намного лучше, чем это было в детстве. Эсфирь плохо помнила, как это было много лет назад, но сейчас сформированный точкой сборки образ подчинялся ей. Появился даже стандартный набор чувств. Если бы Мей-Ар закончил эксперимент, то, возможно, он смог бы исправить нестыковки, но так, несмотря на улучшенный контроль, Эсфирь продолжала чувствовать оставленное в Размерности тело.

«А что если попробовать вернуться?» - подумала она, но в первые годы скитаний по неиндексированным территориям у нее этого не получалось. Нужны были дополнительные корректировки ТС и детальная доработка ядер сознания – процедура непосильная для Эсфирь, несмотря на все ее знания и гениальный мозг, созданный в репродукционном центре. Поэтому оставалось приспосабливаться. Со временем она научилась отключаться, разрывать на какое-то время связь с Квазаром. Умение было особенно полезным в дни, когда становилось совсем туго.

Несколько раз Эсфирь по неопытности попадала в плен к адептам «Мункара и Накира», которые использовали беглых заключенных и содомитов в качестве тренировочного материала на своих закрытых базах. Адепты не убивали пленников, но переживать процедуру распада базисных протоколов точки сборки снова и снова было малоприятно. Лишь самым невезучим из пленников выпадала участь стать подопытными для работавших на адептов акеми, которые испытывали новые виды оружия.

Говорят, среди содомитов нет друзей, но Эсфирь успела сблизиться с двумя отверженными, прежде чем ученые испытали на них модифицированное оружие, выбросившее сознания из Квазара в произвольный резонанс. В тот день Эсфирь умоляла адептов забрать для экспериментов и ее, потому что жить без друзей в чуждом мире энергии совершенно не хотелось. Потом одиночество стало нормой, естественной формой восприятия. Эсфирь адаптировалась, став частью неиндексированных территорий. Она больше не отрицала мир вокруг, а наоборот с безумием обреченного хотела жить, снова и снова сбегая из тренировочных лагерей адептов, пока не стала хитрее их, изворотливее.

Это произошло в день, когда Эсфирь встретилась с содомитом по имени Аст-Пла, который научил ее создавать собственные протоколы, черпая энергию для создания необходимых продуктов непосредственно из Подпространства. Он никогда не рассказывал Эсфирь за какой проступок стал содомитом, но именно от него она узнала о далеком поселении, где наряду с безумцами сосуществуют отверженные ученые. Что касается Аст-Пла, то он бежал оттуда в надежде воссоединиться с семьей, оставшейся в районах жилого комплекса Hexactinellida, заверяя Эсфирь, что смог взломать ограничения, заложенные Иерархией в его ТС, чтобы запретить возвращение в центры цивилизации.

- Если ты действительно смог это сделать, то должен поделиться знаниями с другими, чтобы каждый содомит имел возможность освободиться, когда решит, что пришло время, - сказала Эсфирь.

Аст-Пла пообещал, что именно так и сделает, но сначала должен убедиться, что система работает, став первым подопытным.

- Если у тебя все получится, то найди меня, - попросила Эсфирь.

- Не сомневайся, - пообещал Аст-Пла.

Больше она никогда не видела его, решив, что акеми допустил ошибку в вычислениях и не уцелел. В память о нем остался лишь опыт да желание добраться до поселения содомитов. На последнее Эсфирь потратила не один месяц, совершенствуя и развивая знания, полученные от Аст-Пла. Первые протоколы, написанные Эсфирь, были неловкими и кособокими. Энергия, почерпнутая напрямую из Подпространства, искрилась и вызывала бесконечные замыкания, пока созданный продукт не рассыпался на части.

- Рожденный из энергии, в энергию обратится, - ворчала в первые недели Эсфирь, не отчаиваясь от неудач, потом просто молчала, и наконец начала злиться, вымещая гнев на случайных прохожих.

Обычно под руку попадали такие же содомиты, как и она. Молодые и неопытные, они ничего не знали о неиндексированных территориях, не знали о тренировочных лагерях адептов, не знали о безумных генетических ошибках, терявших контроль, устав от неудач программирования. Эсфирь никогда не прогоняла их. Вначале она пыталась объяснять им правила и порядки неиндексированных территорий, но новички не хотели слушать. Они мечтали либо вернуться в цивилизацию, либо продолжить совершать безумные поступки, за которые им присвоили статус

содомитов, выпытывая у Эсфирь, где им отыскать новых жертв для своих извращенных забав.

- Это неиндексированные территории, здесь нет обычных людей, - говорила им Эсфирь.

- Ты выглядишь нормальной, - говорили молодые содомиты, и понимание этого не давало им покоя, заставляя, дождавшись удобного момента, напасть на женщину, взявшую их под свое покровительство.

Они ждали, когда она потеряет бдительность, и нападали со спины. Первые атаки были неожиданностью для Эсфирь, главное безумие которой – бесконечные изменения восприятия - осталось в Размерности. Молодые содомиты боролись с безумным отчаянием, и не было шанса сохранить им жизни, разве что уступить, потеряв жизнь собственную.

Первые убийства заставляли ненавидеть себя. Она злилась и тщетно пыталась понять, что сделала не так, но потом осталась пустота. Эсфирь смирилась, настырно продолжая предлагать дружбу новичкам, обещая, что вместе они доберутся до поселения содомитов, где все будет совсем не так, как в большинстве неиндексированных территорий. Только теперь Эсфирь не позволяла новичкам подобраться к себе со спины, готовая к предательству. Да и программирование наконец-то начало спориться. Первые рабочие протоколы, созданные Эсфирь, стали простейшими алгоритмами защиты. Теперь она могла не волноваться о нападении. Новички сочли беспечность защитника за слабость и невнимание. Нападений стало больше и больше смертей. Молодые содомиты гибли не в силах противостоять созданным Эсфирь алгоритмам защиты, основные протоколы которых, взаимодействуя с ТС нападавшего, активировали дополнительные протоколы, интегрируемые Всемирной иерархией каждому содомиту.

На второй дюжине жертв Эсфирь перестала вести счет глупцам, решившим напасть на нее. Простейшие алгоритмы защиты работали исправно. Они не смогли бы справиться только с обычным человеком, в ТС которого не было внесено дополнительных протоколов, способных разрушить связи точки сборки при нарушении установленных правил, но простые люди встречались в неиндексированных территориях крайне редко, если не считать адептов «Мункара и Накира». Еще дважды адепты едва снова не пленили Эсфирь. Поэтому она начала дорабатывать алгоритмы защиты, создавая собственные протоколы, способные причинить вред не только содомиту, но и простому человеку.

Работа продвигалась медленно, и когда Эсфирь достигла поселения содомитов, новые протоколы так и не были закончены.

Пара психопатов, обитавших за чертой поселения, вышли встретить новенькую. Эсфирь не боялась их, зная, что содомиты не смогут причинить ей вред.

- Свежее мясо! – протянул один из психопатов, кружа вокруг Эсфирь, словно хищник вокруг добычи, которую собирается убить лишь после того, как наиграется вдоволь.

Он оскалился, показывая острые зубы, передававшие точный образ его зубов в материальном мире, которые он заточил, когда охотился на людей. Он скрывался от Хранителей почти два года и, возможно, убил бы еще больше людей, если бы однажды не забрал жизнь человека, связи которого позволили нанять адептов «Мункара и Накира». Убийцу вытащили из крысиной норы, где он скрывался от закона, частично удалив жидкий чип, чтобы избежать слежения. Его нашли утром возле Института всемирной иерархии. Адепты частично восстановили жидкий чип убийцы и насильника, внеся непоправимые изменения в структуру тела, размягчив кости и повысив болевые ощущения так, чтобы мужчина задыхался от боли, но не мог отключиться или сойти с ума. У клириков не было иного выбора, кроме как провести быстрое заседание и отправить убийцу в Квазар, присвоив статус содомита, назвав поступок адептов «бесчеловечным» и придав анафеме подобные действия впоследствии.

Оказавшись в Квазаре, убийца долго не мог прийти в себя после пережитого, бродя недалеко от центров цивилизации, лелея мысль о самоубийстве, но освоился, адаптировался и начал охотиться на новых содомитов, беглых заключенных и туристов, забиравшихся в энергетические дебри неиндексированных территорий, желая пощекотать нервы, испытав судьбу. Потом туристы стали умнее, агрессивнее. Особенно те, что были поклонниками популярных игровых площадок. Устав от безопасности таких игр, как «Голод» или «Фивы», они собирались в группы и устраивали туры в неиндексированные территории, чтобы охотиться на беглых преступников и содомитов, заставляя их отступать вглубь Квазара. Убийцы и психопаты достигали поселений акеми, но там действовали многоуровневые системы защиты, не позволяя подобраться к потенциальным жертвам, а в тренировочных лагерях адептов в жертв превращались уже сами содомиты.

Поэтому они шли дальше, следуя за призрачными слухами о поселении, где живут люди, подобные им, строя новое общество согласно восприятиям и мировоззрению содомитов – рай для убийц, психопатов и садистов. Многие из них бродили по неиндексированным территориям всю жизнь в тщетных попытках отыскать поселение. Другим везло больше, но достигнув цели,

они понимали, что для жизни в поселении одного безумия недостаточно – требуются особые навыки, идеи, таланты. Некоторые разворачивались и уходили, другие предпочитали остаться. Обитая на окраинах, они охотились на новых содомитов, которых приводила в поселение легенда рая для безумцев.

- Свежее мясо! – ворковали они, завидев новичка.

Жившие в поселение содомиты не обращали на безумцев внимания. Не волновала их и судьба новоприбывших. Они считали, что если новичок не может защитить себя, то ему не место в поселении. Он либо погибнет, лишившись энергетического образа и основных протоколов ТС, либо присоединиться к бездарным содомитам, которые увидят в нем собрата.

Когда Эсфирь достигла поселения, то ей пришлось уничтожить как минимум дюжину свихнувшихся содомитов, прежде чем они отступили, позволив ей пройти.

- Очень примитивный алгоритм защиты, - буркнул первый встретивший ее поселенец, спросил, нет ли у нее еще изобретений, услышал отрицательный ответ и потерял интерес к новичку.

Глава семнадцатая

Первые несколько месяцев в поселении содомитов оказались самыми сложными. Эсфирь приспосабливалась, училась, когда нужно принимать местные правила, а когда лучше вставать в позу и готовиться отстаивать свою позицию пусть даже и ценой жизни. Она не знала почему, но в свободное время ей нравилось ходить на окраины поселения и наблюдать за дикими содомитами, бродившими в окрестностях как стая стервятников в поисках падали. Иногда Эсфирь везло, и ей удавалось увидеть, как дикие содомиты нападают на пришедших новичков. Эсфирь была последней, кому удалось пройти проверку. Остальные погибали, и она чувствовала себя особенной, воспринимая попытки новичков пробиться в поселение как личный вызов.

Когда на окраине поселения появился Сво-Дош, Эсфирь, как и обычно, наблюдала за дикими содомитами. Увидев чужака – первого за последние несколько недель, - она радостно потерла руки, надеясь увидеть достойное шоу.

- Помоги мне! – крикнул Сво-Дош, увидев Эсфирь, стараясь не обращать внимания на шипение и рычание диких содомитов.

- Помочь? – растерялась Эсфирь, потому что никто прежде не обращался к ней, считая одной из нападавших.

Дикие содомиты окружили чужака, щелкая зубами.

- Думаю, сейчас самое время показать, что у тебя есть, - посоветовала Эсфирь чужаку.

- У меня ничего нет, - сказал он, опасливо оглядываясь и стараясь не позволять диким содомитам заходить со спины.

- Они могут атаковать и лицом к лицу, - предупредила Эсфирь.

Один из содомитов щелкнул зубами и прыгнул на чужака, который увернулся от нападения с поразительной грацией и скоростью. «А он хорош, - подумала Эсфирь, наблюдая, как чужак избегает смертельных объятий диких содомитов. – Если так пойдет и дальше, то он отнимет у меня звание последнего пришедшего в поселение жителя».

- Окружайте его! – крикнула Эсфирь диким содомитом.

Они зарычали, повернули головы, привлеченные голосом, щелкнули острыми зубами и тихо заскулили, признавая превосходство Эсфирь.

- Окружайте чужака! – нетерпеливо всплеснула она руками.

Содомиты заклацали зубами. Кольцо вокруг чужака

сомкнулось.

- Ага! Попался! – запрыгала Эсфирь, и со стороны казалось, что еще мгновение, и она набросится на него вместе с дикими содомитами. – Я останусь первой! Я останусь первой! Первоооой! Пер…

Чужак лихо взвился высоко вверх, нарушая правила основных протоколов Личности, модифицированной для существования в Квазаре.

- Ух ты! – раскрыла рот словно ребенок Эсфирь. – Вот это фокус!

Чужак поднялся высок вверх, завис и неожиданно спикировал под углом за спины диких содомитов. Завыв от разочарования, они обернулись, попытались схватить ускользнувшую жертву, но чужак уже бежал к поселению. Никогда прежде Эсфирь не видела, чтобы кто-то в Квазаре мог развить подобную скорость, пользуясь исключительно протоколами точки сборки.

- Что за фокус? – растерянно хлопала она глазами, наблюдая, как чужак приближается к ней.

Дикие содомиты продолжили преследование. Их жертва проскользнула мимо Эсфирь, и они, несмотря на страх, попытались поступить так же. Эсфирь наблюдала за ними несколько секунд, затем очнулась, активировала защитные алгоритмы, уничтожив связи протоколов точек сборки у содомитов, успевших проскочить мимо нее первыми. Остальные преследователи резко остановились, зарычали и, щелкая зубами, начали отступать.

- Ты цел? – спросила Эсфирь спасшегося чужака.

- Ты… ты давала им советы, как поймать меня! – растерянно сказал он, недоверчиво отступая.

- Ты занял мое место, - пожала плечами Эсфирь.

- Что?

- Я была последней, кто смог прорваться в поселение. Теперь последним будешь ты.

- И что это меняет?

- Уважение? Гордость?

- Так это здесь ценят?

- Нет, но это можешь ценить ты. Никто ведь не запрещает тебе гордиться своей исключительностью.

- Тоже мне, исключительность!

Эсфирь пожала плечами.

- Ты ведь издеваешься надо мной? – прищурился чужак.

- Нет.

- И что здесь все такие странные?

- Не знаю. Мы не особенно общаемся друг с другом… После

того как я пришла, меня трижды пытались силой превратить в подопытную крысу очередного чокнутого ученого, пока я не разобрала на части их точки сборки.

- Ты умеешь разрушать связи протоколы ТС?

- Каждый что-то умеет, - Эсфирь подошла ближе. – Взять хотя бы тебя. Скажи, как ты научился двигаться так быстро?

- Долгая история.

- А ты куда-то торопишься?

- Нет, но…

- Вот и я никуда не тороплюсь, - Эсфирь представилась, услышала в ответ имя чужака. – Сво-Дош, - протянула она, пытаясь вспомнить. – Ты был акеми, верно?

- Мой отец разработал систему альтернативных подпространственных двигателей, но затем решил поставить на ней крест. Я выкрал разработки и попытался возродить проект… Неудачно попытался.

- Погибли люди?

- Много людей.

- А твои способности передвигаться быстрее энергетического всплеска… это…

- Немного доработанный вариант альтернативного двигателя.

- Понятно…

Они замолчали, смущенно разглядывая друг друга. Где-то далеко щелкали зубами дикие содомиты, кружа вдоль границы поселения и пуская слюни, глазея на потенциальную жертву, которая смогла ускользнуть от них.

- Если я повернусь к тебе спиной, ты не ударишь меня? – спросил Сво-Дош.

- А зачем тебе отворачиваться от меня? – обиделась Эсфирь.

- Я ведь шел не к тебе, а в поселение. Мне нужно осмотреться и…

- Не думай, что дикие содомиты – это самое страшное и сложное из того, что ждет тебя здесь, - предупредила Эсфирь.

Сво-Дош кивнул, но не поверил ни слову. Он осторожно отступал, продолжая следить за странной высокой женщиной с неестественно крохотной головой и огромными вращающимися глазами. Шаг за шагом, не поворачиваясь к ней спиной, он добрался созданного из энергии строения, скрывшись за его смазанным углом, пульсирующим непонятными нарывами фиолетовых цветов на фоне кристально белого.

- Ты хорошо двигался, - услышал Сво-Дош похвалу, но не сразу понял, что говорит с ним не человек, а странное, пульсирующее строение возле которого он стоял. – Если ты не против, то я бы хотел изучить исходники твоих протоколов

движения.

- Еще чего!

- Жадина, - цвет строения из белого медленно перетек в изумрудный, пульсации усилились, распространяясь от углов к центру.

Сво-Дош молчал, а дом продолжал надуваться, вспучиваться.

- Думаю, лучше отойти от него подальше, - сказала Эсфирь, схватив новичка за руку и оттащив в сторону. – В прошлый раз я видела, как он надулся, а потом сложился до размеров сжатого кулака, проглотив идиота, которому хватило ума стоять рядом.

- Что это такое, черт возьми? – спросил Сво-Дош. – На кой черт строить такие дома…

- Это не дом.

- Нет?

- Это наш свихнувшийся акеми, который занимался строительством, пока не превратился в содомита. Его зовут Лат-Ри, и когда в следующий раз он будет приставать к тебе, постарайся как можно чаще называть его имя – это приводит его в чувство. Ненадолго, конечно, но все лучше, чем слушать бесконечное брюзжание пульсирующего дома.

- Понятно, - Сво-Дош окинул внимательным взглядом спасительницу, которая совсем недавно давала советы диким содомитам, как лучше убить его, а теперь просто светилась добродетелью. – А какая роль у тебя?

- Что?

- Ну, Лат-Ри – ворчливый дом, а ты…

- Нет! – рассмеялась Эсфирь. – Лат-Ри не всегда меняет свою точку сборки так, чтобы стать домом. Иногда он превращается во что-то другое… Ты часто бывал в Размерности? Видел, сколько там бесполезных вещей? Вот Лат-Ри и выбирает себе что-то, меняя протоколы ТС, а потом злится и цепляется ко всем, потому что не может привыкнуть к новому состоянию. Хотя мне кажется, домом быть у него неплохо получается. Знаешь, раньше в эпоху до КвазаРазмерности люди верили, что все вокруг наделено жизнью, у каждого неживого предмета есть душа. Душу дома, например, они называли домовыми. Думаю, если бы кто-то из далекого прошлого увидел Лат-Ри в роли строения, то назвал бы его идеальной душой строения. Ворчливой правда до безобразия, но…

- Я все слышу! – обиделся пульсирующий дом за спиной Эсфирь, изменив цвет с янтарного на рубиновый.

- А я все еще помню, как ты проглотил меня и держал внутри себя почти месяц, - сказала ему Эсфирь.

- Когда ты внутри, то вызываешь еще больше негативных

чувств, чем когда видишь тебя снаружи.

- Чтоб ты поперхнулся в следующий раз, Лат-Ри!

- Да хоть прямо сейчас. Ты только подойди поближе.

Человек-дом вздулся, пытаясь дотянуться до Эсфирь, затем неожиданно сложился в крохотную коробку.

- Вот так уже лучше, Лат-Ри! – похвалила его Эсфирь. – Намного лучше, чем большой гнойный дом. Намного! – она повернулась к Сво-Дош. – Ты согласен?

- Не знаю, - он бросил на сложившийся дом мимолетный взгляд. – Наверное, у каждого своя роль.

- Да.

- И ты до сих пор не сказала мне, какая роль здесь у тебя. Чем надлежит заниматься в поселении тебе?

- Чем надлежит заниматься? – Эсфирь нахмурилась. – Мальчик! Это поселение содомитов. Здесь никто никого ни к чему не обязывает. Мы занимаемся тем, чем хотим.

- Но на окраине поселения находилась только ты.

- Так ты думаешь, что я здесь вроде проводника?

- Я не прав?

- Думаю, в детстве ты был поклонником игровых порталов, продолжая и по сей день воспринимать жизнь сквозь призму игровых реалий.

- Я – акеми.

- Тогда какого черта несешь чушь о проводниках?

- Да все это поселение – одно большое недоразумение.

- А чего ты ждал? Порядка? Нужно было думать об этом до того, как стать содомитом.

- А мне он нравится, - вклинился в разговор высокий худощавый старик.

Эсфирь смерила старика гневным взглядом. В ответ он подарил ей теплую родительскую улыбку.

- Не обращай внимания на эту странную женщину, - сказал он новичку. – Она – генетическая ошибка. Сначала врачи репродукционного центра ставили над ней эксперименты в детстве, затем она попала в лабораторию к чокнутым ученым, где превратилась в подопытную крысу, после чего начала убивать всех, кто напоминал ей о прошлом.

- Не всех, - смутилась Эсфирь.

- Ах, прости, совсем забыл, что одному из них ты просто выдавила глаза, оставив корчиться от боли, - старик повернулся к Эсфирь спиной и снова широко улыбнулся новичку. – Меня зовут Вент. А тебя?

- Сво-Дош.

- Коренной житель Квазара?

- А ты из Размерности?

- Работал резонансным инженером, - на лице старика появилось болезненное выражение. – Я понимаю, что акеми ненавидят резонансных инженеров, считая, что они уродуют мир Подпространства, но прежде чем судить меня, выслушай одну историю в моем доме, - старик жестом предложил новому знакомому пройти в небольшое строение, стены которого стали прозрачными, готовясь принять гостей.

- На твоем месте я бы сто раз подумала, прежде чем идти с этим старым извращенцем в его берлогу, - предупредила новичка Эсфирь.

- Не слушай ее, - проворковал старик на ухо новому другу, обнимая за плечи.

Сво-Дош не обернулся. Стены энергетического строения пропустили их и сразу превратились в непрозрачный монолит.

- Вот идиот, - покачала головой Эсфирь. – Мы же содомиты, а не клирики.

За время пребывания в поселении она трижды видела, как старик Вент заманивает в свой дом диких содомитов, которые шакалят на окраинах. Эсфирь не видела, чтобы они выходили. И если первый раз она стала случайным свидетелем, то потом уже наблюдала за домом старика осознанно. «Что он делает с дикими содомитами?» - гадала Эсфирь, видя, как спустя несколько дней из дома выходит довольный старик. Какое-то время он как неприкаянный бродил по поселению, стараясь держаться подальше от окраин, чтобы не видеть диких содомитов. Большинство жителей игнорировали друг друга, но старик Вент не оставлял попыток завести знакомство. Затем он злился, кипел желчью, цепляясь ко всем, кто попадался под руку, и в итоге отправлялся на окраины поселения и дразнил диких содомитов, заставляя начать преследования, пока жертва и охотник не скрывались за энергетическим полем стен дома старика. Вот только кто был в этой погоне жертвой, а кто охотником?

- Охотишься за охотником? – спросил однажды бывший хранитель по имени Рафаэль, который сошел с ума от бесконечных корректировок сознания и был выдворен Иерархией за пределы цивилизованной части мира с присвоением статуса содомита. Эсфирь разговаривала с ним несколько раз, но так и не смогла узнать, убивал он кого-нибудь или нет после того, как спятил, но еще не получил статус содомита.

- Что значит, охочусь за охотником? – переспросила тогда Эсфирь.

- Ты ведь убийца, - пожал плечами бывший хранитель. – И не спорь, я вижу это у тебя в глазах.

- А ты не думал, что мой образ может оказаться подделкой? Я понимаю, если бы мы встретились в размерности, а так…

- Сомневаюсь, что ты изменила протоколы точки сборки.

- Откуда такая уверенность?

- Никто бы не стал добровольно делать себе настолько уродливое лицо.

- Дурацкая шутка, - скривилась Эсфирь.

- Это не шутка.

Рафаэль поднялся, подошел к дому старика Вента и заглянул внутрь, словно на пути и не было преград в виде энергетических стен.

- Что там происходит? – спросила Эсфирь.

- Ты не захочешь этого знать.

- Не решай за меня.

- Я не решаю. Об этом снова говорят твои глаза.

В тот день Эсфирь дала себе зарок, что когда-нибудь выпытает у Рафаэля секрет, как он преодолевает энергетические преграды стен. «Конечно, все это штучки хранителей, и добра от них не жди, но иногда это может пригодиться», - думала она тогда.

Сейчас, глядя на непреступный дом старика Вента, Эсфирь ругала себя, что не узнала у бывшего хранителя, как преодолевать преграды энергетических стен. «Может быть, найти Рафаэля и попросить помочь? – гадала она. – Или новому поселенцу помощь не нужна? Он ведь содомит, как и все мы – совсем не то, что люди на границах поселения, утратившие человечность. Что если это старику Венту нужна помощь?» Эсфирь улыбнулась, решив, что старому извращенцу точно не станет помогать, даже если он будет умолять на коленях.

- Мерзкий старикашка, - передернула плечами Эсфирь и уже собиралась уйти, когда, разрывая энергетические стены, из дома Вента выскочил Сво-Дош.

Нарушенные протоколы дали сбой, родив всполохи яркого света, накрывшего всю территорию немалого поселения. Схемы взаимодействия с окружающим миром дали сбой, ослепив разноцветными переливами всех, кто находился поблизости. Пробив энергетические стены, Сво-Дош, продолжая движение, устремился под углом вверх, зависнув над крышами домов поселения. «Сейчас он сбежит от нас навсегда», - успела подумать Эсфирь, прежде чем Сво-Дош рухнул вниз, вызвав новую энергетическую волну.

- Ух! Что это было? – засуетились жители, выбираясь из своих домов.

Дикие содомиты, словно в них действительно проснулся

инстинкт стервятников, потянулись к упавшей жертве. Сво-Дош не двигался.

- А ну пошли прочь! – заорала Эсфирь на диких содомитов, решив, что новичок мертв, и не желая смотреть, как утратившие останки человечности существа разрывают его на части. – Кыш!

Размахивая руками, она приблизилась к новичку, решив, что лично разрушит его протоколы ТС, но крайняя мера не понадобилась. Сво-Дош очнулся, осторожно проверяя связь с образом.

- Кажется, все цело, - сказал новичок, заметил диких содомитов, круживших невдалеке, и попытался подняться.

Протоколы ТС дали сбой, не позволив сделать этого.

- Давай помогу, - предложила Эсфирь, протягивая ему руку.

- С чего бы это? – спросил Сво-Дош, переводя взгляд с Эсфирь на диких содомитов и обратно. – Разве ты не хотела, чтобы эти дикари сожрали меня, оставив за тобой право быть последним содомитом, пришедшим в это поселение?

- Это было давно, - отмахнулась Эсфирь.

- У тебя проблемы с восприятием времени или это тоже какая-то особенность поселения?

- А ты шутник.

- Да какие тут шутки?! – Сво-Дош вспомнил старика Вента, и устремил напуганный взгляд к искрящемуся разорванными протоколами дому извращенца.

- О! – улыбнулась Эсфирь.

- Что «о»? – растерялся Сво-Дош.

- Ну, судя по тому, как ты выскочил оттуда…

- Ты должна была предупредить меня, - новичок снова попытался подняться, увидел жителей поселения, любопытно разглядывавших его. – Чего это они? – спросил он.

- Посмотреть на тебя?

- Зачем на меня смотреть?

- Ты только что пробил энергетическую стену в доме старого извращенца, а эти люди… - Эсфирь бросила беглый взгляд на поселенцев, отмечая, что это первый раз, когда они проявляют подобный интерес. – Они просто ученые.

- И что это значит?

- Не хочешь рассказать им, как тебе удалось пробить энергетическую стену?

- Нет.

- Обещаю, они будут слушать и смогут оценить…

- Это опасно! Из-за этого уже погибло много людей! – закричал он, заставляя свихнувшихся ученых неодобрительно нахмуриться.

- Не делай так, - очень тихо посоветовала Эсфирь. – Не разочаровывай этих психопатов.

- Иначе что? – скривился Сво-Дош. – Что вы мне сделаете?

Он подошел к собравшимся ученым и заорал. Никого это не напугало. Сво-Дош трижды повторил попытку.

- Думаете, могу только кричать? – зашипел он, давясь бессильным гневом, затем неожиданно метнулся вперед, схватил женщину-содомита по имени Анк, и активировал интегрированные в точку сборки протоколы взаимодействия с энергией Подпространства, необходимой, для перемещения на высоких скоростях и расстояния, которые не способна обеспечить стандартная энергия извлеченного из оставленного в Размерности тела сознания.

Стандартные протоколы движения перестали действовать, и Сво-Дош, крепко прижимая к себе женщину-содомита, стремительно взмыл в переливающуюся даль неба Квазара. Дикие содомиты оживились и, громко улюлюкая, начали подпрыгивать, пытаясь повторить трюк новичка. Чокнутые ученые не двигались. Молчала даже Анк, которую Сво-Дош поднял высоко над матерей квазара, угрожая отпустить, подвергнув распаду основные протоколы ТС.

- Почему ты не кричишь? – разозлился он. – Почему не боишься?

Перегрузки исказили его образ. Координация нарушилась. Сво-Дош ослабил объятия, и Анк полетела вниз – без единого звука или движения. Снижение нагрузки помогло защитным системам локализовать сбой. Контроль вернулся, и Сво-Дош успел поймать женщину-содомита незадолго до того, как она разбилась о поверхность. На новый подъем сил не было, и они рухнули на пульсирующие внизу строения, немного смягчившие удар.

- Ты должна была закричать, - сказал Сво-Дош женщине-содомиту, чувствуя, как медленно возвращается контроль над восприятием после падения. – Просто закричать, и все бы закончилось.

Он поднял голову, пытаясь заглянуть Анк в глаза, но не смог разглядеть ее лица – только бледное пятно, в котором смутно проглядывались знакомые черты…

- Что за черт? – растерялся Сво-Дош, когда до него дошло, что женщина превратилась в него.

- Не знаю, как это произошло, но…

Поселенцы окружали его, нависали молчаливыми судьями.

- Я просто хотел напугать ее, - сказал Сво-Дош, и вздрогнул, потому что женщина-содомит с его лицом зашлась истеричным

воплем.

- Что происходит? – испуганно уставился он на поселенцев, понимая, что их лица тоже стали точной копией его лица. И не только лица: голос, тела, одежда…

Десятки голосов слились в единый вопль, который проникал в сознание, сводил с ума, заставляя сделать глубокий вдох, как того требовали протоколы ТС, и заорать вместе со всеми.

- Пожалуй, чокнутый выскочка сам напросился, - сказал Рафаэль, подойдя к Эсфирь.

- Пожалуй, - согласилась она с бывшим хранителем, наблюдая, как поселенцы расходятся по своим домам, а Сво-Дош стоит на коленях и орет, что есть силы. – Что они с ним сделали?

- Не они. Это работа всего одного человека, - Рафаэль указал взглядом на спину невысокого широкоплечего мужчины, которого Эсфирь видела впервые. – Его зовут Фарон, - сказал бывший хранитель, - и раньше он работал нейронным инженером, пока не сдвинулся на идее сделать КвазаРазмерность чище, внедрив в сеть небольшую программу, способную перехватывать эмоции человека, преумножать их и возвращать хозяину. Соответственно, Фарон предполагал, что большинство людей добряки, и в мире настанет эра блаженства, но вышло все наоборот. Сначала его отдел, а затем квартал и целый уровень, взвыл от нестерпимой боли, отчаяния, ненависти и злости. Люди сходили с ума, убивали родных, шли к соседям и продолжали собирать кровавую жатву… Иерархия предпочла замять безумие одного из своих рабочих, присвоив ему статус содомита и выкинув за пределы цивилизованного общества. Говорят, Фарона на какое-то время приютили не то в незаконной лаборатории акеми, не то в центре Энрофы, расположенном в неиндексированных территориях. В общем он делился с ними своими идеями, а они объясняли ему особенности программирования в Квазаре, потом он написал код подмены, который применил сейчас к новичку-выскочке, и приютившие его ученые уничтожили друг друга… Правда все это может оказаться лишь слухами… Сам Фарон никогда не рассказывает о своем прошлом.

- А как он оказался в поселении? И главное – зачем?

- Не знаю. Кажется, он работает над новыми протоколами, ставя иногда эксперименты на диких содомитах, которые бродят вокруг поселения, но, я не удивлюсь, если окажется, что и мы давно стали частью его экспериментов.

- И давно он что-то изобретает здесь?

- Не знаю, когда я пришел, он был здесь старожилом.

- Ого! А я почему-то всегда думала, что ты поселился здесь одним из первых, был, так сказать, отцом-основателем поселения

содомитов.

- Сомневаюсь, что это поселение создали содомиты. Некоторые строения, когда я появился здесь, были старыми как мир и принадлежали Всемирной иерархии.

- Вот как? – Эсфирь тщетно пыталась понять, к чему приводит это откровение, какую истину являет. – Думаешь, клирики специально построили это место для первых содомитов? – выдвинула предположение Эсфирь.

- Маловероятно, что поселение создавалось для содомитов. Скорее всего, это место служило для каких-то иных целей… - Рафаэль замолчал, бездумно наблюдая за страданиями новичка.

Сво-Дош катался по земле, рычал, ревел, умолял, молился кому-то, сыпал проклятиями…

- Ты не пытался разобраться, что это были за цели? – спросила Эсфирь, когда поняла, что бывший хранитель не собирается продолжать. – Если ты уверен, что поселение принадлежало Иерархии, то… - она искала ответ так настойчиво, что заболела голова. – Вот зараза, - проворчала Эсфирь. – У меня нет ни одной идеи. Что забыли клирики в неиндексированных территориях? – неожиданно ее осенило. – Ты ведь был хранителем. Ты должен знать больше, чем мы…

- Меня пропустили через столько кругов коррекции личности, что я с трудом имя свое помню.

- Непруха, - вздохнула Эсфирь.

- Да, непруха, - согласился бывший хранитель.

- А другие ученые содомиты? – снова оживилась Эсфирь. – Те, что были здесь до тебя… Ты говорил с ними? С Фароном, например?

- Конечно.

- И что?

- Молчат, как рыбы.

- Думаешь, им есть, что скрывать?

- Думаю, им просто плевать на то, что здесь было раньше.

- А если надавить на них?

- Чтобы надавить на таких как Фарон или Анк, одного умения проходить сквозь простейшие энергетические стены будет мало.

- Мы можем объединить усилия.

- У тебя есть туз в рукаве или ты думаешь, что сможешь кого-то удивить своими алгоритмами защиты?

- Я очень быстро учусь. Намного быстрее любого другого человека. Я ведь генетическая аномалия. Что запрещает нам развиваться, искать союзников, чтобы поравняться силами с Фароном и Анк.

- Не понимаю, зачем тебе нужна тайна?

- Потому что в этом есть смысл.

- Мы – содомиты. Нам не нужен смысл.

- Но ты тем не менее пытался разгадать эту тайну.

- После десятка коррекционных циклов у меня осталось слишком мало инстинктов, чтобы вырождаться, и слишком мало надежд и целей, чтобы мечтать выбраться отсюда.

- А у меня от рождения дополнительный мозг вместо правого легкого, потому что только так в репродукционном центре могли сохранить жизнь ребенку с неестественно крохотной головой и дефективным первым мозгом. Плюс, я каждую ночь, когда вы спите, возвращаюсь в Размерность. Мое тело в капсуле официального терминала КвазаРазмерности не подчиняется мне, но я могу все чувствовать.

- Это очень странно.

- Не то слово, особенно учитывая, что в Размерности у меня были проблемы с восприятиями. Каждую ночь я нахожусь в плену своей материальной оболочки. Каждую ночь мои эмоции взрываются россыпью чувств: от ненависти до любви, от пацифизма до мыслей о геноциде. И я ничего не могу сделать. Не могу даже уснуть. Но, думаю, именно поэтому я не схожу с ума, превращаясь в диких содомитов. И плевать, что Иерархия присвоила мне официальный статус содомита. В Квазаре я самая обыкновенная, здоровая. В детстве я не могла спрятаться от своих сбоивших восприятий в Подпространстве, потому что в репродукционном центре не смогли создать полноценные связи между старым мозгом и новым. Потом я попала в лабораторию к акеми по имени Мей-Ар, и он исправил ошибку врачей. Так что, когда я оказалась в Квазаре, то поняла, что теперь могу жить здесь. И знаешь что? Впервые в жизни я понимаю, что я – это я.

Глава восемнадцатая

Сво-Дош стал первым союзником Эсфирь и Рафаэля. Конечно, это произошло не сразу. Сначала они позволили ему настрадаться вдоволь, умерив спесь и гордыню, затем Рафаэль обратился к Фарону с просьбой прекратить мучения акеми, отключив протоколы, обострявшие восприятия в сотни раз. А когда Фарон отказался, к нему обратилась Эсфирь, пообещав, что позволит провести над собой пару экспериментов в обмен на свободу акеми.

- Пусть ставит эксперименты на мне, - предложил бывший хранитель.

- У тебя нет дополнительного мозга вместо правого легкого? – кисло напомнила Эсфирь.

- Так Фарон хочет проводить опыты на твоем мозге?

- Он считает, что подобная искусственное расширение возможностей человека может стать ключевым этапом в естественной эволюции.

- Фарон – свихнувшийся содомит, - напомнил Рафаэль.

- Нам нужны союзники, - пожала плечами Эсфирь. – К тому же, он знает о предыдущих экспериментах, которые ставили на мне Манх и Мей-Ар.

- Как он может знать об этом? – удивился бывший хранитель. – Его не было в Размерности несколько десятилетий, да и поселение он никогда не покидает…

- Еще одна тайна, - кисло подметила Эсфирь.

Она не призналась Рафаэлю, но Фарон, предложил ей не только освободить заносчивого акеми в обмен на обещание стать ненадолго его подопытной крысой, но и обещал устроить встречу с Мей-Ар, который ставил над ней опыты еще до того, как она стала содомитом.

- Заодно сможешь отомстить ему, - сказал Фарон.

- Я выдавила ему глаза и частично повредила мозг, - гордо заявила Эсфирь. – О какой еще мести может идти речь?

- Ты можешь простить его.

- Что?

- Тираны не верят в прощение.

- Он не тиран. Он просто чокнутый акеми, который перешел дозволенные границы.

- Без него ты бы сошла с ума, став содомитом, так что в каком-то роде ты обязана ему.

- Думаю, выдавленных глаз будет достаточно.

- Я говорю не о глазах. Ты можешь позволить ему закончить эксперимент.

- Никогда.

- Я вижу, что ты отличаешься от большинства содомитов. Здесь, в Квазаре, ты не безумна, в отличие от Размерности, где твои восприятия идут в разнос. И я знаю, почему это происходит.

- Тогда ты должен понимать, что меньше всего я хочу лишиться этого.

- Мей-Ар может доработать твои протоколы, позволив не только просыпаться в Размерности каждую ночь, но и контролировать свое тело. Только представь, какие горизонты откроет тебе эта способность!

- И какая польза от этого тебе?

- Я же сказал – эксперимент. Ты уникальна. Если бы ты сама не пришла ко мне, то скоро мне пришлось бы самому обращаться к тебе с просьбой стать частью моей работы. Но у тебя оказалось большое сердце для содомита, и ты пришла ко мне, вступившись за акеми-неудачника.

В тот день Эсфирь так и не поняла, издевается над ней чокнутый ученый или просто передает то, что у него на уме. Да и чокнутый ли? Что если бывший хранитель окажется прав, и Фарон действительно скрывает какую-то тайну? Иначе как ему удалось узнать о незаконных экспериментах, которые проводили Мей-Ар и Манх?

- Приглядывай за поселением, пока меня не будет, - попросила она бывшего хранителя, не зная, сколько времени займут исследования, на которые она дала согласие, и удастся ли ей вернуться от Фарона прежней.

- Если не доверяешь ему, то мы можем сбежать, - предложил Рафаэль.

- Я никуда не побегу! – подал голос забившийся в угол акеми по имени Сво-Дош.

Фарон деактивировал протоколы, повышающие восприятие бедолаги в сотни раз, но для того, чтобы акеми восстановился, требовалось время.

- Вот видишь, - криво улыбнулась Эсфирь. – Даже зазнайка Сво-Дош отказывается бежать.

- Я не отказываюсь, - тихо сказал акеми. – Просто у меня нет сил на побег, да и некуда бежать. Вокруг неиндексированный территории, где ничуть не лучше чем здесь. Зачем уходить, проделав такой долгий путь?

- Кажется, молодой выскочка прав, - в очередной раз криво улыбнулась Эсфирь. – К тому же, чего нам терять? Мы ведь

содомиты. Что может быть хуже?

Она оставила бывшего хранителя и акеми одних.

- Думаешь, она когда-нибудь вернется? – спросил Сво-Дош.

- Молись, чтобы она вернулась, - посоветовал Рафаэль. – Потому что в противном случае я сотру тебя в порошок, как виновника случившегося. И не думай, что сможешь сбежать от меня, активировав свой альтернативный двигатель. Я хоть и прошел через множество кругов коррекции личности, но кое-что все равно помню из жизни хранителя. Так что тебя сопляка достать сумею.

Сво-Дош не спорил. После недавнего обострения чувств и восприятий для него и менее серьезной угрозы было достаточно, чтобы заставить забиться в самый дальний угол поселения и дрожать, пока не наступит вторая фаза двухуровневого дня Квазара, и желанный сон поможет забыться от проблем и тревог.

- Мерзкое зрелище, - сказал бывшему хранителю строитель по имени Лат-Ри, подкравшись со спины в образе пульсирующего дома.

Рафаэль выругался, посоветовав Лат-Ри сменить форму.

- Ты не пробовал превращаться во что-то менее громоздкое или не подкрадываться к людям, пугая своими размерами?

- Я пробовал быть собой, и мне не понравилось, - сказал дом.

- Дом из тебя тоже никудышный.

- Почему?

- Потому что ты совсем не похож на дом. Ведешь себя, словно…

- Человек, - помог бывшему хранителю Сво-Дош.

- А ты, выскочка, молчи! – взвизгнул дом, начиная пульсировать и надуваться. – Пусть бывший служитель Иерархии сам скажет.

Крик напугал акеми, и тот спешно ретировался.

- Ну, - обратился Лат-Ри к Рафаэлю. – Кем ты хотел меня назвать? Только не вздумай слушать выскочку-акеми – от таких как он только беды и ни одного полезного совета.

- Но он, вообще-то, прав, - пожал плечами Рафаэль. – Ты всего лишь…

- Не смей! – прервал Лат-Ри бывшего строителя на полуслове.

- Но ведь это так. Ты…

- Нет!

- Человек, - Рафаэль смотрел на вздувшийся, готовый вот-вот лопнуть пульсирующий дом. – Ты – человек. Не дом, и никакое другое строение.

- Все считают меня домом!

- Все считают тебя свихнувшимся строителем, а тебе просто

подыгрывают, чтобы ты не приставал к ним со своими дурацкими пантомимами, в которых ты притворяешься вещами.

- Нет! – дом покраснел и неожиданно вместо того, чтобы сложиться, лопнул.

Всполохи света устремились в небо.

- Мы убили его! – закричал Сво-Дош, выглядывая из-за соседнего дома.

Воспоминания обнаженного восприятия были еще сильны, и он боялся, что сейчас ему придется умереть самому. Умереть не один раз, а десяток, сотню, тысячи раз. Ему не пережить этого. Он не выдержит страданий. На этот раз все будет хуже…

Сво-Дош нервно завертел головой, ища спасения. «Фарон! Мне нужен этот чокнутый бывший инженер размерности! – думал акеми, хаотично пытаясь вспомнить, где в этом постоянно меняющемся поселении находится сейчас дом Фарона. – Черт! Черт! Черт!» От страха у акеми подогнулись колени. Он упал и тихо заскулил. Точка сборки исправно передавала чувства созданного из энергии образа, приближая ощущения к тем, что были в материальном мире. Никаких других чувств не было.

- Эй! – бывший хранитель подошел к акеми и тронул за плечо. – Какого черта ты делаешь?

- Мы убили его, – обессиленно прошептал Сво-Дош. – Разозлили, и он взорвался.

- И что? Этот психопат взрывался уже десятки раз. Подобное происходит, когда он собирается сменить форму. Ничего другого он не придумал, чтобы избавляться от старой оболочки. Кажется, дело в сложных протоколах взаимодействия с ТС или что-то там еще… Точно не знаю… - бывший хранитель замолчал, прерванный завываниями акеми. – Да хватит тебе! Слышишь? Хватит! – Рафаэль потерял терпение и отвесил плаксе затрещину.

Сво-Дош заревел навзрыд, решив, что сейчас начнется безумие – чужая боль проникнет в него и разорвет сознание на части.

- Да ну тебя! – устал от стенаний Рафаэль, махнул рукой и отошел в сторону, устроившись так, чтобы можно было одновременно наблюдать за домом Фарона и хнычущим акеми.

- С ней все будет в порядке, - сказала Анк, подходя к бывшему хранителю.

Рафаэль кивнул.

- Но ты все равно будешь наблюдать за домом Фарона?

Еще один кивок.

- Не доверяешь Фарону или привязался к Эсфирь и переживаешь за нее?

Рафаэль пожал плечами.

- Думаю, переживаешь за Эсфирь, - сказала Анк. – Ты ведь был хранителем, привык служить клирикам, а здесь, в неиндексированных территориях каждый служит только себе и своим целям, и тебе это не нравится.

- Мы – содомиты, - произнес Рафаэль так, словно этим можно было объяснить все на свете.

- Не все мы – содомиты, - проворковала Анк.

Бывший хранитель бросил на подкравшуюся змею косой взгляд. «Нет, вся эта затея с противостоянием Фарону и его свите, которую затеяла Эсфирь, не имеет ни одного шанса на успех, - подумал он. – Они старше нас, умнее. Они организованы и умеют тщательно скрывать это. Мы даже не знаем, кто входит в эту странную группу. Больше, мы не можем утверждать, что группа вообще существует!» Бывший хранитель наградил Анк еще одним подозрительным взглядом.

- Ты ведь уже была в поселении, когда я пришел сюда, - напомнил Рафаэль, готовя почву для вопроса. – Могу я узнать, кто пришел раньше: ты или Фарон?

- Зачем тебе это? – спросила Анк.

- Меня многие считают старожилом поселения, а я… даже не знаю, кто был здесь с самого начала.

- Почему ты думаешь, что об этом знаю я?

- А ты разве не знаешь?

- Это поселение старо как мир, Рафаэль. У него своя история, своя жизнь. Оно существовало, когда мы еще не были содомитами, и будет существовать, когда не станет нас.

- Ты не ответила на мой вопрос.

- А ты на мой.

- Не понял?

- Я спросила, зачем тебе это?

- Мне кажется, я сказал, что будучи одним из старожилов…

- Это ложь. Ты и женщина, у которой в груди дополнительный мозг, решили объединиться и выпытать у Фарона секреты, - Анк замолчала, наблюдая за реакцией Рафаэля.

Бывший хранитель молчал, пристально наблюдая за домом Фарона, где находилась Эсфирь.

- Я отношусь к тебе, как к сыну, Рафаэль, - тихо, словно шипение змеи, сказала Анк. – Ты – содомит. Не нужно думать, что у тебя есть шанс стать кем-то другим. Знаешь, как говорят: содомит однажды – содомит навсегда. А женщина с дополнительным мозгом вместо правого легкого… Она другая. У вас разные дороги.

- Вы убьете ее? – спросил Рафаэль, продолжая наблюдать за домом Фарона.

- Убьем? – точка сборки безупречно передала желание извлеченного из тела сознания улыбнуться, цинично изогнув книзу губы энергетического образа Анк. – Зачем нам убивать Эсфирь? Она уникальна. Мы сделаем ее одной из нас.

- Истинным основателем поселения?

- Основатели нужны гениальным содомитам, которые ищут дорогу в поселение, считая это место раем неиндексированных территорий.

- Но все намного сложнее, верно?

- Все намного проще, - снова скептически улыбнулась Анк. – Все усложняют тайны, но стоит любому тайному стать явным, и сложность уменьшается в разы.

- И ты готова раскрыть мне свою тайну?

- Я раскрою ее Эсфирь, если, конечно, она будет готова принять эти знания.

- Если вы планируете использовать ее, чтобы проникнуть в Размерность, то у вас ничего не выйдет – она откажется. В Размерности у нее проблемы с восприятием. Она совершенно здорова здесь, но безумна там – можешь считать это иронией, ты любишь подобное.

- Я знаю о ее проблемах, - сказала Анк. – И знаю, как много людей пострадало от ее рук, до того как она стала содомитом.

- Она не хотела причинять зло. Если бы на ней не стали ставить опыты незадолго до срыва…

- Те опыты помогли ей выжить, оказавшись в Квазаре. Акеми по имени Мей-Ар исправил много недочетов, оставленных без внимания в репродукционном центре, когда Эсфирь была ребенком. А срыв… Срыв случился бы в любом случае. Манх и Мей-Ар провели не мало тестов, установив, что у Эсфирь без них не было шанса в Размерности.

- Откуда ты знаешь о Манх и Мей-Ар?

- Ну ты ведь о них знаешь.

- Мне рассказала о них Эсфирь.

- Почему ты думаешь, что она не могла рассказать об этом мне?

- Потому что… - ясная и четкая мысль, выскользнула из сознания Рафаэля, заставив замолчать. – Потому что… - снова безуспешно попытался он.

- Иерархия уничтожила почти все основные ядра твоего сознания бесконечными коррекциями, мой мальчик, - тяжело вздохнула Анк, напоминая со стороны уставшую от непутевого ребенка престарелую мать.

- Я могу заглянуть в дом Фарона и узнать, что происходит, - тихо сказал Рафаэль.

- Ты знаешь, что Фарон предусмотрел это и создал необходимые алгоритмы защиты.

- Испытаний не было. Никто не знает, что произойдет в действительности…

- Я скажу тебе, что произойдет в действительности. Как только ты попытаешься проделать свой фокус с обходом защитных полей и заглянешь в дом Фарона, связи твоих протоколов нарушатся, и начнется необратимый распад точки сборки.

- Даже на солнце бывают пятна.

- Не искушай судьбу. Я не хочу, чтобы это поселение лишилось одного из основателей.

- Я не основатель.

- Верно. Это знаешь ты, я… Но для всех остальных ты тот, кто ты есть, - Анк погладила бывшего хранителя по щеке. – Сделай одолжение, не искушай судьбу. Я слишком долго приглядывала за тобой, чтобы позволить тебе бессмысленно пожертвовать собой ради женщины с дополнительным мозгом на месте правого легкого.

Она ушла, оставив Рафаэля одного. Слова о том, что его судьба не безразлична ей, не были ложью. Анк действительно привязалась к нему за долгие годы. Он был одним из первых содомитов, пришедших в поселение. Первую дюжину охранные системы уничтожили, но бывший хранитель сумел обойти основные протоколы защиты. Он не знал, как это делает – память сохранилась где-то на уровне инстинктов, содержащихся в ядрах, не имевших отношения к воспоминаниям, которые нещадно были вычищенные клириками пред тем, как сплавить давшего сбой хранителя в утиль. Сохранились у Рафаэля и другие навыки, проявлявшиеся спонтанно, когда этого требовали обстоятельства. Фарон пытался изучать его, но исследования зашли в тупик.

- Можно заморозить ядра личности, привязав к резонансу Квазара, пока наши знания не позволят разобраться в феномене, - сказал Фарон.

- Но ведь это убьет его сознание.

- И что?

- Может, будет лучше превратить его в отца основателя? – предложила Анк, испытывая странное материнское чувство заботы о молодом в те годы хранителе.

- Не понимаю, почему ты заступаешься за этого содомита, - хмуро сказал Фарон.

- Я не заступаюсь, просто… - Анк спешно пыталась придумать достойную причину. – Содомитов становится все больше. Они не оставят нас в покое. Будут приходить снова и снова. Как долго, ты

думаешь, мы сможем держать их на расстоянии. Рафаэль стал первым, кому удалось обойти наши защитные системы. Думаю, скоро таких как он станет больше. Тайна и невозможность войти будет воспалять их больные сознания. Мы не сможем противостоять им всем.

- Но и уйти мы не можем.

Они замолчали, обменявшись многозначительными взглядами.

- Предлагаешь оставить Рафаэля, образовав поселение для содомитов, которые будут охранять его от разорения? – спросил Фарон.

- Так мы сможем решить проблему защиты и завуалировать то, чем является это место в действительности.

- Хорошо, но отвечать за поведение и отбор содомитов будешь ты.

Анк кивнула, выдержав тяжелый взгляд Фарона.

Этот разговор состоялся за семьдесят лет до того, как в поселение пришла Эсфирь, но уже тогда Анк и Фарон не были юнцами, имея за плечами долгий жизненный путь. Не было молодым и место, где они провели большую часть жизни. Поселение – так оно называлось, когда там появилась Эсфирь, хотя когда-то давно носило совершенно иное название. Возведенное в пустошах неиндексированных территорий Квазара, оно не планировалось, как место, способное спрятать своих создателей от цивилизованного мира. Нет, ничего подобного. Квазацентристы вообще не воспринимали перенаселенные жилые комплексы и созданные из энергии Подпространства города, искрящиеся перегрузками в результате конфликтов иллогичных протоколов.

Акеми, центры Энрофы, исследовательские центры Всемирной иерархии, резонансные и нейронные инженеры – знания квазацентристов захватывали все существующие науки, не концентрируясь ни на одной из них в частности. Плитка многоуровневости бытия, дом жизни, схемы жизнеустройства, взаимосвязь линейного и трехмерного времен, формирование ядер личности у ребенка на пятом месяце развития плода человека и отсутствие оных ядер у животных, извлечение сознания и перенос в лишенную личности биологическую оболочку, используя промежуточным звеном Подпространство – среди квазацентристов были специалисты по каждой из существующих в мире КвазаРазмерности научных отраслей, но приоритетной для них всегда была одна, их собственная – наука, занимавшаяся изучением и поисками центра современного двухуровневого мира.

Под «центром двухуровневого мира КвазаРазмерности» квазацентристы понимали некую точку, которая лежит вне времени и пространства. Особые сложности для изучения создавали замороженные тысячелетия назад космические программы, но, учитывая развития наук о Подпространстве и более глубокого понимания его роли в существовании двухуровневого мира, времени и всего бытия в целом, к космосу можно было относиться как к материалу, необходимому для формирования базового механизма мироздания, которое состоит из материи и энергии, являясь источником жизни для чего-то большего и непостижимого для человечества на данном этапе развития сознания. Акеми окрестили это «непостижимое» домом жизни. Квазацентристы были более сдержаны с названием недоступных для понимания форм существования и бытия, предпочитая тратить силы не на дебаты и споры касательно обоснованности выдвинутых теорий и верности данных названий, а проводить проверку каждой идеи практически, подтверждая ее или опровергая. Хотя опровержения происходили крайне редко, обычно теория считалась опередившей время и откладывалась до лучших времен, требуя предварительных открытий и дюжин новых теорий, благодаря которым, проверка станет возможной.

Квазацентристы верили, что вселенную двухуровневого мира можно представить воздушным шариком, который создан и служит миру, стоящему на более высокой ступени «лестницы бытия». Причем известная человечеству двухуровневая вселенная находится внутри «шарика», растягивающуюся оболочку которого составляет материальный мир, а заполняет этот «шарик» - мир энергии Подпространства. В материальном мире правят законы линейного времени, тогда как в мире энергии – время трехмерно, что позволяет создавать бесконечное число крошечных микроконфликтов, в результате чего рождаются резонансы-колебания, составляющие основу расширения вселенной. И расширение продолжается до тех пор, пока не приходит время высвободить скопившуюся внутри шарика энергию, позволив двухуровневому миру сжаться, вернувшись к изначальному состоянию абсолютной плотности, катализатором взрыва и деления которой послужит момент деактивации выпускного канала, называемого квазацентристами «центром мира».

Считалось, что именно в этот момент внутрь «шарика» попадала крошечная часть внешнего мира – принципиально чуждая среда обитания, не способная существовать со сжавшемся двухуровневым миром, порождая необходимый для взрыва первый в новой истории расширения вселенной микроконфликт, благодаря чему становилось возможным выделение линейности в

трехмерном монолите времени и появление нового микроконфликта, дающего толчок к выделению из абсолютной плотности материи и энергии, что несет за собой рождение новых конфликтов и глобальное расширение Вселенной.

Сутью учения квазацентристов были поиски «выпускного канала» или «центра мира». Считалось, что определения подобного места способно перевернуть представление о мире в целом, явив множество тайн и грандиозных открытий, неспособных родиться в существующих ныне ограниченных восприятиях и пониманиях двухуровневого мира.

Тысячи исследований, проведенных квазацентристами и в десятки раз большее число теорий, доказывали, пусть и весьма прозрачно и недостаточно обоснованно, чтобы этим заинтересовался Институт всемирной иерархии, что центр мира находится где-то в районе КвазаРазмерности – единственного места во Вселенной, где двухуровневый мир энергии и материи сплетался между собой, не приходя к коллапсу. И главным связующим звеном был человек. Вернее, сознание человека, состоящее из сложных ядер неподдающейся анализу субстанции, способной существовать как в материальном мире, так и в мире энергии.

Одна из теорий доказывала, что ядра сознания и есть та пресловутая субстанция внешнего мира, которая служит после выброса скопившейся энергии толчком к новому расширению. Согласно другой теории ядрам сознания присваивалась роль маятника в работе схем жизнеустройства, без которой невозможно начало расширения и последующий неминуемый коллапс. Третья теория вообще считала ядра сознания, формирующие личность человека, случайной переменной в сложном уравнении системы мира, существование которой не играет в работе «Механизма жизни» совершенно никакой роли. Впрочем, сторонников третьей теории находилось крайне мало, так как в основе квазацентристов лежала вера в непогрешимость мироздания, и появление случайных производных допускалось с большой натяжкой.

Была в этом длинном списке и теория о том, что КвазаРазмерность – это не единственное место, где можно обнаружить ядра сознания, формирующие личность человека. Построение теории было грамотным и ее поддерживали несколько ведущих специалистов, так что в некоторых кругах она была весьма популярна, но ввиду того что необходимые для практической проверки космические программы были заморожены, не могла надеяться на развитие и популяризацию в ближайшем будущем.

Огромная доля споров выпала и на попытки определиться, как должен выглядеть центр мира, и в какой из двух реальностей КвазаРазмерности его искать. Здесь тоже существовало три (если не считать частных и прошедших незамеченными в силу своей абсурдности) теории, время от времени перехватывавшие друг у друга пальму первенства. Первые две выступали за Квазар и Размерность соответственно. Третья же предлагала искать центр мира непосредственно на стыке двухуровневой реальности. В основы теории легли исследования «тонких граней» - мест, где находится наиболее тонкая «временная мембрана», разделяющая два мира, позволяя трехмерному времени Подпространства почти догнать линейную материальность.

Для поиска «тонких граней» КвазаРазмерности был создан целый отдел, действующий на двух уровнях реальности, объединив усилия. Отдел назывался «Виадос», и такое же название давалось каждой новой базе, созданной на месте предполагаемое тонкой грани, изменялась лишь добавочная цифровая комбинация, когда ученые, признавая провал, были вынуждены передислоцироваться. Но шанс на удачу оставался.

Одновременно с началом проекта «Виадос», независимый ученый разработал и доказал теорию уязвимости временных мембран, породившую ряд споров и мрачных предсказаний о конце света в результате неизбежного столкновения двух уровней одной реальности, в результате чего в Размерности появилась группа «борцов за сохранение временных мембран», члены которой призывали ученых объединить усилия для восстановления тонких граней. Компания из небольшой и незаметной превратилась в стихийное движение, захватившее всех жителей двухуровневого мира. Появились ученые, заявляющие, что знают причины возникновения тонких граней. Их обвинения касались в основном нейронных проектов и новых источников питания, энергетические всплески которых якобы выжигали временную мембрану. Среди людей, как никогда прежде, стала популярна община инертов, заявлявшая о нецелесообразности борьбы с Великим ледником и негативном влиянии на мир КвазаРазмерности требующихся для этой борьбы источников питания.

Инерты заявляли, что единственно верное решение – это покинуть жилые комплексы и опуститься под землю, используя естественную энергию ядра земли взамен сомнительных в плане надежности преобразователей холода, созданных Институтом всемирной иерархии. Ряд ведущих социологов выступил с заявлением о необходимости тщательной проверки деятельности клириков, ссылаясь на статистику распада ядер личности и

отторжение организмом жидких чипов в периоды до установки преобразователей и после. Статистика была не в пользу преобразователей.

Ситуация накалялась, привлекая внимание Иерархии, старавшейся в подобных ситуациях держаться обособленно, пока это возможно. Но за внешним спокойствием всегда скрывались расчет и тщательно проработанный план действий, если ситуация обострится. Поэтому, когда приходило время вмешаться клирикам, у них уже был построен плацдарм для того, чтобы выйти на сцену КвазаРазмерности и разрулить ситуацию, упрочив свое положение единственного и неизменного лидера. Ничего не изменилось и на этот раз.

Выбирая для урегулирования проблемы между «кнутом и пряником», клирики решили, что будет лучше пойти на поводу у общественности, устроив ряд проверок преобразователей, не дававших покоя желчным социологам и аналитикам, а так же обеспечив достойное финансирование исследовательским центрам, занимавшимся проблемами тонких граней временных мембран, в результате чего в центр программы урегулирования общественных волнений попала исследовательская программа квазацентристов «Виадос».

Необходимые для развития единицы Влияния потекли рекой. Открылись десятки новых баз, занимавшихся исследованиями тонких граней. Одной из самых крупных стала база «Виадос-12», расположенная в неиндексированных территориях Квазара – настоящая золотая жила, куда потянулись в надежде заработать третьесортные ученые, мелкие дельцы и жулики, готовые ради выгоды зайти так далеко, как потребуется.

Глава девятнадцатая

За сто двадцать лет до того, как Окс отправился в поселение содомитов.

Молодые, амбициозные и полные сил, Фарон и Анк прибыли на разросшуюся базу квазацентристов «Виадос-12», когда золотая лихорадка, рожденная щедрым инвестированием Всемирной иерархии, достигла пика. Крошечная база, затерявшаяся в неиндексированных территориях Квазара, разрослась, став магнитом для авантюристов и сомнительных личностей, не имевших к науке никакого отношения.

Агент, организовавший для Фарона и Анк переезд на базу «Виадос-12», заверял, что очень скоро ситуация наладится, и появятся либо хранители либо иные влиятельные силы, которые принесут порядок и организуют работу честных людей.

- Таких как вы, - сказал агент, награждая Фарона и Анк многозначительным взглядом.

Его слова были льстивыми, но не искажали действительности. Два молодых ученых действительно были честными и мечтали получить легальную работу, соответствующую их специальностям, но ирония была в том, что жуликом оказался агент. Он выудил у молодой пары добрую половину сбереженных единиц Влияния, необходимых для оплаты услуг терминала перехода, переноса посредством куба до базы «Виадос-12» и аренды небольшого помещения, протоколы которого должны были функционировать исправно. Что касается работы, то агент заверил молодых ученых, что с их образованием проблем с поисками работы не должно возникнуть.

- База «Виадос-12» давно разрослась до уровня небольшого города, - мурлыкал агент, скармливая молодым ученым приторные обещания лучшей жизни. – Строение, где вы поселитесь, находится недалеко от центрального исследовательского комплекса. Аренда оплачена на три месяца вперед. Вам ненужно волноваться и срочно искать работу. Успокоитесь, осмотритесь, все взвесите и уже тогда начнете строить планы на будущее. Трех месяцев должно хватить с лихвой.

- Да, пожалуй, должно, - согласилась Анк и покосилась на Фарона.

Он молчал, но в глазах горело любопытство. Он был заинтересован, оживлен – то, чего Анк не замечала за ним

последний год, не особенно радовавший перспективами и щедрыми предложениями работодателей в Размерности. «В Квазаре все будет иначе», - думала Анк, заставляя себя верить в лучшее.

Несколько близких друзей советовали не экономить на услугах хорошего агента, но изучив прайсы достойных агентств, Анк поняла, что у них с Фароном никогда не хватит накопленных единиц Влияния, чтобы заплатить за профессиональные услуги агентов, лицензированных в Институте всемирной иерархии. Поэтому оставались сторонние конторы и сомнительные личности – допустимый риск, потому что оставаться в Размерности не имело смысла. Жизнь в Galeus longirostris стоила недешево, и не было разницы, где потратить сбережения: в безнадежности жилых комплексов или пытаясь дотянуться до призрачного шанса в Квазаре.

- Будем держать глаза широко открытыми, и ничего плохого не случится, - сказала она друзьям за день до того, как покинуть Размерность.

Они встретились с агентом, и он лично проводил их до официального терминала переходов. Прощание с Размерностью получилось достойным, не уступая проводам, обещанным более дорогими агентствами. Проблемы начались чуть позже, когда Фарон и Анк, воспользовавшись Пульсаром, добрались до точки встречи с хозяином куба, который, согласно договору, должен был доставить их в течение нескольких двухуровневых дней Квазара на затерявшуюся в неиндексированных территориях базу «Виадос-12».

Протоколы, составлявшие основу куба, были старыми, а его хозяин грубым и бесцеремонным. Вместо обещанного приятного путешествия наедине, Фарон и Анк поняли, что кроме них на «Виадос-12» отправляется еще как минимум дюжина человек – таких же обманутых и продолжавших возмущаться, доказывая, что заплатили за индивидуальную поездку на кубе, прошедшем лицензирование в Институте всемирной иерархии. Последнее было нонсенсом для мира Квазара, и клирики пошли на этот шаг только потому, что лично курировали базы «Виадос», а кольца переносов никогда не забирались так далеко в районы неиндексированных территорий, да и были крайне неуклюжими и непластичными в плане программирования, чтобы иметь возможность быстро переписать их протоколы, изменив выверенные до идеала за долгие годы маршруты.

- Не знаю, кому вы все заплатили за личные переносы, но у меня договор и я повезу либо всех сразу, либо никого, - заявил хозяин куба.

Его сформированный посредством точки сборки образ показывал невысокого и коренастого мужчину с густыми бровями, выдававшими коренного жителя Размерности.

- Может сказать ему, что мы тоже из Размерности? – шепотом обратилась Анк к Фарону.

- И что это изменит?

- Ну не знаю… - что-то липкое и неприятное заполнило грудь, принеся желание послать все к черту и вернуться назад. Вот только возвращаться было некуда.

Чтобы набрать необходимое для переезда количество единиц Влияния, пришлось продать абсолютно все, и теперь в прошлой жизни ничто не держало. Она была такой же чужой, как и далекая база «Виадос-12», куда направлялся куб переносов.

- Ну что, вы снами или нет? – спросил хозяин куба, когда на отведенную для пассажиров небольшую платформу забились все собравшиеся переселенцы за исключением Анк и Фарона.

Молодая пара переглянулась и начала забираться на площадку куба. Установленный в центре стержень заискрился, высвобождая необходимые для взаимодействия с точкой энергетической сборки нити.

- Держитесь подальше от центра! – прикрикнул хозяин куба на пассажиров. – Одно прикосновение к стержню, и разрушение основных протоколов точки сборки вам обеспечено.

Перегруженный куб загудел, стягивая пространство, чтобы получить необходимую для предстоящего прыжка энергию. Связь ТС с энергетической оболочкой тел нарушилась. Анк услышала, как где-то далеко закричала женщина, испугавшись потери контроля и путаницы восприятий. Впрочем, учитывая путаницу чувств и смещение протоколов ТС, женщина могла и не кричать, просто так отреагировала ее оболочка на, скажем, желание сжать руку в кулак или закрыть глаза, чтобы не видеть безумно мелькающий мир за пределами нырнувшего в развезшейся тоннель куба, если, конечно, протоколы глаз все еще выполняли написанные для них функции.

Всего для переноса до базы «Виадос-12» потребовалось восемнадцать остановок – рекордно малое количество использованных точек энергетической сцепки для путешествий в те далекие времена. За три дня, что длился перенос, куб дважды грозил выходом из строя. Особенно после попадания в резонансный карман, из которого удалось выбраться только благодаря тому, что на площадке куба находились в основном ученые – пусть большинство из них и было третьесортным сбродом, но это было лучше, чем оказаться в подобной ситуации в окружении торговцев или финансистов, от которых проку

вообще бы не было.

Когда им наконец-то удалось добраться до базы «Виадос-12», хозяин куба, которого к тому моменту ненавидели все пассажиры, без зазрения совести предложил каждому из них записать его координаты, чтобы они могли связаться с ним, когда надумают покинуть базу.

- Проще воспользоваться личными протоколами передвижения, потратив на дорогу год, чем пережить еще один безумный перенос в твоем кубе, - честно сказала Анк.

- Ну вы ведь все живы, - пожал плечами хозяин куба. – К тому же пересечь неиндексированные земли в одиночку, пользуясь личными протоколами передвижения, мало кому удается, - сказал он, не разглядев в предыдущей фразе Анк иронии. – Риск погибнуть в разы больше, чем при переносе посредством куба…

Он еще что-то говорил, но пассажиры уже спешили прочь, опасливо поглядывая на раскинувшуюся подобно небольшому городу базу «Виадос-12» и пытаясь понять, какие еще сюрпризы их ждут после заключения договоров с дешевыми агентствами.

- Надеюсь, что худшее уже позади, - сказала Анк, когда они с Фароном отыскали арендованное для них строение на окраине базы, хотя в какой-то момент у них появились сомнения, что нужные координаты вообще найдутся – именно это произошло с парой других переселенцев, с которыми они прибыли сюда в одном кубе.

Анк и Фарону повезло, и аренда действительно было оформлена на них, правда вместо обещанных трех месяцев, оплачены были только первые две недели.

- Ну мы ведь живы, - сказала Анк, вспоминая слова хозяина куба.

Словно издеваясь над фальшивым оптимизмом новой хозяйки, протоколы стен строения замкнули, пытаясь провести идентификацию Анк и Фарона, отказав в доступе.

- Может обратиться к арендодателям? – предложила Анк, видя, что Фарон собирается разобраться с проблемой лично.

- Я изучал основы программирования акеми. Думаешь, я не смогу сделать перекомпиляцию этого строения?

- Не думаю, что это строение делали акеми, - Анк вздрогнула, увидев, как с яркой вспышкой выгорел еще один защитный протокол их нового дома.

Энергетический всплеск разделился: часть устремилась круто вверх, а часть крошечными щупальцами потянулась к Фарону, пытавшемуся установить связь с базовыми протоколами строения посредством энергетического интерфейса, взаимодействующего непосредственно со всем Подпространством, но при грамотной

настройке простейших ядер личности, способного подобрать ключи к базовому программированию уже созданных строений или систем мира энергии.

С третьего раза Фарону удалось задуманное – первые два раза подключение было произведено к соседним строениям. Простейший алгоритм управления новым домом выдал ряд существенных ошибок и, казалось, уступил, но как только Фарон приблизился, чтобы улучшить сигнал установленной связи, разродился еще одним энергетическим выбросом, извивающиеся нити которого дотянулись до Фарона и едва не разрушили необходимые для существования в Квазаре протоколы энергетического образа и привязки к ключам резонансов, без которых во время ночной перезагрузки система не сможет распознать его, приняв за сбой или ошибку, выбросив в свободный временный набор.

Случившееся привлекло несколько любознательных ученых из соседних строений, но как только они увидели, что Фарон не пострадал, то сразу потеряли интерес. Остался лишь один из них, коренастый образ которого и пучки волос на черепе выдавали в нем коренного жителя Размерности.

- Осторожней с этим домом! – предупредил он задним числом. – Это крайне ненадежное строение, впрочем, как и все, что создают резонансные инженеры, если предварительно не провели несколько тысяч исследований.

- Я думал, здесь все было построено акеми, - сказал Фарон, поднимаясь на ноги, но все еще чувствуя дискомфорт после того, как его протоколы едва не распались от энергетического выброса. – Какого черта резонансные инженеры сунулись со своими разработками в такую глушь?

- Говорят, специальное распоряжение Иерархии, - пожал плечами сосед. – Клирики не имеют права жить в строениях акеми или что-то в этом роде… Точнее сказать не могу.

- Клирики? – Фарон покосился на дом. – Так здесь жили клирики?

- Целая группа. Не знаю, как долго. Я появился здесь незадолго до трагедии, так что много увидеть не смог.

- До какой трагедии?

- Клирики занимались сторонними исследованиями тонких граней… Вы же слышали, что место основания базы «Виадос-12» находится на одном из самых нестабильных участков временной мембраны? – прищурившись, спросил мужчина, желая проверить уровень знаний новых соседей, и тут же нахмурился, смущенный внезапно пришедшей на ум догадкой. – Вообще-то странно, что агент, устроивший ваш переезд сюда, не предупредил о

подобном… У вас вообще есть разрешение на проживание здесь?

- Разрешение есть, вот только с агентом нам, мягко выражаясь, не повезло, - сказала Анк, активируя идентификационные протоколы, чтобы сосед смог убедиться лично в правдивости их слов.

- Так вы нейронные инженеры из Galeus longirostris! – просиял он и, спешно представившись, сказал, что тоже работал нейронным инженером. – Если верить вашим идентификационным протоколам, то наши офисы находились на одном уровне. Я разрабатывал сторонние программа для нейронных модулей, созданных Всемирной иерархией для проверки эмпатии. У нас была молодая, но весьма известная компания…

- Чанго, - произнесла вслух имя соседа Анк, пытаясь вспомнить, что без дополнительных информационных баз, доступных в нейронных сетях Размерности и в меньшей степени в цивилизованной части Квазара, сделать было крайне сложно. – Нейронные модуляторы… - она досадливо поморщилась и качнула головой. – Нет, прости, ничего не приходит на ум… Я, если честно, не то что не помню тебя и компанию, где ты работал, но не могу даже вспомнить, что такое нейронные модули для проверки эмпатии.

- Ты никогда не слышала о нейропатах? – растерялся Чанго.

- Это какое-то отклонение, как генетическая аномалия, или я ошибаюсь?

- Открытие было сделано недавно, но многие уже считают, что это не генетическая аномалия, а дополнительная способность, проявляющаяся у людей, как часть эволюционного развития… Как шестое чувство, понимаешь?

- Прости, но все, что я слышала о нейропатах не вызывает ничего, кроме чувств сопереживания их горю.

- Пока не доказано официально, но существует мнение, что нейропаты могут общаться друг с другом без слов, используя нейронные сети, как способ передачи открытых мыслей.

- А так же я слышала, что у нейропатов начинают деградировать ядра личности, отвечающие за эмоции.

- Природа требует платы за любое новое качество, - сказал Чанго. – Она подарила людям сложный мозг, но забрала необходимые для охоты и защиты от других хищников когти и клыки. И если с одной стороны – это огромный минус, сделавший человека уязвимым и незащищенным в давние времена, то с другой стороны – это заставило его развивать умственные способности, благодаря которым он стал тем, кем является сейчас, выжив после наступления Великого ледника, построив

мир КвазаРазмерности.

- Ну, так далеко в будущее я не планирую, - примирительно улыбнулась Анк. – Человеческая жизнь измеряется угасающей связью сознания с материальной оболочки, из которой основные ядра личности черпают энергию для нормального функционирования, и дальше этого срока я не смотрю. Да и никто, думаю, не смотрит, когда вопрос касается исключительно его собственной жизни. Неважно кем станут нейропаты в будущем, сейчас они воспринимаются обществом как генетические аномалии, в причинах появления которых нужно разобраться и предотвратить в будущем. И можешь спорить со мной сколько угодно, но я знаю, что этим людям сейчас живется крайне скверно, особенно в мире Размерности, где нейронные сети провоцируют прогресс заболевания. Хотя об этом, кажется, тоже идут споры.

- Идут, - согласился Чанго. – Но процесс деградации основных ядер личности действительно приостанавливается в Квазаре. Не скажу, что это абсолютное замораживание процесса, потому что на процесс деградации влияет множество разных факторов, но исследования показывают, что сейчас бегство в Квазар является единственным способом сохранить чувства.

- О, так ты изучаешь нейропатов? – вклинился в разговор Фарон. – Но почему так далеко от центров цивилизации?

- Конкретно сейчас я изучаю влияние тонких граней временной мембраны на ядра личности нейропатов, а так как, по заверению квазацентристов, «Виадос-12» построен на месте наиболее тонкой грани из всех известных, то где, как не здесь, мне проводить исследования?

- Я думал, распад ядер личности нейропата зависит только от непосредственного взаимодействия с нейронными сетями.

- Дело в том, что деградация ядер нейропатов продолжается и в Квазаре. Очень медленно, но процесс не прекращается. И скорость деградации меняется в зависимости от координат, где проводились в Квазаре клинические испытания. Поэтому мы решили попробовать связать это с тонкими гранями временной мембраны, обсуждение которых сейчас стало особенно модным.

- И что целая группа больных согласилась отправиться черт знает куда ради того, чтобы провести сомнительные исследования? – спросил Фарон.

- Почему бы и нет?

- И много, если не секрет, набралось этих альтруистов?

- Пока только один – я, но для исследования этого достаточно, потому что деградация ядер личности у нейропатов происходит по идентичной схеме развития.

- О! – растерялся Фарон. – Извини. По тебе и не скажешь, что ты нейропат.

- За что ты извиняешься?

- Ну, как же…

- Я не считаю нейропатию генетической аномалией, которой стоит стыдиться. Большинство проведенных исследований показывают, что подобные изменения основных ядер восприятия происходят уже не первое поколение, просто именно сейчас способность смогла проявить себя на должном уровне. И это не закончится. Будут новые волны развития. Изучения измененных ядер показывает, что развитие не остановится на способности нейропатов проникать в мгновенные мысли друг друга, но продолжит эволюционировать, позволяя проникать в более глубокие воспоминания как нейропатов, так и простых людей, - Чанго покосился на пульсирующий энергетическими всплесками дом Фарона и, желая сменить тему разговора, предложил помощь в решении возникшей проблемы.

- Ты разбираешься в программировании на этом уровне? – удивилась Анк.

- Нет, но здесь недалеко живет акеми по имени Аст-Пла. Он, конечно, странный, но если с ним поладить, то может разобраться с любой системой программирования в Квазаре.

- Я слышала, что акеми рождаются с немного измененной точкой сборки, благодаря чему у них появляется возможность взаимодействия с любым программным кодом Квазара, - улыбнулась Анк, желая подчеркнуть, что осведомлена о распространенных байках Подпространства.

- Я изучал несколько детей акеми, родители которых хотели отправить их в Размерность, и могу заверить вас, что некоторые ядра их точки сборки действительно немного отличаются от ядер обычного человека.

- О!

- Эволюция продолжается, - улыбнулся Чанго и вернулся к предложению обратиться за помощью в настройках сбоивших протоколов дома к живущему по соседству акеми.

- Может, лучше дождаться когда адаптивные алгоритмы заметят сбой и пришлют официальную бригаду ремонтников? – решила блеснуть знаниями Квазара Анк, услышала смех Чанго и вздрогнула.

- На базах «Виадос-12» нет бригад для устранения неисправностей, связанных с домами и прочими удобствами местных жителей, - объяснился нейропат. – Это вам не цивилизованные центры, где все вращается возле того, чтобы продать людям комфортную жизнь. Здесь научная база. И пусть

после того как Иерархия начала финансировать проект и на базе появилось множество сомнительных личностей, суть остается прежней – здесь преимущественно живут ученые, и если хочешь починить свой дом, почини его сам, - Чанго широко улыбнулся. – К тому же Аст-Пла вам понравится. Вы когда-нибудь общались с акеми, который грезит перебраться в Размерность и начать работать нейронным инженером?

- Что же тогда он делает на базе «Виадос-12»? – спросил Фарон.

- Пытается зарекомендовать себя, доказав состоятельность квазацентристам и если повезет, то и клирикам.

- Вот теперь узнаю акеми, - улыбнулась Анк. – Хотят всего и сразу, но в результате не получают ничего.

- Что касается Аст-Пла, то он, думаю, на верном пути.

- На верном пути? – Анк нахмурилась, затем рассмеялась. – Прости, но когда подобное говорят об акеми, не могу удержаться от смеха.

- Не думаю, что это смешнее пары нейронных инженеров, которые сбежали из Размерности в Квазар, надеясь найти лучшую жизнь, - парировал Чанго.

- Принято, - продолжая улыбаться, сказала Анк, подчеркивая, что не обиделась.

Была середина первой половины двухуровневого дня Квазара, но людей, когда Чанго вел новых знакомых к дому акеми, встречалось много, словно «Виадос-12» был не исследовательской базой, где большинство жителей заняты работой, а туристическим центром, получавшим главную прибыль от торговли и развлечений туристов. Особенное удивление у Анк и Фарона вызвали небольшие энергетические строения, внутри которых находились игровые заведения. Стены этих построек пестрели рекламой дополнительных услуг, перечень которых умалчивался, и впечатляющими суммами призовых фондов, дожидающихся своего счастливого обладателя.

- Думаю, база давно превратилась в нечто большее, чем просто городок для ученых, - сказал Чанго. – Не знаю, как далеко зайдут исследования квазацентристов касательно тонких граней, но в ближайшие несколько лет база определенно продолжит расширяться. По крайней мере, пока не закончится финансирование.

- Судя по тому, какое внимание уделяется в КвазаРазмерности временным мембранам, Иерархия еще долго не прекратит финансирование, - сказала Анк.

Они остановились возле разделенного на десяток секций небольшого строения, где работал Аст-Пла.

- Ого! Никогда бы не подумала, что в Квазаре может проявиться проблема с площадями, - растерялась Анк, удивленная теснотой, в которой работали люди.

- Это семейный бизнес, - отмахнулся Чанго. – Аст-Пла говорит, что привык к подобным лабораториям с детства.

- Семейный?

- Да. Все, кого ты видишь в этом строении – родственники Аст-Пла. Не спрашивай, почему они предпочитают работать в подобных условиях, потому что я и сам не особенно понял объяснения Аст-Пла, когда говорил с ним об этом… Впрочем, думаю, он и сам не понимает…

- Может быть, поэтому он и мечтает сбежать в Размерность? – предположила Анк.

- Может быть, - согласился Чанго, а чуть позже, когда он представил молодую пару из размерности своему другу, согласился с выдвинутой теорией и сам Аст-Пла.

Он был молод и не скрывал, что семья называет его паршивой овцой.

- Но так, наверное, и должно быть, - пожал он плечами. – Кому-то нужно занять эту нишу, чтобы стать образчиком для тех, кому укажут на него и объяснят, как делать ненужно.

- Звучит так, словно ты не очень счастлив от своего выбора, - подметила Анк.

- Я просто понимаю, что убраться отсюда будет крайне сложно. Единственный шанс – это довести наши разработки до ума и продать их либо квазацентристам, либо Всемирной иерархии.

- Сомневаюсь, что клирики станут что-то покупать у сторонних агентств, - сказала Анк. – Не знаю, какими легендами полнится Квазар, но в Размерности каждый инженер знает, что единственный шанс привлечь к себе внимание Всемирной иерархии – это подать официальный запрос о приеме на работу, а потом надеяться, что ответ клириков будет положительным, а отдел, куда тебя назначат, перспективным, позволяя проявить себя.

- А можно просто создать что-то по-настоящему полезное, - пожал плечами Аст-Пла.

- Ты самоуверен, - хмуро подметил Фарон.

- Моя семья работает над защитным куполом, который позволит создать в Квазаре микромир, оградив то, что будет под куполом от внешнего воздействия.

- По-моему, это выглядит как отдельная петля Квазара в Подпространстве, - осторожно подметил Фарон. – Не думаю, что Всемирная иерархия заинтересуется технологией, которая,

согласно одному из катехизисов, принадлежит миру и не может находиться в частной собственности, как право на жизнь каждого человека и генетических аномалий в том числе.

- Я бы не стал называть купол, над которым мы работаем, петлей Квазар. Во-первых, это принципиально разные концентраторы энергии и преобразователи, во вторых, купол предназначен не обособлять микромир под ним от Квазара, а наоборот, помогать взаимодействовать, функционируя на системных слоях второго уровня современной реальности. Только не нужно это сравнивать с алгоритмами защиты. Купол позволяет создать полноценный микромир со своим собственным, отличным от Квазара исходным кодом. Это может пригодиться для создания игровых площадок или, например, чтобы оградить некоторые территории от нежелательного воздействия извне.

- Ты говоришь о «Виадос-12»? – спросил Фарон.

- На кой черт помещать под купол базу, которая давно уже превратилась в поселение. Вы знали, что здесь узаконены браки и обращения в репродукционные центры, чтобы получить ребенка? Людей тянет сюда словно магнитом, основной движущей силой которого являются единицы Влияния, вливаемые Иерархией в развитие базы.

- Зачем же тогда, если не считать глупых игровых проектов, нужен ваш купол?

- В теории он может локализовать тонкие грани временных мембран.

- В теории? – растерялся Фарон. – Как ты можешь знать, на что способен купол в теории, если в действительности еще не существует ни официального доказательства тонких граней, ни самого купола?

- Все зависит от того, что понимать под официальным доказательством, - широко улыбнулся Аст-Пла, и Анк подумала, что он действительно совершенно не похож на акеми – скорее резонансный инженер, который прожил большую часть жизни в Размерности, но сейчас вынужден находиться в Квазаре – трагедии нет, но и причины для радости отсутствуют.

- Перед тем как отправиться сюда, мы тщательно изучили доступную официальную отчетность. Сейчас исследования тонких граней ведутся на уровне теории. Ни о каких практических испытаниях не сообщалось, - вступила в разговор Анк.

- Если бы у клириков была возможность, то они умолчали бы и о катастрофе в Isistius labialis, - иронично подметил Аст-Пла.

- Жуткий теракт, - передернула плечами Анк, не разделяя шуток связанных с трагедией.

- Вы думаете, это был теракт? – хитро прищурился Аст-Пла,

затем нахмурился и тут же неожиданно просиял. – Простите! Забываю, что вы из Размерности, где клирики приучили людей к догмам информационной пропаганды.

- А вот сейчас ты говоришь, как коренной житель Квазара, - подметила Анк.

- Ну почему же?! – притворно растерялся Аст-Пла. – Наш общий друг, например, считает так же. А он, насколько мне известно, из Размерности, - акеми обратился к Чанго, требуя подтвердить его слова.

- Какого черта мы вообще перешли к заговорам клириков и трагедии в Isistius labialis? – вспылила Анк. – Кажется, разговор был о тонких гранях, существование которых до сих пор не получило официального подтверждения.

- Нейронные сети седьмого поколения тоже пока не получили официального подтверждения, но тем не менее они есть, и успешно развиваются в опустевшем после трагедии комплексе Isistius labialis. Причем курирует проект Всемирная иерархия, - сказал Чанго, решив поддержать друга-акеми.

- С этим не поспоришь, - согласились Фарон и Анк, не понаслышке зная о нейронных сетях и перспективах развития.

В принципе, можно было сказать, что из-за нейронных сетей седьмого поколения они и оказались на шумной и густонаселенной базе «Виадос-12» - неудачный период, когда все скопленные семьей единицы Влияния тратятся на внедрение в основные ядра воспоминаний знаний о нейронном программировании, а спустя пару лет оказывается, что Иерархия сочла существующие образовательные программы устаревшими и объявила о начале набора нейронных инженеров, способных работать в сетях нового образца, что, как заявляли клирики, особенно важно в условиях прогрессирующего роста Великого ледника и необходимости перехода на новые виды энергии, требующие кардинального переосмысления колоссальных затрат на поддержание устаревших сетей Размерности.

Какое-то время инженеры старой школы пытались приспособиться, изучали новые базисы и принципы программирования в нейронных сетях седьмого поколения, но естественным путем, просматривая даже сутками информационные потоки с необходимым материалом, невозможно было тягаться с теми, кому знания внедрялись в основные ядра воспоминаний личности в образовательных центрах, а позволить себе подобною дорогостоящую процедуру могли лишь единицы из ученых старой школы. Так что оставалось смириться и осваивать новые горизонты пытаясь компенсировать устаревшие навыки в одной отрасли разносторонними знаниями,

превращаясь в универсальных мастеров, которым не светит построить карьеру в серьезных организациях, но которые незаменимы небольших конторах, где нет возможности содержать большой штат рабочих, поэтому универсальность приветствуется.

Некоторые нейронные инженеры, получившие образование на стыке реформы, пытались судиться с Институтом всемирной иерархии, принявшим решение о переходе на новые базисы и программы, но результата это не принесло – все суды принадлежали Иерархии, заявлявшей о своей непредвзятости и непогрешимости. Так что вынесенные решения были в лучшем случае крайне прозрачными, гарантируя наличие рабочих мест для пострадавших в результате реформы ученых, но никогда не уточняя, что места эти будут иметь один из самых низких уровней доступа, приравнивая услуги некогда высококвалифицированных специалистов к служебным обязанностям рядового рабочего, занимающегося мелким обслуживанием и черновым ремонтом нейронных сетей.

Впрочем, не случись подобного перехода на новые базисы образования, то Фарон и Анк никогда бы не встретились, образовав союз, и позднее не отправились бы в Квазар, чтобы попытаться запрыгнуть в последний вагон уносящегося в будущее поезда жизни. Не связались бы с жуликоватым агентом, организовавшим их переезд на базу «Виадос-12», и не поселились бы в доме клириков, о котором, как выяснилось, ходило так много слухов, что новы друзья – Чанго и Аст-Пла, - пытаясь нормализовать работу замыкавших протоколов строения, посоветовали новоприбывшим подыскать себе другое жилье.

- Чтобы найти новое жилье, нужно для начала найти работу. Так что придется пока остаться здесь, - сказал Фарон.

- Мало единиц Влияния? – спросил Аст-Пла, тщетно пытаясь подключиться к системным слоям Квазара, на которых находилось сбоившее строение.

- Ну а ты сам, как думаешь? – Фарон пристально наблюдал за работой акеми.

- Очень странные каналы связи, - признался Аст-Пла. – И системный код… - он бросил короткий взгляд на бывшего нейронного инженера. – Ты говорил, что изучал программирование на уровне Подпространства?

- Немного.

- Тогда подключись и посмотри сам. Думаю, все дело в близости тонких граней. На базе вообще протоколы сбоят повсюду. Где-то больше, где-то чуть меньше, а здесь… - Аст-Пла обернулся, наградив Чанго многозначительным взглядом. – Не удивлен, что клирики жили именно здесь.

- Думаешь, Иерархия проводила какой-то эксперимент?

- Скорее что-то изучала, - акеми пытливо уставился на новых хозяев дома. – Не знаю, благодаря какому дьявольскому стечению обстоятельств дом достался вам, но, полагаю, это может оказаться золотой жилой, если выяснить, чем занимались здесь клирики до того, как ушли.

- Или исчезли, - добавил Чанго и смущенно пожал плечами. – Никто ведь не видел, как они покинули дом.

Глава двадцатая

Исследования Аст-Пла продвигались медленно, но, наблюдая за ним, Фарон за пару дней узнал о принципах программирования в системных слоях Квазара больше, чем за несколько месяцев теоретических лекций, которые оплачивал в Размерности. Протоколы защиты, перекомпиляция помещений, прерывания системного кода, обход основных блокировок петли Квазар, перепрограммирование остаточных слепков прошлого, замещение для улучшения связи собственных ядер сознания ядрами, составляющими массив Подпространства – все это ушло намного дальше базовых знаний Фарона. Хотя, вероятно, ничего подобного невозможно было узнать в Размерности – другой уровень восприятия. Нужно находиться непосредственно в Квазаре, чтобы изучить программирование на уровне системных слоев.

Фарон вспомнил, что Аст-Пла мечтал перебраться в Размерность, и решил предупредить его о том, что с адаптацией к новой реальности могут возникнуть трудности.

- Судишь на основании того с какими трудностями столкнулся сам? – спросил напрямую Аст-Пла, дождался согласия. – Не переживай. Я знаю, что жители Размерности не верят в таланты, но акеми доказали ошибочность этих убеждений, используя для доказательства собственных детей, ядра личности которых более пластичны и податливы для изменений, требующихся, чтобы можно было переписывать системный код на самых глубоких массивах Подпространства. Образовательные учреждения размерности используют старую систему замещения свободных ядер сознания обучаемого новыми ядрами, в которые посредством систем корректировки были занесены необходимые информационные массивы… Поэтому жители Размерности и не могут освоить науку акеми, хотя собрали за долгие века достаточно большую базу. Главная ошибка – акеми не замещают ядра сознания посредством корректировки, а развиваются естественным путем, имея врожденную предрасположенность к науке. В результате то, на что у акеми уходит год, обычный человек усваивает за десятилетие.

- Думаешь, отправившись в Размерность, сможешь подобным образом освоить науку программирования в нейронных сетях? – спросил Фарон, решив не заострять внимание на своих сомнениях касательно врожденных способностей.

- На кой черт мне нужно будет что-то осваивать, если нам удастся продать клирикам купол? – растерялся Аст-Пла.

- Так ты просто хочешь сбежать из Квазара и жить себе в удовольствие? – не менее растерянно спросил Фарон. – Но это ведь…

- Противоречит наставлениям клириков о том, что каждый человек на протяжении жизни должен приносить пользу? – усмехнулся акеми.

- Если этого не делать, то энергии, которая тратится на борьбу с холодом, не хватит, и Великий ледник проглотит жилые комплексы.

- Если этого не делать, то клирикам придется переходить на альтернативные источники питания и нейронные сети нового поколения – шаг, который напрашивался уже не одну сотню.

- А если ты ошибаешься, и у Всемирной иерархии нет ни средств, ни разработок, способных обновить устаревшие силовые системы Размерности?

- А если есть?

Этот спор длился не один день: то затихал, то разгорался вновь, пока Аст-Пла, сменив тактику изучения странного строения, где поселились Фарон и Анк, не обнаружил затухающий энергетический след, оставшийся в субслоях не только Квазара, но и других резонансов.

- Словно Подпространство насквозь пропиталось этой вспышкой, - сказал Аст-Пла.

- Но что это может быть? – спросил Фарон, кишками оставленного в Размерности тела чувствуя недоброе.

- Какая-то нестабильность, - уклончиво ответил акеми, перенастраивая связь системных уровней с ядрами своего сознания. – Возможно…

- Тонкие грани?

- Начинаешь думать, как житель Квазара.

- Я просто… - Фарон запнулся, впервые задумавшись не о том, как энергетический след смог выйти за пределы резонанса Квазара, но и о том, чем в действительности мог оказаться энергетический выброс. – Как думаешь, что послужило причиной всплеска?

- Причиной? – Аст-Пла заместил несколько отделов личности ядрами связи и соображал с трудом. – Может быть клирики?

- Клирики?

- Никто ведь не знает, чем они занимались.

- То есть ты думаешь, что они не покинули этот дом, а сгорели в резонансах Подпространства?

- Сгорели? – растерялся акеми. – Признаться честно, я думал,

что клирики могли провести неудачный эксперимент, тестируя тонкие грани.

- О, извини… Наверное, я действительно вообразил себя жителем Квазара, - смутился Фарон. – Никакой логики.

- Да нет. Логика есть. Никто не проводил официальных экспериментов синтеза ядер сознания, но существует теория, что распад ядер приведет к выделению большого количества энергии. Конечно, споры об этом продолжаются и сейчас, особенно о том, какого вида энергия будет высвобождена и на какую часть двухуровневого мира будет иметь воздействие, но… Думаю, если представить, что подобный синтез возможен, и что база «Виадос-12» находится в центре одной из самых нестабильных граней, то оставшийся энергетический след можно объяснить распадом ядер личности клириков. Вот только что послужило причиной? – акеми растерянно уставился на Фарона.

- Может быть, тонкая грань и стала причиной? – предположил коренной житель Размерности, смущенный собственной догадкой. – Что если энергетический след остался не из-за того, что распались ядра личности и прожгли временную мембрану, а близость тонкой грани спровоцировала распад ядер, вырвав личности из замкнутого резонанса Квазара в трехмерное время Подпространства? – Фарон заглянул в глаза акеми, в энергетическом образе которых читалось настолько сильное недоумение, что коренный житель Размерности, привыкший к рационализму, готов был сквозь землю провалиться, устыдившись своей безумной теории. – Прости. Дурацкая идея. Сам не знаю, что на меня нашло. Словно в детство впал…

Он уже собирался уйти, когда услышал брань акеми. Ругательства звучали на наречии Квазара, но эмоциональный фон был настолько красноречив, что Фарон, если и не мог понять, то буквально прочувствовал каждую фразу. Связь ядер сознания с системными слоями прервалась, вызвав несколько энергетических замыканий на программном уровне, что привело к яркой разноцветной вспышке внутри дома, напугав соседей.

Впрочем, в последующие дни подобных вспышек будет так много, что местные жители перестанут обращать на них внимание, сплетничая о союзе между акеми и нейронным инженером Размерности, результатом которого становились настолько дикие, по слухам, проекты, что пару ученых и всех, кто был связан с ними, окрестили безумцами. Особенно странным сторонним наблюдателям казалось, что в доме новичков стали довольно часто появляться представители семейства Аст-Пла, словно программирование странного строения стало для них важнее перспективных разработок купола.

На второй неделе непонятного оживления к вспышкам добавятся энергетические всплески, первая волна которых так сильно встряхнет системный слой Квазара вокруг дома Фарона и Анк, что в соседних домах замкнут базовые протоколы, запустив аварийный режим перекомпиляции строений. Две из семи пострадавших энергетических построек так и не смогут восстановиться. Это станет последней каплей, переполнившей чашу терпения соседей, которые, устав пускать сплетни, решили, что новым развлечением станут решительные меры.

Образовав группу во главе с жителями пострадавших от энергетического всплеска домов, соседи встретились с хозяйкой неспокойного дома, потребовав объяснений. Анк, Чанго и родственники Аст-Пла пытались успокоить толпу, но ситуация накалялась, и если бы выплески энергии не привлекли внимание тяжелых на подъем представителей Института всемирной иерархии, то скандал мог бы закончиться микробунтом, особенно после того, как прямо в разгар споров случился еще один энергетический выброс.

Представители Иерархии были служащими крупного независимого агентства «Энеида», офисы которого находились как в жилых комплексах, так и в Квазаре. Агентство существовало более века, заручившись поддержкой и одобрением клириков. Обычно именно представители «Энеида» выступали в качестве буфера в переговорах клириков с крупными дельцами и исследовательскими центрами КвазаРазмерности.

Молчаливые и высокомерные на манер клириков, агенты «Энеида» появились возле дома Фарона и Анк, казалось, прямо из пустоты, хотя, возможно, именно так и было. Несколько особенно крикливых разгневанных соседей молодой пары, приняли агентов за клириков и, поджав губы, опасливо попятились. Представители «Энеида» вклинились в толпу, подобно волнорезу в океанскую плоть.

Внутренняя информационная сеть работала нестабильно и очень медленно, заставляя агентов, пытавшихся получить информацию о собравшихся людях, действовать осознанно неспешно.

«Что это за люди?»

«Род занятий?»

«Перечень прежних нарушений?»

«Принадлежность к одному из двух уровней реальности?»

«Прежнее место работы?»

«Прочие связи и нарушения?»

Ответов не было ни на один из запросов, но вместо этого появилась информация о закрытом для проживания

энергетическом строении, вокруг которого разразился скандал.

- Не понимаю, о чем вы говорите, но проживание в этом доме прописано в нашем контракте, - заявила Анк, когда агенты потребовали от нее покинуть разродившееся очередной вспышкой энергетическое здание.

- Правильно. Вот так бы сразу! – оживилась притихшая толпа, но тут же смолкла, стоило одному из агентов обернуться.

Никто не хотел встречаться с ним взглядом. Точно так же обстояли дела с жившими в странном доме клириками – люди проходили мимо, не поднимая глаз, чувствуя каждым протоколом собранного точкой сборки энергетического образа опасность, исходившую от представителей Всемирной иерархии.

- У вас есть время до конца первой части двухуровневого дня Квазара, чтобы покинуть здание, - обратился к Анк один из агентов, следуя обычной в случаях незаконного заселения процедуре, но едва он произнес свои слова, как медленная внутренняя информационная сеть базы «Виадос-12» разродилась предписанием Иерархии, потребовать выселения немедленно.

- Как бы не так! – встала в позу Анк, стараясь не думать о том, что протокол договора с нечестным на руку агентом может оказаться подделкой.

Информационная сеть выдала агентам всю доступную на Анк информацию, затем долго анализировала и проверяла ее протокол договора на проживание в находившемся под арестом здании, но, кажется, все было оформлено верно – информация о протоколе аренды была внесена в официальный реестр за несколько часов до установленного ареста.

Агенты переглянулись, ожидая ответа от зависшей информационной сети.

- Мой дом – мои правила, - перешла в атаку Анк, решив играть ва-банк.

Она не переживала за дом, который не давал ей спокойной жизни начиная с первого момента, как она увидела это строение с разваливающимися протоколами, но внутри дома застряли Фарон и Аст-Пла. Это случилось после первого замыкания протоколов проклятого дома. Сейчас семейство акеми пыталось разобраться с проблемой, но для этого нужно было время, которого, судя по недовольству соседей и внезапному интересу представителей агентства «Энеида», оставалось критически мало.

Набившиеся в дом акеми анализировали след, оставшийся от сгоревших сознаний клириков. Радовало одно – следов вспышки ядер Аст-Пла и Фарона не было, но их сознания были растянуты в череде резонансов, теряясь далеко вне колебаний петли Квазар. Наиболее странным оставался тот факт, что система продолжала

индексировать их во время ночных перезагрузок, что давало шанс семье Аст-Пла надеяться, что удастся вернуть своего непутевого родственника, а заодно и нейронного инженера. Отец семейства акеми выдвинул теорию, что подобное происходит благодаря тонким граням мембран времени, поврежденным вспышкой ядер сознаний клириков.

- Мой сын и твой мужчина находятся, можно сказать, сразу везде и как-бы нигде, - сказал отец Аст-Пла на третий день исследований расположенного в центре тонкой грани дома.

- Вы сможете их вытащить? – спросила Анк.

- Нам потребуется время и много-много везения.

За этим разговором последовала череда экспериментов, тестов, маленьких удач и болезненных разочарований, когда ошибки заставляли нервно ждать второй части двухуровневого дня Квазара, надеясь, что допущенные просчеты не приведут во время перезагрузке к удалению поврежденных сознаний. Но нет, сложные алгоритмы сознаний системы продолжали считать Фарона и Аст-Пла обычными жителями. Оставалось лишь спровоцировать обратный процесс, что, впрочем, на словах звучало куда проще, чем на деле. Сотканный из энергии дом разваливался на части, протоколы сбоили. Родственники Аст-Пла работали как машины, но иногда от этого становилось только хуже, потому что перегруженные системные слои Квазара начинали сбоить, отказываясь работать с неизученной тонкой гранью. Акеми модифицировали свои разработки купола для базы «Виадос-12», пытаясь превратить его в защитный стержень, который последует за растянутыми сознаниями Аст-Пла и Фарона, оградит их и вернет обратно.

Именно из-за тщетных попыток вписать базисные протоколы купола в системный код Квазара, появились вибрации и энергетические выбросы, вызвавшие недовольство соседей. Особенно много вибраций стало после того, как купол, в качестве защитной оболочки, начали внедрять во временную мембрану. Ошибки в определении центра тонкой грани разрывали дом, где проходил эксперимент, а так же соседские строения.

- Нужно торопиться, - сказала Анк родственникам Аст-Пла после визита агентов «Энеида».

Поэтому в ближайшие сутки количество запланированных экспериментов возросло вдвое. И количество ошибок. Так часто Анк слышала нелестные отзывы в адрес одержимых акеми, но сейчас она не променяла бы семью Аст-Пла и на сотню самых талантливых представителей Размерности. Нужно было рисковать и не бояться принимать решения, которые могут оказаться ошибочными – ничего общего с прагматизмом Размерности,

которая даже в экстренной ситуации предпочитала все тщательно взвесить и проверить.

Именно так в тот момент действовала Всемирная иерархия, получив детальный отчет оставленных на базе «Виадос-12» представителей агентства «Энеида». Прямая связь базы из неиндексированных территорий с Размерностью отсутствовала, поэтому агенты из «Энеида» воспользовались альтернативным передатчиком, разработанным акеми, который использовал промежуточные точки энергетической сцепки, чтобы доставлять преобразованное в образы послание до ТЭС, находившихся недалеко от цивилизованных центров Квазара, где оно уже могло быть декодировано для использования в местных системах связи.

Получив послание, клирики долго обсуждали создавать или нет прецедент установление подобной связи. Главным доводом, чтобы отказаться, было то, что сеть разработали акеми, с которыми Иерархия никогда не была на короткой ноге в силу связи последних с адептами «Мункара и Накира». Прения зашли в тупик, и если бы один из молодых клириков, курирующих проект исследования квазацентристами тонких граней временной мембраны, не напомнил о том, чем именно занимаются ученые на базе «Виадос-12», откуда было отправлено послание, то послание было бы уничтожено.

- И что это меняет? – спросил старый председательствующий клирик. – Какое отношение изучения квазацентристами тонких граней имеет к нашим разногласиям с акеми?

- Напрямую никакого, но… - молодой клирик выдержал паузу, собираясь с духом, затем сбивчиво рассказал о несанкционированном Иерархией параллельном с квазацентристами личном исследовании клириками тонких граней временных мембран.

Он объяснял необходимость допущенного нарушения условиями острой исследовательской конкуренции, а клирики зациклено твердили о строгой необходимости согласования подобных проектов. Молодого клирика звали Легре, и сейчас судьба его в Институте всемирной иерархии висела на волоске. Оправдываться не имело смысла. Нарушения были выявлены и признаны.

- Ваши амбиции свели вас с ума, - заявил председательствующий клирик, готовый вынести решение об отстранении Легре и всех, кто был связан с несанкционированным исследованием на базе «Виадос-12».

- Некого отстранять кроме меня, - сказал Легре, сообщив о смерти остальных участников заговора во время неудачного эксперимента, вызвав небольшой переполох среди собравшихся. –

На кону стоит открытие необходимого для Размерности нового источника практически неограниченной энергии, которую можно будет посредством тонких граней выкачивать напрямую из Подпространства! – заявил молодой клирик. – Моя группа начала исследования одной из первых, сразу после открытия базы «Виадос-12», но независимые конторы не стоят на месте. Мы опередили их на несколько месяцев, не больше. Попытайтесь представить, что будет, если технология альтернативных источников энергии попадет в независимый сектор?

Слова молодого клирика подняли еще больший шум, чем его проступок. Председатель объявил перерыв, по окончании которого было принято единогласное решение поэтапного сворачивания программы поиска тонких граней, возглавляемой квазацентристами, предоставив взамен идеи изучения временной мембраны реальный шанс применить нейронные сети седьмого поколения, большинство тестов которых было завершено, не выявив серьезных отклонений.

Следующим решением клириков стал официальный отказ использовать для связи с базой «Виадос-12» созданный акеми канал передачи данных. Вся ответственность ложилась на молодого клирика по имени Легре. Он уже изучил послание, сообщив клирикам детали в неофициальной обстановке.

- Думаю, следом за нами изучением тонких граней занялись акеми, - сказал Легре, предоставив комиссии полный отчет о деятельности родственников Аст-Пла. – Какую роль в этом играют прибывшая из Размерности пара нейронных инженеров старой школы установить не удалось, но дом, где погибшие клирики проводили эксперимент, находится у них в аренде, поэтому я склонен считать, что информация об исследованиях стала доступна людям извне, в результате чего не исключаю возможность сговора, в том числе и с квазацентристами.

- И что вы предлагаете? – спросил председатель молодого клирика.

- Либо случившееся – случайность, и у нас есть шанс все исправить, либо ситуация выходит из-под контроля и нужны кардинальные меры. Мы можем взять базу под контроль и…

- Вы предлагаете вторгнуться в Квазар? – скривился председатель, затем выдвинул на голосование предложение отправить Легре на базу «Виадос-12», чтобы он лично устранил последствия своего проступка. – Вы возглавите группу представителей агентства «Энеида» и проконтролируете закрытие базы, - огласил решение председатель не принимавшему участия в голосовании молодому клирику.

Легре не спорил, хотя и знал, что как только уладит

последствия, клирики официально отстранят его, придав анафеме. Можно было отказаться, но на базе «Виадос-12» был шанс вывернуться, спастись, а так… Определенного плана у Легре не было. Он лишь надеялся, что решение придет уже на месте. Возможно, удастся заключить договор с квазацентристами или с представителями агентства «Энеида». Договор с акеми Легре рассматривал как предательство личных убеждений. Не входил в его планы и договор с молодой парой нейронных инженеров из Размерности, которые поселились в доме, расположенном в центре тонкой грани. Не входил до тех пор, пока он не узнал, что Аст-Пла и Фарон прошли сквозь тонкую грань временной мембраны и смогли вернуться в отличие от клириков, в память о которых остался лишь энергетический след на слоях временной мембраны.

- Они пережили почти два десятка перезагрузок Квазара, прежде чем мы смогли вытащить их, - сказал отец Аст-Пла, решив сразу искать в молодом клирике союзника.

Легре молчал, видя по глазам старого акеми, что история не заканчивается счастливым спасением. Было и что-то еще, что-то важное, заставлявшее нервничать старого акеми. «Может быть, они раскрыли загадку извлечения энергии из Квазара? – думал Легре. – Но как решить задачу энергетической транзакции? А как быть с преобразователями? И не вызовет ли это коллапс двухуровневого мира? Что если схемы жизнеустройства неспособны на подобное… А как быть с остальными теориями накопления и сброса энергии, необходимой для существования сложного механизма жизни извне?» Молодой клирик продолжал строить догадки, когда старый акеми сказал, что совершенное его группой открытие можно назвать случайным, и что оно не имеет никакого отношения к работе погибших клириков.

- Откуда вы знаете, чем занимались погибшие клирики? – насторожился Легре.

- Ядра их сознания вспыхнули прежде, чем они успели уничтожить протоколы разработок и затереть следы программирования на субслоях Квазара, позволяющих выйти за границы резонанса, зацикленного в петле, - отец Аст-Пла снисходительно улыбнулся.

Легре едва заметно склонил голову, признавая, что объяснения и скрытая меж строчек просьба не задавать в дальнейшем глупых вопросов приняты.

- Я знаю, что Иерархия решила закрыть проект квазацентристов, - сказал старый акеми. – И я знаю, почему здесь оказался именно ты.

«Так вот откуда его честность», - хмуро подумал Легре,

разочарованно гадая, какое предложение попытается сделать ему отец Аст-Пла. Единицы Влияния? Новая личность? Доступ к секретным разработкам акеми?

- Мы хотели замять инцидент, как только смогли вытащить из тоннеля тонких граней сознания моего сына и его нового друга, - отец Аст-Пла улыбнулся и заверил, что если молодому клирику будет интересно, как это удалось горстке акеми, то он готов показать ему протоколы модифицированного купола.

Легре снова едва заметно склонил голову.

- Освободившись, Фарон хотел покинуть Квазар, чтобы не привлекать ненужного внимания… - старый акеми смутился, мельком упомянув какой переполох они устроили в квартале, где находился злополучный ловушка-дом. – Но когда Фарон и его женщина воспользовались терминалом переходов, то оказалась, что вернуться в Размерность может только женщина нейронного инженера, а сам он застрял в Квазаре. В терминале, где хранилась его биологическая оболочка, сказали, что связь тела с извлеченным сознанием прервалась, и система, проведя ряд проверок, сочла, что сознание Фарона покинуло петлю Квазар. Терминал был официальным, поэтому тело отправили на хранение в центр, построенный после трагедии в Isistius labialis в каждом жилом комплексе, чтобы можно было на случай сбоя обеспечить сохранность тел с меньшими энергозатратами, чем это происходит в капсулах терминалов КвазаРазмерности, где материальные оболочки поддерживаются в состоянии активности, предоставляя сознаниям возможность возвращения в любой момент.

Легре молчал, зная, что такие ошибки не происходят в официальных терминалах, и если подобное случилось, значит, на то была веская причина.

- Фарон вернулся к нам, - продолжил старый акеми. – Мы связались с представителем терминала, где находится биологическая оболочка Аст-Пла, узнав, что и у моего сына связь сознания и тела нарушились. По сути, Фарон и Аст-Пла мертвецы. Их тела отключены от терминалов КвазаРазмерности. Сознание не получает необходимую для существования в Квазаре энергию от тела, но классического затухания не происходит. Мы привлекли одного хорошего друга из когорты ученых Энрофы, которые разбираются в извлечении сознания и его последующем возвращении в оставленное в Размерности тело побольше нашего, но и он заверил нас, что с Фароном и Аст-Пла все в порядке. Несколько дней назад мы завершили еще одно исследование, подтвердившее догадку Чанго, еще одного ученого из Размерности, что сознания Аст-Пла и Фарона, утратив связь с

оставленными в материальном мире биологическими оболочками, питавшими ядра их сознаний необходимой для существования энергией, теперь получают необходимую энергию непосредственно из тонких граней временных мембран.

«А сказал, что открытие не имеет к энергии никакого отношения», - хмуро подметил Легре, но тщательно скрыл эти мысли, озвучив лишь желание узнать о том, кто такой Чанго и как ему удалось выдвинуть теорию о связи сознаний с субслоями Подпространства.

- О! – улыбнулся старый акеми. – Его идея была далека от теории. Боюсь, что рассудительные и прагматичные жители Размерности вообще сочли бы это бредом… Видишь ли, Чанго нейропат, и он разрабатывает и тестирует программы для нейропатов. Это как тесты эмпатии, только чуть интереснее, чуть живее… Плюс он активно изучает причины и следствия появления у людей способности к нейропатии. Так он оказался на базе «Виадос-12», а когда нам удалось освободить Аст-Пла и Фарона, решил вернуться с нейронным инженером в Размерность, чтобы поделиться собранными на базе результатами исследований с другими учеными, а также протестировать несколько созданных программ, что принципиально невозможно в Квазаре… В общем, я не очень хорошо разбираюсь во всей этой нейронной паутине и сбоях интегрированных жидких чипов, но Чанго заявляет, что база, используемая для создания программ, была повреждена неизвестным вирусом, в результате чего интерактивные оболочки десятка проектов слились в один во время активации в модуле, созданном для нейропатов Иерархией, выдав дикий калейдоскоп образов, среди которых лишь один был осмысленным и доступным для восприятия – образ маленькой девочки из далекого прошлого по имени Юмико. По словам Чанго именно этот образ и рассказал ему о том, что случилось с телами Аст-Пла и Фарона, а так же заверил, что причин для беспокойства за жизни друзей нет. Чанго говорит, что Юмико явилась не только ему, а всей группе нейропатов, проводивших тестирование. Впрочем, последние ничего не поняли, сочтя девочку очередной ошибкой… - взгляд старого акеми стал пытливым, словно он проверял верит ему клирик или нет. – Это может показаться странным, но Юмико рассказала и о визите отверженного служителя Всемирной иерархии, способного помочь нам продолжить исследования, оставшись на базе, которую Иерархия распорядилась закрыть.

- Откуда ты знаешь, какое решения приняла Иер… - Легре осекся.

Игра старого акеми была странной и непонятной ему. «Но что

если это не игра, - думал он. – Что если это шанс выкрутиться и спасти свою шкуру?»

- Если ты убедишь клириков использовать наш купол, для консервации исследовательской базы «Виадос-12», то мы сможем оставить понятные лишь нам одним дыры на субслоях Подпространства, благодаря котором вернемся на базу, когда уляжется шумиха. Ты сможешь присоединиться к нам. К тому же Фарон и Аст-Пла не могут надолго покидать базу, так как их связь с субслоями ослабевает, и ядра сознания начинают медленно угасать.

- Думаешь, Иерархия когда-нибудь забудет об этом месте?

- Иерархия готова забыть обо всем Квазаре, что тут говорить о какой-то базе? – снисходительно улыбнулся старый акеми, не скрывая, что все еще воспринимает Легре как клирика. – К тому же теория тонких граней временной мембраны – сейчас ахиллесова пята Иерархии, которую они предпочтут оставить теорией, назвав очередной алхимией акеми или апокалиптическим бредом квазацентристов. О базах класса «Виадос» забудут. Поверь мне, пройдет десяток лет, и это место превратится в миф, легенду, в которую будут верить, например, лишь содомиты или кто-то вроде них, вообразив для себя дивный оазис в бескрайних пустынях неиндексированных территорий Квазара.

Книга четвертая

Нейронные сети Размерности провоцируют развитие способностей мальчика-нейропата, выжигающих его чувства. Чтобы оградить сына от этого недуга, отец отправляет его в мир Подпространства, где построена одна из самых популярных игровых площадок затянутого льдами мира.

Мальчик молод для подобных проектов и высокий уровень возрастных ограничений мешает ему получить удовольствие от игры. Но все меняется, когда ему удается выбраться из закрытого города на поля кровопролитных сражений трех великих армий.

Глава первая

Игровая площадка «Фивы». Центральный рынок. Первая половина игрового дня.

- Где же этот проклятый театр?! – ворчал Джаво, изучая доступную карту рынка, запутанный образ которой, как ни крути, не позволял найти обходной путь.

Как-то раз Джаво уже имел глупость попасть на рынок, застряв в окружении приставучих торговцев почти на неделю, пока у него не кончились личные средства на счете игрока. Сейчас повторять свою ошибку он не собирался, но…

- Да что не так с этой картой! – разозлился он, окончательно запутавшись в узких улочках внутреннего города.

Шел первый игровой день после возрождения, и Джаво допускал, что сбои в работе карты связаны с ошибками в протоколах точки сборки его игрока, которые, скорее всего, устранят во время перезагрузки систем, когда начнется вторая фаза игрового дня, позволив игрокам посетить комнату личных достижений (КЛД).

Джаво попытался перенастроить доступную карту, чтобы отыскать таверну, где можно будет дождаться второй половины игрового дня и, попав в КЛД, попытаться восстановить детали своей предыдущей смерти. Джаво хорошо помнил, как спустился с новой знакомой в подземелья, расположенные под камерами пыток, потеряв по дороге кинжал и арбалет, но повысив опыт сражений, победив имитацию палача. Затем была встреча с монстрами, не принесшая дивидендов и достижение установленной стариком Латушем цели – храма тушителей свечей, где новая знакомая по имени Саломея приблизилась к выполнению полученного во дворце Сфинкс задания…

Джаво вспомнил трехэтажную брань новой знакомой на диалекте коренного жителя Размерности, и решил, что в действительности все прошло не так гладко, как он понял вначале. Значит, кроме полученной новой знакомой подсказки, было и что-то еще. Только детали стерлись, и восстановить их можно было в комнате личных достижений, где система позволит заново пережить последние минуты до восстановления – цена услуги немаленькая, но о единицах Влияния на личном счете игрока Джаво беспокоился меньше всего. Больше пугали истории о том, что придется переживать не только последние минуты предыдущей жизни, но и момент смерти. Конечно, возрастные ограничения блокировали большую часть негативных восприятий, но…

Джаво передернул плечами, стараясь не думать о плохом, но воспоминание о смерти вызвало зуд, словно он снова начал гореть, как в последние минуты предыдущей жизни в храме тушителей свечей, когда пытался уничтожить алтарь бога по имени Иакх – великая глупость молодого стражника, которому в оправдание можно было выставить лишь тот факт, что он никогда прежде не имел столкновений с волшебством на таком высоком уровне. Да и не разрешили бы ему родители ничего подобного. Максимум, на что их хватило, когда дополнительные тесты подтвердили у сына склонность к нейропатии – так это, скрипя зубами, приобрести для него ключи стражника во дверце закрытого города игровой площадки, установив самый высокий уровень возрастных ограничений.

Нанятые отцом ведущие специалисты в области исследований нейропатии заверяли, что распад ядер восприятия минимален в Подпространстве, где отсутствует катализатор нейропатии – нейронные сети, но родители Джаво до последнего тянули с покупкой ключей игрока для сына. Будучи коренными жителями Размерности, они всегда косо смотрели на сотканный из энергии мир Квазара, не говоря уже о построенных в Подпространстве игровых площадках. Джаво не сомневался – не встреть он нейропата по имени Рахаб, и не видать ему ключей игрока от площадки «Фивы» как своих ушей.

Впрочем, после встречи с Рахабом и другими нейропатами, убедившими мальчика, что его способности – это не проклятие, а дар природы, нахождение на игровой площадке вызывало куда меньше интереса, чем было бы пару месяцев назад. Да и ключ стражника, далекого от сражений Аида, а так же всевозможные возрастные ограничения, окончательно убивали желание играть. Рахаб рассказывал о разработанной частными умельцами программе для нейропатов, рабочий вариант которой отец Джаво обещал достать для сына. Но поиски затягивались, и, следовательно, затягивалось время пребывания мальчика в игре. Если бы не встреча с Саломеей, то Джаво не стал бы возрождаться после гибели своего игрового персонажа. Хотя он бы и не погиб, если бы не встретился с этой странной женщиной, в которой настырно пытался разглядеть друга…

- Да что происходит с картой?! – потерял терпение Джаво, когда образ карты в третий раз отказался проводить индексирование находившихся поблизости таверн, где можно остановиться на ночь.

Либо виной всему действительно был глобальный сбой систем позиционирования, настырно заставлявших возродившегося игрока пройти сквозь центральный рынок

закрытого города, либо адаптивные протоколы, стимулируя динамичность игры, решили использовать его в развитии новой сюжетной линии. Если судить, что карта принимала запрос только на поиски театра Торсия, куда отправилась Саломея, то можно было прийти к выводу, что сюжетная линия была связана с новой знакомой.

- Что ж, могло быть и хуже, - проворчал Джаво, для верности пытаясь задать прокладку маршрута обратно во дворец Эдипа.

На третьей попытке карта отказалась прокладывать маршрут даже до театра Торсия.

- Ну замечательно! – разозлился Джаво, впервые за проведенное в игре время столкнувшись с подобными недоработками. – Или виной всему адаптивные алгоритмы «Фив»? – осенило молодого стражника, и он начал вглядываться в лица прохожих, пытаясь разглядеть среди множества имитаций настоящего игрока. – Это не сложно, - убеждал себя Джаво, вспоминая, как легко у него получалось распознавать имитаций в замке. – Каждый так может… Каждый…

Он простоял около четверти часа, но так и не сделал выбор. Не то вокруг были одни имитации, не то после возрождения что-то было не так с его точкой сборки, будто кто-то подменил бывшие восприятия новыми, к которым невозможно привыкнуть за пару дней. Джаво попытался вспомнить, было ли нечто подобное, когда он впервые появился в игре.

- Кажется, нет, - признался он вслух, и тут же подумал, что, возможно, подобное происходит после каждого возрождения. – Я ведь не умирал прежде, верно? – Джаво встретился взглядом с прохожим и спешно схватил щуплого незнакомца за руку. – Ты ведь не имитация, да? Я знаю, имитации обычно отводят глаза или смотрят наоборот слишком пристально, - затараторил мальчик, точка сборки которого создавала образ высокого мускулистого стражника. Его руки были сильными как тиски, но щуплый незнакомец выскользнул из стальной хватки без особых усилий и попытался скрыться в толпе. – Точно не имитация! – оживился Джаво, пытаясь не потерять чужака из виду.

Кем он был, учитывая близость центрального рынка? На торговца не похож – очень щуплый и пугливый. Скорее всего, либо ремесленник, либо хлебопашец. Хотя для последнего слишком хорошо ориентируется в городе. Джаво знал одного хлебопашца, который приезжал в город, продавать зерно. Казалось, плутать в лабиринтах узких улочек и теряться на открытых пространствах площадей было заложено в точку сборки этих персонажей. Хлебопашец хвастался покупкой новых мотыги и серпа, строя планы, что в скором времени будет выращивать не

только неприхотливый ячмень и капризную пшеницу, но еще виноград и оливки. Система обработки каменистых земель была сложной и нудной, хотя хлебопашец рассказывал об этом с явным энтузиазмом. Особенно волновал его вопрос неразвитого в игре удобрения земель.

- Не одно поколение игроков обращается через местных богов к адаптивным алгоритмам, прося расширить систему удобрений в условиях двуполья, но разработчики настырно игнорируют вопрос удобрений, увеличивая в сельских районах обилие солнца и количество осадков, благоприятных для выращивания винограда, оливок и овощей, но ведь главным продуктом на рынках остаются зерновые, - жаловался хлебопашец. – Конечно, если бы можно было договориться с тавернами и поставлять им вместо зерна овощи, то дело бы сдвинулось с места, но для этого нужно, чтобы на овощи появился спрос простых пользователей, а игроки предпочитают покупать ячменный или пшеничный хлеб, потому что адаптивные алгоритмы продолжают контролировать низкие цены на этот продукт, а разработчики отказываются понижать коэффициент насыщения до уровня овощей. Конечно, в подобных обстоятельствах ячменная каша и лепешки остаются главным продуктом потребления в тавернах. Но игроков становится все больше и больше. Зерно поставляется в Фивы, и этого пока хватает, чтобы прокормить горожан, но в сельской местности дефицит зерновых давно стал нормой, и угроза голода нависает над поселениями каждый сезон. Хорошо еще с виноградом не возникает проблем, но на одном вине далеко не уедешь. Разработчики выбросили в свободный доступ правила ухода за виноградной лозой и маслиной: какими удобрениями пользоваться, когда подрезать лозу, как выводить новые сорта и защищать от ветра и холода, но лучше бы они сделали это для пшеницы. Конечно, соблюдая постоянно обновляемые правила можно собрать большие урожаи винограда и маслин, но торговцы готовые покупать вина и масла, отказываются приобретать плоды в свежем виде. Поэтому приходится либо строить свои винодельни, либо обращаться в частные. В случае с последними прибыли получаются минимальными, а если строить свою винодельню, то появляется новая проблема – отсутствие средств нейтрализующих при брожении уксусную кислоту, а учитывая, что в свободном доступе нет рецептов приготовления хорошего вина, то процесс становится довольно сложным. Большинство моих соседей добавляют в вино морскую воду, хотя после того, как дороги к береговой линии стали платными, цена доставки морской воды возросла в разы, и многие начинают заменять морскую воду толченым мрамором, гипсом, а когда дела совсем

плохи, то и просто золой. Но это вызывает недовольства владельцев таверн, которым приходится процеживать и очищать подобные вина от примесей, что сильно влияет на цену…

Джаво слушал нового знакомого долго, но понять логику человека, приобретавшего ключ игрока-землепашца молодой стражник не смог. Особенно странным мальчику показалось использование рабов на земельных участках. Дождавшись второй половины игрового дня, когда можно будет попасть в комнату личных достижений, и получить подробный отчет о классе игровых рабов. Вопрос показался Джаво важным, потому что землепашец рассказывал о работорговцах, которые хвастались, что захватывали рабов в морских боях, а игровая площадка закрытого города и окружающих его поселений была не настолько огромной, чтобы иметь расширение в виде морских путешествий. Следовательно, работорговцы были либо хвастунами, не разбирающимися в игре, либо имитациями, действующими согласно созданным разработчиками легендам – скрашивая скучную монотонность дворцового стражника, Джаво развлекал себя тем, что совершенствовал знания и навыки распознавания имитаций и настоящих игроков.

Несколько раз во время разговора с землепашцем Джаво пытался сформулировать достаточно верный запрос касательно работорговцев, надеясь, что системы подгрузят необходимые сведения в точку сборки, но знания оставались на уровне полученной от нового знакомого информации. «Неужели кто-то согласится добровольно купить ключ игрока-раба?» - гадал Джаво, получив ответ лишь во второй половине дня, оказавшись в КЛД.

Десятки собранных за день запросов сформировались в четкий ответ, оградив от необходимости повторного индексирования информационных систем. Созданные в качестве интерфейса общения с адаптивными алгоритмами три богини судьбы предупредили молодого стражника, что интегрированные в игровую точку сборки временные информационные ядра действительны до конца второго уровня игрового дня, и следующий запрос о работорговцах будет платным.

- Мне хватит и сегодняшнего дня, - сказал Джаво, оценивая глубину дополнительно интегрированных воспоминаний. – Ого, а я и не знал, что на территории внутреннего города функционирует морская площадка, - присвистнул Джаво, жалея, что прямо сейчас не может встретиться с оставшимися в Размерности друзьями и похвастать новыми знаниями.

«Если так пойдет и дальше, то скоро в закрытых территориях «Фив» появится еще один город», - думал в тот день мальчик,

предвкушая великие битвы, впрочем, находившаяся в доступе информация о работорговцах охлаждала пыл, заявляя, что доступ к касте закрыт и ее ряды составляют исключительно имитации. Подобным образом обстояли дела и с рабами, только к ужасу Джаво, система допускала захват работорговцами настоящих игроков. Обычно в рабов обращали должников. Система не оглашала имена пострадавших от подобного наказания игроков, но не скрывала цифры рабов-игроков, заставляя молодого стражника сначала растерянно присвистнуть, а затем облегченно выдохнуть, поняв, что чудовищная, по его мнению, цифра, была показателем не сезона, а игрового периода в целом – десятки лет существования закрытого города.

Остальная информация, хранящаяся в дополнительных ядрах воспоминаний, не особенно интересовала Джаво, так как в основном пересказывала игровую легенду, не особенно интересующую реального игрока после того, как он уже выбрал себе персонажа и касту. Джаво собирался сбросить запрос и покинуть КЛД, дожидаясь начала нового игрового дня, но интерфейс общения с адаптивными алгоритмами игровой площадки в виде трех богинь судьбы ненавязчиво предложил изучить невольничьи рынки, расположенные на территории закрытого города, сообщая о связанной с работорговлей возможностью роста персонажа игрока.

«Что еще за рост? – насторожился Джаво, цепляясь за призрачную надежду принять участие в боях или пуститься в динамичное приключении. – Но как связан простой стражник с работорговлей? У меня ведь, куда ни сунься, везде установлены возрастные ограничения?»

Связь с дополнительными ядрами воспоминаний работала быстро и четко, давая ответы, которых прежде не было и снова не будет, когда игрок покинет КЛД. Останется лишь то, на чем сможет сосредоточиться, заместив временные ядра постоянными.

«И что мне предлагают?» – думал молодой стражник, копаясь в интегрированных воспоминаниях, соответствующих его информационному запросу. Прежде он с трудом понимал, что такое рабство – знал, что это плохо, но на этом все. Теперь он понимал, что рабство возникает в результате войн, естественного прироста населения, разбоя, похищения и продажи детей.

- Значит, в городские патрули мне нельзя, потому что не позволяют установленные возрастные ограничения, а в работорговцы – пожалуйста? – гневно уставился на богинь судьбы мальчик.

Вместо ответа в окруженном темнотой пространстве комнаты личных достижений появилась новая цель и детальный перечень

действий, которые необходимо выполнить, чтобы стать работорговцем, оставаясь стражником и не нарушая возрастные ограничения.

- Вы хотите, чтобы я торговал узниками-имитациями? – разочарованно скривился Джаво. – Но ведь это не интересно!

Интерфейс общения с адаптивными алгоритмами, выполненный в виде трех богинь, не отреагировал на вопрос, но над парящим в воздухе напоминанием о возможности стать работорговцем, появился таймер в виде песочных часов, под которыми застыли цифры обратного отсчета, образовав из вытянувшихся деформированных нулей знак бесконечности.

- Придумайте для меня другой квест, - посоветовал мальчик богиням судьбы. Попытался удалить активную задачу, но получил отказ. – Не буду я торговать имитациями! – топнул он ногой и снова безрезультатно попытался удалить задачу.

С тех пор предложение стать работорговцем маячило перед глазами каждый раз, когда наступала вторая половина игрового дня, и Джаво попадал в КЛД. Причем предложение всегда вылезало на первый план, перекрывая другие достижения, которые система считала менее значимыми: знакомство со стариком Латушем, бой с великаном, повышение уровня силы, ловкости, интеллекта. Несколько раз Джаво пытался получить дополнительную информацию касательно узника, называвшего себя стариком Латушем, но система отказывалась индексировать запрос, не позволяя идентифицировать персонажа. Определить, относится Латуш к имитациям или к реальным игрокам, молодой стражник тоже не мог.

- Почему каждый раз, когда я пытаюсь навести о тебе справки в КЛД, мне вместо ответа предлагают выполнить задачу, став работорговцем? – спросил Джаво, придя в камеру к старику Латушу.

- Можешь продать работорговцам меня, - предложил старик Латуш.

- Да кто тебя купит! – рассмеялся Джаво, решив, что это была первая шутка старика за время их знакомства, но тут же осекся, увидев, как Латуш качает головой.

- Откуда ты знаешь, что покупают на невольничьем рынке, а что нет? – спросил старик. – Ты хоть раз был там?

- Нет, но… - Джаво задумался и тут же просиял. – Думаешь, если схожу на невольничий рынок, то задача стать работорговцем исчезнет из комнаты личных достижений?

- Нет, но ты получишь доступ к управлению задачей.

- Точно! – мальчик в теле мускулистого стражника ударил себя ладонью по лбу.

Старик Латуш загремел кандалами и скрылся в темном углу темницы.

«Вот избавлюсь от надоедливого задания в КЛД, и выясню, кто такой старик на самом деле», - самонадеянно решил Джаво, не зная, что застрянет на рынке на несколько дней, потеряв все сбережения, перечисленные отцом на личный счет. Хотя единицы Влияния меньше всего интересовали мальчика. Важнее был факт ущемленного достоинства за то, что позволил обобрать себя до нитки и предательство старика Латуша.

«Почему он не предупредил меня о приставучих торговцах?» - гневно думал Джаво, возвращаясь с рынка. Повсюду сновали имитации торговцев, ремесленников, землепашцев, стражников и простых покупателей. От стоявшего гула, казалось, начинают разрушаться основные протоколы игровой точки сборки. Карта отказывалась прокладывать маршрут к выходу, ссылаясь на неправильное расположение торговцев и сложность маршрута, предлагая выбрать ближайший ориентир и передвигаться поэтапно.

- Как поэтапно?! – вспылил Джаво. – Я ведь не знаю, где именно нахожусь на рынке!

Он попал в участок, отведенный скотоводам, и едва не задохнулся от удушливой вони. Продавцы быков, мулов и ослов мерили потенциального покупателя хищными взглядами, затем получали официальное уведомление о том, что личный счет молодого стражника пуст, и теряли интерес. На окраине участка продавали овечью шерсть, крохотные частицы которой кружили в воздухе, подхваченные гулявшими по безбрежному рынку порывами ветра. Чуть дальше появились торговцы одеждой, клявшиеся, что у них лучшая в мире ткань.

Джаво невольно остановился возле нарядной милетский хламиды. Торговец оживился на мгновение, начал хвастать, что ткань для одежды изготовляется в лучших ткацких мастерских, затем понял, что покупатель беден, и скис. Помрачнел и Джаво, не особенно понимая, зачем ему нужна хламида, но уверенный, что должен купить ее – желание, заложенное адаптивными алгоритмами в точку сборки для развития сюжета и взаимодействия живого персонажа с имитациями.

- Могу поменять хламиду на два твоих клинка, - предложил торговец.

- Может, на что-нибудь другое? – Джаво удивленно отметил, что, несмотря на кучу сделанных покупок и потраченный лимит средств, покидает рынок с пустыми руками. – Что-то не так, - сказал он.

- Всего два клинка, - настырно повторял торговец-имитация

показывая праздничную хламиду, а Джаво уже слышал, далекий звон ударов молотов о наковальни, доносившийся из отдела рынка, отведенный мастерам кузнечного дела.

Ноги сами понесли молодого стражника вперед, где его окружили толпы имитаций торговцев, предлагавших мечи, наконечники копий, шлемы, поножи, украшенные бронзой щиты… Джаво казалось, что сейчас его собранный в Подпространстве игровой образ развалится на части, притянутый к каждому прилавку одновременно – оружейный рынок превратился в настоящий ад для молодого стражника, мечтавшего стать воином.

«Мне конец! – запаниковал Джаво. – Я никогда не смогу уйти отсюда!»

Звон выставленных на продажу клинков сменился бряканьем бронзовой посуды и хвалебными песнями мастеров, предлагавших приобрести изготовленные из металла зеркала и бронзовые скульптуры. И где-то совсем далеко раздались голоса зазывал, надрывавшихся возле ряда таверн, обещая свежий инжир, фиги, капусту, лук, лепешки из пшеничной муки… На какое-то время эти далекие голоса стали ориентиром для молодого стражника, позволив выбраться на окраины рынка.

Выбрав первую попавшуюся на глаза таверну и заказав ужин, расплатившись чудом сохранившимся крохотным перстнем, Джаво перевел дух, надеясь, что к вечеру рыночная суета уляжется. Расположившись у окна, он наблюдал, как на улице появляются факелы. Владелец таверны, у которого молодой стражник делал заказ, оказался настоящим игроком, сразу разглядев в Джаво ребенка, изучив выданный системой перечень запретов на продажу посетителю алкогольной продукции. Какое-то время хозяин таверны наблюдал за гостем. Джаво не замечал этого, нервно наблюдая за суетой за окном, где рынок не то сворачивался, не то готовился к переходу на ночной образ жизни, доставая из-под прилавков запрещенные товары.

- Ты потерялся или просто ждешь кого-то? – спросил хозяин таверны, когда по улицы прогнали толпу непроданных рабов, за которыми Джаво следил, вытаращив глаза. – Не стоит бояться этих доходяг. Они – имитации.

- Я и не боюсь, просто…

- Впервые узнал, что в игре существуют работорговцы?

- Нет, просто… - Джаво обернулся, наградив хозяина таверны внимательным взглядом. – Вы ведь не имитация?

- А ты разве сам не видишь?

- Некоторые имитации притворяются так хорошо, что их не отличить от настоящих игроков.

- Когда проведешь в игре больше года, то научишься различать подделку с полувзгляда. - Хозяин таверны прищурился. – Как давно родители купили тебе ключ игрока? И не пытайся притворяться, что ты взрослый – я вижу тебя насквозь. Твоя игровая точка сборки хоть и создает образ могучего воина, но модель поведения не переделаешь. У меня самого шести годовалый сын. А сколько тебе?

- Не шесть, - покраснел молодой стражник.

- А сколько? Семь? Восемь?

Джаво потупился, не собираясь отвечать. Хозяин таверны хмыкнул.

- Удивлен, что детей вообще пускают на площадку! – он хитро прищурился. – Скажи, а ты вообще попал в «Фивы» легально? Не обижайся, конечно, просто в последние годы в Размерности развелось столько незаконных игровых терминалов, что при наличии достаточного количества единиц Влияния, думаю, даже ребенок сможет попасть на игровую площадку.

- Я оказался здесь легально. Мой отец лично выбирал ключ игрока, проверяя уровни жестокости. Плюс у меня установлен максимальный уровень возрастных ограничений…

- Значит, точно мальчишка! – широко улыбнулся хозяин таверны, не скрывая, что делая первое предположение, не был окончательно уверен, кто перед ним. – Хорошо хоть не очередной мечтатель, сбежавший от родителей!

- Я не от родителей бегу, а от болезни, - помрачнел Джаво.

- Генетическая аномалия? – став серьезным, спросил хозяин таверны и прежде, чем услышал ответ, решил, что снова попал в цель, сокрушенно качнув головой. – Последнее время в репродукционных центрах слишком часто появляются подобные ошибки. Каждая вторая семья имеет в роду детей с генетическими отклонениями. Если так пойдет и дальше…

- Я – нейропат, - тихо сказал Джаво, не надеясь, что хозяин таверны услышит его.

Хозяин услышал. Молчал какое-то время, затем тяжело вздохнул и покачал головой, решив, что мальчишка не врет.

- Я слышал, это не лечится? – спросил он.

- Отец обещал, что наймет лучших ученых, которые смогут справиться с этой способностью, но я… Я уже не хочу терять способность нейропатии. Сначала хотел, готов был руку отдать, лишь бы снова стать как все, а потом встретился с другими нейропатами и понял, что это не проклятие, а дар.

- Как это? – растерялся хозяин таверны.

- Долгая история, - отмахнулся Джаво. – Вы слышали что-нибудь о разработках учеными Энрофы новых терминалов

переходов двухуровневого мира с полным доступом к исходному коду схем жизнеустройства?

Хозяин таверны растерянно качнул головой. Протоколы точка сборки четко передали удивление на лицо игрового образа, сформированного в Подпространстве. Обозначился даже открытый рот.

- Я же говорю – долгая история, - вздохнул Джаво, бросив короткий взгляд за окно, где снова начали собираться торговцы и покупатели.

- Что тебя напугало на рынке? - решил сменить тему разговора хозяин таверны. – Ты так смотришь на улицу, словно…

- Я потратил все средства, что были на личном счете, но понял, что ничего не купил, к тому же… - Джаво тяжело вздохнул. – Я заблудился и не знаю, как выбраться отсюда.

- Почему же ты не попросил никого из местных вывести тебя? Здесь обитают не только мошенники, но и нормальные игроки. Причем последних в разы больше… - хозяин таверны нахмурился, чувствуя отцовскую заботу о молодом игроке. – Не понимаю, на кой черт ты вообще пошел на торговую площадь с такими возрастными ограничениями?

- Старик Латуш посоветовал мне посетить невольничьи рынки, - сказал мальчик. Я встретил его в королевских темницах.

- Так он имитация?

- Нет.

- Не знал, что в темницах держат игроков, если, конечно, это не часть выбранной игровой легенды.

- Старик Латуш не настоящий игрок.

- Не имитация и не игрок? Как это? – тон голоса хозяина таверны стал снисходительным. – Не знал, что подобное бывает.

- Я тоже не знал! – оживился Джаво. – До того как у меня обнаружилась склонность к нейропатии, мы часто обсуждали с друзьями особенности игровых площадок, и никогда я не слышал о таких персонажах, как старик Латуш.

- И кто он, по-твоему?

- Я не знаю. Может, программная ошибка или экспериментальный адаптивный алгоритм, действующий отдельно от основных систем?

- Думаешь, такое возможно в игре?

- Почему нет?

- Попробуй представить, что случится, если таких ошибок, как старик Латуш, станет много.

- Это может быть необходимая переменная, без которой невозможно развитие игры, - пожал плечами Джаво. – Когда, до того как оказаться в игре, я встречался с нейропатами, то они

рассказывали мне, что ошибок, как старик Латуш, много и в Размерности. Ты что-нибудь слышал о сторонней программе для модуля нейропатов, посредством которой с нами общается один из самых древних алгоритмов, существовавший еще в Свободном Токио до наступления эры Великого ледника?

- А ты, я смотрю, весьма образованный для своих лет, - осторожно сказал мужчина, допуская вероятность, что мальчишка разыгрывает его, выдумывая очередную историю – у детей богатое воображение.

- Все мои друзья старше меня, поэтому приходится стараться, чтобы поддерживать дружбу. К тому же… мой отец сотрудничает со многими игровыми площадками, и я могу выпытать у него кучу нюансов и просто слухов, которыми потом можно поделиться с друзьями.

- Так у твоего отца много единиц Влияния?

- Чуть больше, чем у одних и чуть меньше, чем у других, - уклончиво сказал Джаво, окинув нового знакомого недоверчивым взглядом.

- Правильно, не доверяй чужакам, - похвалил хозяин таверны.

Молодой стражник кивнул, решив, что пора уходить.

- Если хочешь, можешь переждать вторую половину дня на постоялом дворе, - предложил новый знакомый. – Я еще не закончил апгрейд таверны, так что в ночлежке многое не доделано, и платы я с тебя не возьму…

- Если я не вернусь к утренней смене, то подвергнусь штрафу, а так как мой личный счет пуст, то, скорее всего, придется в качестве наказания провести несколько дней в тюрьме, а это…

- Не желательно, - закончил за мальчика хозяин таверны.

- Да, - Джаво посмотрел за окно, где под ночным небом оживал подсвеченный факелами городской рынок. – Вот только не знаю, успею ли выбраться из этого проклятого района до начала второй половины игрового дня…

- Хочешь, чтобы я тебе помог? – спросил хозяин таверны.

- Не знаю, разумно ли это… Я, конечно, недолго в игре, но за последние дни меня уже несколько раз обманули, особенно на рынке, так что…

- Насколько я понимаю, тебя обманывали те, кто хотел списать с твоего счета пару лишних единиц Влияния, перечисленных твоим отцом, а сейчас твой счет пуст, так что ни о какой выгоде для меня речи идти не может.

- Ты можешь позариться на мои клинки. Они очень дорогие, позволяя игроку неограниченно совершенствовать навыки владения холодным оружием. В информационной базе «Фив» эти клинки находятся в первой десятке востребованных видов

оружия.

- Я городской торговец, - снисходительно улыбнулся новый друг Джаво. – Мое развитие – это накопление недвижимости, застройки новых территорий, захват старых и рост в иерархии строителей. Так что от твоих клинков мне никакого проку. Разве что отдать телохранителям, которых скоро придется нанимать из-за разногласий с конкурентами. У тебя, случаем, нет никого на примете из королевских стражников, желающих немного подзаработать в свободное время?

- Наверное, нет… Я ведь недавно в игре…

- Но ты бы мог поспрашивать, верно?

- Верно, но… - Джаво прищурился. – Хотите предложить обмен услугами?

- Хочу предложить заключить сделку, - поправил хозяин таверны. – Я выведу тебя с рыночной площади, а ты взамен предложишь дюжине стражников стать временно моими телохранителями.

- А если никто из них не согласится?

- Это уже не твоя проблема. Значит, мое предложение было недостаточно щедрым или стражники были слишком глупы, чтобы увидеть в нем выгоду – неважно.

Джаво помялся несколько секунд и осторожно кивнул. Заключение сделки состоялось. Он не мог до наступления второй половины игрового дня попасть в комнату личных достижений, чтобы увидеть добавленную задачу, но и без КЛД чувствовал, что в игровую точку сборки добавилось к надоедливому напоминанию о возможности стать работорговцем еще одно – предложить двенадцати стражникам стать телохранителями Миджа, причем имя хозяина таверны добавилось автоматически.

- А тебя, значит, зовут Джаво, - протянул новый знакомый молодого стражника. – Это настоящее имя или ник?

- Настоящее.

- А мое – нет. Если честно, за долгое время игры я встречал лишь несколько человек, сохранивших свои настоящие имена: одним имена не позволила сохранить система, другие предпочли находиться на площадке инкогнито. Сам понимаешь, игровые нейронные трансляции в размерности и все такое… Не знаю, какие возрастные ограничения у этих потоков…

- Мой отец не запрещал мне подключаться к нейронным трансляциям с игровых площадок, так что я в курсе многого из того, что здесь происходит, вот только…

- В реальности на игровой площадке все не так, как в нейронном потоке?

- Я хотел сказать, что никогда не планировал приобретать

ключ стражника. Надеялся, что стану воином Ареса, когда позволят возрастные ограничения, а потом тест на нейропатию дал положительный результат и…

- Да… - спешно кивнул Мидж, пытаясь показать мальчику, что все понимает. Активировал крохотные часы, отсчитывающие время до окончания первой половины игрового дня, и сказал, что если они собираются покинуть рыночную площадь до начала второго уровня дня, то надо торопиться.

- А как же ты? – озадачился Джаво, когда они вышли на улицу.

- Обо мне не переживай. Недалеко от королевского дворца находится таверна, с хозяином которой я нахожусь в одной гильдии, так что переночую там.

Толпа приставучих торговцев окружила потенциальных покупателей.

- Старайся держаться ближе ко мне, чтобы система определяла тебя как моего друга, - посоветовал Мидж молодому стражнику, хвастаясь заключенным с гильдией торговцев договором, согласно которому в обмен на небольшие уступки в ценах за обед и постоялый двор может перемещаться по рыночной площади не подвергаясь прессингу со стороны продавцов. – Предводитель гильдии торговцев предлагал полное освобождение от прессинга на рынке, но наша группа решила отказаться, не зная реальную численность местной гильдии без имитаций. Их ведь может быть больше сотни. Тогда сеть таверн нашей группы разорится.

Они миновали участок рынка, главное действо которого было скрыто от посторонних глаз разбитыми шатрами, откуда доносились звонкие женские голоса и медитативные мотивы струнных инструментов.

- Один мой друг застрял в этих шатрах на несколько дней, прогуляв немалое состояние, скопленное на личном счете, - сказал Мидж. – Хотя тебе, наверное, нет смысла опасаться подобного паучьего логова – возрастные ограничения не позволят тебе войти в шатер… Впрочем, здесь всегда вертятся представители гильдии воров, которые сразу заметят, что протоколы не действуют на тебя, и поймут, что дело в возрастных ограничениях. Начинающий игрок – легкая добыча для вора со стажем, особенно если он принадлежит к гильдии, не чурающейся убийством.

- Ну, хорошего сражения я не боюсь! – самонадеянно заявил Джаво.

- Не будет никакого сражения. К тебе просто подкрадутся со спины, перережут горло, и пока твоя точка будет разваливаться,

спишут имеющиеся на твоем личном счете единицы Влияния.

- Думаешь, я позволю подкрасться к себе со спины? – молодой стражник обнажил кинжалы, заставив пару имитаций-стражников, следящих за порядком на торговой площади, настороженно шагнуть вперед, готовясь предотвратить сражение. – Хотя вряд ли стража даст мне сразиться с ворами, - сокрушенно вздохнул Джаво.

- Стража есть не везде, - уклончиво сказал Мидж. – Воры знают свободные от наблюдения участки. Плюс у них в арсенале есть набор смазанных ядом дротиков, которые лишат тебя сил и сделают невидимым для имитаций стражи.

- А ты, я смотрю, хорошо разбираешься в гильдии воров для владельца небольшой таверны, - подметил молодой стражник.

- Если не будешь держать конкурентов в страхе, то не успеешь опомниться, как потеряешь таверну.

Они миновали часть торговой площади с разбитыми шатрами, оказавшись в окружении торговцев краденым. Никакими дополнительными протоколами, чтобы привлечь покупателя, здесь не пользовались, но Джаво, проходя мимо диковинных товаров, которые легальным путем невозможно купить – только заслужить, выполняя задания и разгадывая квесты, пообещал себе, что обязательно вернется сюда, как только отец пополнит его личный счет.

- Не верь всему, что видишь, - дал совет новый знакомый, догадавшись, о чем думает мальчишка. – Многие продающиеся здесь артефакты – подделка, а большинство других не имеют практической ценности для начинающих игроков. Если ты найдешь среди общего хлама что-то действительно ценное, то маловероятно, что сможешь применить это, улучшив свои навыки или вооружение – артефакт не действует, пока его хозяин не достигнет определенного уровня, или заложен на взаимодействие с игроками определенной гильдии. Лично у меня есть пара таких безделушек. Образовав гильдию, мы тут же создали свои амулеты, позволяющие получать доступ к знаниям каждого участника группы. Подобное очень удобно во время совершения сделок, плюс исключает возможность появления жуликов внутри гильдии.

- По-моему, строить торговую империю очень скучно, - признался Джаво, и точка сборки передала созданному в подпространстве образу притворный зевок.

- Предлагаешь взрослым мужикам приобретать ключи воинов Ареса и сражаться на площадках Аида? – снисходительно улыбнулся Мидж.

- Я бы именно так и поступил! – оживился мальчик в теле

мускулистого, закаленного в боях стражника. – А быть хозяином таверны – это… трусость!

- Но я помогаю тебе выбраться с торговой площади, а не ты мне.

- Это все из-за моих возрастных ограничений! Без них я бы сам стал твоим телохранителем, и помог разобраться с конкурентами.

- На твоем месте я бы не стал сыпать подобными обещаниями в месте, где полным-полно имитаций. Адаптивные алгоритмы, отвечающие за игровой процесс, настроены на динамичное развитие сюжета, реагируя на пожелания игрока. Подобное не работает, когда ты находишься в окружении реальных игроков, но внутренний город игровой площадки «Фивы» не самое популярное место. Если верить статистике, то здесь соотношение реальных игроков с имитациями примерно один к сотне, а в некоторых участках – один к тысяче.

- На рынках точно один к тысяче! – согласился молодой стражник, спешно пытаясь решить, жаждет ли в действительности сейчас схватки с бандитами. – Думаешь, адаптивные алгоритмы действительно могут менять обстоятельства в соответствии с пожеланиями игроков? Я думал, за подобное здесь отвечают такие имитации, как Ндора и Люций, к которым может обратиться игрок, оставив просьбу или пожелание.

- Это если ты просишь помочь тебе в противостоянии с другими игроками. В случае с имитациями все намного проще.

- Значит, теперь на нас могут напасть в любой момент?

- Пока мы находимся на территории рынка, где действуют договора с гильдией, в которую я вхожу, нам ничего не грозит.

- А как же твои опасения, что на тебя могут напасть конкуренты?

- Причем тут твои желания и мои противостояния с другими гильдиями? – хозяин таверны нахмурился, переводя уровень внимания на максимум. Если верить системам наблюдения, за которые у гильдии регулярно списывалось немало единиц Влияния, то игроков противоборствующих групп поблизости не было, но…

Атака имитаций была настолько стремительной, что если бы не молодой стражник, то Мидж неизбежно расстался бы с головой. Накаляя атмосферу момента, адаптивные алгоритмы замедлили протоколы восприятия. Хозяин таверны видел, как Джаво обнажил пару коротких клинков, сверкнувших в наступающих сумерках, отразив пламя одного из факелов на стенах домов узкой улочки, где произошло сражение. Одним кинжалом молодой стражник блокировал рубящий удар первого

нападавшего, спасая Миджа от неприятной процедуры возрождения, вторым вспорол тому живот. Крутанулся на месте, стараясь держаться возле владельца таверны, и отразил еще одну атаку, пытаясь подсчитать количество нападавших.

До того как приобрести ключи игрока, Джаво долго изучал особенности прокачки персонажей, и когда оказался на игровой площадке, то первое, во что вложил доступные балы – снижение обострения чувств в экстренных ситуациях. Можно было улучшить скорость реакции, силу, точность ударов, владение кинжалами, но когда настанет время, запаниковать, мгновенно растеряв навыки, потому что протокол паники заложен в игровую точку сборки. Поэтому нужно в первую очередь оплатить возможность избавиться от подобного протокола даже на первых уровнях игры. Совет был актуален для воинов и бесполезен для торговцев и прочих связанных с переговорами персонажей, которым в первую очередь требовалась изворотливость ума и умение видеть в соперниках блеф – сведения, которые Джаво старался выбросить из головы за ненадобностью сразу, как только узнавал о чем-то подобном.

«Никогда-никогда я не стану торговцем, - думал он, отражая новую атаку имитаций. – Лучше сразу прийти к отцу и сказать, что хочу помогать ему – и то интересней будет».

Брошенный нападавшими нож попал в плечо. Возрастные ограничения блокировали семьдесят процентов боли, но Джаво все равно не сдержался и вскрикнул. Немота растеклась по груди, заполнила левую руку, повисшую плетью. Выпавший из ладони кинжал упал к ногам. Звон при падении эхом разнесся по улице, где вдруг не осталось никого, кроме нападавших и предполагаемых жертв.

- Какого уровня эти имитации? – закричал Джаво, неловко отбиваясь от очередной атаки одной рукой. – Даже я не могу кинуть нож так, чтобы попасть в стражника начального уровня. А у меня уже давно не начальный уровень. Все, что можно было купить на этом этапе за единицы Влияния, я купил, для доступа к остальному нужно выполнить пару необходимых задач или пройти квест.

Молодой стражник избежал колющего удара в грудь, подставив под удар ставшую бесполезной левую руку. На этот раз боли было меньше, хотя, возможно, он просто был готов к этому. Нож нападавшего застрял в предплечье Джаво, позволив мальчику нанести ответный удар. Кинжал пробил имитации подбородок и вышел между двух теменных костей, неестественно ярко сверкнув острием. Возрастные ограничения не позволили Джаво увидеть брызнувший фонтан крови, зато хозяин таверны,

которого он защищал, не только увидел, но и попал под кровавый душ.

- Ух! Ты это видел? – оживился молодой стражник, радуясь удачному удару. – Уверен, после такого меня точно переведут на следующий уровень, позволив купить новую амуницию, а может, и прокачать навыки без дополнительных квестов!

Воодушевленный успехом, Джаво бросился в атаку. Убитая им имитация превратилась в прах раньше, чем упала на вымощенную камнем дорогу. Остальные имитации попятились, отразили несколько смелых выпадов молодого стражника и бросились бежать, растворившись в темноте. Царившую во время сражения тишину разбавили далекие звуки рыночной площади.

- Нужно торопиться, - сказал Мидж своему спасителю, напоминая, что скоро начнется вторая половина игрового дня.

- Это было мое первое серьезное сражение! – гордо вздернул нос Джаво.

Средств на личном счете для лечения полученной раны не было, поэтому помощь предложил хозяин таверны.

- Я ведь теперь, получается, твой должник, - сказал он неловко.

- Вот еще! – отмахнулся молодой стражник.

- Думаю, это уже не тебе решать и не мне. Если нападавшие принадлежали к враждующей с моей группой гильдии хозяев таверн, то адаптивные алгоритмы автоматом превратят меня в твоего должника.

- А на тебя прежде нападали имитации?

- Нет.

- Значит, система во всем обвинит меня – и дело с концом, - Джаво нахмурился. – А почему бы тебе самому не нанять пару имитаций, чтобы они охраняли тебя?

- А если адаптивные алгоритмы решат напасть на кого-нибудь, используя нанятые мной имитации? Представляешь, каким штрафам я подвергнусь? В общем, наша гильдия вообще предпочитает не иметь дело с имитациями.

- А ваши конкуренты?

- Услуги имитаций дешевле, чем услуги настоящих игроков, так что те, кто хотят сэкономить, часто обращаются к ним.

- Тогда тебе точно нужны телохранители, - сказал Джаво, заверив, что обязательно выполнит свою часть договора и поговорит с другими стражниками.

После тщетных попыток покинуть рыночную площадь встреча с хозяином таверны и бой с имитациями стали глотком свежего воздуха для мальчика. Ему не терпелось добраться в замок и попасть в комнату личных достижений, чтобы проверить прогресс

развития. Воображение рисовало подъем сразу на несколько уровней, что позволит, как только отец пополнит личный счет, купить новое оружие и доступные без прохождения дополнительных квестов способности. «Иначе и быть не может, - думал Джаво, считая состоявшийся на темной улице поединок почти эпическим. – Мой удар противнику в подбородок, когда клинок пробил череп – точно нечто особенное».

Попрощавшись с хозяином таверны, молодой стражник со всех ног кинулся в свою комнату. Рана на плече почти затянулась, но несколько знакомых игроков все равно спросили, что случилось, узнали, что ранение было получено вне стен дворца, и потеряли интерес. «Выходят ли они когда-нибудь в город? - подумал Джаво, признавая, что игровая площадь дворца огромна и здесь вполне хватит тайн и загадок, чтобы застрять не на один месяц. – Но разве людям не хочется увидеть что-то новое? Если, конечно, они люди…»

Молодой стражник закрылся в своей комнате и решил, что ему нужно присмотреться к знакомым в замке. «Что если кто-то из них имитация? – Джаво замер, потому что протоколы восприятия четко обозначили чувство тревоги. – Хотя у меня здесь все равно нет друзей. Вот если бы кто-то из Размерности начал играть…» Мальчик тяжело вздохнул, понимая, что оставшиеся в окруженном льдами жилом комплексе Isistius labialis друзья никогда не выберут созданную в Подпространстве игрушку, отдав предпочтение материальному проекту «Голод» или его аналогам. Эфемерные «Фивы» выбирают коренные жители Квазара, либо паршивые овцы материального мира. «Например, нейропаты», - хмуро подметил Джаво, имея в виду самого себя.

Протоколы восприятия снизили активность чувства тревоги, обострив ощущение времени – процесс, прописанный в точку сборки каждого игрока, сигнализировавший о скором начале второй половины двухуровневого дня. Посторонние восприятия и образы отступили, оставив кристально чистое сознание игрока, позволяя подготовиться к переходу из игрового мира в комнату личных достижений. Кровать, на которой Джаво просыпался каждое утро, как начал играть, стояла у окна, но он знал, что даже если не станет ложиться, встретив начало второй половины игрового дня на ногах, то потом, покинув КЛД, очнется все равно в кровати.

Джаво подошел к открытому окну и долго смотрел, как засыпает игровой мир закрытого города. Алое солнце догорало на горизонте. По небу неспешно плыли темные тучи, предупреждая игроков, что завтра возможен дождь – радость для землепашцев в

засушливый сезон и тоска для горожан, привыкших к праздности… Все это было иллюзией, возможностью для игроков вкусить прелести канувшей давно в небытие жизни, когда солнце дарило тепло, а небо не скрывали купола гигантских жилых комплексов.

Один из друзей Джаво как-то раз признался, что не верит в истории о солнце и чистом небе, считая это происками клириков Всемирной иерархии, обещавших из века в век, что когда-нибудь Великий ледник отступит, и человечество сможет вернуться на материки. Джаво, изучивший не одну реконструкцию хронографов о прошлом, всегда пытался спорить с другом, но тот был старше и без раздумий пускал в ход кулаки, если чувствовал, что проигрывает спор. Остальных друзей скорее забавлял сам факт спора, чем поиски истины. В конце концов, устав от побоев, Джаво готов был сдаться, когда упрямый друг неожиданно увлекся идеями инертов, согласился, что до наступления Великого ледника люди жили под открытым небом, и времена эти когда-нибудь вернутся, но прежде нужно идти по пути несопротивления, что означает отказ от борьбы с Великим ледником и уход под землю, где возле ядра еще сохранилось тепло.

- Когда-нибудь я сбегу в общину к инертам, - говорил друг, считая это главным предстоящим приключением в своей жизни.

- И будешь копать землю, пытаясь добраться до ядра земли? – злорадствовал Джаво, помятую о былых издевательствах.

Друг краснел и рассказывал о перепрограммированных синергиках, склад с которыми нашли инерты в начале становления своей религии, научив прокладывать тоннели в исполинских опорах старых жилых комплексов, углубляясь в морское дно.

Сейчас, наблюдая, как в игровом мире, созданном в Подпространстве, заходит солнце, Джаво вспоминал друга и вспоминал забытые человечеством космические программы, о которых ему рассказывал отец. Записи тех разговоров остались в базах данных Размерности, но, не имея доступа к нейронным сетям, имевшим место быть в материальном мире, Джаво мог только вспомнить, что именно говорил отец. Большинство деталей стерлись, не перейдя на уровень постоянных ядер памяти из временных, но история о мощном ракетоносителе, погребенном под глыбами льда, была яркой, словно Джаво посмотрел детальную реконструкцию жизни планеты тех лет.

Проект возглавляли ученые севера, планируя использовать в качестве двигателя запрещенные миром установки, способные в случае неудачи вновь поставить планету на грань вымирания.

Тихоокеанские побережья, где развивались зачатки нейронных сетей Размерности, интегрируя человека в природу, выступили против полета. На их стороне были океанские жилые комплексы. Жители Пиренейского полуострова и влиятельные колонии в районе бассейна реки Янцзы придерживались нейтралитета. Если бы не природный катаклизм, в результате которого Великий ледник сковал планету, то люди, скорее всего, развязали новую мировую войну – на этот раз, очевидно, последнюю.

Лучше всего Джаво запомнил историю о том, что на орбите Земли (или на заброшенной Лунной базе – детали стерлись, хотя суть казалась не особенно важной) находится готовый для дальнего перелета гигантский корабль, тайно созданный учеными Севера, секретным альянсом проповедников Новой Мекки с Пиренейского полуострова, лидерами колоний в районе бассейна реки Янцзы и некоторыми радикальными предпринимателями старых жилых комплексов. Джаво не нужно было использовать нейронные реконструкции, чтобы воображение нарисовало гигантский космический корабль, способный вместить тысячи жителей-авантюристов, готовых отправиться к далеким звездам, надеясь найти новый дом.

Вот представить себе людей, готовых покинуть цветущую планету, где светит солнце, а воздух очищают вместо машин обыкновенные деревья, было уже сложнее. Что может прельстить в далеких ярких звездах холодного космоса? Когда Джаво только услышал эту историю, то ему даже начали сниться кошмары, как он парит один в абсолютной пустоте.

Чтобы успокоить сына, отцу пришлось показать ему ряд реконструкций, рассказывающих о периоде, когда человечество в третий раз пыталось покорить космос.

Сначала люди преодолели земное притяжение и вышли на орбиту Земли, решив, что покорят космос, но развязали Третью мировую войну, свернув космические программы, затем построили на руинах рухнувших цивилизаций новый мир. Планета оживала медленно и закрытые военные базы, принявшие под защиту уцелевших, трещали по швам от перенаселения. Несколько веков ученые бились над технологией ускоренного возрождения материков, но под итог решили, что будет проще оживить космические программы, создав колонии сначала на Луне, а затем на Марсе, куда, после грамотной пропаганды, потянулись тысячи смельчаков, готовых рискнуть ради призрачного шанса лучшей жизни.

Подобные переселения маленький Джаво понимал достаточно хорошо, не понаслышке зная, что такое жизнь в закрытом жилом комплексе, а если учесть, что в те времена не

было нейронных сетей, способных оградить человека от необходимости приема и переработки пищи для получения жизненной энергии, то… Не нужно было даже ничего представлять – достаточно посмотреть на нейронные трансляции с игровой площадки «Голод» во время бунтов, когда нечистоты затопляют целые ярусы, следуя историческим фактам о постоянных поломках систем канализации и переработки, расположенных на нижних уровнях жилых комплексов, прозванных в далеком прошлом адом.

Что касается понимания третьей попытки покорения космоса, когда планета исцелилась, переселенцы вернулись на Землю с Луны и Марса, а люди снова заселили покрытые лесами материки, у Джаво и сейчас возникали проблемы. Несмотря на все старания отца, мальчик так и не смог понять политических хитросплетении, когда лидеры тех лет превратили освоение космоса в механизм контроля и манипулирования народными массами. Отец заверял Джаво, что в действительности не существует никаких гигантских кораблей на орбите Земли, и никто никогда всерьез не рассматривал возможность межзвездных путешествий.

- Вероятно, - говорил он, - учеными Севера не был даже изобретен новый тип двигателей, а сделанные заявления были фикцией, чтобы завуалировать собственный спад науки. Подобные обстоятельства могли побудить присоединиться к розыгрышу и представителей Новой Мекки, вера которых зашла в тупик, перестав получать подпитку в виде сбережений последователей, присоединившихся к учению лжепророков. Подобным образом пытались привлечь к себе внимание и крупные разработчики жилых комплексов, желавшие заявить о своих открытиях в сфере клеточных автоматов. Правящая элита завернула ряд проектов, сочтя исследования невыгодными, посоветовав ученым направить усилия на поиски альтернативных источников питания. Так что первый скандальный запуск ракеты с экспериментальным двигателем, состоявшийся за полтора века до подготовки пассажирского корабля, мог стать просто хорошей рекламой, особенно учитывая, что Север заявил, будто первый корабль успешно достиг ряда далеких планет, и клеточные автоматы начали строительство гигантских инопланетных баз по аналогу модифицированных жилых комплексов. Некоторые ученые робко намекали, что на одной из планет пройдет подготовка к поэтапному терраформированию климатических условий, чтобы сделать их пригодными для человека. Но все это было лишь обходным маневром, чтобы заявить миру тех лет, что океанские жилые комплексы потребляют слишком много энергии,

давно устарели и требуют кардинальных перестроений, если не ликвидации. Все это было частью политической игры той эпохи. Сейчас снова появляются некоторые авантюристы, пытающиеся найти спонсоров, чтобы организовать экспедицию к созданной тысячи лет назад гигантской ракете с целью изучения алгоритмов и принципов двигателей, способных сжимать пространство. Они заявляют, что утерянные технологии могут многое дать современному миру КвазаРазмерности, но все это в основном очередная фикция и попытка заработать. Единственным реальным в эпохе третьего этапа покорения космоса были только экспериментальные клеточные автоматы, прототипы которых сейчас Иерархия использует для создания промежуточных баз вне жилых комплексов, где сможет остановиться первая экспедиция к центру Великого ледника…

«По-моему политика это еще скучнее, чем торговля», - подумал Джаво, вспоминая далекий разговор с отцом, состоявшийся задолго до того, как он узнал о своей предрасположенности к нейропатии и встретился с другими подобными себе людьми, рассказавшими о новых терминалах Энрофы, взаимодействующими напрямую с системным кодом схем жизнеустройства, попав под запрет клириков Института всемирной иерархии.

Нейропаты по имени Рахаб и Турелла помогли Джаво сбежать от хранителей, когда он, будучи не в силах контролировать способности нейропата, стал причиной гибели двух людей. Рахаб и Турелла просили мальчика поговорить с отцом касательно финансирования тайных разработок новых терминалов Энрофы, способных вывести перемещения в двухуровневой реальности на новую ступень развития, а что сделал он, как отблагодарил их?

- Сбежал в игру, - тихо сказал Джаво за мгновение до того, как началась вторая половина игрового дня, отправив его в комнату личных достижений, чтобы система могла произвести перезагрузку и сброс незначительных ошибок, коих за игровой день накапливается великое множество.

Три богини судьбы встретили молодого стражника. В списке друзей появился хозяин таверны по имени Мидж, а также в отделе квестов рядом с бессрочным предложением стать работорговцем пульсировало синим облако с необходимым исполнением ответной услуги Миджу – предложить стражникам работу в качестве телохранителей хозяина таверны, который помог Джаво выбраться с рыночной площади.

- Если не считать потерянных единиц Влияния, то поход на рынок можно отнести в плюсы, - решил Джаво, нетерпеливо изучая списки достижений, бонусных очков и графиков

возможного развития, причем бонусные очки за победу над напавшими на Миджа имитациями продолжали поступать. – Очень не дурно! – ворковал Джаво, изучая оружие доступное его новому уровню мастерства, возросшему на двадцать три процента.

Обида на старика Латуша, отправившего его на рыночную площадь, отходила на второй план, уступая место благодарности. Даже удивительно, что за победу над имитациями удалось получить такой прирост мастерства. «Словно среди них находился игрок, уровень навыков которого был значительно выше, чем у меня», размышлял Джаво, когда пустая стена списка врагов неожиданно пополнилась владельцем таверны по имени Влазис. Враг гильдии Миджа занес молодого стражника, вмешавшегося в ход поединка, в список личных врагов, обещая расправиться с Джаво в течение текущего игрового месяца, устроив из этого настоящий тотализатор.

- Никому это не интересно, - скривился Джаво, убеждая себя, что опасности нет, но счетчик сделавших ставку в предложенном споре неожиданно пополз вверх. И ставки были не в пользу молодого стражника.

Влазис как-то смог достать информацию о Джаво, и теперь каждый, желающий заработать, мог получить контракт на убийство стражника королевского дворца. В общественный доступ выложили не только время проведенное стражником на площадке, но и уровень его мастерства и силы. Правда информация не учитывала последний прирост показателей благодаря стычке с имитациями.

- Что ж, пусть приходят, - оптимистично сказал Джаво, однако от того, чтобы официально принять вызов, ответив встречными ставками, обещая убить Влазиса, воздержался.

«Наемники не знают, что у меня возрос уровень мастерства и силы и станут для меня легкой добычей, - думал молодой стражник. – Если, конечно, цена за мое убийство не вырастит настолько, что этим заинтересуются профессионалы».

Пытаясь отвлечься, Джаво вернулся к задаче стать работорговцем, к которой получил доступ, выполнив первое требование – посещение невольничьего рынка. К удивлению молодого стражника, за визит на рынок он тоже получил неплохие бонусы, так что желание удалить надоедливую задачу поубавилось. «Если столько очков я получил за первое задание, то что будет дальше?» - подумал Джаво, решив, что пока в КЛД есть свободное место, то и удалять надоедливую задачу не обязательно.

Вернувшись к счетчику ставок, запущенному Влазисом, он не

без удовольствия отметил, что первоначальный всплеск роста ставок закончился. Джаво довольно хмыкнул, занял место рядом с одной из молчаливых богинь по имени Клото и ухватился за выходившую из ее прялки нить, чтобы закончить вторую половину игрового дня, пробудившись утром в своей комнате игрового мира «Фив».

Глава вторая

Новые протоколы, прописанные в точку сборки, нарушали восприятия, напоминая о необходимости поговорить со стражниками, предлагая им стать телохранителя Миджа. Так же в точку сборки была заложена тревога, вызванная тем, что конкурент Миджа, Влазис, внес молодого стражника в свой список персональных врагов.

- Пришел бы сам, да сразился со мной, - ворчал Джаво, когда новые протоколы заставляли бояться собственной тени.

«Интересно, какого уровня нужно достичь, чтобы иметь возможность вычеркнуть протоколы паники или хотя бы откупиться от них?» - гадал Джаво, бездумно обходя знакомых стражников, которые не были имитациями, чтобы выполнить полученное задание. «А кто сказал, что Мидж велел мне опросить обязательно людей?» – оживился Джаво, и начал цепляться к имитациям стражников, которые порой проявляли настолько живой интерес, что мальчик начинал сомневаться – а не реальные ли перед ним игроки, но затем вспоминал, с какими кислыми минами рассматривали его предложения настоящие игроки, и понимал, что перед ним очередные имитации. На шестом обращении к имитации, интегрированный в точку сборки протокол взаимодействия с адаптивными алгоритмами, проинформировал игрока о наложенном штрафе за жульничество, и, так как личный счет молодого стражника был пуст, система изменила штраф на три дополнительных дня обязательного дежурства на смотровых вышках.

- Так не честно! – разозлился Джаво, уверенный, что отец уже перечислил на опустевший счет необходимое для развития в игре количество единиц Влияния, просто адаптивные алгоритмы приняли решение усложнить жизнь пытавшемуся жульничать игроку.

Новое сообщение нарушило на мгновение связь сознания с игровым миром, отправив молодого стражника в королевские подземелья для несения караула.

- Совсем озверели?! – затопал ногами Джаво, но протоколы передвижения уже несли его образ по каменным лестницам вниз, к камерам пыток, где обострялись все чувства.

Под ногами бегали грызуны, по стенам струились ручейки воды. Пахло испражнениями, гниющей пищей, сырой соломой, на которой спали пленники, иногда горящей плотью из камер пыток, иногда благоухающими духами, когда навестить заключенных приходили имитации женщин. Последние были созданы

настолько чистыми и невинными, что совершенно не вписывались в обстановку гниения и распада, что начинали сбоить восприятия, подмывая реальных игроков нарушить правила и помочь женщинам, освободив их пленных родственников, прикрыв ценой своей жизни дороги к бегству.

Джаво ненавидел тюремные уровни. Не выведай он вначале игры о старике Латуше в одной из темниц, то ноги бы его здесь не было, а так…

- Это все из-за тебя! – сказал он, подходя к темнице, где находился седовласый старец. – Ты посоветовал мне отправиться на площадь, где я потерял все свои сбережения.

- Разве ты не приобрел ничего взамен? – спросил из глубины темницы старик Латуш.

- Приобрел, но… - Джаво помялся и рассказал о новых врагах, а так же штрафных дежурствах на смотровых башнях.

- Ничего не происходит в Новых Фивах просто так.

- И система все еще не перечислила мне на личный счет единицы Влияния, хотя я уверен, что отец сделал перевод, потому что он ежедневно просматривает мой игровой лог.

- Адаптивные алгоритмы не плетут интриг, мальчишка! – вспылил неожиданно старик Латуш, размахивая тощими руками. – Прежде чем обвинять систему, проверь все ли нормально с собственными протоколами.

- А чего проверять-то? – опешил Джаво. – Влияние на счете либо есть, либо нет.

- Либо кто-то продолжает списывать все, что поступает на твой счет. На рынках много подобных хитрецов: немного подправят базовые ядра точки сборки здесь, немного перепишут протоколы там – и все, как не пополняй лицевой счет, Влияния там все равно не будет. Процедура, конечно, не простая, но ты ведь у нас богатый игрок.

- Так ты знал, что произойдет со мной на торговой площади? – опешил Джаво, не ожидая подобного предательства от безобидного старика, который был не то вышедшей из-под контроля поумневшей имитацией, не то прокаченным до предела поглупевшим магом-игроком. – Ты предал меня!

- Не предал, а направил, скрыв детали. Скажи я тебе, что произойдет на невольничьем рынке, ты бы согласился пойти?

- Так нападение имитаций тоже твоих рук дело? – Джаво готов был взорваться, если старик Латуш даст положительный ответ, но тот лишь покачал седовласой головой.

- Имитации – это на девяносто процентов твоя заслуга, на восемь – адаптивных алгоритмов, стремящихся разнообразить игровой процесс, и только на два – моя. Конечно, я сильно

округляю, но…

- К черту твои проценты! – закричал Джаво, проверив сделанные отцом переводы. За последние четыре часа родители перевели сыну на личный счет небольшое состояние и не собирались останавливаться. – Отец, наверное, места себе не находит, думает, что я в беде! – молодой стражник вцепился в прутья решетки камеры старика. – Говори, как все исправить!

- Боюсь, избавиться от подобной напасти сложнее, чем от наложенного на игрока проклятья или заколдованного украшения, высасывающего из носящего его жизненные силы – все это элементы игры, у которых есть набор определенных правил и ограничений. Так, например, чтобы избавиться от проклятья, нужно обратиться к другому магу, а чтобы определить какое украшение лишает тебя сил, достаточно просто вспомнить после какого приобретения у тебя начали списываться силы. Вот только с заколдованными украшениями обычно бывает трудность в том, что они очень ценные и помогают в развитии способностей, поэтому некоторые игроки предпочитают мириться, приспосабливаясь и получая выгоду, - старик Латуш говорил, как обыкновенная имитация, подчиняющаяся игровым легендам, заставляя Джаво сокрушенно вздыхать.

Конечно, базисы игровых легенд были заложены в протоколы ТС каждого игрока, заставляя придерживаться игрового сюжета, но никто не заставлял относиться к происходящему, как к единственно возможной реальности. Разработчики просто стремились создать необходимую атмосферу, подчеркивая в то же время сотнями других деталей, что это просто игра.

- Что касается твоей напасти с личным счетом, то здесь все намного серьезней. Это уже не игровая ситуация, - сказал неожиданно старик Латуш, как обыкновенный игрок со стажем, способный игнорировать многие протоколы интегрированной в точку сборки легенды. – Кто-то смог обойти систему и защитные алгоритмы. За все время существования игровой площадки «Фивы» я знал лишь троих, способных на подобное.

- Плевать я хотел на тех, кто способен на подобное. Скажи лучше, как мне теперь избавиться от этого? – попытался разозлиться Джаво, но то ли воспитание не позволяло грубить старикам, то ли подобное поведение с Латушем было заложено в протоколы игровой точки сборки, а может… - Ты ведь не причастен к тому, что кто-то ворует единицы Влияния с моего личного счета? – осторожно спросил Джаво, увидел, как седовласый старец покачал головой, и облегченно выдохнул. – А как избавиться от этой напасти, ты знаешь?

Латуш кивнул, и Джаво снова облегченно выдохнул.

- Бедой твоей в Новых Фивах кузнецы занимаются, - заскрипел старик.

- Кузнецы? – недоверчиво прищурился молодой стражник.

- А ты думаешь, разработчики создали клан мошенников, не имеющих ничего общего с игровыми процессами, и официально предоставляют ключи доступа всем желающим украсть деньги с личного счета игроков?

- Нет, конечно, просто… Я видел кузнецов во дворце… Кажется, они ничего не умеют, кроме как махать молотом.

- Испугался? – добродушно улыбнулся старик Латуш. – Дети всегда боятся того, что не могут понять.

- Откуда ты знаешь, что я ребенок? – насторожился Джаво, снова начав задумываться о сговоре с целью ограбить его отца.

- Твоя точка сборки буквально искрится молодостью, - сказал старик.

- Никогда не слышал ничего подобного.

- А о связи сознания с телом слышал?

- Когда мы пользуемся терминалом перехода, позволяющим нам покидать материальный мир, попадая в Подпространство, то связь извлеченного сознания продолжает сохраняться, питаясь от оставленного в Размерности тела необходимой для существования энергией.

- И что происходит, когда человек стареет?

- Энергии от биологической оболочки поступает все меньше и меньше. В результате сознание угасает. И не важно, находится оно в материальном мире или в мире энергии – угасание неизбежно, и никто еще не придумал, как разорвать эту связь, позволив сознанию существовать после смерти изношенного тела.

- И ты, конечно, знаешь, что чем моложе биологическая оболочка человека, тем больше энергии она способна выработать, передав сознанию?

- А кто не знает?!

- Но ты не веришь, что я могу определить по связи с оставленным в Размерности телом твой возраст?

- Я не верю, что ты можешь видеть эту связь.

- Вот как? – помрачнел старик Латуш.

- Связь человека и сознания – это загадка современной науки. Отец говорит, что это самая удивительная тайна мира, где не осталось чудес. Это теория, в решении которой не удалось приблизиться к феномену, понять базисные процессы, а ты говоришь, что способен видеть эту связь. Ни один человек не способен на подобное.

- А кто сказал, что я человек? – спросил старик Латуш.

- Так ты имитация? – растерялся Джаво, задумался на

мгновение и затряс головой. – Тогда ты тем более не можешь видеть связь сознания и биологической оболочки человека.

- Почему ты решил, что я имитация?

- Но если ты не человек…

Джаво замолчал, вспоминая встречу с другими нейропатами и безумную поездку по пневмотоннелям общественного транспорта, после того как он сбежал от хранителей, став причиной гибели двух человек. Нейропаты по имени Рахаб и Турелла показали ему разработки нового терминала переходов двухуровневой реальности КвазаРазмерности, которым смогут пользоваться как обычные люди, непосредственно для более простых переходов, нежели сейчас, так и нейропаты, но на более глубоком уровне, проникая в системный код схем жизнеустройства, становясь чем-то новым.

- Ты как Юмико? – спросил Джаво, вглядываясь в голубые глаза седовласого старца.

- Юмико?

- Таким было имя девочки, жившей тысячи лет назад. Ее отец был врачом в тюрьме класса «Тиктоника», и когда она умирала, попытался извлечь сознание дочери, переселив в тело неподдающейся коррекции женщине, сознание которой все равно подлежало перезаписи. Это было во времена до того, как открыли Подпространство, без которого невозможно извлечение сознания, поэтому люди могли делать только копии личностей, дублируя ядра воспоминаний. Во время подобной процедуры воспоминания одного человека замещали ядра личности другого. У заключенных копировали их собственные воспоминания, корректировали и возвращали в тело. В результате этой процедуры настоящее сознание оказывалось запертым в собственном теле, лишаясь контроля над моторными функциями. Нечто подобное произошло и с женщиной, в тело которой доктор перенес копию сознания своей дочери. Сознание оригинала было вытеснено копией воспоминаний, превратившись в слабый фон, дополнительный комплект ядер личности, способный общаться с новой личностью в своем теле посредством сложных протоколов, которые стали понятны Юмико только после того, как она встретилась с тек-инженером по имени Ючи, установившим ей ряд дополнительных нейронных модулей, пользующихся в то время особенным спросом: модули сбора и последующей обработки информации, доступ к которой имело как копированное сознание Юмико, так и вытесненное сознание бывшей хозяйки тела. Протоколы взаимодействия были сложными и до сих пор малоизучены по причине отсутствия практических исследований, но если верить истории, то Юмико

могла предсказывать будущее, собирая информацию и анализируя всевозможные варианты, сводя миллионы случайностей к ограниченному числу возможностей развития. Тек-инженер не остановился на достигнутом и создал целую сеть подобных Юмико предсказателей, которые должны были предотвратить Третью мировую войну, но в результате пришли к выводу, что человечеству необходимо пережить эту трагедию, чтобы избежать войн в будущем, когда технологии и оружие станут более губительными для планеты. Позднее, когда уже началась война, тек-инженер провел ряд экспериментов, пытаясь обратить процесс замещения, разделив копированные сознания, чтобы освободить подлинных хозяев тел. Эксперимент удался лишь наполовину – Ючи смог извлечь из тел сознания оригиналов и копий, но вместо того, чтобы разделить их, перенеся лишние ядра в биоэлектронный мозг синергика, система произвела слияние, превратив извлеченные сознания оригиналов и копий в единый сплав. Открытие Подпространства приписывается беглому ученому Севера тех лет, но есть мнение, что эксперименты с Подпространством, без которого невозможно извлечение сознаний, первым провел тек-инженер Ючи. Некоторые хронографы пытались изучить сохранившиеся в мире энергии слепки картины прошлого того периода, но о тек-инженере Ючи уцелели лишь косвенные упоминания, поэтому отыскать его след официально так и не удалось. Он канул в небытие, оставив после себя наследие в виде затерявшегося в примитивных нейронных сетях периода Третьей мировой войны сплава извлеченных из биологических тел сознаний, совмещенных с искусственными ядрами копий, созданных в коррекционных «Тюрьмах». Искусственные ядра могли извлекать необходимую для существования энергию непосредственно из нейронных сетей, поэтому новая форма сознания не угасла. Нейронные сети стали для нее домом. Позднее, осознав себя, творение Ючи решило дать себе имя Юмико – так звали первую из тех, кто принял участие в экспериментах тек-инженера Ючи. Сохранился и ее образ. На протяжении тысяч лет Юмико была одна, борясь с алгоритмами защиты нейронных сетей, считавших ее иногда вирусом, иногда помехой или сбоем, которые нужно удалить. И чем сложнее становились нейронные сети, тем труднее было избегать удаления. И все это в абсолютном одиночестве, пока не появились нейронные сети седьмого поколения и нейропаты, способные не только существовать на уровне программного кода схем жизнеустройства, но и воспринимать разбросанные в сети ядра сознания Юмико, понимая ее на субуровне восприятия.

- И ты думаешь, что тоже понимаешь меня на субуровне восприятия? – спросил старик Латуш.

- Как-то так, - пожал плечами Джаво.

- Потому что ты нейропат?

- Да.

- Почему тогда меня видят другие игроки, не нейропаты?

- Не знаю, - молодой стражник нахмурился.

- И разве Подпространство – не лекарство от последствий нейропатии в виде выжигания чувств?

- Все так, но… - Джаво подался вперед, заглянув старику в голубые глаза. – Но если ты не набор извлеченных ядер сознания, тогда кто?

- Я – старик Латуш, - широко улыбнулся старец. – Для тебя – старик Латуш.

- Значит, другие видят тебя иначе?

- Только если я считаю, что это нужно.

- А с имитациями это тоже работает?

- Зачем мне вступать в контакт с имитациями? – опешил Латуш.

- А зачем вступать в контакт с игроками? – прищурился Джаво.

- Игроки непредсказуемы. Они могут либо возненавидеть тебя, либо возблагодарить, а имитации… - старик Латуш безнадежно махнул рукой. – С имитациями скучно.

- Зачем тогда играешь?

- Кто играет? Я играю? – выпучил старик голубые глаза. – Вот ты – играешь, а я… - он энергично затряс головой. – Для меня все едино – игра, реальность…

Джаво вздрогнул, получив информацию о новом пополнении личного счета и новом списании.

- Они снова это сделали! – прервал он старика.

- Они? – не понял Латуш.

- Игроки, которые подменили на рынке протоколы моей точки сборки. Они снова списали перечисленные отцом единицы Влияния с моего личного счета.

- Ах, игроки… - старик Латуш разочарованно вздохнул. – Так ты готов отправиться к кузнецу, чтобы избавиться от этого?

- Конечно, готов!

- Тогда отправляйся к Кренейским воротам. Возле уходящей под стену реки Дирка найдешь кузницу местного умельца по имени Зотикос. Обратишься к нему, рассказав все, как есть. Он игрок со стажем и давно перестал обирать новичков. Скорее, наоборот – ненавидит, когда кто-то так поступает.

- Сомневаюсь, что человек, который разбирается в

поддельных протоколах точки сборки, настолько благороден, как ты говоришь. Зачем ему осваивать подобные знания, если он не применяет их?

- Разве ты вчера помог хозяину таверны по имени Мидж с умыслом?

- Нет, но там были другие обстоятельства.

- То есть ты не готовился к схватке, не развивал свои навыки и умения игрового образа?

- Развивал, но… Науки о протоколах точки сборки и боевые тренировки – это разные вещи. Сражаться интересно, а заниматься программированием… - Джаво скривился, заставив старика Латуша снисходительно улыбнуться.

- Когда ты дорастешь до лет кузнеца Зотикоса…

- Так он старик?

- Нет, но и не ребенок, которому не место на игровой площадке.

- Принято, - улыбнулся Джаво, в очередной раз отмечая, что каким-бы странным не казался временами старик Латуш, но он явно не имитация – они не ведут разговоров, выходящих за рамки игровой площадки.

Попрощавшись со странным знакомым, Джаво дождался окончания дежурства, переключившись в режим ожидания, активировав пропуск посторонних сюжетных линий. Предстоящий визит к кузнецу Зотикосу стал приоритетным. «Завтра будет свободный день и я отправлюсь к Кренейским воротам, чтобы избавиться от фальшивых протоколов точки сборки», - думал Джаво, возвращаясь в свое жилище, чтобы закончить первую фазу двухуровневого игрового дня.

Он ожидал, что в комнате личных достижений появится новая, полученная от старика Латуша задача встретиться с кузнецом, но в КЛД красовались лишь старые задания, да продолжал неспешно расти счетчик устроенного Влазисом тотализатора, где люди спорили сколько дней потребуется наемникам, чтобы уничтожить врага гильдии владельцев таверн. О том, что молодой стражник сможет оказать сопротивление, речи не шло.

- А Мидж мог бы и вступиться за меня. Все-таки я его спас, а Влазис – его конкурент, - проворчал Джаво, активируя переход к началу следующего игрового дня.

Системы сбросили временные протоколы, оставив сознание игрока в трехмерном времени Подпространства. Переход длился не дольше пары секунд, затем активировались протоколы ожидания, превращавшие оставшиеся часы линейного времени до нового запуска игры в пару мгновений. В первые дни, когда

Джаво только оказался в игре, переходы были ощутимы, вызывая дискомфорт, поэтому он старался проводить в КЛД как можно больше времени. Потом восприятия адаптировались, и переход начал казаться нормой, как тяжелое пробуждение по утрам в Размерности.

Куда сложнее оказалось найти друзей на игровой площадке. Прежде, представляя себя в шкуре одного из персонажей, Джаво никогда не задумывался о том, что рядом с ним не будет друзей из Размерности – они ведь все делают вместе. Нужно лишь немного подрасти, и тогда… Но обстоятельства изменились, и родители отправили Джаво в Подпространство раньше, чем он планировал. К тому же вместо игровых площадок Аида, где ведутся бои, и реками льется кровь, он попал в королевскую стражу.

- Да ни один друг не станет приобретать ключ игрока в Новых Фивах, чтобы присоединиться, - ворчал Джаво, считая место, где вынужден играть, преимущественно площадкой для стариков и девчонок.

Латуш стал первым другом молодого стражника, затем был хозяин таверны по имени Мидж, но все это было не то – ничего общего с настоящими друзьями, оставшимися в Размерности. Если бы не склонность к нейропатии, то Джаво, скорее всего, давно заныл и покинул игровой проект. Но возвращаться было нельзя, поэтому оставалось надеяться, что за первыми друзьями последуют другие – моложе, веселее, беззаботнее.

Отправляясь на встречу с кузнецом по имени Зотикос, Джаво понимал, что в этот день найти нового друга ему определенно не удастся, особенно учитывая, что рассказал о кузнеце старик Латуш.

- Никаких поисков друга, - бубнил Джаво, покидая дворец.

Задачи встретиться с кузнецом не было, следовательно и карта, необходимая для выполнения задания, не была добавлена в игровые протоколы. Приходилось искать Кренейские ворота, спрашивая случайных игроков и привлекая к себе ненужное внимание.

- Что делает королевская стража в этом районе? – слышал Джаво удивленные вопросы, тщетно пытаясь определить, говорят это реальные игроки или имитации.

«И чего мне ждать от таких вопросов?» - вертелось в голове молодого стражника. Район не был опасным – вряд ли на игровой площадке «Фивы» в закрытом городе вообще существуют районы, где чужаку лучше не появляться, но… Блуждая по узким улочкам, Джаво жалел, что нет возможности подраться с ворами. Был ли он уверен в своих силах? Нет. Но вылететь из игры казалось не

самым худшим, что может случиться. Что если отец уже нашел стороннюю программу для нейропатов, о которой рассказывали Рахаб и Турелла? Что если работы над альтернативным терминалом переходов продвинулись дальше, и теперь можно там задержаться? Джаво понимал, что долго не выдержит в новой среде обитания, где сознание растворяется в системном коде схем жизнеустройства, но разве нельзя ко всему привыкнуть?

Он услышал очередной шепот за спиной, резко обернулся и, обнажив клинок, шагнул на группу мужчин, которые тут же бросились наутек.

- Куда же вы! – разозлился Джаво, пытаясь догнать хоть одного из них.

Мужчина был имитацией, и адаптивные алгоритмы явно не собирались позволять молодому стражнику догнать беглеца. Игровые системы, казалось, дразнят Джаво, заводят не то в ловушку, не то…

- Вот это номер! – растерялся Джаво, увидев кузницу на берегу уходившей под городскую стену реки.

Звук журчащей воды ощущался, казалось, на уровне осязания, проникая вибрациями в протоколы точки сборки. И еще гулкие удары молота о наковальню в кузнице – нечастые, но постоянные и размеренные, словно созданные специально для того, чтобы, сливаясь с журчанием воды, создавать замысловатый мотив. Над входом в кузницу была размещена гравюра бога Гефеста, покровителя кузнечного дела – информация была заложена в игровую точку сборки всех игроков, наравне со сведениями о каждом божестве игрового мира.

Джаво неловко помялся возле кузни, затем понял, что встречать его не выйдут, и решился войти. Тяжелая кованая дверь открылась не сразу, как будто специально испытывала решимость гостя войти. Молодой стражник почувствовал, как лицо обдало жаром. Звук ударов молота о стоявшую в центре кузни наковальню усилился. Сам кузнец был черным от копоти. Крупные капли пота катились по лицу и мускулистым покрытым ожогами рукам. Грудь и ноги скрывал кожаный фартук. В дальнем углу находился дышащий жаром горн и меха, приводимые в движение невидимой силой. Вдоль других стен были свалены дивные кованые изделия.

- Ну и что привело тебя ко мне, путник? – пафосно спросил не поворачиваясь кузнец Зотикос, продолжая работу. – Ищешь несокрушимое оружие или украшения для возлюбленной? А может, кубок, который ты поднесешь своему господину? Или колесницу на золотых колесах, способных катиться как живые?

- У меня не совсем игровая ситуация, - смутился Джаво, не в

силах отвести взгляд от оружия.

«Интересно, на сколько уровней возрастут мои навыки, если я приобрету один из таких мечей?» - думал молодой стражник, не замечая, что кузнец прекратил работу и смотрит на него, ожидая продолжения.

- Так что за ситуация? – поторопил Зотикос молодого стражника.

Джаво вздрогнул, извинился и спешно рассказал о том, что с ним произошло на рынке.

- А как ты узнал, что причина в измененных протоколах точки сборки? – спросил кузнец.

- Старик Латуш помог.

- Старик Латуш? – Зотикос недоверчиво нахмурился. – Так это он послал тебя ко мне?

- Он сказал, что ты хороший человек и поможешь мне с моей бедой.

- Гм! А он сказал тебе о плате, которую я беру за подобные услуги?

- Нет, только что ты хороший человек… - Джаво забыл, что совсем не похож на ребенка и машинально пытался давить на жалость.

- Перестань! – отмахнулся от него кузнец. – Ведешь себя, как ребенок!

- А ты думаешь, что я… - молодой стражник заставил себя прикусить язык. – Так ты не умеешь читать ТС, определяя возраст игроков?

- Чего? – опешил кузнец. – Это что, какой-то квест или я устарел, перестав понимать игровой сленг?

- Это… - Джаво решил, что если кузнец знаком с Латушем, но не знает о его способностях, то и рассказывать о них сейчас не стоит. – Я слышал, что разработчики сделали возможным доступ к личной информации игрока, включая настоящее имя, возраст, принадлежность к одному из двух уровней реальности…

- Сплетни! – отмахнулся Зотикос.

- Да. Я тоже так подумал, просто… - Джаво никогда не был хорошим лжецом. – Ты ведь умеешь так много, поэтому… Если кому-то и под силу нечто подобное, то…

- Хватит лести – не люблю этого! – начал терять терпение кузнец, беря в руки увесистый молот. – Ты ведь слышал о силе кузнецов, не так ли?

Джаво осторожно кивнул. Заложенная в точку сборки информация была доступной в полной мере, хотя молодой стражник наслушался жутких историй о кузнецах и без дополнительных протоколов. Новые Фивы были закрытым

городом, где практически отсутствовали внутренние сражения и вооруженные конфликты, так что любой подобный поступок долго обсуждался среди местных игроков, которым вторили имитации, пытаясь изображать из себя человека.

- А правда, что кузнецы победили великанов, когда те выбрались из подземелий? – не удержался от вопроса Джаво. – Я слышал, что монстры могли разбить армию самого Тидея, состоящую из опасных иддалов.

- Ну, не так масштабно, - снисходительно улыбнулся Зотикос. - К тому же Тидей служит при дворце Сфинкс, а это совсем другая игровая площадка, не связанная с нашим закрытым городом.

- Но ведь есть квесты, выполнив которые, можно отыскать тайные двери, ведущие во дворец Сфинкс. Что если великаны смогли бы решить подобную задачу? Как думаешь, Тидей смог бы противостоять им?

- Судя по тому, как горят у тебя глаза, Тидей – твой кумир, - подметил кузнец. – Но тогда я не пойму, почему ты приобрел ключ игрока внутреннего города? Я знаю, что стоимость ключей Аида не дороже ключей игроков Новых Фив, если, конечно, не выбирать легендарных героев и тратить все средства на прокачку персонажа. Когда я был моложе, то, например, играл сначала за простых людей, которые, согласно легенде, появляются на берегу Мертвого озера, после того как покинут мир живых. Твой кумир – Тидей, кстати, по легенде тоже был когда-то человеком.

- Тидей не мой кумир! – гордо вздернул нос Джаво. – Если бы я мог, то выступал на стороне воинов Ареса.

- О! Поклонник анархии и хаоса? А ты знаешь, что воины Ареса рождаются в землях, принадлежащих жрицам любви? Они берут свое начало от пролитой во время ритуалов крови и…

- Я знаю, как рождаются воины Ареса, - прервал кузнеца Джаво, не желая выдавать, что у него самый высокий коэффициент возрастных ограничений, который не позволит даже услышать легенду детей Ареса, не то что приобрести ключ игрока этих персонажей.

- В свое время поэтому я и отказался от ключа воина Ареса, когда устав погибать, появляясь в игре человеком, решил, что пора что-то менять.

- И за кого ты играл?

- За представителей Далеких земель.

- Ты был телебом?!

- Зря удивляешься. Это сейчас Далекие земли – раскрученная игровая площадка, а в годы моей молодости телебы не пользовались особым спросом. Единственным отличием от других площадок было отсутствие имитаций, способных влиять на

игровой процесс. Кромны, которых телебы используют вместо лошадей, и прочая живность не в счет, - добродушно улыбнулся кузнец. – Тогда там было мало игроков, и я мог спокойно совершенствовать навыки кузнеца Далеких земель.

- Тоже хотел сразиться с великанами?! – оживился Джаво.

- Просто хотел заработать.

- Кто покупает ключ игрока, желая заработать?

- А кто устанавливает игроку поддельные протоколы игровой точки сборки, списывая с личного счета все доступные единицы Влияния?

- Так ты был мошенником?

- Так низко я не падал, хотя иногда были мысли… В самом начале. Быстрые деньги и все такое. Сам понимаешь, велик соблазн разработать один алгоритм, внедрить его в какой-нибудь игровой предмет, а затем очистить личные счета десятка игроков прежде, чем адаптивные игровые алгоритмы устранят брешь. Правда в мои годы подобного взлома, о котором рассказал ты, не было. Самым распространенным был перехват официальных платежей за новое оружие или способности.

- А бывают неофициальные?

- Конечно. У каждого кузнеца своя система. Я обычно брал несколько подельников, которые занимались прокачкой своих персонажей, выбирая самые востребованные ключи игроков. Подобный подход был и к развитию способностей, совершенствованию оружия. Дальше оставалось лишь связать протоколы точки сборки моего подельника и обратившегося в кузню новичка, нежелающего развиваться медленно, как другие игроки. Дальше от моих подельников требовалось лишь чаще находиться в игре, связывая новичков с системой, активируя их фиктивные способности. Подобным образом я поступал и с оружием, правда в этом случае приходилось делать копии прокаченных мечей, щитов, амуниции. В Далеких землях игроков было немного, но спросом моя работа пользовалась. Иногда на одном прокаченном подельнике висело до полусотни новичков. Платили хорошо, никто не жаловался. Беда в том, что появление прокаченных нечестным путем новичков породило целую волну игроков, которые желали положить подобной халяве конец. Сначала игроки со стажем объединялись для борьбы с прокаченными новичками, затем решили, что проще уничтожать не дюжины поддельных воинов, пользующихся копиями чужих способностей, а добраться до оригиналов. Так началась охота на подельников мастеров кузнечного дела.

- Поэтому ты перебрался в закрытый город? – спросил Джаво, слушая историю с широко раскрытыми глазами. Точка сборки

идеально передавала игровому образу заинтересованность сознания, извлеченного из оставшегося в Размерности тела. – Боюсь даже представить, каким уровнем разрушений обладает твой молот! – молодой стражник едва сдерживался, чтобы не захлопать в ладоши. – Как думаешь, что будет, если ударить им в городские стены? А твой горн? Как сильно ты можешь его накалить? Ух! А если объединить кузнецов со всех площадок и выставить против армии Тидея или Ареса? Боюсь представить, что будет!

- Думаю, ничего не будет, - устало ответил Зотикос. – Наши сверхспособности работают ограничено. Они активируются получая команду адаптивных алгоритмов, как это было в случае с великанами. Игра ведь создана для развлечений, вот система и лезет из кожи вон, чтобы создать видимость движухи. Плюс, не забывай о совете разработчиков. Они следят за трансляциями и решают, когда выпускать великанов из подземелий, а когда повышать урожаи крестьянам.

- Тебя послушать, так среди великанов нет ни одного игрока.

- Так и есть.

- Да брось! Без реальных игроков ведь неинтересно.

- Все вопросы к разработчикам, - кузнец дружелюбно улыбнулся и прихрамывая пошел к ванне с благовониями, появившейся у противоположной от горна стены.

Только сейчас Джаво заметил насколько слабые и дефективные у кузнеца ноги. Торс игрового образа был мускулистым, крепким, а ноги…

- Нектара выпьешь? – предложил Зотикос новому знакомому.

- Нектар? – молодой стражник не сразу понял, что речь идет о напитке, запрещенном для молодых игроков.

- Нет. Я не голоден и не испытываю жажды, - отчеканил Джаво.

- Судя по тому, как это произносишь, то в игре ты недавно, - подметил Зотикос. – Ничего. Я в первые месяцы вообще забывал о том, что здесь нужно принимать пищу – сложно, понимая, что площадка построена в мире энергии, думать о затерявшемся в прошлом материальном мире… - кузнец смерил молодого стражника внимательным взглядом. – Ты ведь знаешь, что до того, как появились нейронные сети четвертого поколения, люди принимали пищу?

- До того, как попасть в «Фивы» я мечтал играть в «Голоде». Там твое сознание переносят в тело клона, которого нужно кормить, иначе он умрет – и все это по-настоящему, потому что игровая площадка построена в Размерности, в отличие от «Фив», где за все отвечает точка сборки.

- Так ты, значит, коренной житель Размерности? Не понимаю тогда, как ты попал сюда, если мечтал играть в «Голоде»?

- Долгая история.

- Если интересная, то я готов выслушать. И не волнуйся, в моей кузнице отключаются протоколы ТС, заставляющие игрока следовать легенде. Так что можешь рассказать, почему ты оказался здесь.

- Это обязательно?

- Нет, конечно, просто… - кузнец прищурился. – Только не говори, что сбежал от родителей.

- Сбежал от родителей? – Джаво даже не смог от растерянности рассмеяться.

- Ты похож на тех, кто оказался в игре подобным образом.

- А вот и не похож.

- Вот как?

- Я… - Джаво замолчал, не желая говорить о нейропатии, и что по его вине погибли два человека.

Он не знал, принадлежали эти мысли ему, или были прошиты в протоколы игровой точки сборки в обход легенды где-то на уровне восприятий.

- Ну, не хочешь говорить, не надо, - пожал плечами кузнец.

- Обиделся?

- Нет.

Они помолчали, и Джаво неловко напомнил, зачем пришел.

- Без проблем, - пожал плечами Зотикос, явно разочарованный, что не услышал историю жизни молодого стражника.

- И что мне для этого нужно будет сделать? – спросил Джаво, надеясь, что ответная услуга окажется ему по силам. – Может быть, договоримся, что как только ты все исправишь, я переведу тебе с личного счета какое-то количество единиц Влияния? – предложил наудачу молодой стражник, увидел, как Зотикос качнул головой, и начал доказывать, что его отец богач, и сможет заплатить столько, что кузнецу не придется больше работать. – По крайней мере, в ближайший год – точно! Не веришь? Проверь, сколько единиц Влияния списали с моего счета за этот день.

- Дело не в том, верю я тебе или нет. Просто в процедуре извлечения нам нужно сначала определить какой предмет экипировки или украшений выполняет роль связующего звена. Иногда подобных изменений добиваются замещая протоколы яда. Конечно, в Подпространстве нет физических тел, но согласно игровой легенде яд проникает в образ игрока, разрушая связи. Точка сборки теряет стройность. Яды бывают разного действия: от полного распада ТС до частичного поражения восприятий и

моторики. Измененные яды действуют по схожей схеме, только на определенном этапе внедряют в разрушающиеся протоколы точки сборки игрока собственные протоколы, способные взломать коды защиты, добравшись до системных настроек. Технология эта новая и я никогда прежде с ней не работал, но если ты достанешь основные схемы, то, думаю, мы избавим тебя от этой напасти.

- А ты думаешь, что меня именно отравили?

- Ну, если верить, что на рыночной площади тебя обобрали до нитки, то… - кузнец покосился на кинжалы молодого стражника. – Что у тебя осталось кроме кинжалов и доспехов после визита на рыночную площадь?

- Кольцо, но его я отдал хозяину таверны, который проводил меня к дворцу, потому что у него был заключен договор с торговцами и они не трогали его.

- Можно, конечно, проверить твои вещи, но, учитывая, какие суммы списываются с твоего счета, мало вероятно, что игровые системы не вычислили взлом, будь он из разряда простых. Зараженные трояном предметы или подмененная амуниция, как правило, выявляется во время перезагрузки, особенно если системы зафиксируют за игроком несвойственные списания с лицевого счета или необычное расходование жизненных сил, энергии и других специфических способностей. Так что…

- И где я могу достать основные схемы яда? – нетерпеливо спросил Джаво, чувствуя, что придется ввязаться в очередной квест.

- Есть в закрытом городе один лекарь… Она живет недалеко от Онкейских ворот, где находится алтарь Афины. Слышал, что она специализируется на особенных ядах – фишка для игровой площадки сравнительно новая. У меня с ней отношения не ладятся, так что идти придется тебе.

- И что мне сказать?

- Скажи, что хочешь отравить одного из своих противников и забрать его сбережения.

- А чем расплачиваться?

- Ну, единицы Влияния не интересуют Коллисто, так что придется достать для нее что-нибудь из дворца. Ты ведь королевский стражник.

Джаво безрадостно кивнул.

- Что-то не так?

- Надеялся, что удастся уже сегодня избавиться от трояна, а тут дел на несколько дней…

- Переживаешь за деньги отца?

- Не за деньги… Он ведь волнуется, понимаешь… - Джаво смутился, увидев улыбку, отразившуюся на собранном в игровом

мире образе кузнеца. – Что тут смешного? – встал в позу молодой стражник.

- Ты беспокоишься за отца, но не хочешь дождаться второй половины дня, когда попадешь в комнату личных достижений, и выйти из игры?

- Я не могу… Во-первых, я обещал отцу, что так не поступлю, а во-вторых… - молодой стражник уставился на нового знакомого, но продолжать не стал.

- Странный ты, - хмыкнул кузнец, когда понял, что продолжения не будет.

Джаво промолчал.

- Вообще все поколение молодых игроманов какое-то странное, - сказал Зотикос, вместо прощания.

Молодой стражник кивнул и покинул кузню. До конца игрового дня оставалось чуть больше двух часов. «Если поторопиться, то можно успеть получить задание от Коллисто сегодня», - решил Джаво, пересекая мост через реку Дирка. Людей вокруг было много, и оставалось надеяться, что большинство из них – имитации, которым адаптивные алгоритмы прикажут уступить дорогу настоящему игроку. Молодой стражник бросил прощальный взгляд на оставшуюся на другом берегу кузницу Зотикоса, и перешел на бег.

Идущие впереди ремесленники шарахнулись в стороны. Пара имитаций, изображавшие женщин, закудахтали на бесцеремонного наглеца, посмевшего пробежать мимо них, не обернувшись. Тучные торговец, сбитый с ног молодым стражником, послал ему вслед десяток проклятий, не прошедших фильтры возрастных ограничений. «Оказывается и от этого бывает польза», - успел подумать Джаво, прежде чем увидел впереди похоронную процессию, направлявшуюся за городские стены. Хоронили мужчину – Джаво понял это по группе имитаций рабов, плетущейся за главной процессией с оружием усопшего, которое планировалось опустить в землю вместе с гробом.

«Проскачу», - подумал Джаво, врезаясь на бегу в молчаливую процессию, надеясь, что имитации расступятся и сейчас, но адаптивные алгоритмы приняли иное решение.

- Да что же это такое?! – заголосили родственники и друзья усопшего, бросаясь с кулаками на молодого стражника.

Завязалась драка. Джаво надеялся, что среди похоронной процессии не окажется никого, кто решит с рукопашного боя перейти на поножовщину, заставляя обнажать клинки и получать штрафные балы за пролитую в городских стенах кровь, а учитывая, что личный счет пуст и вряд ли пополнится, пока кузнец Зотикос не удалит трояна, то можно угодить под стражу за

не уплату долгов. Но оружие никто не обнажал. Все закончилось диким мордобоем, в который втянулись посторонние имитации, избивавшие друг друга, не особенно вдумываясь в смысл происходящего, давая возможность наглецу, заварившему эту кашу, улизнуть.

Получив минимальные повреждения, Джаво выбрался на соседнюю улицу, добежал, не разбирая дороги, до площади с мраморной статуей богине Аида Сфинкс, сверился с картой, и, надеясь, что сил хватит, устремился к бассейну под названием «Источник Ареса», где собирались воды второй после Дирка реки – Исмен.

«Еще одна заварушка, как та, что была с похоронной процессией и мне точно не успеть», - думал Джаво, пытаясь сократить путь к Онкейским воротам, петляя по небольшим улицам, которые не столько помогали сократить путь, сколько замедляли, заводя в тупики и частные сады игроков, охранявшиеся вооруженными имитациями. Хорошо еще можно было ориентироваться на стены Кадмеи, возвышающейся над нижним городом. Впрочем, однажды засмотревшись на фиванский акрополь, молодой стражник споткнулся и растянулся на пыльной дороге, вызвав громкий смех женщин соседних домов, которые сидели во дворах за ткацкими станками. Дети и служанки изготовляли пряжу, матери изготовляли ткань, а умудренные опытом старухи шили хитоны, гиматии и хламиды.

- Будь вы не имитации, а настоящие игроки – задал бы вам жару! – пригрозил им молодой стражник кулаком, на что женщины рассмеялись еще громче. – Да ну вас! – махнул рукой Джаво, перепрыгнул через ворота ближайшего двора и срезал путь, распугав пасшихся овец и коз.

Выскочив на площадь возле бассейна, куда стекались воды Исмена, молодой стражник долго метался между белоснежных крошечных храмов, украшенных статуями нимф и сатиров, где находились местные врачеватели и жрицы Олимпийских богов, а так же божеств пониже. Джаво насчитал шесть крошечных храмов, посвященных богине Гекате. Уличные торговцы предлагали прохожим купить всевозможные зелья, благовония, научить начертанию магических символов, чтению заговоров, наложению проклятий…

Когда Джаво удалось отыскать целительницу по имени Коллисто, то до конца первой половины игрового дня оставалось менее сорока минут линейного времени. Над входом в крошечный храм Коллисто была вырублена из мрамора процессия демонов с львиными головами. Заложенная в игровую точку сборки информация, тут же сообщила Джаво, что целительница

поклоняется темным силам, являясь членом закрытого для свободного вступления культа богини Гекаты.

- Что интересует тебя путник? – обратилась к вошедшему стражнику высокая женщина средних лет с черными вьющимися волосами и фиолетовыми, люминесцирующими в полумраке глазами. Стандартный набор фраз, жестов и схем поведения выдавал в женщине имитацию, и Джаво разочарованно выдохнул, решив, что кузнец разыграл его. – Расскажи мне о своей беде, - промурлыкала женщина бархатным голосом.

Одежда на ней была воздушной, почти прозрачной, правда возрастные ограничения не позволяли Джаво видеть обнаженного тела – контуры угадывались, но детали скрывала едва заметная дымка.

- Мне нужен… - молодой стражник огляделся. – Мне нужен яд.

- Яд для себя?

- Для врагов, глупая! Зачем мне убивать себя?

- Яд не всегда убивает. В умеренных количествах он может указать дорогу к богам, а затем позволить вернуться из мира мертвых.

- Я похож на мага? – начал злиться Джаво.

- Значит, хочешь просто избавиться от врагов? – промурлыкала женщина, пропуская агрессию мимо ушей.

- Не просто избавиться. Хочу обобрать его до нитки.

- О! – произнесла женщина, но удивления в голосе не было.

- Мне нужен яд, который сможет предоставить мне доступ к личному счету моего врага, - раскрыл карты Джаво.

- О!

- Что «о»? Ты сможешь мне помочь или нет?

- О!

- Да что происходит? – всплеснул руками Джаво, тщетно пытаясь вспомнить какое-нибудь ругательство.

- Думаю, у тебя слишком высокий коэффициент возрастных ограничений, поэтому имитация зависла, - услышал он еще один бархатистый певучий голос за спиной.

Позади стояла женщина, точная копия имитации, с которой мгновение назад разговаривал Джаво, но сомнений в том, что это игрок, не было.

- Ты Коллисто? – догадался молодой стражник. – Я имею в виду… Ты настоящая Коллисто?

- А ты разве не видишь?

- Вижу, конечно, просто… подумал, что меня обманули и шутки ради отправили к имитации.

- Это проверка. У нашего культа много врагов и желающих

отомстить, так что подстраховка не повредит.

- Так и что? Я прошел проверку?

- Ну, ведь я с тобой разговариваю.

- Это значит, что я могу надеяться получить нужный мне яд?

- Все зависит от того, что ты готов предоставить взамен.

- Все, что в моих силах.

- Так сильно хочешь испортить кому-то жизнь?

- В каком-то роде.

- Расскажи мне о нем.

- Зачем?

- Я должна знать, кто станет моим личным врагом, после того как ты получишь созданный мной яд.

- Это… - Джаво запнулся, понимая, что если сейчас соврет недостаточно убедительно, то может уйти отсюда ни с чем. – Есть один хозяин таверны по имени Влазис, - сказал молодой стражник, учитывая вероятность того, что Коллисто может проверить его историю. – Я спас его конкурента, и теперь Влазис объявил на меня охоту, устроив открытый тотализатор, где главный вопрос – когда до меня доберутся наемные убийцы. Я не против хорошей драки, но… Если Влазис хочет, то пусть приходит и сражается лицом к лицу, а так…

- В общем, ты решил ударить со спины в ответ?

- Да.

Джаво попытался выдержать пристальный взгляд фиолетовых люминесцирующих глаз, но смутился, чувствуя, как что-то на уровне протоколов точки сборки заставляет его отвернуться.

- Не люблю я все эти магические штучки, - проворчал молодой стражник, надеясь, что подобное заявление объяснит его смущение.

Несколько долгих секунд Коллисто мерила его взглядом, затем удовлетворенно хмыкнула и начала обсуждение платы за услугу.

- Будь у тебя повыше уровень доступа, то я бы попросила тебя выкрасть из королевских покоев перстень Эдипа, а так… - Коллисто прищурилась, склонила на бок голову. – Скажи мне, желающий отомстить врагу своему, где обычно ты несешь караул? Бываешь ли в подземельях, где держат особо опасных заключенных?

- Иногда.

- А на рудниках, что расположены недалеко от камер пыток?

- Тебя интересует руда высшего качества, добываемая там или что-то другое? Я слышал, что из той руды делают самое лучше оружие для воинов.

- Меня не интересует ни руда, ни оружие, ни воины.

- Зачем же тогда тебе рудники?

- Там есть самые глубокие шахты, через которые можно попасть в чертоги богини Гекаты – ей поклоняется культ, в котором я состою, если ты не знал.

- Даже не думай, что я полезу в те шахты! – поежился Джаво.

- Такой сильный воин испугался темноты? – промурлыкала Коллисто.

- Ничего я не испугался, просто там… - молодой стражник насупился. – Я слышал, что там очень тесно и водятся змеи.

- Удивлена, что кто-то в двухуровневом мире все еще боится змей.

- Мы не в КвазаРазмерности. Здесь другие восприятия, к тому же…

- Считаешь себя слишком крупным, чтобы спускаться в крошечные шахты и штреки?

- Типа того.

- Может быть, тогда ты и для того, чтобы использовать яд, сочтешь себя слишком крупным?

- Придумай для меня другое задание.

- Только Геката и способность укрощать змей. Это не сложно, нужно встретиться с богиней и получить от нее способность. Когда принесешь мне этот дар, то получишь яд, чтобы уничтожить своего врага.

- И как глубоко мне придется спуститься?

- У меня есть карта.

- Почему бы тогда тебе не отправить в шахты одну из менее главных жриц твоего культа?

- Потому что для целителей и магов способность укрощения змей – ценный дар, получить который мечтают многие. Не думаю, что кто-то сохранит верность, если добудет эту способность.

- Почему ты не думаешь, что я поступлю так же?

- Ты – стражник. Тебе от способности укрощения змей никакого проку.

Джаво не ответил, но про себя решил, что логика в подобном заявлении есть, и не стоит продолжать торг – он либо соглашается, либо нет. Да и нет времени на споры – первая половина игрового дня заканчивается и нужно успеть вернуться на территорию дворца, чтобы не получить штраф, потому что в храме целительницы ему явно не разрешат остаться, а чтобы воспользоваться услугами ближайшей таверны нет средств на личном счете. Так что остается только принять задание, получить дополнительную карту и бежать со всех ног во дворец. О деталях можно будет подумать в комнате личных достижений, где появится новая задача и вся доступная по ней информация.

Глава третья

Рудники королевских подземелий. Джаво и не знал, что попасть в шахты, не заплатив стражникам-имитациям, окажется настолько проблематично. Развивай он немного способность к маскировке, то можно было попробовать прокрасться к нужной шахте, прячась за громадными валунами, усеявшими территории рудников, или притвориться одним из многочисленных рабов-имитаций. Они спускались в шахты, перетаскивали громадные куски извлеченной руды, занимались дроблением и промывкой полезных ископаемых.

- Эй, ты чего здесь слоняешься? – спросил один из стражников, охранявших добытую руду и истощенных рабов, на спины которых то и дело опускался кнут, когда они пытались отлынивать от работы.

- Чего слоняюсь? – Джаво посмотрел на стражника, надеясь, что это будет настоящий игрок, а не имитация.

- Да он, наверное, хочет украсть руду и заказать у какого-нибудь кузнеца достойный клинок, взамен своим ущербным кинжалам, - подал голос второй стражник-имитация.

- Мои кинжалы не ущербные! – обиделся Джаво, понимая, что не должен участвовать в подобных спорах, но не в силах противиться заложенным в игровую точку сборки понятиям чести королевского стражника.

- И что же такого особенного в твоих кинжалах? – подтянулся третий участник спора – высокий как скала воин без доспехов, в льняном хитоне. Единственным украшением воина были две золотые пряжки, державшие просторную одежду. Впрочем, одну пряжку воин расстегнул для свободы действий, не скрывая, что готовится к бою.

- Я не ищу неприятностей, - примирительно сказал Джаво.

- Тогда зачем ты пришел сюда? – спросил его воин в хитоне.

- Просто хотел посмотреть, как добывают руду.

- Не ври, никому не интересно смотреть, как добывают руду.

- Ну, может, еще спуститься в шахты, если удастся.

- Мы же говорим, хотел украсть руду и выковать себе новый клинок! – оживились два других стражника.

- Да не нужна мне руда!

- Что тогда? Хотел помочь сбежать рабам? Среди них есть твои друзья? Ты знаешь, какое наказание тебя ждет за планирование диверсии?

Протоколы восприятия обострились, реагируя на обнаженное стражниками оружие.

- Эй, я не хочу драться, мне просто нужно попасть в шахты, чтобы выполнить задание, - попытался объяснить Джаво.

- Проваливай отсюда!

Холодная сталь уперлась молодому стражнику в грудь, заставляя попятиться.

- Либо сражайся, либо проваливай! – поторопили его воины.

- Да я бы с радостью, вот только… - Джаво понимал, что если сейчас затеет драку, то либо погибнет, либо попадет в темницу. – Я не ищу неприятностей, - сказал Джаво, надеясь, что стандартная фраза подействует лучше объяснений.

Имитации переглянулись и решили не продолжать ссору, позволив молодому стражнику уйти. «И как мне теперь попасть в шахты?» - думал Джаво, покидая рудники. Его встретили узкие коридоры, темницы, призрачные крики жертв в камерах пыток. Джаво не знал, какую пользу ему принесет встреча со стариком Латушем, но других идей у него не было. Старик втянул его в эту историю, так что и помогать ему, хотя, если Латуш не имитация, то можно не надеяться на подобную взаимосвязь. Игровые системы сбалансированы, но не игроки. С игроками вечно все наперекосяк. «Впрочем, вряд ли старик Латуш – обычный игрок», - тяжело вздохнул Джаво, подходя к темнице, где содержался ставший другом странный персонаж.

- Ну что, решил свои проблемы? – проскрипел старик Латуш, стараясь держаться в тени темницы.

- Отчасти… - молодой стражник хмуро рассказал о визите к кузнецу Зотикосу и полученном задании от целительницы по имени Коллисто.

- Так твои проблемы почти закончились! – просиял Латуш.

- Если бы, - зубы молодого стражника скрипнули. – Я не смог попасть в шахты.

- Вот уж не думал, что это проблема.

- У меня нет средств на личном счете, чтобы дать взятку имитациям стражников!

- Так обмани их.

- Я воин, а не мудрец.

- Ты игрок, а не имитация, - старик Латуш понизил голос. – К тому же на рудниках много тайных троп и лазов, которые создали, согласно легенде, беглые рабы. Да и простые игроки за долгое существование игровой площадки, уже не раз попадали за провинности на рудники и создали собственные секретные лазы. Ты слышал историю о группе игроков, сделавших себе состояние на торговле отборной рудой. Организатором был торговец оружия. Он приобрел кузницу, сеть магазинов, заслал на рудники группу своих подельников, которые в тайне поставляли торговцу

лучшую руду Новых Фив, пока отбывали наказание за долги.

- И ты знаешь, где находятся тайные тропы?

- Игроманы пользовались заброшенными тоннелями в южном секторе подземелий.

- Разве оттуда однажды не выбрались великаны, которых едва удалось победить? – спросил Джаво, получая интегрированную в игровую точку сборки информацию.

- О, не переживай. Великанов там давно нет, - сказал старик Латуш. – Может быть, остались их цепные псы, но если двигаться быстро и не создавать лишнего шума, то они не заметит такого кроху, как ты.

- Я не кроха! – обиделся Джаво.

- А я не старик, - дружелюбно улыбнулся Латуш, дождался, когда молодой стражник перестанет дуться, и завел разговор о запутанном маршруте сквозь тоннели южного сектора к королевским рудникам.

- Боюсь, я не смогу запомнить столько деталей, - признался Джаво, сокрушаясь, что разработчики «Фив» не создали возможность передачи информации налету, а не посредством установки новых протоколов в игровую точку сборки.

- Мы можем поступить проще. Выпусти меня из темницы, и я покажу тебе дорогу, - предложил старик Латуш.

- Выпустить? – растерялся Джаво, совершенно забыв в последние дни, что Латуш – узник. – Я думал… темница не может сдержать тебя.

- Верно. Темница, в которой я нахожусь, создана не для меня, а для таких как ты. Сейчас, например, моя темница сдерживает тебя от того, чтобы попасть в шахты.

- Так ты хочешь, чтобы я помог тебе бежать?

- Я хочу, чтобы ты помог себе пробраться в шахты, а мой побег… Не волнуйся, меня держат в темнице не решетки, так что твоя помощь мне будет всего лишь условностью.

- Но ты сбежишь!

- Я помогу тебе и вернусь назад.

- Почему я должен тебе верить?

- А почему я должен помогать тебе?

Старик и молодой стражник смерили друг друга пытливыми взглядами.

- Ладно, что я должен делать? – сдался Джаво, изучая замок на кованой двери в темницу. – Где мне достать ключ?

- Думаю, он есть у палача.

- Ты хочешь, чтобы я сразился с палачом за твою свободу?

- Сомневаюсь, что тебе по силам одолеть палача, давай лучше ты просто выкрадешь у него ключ.

- А почему ты думаешь, что я не смогу его одолеть в честной схватке? – начал ежиться Джаво. – Он ведь всего лишь имитация. Уверен, пара хитрых приемов – и толстяк сдуется.

- А ты отправишься в темницу за нарушение правил.

- Тоже верно, - согласился молодой стражник.

Тишину подземелий, сдобренную звуком падающих капель воды, прорезал крик жертвы в камере пыток.

- Ага, понятно, где искать палача, - прошептал Джаво, надеясь, что кража ключа не отнимет много времени.

Он оставил темницу старика Латуша и прокрался к камере пыток. Возрастные ограничения скрывали от молодого стражника детали, но и того, что он видел, было достаточно, чтобы понять – скоро пытка подойдет к концу и палач отправится за новой жертвой.

Джаво спрятался в пустующей темнице напротив и начал ждать. Когда палач вышел из камеры пыток, помогая идти едва переставлявшей ноги имитации жертвы, молодой стражник покинул свое убежище. Едва он оказался в камере пыток, как восприятия обострились, вызывая благоговейный трепет перед изощренным арсеналом палача. Казалось, что все здесь таит зловещий налет страданий, даже угли в камине, напоминающие о запахе горелой плоти, даже струйки воды, катящиеся по каменным стенам, заставляющие вспоминать слезы на впалых щеках замученных жертв. Возрастные ограничения не помогали. Джаво хотелось остаться и сразиться с палачом, забрать его жизнь. И плевать, что это имитация, которую игровые адаптивные алгоритмы возродят после перезагрузки. Сейчас смерти требуют протоколы точки сборки, благодаря которым существует на площадке молодой стражник, способный обрушить праведный гнев на голову палача.

Джаво положил руку на эфес одного из кинжалов, заметил полку с ключами от темниц и замер, вспоминая о главной цели, которая привела его в камеру пыток. Медлить нельзя. Скоро палач вернется, и тогда выбора не останется – только схватка. Молодой стражник заставил себя не думать о жертвах, выбрал нужный ключ, расположенный на полке в соответствии с последовательностью темниц в коридоре, и покинул камеру пыток.

Палач вернулся с новой жертвой, прошел мимо притаившегося в пустующей темнице молодого стражника и закрылся в камере пыток. Искушение выбраться из убежища и воткнуть толстому палачу кинжал в спину было настолько сильным, что у Джаво заскрипели зубы. Снова послышались крики жертвы. «Имитации. Это просто имитации», - сказал себе

Джаво, спеша убраться подальше от камеры пыток.

- Чего так долго? – заворчал на него старик Латуш.

- Хотел убить палача, - признался молодой стражник, открывая тяжелую дверь.

- Почему не убил? Толстяк давно заслужил клинок в сердце.

- Толстяк – всего лишь имитация. Убью его после, - Джаво оглядывался, ожидая, что сейчас появится стража и побег сорвется. – Ты можешь двигаться быстрее?

- А то что? Пообещаешь убить меня, как палача?

- Ты не имитация.

Молодой стражник чувствовал, как усиливается волнение. Факелы, освещавшие длинный коридор, дрожали, словно собирались потухнуть. Впрочем, темнота была на руку, потому что если стража заметит беглецов, то вряд ли удастся выпутаться. «Ну вот, а я переживал, что здесь скучно», - безрадостно подумал Джаво, признавая, что мечтал о приключениях, а не проблемах и поиске способов их решения.

- Жалеешь, что связался со мной? – спросил старик Латуш, словно мог читать мысли.

- Нет, если смогу выпутаться из передряги, - сказал молодой стражник.

Они свернули в заброшенный тоннель южного сектора подземелий. Кованые двери в старые темницы были открыты, внутри колыхалась паутина, бегали мыши, потревоженные незваными гостями. Джаво снял со стены последний факел. Дальше господствовала тьма. Тоннели пересекались, спутывались между собой змеиным клубком. Информация, заложенная в игровую точку сборки, показывала Джаво легенды закрытого города, согласно которым великаны пришли в город, пробив тонкие стены южного сектора. История была продуманной до мелочей, сообщая даже имена строителей тоннелей и тех, кто предупреждал застройщиков о великанах, указывая на тонкие стены тоннелей, которые не смогут сдержать древнее зло.

Информационные протоколы, взаимодействуя непосредственно с ТС, обостряли восприятия, заставляя переживать ужас заключенных и стражников, ставших свидетелями вторжения великанов. Джаво видел выбитые двери в темницы, где слабый свет факела в его руке выхватывал из темноты белые кости погибших узников. Их предсмертные крики вгрызались в сознание, сводя с ума. Джаво услышал рев великанов, поднимавшихся тайными тоннелями своего мира, и замер, понимая, что пыльный обвал впереди, куда вел его старик Латуш, был первой точкой проникновения великанов в Новые Фивы.

Рев великанов усилился, раздались сокрушительные удары. Древнее зло пробивалось в тоннели южного сектора. И ничто не могло противостоять этой мощи. Ненадежные стены сначала дали трещину, а затем рассыпались. В образовавшуюся брешь хлынули дети титанов. Стражники пытались противостоять им, но воины прошлого не замечали сопротивления. Они проникали в мир волнами. Первыми шли громадные, вырубленные из камня великаны в три человеческих роста. Они были расходным материалом – принимали на себя атаки защитников города, пробивали стены, жертвуя конечностями, которые крошились, сталкиваясь с каменными колоннами и неприступными стенами.

Во второй волне шли великаны, напоминавшие статуи из мрамора. Либо кристально белые, либо черные – они напоминали Джаво скульптуры грозных богов в местных храмах.

Замыкали вторжение предводители, олицетворявшие природные стихии. Одного из них окутывал огонь, способный расплавить все, что окажется в опасной близости. Второго – шквальный ветер, сметавший преграды, разрывая на части противников. Третий предводитель представлял воду, способную превратиться в цунами или обрушиться гигантскими волнами на неугодных. Последним шел великан, олицетворявший землю, и поступь его была настолько тяжелой, что каждый шаг вызывал землетрясение.

Активированные проникновением в запретные южные территории протоколы воспоминаний были настолько четкими, что Джаво забыл, кто он и почему оказался здесь на самом деле. На какое-то мгновение реальность перестала существовать. Он стал одним из стражников, пытающихся сдержать великанов, заранее зная тщетность своих попыток. Никто не устоит перед такой мощью. Никто.

- Эй! – старик Латуш тронул молодого стражника за руку, заставив вздрогнуть. – Очнись! Я знал одного игрока, у которого от подобных воспоминаний рассыпалась игровая точка сборки.

- Ого! – Джаво тряхнул головой, надеясь, что протоколы восприятия расценят правильно этот жест и помогут собраться, как это происходит в Размерности. – Первый раз вижу нечто подобное. Здесь что, не действуют возрастные ограничения?

- Полагаю, ты просто впервые попал в подобное место. Это что-то типа…

- Магии?

- Если тебе так хочется, то пусть будет магия.

Они подошли к пролому в стене, откуда, согласно игровой легенде, выбрались великаны. Джаво замер. Пролом напоминал беззубую пасть, пищевод которой зиял тьмой. Пусть этот рот не

сможет его прожевать, зато проглотит и переварит, растворив в ферментах сумрака.

- Почему остановился? Испугался? – проскрипел старик, не скрывая, что дразнит молодого стражника, впрочем, Джаво пропустил это мимо ушей.

- Почему мой факел не может осветить то, что по ту сторону пролома? – спросил он, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-то за вставшим стеной мраком.

- Потому что у этого места дурная слава. Адаптивные алгоритмы должны поддерживать легенды и мифы. Иначе игрокам будет не интересно.

- Так ты думаешь, что это сделано только для того, чтобы напугать непрошеных гостей, а на самом деле ничего там нет?

- Давай войдем и узнаем.

Старик не стал дожидаться молодого стражника и первым шагнул в беззубую пасть пролома. Джаво видел, как исчез тщедушный образ старика за стеной мрака. Прислушался, ожидая, что сейчас раздастся истошный вопль или предсмертный хрип, но ничего подобного не случилось.

- Ты идешь или нет? – поторопил его старик Латуш.

Джаво заставил себя шагнуть вперед. Стена тьмы расступилась на мгновение, глотая очередного искателя приключений.

- Хотел убедиться, что за нами никто не следит, - сказал молодой стражник, стыдясь собственной трусости.

- О, не волнуйся. Имитации сюда не заходят, - улыбнулся старик.

- А как же игроки?

- Игроки обычно не решаются войти в пролом, как это было с тобой.

- Я же говорю, что…

- Конечно, конечно… - старик закивал и поплелся прочь.

- Куда ты? – крикнул ему Джаво. – Факел ведь у меня!

Латуш не ответил, заставляя молодого стражника засеменить следом.

Нависавшие по бокам стены были совершенно не похожи на стены искусственного тоннеля, проложенного в южном секторе. Здесь не было порядка, правильных углов, ровных стен. Каждый взгляд на грубые тоннели, проложенные великанами первой волны, обострял восприятия, заставляя вспоминать жуткие детали прошлого. Джаво пытался заставить себя не думать об этом, но перед глазами настырно витали образы вырубленных из горных пород тел великанов-штурмовиков, крушащих камни ценой своих конечностей, чтобы идущие за ними братья смогли

пробраться в город.

- Ну, чего притих? – спросил старик Латуш.

- Думаю, чем Новые Фивы не угодили великанам?

- Не великанам, а разработчикам. Великаны – это всего лишь легенда. Просто протоколы, заложенные в игровую точку сборки, работают так, что сознание перестает в подобные моменты отличать реальность от вымысла.

Пробитый в скалах тоннель изогнулся, выходя в высокую пещеру, люминесцирующую синим светом, исходившим от пульсирующих камней.

- Граница мира великанов и мира людей, - понял Джаво, получая интегрированную в ТС информацию.

- Не мира людей, а мира игроков, - поправил старик Латуш молодого друга. – Если не будешь видеть различия, то никогда не выберешься отсюда. Сюжетная линия великанов увлечет тебя, заставив взяться за другой квест.

- А здесь тоже есть тайны, которые нужно разгадать? – оживился Джаво.

- Тайны есть везде. Это ведь игра. Разработчики должны заинтересовывать игроков, иначе не будет спроса.

- Ну, меня они точно заинтересовали, - молодой стражник подошел к пульсирующим камням, пытаясь отыскать в интегрированных игровых воспоминаниях объяснения люминесценции. – Как думаешь, из этой пещеры можно попасть в страну великанов? – Джаво вскрикнул, получив от старика затрещину. – За что?

- Хватит трепаться! Хочешь, чтобы система дала тебе новый квест? Забыл, зачем мы здесь? Реши сначала одну проблему, затем берись за другую, - Латуша прервал далекий грозный рев.

- Это они? – сжался Джаво. – Это великаны?

- Не хочу выяснять, а ты? – старик огляделся, пытаясь выбрать из десятка выходивших из пещеры тоннелей тот, по которому можно пробраться в шахты. – Думаю, нам туда, - сказал он, указывая в сторону самого темного тоннеля.

- Но мне кажется, рев доносился именно оттуда!

- Не забывай, что это игра. Здесь все относительно.

Старик подтолкнул молодого стражника в спину, заставляя двигаться. Рев повторился. Джаво обернулся. Сейчас начинало казаться, что звук издают пульсирующие камни.

- Может быть, это охранная система великанов? – предположил молодой стражник, обнажил кинжал и для верности проверил на прочность один из люминесцирующих камней, в результате чего удалось выбить сноп фиолетовых искр. – Так не интересно! – надулся Джаво, притворно изображая скуку. – Вот

если бы они начали пульсировать сильнее и попытались раздавить нас, а так… - он зевнул, услышал позади рев и резко обернулся, едва не упав, запутавшись в собственных ногах.

- Тоже мне храбрец! – хмыкнул старик Латуш.

- Эй! – обиделся молодой стражник.

Факел в его руке едва горел, и если бы не синяя люминесценция камней, то им пришлось бы идти на ощупь.

- Представляешь, что будет, если камни вдруг потухнут? – спросил Джаво. – Я, конечно, не боюсь темноты, но…

Он замолчал, потому что жуткий рев на этот раз прозвучал где-то впереди.

- Как это? Я думал, мы уходим из пещер великанов? – мальчик уставился на старика Латуша, требуя объяснений. – Куда мы забрались? Ты понимаешь, что я не могу умереть? А мы умрем, если встретимся с великанами.

- Насчет великанов можешь не переживать. Воришки, промышлявшие на рудниках, ходили здесь каждый день, и ни разу не встретили великанов. Так что здесь нет ничего опасного, кроме странных люминесцирующих камней и цепных псов великанов, сбежавших от хозяев во время отступления – так гласит легенда, хотя ты должен это знать и без меня.

- Должен знать? – молодой стражник попытался отыскать среди игровых воспоминаний нужную информацию, но не смог.

- Должно быть, разработчики решили удалить эту часть легенды из общего доступа, - пожал плечами старик Латуш. – Или доступ открывается после того, как игрок столкнется с цепными псами лицом к лицу.

Они добрались до развилки, где, словно напоказ, на гигантском люминесцирующем камне лежали белые человеческие кости.

- Вот не понимаю я разработчиков! – всплеснул руками Джаво. – Кровь мне, значит, видеть нельзя, а кости – пожалуйста.

Его прервал раздавшийся совсем близко рев, сразу за которым послышались тяжелые шаги. Кто-то приближался к развилке, но понять откуда именно ждать нападения не представлялось возможным.

- Нужно разделиться. Это отвлечет псов! – сказал старик Латуш, нырнув в ближайший тоннель прежде, чем молодой стражник успел возразить.

Джаво замер, не зная, какой тоннель выбрать для бегства. Рев раздавался, казалось, отовсюду. «А может, этот жуткий вой издают странные камни?» - успел подумать Джаво за мгновение до того, как к реву добавился крик старика Латуша. Молодой стражник охнул и побежал на помощь. Крик старика повторился,

стал четким, а затем сорвался, превратившись в угасающий хрип.

- Не смей умирать! – закричал Джаво. – Мне не выбраться без тебя отсюда!

Он выбежал на очередную развилку. Возрастные ограничения скрыли большинство кровавых деталей, но молодому стражнику, чтобы испугаться, хватило и вида цепного пса великанов, который, заметив чужака, бросил разорванное на части тело старика и, обернувшись к новой жертве, издал очередной грозный рык. Ноги Джаво подогнулись помимо воли. Он ожидал увидеть трехголовую тварь, похожую на стражей Аида, а тут… на него смотрел очень высокий человек с кучерявой бородой и кожей, украшенной скарификацией и замысловатыми ожогами, складывающимися в рисунок грифона, причем детали в виде головы льва и тела орла угадывались достаточно хорошо.

Хлынувшая в сознание информация о цепных псах великанов, которыми становились смельчаки, рискнувшие пробраться в южный сектор, была настолько неожиданной, что Джаво забыл о том, как сам оказался здесь. Все, на что его хватило, так это бросить в одичавшего человека-великана затухающий факел. Дикарь отбил его, попав под ливень раскаленных углей, зарычал и попытался затушить начавшие дымиться длинные спутанные волосы и бороду. Джаво вскочил на ноги и бросился в атаку, ведомый, скорее, инстинктом потенциального игромана, чем здравым смыслом. Дикарь отвлекся, а второй такой возможности может и не быть.

Клинки сверкнули в синем свечении люминесцирующих камней, протыкая противнику грудь. От рева дикаря Джаво показалось, что он оглох, но сейчас это было наименьшей проблемой – главное нанести как можно больше урона громадине напротив. Молодой стражник успел ударить противника еще шесть раз, прежде чем тот отбросил его ударом руки к стене. Несмотря на внешний облик человека, силы его, пожалуй, хватило бы, чтобы справиться с дюжиной стражников.

- Но я ранил тебя! Ранил! – закричал Джаво, поднимаясь на ноги. – Ты не можешь быть неуязвимым. Никому не уцелеть после подобных ран!

Дикарь зарычал, сжал кулаки-молоты, сделал несколько неуверенных шагов к противнику, покачнулся и упал замертво на спину. Джаво не видел детали ран на теле дикаря, зато предсмертные конвульсии были доступны, несмотря на возрастные ограничения. Затем тело дикаря затихло и превратилось в песок. Остались лишь несколько странных украшений, назначение которых Джаво не понял, но предпочел поднять, разобравшись после, и арбалет…

- Зачем мне арбалет? – растерялся Джаво, изучая трофейное оружие.

- Как только восстановишь личный счет, оплатишь обучение и сможешь пользоваться, - сказал старик Латуш, чудесным образом воскреснув из мертвых.

- Ты живой! – обрадовался молодой стражник. – Вот это трюк! – он вспомнил растерзанное тело старика. – Научишь меня такому?

- Боюсь, для обычного игрока подобная опция недоступна.

- А что нужно сделать, чтобы перестать быть обычным игроком?

- Для начала спуститься в шахты и вернуть возможность управлять личным счетом.

- Точно! – Джаво покрутил арбалет в руках и повесил на плечо, добавив к амуниции. – Но если в шахтах попадется что-то получше, то обязательно выброшу.

- Не попадется, - заверил старик Латуш.

Они миновали пару развилок и уперлись в обвал, над которым виднелся проход в заброшенные шахты рудников. Информация, заложенная в игровую точку сборки, показывала Джаво, что когда-то давно рудники были владениями великанов, которые, пробиваясь к поверхности, наткнулись на залежи руды и решили изменить направление. Позднее, начав добычу необходимой для создания оружия железной руды, люди натолкнулись на тоннели великанов, после чего правитель Эдип приказал засыпать северную часть рудников.

Информационный поток, ставший доступным в качестве воспоминаний, прервался на секунду, затем показал Джаво историю о торговцах ворованной рудой, рассказанную прежде стариком Латушем. О последнем, впрочем, не говорилось ни слова, хотя игровые протоколы и вселили в сознание понимание, что тайный лаз торговцев рудой – тайна, за которую система добавит призовые балы, когда игрок попадет в КЛД.

- А там меньше места, чем я надеялся, - сказал Джаво, заглядывая в секретный лаз.

- И не забывай о змеях, - напутствовал старик Латуш, заставляя поежиться.

- И не напоминай, - молодой стражник отбросил пару больших камней, преграждавших вход в крошечный лаз. – Уверен, что я не заблужусь без тебя? – спросил он, обернувшись.

- Если смог добраться сюда, то и дальше найдешься, - пожал худыми плечами старик и, пропуская прощания, засеменил прочь.

- Только не забудь вернуться в свою темницу, - сказал молодой стражник, хотя старик его уже не слышал. – Если

выберусь отсюда, то расскажу тебе, как все было.

Он протиснулся в тайный лаз, сделал на четвереньках несколько шагов и полетел вниз в облаке поднятой небольшим обвалом пыли, оказавшись в старом штреке заброшенного рудника.

- Не так уж и тесно, - сказал Джаво, когда пыль улеглась.

Под ноги попалось старое кайло, звякнуло, отлетев в сторону, едва не разбив старый масляный фонарь.

- Ну вот, чуть без света не остался, - проворчал Джаво, поднимая фонарь.

Информация, интегрированная в точку сборки, показала, как рабы спускались в шахты, прокладывали новые штреки. Стоя на коленях, иногда полулежа, они кайлом отбивали куски породы, затем относили к основному стволу шахты, где другие рабы поднимали добычу на поверхность для последующей обработки: дробление, промывка, в результате которых отсеивалась пустая порода и обогащалась руда, подготавливаемая к выплавке. Работа в шахтах была изнурительной и опасной. Рабы обливались потом, задыхались. Частые обвалы заставляли быть все время настороже. Джаво и сейчас слышал характерные для штреков звуки, когда с низких потолков осыпается песок, предвещая скорый обвал, заставляя обостренное восприятие концентрироваться на опасности, игнорируя все остальное.

«Хорошо еще высота штрека увеличена настолько, что можно передвигаться в полный рост», - думал Джаво, стараясь не обращать внимания на снующих под ногами крыс и крохотных мышей, которых хватали притаившиеся за камнями змеи. То и дело на глаза попадались уходившие в стороны ответвления, но все они были блокированы осыпавшимися камнями, поэтому какое-то время оставалось просто идти вперед, привыкая к атмосфере. Затем штрек уперся в шахту, предлагая молодому стражнику спуск, подъем и продолжение маршрута. Джаво замер, наблюдая за змеей, расположившейся на закрывавших половину шахты досках. Какое-то время змея не двигалась, затем зашипела и спрыгнула вниз.

- Будем считать это знаком, - безрадостно сказал Джаво и начал неловко спускаться по лестнице, путаясь в паутине.

Шахта сузилась, закончилась сколоченной из досок площадкой, в которой находилось отверстие, ведущее еще ниже. Пламя масляной лампы в руках Джаво задрожало. В темноте штрека, примыкавшего к шахте, послышалось змеиное шипение.

- Хоть ниже спускаться не надо – и на том спасибо, - сказал Джаво, нагибаясь, чтобы войти в низкий невысокий штрек.

Паутин стало меньше, но количество змей увеличилось.

Грызунов не хватало, и рептилии набрасывались друг на друга. Более крупные глотали тех, что поменьше, которые в свою очередь уже проглотили самых крошечных. Джаво видел несколько пар змей, которые жадно заглатывали хвосты друг друга, образуя кольцо.

В начале штрека рептилии были небольшими и не осмеливались нападать на молодого стражника, но чем дальше он забирался вглубь, тем змеи становились крупнее. Масляный фонарь в руке Джаво дрожал все сильнее, скрывая большую часть деталей. Молодой стражник взял в свободную руку кинжал, отбивая редкие нападения осмелевших рептилий.

«Надеюсь, что в конце штрека меня ждет Геката, а не какой-нибудь змеиный бог», - думал Джаво, отсекая голову очередной змее. Черная кровь брызнула на стены. Фонарь погас.

- Ну, здорово! – разозлился Джаво, метнув бесполезный масляный фонарь в сторону, откуда доносилось шипение.

Послышался звон. Шипение стихло. В наступившей тишине, раздавалось лишь шуршание змеиной кожи о камни. Сотни рептилий потянулись к незваному гостю. Джаво замер, не зная, что делать дальше. Глаза медленно привыкали к темноте, в которой появился новый источник света. Змеи снова зашипели, заставляя молодого стражника ускорить шаг, приближаясь к далекому серебристому сиянию. Штрек расширялся, являя взору бескрайнюю пустошь, где вместо пола плыли облака, а вместо низких потолков сияли звезды. Что касается серебряного света, то большая его часть, если не считать звезды, исходил из центра развезшейся пустоши, где находилась парящая во вселенской пустоте луна, состоящая из ядра белого света, в центре которого находились три связанные спинами женщины с одинаковыми лицами.

Открылся доступ еще к одной игровой легенде. Информационный поток хлынул в сознание, заставив Джаво пошатнуться. Древние боги, храбрые правители – все завертелось, собираясь в общую историю обычной девушки, ставшей богиней. Заложенная в точку сборки информация дополнилась внешними источниками. Джаво услышал крик чаек, увидел греческие корабли, застывшие на морской глади. Злой жрец по имени Калхант, отвергнутый дочерью царя, желая отомстить, убедил правителя, что боги требуют принести в жертву его дочь, для того чтобы предстоящий военный поход увенчался успехом. Но боги сжалились над девушкой и приняли ее в свой чертог, превратив в Гекату – богиню лунного света и всего таинственного.

- Пришел, чтобы отомстить за меня? – спросила богиня, открывая гостю доступ к новому информационному потоку,

показывающему, как по земле распространяется секта жреца Калханта. – Его служители есть и в Фивах, - сказала Геката. – Отыщи одну из подобных сект, уничтожь больше половины последователей, и я помогу тебе организовать собственную секту.

- Я воин, а не волшебник, - сказал молодой стражник.

- Так ты оказался здесь случайно?

- Не совсем. Так получилось, что мне нужна… - Джаво тяжело вздохнул, заставляя себя не считать богиню живым существом.

«Это просто имитация», - сказал он себе раз десять, прежде чем решился сообщить, что пришел сюда, надеясь получить способность укрощения змей.

- И это все? – разочарованно спросила богиня.

- Мне не нужно и это, просто только так я могу избавиться от… - он не договорил, потому что Геката сообщила, что готова даровать ему желанную способность, но хочет получить что-то взамен.

- Еще один квест? – безрадостно спросил молодой стражник, чувствуя, что помимо воли начинает увязать в магических заданиях города, где, по идеи создателей, магии должно быть меньше всего.

- Ничего серьезного, - сказала богиня с проницательностью, несвойственной имитациям, хотя в последнее время адаптивные алгоритмы стали в разы умнее, чем в прошлых сезонах, особенно во взаимодействии с игроками. – Ты ведь воин, значит, обещания сражаться с представителями секты Калханта, если судьба позволит вашим дорогам пересечься, будет достаточно.

- И все? – удивился Джаво.

- Ты согласен?

- Конечно! Хорошая драка для стражника всегда… - он оборвался на полуслове, услышав жалобное блеяние.

- Это что за номер? – спросил молодой стражник, увидев вышедшего из обители богини козленка.

- Тебе нужно передать способность укрощения змей кому-то другому, верно?

- Да, но… - Джаво понял, что спорить бесполезно.

Козленок прошел мимо него и жалобно заблеял, увидев змей.

- Ну, здорово! – разозлился молодой стражник, решив, что придется тащить животное на руках, но вместо этого козленок, наделенный способностью укрощения змей, шагнул в кишащий рептилиями штрек, заставляя холоднокровных наземных позвоночных шипеть, прячась за камнями. – А вот это мне нравится, - сказал Джаво, устремляясь за козленком, потерять которого в темноте было невозможно, благодаря едва заметной люминесценции белой шерсти. – Могли бы научить тебя и по

лестницам подниматься, - подметил Джаво, когда козленок добрался до шахты, остановившись возле лестницы.

Взяв животное под мышку, молодой стражник начал карабкаться наверх. Змеи зашипели и попытались схватить беглеца, заставляя добрым словом вспомнить приобретение дорогой брони, доступной на начальном уровне развития персонажа. Люминесценция козленка усилилась, помогая продвигаться в следующем штреке, где змей стало в несколько раз больше, чем было до этого. «Без дурацкого козленка мне бы точно не выбраться», - думал Джаво, наблюдая, как змеи прячутся от заколдованного животного. Хотя некоторые из них все равно пытались достать игрока, появляясь в самых неподходящих местах, выбираясь из расселин в земле, свисая с потолка, заставляя молодого стражника держать клинки обнаженными. Первые убийства змей казались маленьким подвигом, но потом рука набилась, и отрубать головы рептилий уже не представляло труда. Джаво сбился со счета расчлененных хладнокровных на втором десятке.

«Интересно, за змей вообще положены какие-нибудь бонусы или нет?» - думал он, выбираясь следом за козленком сквозь лаз контрабандистов в тоннели, проложенные великанами, показавшиеся после тесного штрека просто гигантскими. Козленок остановился и жалобно заблеял, словно испугавшись подобных размеров.

- Тише ты! – цыкнул на него Джаво. – Хочешь привлечь внимание цепных псов великанов? На этот раз у меня нет факела, чтобы одолеть этих монстров. Придется скормить им тебя.

Козленок хлопнул глазами и снова жалобно заблеял.

- Глупое животное! – вздохнул молодой стражник, пытаясь вспомнить дорогу, по которой пришел сюда со стариком Латушем. – Может, снова пойдешь первым? – предложил он козленку. – В шахтах у тебя неплохо получалось.

Козленок в ответ жалобно заблеял, но не двинулся с места.

- Кажется, разговаривать эта имитация не умеет, - безрадостно отметил Джаво, надеясь, что хоть следовать за ним козленок сможет. – Не вздумай отстать и потеряться! – машинально предупредил мальчик, хотя и отдавал себе отчет, что животное не поймет его.

Из оставшегося за спиной лаза в шахты выбралась небольшая черная змея, добралась до тоннеля, где пульсировали люминесцирующие синим камни, зашипела, вспыхнула и превратилась в прах.

- Будешь совать свой нос куда не следует, сгоришь так же, - предупредил козленка молодой стражник, пытаясь развлечь себя.

Сделав несколько шагов, он остановился, услышав блеяние, затем цокот копыт, эхом отразившийся от стен тоннеля. Обостренное восприятие нарисовало жуткие картины предстоящего сражения с группой цепных псов.

- Ты можешь не стучать так громко копытами! – зашипел Джаво на козленка, борясь с искушением взять животное на руки. Хотя, судя по тому, как громко блеял козленок, когда они поднимались по лестнице в шахтах, то проку от этого здесь будет немного, если не станет даже хуже – козленок обязательно привлечет своим голосом внимание цепных псов, да и с лишним весом на руках не удастся двигаться быстро, так что…

«Интересно, а можно привести сюда игрока-волшебника и заколдовать цепного пса, подчинив его волю?» - пытаясь отвлечься, подумал Джаво, впервые начиная не без интереса посматривать в сторону магии на игровой площадке.

Минуя развилку, где вначале игрового дня убил дикаря, он представил, что будет, если выставить цепного пса против лучшего воина королевской стражи. «Какой уровень развития силы и ловкости будет у лучшего стражника? – думал Джаво. – А какая разница! Вряд ли ему удастся одолеть цепного пса. К тому же, владея магией, можно будет наложить на дикаря заклинание исцеления или поглощения жизни противника, как это делают на игровой площадке Аида проповедники боли из армии Оместеса».

Продолжая размышлять о плюсах игры за персонажа, связанного с магией, Джаво не заметил, как выбрался из люминесцирующих тоннелей великанов в заброшенные тоннели южного сектора королевских темниц. На выходе из подземелий стражники, три четверти которых были имитациями, заметили собрата с козленком и подняли на смех. Джаво притворился, что ничего не заметил. Первая половина игрового дня приближалась к экватору, а ему нужно было успеть посетить целительницу Коллисто, получить у нее образец яда, способного подменить протоколы связи с личным счетом, и встретиться с кузнецом Зотикосом, обещавшим, при наличии образца яда, блокировать зараженные протоколы молодого стражника.

Боясь, что оказавшись в шумной городской толпе, козленок отстанет и потеряется, Джаво подхватил его на руки и, не обращая внимания на жалобное блеяние, побежал к Онкейским воротам.

- Козленок? – рассмеялась Коллисто, увидев сосуд, в котором находилась затребованная ей в обмен за яд способность укрощения змей. – Никогда бы не подумала, что у Гекаты есть чувство юмора.

- Слышала бы ты, как смеялись надо мной другие стражники,

когда увидели козленка.

- Представляю!

Они завершили сделку и попрощались, не сомневаясь, что когда закончится игровой день, и они окажутся в комнате личных достижений, то система добавит их в круг друзей. Воин и волшебница – кто бы мог подумать пару сезонов назад, что подобный союз возможен в закрытом городе!

Теперь оставалось добраться без приключений к Кренейским воротам и передать полученный от Коллисто яд кузнецу.

- Не думал, что ты справишься, - признался Зотикос, когда Джаво вошел в его кузню.

- Чтобы получить яд мне пришлось побывать в тоннелях великанов, спуститься в шахты королевских рудников и встретиться с богиней Гекатой и получить у нее способность укрощения змей.

- Зачем стражнику магические способности? – растерялся кузнец, невольно косясь в сторону тяжелого молота, словно ожидая подвоха или нападения.

- Такой была цена целительницы, к которой ты меня отправил за ядом, - поспешил успокоить его молодой стражник. – За эту способность мне пришлось пообещать богине, что если я встречу членов секты Калханта, то уничтожу их.

- Секты Калханта – серьезные группы.

- Я не обязательно должен начинать на них охоту прямо сейчас. Договор был о случайных встречах.

- Тогда узнай точные координаты сект и держись от них подальше.

- Именно так я и поступлю, - пообещал Джаво, наблюдая за непонятными манипуляциями, которые кузнец совершал с капсулой яда, созданного Коллисто.

В какой-то момент молодому стражнику начало казаться, что в конце приготовлений Зотикос положит чашу с ядом и добавленными в него травами на наковальню и прихлопнет тяжелым молотом. Но вместо этого кузнец отнес чашу с приготовленным раствором к пышущему жаром горну, зажал в щипцах и поставил на угли.

- Чтобы разобрать яд на составляющие достаточно простой процедуры, предусмотренной игровыми схемами, - пояснил кузнец. – Никаких дополнительных протоколов. Все законно.

Раствор в чаше зашипел, из горна повалил густой ядовитый дым.

- Чувствую каждый компонент, который использовала Коллисто для изготовления яда, - сказал Зотикос, жадно втягивая носом воздух. – Тонкая работа! Очень тонкая!

Он выудил из горна чашу, на дне которой осталось несколько светящихся элементов.

- Теперь дело за малым, - заверил он молодого стражника, поставил чашу на стол и начал готовить раствор. – Подменять протоколы точки сборки крайне сложно, но вот обратить процесс, зная ингредиенты… - он протянул гостю чашу с новым зельем. – Выпей. Это поможет нейтрализовать поддельные протоколы твоей точки сборки.

- А мой игровой образ не развалится на части после этого?

- Маловероятно.

Джаво поднес чашу ко рту, чувствуя, как обострились восприятия, предупреждая о потенциальной опасности.

- Ты точно ничего не напутал с ингредиентами?

- Пей давай! – улыбнулся кузнец.

Джаво выдохнул, проглотил содержимое чаши и зажмурился, чувствуя, как внутри начинает разгораться огонь, который еще мгновение назад полыхал в горне. Легкие превратились в меха – каждый новый вдох добавлял жара.

- Это сейчас пройдет, - услышал молодой стражник далекий голос кузнеца.

- Мне нечем дышать!

- Успокойся и потерпи пару секунд.

- Я не могу! Не могу! Не… - Джаво зашелся кашлем, упал на колени, отхаркивая на пол что-то черное, недоступное для глаз игрока с возрастными ограничениями его уровня.

Черная слизь растекалась по полу, просачивалась между досок. Но слизи становилось меньше. Джаво видел, как с последними черными ошметками из его рта исторглось нечто яркое, слепящее глаза белым светом. Несколько секунд крошечная сияющая жемчужина парила в воздухе, затем упала в слизь, заставив последнюю вспыхнуть.

- Ух ты! – Джаво едва успел уклониться от языков пламени, облизавших его лицо. – Хотел поджарить меня? – спросил он кузнеца, потирая обожженные щеки.

- Извини, я не знал, что так получится.

- Хорошо, что я развиваю реакцию у своего персонажа, а не то… - Джаво замолчал, увидев, что огонь погас. Осталась лишь исторгнутая из его легких жемчужина, слепящие лучи которой быстро угасали. – Это что такое? – растерялся молодой стражник.

- Полагаю, это нейтрализованная часть зараженных протоколов твоей точки сборки.

- Я думал, черная слизь была зараженными протоколами.

- Черная слизь – это реакция персонажа на излечение смертельной болезни.

- Так я был смертельно болен?

- Для системы – да. Так работали зараженные протоколы, активируя проверку игровой точки сборки, получая в этот момент доступ к управлению твоим личным счетом. Не думаю, что подобный взлом просуществует в системе долго. Скорее всего, до первого игрока, которому хватит ума поднять из-за случившегося серьезный кипишь. Затем брешь в защитных системах устранят, а такие, как Коллисто, придумают новый способ испортить игрокам жизнь.

- Понятно, - Джаво продолжал смотреть на сияющую жемчужину. – А с этим что делать?

- Это часть твоей игровой точки сборки. Как легкие или сердце человека в реальной жизни. Не думаю, что твой персонаж переживет перезагрузку второй половины игрового дня без этой штуки. Не очень, конечно, хорошо оставлять протоколы с открытым исходным кодом, но если ты не будешь кричать об этом на каждом углу, то вряд ли кто-то догадается провести повторный взлом твоего личного счета, используя именно эти протоколы. Заметить их сможет только опытный кузнец. К тому же, кто знает, может быть, ты когда-нибудь решишь использовать эту особенность в своих целях.

- Чтобы воровать единицы Влияния у самого себя? – пошутил Джаво.

- Не только, - улыбнулся кузнец. – Считай это оболочкой для предстоящей разработки. Большинство игровых точек сборки отторгают подобные дополнения, а твоя, мы уже знаем, замечательно взаимодействует с этими протоколами. Считай это либо случайностью, либо заслугой разработчика. Обычно на успех влияют два этих фактора поровну.

- Так это значит, что я могу стать сильнее?

- Нет.

- Смогу лучше пользоваться оружием?

- Нет.

- Повысить ловкость и быстроту реакции?

- Эта процедура не работает со стандартными контролируемыми системой навыками. Можно, конечно, извлечь модифицированные протоколы, сделав из них нужный артефакт, но в этом случае…

- Мой персонаж погибнет во время плановой перезагрузки?

- Да.

- Тогда это не годится.

- Ты можешь получить способность, которой нет ни у кого другого. Например, можно проходить сквозь стены, нарушая установленные разработчиками границы, или нарушать

прописанные в ТС алгоритмы работы земного притяжения. Разве ты никогда не хотел научиться летать?

- Если бы я хотел летать, то выбрал себе в качестве персонажа представителя фемитов. У них есть крылья, и они патрулируют земли Аида, стараясь собрать как можно больше информации, соперничая с вечными врагами – гигантскими ящерицами – зоргулами…

- Ты был в КвазаРазмерности фанатом «Фив»? – спросил кузнец, обрывая мальчика на полуслове.

- Все в моей компании были фанатами игр. Обычно это был «Голод», но некоторые, желая выделиться, хвастались, что собираются приобрести ключ игрока проекта «Фивы».

- Так ты, значит, хотел выделиться и купил ключ королевского стражника вместо возможности сыграть в «Голоде» за силовиков или клан якудзы?

- Нет. У меня обнаружили склонность к нейропатии, а потом я встретился с другими нейропатами, и отец сказал, что будет лучше, если я оставлю Размерность на время, пока во всем не разберется. К тому же способности нейропата активируются в основном нейронными сетями, выжигая остальные чувства, так что спрятаться в Подпространстве показалось тогда хорошей идеей, - Джаво поджал губы, понимая, что не планировал рассказывать о своих бедах кузнецу. – Только не распространяйся об этом, ладно? – спешно попросил он.

- Так говоришь, словно за тобой числится не только склонность к нейропатии, но и попытка убийства хранителя, - снисходительно улыбнулся Зотикос, увидел, как вздрогнул молодой стражник, и растерянно тряхнул головой. – Да брось! Не верю. Ты слишком молод, чтобы причинить вред хранителю.

- Я стал передатчиком мыслей между хранителем и работником незаконного центра Энрофы, в результате чего завязалась потасовка и погибли два человека.

- Так ты находился под арестом?

- Нет, мне помог скрыться другой нейропат, который рассказал, что я принадлежу ко второй волне нейропатов, и… - мальчик прикусил язык, заставляя себя молчать. – Я вообще не должен тебе рассказывать об этом, - чтобы скрыть неловкость, он наклонился и поднял жемчужину, которая растворилась, едва оказалась на его ладони. – Ой! И что это значит?

- А ты хотел добавить набор протоколов для взлома системных кодов к общему инвентарю? – снисходительно улыбнулся Зотикос, заново прокручивая в голове услышанную историю мальчишки.

- И что мне теперь делать с этими протоколами? – спросил

Джаво, по-детски быстро забыв о недавнем разговоре.

- Ничего не делай. Забудь, пока не понадобится сделать что-то из ряда вон выходящее. Тогда придешь ко мне или к другому кузнецу, и мы извлечем набор протоколов для последующего перепрограммирования.

- Нужно будет рассказать об этом старику Латушу, - оживился молодой стражник. – Думаю, он сможет придумать достойное использование набору протоколов.

Попрощавшись с кузнецом, Джаво побежал во дворец, чтобы успеть попасть в свою комнату до того, как начнется вторая половина игрового дня. По дороге он не без удовольствия отметил, что на личный счет начали поступать единицы Влияния. Затем увидел, что сумма уменьшается, и решил было, что кузнец исправил ошибку не полностью, но проверив списания, понял, что проблема в небольших штрафах, которые он успел нахватать за последние дни.

Оказавшись в комнате личных достижений, Джаво не без удовольствия отметил, что кроме дружбы с Коллисто среди его достижений появилось упоминание о рейде в святилище Гекаты и дружба с богиней, позволявшая открыть новую способность, связанную с магией. Детали способности не уточнялись, обещая стать доступными игроку при начале прохождения необходимых для развития квестов, но Джаво был заинтересован, воображая, что сможет однажды вернуться в тоннели великанов и подчинить волю цепного пса, сделав его своим слугой.

Если бы спустя несколько игровых дней ему не встретилась Саломея, рассказавшая историю о том, что у нее есть дочь-нейропат, и что она играет, потому что влипла в историю, и теперь надеется заработать в «Фивах», разгадав пару серьезных квестов, то Джаво непременно начал бы развивать свою новую способность к магии, а так… Так история Саломеи увлекла его, заставив поместить на второй план собственные проблемы. Даже после того, как игровой процесс завел Джаво и Саломею к храму забытого Иакха, где находился культ тушителей свечей, и молодой стражник вылетел из игры, мысли о том, чтобы вернуться в Размерность не было. Одно дело, когда ты взаимодействуешь с имитациями, и совсем другое, когда твоим другом становится настоящий игрок, у которого, к тому же, проблем не меньше, чем у тебя.

Глава четвертая

Игровая площадка «Фивы». Закрытый город. Недалеко от Пройтидских ворот.

Знаменитый театр Торсия был закрыт, так как труппа давала выступление в королевском дворце. На площади, находившейся недалеко от театра, люди судачили, что театр не вернется. Вернее, не люди, а имитации. В шумных толпах Джаво разглядел лишь нескольких настоящих игроков, да и те выглядели так, что расспрашивать их о судьбе Саломеи, получившей в храме тушителей свечей новое задание, не имело смысла. Пройтидские ворота, согласно игровой легенде, вели к городу Халкида, откуда прибывали нескончаемые караваны купцов, заполняя торговые площади. Между двумя городами находились крестьянские угодья. Джаво знал, что некоторые люди приобретают ключи хлебопашцев, но никогда не мог понять подобный выбор. Повстречавшиеся ему игроки принадлежали к последним. Конечно, они не знали город. И уж конечно, ничего не знали о театре Торсия и девушке по имени Саломея, ставшей фаворитом драматурга в последнее время.

Больше часа Джаво безрезультатно слонялся возле театра, пытаясь вспомнить все, что случилось в храме забытого бога до того, как игровой процесс разделил его и Саломею. Перед тем как встретиться с молодым стражником, она каким-то непостижимым для Джаво образом, разгадала загадку королевского дворца и выбралась из закрытого города в безбрежный, охваченный войной мир Аида, встретив там полу-богиню Гею, которая дала задание найти Афну для того, чтобы не то покончить с войной, начав новый игровой виток, не то чтобы развязать новый глобальный конфликт – Джаво не запомнил точно, но детский азарт и жажда приключений, заставляли его склоняться к последнему.

Вначале знакомства с Саломеей, узнав о том, что она побывала во дворце Сфинкс, расположенном на игровой площадке Аида, он думал только о том, как выудить из нее тайну перехода на другую площадку, сказав прощай скучной игровой рутине дворцового стражника. Ведь если не считать неприятностей с зараженными протоколами точки сборки, опустошавшими его счет на протяжении нескольких игровых дней, то с ним вообще ничего не происходило во дворце. В какой-то момент Джаво даже начал думать, что отец сжалился над ним, и сделал щедрое пожертвование в фонд «Фив», чтобы игровое божество Ндора, способное, согласно легенде, исполнять желания, а в действительности просто часть адаптивных

алгоритмов игрового процесса, присмотрел за молодым стражником, позволив ему немного повеселиться.

К тому же отец постоянно опекал его, так что не исключал Джаво и тот факт, что Саломея могла быть послана, чтобы присматривать за ним – игровая нянька. Молодой стражник приглядывался к ней вначале знакомства, пытаясь разглядеть скрытые сверхспособности, благодаря которым она планирует оградить его от опасности. Но кроме способностей танцовщицы и актерской привлекательности, направленной на игроков постарше, ничего интересного заметить не смог. К тому же сильно смущала рассказанная Саломеей история о дочери-нейропате, оставшейся в Размерности, над которой пытается получить право опеки отец-хранитель, чтобы раскрыть способности девочки ценой обычных чувств, выжигаемых нейропатией. Вряд ли отец послал бы игрока с таким багажом присматривать за единственным сыном. Да и в скором времени после знакомства с Саломеей, игровой процесс оживился, перестав сваливаться на беготню по поручениям, как это было прежде. Плюс на горизонте замаячила реальная возможность покинуть внутренний город, оказавшись в сумасшедшей атмосфере Аида.

Джаво понимал, что его персонаж недолго протянет, покинув Новые Фивы, но игра стоила свеч! В те часы волнение заставило Джаво забыть о проблемах и воодушевленно представлять, как вернувшись в Размерность, он рассказывает о своих приключениях на игровой площадке Аида. Да и Саломея почти сразу превратилась в друга. Если бы еще отбросить ее попытки занять позицию взрослого! Хотя и так, вылетев из игры, Джаво практически не раздумывал возвращаться ему на площадку или нет.

Теперь оставалось дело за малым – найти Саломею и продолжить совместное выполнение квестов, в тайне надеясь, что когда-нибудь удастся не только помочь женщине, попавшей в беду, но и удовлетворить свое любопытство, выбравшись за пределы Новых Фив.

Добравшись до Пройтидских ворот, Джаво долго вглядывался в пыльную дорогу, уходившую за горизонт, направляясь к несуществующему в действительности городу Халкида, откуда приходили купцы-имитации. Он знал, что Саломея ищет имитацию по имени Афна – таким было задание Геи из Аида, а затем и жриц культа тушителей свечей, которые искали сердце своего бога, спрятанное от недоброжелателей в теле Афны. Полагаясь на свой опыт изучения игровых площадок, Джаво мог с уверенностью заявить, что подобных совпадений практически не

бывает.

«Скорее всего, интерес игроков к закрытому городу резко падает в последнее время, потому адаптивные алгоритмы пытаются оживить площадку, упрощая и суммируя квесты для большей динамики», - думал молодой стражник, представляя, как в Размерности историю Саломеи транслируют по отдельному нейронному каналу игровой площадки «Фивы». «А ведь тогда там покажут и меня!» - понял он и взволнованно попытался представить, как эти трансляции увидят его друзья. «А если они пропустили, как мы искали храм Иакха?» - запаниковал Джаво, решив, что просто обязан найти Саломею и вернуться к выполнению полученных заданий. К тому же теперь появляется конфликт интересов – Афну ищут не только последовательницы культа тушителей свечей, но и богиня из Аида. «А если заставить две эти силы сражаться друг с другом?» - мелькнула в детской голове безумная мысль.

Сгорая от нетерпения, он крутанулся на месте и побежал обратно к театру Торсия. «Не может быть, чтобы адаптивные алгоритмы не оставили подсказку, как вернуться в прерванный процесс!» - думал Джаво, не переставая следить за прохожими. Но первая половина игрового дня перешагнула экватор, а молодой стражник так и не добился успеха в поисках. Наоборот – дважды едва не угодил в переделку с настоящими игроками, персонажи которых были прокачаны настолько хорошо, что он бы точно снова вылетел из игры.

Они назвались представителями клана воров, и ошибочно приняли Джаво за королевского шпиона, выбравшего себе задание следить за ними, предотвращая кражи и нападения на жителей Новых Фив. Схватка продлилась пару минут, после чего на помощь молодому стражнику подоспел королевский патруль, состоявший из имитаций. К тому моменту Джаво был ранен, истекая кровью. Пропусти он еще один удар, и снова бы пришлось возрождаться во дворце. Но воры отступили, не рискнув вступить в открытую конфронтацию с патрулем, да и уровень силы и боевых навыков имитаций стражников был настолько велик, что вряд ли ворам удалось бы выйти живыми из схватки.

- Мы еще не закончили, - пообещал предводитель воров перед тем, как уйти.

Джаво предпочел не отвечать. День назад обязательно ответил бы, но сейчас перспектива выбраться за пределы закрытого города казалась куда привлекательнее, чем драка с шайкой воров. «Вот только как найти Саломею?» - ломал голову молодой стражник, слоняясь возле театра Торсия, пока не увидел крошечный магический салон, скромно предлагавший

приворотные зелья и наборы простейших заклинаний. Его хозяйкой была девушка, по крайней мере, внешне она выглядела молодой. Возрастные ограничения игнорировали ее откровенно сексуальный наряд, позволяя молодому стражнику видеть едва прикрытые крошечные лоскутами ткани участки тела, но Джаво, впрочем, не особенно придавал этому значение.

- Мне нужно, чтобы ты сотворила заклинание поиска. Сможешь? – спросил он девушку, безошибочно определив неопытного любителя. После встречи с Коллисто и визита к богине на дне королевских рудников, дилетанты не просто бросались в глаза, а начинали вызывать неприязнь. – Если ты не умеешь создавать заклинание поиска, то так и скажи, я поищу кого-то более… опытного, - сказал Джаво.

- Какое ты имеешь право разговаривать со мной таким тоном? – возмутилась колдунья-недоучка.

- Я встречался с целительницей, способной создавать яды на уровне протоколов игровой точки сборки, спускался под землю тоннелями великанов, чтобы получить от богини Гекаты способность укрощать змей и был в храме забытого бога Иакха, где сейчас существует культ тушителей свечей. А что сделала ты, чтобы заслужить уважение?

Открыв рот, полуобнаженная девушка молчала, меряя молодого стражника растерянным взглядом.

- Впечатлена? – горделиво спросил Джаво.

- Немного, но… объясни, зачем воину делать все то, о чем ты только что рассказал? Разве ключ подобных персонажей выбирают не ради того, чтобы тупо побегать и подраться, оградив себя от сложных квестов и тонких прокачек магических навыков?

- Да что ты понимаешь?! – скривился молодой стражник.

- Я понимаю, что сейчас ты обратился ко мне за помощью, не я к тебе.

- Только не пытайся повесить на меня еще одно задание!

- Никаких заданий, если, конечно, у тебя есть средства на личном счете.

- О, с этим уже никаких проблем.

- Уже? – девушка прищурилась. – Ты разгадал какой-то серьезный квест или обокрал кого-то?

- Не твое дело. Скажи лучше, можешь ты или нет сотворить заклинание поиска?

- Искать нужно человека или имитацию?

- Конечно, человека.

- Тогда ничем не могу помочь. Адаптивные алгоритмы не любят подобных вмешательств, и для поиска реальных игроков требуется очень большой уровень магических навыков.

- Тогда не подскажешь, кто сможет мне помочь в районе Пройтидских ворот?

- Не знаю никого с таким высоким уровнем мастерства.

- Беда.

- Можно попробовать привязать игрока к имитации, которая находится рядом с ним, если, конечно, таковая имеется.

- Нет, Саломея одиночка, - тяжело вздохнул Джаво, но тут же оживился, вспомнив, что главной целью танцовщицы были поиски Афны. Так что, если нет возможности отыскать Саломею, то можно попытаться отыскать персонажа, которого она тоже ищет. «Может Афна станет той самой точкой, в которой мы снова встретимся?» - подумал с надеждой Джаво, и начал объяснять колдунье кто-такая Афна, и где она обычно обитает.

- Это лишнее, - взмахнула рукой полуобнаженная девушка. – Хватит и того, что это имитация, и ты знаешь, где ее искать. Остальное система возьмет из твоих воспоминаний и собственных информационных баз.

- Отлично!

- Это же магия, - улыбнулась колдунья, и начала суетливо готовить зелье, смешивая требуемые ингредиенты для доступа к базе данных имитаций и последующего поиска в системе координат закрытого города. – Необходимые компоненты стоят недешево, - предупредила молодая колдунья.

- Я же сказал, что это не проблема, - Джаво нетерпеливо смотрел, как девушка смешивает травы, добавляет порошки, масла. Содержимое чаши начало дымиться, затем вспыхнуло желтым пламенем.

В заполнившим помещение сизом дыму появились неясные очертания небольшой площади, расположенной недалеко от Пройтидских ворот, затем толпы людей, крошечных таверн, торговых лавок. Лица людей стали четкими на мгновение, затем скрылись за масками тумана, оставив нетронутым лишь лицо невысокой темноволосой женщины в кожаном одеянии.

- Вот она! – догадался Джаво. – Это Афна!

Он покинул магический салон и бросился со всех ног на площадь, где находилась Афна, нахватав по дороге кучу штрафов за столкновения с имитациями, проявление неуважение к частным постройкам, пару дворов которых он пересек, чтобы срезать путь, а также перевернутую тележку с глиняными кувшинами.

«Где же она? - завертел головой Джаво, оказавшись на площади. – Неужели я упустил ее?» Толпа торговцев, споря о ценах на пшеницу и ячмень, прошла мимо.

- Пошли прочь! – зашипел на них Джаво, разглядев за

группой торговцев Афну. - Эй! – заорал он, пытаясь привлечь ее внимание. – Подожди! – имя имитации, задействованной сразу в двух квестах, было готово сорваться с его губ, когда кто-то схватил его за руку, заставив замолчать.

- Какого… - Джаво обернулся, собираясь всыпать наглецу, увидел Саломею и растерянно раскрыл рот. – А я уже с ног сбился, пытаясь отыскать тебя!

- Зачем ты ищешь меня? Заключил договор с последовательницами культа тушителей свечей? – прищурилась Саломея.

- Что? – растерялся Джаво.

- Иначе зачем ты искал Афну?

- Я не искал Афну. Я хотел найти тебя, но заклинание поиска можно применить только для поиска имитация, вот я и подумал, что Афна может стать точкой, где встретимся.

- А зачем ты искал меня?

- Мы ведь взялись за квест, забыла?

- Нет, не мы. Квест был у меня, а ты просто хотел мне помочь, познакомил со стариком Латушем и завел в ловушку, где мы едва не вылетели из игры.

- Я вылетел…. Сгорел… - Джаво нахмурился. – Думал, что тебе нужна помощь, пытался пробиться сквозь огонь к алтарю забытого бога, но тебя там уже не было.

- Последовательницы культа перенесли меня к театру Торсия, чтобы я нашла Афну.

- А говоришь, что я завел тебя в ловушку. Разве без меня ты бы нашла Афну?

- Но я должна была доставить Афну к богине из Аида, а теперь этого же от меня требуют служители культа тушителей свечей! – Саломея указала взглядом на жриц в капюшонах, тщетно пытавшихся слиться с толпой купцов из Халкиды.

- Лучше бы они притворялись паломниками. Было бы правдоподобней, - сказал Джаво.

- Так ты хочешь сказать, что не с ними? – недоверчиво прищурилась Саломея.

- Нет, конечно!

- Они обещают бессмертие тому, кто приведет им Афну, в животе которой находится сердце их бога.

- И зачем мне бессмертие? В средствах я не стеснен, так что продавать эту способность я не буду. Вылететь из игры я тоже не боюсь – отец заплатит за все, что угодно. Конечно, у бессмертия могут быть скрытые бонусы, но… С тобой я могу попасть в Аид, а это приключение стоит любого бессмертия!

- Звучит убедительно, - сдалась Саломея, снова покосившись

на жриц из клана тушителей свечей.

- Они пытались причинить тебе вред? – прищурился Джаво, надеясь, что сможет взять реванш за поражение в храме Иакха. – Если хочешь, я могу сразиться с ними.

- Не думаю, что они опасны. По крайней мере, до тех пор, пока не догадаются, что я не собираюсь приводить к ним Афну. Сам понимаешь, с моими проблемами, бессмертие персонажа – это не тот приз, который я хочу получить в игре.

- Понимаю, и готов помочь, - Джаво снова покосился на жриц храма тушителей свечей, обещая себе, что сразится с ними позднее.

- Думаю, жрицы сильнее, чем кажутся, - предупредила Саломея. – Они имитации волшебниц, не забывай.

- Как тут забудешь! Они ведь сожгли меня!

- Не тебя, а твоего персонажа. К тому же ты ведь сам говорил, что тебе надоело играть за обыкновенного стражника.

- Но это было до того, как я познакомился с тобой и получил возможность попасть в Аид! Думаешь, отец позволит мне приобрести ключи игрока той площадки?

Продолжая пререкаться, они продирались сквозь толпы имитаций, пытаясь не потерять Афну из виду. Жрицы в монашеских рясах шли следом. Полные и жутко сутулые, почти сгорбленные, они, казалось, парили над землей, едва переставляя короткие ноги. И чем быстрее двигались Джаво и Саломея, тем ближе к ним подбирались жрицы культа тушителей свечей.

- Может быть, заманить их в безлюдный переулок и… - предложил молодой стражник, положив руку на эфес кинжала.

- А если они окажутся сильнее? – Саломея не смотрела на Джаво, пытаясь держать в поле зрения Афну. – К тому же неизвестно, что произойдет, когда мы официально встретимся с Афной.

- Думаешь, система активирует новый квест?

- Мне кажется, адаптивные алгоритмы специально устроили так, чтобы появился конфликт интересов: сначала я должна была доставить Афну богине из Аида, а теперь на имитацию нимфы претендуют и последователи культа тушителей свечей, заявляя, что в животе Афны хранится сердце их бога.

- Но мы ведь нацелены на Аид? – насторожился Джаво. – Какой прок возвращаться в храм тушителей свечей? На этом ведь особенно не заработаешь, верно? А тебе нужно именно это, так что…

- Успокойся, - снисходительно улыбнулась Саломея. – Я понимаю, что ты жаждешь приключений, получить которые можно только в Аиде, поэтому перестань юлить и скажи

напрямую, что готов помогать мне только в том случае, если мы попадем в Аид.

- Не только, - обиделся Джаво. – Ты мой друг, и я бы помог тебе в любом случае, но если можно будет попасть в Аид… - он замолчал, увидев улыбку на губах Саломеи. – Что теперь не так?

Она качнула головой, увидела, что Афна свернула в безлюдную подворотню и ускорила шаг. Группа имитаций преградила им путь, усложняя задачу преследования. Саломея увязла в карнавальной процессии, но руки молодого стражника оказались сильнее приставучих имитаций в праздничных масках местных богов и героев.

- Почему вы преследуете меня? – спросила Афна, когда Джаво и Саломея наконец достигли подворотни.

Имитация стояла, обнажив стилет, направляя острие в грудь облаченного в доспехи молодого стражника. Схемы восприятия не предвещали опасности, позволяя спокойно оценивать ситуацию.

- Что вам нужно? – потеряла терпение Афна, делая ложный выпад, и тут же целясь стилетом в щель между защитных пластин, чтобы поразить сердце.

Молодой стражник увернулся от смертельного выпада, вывернул имитации руку и отнял кинжал. Афна разразилась проклятиями, затем неожиданно стихла, оставив попытки освободиться.

- Думаешь, квест уже начался? – спросил Джаво, пытаясь отыскать взглядом служителей культа тушителей свечей, которые неожиданно слились с толпой, перестав мозолить глаза своим присутствием.

- Может, отпустишь меня? – подала голос Афна. – Обещаю, что не убегу.

Джаво отпустил руку имитации.

- Мужлан! – скривилась Афна, потирая кисть. – Ты со всеми девушками так обращаешься?

- Нет. Только с теми, кто пытается мне вонзить стилет под ребра.

- Нечего было меня преследовать! Откуда я знаю, кто ты такой и что у тебя на уме!

- Вот с имитациями всегда так! – всплеснул руками Джаво, поворачиваясь к Саломеи. – Сразу видно, что это не настоящий игрок. Никакой границы между реальностью и игровым процессом.

- Эй! Ничего, что я все слышу? – возмутилась Афна.

Саломея смерила ее внимательным взглядом.

- Мы должны отвести тебя в Аид, - сказала она наудачу. – Как ты смотришь на то, чтобы покинуть Новые Фивы?

- То есть сбежать? – насторожилась Афна, затем неожиданно просияла. – А какого черта?! Мне никогда не нравился этот город. Показывайте дорогу!

Она нетерпеливо завертела головой, ожидая ответных действий.

- Так и будет стоять, пока мы не сделаем следующий ход, - тяжело вздохнул Джаво.

- Когда я пришла в театр Торсия, там имитации были живее и больше похожи на людей, - сказала Саломея.

- Они похожи, только когда для этого есть предустановки. В остальном – примитивны до безобразия, пока адаптивные алгоритмы не решат, что для улучшения игрового процесса, имитации должны притвориться настоящими игроками. Тогда активируются дополнительные протоколы, заложенные в точки сборки настоящих игроков, не позволяя им спокойно разговаривать о жизни вне игровой площадке, потому что так имитациям проще выдавать себя за реальных игроков, безукоризненно следующих созданным легендам площадки. Думаю, в твоем случае в театре Торсия было нечто подобное.

- Совершенно не понимаю, о чем вы тут разговариваете, но если хотите сбежать из Новых Фив, то сейчас самое время, а то скоро начнется вторая половина игрового дня, - напомнила Афна.

Саломея и Джаво переглянулись.

- Ну, сколько мне еще ждать? – подбоченилась Нимфа.

- По крайней мере, силой тащить не придется, - пожал плечами молодой стражник.

Они покинули безлюдный закоулок. Имитаций служителей культа тушителей свечей не было видно, но сомнений не возникало, что они вмешаются, как только станет ясно, что Афну ведут не в их храм, а к тайному проходу в Аид. Нимфа с сердцем забытого бога в животе время от времени оживала и начинала рассказывать, какой была жизнь до того, как Сфинкс пришла к власти, построив закрытый город Новые Фивы, затем замечала, что ни Саломея, ни Джаво не слушают ее, притворно обижалась, смолкала на какое-то время, затем снова возвращалась к прерванной истории.

- Думаю, она принадлежит к старой модели имитаций, - высказал предположение молодой стражник, признаваясь, что никогда прежде не видел, чтобы адаптивные алгоритмы так явно выставляли напоказ свои отличия от обычных игроков.

- Мой друг, Арк-Ми, с которым я планировала играть в паре, рассказывал, что иногда подобным образом игрокам подается история и правила квеста, который им предстоит выполнить.

- Просто словами? – растерялся Джаво. – Хочешь сказать, что

им было лень создавать дополнительные протоколы, активирующиеся во время начала квеста, и они решили выйти из положения подобным образом?

- Если верить Арк-Ми и его брату, то некоторые квесты существуют сначала проекта, а это было, сам понимаешь, не вчера. Игровые площадки «Фивы» и «Голод» можно смело назвать столпами современной игровой индустрии КвазаРазмерности. Именно с этих двух проектов началась глобальная популяризация игровых площадок. Они являются законодателями моды игровой индустрии и самыми долгоживущими проектами. Так что некоторые идеи, которые несколько поколений назад считались новинкой, сегодня принципиально устарели.

- Хочешь сказать, что Афна – устаревший вариант имитации?

- Вполне возможно.

Они достигли дворцовых ворот, охраняемых парой стражников-имитаций с таким высоким уровнем силы, ловкости и владения оружием, что с ними не смогла бы совладать и целая армия таких, как Джаво.

- Что будем делать, если они нас не пропустят? – спросила Саломея.

- Должны пропустить, - растерянно пожал плечами Джаво. – В крайнем случае придется дать им взятку или…

- Только не говори, что проход во дворец превратится еще в один квест.

Саломея вздрогнула, услышав голос Афны. Нимфа сбежала от похитителей и теперь мило беседовала с парой стражников-имитаций.

- Что она делает?

- Я не знаю… Кажется… - Джаво нахмурился, прислушиваясь к доносившимся обрывкам разговора Афны со стражниками. – Кажется, заигрывает с ними.

- Заигрывает?!

- Это когда девушки подают всяческие знаки внимания представителям противоположного пола…

- Я знаю, что это значит! – одернула мальчика Саломея. – Я ведь намного старше тебя. Забыл?

- Тогда чему ты удивляешься?

- Не думала, что имитации могут заигрывать с другими имитациями. Нет, я понимаю, когда они поступают подобным образом, чтобы притвориться реальным игроком, но чтобы ради выполнения поставленной задачи… - ее прервал окрик Афны.

- Нам разрешили пройти! – радостно сообщила Нимфа.

- Может быть, адаптивные алгоритмы решили нам помочь разгадать этот квест? – пожал плечами Джаво. – Они ведь могут

так поступать, когда падает спрос на игровые зоны и персонажей, а разгадка квеста может наделать шума и возродить интерес.

- Надеюсь, что все так и есть, - сказала Саломея, проходя мимо имитаций стражников, бросавших в ее сторону хищные похотливые взгляды, притворяясь обычными игроками, которые в действительности, увлеченные игровым процессом, редко реагировали подобным образом на представительниц противоположного пола.

- Эй, она со мной! – прикрикнул для верности Джаво на стражников, вызвав громкий смех и пару колкостей в адрес его низких уровней силы, ловкости и владения оружием.

- Может быть, они задержат жриц из храма Иакха? – предположила Саломея.

- Сильно сомневаюсь, - скривился Джаво. – Это ведь игра, не забывай. Здесь совершенно иное развитие событий, чем в жизни.

Словно в подтверждение его слов, в шумной толпе философов и звездочетов мелькнули несколько монашеских ряс служительниц культа тушителей свечей.

- Почему об этих монахах так мало доступной информации! – возмутился Джаво. – Когда я спускался в подземелья великанов, то активированные новым заданием протоколы игровой точки сборки добавили к моим воспоминаниям детальную историю о великанах, а тут… Как нам сражаться с культом забытого бога? Какие у них сильные и слабые стороны? Понятно, что они, скорее всего, обладают магическими навыками, но какого уровня?

Они прошли мимо группы имитаций стражников, практиковавших навыки владения оружием. Звон клинков обострил восприятия игрового персонажа Джаво.

- Глупый вояка! – рассмеялась над ним Афна.

Двор закончился массивной мраморной лестницей, ведущий в королевские залы. Саломея помнила, как прибыла сюда с труппой Торсия, но тогда она была в окружении имитаций и не могла думать ни о чем другом, кроме предстоящего выступления, словно превратилась в одержимого игромана, а сейчас… Саломея резко обернулась, желая убедиться, что им удалось оторваться от преследования монахинь из культа тушителей свечей. «Сейчас, кажется, я еще больше одержима игровым процессом, чем в первые дни», - призналась себе Саломея, невольно отмечая детализацию мира вокруг: трещины в камнях, паутина, следы копоти от факелов, оброненный кем-то белый платок, десятки запахов, которые можно при желании разделить на составляющие, а можно воспринимать единым букетом, соответствующим тому или иному месту, в котором ты находишься, сотни звуков, начиная приглушенными голосами, и

заканчивая дивными песнопениями жриц в храмах…

Саломея замерла, оказавшись в зале, где проходили выступления Торсия. Отсюда минувшей ночью начиналась ее дорога к тайной двери в мир Аида. Протоколы восприятия обострились, при виде сцены, как это случилось недавно с Джаво, когда он услышал звон клинков и увидел тренировку стражников. Захотелось бросить все и вернуться в труппу. Саломея понимала, что желания эти не принадлежат ей, а продиктованы заложенными в точку сборки игровыми протоколами, но… Она не хотела признаваться, но, кажется, игровой процесс действительно начинал затягивать, и ей нравилось то, что приходится испытывать в процессе, особенно когда следуешь установленным игровым векторам развития сюжета.

«Если так пойдет и дальше, то превращусь в чокнутого игромана, забывшего о том, что такое реальная жизнь», - подумала Саломея, заставляя себя вспомнить, в каком из множества коридоров скрылась имитация Сфинкс, которая, согласно игровой легенде, приходит время от времени из Аида в Новые Фивы, чтобы посмотреть на выступления актеров или поиздеваться над Эдипом и прочими врагами.

- Что-то не так? – настороженно спросил Джаво.

Саломея смотрела на десятки коридоров, ведущих в украшенный пышными колоннами в коринфском стиле зрительный зал, пытаясь вспомнить, в каком из них скрылась Сфинкс в день выступления. Воспоминания оживали, становясь четкими и ясными, но… Саломея помнила все, что происходило за кулисами и на сцене. Помнила свое волнение, затем, когда громыхнули овации, ликование. Но вот Сфинкс… Богиня Аида точно была на выступлении, стояла, притаившись в тени подпиравших высокий потолок колонн, буквально притягивая к себе внимание Саломеи, мешая выступать. Сначала она думала, что это игра теней, но едва постановка закончилась, со всех ног побежала за таинственной посетительницей.

- Кажется, нам туда, - сказала Саломея, указывая на темный коридор в дальней от сцены части зала.

- Ты уверена? – спросил Джаво.

Саломея кивнула, морщась от звонкого смеха Афны, которая кружила по сцене, напивая красивым мелодичным голосом что-то крайне бессмысленное.

- Забирай ее и уходим, - велела Саломея, чувствуя, как усиливается беспокойство, искусственно обостренное игровыми протоколами.

- Я не хочу уходить! – заупрямилась Нимфа. – Мне нравится здесь, на сцене! Всегда мечтала выступать!

- Можешь ударить ее, если будет сопротивляться, - сказала Саломея молодому стражнику.

- Не надо меня бить! – рассмеялась Афна, пытаясь продолжать петь.

Джаво схватил Нимфу за руку, стаскивая со сцены.

- Грубиян! – продолжала забавляться имитация.

Саломея влепила ей пощечину, Нимфа прикусила язык, растерянно уставившись на обидчицу.

- Пора уходить в Аид, да? – спросила она, шмыгнув носом, покосилась на сцену и тяжело вздохнула. – Жаль. Мне только начало нравиться это место…

Джаво потерял терпение и потащил имитацию за собой. Черная пасть коридора притягивала и волновала, поэтому молодой стражник не сомневался, что воспоминания не подвели Саломею, и она правильно указала начало дороги к тайной двери в Аид.

- Куда это вы собрались? – гулко проскрипел в пустом зрительном зале голос монахини из культа тушителей свечей.

Джаво вздрогнул и замер. Саломея тихо выругалась.

- У нас был договор! – сказала имитация монахини. – Культ тушителей свечей не любит предателей.

- Культ тушителей свечей? – подала голос Афна, прячась за спиной молодого стражника. – Подождите. А я ведь вас знаю… - на ее лице отразились сначала задумчивость, затем растерянность и наконец гнев. – Мерзкие старухи! Они обманули меня. Сказали, что помогут оживить моего возлюбленного Иакха, но вместо этого стали поклоняться ему, называя забытым богом.

- Мы договорились, что ты вернешь беглянку, а мы подарим тебе бессмертие, - сказала монахиня Саломее. – Посмеешь ослушаться – и мы заберем твою жизнь и душу. Ты никогда не сможешь вернуться в этот мир.

- В смысле – не сможет вернуться на игровую площадку закрытого города? – вмешался в разговор Джаво.

Монахиня устремила к нему грозный взгляд.

- Уйди, малец, если не хочешь пострадать вместе с предателем! – проскрипела монахиня. – Я вижу тебя насквозь. Ты ни на что не годен. Твоих сил хватит, разве чтобы справиться с бездомным псом.

- Да эта имитация обнаглела! – вспылил Джаво, обращаясь к Саломее.

Монахиня взмахнула рукой и факел, рядом с которым стоял молодой стражник, взорвался, окатив его снопом искр. Доспехи выдержали удар, но, судя по внешним повреждениям, в следующий раз полагаться на них уже не имеет смысла. «Нужно

было учиться метать кинжалы», - с досадой подумал Джаво, оценивая расстояние, оделявшее его от монахини. Успеет ли он добежать до нее и проткнуть сердце прежде, чем она выкинет очередной фокус? Что взорвется на этот раз? Факелов на пути нет. Может быть, эта ведьма больше ничего не умеет?

- Думаю, можно рискнуть, - прошептал Джаво, обнажая клинки.

Саломея смерила его долгим взглядом, но отговаривать не стала. В конце концов, попробовать стоит.

- Вот это да! – оживилась Афна. – Они сражаются за меня!

Монахиня увидела, что молодой стражник пытается провести атаку и, вскинув руки, заставила его кинжалы раскалиться докрасна. Обожженные руки вспыхнули такой болью, что Джаво закричал. Возрастные ограничения не работали, или… «Кажется, чем сложнее квест, тем выше ставки», - думал он, катаясь по полу, пытаясь унять боль.

- Я заберу то, что принадлежит нам! – проскрипела монахиня, начиная приближаться к Саломее, за спиной которой пряталась Афна.

- Пожалуйста, не отдавайте им меня! – взмолилась нимфа.

Вопли Джаво привлекли внимание имитаций стражников, дежуривших в коридоре, ведущем к тайной двери. Выбежав в аудиторию и увидев раненого молодого собрата, они обнажили клинки и двинулись на монахиню. Взмахнув руками, она попыталась повторить тот же трюк, что и с Джаво минутой ранее – накалить докрасна оружие, но уровень развития имитаций стражников был в десятки раз выше уровня игрового персонажа Джаво. Поравнявшись с молодым собратом, они помогли ему подняться и велели держаться за их спинами.

- Еще чего! – обиделся Джаво. – Дайте мне кинжал, и я буду сражаться рядом с вами.

- Мы справимся и без тебя, мальчишка! – отрезали имитации стражников. – К тому же посмотри на свои руки – какой из тебя воин!

Стражники перестроились, готовясь к атаке монахини, которая безрезультатно продолжала колдовать. Поняв, что заклинания не приносят успеха, старуха сбросила с головы капюшон и вспыхнула, словно свечка. От яркого света зарябило в глазах. Монахиня не стала дожидаться, когда стражники приблизятся к ней, и сама бросилась в атаку. Ее руки превратились в огненные мечи. Пламя и сталь скрестились, выбивая снопы искр. Прокаченные клинки стражников устояли. Десяток ложных выпадов, пара смертельных для новичка, но незначительных для матерого стражника ранений, от которых

воздух заполнился сладким запахом поджарившейся плоти, и один из клинков рассек монахиню-свечку надвое. Завихрения пламени зашипели. Из разрубленных половинок повалил сначала белый дым, затем черная копоть и наконец ярко-синее свечение продублировавшее прежнее объятой пламенем тело монахини, создав две пары двойников.

Один из стражников, недолго думая, метнул в едва успевшего сформироваться противника кинжал. Острие пробило новой монахине грудь, оставив огромную рану, из которой вместо крови хлынул уже знакомый белый дым, превращаясь в ярко-синее свечение и нового клона. Что касается оставленной клинком раны, то она затянулась, а клинок, громко звякнув, упал к ногам монахини. Теперь силы были неравны – шесть объятых пламенем силуэтов против двух стражников. Причем стоило нанести монахиням-свечкам хоть одно ранение, как они тут же дублировали себя, так что численность полыхающих смертельно опасных образов множилось чуть ли не в геометрической прогрессии, заставляя израненные имитации стражников отступать.

- На помощь! – взревел один из них, когда огненный меч отсек его напарнику руку.

Подходившие к залу коридоры наполнились топотом бегущих ног. Десятки имитаций стражников заполнили зрительный зал. Завязалось ожесточенное сражение, к которому стали присоединяться и обычные игроки, пользуясь тем, что в подобной неразберихе можно сразить раненного, прокаченного почти до предела врага, получив системные бонусы, за победу над превосходящим по силам противником. Стали появляться случайные игроки, не имеющие отношения к стражникам, что позволяло им вступать в бой не только с монахинями-свечками, но и с королевской стражей.

Все смешалось, превратилось в безумный джем: вязкий и липкий, из которого Джаво едва смог выбраться. Обгоревшие руки болели, но теперь бороться с болью стало проще. Вернулся контроль над телом, хотя уровень реакции и силы оставался на уровне ниже начального. «Вот это замес! – думал Джаво, досадуя, что не может принять в потасовке участия». У него были травмированы руки, и он лишился кинжалов – дело наживное, конечно, но будет ли у него еще возможность принять участие в подобной драке? Джаво увидел брошенный кинжал павшего стражника и потянулся, собираясь поднять его. «Думай об Аиде!» - приказал он себе, понимая, что как только возьмет оружие, то превратится из никчемного раненного и безоружного новичка в потенциального противника для свечек-монахинь – уж точно.

- Как ты? – спросила Саломея, когда молодой стражник наконец-то выбрался из пекла сражения.

- Хотел остаться и сразиться, - признался Джаво, огляделся и сказал, что лучшего шанса для побега может больше не представиться.

- Я только «за»! – оживилась Афна.

- Тебя вообще никто не спрашивает! – скривился молодой стражник, отчитывая себя, что увлекается и начинает воспринимать имитацию как личность.

Оставив залитый кровью и затянутый дымом зал, они побежали по коридору к двери в Аид. Несколько монахинь-свечек заметили беглецов и устремились в погоню.

- Шевели ногами! – заорала на нерасторопную Афну Саломея, которой после травмы Джаво, приходилось тащить за руку нимфу.

Пара стражников, которых Саломея встречала в ночь, когда отыскала дверь в Аид, преградила дорогу непрошеным гостям. Жар от преследовавших беглецов монахинь-свечек заполнил коридор.

- Что это такое? – вытаращили глаза имитации стражников, увидев полыхающие образы последователей культа свечей.

Обнажив клинки, они заняли боевые стойки.

- Пропустите нас! – попросила Афна, но стражники не обратили на нее внимания.

- Нет смысла торговаться с ними, верно? – спросила Саломея.

Джаво кивнул. Жар от монахинь-свечек начинал обжигать. Протоколы восприятия обостряли чувства. Казалось, огонь уже лижет кожу, превращая в черную корку, пытаясь добраться до сочного мяса под ней. Имитации стражников начали шептать молитвы богам.

- Может быть, они все-таки уйдут? – прошептала Саломея.

- Сомневаюсь, - одними губами сказал Джаво, занял удобную для атаки стойку, и когда монахини-свечки приблизились едва ли не на расстояние удара, бросился на стражников, внимание которых было сосредоточено на полыхающих противниках.

Атака застала имитации врасплох, позволив молодому стражнику сбить их с ног. Лишь один успел, падая, нанести наглецу удар клинком, проткнув предплечье. Рана была не смертельной, но Джаво снова отметил, что возрастные ограничения, которым следовало помимо прочего блокировать боль, снова плохо справляются со своими задачами.

- Бежим! Чего рты разинули? – заорал он на Саломею и Афну.

Стражники спешно поднимались на ноги, но времени на преследование не было – руки монахинь-свечек, превратившиеся

в мечи, наносили удар за ударом, пытаясь сломить сопротивление матерых стражников, но имитации держались, отражая неистовые атаки, умудряясь при этом наносить ответные удары монахиням, дублировавшим себя после каждого полученного ранения.

Коридор, по которому бежали Саломея, Джаво и Афна, изогнулся, резко уходя в сторону, отрезав жар от монахинь-свечек, но звук сражения еще долго доносился до ушей, заставляя бежать быстрее.

- Там, в зале, когда я напал на монахиню, она сказала, что способна запретить нам вернуться на площадку в случае гибели игрового персонажа. Думаешь, ей такое под силу? – спросил набегу Джаво.

- Откуда мне знать? – растерялась Саломея, жадно хватая ртом воздух.

- Ну, ты ведь говорила, что была знакома с братьями, которые были одними из главных разработчиков Фив.

- И что?

- Вы хотели сыграть здесь, сорвав банк. Для этого нужно учесть много нюансов.

- Игровая площадка «Фивы» огромна. Невозможно просчитать каждую допустимую вероятность. К тому же я не планировала играть здесь, предлагая постепенное развитие и прокачку персонажей в «Голоде», пока не начнутся бунты, во время которых, при грамотных действиях, можно хорошо заработать.

- В «Голоде» много не заработаешь.

- Вот и Арк-Ми так сказал.

- Плюс «Голод» материален в отличие от «Фив», построенных в Подпространстве, а значит, игровой процесс менее пластичен. Представь, сколько ограничений накладывают тела клонов, тогда как здесь персонажи состоят из чистой энергии.

- Зато в «Голоде» монахини никогда не смогли бы превратиться в объятые пламенем машины смерти, и тем более не смогли бы делиться, получая ранения.

Саломея обернулась, почувствовав, что жар усилился. Звук сражения стих, уступив место треску, с которым продвигались объятые пламенем монахини. Протоколы восприятия продолжали обострять чувства, но теперь к страху перед монахинями добавилось волнительное чувство приближения к тайне. Именно благодаря этому чувству Саломея выбирала дорогу, когда у них на пути появлялись развилки. Волнительное предвкушение было точно таким же, как и в тот день, когда она преследовала Сфинкс, покидавшую закрытый город.

- Ты тоже это чувствуешь? – спросила она молодого

стражника.

- Что именно?

- Волнение, приближение к тайне.

- Я чувствую только, как усиливается жар.

- Думаешь, дело в том, что я уже видела дверь в Аид, и знаю, а ты нет?

- Все возможно. Главное не ошибись на очередной развилке.

- Если протоколы восприятия не играют со мной злую шутку, то не ошибусь.

Саломея увидела тупик и остановилась.

- Вот это номер! – растерялся Джаво, вглядываясь в черную стену.

Факелы не горели и различить детали было практически невозможно.

- Думаю, нужно подойти поближе, - сказала Саломея.

Преследование отошло на второй план. Мысли сконцентрировались на черноте, которая оживала, начиная пульсировать.

- Ну что там? – спросил Джаво.

- Не знаю, кажется… - Саломея подошла ближе. Тьма пульсировала, переливалась.

Где-то далеко, словно в другом мире, закричал Джаво, увидев объятых пламенем монахинь. Саломея почти не слышала его. Мир сосредоточился на темном дверном контуре. Любопытство стало абсолютным.

- Сюда! – закричала Саломея, протягивая руку к эфемерной двери.

Схемы восприятия передали в сознание ощущение холода. Теплый ветер окутал тело, принося свежий, едва уловимый запах цветов.

- Ого! – в один голос произнесли Джаво и Афна, увидев переливающийся разными цветами проход в покои Сфинкс.

Монахини-свечки что-то закричали, пытаясь остановить беглецов, но было уже поздно. Саломея переступила порог первой, за ней Афна. Джаво замыкал процессию. Монахини-свечки почти настигли их, но молодой стражник захлопнул дверь, пропустив в Аид лишь извивающиеся языки пламени, которые почти сразу рассыпались на десятки крошечных копий, позволив затоптать себя.

Глава пятая

В покоях Сфинкс было тихо, если не считать размеренного дыхания богини, скрытой от посторонних взглядов балдахином.

- Один случайный звук – и она проснется, - услышала Саломея голос демона, который преследовал ее с момента, как она пришла в театр Торсия.

Спустившиеся на замок Сфинкс серое небо Аида запечатало окна своей желеобразной плотью. В полумраке было видно лишь слабую пульсацию двери, позволявшую выйти из пограничной зоны между двумя игровыми площадками в дворцовые коридоры и залы, которые ночью не охраняются – Саломея думала так, полагаясь на опыт своего прошлого визита в этот мир.

- Заставь Афну молчать! – велел нависший за плечом демон.

Саломея хотела сказать, что нимфа молчит, но увидела, как та делает глубокий вдох, собираясь выдать очередную глупость, и едва успела зажать ей рот, одновременно с этим указывая свободной рукой на кровать правительницы Аида. Имитация на удивление быстро сообразила что к чему.

- И не спускай глаз с мальчишки, он тоже может натворить глупостей, - прошептал демон на ухо Саломее в тот самый момент, когда молодой стражник, ведомый любопытством, приблизился к кровати владычицы Аида, собираясь заглянуть за балдахин.

Оставив Афну без внимания, Саломея метнулась к Джаво. Он недовольно всплеснул руками. Саломея указала ему на двери, ведущие в коридор за покоями Сфинкс. Молодой стражник нахмурился, но спорить не стал. Желание увидеть лицо спящей владычицы Аида было таким сильным, что ноги, словно приклеились к полу, отказываясь уходить от кровати Сфинкс. Тайна рядом, ты можешь слышать ее дыхание. Нужно лишь протянуть руки и убрать балдахин. Грозная богиня не проснется. Ничего страшного не случится, лишь будет удовлетворена тайна.

Джаво вздрогнул, получив от Саломеи затрещину, и поплелся к выходу. Дверь открылась почти беззвучно, выпуская незваных гостей в каменный коридор.

- Теперь можете разговаривать, - прошептал демон Саломее.

Редкие факелы на стенах верхних этажей дворца нещадно коптили, рождая причудливые живые тени, которые извивались в ногах чужаков, едва слышно перешептываясь. Джаво замахал руками, привлекая внимание.

- Все нормально, теперь можешь разговаривать, - сказала Саломея.

- Эти тени похожи на те, что мы видели, когда спускались в подземелья к храму тушителей свечей! – скороговоркой произнес он, и тут же замер, потому что адаптивные алгоритмы добавили в точку сборки информационные протоколы о тенях Аида и о Химере, которая была предводителем слепленных из тьмы стервятников, собирающих истории жизни в колодце воспоминаний. – Если спуститься в этот колодец, то можно пройти любой квест, разгадать любую тайну! – воодушевленно сказал молодой стражник.

- Я тоже так подумала, когда впервые оказалась здесь, - улыбнулась Саломея, оглядываясь в поисках подсказок дальнейшего продвижения, как это было в прошлый раз.

- Может быть, все-таки стоит задуматься о том, чтобы отыскать колодец воспоминаний и получить доступ ко всем тайнам игровой площадки? – загорелся Джаво.

- Думаешь, ты один такой здесь умный? – снисходительно улыбнулась Саломея. – Полагаю, как минимум несколько тысяч игроков за историю площадки пытались провернуть нечто подобное. К тому же это ведь не безграничный кладезь знаний, которым ты сможешь пользоваться, когда захочешь. Официально, любой игрок может обратиться к Химере и за определенную плату получить разовый доступ к архиву.

- А что об этом говорили тебе братья из совета разработчиков «Фив»? – не унимался молодой стражник.

- Арк-Ми говорил, что проще заплатить за нужную информацию Химере и идти своей дорогой.

- И совсем нет никакой хитрости?

- Да успокойся ты! – вмешалась в разговор имитация нимфы.

- Но ведь заполучить контроль над колодцем воспоминаний – это реальный шанс положить руку на пульс игрового процесса! – пылко сказал молодой стражник, разве что не топая ногами.

- Хочешь подняться по лестнице власти мира Аид, проберись лучше в пустыню Живых песков и разгадай, как подчинить себе волю заточенной там богини, - посоветовала Афна.

- И что там делает эта богиня? – насторожился Джаво.

- Пустыня Живых песков – это тюрьма, в которую заточила ее Сфинкс. Считается, что сейчас только Гарпия является единственным реальным претендентом на престол царицы Аида, так что…

- Никому это не интересно, - недовольно прервала нимфу Саломея.

- Ну почему же… - попытался вступиться заинтригованный молодой стражник.

- Арк-Ми говорил, что спрос на квест Гарпии настолько мал,

что разработчики вообще решают, стоит сохранять пустыню Живых песков в проекте или нет.

- Но Афна сказала, что Гарпия – единственный претендент на трон Сфинкс.

- Афна – имитация. Забыл? За ее функционирование отвечают адаптивные алгоритмы, которым только и нужно, чтобы привлечь свободных игроков к выполнению невостребованных квестов. Они управляют игровым процессом так, чтобы площадка набирала популярность. Игровые нейронные трансляции пользуются популярностью. А как проще всего привлечь потенциальных покупателей ключей игроков, как не жаркими баталиями и сложными запутанными квестами на любой вкус.

- Так ты думаешь, есть вероятность, что прямо сейчас нашу историю транслируют по нейронным каналам? – оживился скисший было молодой стражник.

- Боишься, что облажаешься на глазах миллионов? – съехидничала Саломея, начиная продвигаться к подсвеченной адаптивными алгоритмами каменной лестнице, ведущий вниз.

Джаво и Афна шли следом. Обожженные руки молодого стражника зажили, и вообще он чувствовал себя… обновленным? Ничего другого на ум не приходило. Конечно, все это могло быть иллюзией, но ему казалось, что он стал сильнее, быстрее, искуснее.

- Как ты думаешь, есть вероятность того, что во время перехода система изменила наши точки сборки? – спросил Джаво.

- Ты чувствуешь, что у тебя появились новые способности?

- Кажется, да.

- Тогда, может быть, твоя точка сборки действительно изменилась.

- А ты, значит, не чувствуешь перемен?

- Нет.

- Может быть, точка сборки твоего персонажа изначально была создана для существования в двух игровых мирах… - молодой стражник запнулся, понимая, что последние два слова произнес в своей голове.

- Что в двух? – спросила Саломея. – Ты хотел сказать, в двух игровых мирах? – последние слова застряли комом в горле.

Она остановилась и растерянно уставилась на молодого стражника. Протоколы общения изменились, не позволяя разговаривать на не относящиеся к игровому процессу темы. «Наверное, все дело в Афне, - подумала Саломея, вспоминая, как во времена выступлений в актерской труппе Торсия, не то что не могла разговаривать о реальном мире, но даже начинала забывать важные детали из прошлой жизни. – Чем больше рядом

имитаций, тем выше контроль над игровым процессом со стороны адаптивных алгоритмов». Молодой стражник проследил за взглядом Саломеи и согласно кивнул, меряя имитацию нимфы недобрым взглядом.

- И как долго это будет продолжаться? – спросил он.

Саломея пожала плечами, прислушиваясь к нарастающим звукам далекого сражения. Джаво тоже услышал это, насторожился. Искусственное, продиктованное игровыми протоколами точки сборки любопытство смешалось с настороженностью.

- Это что, дворцовый переворот? – растерянно спросил Джаво.

- Боюсь все намного хуже, - скривилась Саломея, вспоминая то, что видела во время прошлого визита сюда в одном из гигантских залов этажом ниже. Она не хотела рассказывать об этом молодому стражнику, но слова лились из ее рта помимо воли.

Молодой стражник слушал историю о любовной связи воеводы Сфинкс с ее любовницей и заострял внимание исключительно на личности Тидея – одного из лучших бойцов Аида, предводителя армии верховной правительницы. Адаптивные алгоритмы активировали протокол взаимодействия, показывая необходимую информацию о воеводе Сфинкс, который, согласно игровой легенде, когда-то давно был прославленным воином, попавшим после смерти в Аид. Когда воды Мертвого озера вынесли его на берег, предшествующая Сфинкс правительница лично пришла встретить его, чтобы взять в королевскую стражу – честь, которая никогда прежде не оказывалась обыкновенному человеку. Но о том, чтобы подняться в чине не могло быть и речи. Каким бы искусным воином ни был Тидей, он оставался человеком – низшим сортом в замке правителя Аида. И так было до тех пор, пока к власти не пришла Сфинкс.

С новой правительницей Тидей быстро стал главой королевской охраны, сблизился с новой королевой и получил шанс возглавить гарнизон, в рядах которого долгие годы боролся с мятежниками и непокорными телебами, приходившими из-за Голиафских гор, проявив себя храбрым, искусным воином, и получил право бросить вызов предводителю армии иддалов, обезглавив последнего в честном поединке. С тех пор Тидей возглавляет военную мощь новой власти – великий воин и верный пес на услужении Сфинкс.

Прежде, до того, как приобрести ключ игрока «Фив», Джаво долго изучал проект и его героев. Он знал, что Тидей – имитация, созданная идеальным воином, которого не сможет победить ни

один игрок. Он гениальный полководец и стратег. За долгую историю «Фив», игроки не один раз объединялись, пытаясь противостоять армии Тидея. Хроники тех сражений и по сей день пользуются популярностью среди игроманов и поклонников «Фив». Джаво десятки раз пересматривал нейронные записи сражений игроков с армией Тидея, лично убеждаясь, что победить подобную мощь невозможно, но сейчас, под влиянием игровых протоколов точки сборки, он одержимо начинал фантазировать, что однажды сможет оказаться тем, кто сломает систему и победит фаворита Сфинкс.

- Забудь об этом, - отрезала Саломея, когда молодой стражник попытался озвучить свои мысли. – Тидей – это… это… - она тщетно пыталась сказать, что предводитель армии Сфинкс – это созданный учеными акеми сложный алгоритм, вписанный в игровые схемы таким образом, что никто не сможет победить его. – Ни у кого прежде не получалось захватить дворец Сфинкс, - удалось вымолвить ей, но остальную часть истории, услышанную от Арк-Ми, когда они решали за каких именно персонажей будут играть, произнести не удалось.

- А ты странная, - подметила Афна, широко улыбаясь.

- Думаю, это все из-за нее, - сказала Саломея молодому стражнику, кивнув в сторону имитации нимфы. Она велела Афне не двигаться, затем отвела Джаво в сторону. – Чем дольше она находится рядом с нами, тем сильнее становится контроль адаптивных алгоритмов над протоколами наших ТС. Когда я только начала играть, путешествуя за пределами города по землям землепашцев, то со мной происходило нечто подобное. Я не то что не могла разговаривать о своей жизни в Размерности, но начинала даже забывать о том, что у меня там осталась дочь, которую пытается забрать отец хранитель, превратив ее в нейропата.

- Тогда давай побыстрее избавимся от нимфы, - беззаботно предложил Джаво.

Далекий звук сражения стих, и тишину прорезал дикий предсмертный хрип, эхом прокатившийся по пустым коридорам.

- Что это? – растерялся Джаво, возрастные ограничения которого после перехода между игровыми площадками работали не то с перебоями, не то просто получили новые установки фильтрации. – Что там происходит? – Джаво уставился на закрытые двери одного из многочисленных залов дворца.

- Думаю, ты не захочешь смотреть, что там происходит, - спешно сказала Саломея, услышав звонкий смех харит, следом за которым громыхнул гортанный гогот Тидея.

Джаво стиснул зубы, пытаясь скрыть дрожь.

- Что с тобой происходит?

- Кажется, система обостряет мое чувство страха. У тебя самой разве не так?

- Нет.

- Может быть, все дело в том, что у меня персонаж стражника, воина, и адаптивные алгоритмы при смене площадок перенастроили протоколы восприятия таким образом, что я испытываю трепет перед местной легендой – Тидеем?

- А может быть, ты просто трус? – вмешалась в разговор Афна. – Прятался в закрытом городе, где даже дуэли официально запрещены, воображая себя храбрецом, а едва почувствовал близость реальной опасности – сразу поджал хвост.

- Закрой рот! – процедил сквозь зубы Джаво, вспомнил, что за ними могут наблюдать тысячи поклонников «Фив», посредством нейронных трансляций событий игрового дня, и покраснел. – Я не боюсь Тидея! – сказал он, стараясь не замечать, что голос начал дрожать. – Если ты думаешь, что я боюсь, то я могу сразиться с ним прямо сейчас!

Он шагнул к дверям, за которыми происходила кровавая мистерия Тидея и любовницы Сфинкс по имени Пандора. Ноги предательски онемели, отказываясь подчиняться. Молодой стражник засопел, пытаясь сделать шаг, но не смог. Афна рассмеялась. Джаво в бессилии сжал кулаки.

- Ты чего завелся? – растерялась Саломея.

Джаво попытался сказать, что не хочет выглядеть трусом на глазах у тысяч игроманов, которые прямо сейчас, вероятно, наблюдают за ними, но адаптивные алгоритмы не позволили ему это сделать.

- Ладно, расслабься, - хлопнула его по плечу Афна. – Тидей сильнейший воин Аида. Многие считают, что если они сойдутся с Аресом в схватке, то бой никогда не закончится. Ты ведь знаешь, кто такой Арес? – Афна встала напротив молодого стражника, заглядывая ему в глаза. – Тебе рассказывали о боге анархии и хаоса? – имитация нимфы увидела, как вздрогнул Джаво, и расплылась в довольной улыбке. – Вижу, что рассказывали. Жуткие истории, верно? Особенно как он родился…

Молодой стражник сжимался на глазах. Протоколы восприятия усиливали страх в десятки раз, лишая воли, не позволяя трезво мыслить, загружая сознание информацией о великих воинах, возводя трепет перед легендарными личностями в абсолютный ужас.

- Бедняжка, - продолжала забавляться имитация нимфы. – Боюсь даже представить, что с тобой случится, если я расскажу тебе об Оместесе и его армии проповедников боли. Ты знал, что

его отцом был древний и жестокий бог по имени Хтон, который…

- Ну хватит! – потеряла терпение Саломея, схватила Афну и Джаво за руки и потащила прочь от закрытых дверей залитого кровью зала, не обращая внимания на пререкания.

Молодой стражник не сопротивлялся, но имитация нимфы продолжала ехидничать, рассказывая о том, как Оместес, будучи ребенком, убил свою мать, питаясь ее плотью, чтобы набраться сил. Она как раз дошла до истории о том, как мать Оместеса стала первым живым мертвецом, когда Саломея, потеряв терпение, отвесила ей такую оплеуху, что нимфа лишилась дара речи: выпучила глаза и растерянно открывала и закрывала рот.

- Так уже лучше, - проворчала Саломея.

- Спасибо, что успокоила ее, - поблагодарил Джаво, чувствуя, как страх начинает отступать. – Такое чувство, что адаптивные алгоритмы решили добрать все, чего были лишены в Новых Фивах, когда их сдерживали возрастные ограничения моей точки сборки.

- Если хочешь, то можешь вернуться в закрытый город. Думаю, система именно этого и добивается.

- Хоть не стыди меня, как это делала Афна, пока не получила от тебя затрещину! – притворно надулся Джаво.

- Значит, останешься здесь?

- Буду играть, пока не погибну.

Темнота в коридорах пульсировала синевой, направляя Саломею к покоям Геи – персонажа, поручившего отыскать Афну. Дважды указатели вспыхивали красным, предупреждая об опасности. Первый раз это оказалась группа иддалов. Их тела были буквально усыпаны глазами, многочисленные конечности невероятно сильны и пластичны – непобедимые воины, к которым невозможно подобраться со спины, потому что им под силу вести бой сразу во всех направлениях. Под предводительством Тидея они превращались в грозную армию, способную защитить дворец правительницы Аида от любых атак.

Иддалы появились так внезапно, что Саломея, Джаво и Афна едва успели нырнуть за громадные колонны, подпиравшие высокие потолки дворцового коридора. Думать о том, что случилось бы, если пульсирующие синим указатели, направлявшие гостей Аида в покои Геи, не вспыхнули предупредительным красным, не хотелось, но воображение помимо воли рисовало картины жестокой расправы. Возможно, виной всему были информационные протоколы, подгружаемые адаптивными алгоритмами к точкам сборки, но сейчас отличить поддельные страхи от собственных было крайне сложно. Иддалы у разработчиков «Фив» вышли действительно злобными

монстрами, в дюжинах глаз которых горит не только безумие и жажда крови, как у большинства монстров, но и холодный расчет опасного убийцы, просчитывающего свои действия на десятки ходов вперед.

- Только держитесь подальше от стен, - прошептала Саломея, предупреждая Джаво и Афну. – В прошлый раз в одном из скрытых в тени альковов меня чуть не сожрали каменные змеи.

Она увидела, как вздрогнул молодой стражник, и спешно взяла его за руку, боясь, что он выскочит из убежища и попадется иддалам.

- Ненавижу змей, - прошептал мальчик, вспоминая визит в шахты, где находилась богиня Геката. – Они холодные и слизкие. И еще у них мерзкие, раздвоенные языки. А шипят они… Ух! - он передернул плечами. – Просто жуть.

Саломея услышала шорох за спиной и велела молодому стражнику не оборачиваться, надеясь, что ожившие каменные змеи не смогут дотянуться до них.

Иддалы, лишенные волей разработчиков голов, с усеянными несколькими рядами острых зубов ртами, расположенными там, где у обычных игровых персонажей находился живот, миновали убежище чужаков. Их оплетенные мускулами тела были тяжелыми на вид, но шаги звучали почти беззвучно. Бесстрашные воины сопровождали женщину с грудным ребенком на руках, которого даже при большом желании невозможно было принять за сына человеческого. Несомненно, когда ребенок вырастет, то превратится в могучего воина, вот только сходства с матерью, представительницы прекрасных и обольстительных харит, у него не будет – это точно, потому что, судя по всему, его отцом не был человек. Скорее, иддал, или… Адаптивные алгоритмы добавили в точку сборки информационные протоколы о проводимых во дворце Сфинкс экспериментах по скрещиванию различных видов с целью вывести нечто новое, способное навести порядок в Аиде.

- Мерзость! – скривились Саломея и Джаво в один голос, увидев плененных гриллов, которых держали в темницах замка Сфинкс, приводя к ним время от времени харит, чтобы получить сильное потомство.

Свободные и кровожадные, гриллы обитали в районах Мертвого озера, на берегах которого появлялись люди, закончившие, согласно игровой легенде, земную жизнь. В начале создания «Фив» подобные персонажи практически не пользовались спросом у игроков, но затем, в процессе популяризации проекта, стало находиться все больше и больше людей, которым были неинтересны квесты и длительные прокачки персонажа, когда нужно сначала бегать по полянам

аворов, поедая говорящие цветы, чтобы набраться сил, затем охотиться за ийсами – крошечными зверьками, рождающимися из переваренных в желудках птиц-падальщиков аворов. Птицам разработчики дали название «ории», и они были хитрыми и ловкими имитациями, поймать которых считалось практически невозможным. На них могли охотиться как новички, так и игроки со стажем, потому что за поимку ории уровень ловкости и силы утраивался в независимости от уровня персонажа.

Информационные протоколы, интегрированные адаптивными алгоритмами в точку сборки, показали Саломее и Джаво процесс охоты на гриллов, не пытаясь скрывать, что многие из персонажей диких тварей принадлежат реальным игрокам, а не имитациям. Группы охотников на гриллов собираются из иддалов, и тоже обычно состоят в большинстве своем из реальных игроков, давая возможность заработать бонусные очки за удачную охоту.

Существует целая наука по ловле гриллов. Главным составляющим успеха является приманка. Обычно выбирают человека, появляющегося на берегу Мертвого озера – лакомство для гриллов, от которого они не могут отказаться. Они лишенные, согласно замыслу разработчиков, возможности развиваться. Их главной целью является получение удовольствия от охоты и питания. Аналитики игровых площадок приравнивают гриллов к персонажам небожителей из «Голода», употребляющим нейронные наркотики.

Следующим важным составляющим охоты на гриллов, является организованность. Необходимо действовать быстро и решительно, потому что сила грилла увеличивается пропорционально страху, который сводит гриллов с ума, когда они встречаются с сильным противником, способным одолеть их в открытом бою.

И напоследок, нужно с точностью знать особенности транспортировки плененных гриллов. Группы охотников возглавляются имитациями иддалов, которые в основном выполняют роль наблюдателей, не принимая участия в процессе охоты. Они следят, чтобы строго соблюдались правила. За удачные действия следует поощрение, за ошибки – наказание в виде уменьшения показателей навыков: ловкости, силы, везения. В случае бегства гриллов наказанием был запрет на участие в последующих охотах. А сбегали гриллы довольно часто. Даже из темниц во дворце Сфинкс. Если стражник-иддал упускал грилла, то наказанием была смерть. Большинство побегов совершались во время визитов в темницы харит.

- Мерзость! – снова в один голос скривились Саломея и

Джаво, с возрастными ограничениями которого явно творилось что-то непонятное.

Дождавшись, когда иддалы скроются за поворотом, они выбрались из тени. Адаптивные алгоритмы подсветили нужный маршрут призрачным синим светом, но дорога к покоям Геи недолго оставалась свободной. Векторы вспыхнули красным, заставив спешно прятаться в тень за гигантскими колоннами, подпиравшими терявшиеся в ночных сумерках потолки. Добавившиеся в точку сборки информационные протоколы показали, как низкое небо Аида опускается на дворец. Сначала шпили, а затем и сами башни протыкают его серую плоть, пока оно не достигает подножия горы, на которой находится замок правителя Аида. Если выглянуть в это время из окна, то можно увидеть, как внизу плывут облака. Покинуть замок в ночное время может только один персонаж – Люций. Серая плоть низкого неба смертельна для каждого, кроме ангела первой утренней звезды – такую роль разработчики отвели Люцию. Кожей ему служит живой черный плащ, под которым скрыта обнаженная плоть: сухожилия, вены, мышцы.

Информационные протоколы рассказали о древнем боге Ндора. К нему Люций обращает молитвы, зажигая на небе первую утреннюю звезду Аида, давая сигнал небу, нависшему над землей на расстоянии чуть выше человеческого роста, возвращаться на небосвод. Молитвы Люция – это просьбы и пожелания игроков, обращенные к адаптивным алгоритмам «Фив». Любой персонаж может обратиться к нему, надеясь, что молитва будет услышана.

- Хочу попросить его сделать меня обычным человеком! – оживилась имитация нимфы, выскакивая из укрытия, чтобы пасть на колени перед божеством.

- Только не встречайся с ним взглядом! – закричали Саломея и Джаво, раскрывая свое присутствие, потому что информационные протоколы показали им, как выворачиваются наизнанку игроки, осмелившиеся заглянуть ангелу первой утренней звезды в глаза.

Но предостережение было напрасным, так как Афна и не собиралась встречаться взглядом с полубогом своего мира. Распластавшись на полу так, что под одеждой едва угадывался образ тела, она робко тянула руки к ногам Люция, не решаясь прикоснуться. Саломея и Джаво не слышали, о чем нимфа просит ангела утренней звезды, но подойти ближе не решались. Оставленные адаптивными алгоритмами векторы все еще пульсировали красным, предупреждая об опасности.

- Ну, а с какими просьбами пришли ко мне вы? – спросил неожиданно Люций, обращаясь к актрисе-танцовщице и

молодому стражнику.

- Мы? – Саломея вздрогнула, проклиная искусственно обострившееся восприятия и непреодолимое чувство животного трепета перед имитацией божества. – Никаких просьб, - прошептала она. – Мы просто сопровождаем Афну к другому божеству.

- Ты чего? – цыкнул на нее Джаво. – Нельзя разбрасываться такими возможностями!

- Мне не о чем просить. Это ты мечтаешь о великих победах и заданиях, выполнив которые можно получить уникальное оружие, а я…

- Попроси его за свою дочь.

- Что?

- Если тебе не нужна помощь, то, может быть, придется кстати, дочери?

- Причем тут моя Ариша? Она ведь в Размерности, а мы в игре.

- Просто попроси – и все.

- Не буду я!

- Почему?

- Потому что это глупо.

- Тогда я попрошу для себя грандиозных сражений и уникальное оружие, чтобы иметь возможность помочь тебе разгадать великие загадки и помочь своей дочери.

- Сомневаюсь, что имитация божества сможет помочь, - сказала Саломея, но мальчик уже сделал шаг вперед и, не поднимая головы, передавал Люцию свои пожелания.

Ангел первой утренней звезды слушал молча и беспристрастно, затем кивнул, поинтересовался не будет ли других пожеланий, и пошел прочь, плотнее кутаясь в длинный плащ, служивший ему кожей. Векторы, предупреждающие об опасности, сменили красный свет на синий, предлагая продолжить путь к покоям Геи, будоража обостренное восприятие то звуками далеких мистерий, то надрывными криками рожениц, а то звоном клинков, за которым всегда раздавались предсмертные хрипы.

- Жуткое место, - признался Джаво. – Жуткое, но прикольное.

Саломея не ответила, он выждал несколько секунд и начал приставать, желая узнать, что она думает касательно его просьбы, обращенной к Люцию.

- Я бы хотел получить клинок воина армии Ареса! – тараторил мальчик. – Это одно из лучших оружий Аида. Хотя сойдет и кость проповедников боли – урон почти одинаковый, зато умеет разбивать в щепки щит любого воина… Но вот с

колющими ударами у кости проблемы…

Не появись впереди дверь в покои Геи, то Саломея непременно дала бы молодому стражнику затрещину для профилактики – руки так и чесались, поэтому, когда пульсирующие синим векторы указали на конец первой части задания, Саломея не сдержалась и досадливо выругалась на сленге коренного жителя Размерности.

- Ты чего? – растерялся Джаво.

Она покачала головой и открыла дверь.

Старая полубогиня стояла у окна, повернувшись к гостям спиной. Длинные волосы достигали пола. Адаптивные алгоритмы добавили информационный протокол о тайном союзе Геи и Люция. Совсем недавно она стояла здесь с ангелом первой утренней звезды и говорила, что хочет выдавить себе глаза, чтобы не видеть бесчинства, творимые Сфинкс во дворце.

- Мир пал, - прозвучал в доступных воспоминаниях голос полубогини с белыми как снег глазами, а где-то далеко, по пустым коридорам эхом разносились крики женщин. – Они научили харит рожать!

- Они просто помогли им вспомнить, - раздался в ответ голос Люция.

- Не смей говорить, что это нормально! – тряхнула головой Гея. – Хариты должны служить красоте, а не рожать уродов. Разве ты не видел, какие твари выходят из их чрева?

- Ты прекрасно знаешь, кто за этим стоит. Сфинкс обезумела. Ее любовь к Пандоре…

- Мы все безумны, Люций. Те, у кого была хоть доля здравого смысла, предпочли уйти в небытие, дабы не видеть то, что происходит здесь.

- Кто-то должен был остаться.

- Не оправдывай свою слабость. Ты в любом мире сможешь найти для себя работу. Твои звезды – это твое тщеславие.

- Мои звезды дарят надежду.

- Думаешь, Ндора до сих пор читает их?

- Да.

- Тогда почему бы тебе не зажечь звезду для себя? Может быть, Ндора исполнит твое желание, и это сумасшествие закончится?

- Он не всесилен, Гея. Никто не сможет повернуть время вспять.

- Это правда. – Лишенные зрачков глаза, затянула пелена тьмы. – Нам нужен настоящий бог, настоящий правитель… Такой, как Иакх.

- Иакх принадлежит к пантеону старых богов. Ты ведь знаешь

– они тираны.

- Зато они не плетут интриг, как это делает Сфинкс, и не предаются разврату. Древние боги способны лишь на две вещи: либо карать, либо миловать, но именно это сейчас нужно нашему миру.

- Но разве Иакх жив? Разве не разорван на части по приказу новых богов?

- Я знаю, где хранится сердце древнего бога. Останется лишь подыскать для него подходящий сосуд.

- И ты хочешь, чтобы я попросил Ндора помочь нам?

- Боги оценят этот поступок.

- Мы давно забыли о наших истинных богах.

- Но они есть. Всегда были и всегда будут…

Поток воспоминаний прервался, возвращая Саломею и Джаво в настоящее. Афна, будучи имитацией, молчала, не желая вмешиваться в сюжетную линию игрового процесса. Тишина, воцарившаяся в покоях полубогини, показалась абсолютной.

- Кого ты привела с собой, танцовщица? – спросила Гея, не поворачиваясь к вошедшим. – Я чувствую Афну, но зачем здесь молодой стражник из закрытого города?

- Он помогает нам.

- Какое дело до этого мне?

- Без него я бы не нашла Афну и не выбралась бы из Новых Фив.

- Если все так, как ты говоришь, тогда объясни, зачем мне ты? Может быть, я сделала неверный выбор?

- Мы с Джаво помогаем друг другу.

- Взаимовыручка? – голос древней полубогини сквозил иронией.

- Разве это плохо?

- Боюсь, в Аиде давно забыли о том, что значит это слово.

Повисла новая пауза, давящая тишиной, и Саломея, потеряв терпение, напомнила о том, что выполнила полученное задание и привела Афну.

- Что теперь?

- Теперь ты должна найти сосуд для сердца древнего бога.

- Чтобы свергнуть Сфинкс?

- Ты возражаешь?

- Нет, но… - Саломея пыталась побороть волнение, но не могла.

Впервые за время игры, она приблизилась к тому, чтобы воплотить поставленные перед покупкой ключа игрока цели в жизнь. Все происходит, конечно, не совсем так, как они планировали с Арк-Ми, но…

- Во время нашей последней встречи ты сказала, что тебя привело в Аид любопытство, - произнесла Гея и резко обернулась вглядываясь Саломее в глаза. – Как ты смотришь на то, чтобы оставить любопытство в покое и продолжить путь по дороге чести и порядка?

- Я… - Саломея спешно пыталась разобраться в пафосных словах полубогини.

- Соглашайся, если не хочешь упустить шанс получить один из самых главных игровых квестов, - прошептал ей на ухо нависший за плечом демон.

- И… - Саломея вздохнула. – И что я должна буду делать, чтобы найти для сердца Иакха… сосуд?

- Все зависит от того, как далеко ты готова зайти ради этого, - белые, лишенные зрачков глаза Геи продолжали сверлить взглядом гостью. – Возрождение Иакха – это непростое задание. Не каждому оно по силам.

- Я справлюсь… - Саломея нахмурилась, почувствовав несильный тычок Джаво в спину. – Мы справимся, - поправилась она.

Гея перевела тяжелый взгляд с актрисы на молодого стражника.

- Надеюсь, ты храбрый воин, - сказала она, напомнив заботливую мать, сын которой погиб на войне, и теперь каждый союзный солдат напоминает его. – Вам предстоит покинуть дворец Сфинкс и отправится в странствие по Аиду. Это долгий и опасный путь.

- Я готов рискнуть, - Джаво вспомнил, что прямо сейчас этот разговор, возможно, транслируют по нейронным каналам, и постарался напустить на себя решительный вид закаленного в боях воина.

Саломея заметила его неловкие потуги и не смогла сдержать смех.

- Нет, ты только посмотри на себя! – хохотала она, вгоняя мальчика в краску. – Готов он рискнуть! Да у тебя даже кинжалов нет, и уровень развития персонажа на начальном уровне, что в этом мире смерти подобно.

- Я потерял кинжалы, когда защищал тебя и Афну! – гневно топнул ногой молодой стражник. – Это, между прочим, мои руки обгорели, когда я сражался с монахиней из культа тушителей свечей…

- Ты сражался с монахиней из храма Иакха? – спросила Гея, и адаптивные алгоритмы, взяв под контроль основные протоколы точки сборки, заставили Саломею замолчать, спешно захлопнув рот.

- Монахини пытались остановить нас, требуя вернуть Афну… - Джаво смущенно пожал плечами. – Я знал, что, скорее всего, проиграю схватку, но другого способа задержать их не было в тот момент, поэтому… - он опустил голову и замолчал.

- Храбрый поступок, достойный великого воина, - похвалила Гея.

- Был бы достойным, не потеряй я клинки, - проворчал мальчик, ковыряя носком ботинка натертый до блеска мраморный пол.

- Ну, с этим, пожалуй, я смогу тебе помочь, - сказала старая полубогиня после долгой паузы.

Она скрылась в примыкающей к главному залу комнате, вернувшись с тяжелым двусторонним боевым топором.

- Он называется «лабрис», - сказала Гея, передавая оружие молодому стражнику. – И его лезвие вкусило много пролитой крови еще в те времена, когда Сфинкс не стояла у власти. Лабрис сменил много хозяев. Верой и правдой служив как в боях, так и в обрядах, где требовались жертвоприношения.

Джаво недоверчиво взял тяжелый топор, жалея, что не развивал способность владения подобным оружием.

- Лабрис поможет тебе в трудный момент и станет верным другом, - сказала Гея.

- Боюсь, проку от такого сокровища в первое время будет немного, - кисло признался Джаво.

- Ты не рад подарку?

- Рад, конечно, просто… Мне ведь нужно будет еще научиться им пользоваться, потому что прежде я никогда не держал подобного оружия в руках.

- О, это не беда, - сдержано, но по-матерински добро улыбнулась Гея. – Лабрис не совсем обычный топор. Чтобы научиться владеть им, не нужно начинать развитие способности с нуля. Лабрис способен перераспределять навыки и поглощать найденное тобой оружие увеличивая уровень нанесения урона противнику.

- Даже не знаю, что сказать, - растерялся Джаво, силясь оторвать взгляд от поблескивающего двустороннего лезвия лабриса.

- Ничего не говори, - улыбнулась полубогиня. – Лучше испытай свое новое оружие.

Она хлопнула в ладоши, и из примыкающей к залу комнаты вышел телеб – невысокий, жилистый представитель Далеких земель, расположенных за Голиафскими горами.

- Сразись с ним, - велела Гея молодому стражнику.

- Сразиться? – Джаво недоверчиво смотрел на оскалившего

зубы телеба. – Но ведь он безоружен.

- Так тебя смущает только это? – полубогиня щелкнула пальцами, и в руках телеба появился короткий меч армии Тидея.

Дикарь зарычал и ринулся в бой. Джаво едва успел увернуться. Лезвие меча просвистело над головой. Телеб развернулся с ловкостью кошки и повторил атаку, на этот раз сделав ложный выпад, нанеся рубящий удар, целью которого было отсечь противнику голову. Маневр был идентичен первой попытки забрать жизнь молодого стражника, и Джаво машинально уклонился от меча так же как и в прошлый раз, но теперь телеб был готов к этом. Босая ступня ударила молодого стражника в живот, сбивая дыхание. Момент был идеальным, чтобы закончить поединок, но природа взяла верх над расчетом, и, запрокинув голову, телеб громко завыл, празднуя успех. Джаво спешно отступил на пару шагов, уперся спиной в стену и приготовился к последнему столкновению. Все закончится здесь и сейчас – это понимал как молодой стражник, так и полуобнаженный, грязный дикарь с мечом воина Тидея в правой руке.

- Да шло бы все! – проворчал Джаво, копируя услышанную некогда в исполнении Саломеи фразу, вскинул двусторонний тяжелый топор над головой и побежал в атаку.

Его поступок, а так же безумный крик поставили на пару секунд телеба в тупик, позволив сократить расстояние. Добыча, которой надлежало спасаться, сама бежала в руки! Телеб растерянно поднял меч, планируя отразить удар топора, а затем вспороть противнику колющим ударом живот. Лязгнула сталь. Острие Лабриса перерубило меч, а затем рассекло голову и половину туловища противника. Густая, почти черная кровь брызнула во все стороны. Телеб шатаясь продолжал стоять несколько секунд, затем звякнул выпавший из рук обломок меча, и тело грузно осело на мраморный, начищенный до блеска пол.

- Ого! – растерялся Джаво, возрастные ограничения которого, казалось, перестали работать начиная с того момента, когда он оказался в Аиде. – Никогда бы не подумал, что могу вот так…

Он покосился на разрубленное надвое тело дикаря, затем на залитое кровью лезвие лабриса. Сверкнув, сталь впитала алую кровь. Адаптивные алгоритмы подсветили обломки меча телеба.

- Разве ты не видишь? – мягко спросила Гея. – Лабрис все еще голоден.

Молодой стражник поднял обломки меча, которые растаяли, едва он прикоснулся ими к сдвоенному лезвию своего топора.

- Уделяй внимание каждому противнику, уважай схватку и оружие, которое помогает тебе победить, тогда из тебя получится

достойный воин, - сказала Гея.

- Да с этим топором я смогу победить кого угодно!

- А вот тщеславие до добра не доводит, - предупредила древняя полубогиня, сообщая, что как только они оставят ее покои, их встретит Люций и поможет покинуть замок с первыми лучами рассвета. – Он проведет вас мимо охраны и укажет дальнейший путь, - закончила Гея, и вместе с ее словами закончился игровой день, отправив игроков в комнаты личных достижений, а имитации на анализ, корректировку и последующую перезагрузку.

Глава шестая

Подножие горы Олимп, на вершине которой в игровом мире Аида расположен дворец великой и коварной правительницы Сфинкс – именно здесь начали новый игровой день Саломея и Джаво. У ног молодого стражника лежала пара поверженных иддалов, охранявших гигантскую лестницу, ведущую во дворец богов. Одного из них сразил Люций, другого расчленил на две половины топор Джаво, который после убийства телеба днем ранее, казалось, вошел во вкус.

Адаптивные алгоритмы активировали протоколы страха перед ангелом первой утренней звезды, поэтому Джаво пытался не смотреть на полубога, кожу которому заменял длинный живой плащ. Чтобы убить иддала-стражника ему оказалось достаточным сбросить с головы капюшон и заглянуть в глаза преградившему дорогу монстру. Покрывавшие тело иддала глаза вылезли из орбит, а следом за ними наизнанку начало выворачиваться и все остальное тело. Джаво заверил себя, что стражник-иддал был имитацией, потому что представлять, что подобную смерть мог перенести обыкновенный игрок, было жутко.

«А что если Люций проделает нечто подобное со мной?» - подумал Джаво, вспоминая, что после смены внутрисистемных игровых площадок возрастные ограничения практически не действуют. Теперь он чувствует боль, видит, как льется кровь из ран, подвергается воздействию обостряющихся протоколов восприятия, испытывая панический страх или трепет, как это произошло после недавней схватки с иддалами, когда Люций заставил внутренности одного из них вывернуться наизнанку. Впрочем, в трепет Джаво привел не только поступок ангела первой утренней звезды, но и сам бой. Вернее, начало игрового дня. Прежде, в закрытом городе, системы соблюдали последовательность, позволяя персонажу пробуждаться в своей комнате, начиная новый день, постепенно раскачиваясь, строя планы и только потом начиная действия. В Аиде же все было с точностью до наоборот – не успел Джаво покинуть комнату личных достижений, которая, к слову, тоже изменилась, утратив прежнюю безмятежную стройность, как адаптивные алгоритмы бросили его в эпицентр сражения, где Афна и Саломея держатся в стороне, Люций уклоняется от клинка первого стражника-иддала, в то время как второй стражник бежит с занесенным над головой мечом на Джаво.

Молодой стражник, наверное, так бы и не успел сообразить, что происходит, если бы имитация нимфы, Афна, которую они

должны были сопроводить к жрице любви по имени Алкмена, не закричала ему, предупреждая об опасности. Голос у нее был звонкий и трезвил не хуже, чем частые затрещины, которые молодой стражник получал от Саломеи.

Онемение отступило, и он спешно метнулся в сторону, надеясь, что маневр позволит выиграть время и придумать, что делать дальше – даже получив в награду за спасение Афны древний лабрис, он не верил, что способен противостоять солдату армии Тидея в открытом бою. «Может быть, мне поможет Люций?» - с надеждой подумал он, косясь на полубога, противник которого в этот самый момент выворачивался наизнанку, в то время как ангел утренний звезды просто стоял, не предпринимая никаких действий. «Вот бы мне получить такой взгляд, как у Люция!» - успел помечтать Джаво, прежде чем пришлось уклоняться от новой атаки иддала. Маневр получился на удивление ловким, дав надежду, что вместе с КЛД и возрастными ограничениями изменились и базовые протоколы физических сил персонажа, изначально предназначенного для игры в закрытом городе, а не в окружении монстров и бесконечных войн Аида.

- Атакуй его! – закричала Афна.

«Она ведь имитация, - подумал Джаво. – Может быть, ее устами говорят адаптивные алгоритмы, давая мне советы?»

Он поднял топор, принимая боевую стойку. Уверенности в правильности принятого решения не было, но и уклоняться вечно от атак иддала он не мог, а Люций, который надел капюшон, спрятав под ним окровавленный, лишенный кожи череп, судя по всему, не собирался вмешиваться в поединок.

Находившаяся в районе живота усеянная острыми зубами пасть иддала растянулась в хищном оскале. Дюжины глаз, усеявших опутанное канатами мышц тело, хищно блеснули.

«Проиграю, так проиграю», - подумал Джаво и отразил первый удар.

Тяжелый топор показался неподъемным, но затем неожиданно взметнулся вверх, словно пушинка, и снова опустился вниз став невыносимо тяжелым. Действия Джаво были дерганными, неловкими, но подобное позволило парировать серию ударов иддала. Меч беспомощно лязгнул несколько раз, соприкоснувшись с лезвием лабриса. Иддал недовольно зарычал.

- Бей в ответ! – закричала имитация нимфы. – Не жди. Атакуй первым.

Но топор снова стал неподъемным. Джаво пытался оторвать его от земли, но не мог. Находившаяся на уровне живота усеянная острыми зубами пасть иддала оскалилась. Джаво видел, как противник поднимает меч для решающего удара, приближается,

примеряясь, как лучше разрубить беспомощную жертву.

- Ну, давай же! – рычал Джаво, обращаясь к лабрису.

В последний момент, молодой стражник зажмурился, готовясь получить смертельный удар, но лабрис неожиданно вновь стал легким, как пушинка, и резко взметнулся вверх, разрубая иддала надвое. Две половинки туловища поверженного воина покачнулись и упали в разные стороны, выбрасывая в воздух кровавые фонтаны. Адаптивные алгоритмы подсветили синей пульсацией меч убитого противника, который можно было применить для поглощения боевым топором. «Интересно, а как долго будет продолжаться прокачка лабриса, если пользоваться только мечами иддалов? – подумал Джаво. – А как насчет разницы в классе поглощаемого оружия? Развитие будет продолжаться бесконечно или есть какой-то ограничитель? Можно ли обратить слияние? Что если прокачав лабрис, используя оружие среднего класса, я, побеждая потом более сильных противников, не смогу больше использовать для слияние их оружие, которое будет, конечно, в разы лучше, чем у таких, как этот иддал, которого я только что прикончил?» Джаво подождал несколько секунд, надеясь, что адаптивные алгоритмы добавят в точку сборки информационный протокол с необходимыми ответами, но ничего подобного не произошло.

- Может, ты мне скажешь, как правильно апгрейдить лабрис? – обратился молодой стражник к имитации нимфы.

- Чего? – растерялась Афна.

- Забудь, - Джаво тяжело вздохнул, покосился на Люция, но задать вопрос не решился.

«Позже спрошу Саломею, происходят с ее персонажем перемены или нет», - решил молодой стражник, напуская на себя безразличный вид, словно и не было минуту назад опасной схватки с воином армии Тидея.

- А ты взрослеешь на глазах! – похвалила его имитация нимфы.

- Не понимаю, о чем ты, - сказал Джаво, надеясь, что точка сборки заставит его игрового персонажа покраснеть.

- Я рада, что ты с нами, - сказала Афна. – Вначале, считала тебя обузой, но сейчас… - взгляд ее устремился к залитому кровью двустороннему топору в руках молодого стражника.

- Нам нужно продолжать движение, - напомнил чужакам в мире Аида ангел утренней звезды. – Скоро начнется новый день, и воины Тидея обнаружат убитых нами стражников. К тому времени мы должны уйти как можно дальше отсюда.

Никто не спорил с имитацией полубога. Массивная лестница, поднимавшаяся по склону горы Олимп к дворцу правительницы

Аида, осталась далеко за спиной. Люций шел первым. Саломея замыкала процессию.

- А ты знал, что в глазах ангела первой утренней звезды отражается небо? – тихо спросила Афна, поравнявшись с Джаво. – Не такое, как в Аиде – темное и низкое, а светлое и чистое. Говорят, сама Сфинкс боится смотреть ему в глаза.

Джаво кивнул, сверля взглядом спину идущего впереди полубога. Закутавшись в заменявший кожный покров плащ, он, казалось, парит над землей – такой легкой была поступь ангела первой утренней звезды.

Какое-то время путники продвигались по каменистым тропам вдоль непреступных стен, за которыми находился созданный Сфинкс закрытый город, затем выбрались на выжженную, растрескавшуюся землю бесконечных пустынь Аида. Поляны встречавшихся аворов, кивая сочными бутонами, что-то шептали им вслед. Редкие дриадам, наделенные разумом деревья, притворялись либо спящими, либо давно погибшими.

Несколько раз путь им преграждали уродливые твари, названий которых не знали ни Джаво, ни Саломея. Некоторые из них предусмотрительно убегали, другие погибали от взгляда идущего первым Люция. Джаво оставалось лишь собирать трофеи: кинжалы, мечи, когти, клыки. Подаренный Геей боевой топор, казалось, был всеяден, поглощая все, что предлагал ему новый хозяин.

Миновав каменную гряду, ангел первой утренний звезды вывел игроков и имитацию нимфы к Озеру скорби, где когда-то давно оживил древнего бога по имени Хтон, помогая другим игрокам разгадать тайну проповедников боли – воинов армии Оместеса. Адаптивные алгоритмы добавили в точки сборки игроков информационные протоколы разговора Хтона с ангелом первой звезды и последующее пробуждение древнего жестокого бога.

- Говорят, озеро Скорби наполнено слезами тех, кого не приняли на остров покоя, - сказала имитация нимфы, обращаясь к Джаво и Саломеи.

Они не ответили, не в силах оторвать взгляд от пульсировавших над застывшей зеркальной гладью озера сформировавшихся из крови частей тела. Формы постоянно менялись, но в них всегда можно было угадать человеческий глаз, рот и ухо.

- Озеро Скорби – это место, где покоится много древних богов, - сказал Люций. – Их время прошло, но и по сей день находятся те, кто тоскует по забытым временам, когда закон был жесток и справедлив, а боги не плели интриг, умея лишь карать и

миловать. Многие приходят сюда, проливая слезы в дань памяти канувшим в небытие временам. Их боль и тоска, - древний полубог указал на неподвижную зеркальную гладь озера, - они все здесь, перед вами.

Он выдержал паузу и начал объяснять, как войти в контакт с древними богами, чтобы получить, в обмен на принесенную в жертву кровь, советчика и проводника на время долгого путешествия.

- Надеюсь, вы справитесь, - произнес ангел утренний звезды. – С удовольствием прошел бы этот путь с вами, но, к сожалению, мне нужно вернуться в замок, иначе Сфинкс заподозрит измену.

- Мы все понимаем, - склонилась перед полубогом в низком поклоне Афна, а когда он ушел, призналась, что от него у нее мурашки по коже.

- Да, рядом с ним мне тоже было не по себе, - согласилась Саломея.

- Надеюсь, он зажжет для нас свою звезду, и Ндора защитит наши жизни, - Афна молитвенно сложила на груди руки, напоминая, что она имитация, для которой местные легенды – реальность.

- Ее крови будет недостаточно, чтобы получить в проводники древнего бога? – спросил Джаво, заранее зная ответ. – И кто из нас…

- Я это сделаю, - сказала Саломея, подходя к кромке небольшого, окруженного каменными берегами озера.

Закатав рукав пышного платья, она достала крохотный нож, приобретенный еще в закрытом городе для самозащиты по совету имитации, которую Саломея считала настоящим игроком… Как же много прошло времени с тех пор! Как же сильно изменилось отношение ко всему игровому процессу!

- Мне нужен проводник и защитник, - обратилась Саломея к древним богам, повторяя то, что велел сказать Люций.

Сделав надрез на запястье левой руки, она позволила появившимся темным каплям крови упасть в озеро, неподвижные воды которого вздрогнули.

- Моя кровь, - сказала Саломея. – В ней моя жизнь. Можете взять ее.

Она смотрела на пульсирующие над центром озера кровавые и неестественно большие части человеческого лица: глаз, рот, ухо между ними.

- Мне нужен проводник и защитник… - Саломея обернулась, смерив Афну и Джаво долгим взглядом. – Нам троим нужен проводник и защитник, - поправила она себя.

- Почему ты думаешь, что мы поможем тебе? – спросил

огромный, сформированный из крови рот над центром озера.

- Потому что мы хотим возродить древнего бога Иакха, чтобы свергнуть нынешнюю правительницу Аида.

- Это не простая задача… Практически непосильная для танцовщицы и молодого стражника из закрытого города.

- У нас есть сердце Иакха, - Саломея обернулась, указав на Афну. – Она хранит его в своем теле. Теперь нужно найти сосуд.

- Не просто решить такую задачу.

- Гея сказала, что ответы мы найдем в святилище Алкмены. Но нам нужен гид и защитник.

- И вы готовы зайти так далеко, что обратились к древним жестоким богам?

- Да.

- Тогда пары капель крови будет недостаточно. Криос, божество, которое отправится с вами, будет питаться вашей жизненной силой. Вы согласны на такую плату?

- А у нас есть выбор? – скривилась Саломея.

Древние боги проигнорировали иронию, сообщая, что за каждое обращение к Криосу с игрока будет сниматься десять процентов жизненных сил в мирной ситуации и двадцать пять процентов за каждую минуту участия в сражении.

- Торговаться, как я понимаю, не имеет смысла? – снова кисло подметила Саломея.

- Ты можешь отказаться, - сказали боги кровавыми губами, зависшими над поверхностью озера Скорби.

- Сильно сомневаюсь, - Саломея тяжело вздохнула. – Могу я хотя бы увидеть вашего бога, перед тем, как заключу договор?

- Ты не знаешь, кто такой Криос? – округлились кровавые губы. – О, небо! – созданный из кровавой дымки глаз закатился. – Что за времена!

По зеркальной глади озера пошли круги. Воды забурлили. Образовалось облако пара, которое поднялось в небо, превратившись в гигантского дракона.

- Ого! – опешила Саломея. – Это Криос?

- Ожидала другого? – спросили зависшие над бурлящим озером кровавые губы.

- Даже не знаю… - Саломея обернулась к Джаво за советом.

- Соглашайся! – закричал Джаво, радуясь удаче. – С таким монстром нам никто теперь не страшен! И все это за какие-то десять процентов жизни!

- За двадцать пять, - напомнила Саломея.

- Это только если он будет драться, а я сомневаюсь, что кто-то захочет сражаться с такой громадой. Все игроки разбегутся, как только увидят нашего дракона.

Мальчик еще что-то говорил, но Саломея перестала его слушать.

- Я согласна, - сообщила она древним богам.

- Да будет так, - произнесли кровавые губы над озером.

Облако, формировавшее дракона, превратилось в дождь, рухнув в озеро, воды которого едва не вышли из берегов. Затем все стихло. Джаво – и тот замолчал, растерянно озираясь по сторонам.

- И где наш дракон? – осторожно подала голос имитация нимфы.

- Думаю, появится, когда будет нужно, - сказала Саломея.

- А если нет? – забеспокоился Джаво, упрашивая попробовать активировать вызов бога прямо сейчас. – Это ведь всего лишь десять процентов от твоей жизни! Они восстановятся в течение одного игрового дня без дополнительных затрат. К тому же нам все равно нужно узнать дорогу. Или ты собираешься идти наугад? Тогда хочу тебя разочаровать – это не закрытый город, где маршрут можно узнать у случайных прохожих или воспользоваться простейшими протоколами с указаниями направлений запрашиваемых маршрутов. В мире Аида подобное не прокатит.

- Не умничай! – одернула молодого стражника Саломея.

Он прищурился, сложив на груди руки, зная, что прав. Имитация нимфы вмешалась в разговор, осторожно высказываясь в поддержку Джаво.

- Без тебя знаю! – огрызнулась Саломея, спеша убраться подальше от озера Скорби.

- Притворяется, что знает дорогу, - ехидничал за спиной Джаво, обращаясь к Афне. – Как будто кто-то поверит ей!

- Думаю, тебе не стоит напоминать, что чем больше ты общаешься с имитациями, тем сильнее увязаешь в системах контроля адаптивных алгоритмов? – спросила не оборачиваясь Саломея.

- Активируй дракона, и мы снова станем друзьями.

- Это не дракон, а древний бог по имени Криос, - поправила молодого стражника Афна.

- А мне плевать. Хочу посмотреть, на что он способен. Самым лучшим сейчас будет найти группу голодных гриллов и натравить на них нашего древнего бога. Так мы будем знать его реальную силу.

- То есть дорогу к святилищу Алкмены ты уже не хочешь искать? – спросила Саломея, отчитывая себя за то, что связалась с ребенком, потому что как бы хорошо Джаво не разбирался в игровых процессах, в сердце у него все равно не было ничего,

кроме детского азарта и жажды приключений.

Преодолев каменную гряду, Саломея остановилась, понимая, что продолжать идти наугад не имеет смысла.

- Ладно, давай вызовем этого дурацкого дракона, - сказала она Джаво. – И не вздумай улыбаться! Сразу получишь затрещину, понял?

Молодой стражник прикусил губу и кивнул. Саломея кивнула в ответ, огляделась.

- Чего ждем? – спросила имитация нимфы.

- Думаю, как активируется Криос, - Саломея с надеждой уставилась на Джаво.

- Что?! – растерялся он. – Не смотри на меня так. Это твой питомец, не мой. У меня есть только боевой топор, в апгрейдах которого я и сам до конца не разобрался. И вообще, нужно было спросить у древних богов, как пользоваться Криосом, прежде чем бежать неизвестно куда.

- Почему же тогда ты не спросил у Геи о нюансах апгрейда твоего топора?

- Откуда я знаю! – молодой стражник смущенно пожал плечами. – Оба, наверное, хороши.

- Может, тогда вернуться и спросить?

- Не думаю, что это хорошая идея, - сказала имитация нимфы, указывая на вершину горной гряды, которую они недавно миновали.

- Гриллы! – выдохнул Джаво, увидев крупные силуэты появившихся на гряде монстров.

- Что ж, кажется, адаптивные алгоритмы не хотят, чтобы мы возвращались, - скривилась Саломея.

- Я могу попробовать сразиться с ними, - неуверенно предложил молодой стражник.

- Или мы можем попытаться вызвать Криоса, - сказала Афна.

Джаво и Саломея смерили имитацию нимфы тяжелыми взглядами.

- Попробуй повторить все, что делала, когда вызывала древних богов из Озера скорби, - сказала Афна. – Хотя мне кажется, что будет достаточно пролить немного крови. Тебе ведь сказали, что Криос будет питаться твоей жизненной силой, так что… - она беззаботно пожала плечами. – По крайней мере, попробовать стоит.

- Может, ограничимся тем, что я просто позову нашего дракона по имени? – безрадостно пошутила Саломея, но Джаво, решив, что она говорит серьезно, начал объяснять, что устами Афны сейчас, скорее всего, говорят адаптивные алгоритмы, помогая игрокам разобраться с проблемой.

- Да знаю я, - отмахнулась Саломея от молодого друга.

Достав крохотный нож, она порезала левое запястье. Капли крови упали на сухую растрескавшуюся землю, но вместо того чтобы впитаться, подняли крошечный вихрь, подхвативший пыль, обретая плоть.

- Сейчас начнется! – потер ладони Джаво, мечтая увидеть гигантского дракона, но тот, полностью сформировавшись, остался чуть выше колена молодого стражника. – Это что такое? – растерялся Джаво, когда дракон, взмахнув перепончатыми крыльями, поднялся в воздух, зависнув на расстоянии вытянутой руки от лица Саломеи.

- Меня зовут Криос, - представился он звонким голосом. – Древние боги послали меня присматривать за тобой. Отныне ни одна капля твоей крови не будет пролита напрасно.

Саломея молчала, растерянно разглядывая причудливое животное.

- Как такое может быть? – возмущался Джаво. – Это, наверное, ошибка. Нам дали огромного дракона, способного распугать армию самого Ареса, а это… Это… Кто ты вообще такой?

Крошечный дракон проигнорировал вопрос.

- Эй, я с тобой разговариваю! – разозлился Джаво. – Отвечай, пока я не разрубил тебя своим топором!

Дракон демонстративно переместился в сторону, повернувшись к молодому стражнику спиной.

- Ах ты шкура перепончатая! – Джаво схватил камень и швырнул в наглеца.

Дракон обернулся и, выдохнув струю пламени, превратил камень в облако песка, окутавшее на мгновение Саломею, вызвав приступ кашля.

- Ладно, кое-что ты умеешь, - признал Джаво. – Но… Но почему ты такой маленький?

Дракон не собирался отвечать.

- Может быть, чтобы получить прежнего монстра, ты должна пролить больше крови? – спросил Саломею молодой стражник.

- Это так? – спросила она дракона.

- Смотря что вы понимаете под монстром, - сказал он.

- Твои размеры! – выкрикнул Джаво.

- Если я пролью больше крови, то ты вырастешь? – спросила Саломея дракона.

- Нет, но я буду сражаться рядом с тобой, оберегать тебя.

- Понятно.

Джаво продолжал возмущаться, но Саломея прервала его, показав, что из левого запястья продолжает течь кровь.

- Кажется, этот недоделанный древний бог высасывает мои жизненные силы даже сейчас, когда просто болтает с нами, не выполняя никакие поручения, - сказала она, требуя дракона указать дорогу до святилища Алкмены.

- Святилище Алкмены? – древний бог задумался. – Думаю, это слишком далеко и ты не сможешь запомнить весь маршрут, который займет не один день.

- И что это значит?

- Это значит, что тебе придется вызывать меня время от времени и спрашивать детали маршрута, глупый ты человек! – дракон недовольно выпустил из носа две струйки густого белого дыма.

Саломея смачно выругалась, но имитация древнего бога оставила брань без внимания, сообщая, что кроме гида и защитника может служить разведчиком.

- Если заметите на горизонте что-то подозрительное, то сразу вызывайте меня. Я слетаю и все узнаю. Плата будет как за услуги обыкновенного гида. Так что, думаю, это выгодная сделка.

- Конечно, выгодная! – Саломея снова выругалась и, желая прекратить разговор с имитацией, потребовала сообщить детали маршрута на остаток дня.

- Одну минуту! – объявил дракон звонким, почти детским голосом и, тяжело махая крыльями, начал подниматься в небо.

- Куда ты полетел-то? – закричала ему Саломея, растерянно глядя на образовавшуюся у своих ног небольшую лужу крови из порезанного левого запястья.

- Мне нужно оглядеться, понять, где вы сейчас находитесь, - прокричал дракон. – Заодно посмотрю, нет ли впереди опасности. Услуга бесплатная, входит в комплект гида.

- Твою мать! – шумно выдохнула Саломея.

- Вот тебе и злобный монстр, - покачал головой Джаво.

- Не все так плохо! – вклинилась в разговор с кажущимся неуместным позитивом Афна. – Мы ведь, в конце концов, могли и вовсе остаться без гида. А этот… дракон… говорит, что будет не только объяснять маршрут, но и предупреждать об опасности. Так что… - имитация нимфы продолжала говорить, но Джаво и Саломея уже отошли в сторону, оставив ее одну.

Гриллы на далекой горной гряде заметили чужаков и громко зарычали.

- Думаю, они просто нас пугают, - сказал молодой стражник, увидел, что монстры начали спускаться и растерянно ойкнул. – Кажется, пора убираться отсюда.

- Где же наш горе-дракон? – Саломея запрокинула голову, вглядываясь в небо.

- Криос! – громко позвала Афна древнего бога.

Звонкий женский голос эхом прокатился по засушливой долине, отражаясь от каменистых возвышений. В ответ гриллы громко зарычали.

- Тише ты! – цыкнул на имитацию нимфы Джаво.

- Ты знаешь другой способ позвать дракона? К тому же чего ты боишься? Придут гриллы, порубишь их волшебным топором – и дело с концом.

- У меня нет волшебного топора. Это… - молодой стражник оборвался на полуслове, увидев спикировавшего дракона.

Подняв облако пыли, имитация уменьшенного древнего бога резко остановилась у самой земли и растерянно завертела головой.

- Там! – Афна указала ему, на спускавшихся с горной гряды гриллов.

- Да, проблема, - согласился дракон и подлетел к Саломее. – Хочешь, чтобы я сразился с ними?

- Только не за двадцать процентов моей жизни, - скривилась бывшая актриса театра Торсия. – Скажи, куда нам идти, и мы лучше попробуем оторваться от преследования.

- Просто так от гриллов не убежать, - протянул дракон. – Разве что… - он задумчиво поднял к небу глаза. – Разве что… обмануть? – имитация древнего бога уставилась на Саломею, ожидая решения. – Как тебе такое предложение?

- Не поняла, - растерялась бывшая актриса театра Торсия. – Как ты хочешь, чтобы мы обманули гриллов?

- Есть несколько способов, но все они сводятся к тому, что нужно сыграть на примитивной природе монстров.

- О чем он вообще толкует? – начал терять терпение Джаво, наблюдая, как гриллы сокращают разделявшее их расстояние. – Бежать надо! – Он вспомнил о вероятности того, что сейчас их приключения транслируют по нейронным игровым каналам в Размерности, и спешно добавил: - Или готовиться к бою.

- К бою? – дракон бросил на молодого стражника короткий взгляд. – Тоже мне боец! - сказал он тихо, так чтобы это услышала только Саломея.

Бывшая актриса театра Торсия не стала спорить.

- Значит, будем выживать, используя хитрость, а не мускулы? – дракон хитро прищурился и предложил расправиться с гриллами без помощи Джаво.

- И тебе это под силу? – удивилась Саломея.

- Конечно! – обиделась имитация древнего божества, выпуская из носа струи густого белого дыма. – Думаешь, сила кроется в размерах? Ничего подобного!

- Ты сам-то хоть веришь в это? – рассмеялся Джаво, подслушав слова дракона. – Когда мы тебя увидели впервые, ты принял облик громадного монстра, способного сразиться с любой армией Аида, а сейчас… - Молодой стражник едва успел уклониться от тонкой струи огня, вылетевшей изо рта дракона.

- В следующий раз я не промахнусь, - пообещала имитация божества.

- Да ты и сейчас не очень-то старался промахнуться! – обиженно сказал Джаво, потирая обожженную руку.

Над долиной снова пронесся хищный рев гриллов.

- Так что там насчет хитрости? – поторопила дракона Саломея.

Имитация древнего бога выпустила из носа две струй дыма и начала рассказывать о том, что видела, когда поднималась в небо.

- Так ты хочешь не запутать след, скрываясь от гриллов, а подсунуть им другую добычу вместо нас? – первым понял суть плана молодой стражник. – И кто это будет?

- Какая разница, кто это будет! – всплеснула руками Афна. – Главное, что не мы.

- А если это будут такие же, как мы, игроки?

- Сомневаюсь, что мы сможем найти бывшую танцовщицу и молодого стражника, - сказал дракон.

- Он говорит о людях вообще, - пояснила Афна.

- Ах, вот оно что, - смутился собственной недогадливости дракон, выпустив непроизвольно из носа два кольца дыма и смутившись от этого сильнее.

- А какая, собственно, разница? – всплеснула руками Саломея. – Что не так? Это же просто игра, - она уставилась на Джаво, требуя объяснений.

- Не знаю, как ты, а я не собираюсь перекладывать на других игроков свои проблемы. Это не очень хорошо, - мальчик злобно прищурился, услышав тоненький смех почти карманного дракона. – А вот не буду я реагировать на издевки имитаций! – сказал он.

- И что тогда предлагаешь нам делать?

- Пусть наш миниатюрный бог найдет любые персонажи ненастоящих игроков и натравит гриллов на них.

- Можешь ты это сделать? – спросила Саломея дракона.

- Сделать что? – растерялся тот, все еще продолжая смеяться над молодым стражником. – Не понимаю, о чем вы толкуете. Кто такие… - он замолчал, растерянно уставившись на Джаво. – Как ты называл их?

По долине прокатился очередной рев приближающихся гриллов, которых в этот момент было невидно за грудой валунов.

- Сомневаюсь, что имитация дракона станет разбираться, кто

настоящий игрок, а кто нет, - сказала молодому стражнику Саломея. – Так что, если у тебя нет другого плана, как избавиться от гриллов, то придется согласиться.

- Хорошо, - сдался Джаво. – Но я хочу, чтобы все знали – я против подобного хода.

- Все знали? – до Саломеи медленно начало доходить. – Ты думаешь, что наши приключения транслируют по нейронным каналам?

- Я просто…

- Почему бы тогда тебе не остаться здесь, сразившись с гриллами, дав нам шанс сбежать?

- Что?

- Ты ведь хочешь стать героем в глазах игроманов. Пожертвуй собой ради других.

- Мне кажется, это не честно.

- Почему? Ты ведь даже не ключевой персонаж квеста. Ничего не изменится, если принести тебя в жертву. Зато будешь потом рассказывать друзьям о своем храбром поступке, - бывшая танцовщица театра Торсия положила руку на плечо молодого стражника, прощаясь. – Сомневаюсь, что на этот раз ты сможешь меня отыскать, но… Я не жалею, что познакомилась с тобой.

Она развернулась и велела дракону показывать путь.

- Не верю я, что мальчишка сможет надолго задержать гриллов, - разохалась имитация древнего бога. – Как ваш гид и защитник, советую вернуться к моему плану и отвлечь гриллов, подсунув им другую добычу.

- Так мы и поступим.

- Зачем тогда оставили мальчишку? В дороге он мог бы пригодиться.

- Сомневаюсь, что он останется, - Саломея улыбнулась, услышав окрик Джаво.

Молодой стражник догнал друзей и, поравнявшись, сказал, что считает свою смерть в поединке с гриллами глупой.

- На пути к хранилищу Алкмены вам могут встретиться и более сложные противники, с которыми не удастся справиться хитростью. Вот где пригодится мой верный лабрис, а не сейчас, - он примирительно улыбнулся и посмотрел на дракона. – Ты, случаем, не знаешь, где можно с минимумом усилий прокачать мой боевой топор?

Дракон выпустил из носа несколько колец дыма и, не ответив, поднялся в небо, изучая предстоящий маршрут. Кровь продолжала сочиться из пореза на запястье Саломеи. «Этот дракон, кажется, делает все, чтобы выкачать из меня как можно больше крови», - думала бывшая актриса театра Торсия,

зарекаясь, что в следующий раз исключит из общения с драконом ненужную болтовню и пререкания. И вообще: можно ли ему доверять? Их новый проводник – это ведь слуга на побегушках у адаптивных алгоритмов контроля игрового процесса. Если система решит, что выполнение сложного квеста можно отложить, то не через таких ли как Криос начнет ставить палки в колеса игроков?

Саломея отозвала Джаво в сторону и высказала свои опасения, надеясь, что имитация нимфы не сможет подслушать. Молодой стражник слушал внимательно, затем неожиданно рассмеялся, заверив бывшую танцовщицу, что подобного в «Фивах» никогда не происходило.

- Откуда такая уверенность? – спросила Саломея. – Ты работал в управляющем персонале игровой площадки, чтобы знать наверняка, что происходит здесь, а что нет?

- Говоришь на основании собственного опыта?

- В «Голоде» сложнее контролировать процесс игры. Там игрокам выдаются тела клонов, а здесь столько имитацией, что при грамотном планировании можно получить любой результат.

- Не думаю, что разработчики станут мараться из-за пары квестов. У них как-никак репутация.

- Не забывай, из-за чего я оказалась здесь.

- Ты имеешь в виду то, что твой бывший муж-хранитель, потянул за нужные рычаги, и тебя уволили из «Голода» или то, что на новом месте работы ты влипла в историю еще худшую, чем увольнение из ведущего игрового проекта?

- Я имею в виду, что не стоит исключать возможность сговора, в результате которого мой друг Арк-Ми потерял игровой проект «Мекка».

- А я думаю, что ты просто втягиваешься в игру, но боишься признать это. Я, если честно, тоже увлекся и переживаю за дальнейшее развитие сюжета, хотя несколько дней назад, до того как встретил тебя, склонялся к тому, чтобы покинуть игру.

Саломея хотела поспорить, но вернувшийся дракон заставил оборваться на полуслове. Он рассказал о заблудившейся женщине, выброшенной на берег Мертвого озера несколько дней назад. Вопрос Джаво о том, является женщина имитацией или нет, остался без ответа. Вместо этого адаптивные алгоритмы добавили в точки сборки информационные протоколы касательно появления женщины в Аиде – и снова ничего конкретного, чтобы определить игрок это или имитация. Все люди Аида, по задумке разработчиков, появляются в водах Мертвого озера. Реальные игроки оказываются там после того, как приобретают ключ игрока, а имитации - когда адаптивные алгоритмы считают, что

пришло время пополнить ряды поддельных персонажей, чтобы сделать процесс интереснее и динамичней.

Добавленные в точки сборки информационные протоколы показывали, как женщина выбралась на берег Мертвого озера. Она едва не утонула и теперь, оказавшись на суше, упала без сил на колени и зашлась кашлем, отхаркивая черную, похожую на густую слизь воду. Затем устало повалилась на спину, долго разглядывала застывшее высоко вверху небо, похожее на изъеденный червями гниющий студень. Потом появился ийс – крошечное, уродливое существо, ткнувшееся мокрым носом женщине в плечо. Шершавый язык высунулся между небольших частично сломанных зубов и начал вылизывать загорелую кожу появившегося на берегу человека. Запах свежей плоти нравился ийсу. Он обнажил остатки зубов и прокусил женщине плечо. Она вскрикнула, вскочила на ноги, схватила ийса, отрывая от своего плеча, и швырнула в черные воды Мертвого озера. Крохотное существо запищало и пошло ко дну.

- Мерзость! – скривилась женщина.

- Просто ийс, - сказала появившаяся, словно из ниоткуда, девочка лет семи.

Женщина вздрогнула.

- Кто ты? – спросила она девочку. – Как твое имя?

- Меня зовут Гес.

- Что это за место, Гес?

- Аид.

- Аид?

- Тебе нужно было плыть на остров, – она указала рукой куда-то за его спину.

- Ну уж нет. Я больше не войду в эту воду.

- Здесь тебе будет еще хуже.

- Здесь?

- Скоро они узнают о тебе.

- Ты это о ком?

- О тех, кто бродит здесь в поисках таких, как ты.

- Тогда нам нужно уходить отсюда.

- Меня они не тронут.

- Почему?

- Потому что я – Гес.

Девочка указала рукой в сторону уходившего за горизонт берега, где появились силуэты гриллов.

- Ты должна уходить, пока они не взяли твой след, - сказала она женщине, указывая на подступившие к озеру скалы. – Беги туда, я пока задержу гриллов…

Информационный блок утратил стройность, показывая

скитания женщины, во время которых она еще не раз подвергалась опасности. Информационные протоколы акцентировали внимание на зоргулах – древних демонах, превратившихся в гигантских ящериц. Они пытались хитростью уговорить женщину следовать за ними в обитель Оместеса, где ее бы принесли в жертву предводителю армии проповедников боли, заключившего договор с правительницей Аида, согласно которому она приносит ему регулярные человеческие жертвоприношения, а он позволяет ее приспешникам пользоваться подвластным ему порталом в мир Эдема – громадной несуществующей в действительности игровой площадки, копировавшей мир и порядки закрытого города Новые Фивы, только охватывая более современный исторический период.

- Сомневаюсь, что эта площадка когда-нибудь будет построена в действительности, - сказал Джаво. – Особенно учитывая падение спроса на ключи игроков площадки Новые Фивы.

Он посмотрел на Саломею, ожидая, что она отметит его обширные знания, но бывшей актрисе театра Торсия, кажется, не было до этого никакого дела. Что касается остальных, то нимфа и дракон-проводник вообще были имитациями и вряд ли могли понять, о чем идет речь.

- А еще, думаю, что женщина, которую Криос хочет скормить гриллам вместо нас – это имитация, а не настоящий игрок, - сказал Джаво. – Так что можно не заботиться об эстетической стороне вопроса. – Он помолчал и ворчливо добавил: - Хотя, сомневаюсь, что кто-то беспокоился об этом вообще.

- О чем беспокоился? – спросила Афна.

Молодой стражник тяжело вздохнул и покачал головой, не желая продолжать, да и не было для этого времени – преследовавшие гриллы скрылись за очередной каменной грядой, отделявшей их от беглецов, и дракон-гид сообщил, что сейчас самое время скрыться в тени небольшого каменного грота, прежде никем незамеченного.

- И держите рты закрытыми! – напутствовала имитация древнего божества, награждая Джаво особенно долгим взглядом. – Тебя это в первую очередь касается, умник.

Молодой стражник открыл было рот, собираясь возразить.

- Тс! – цыкнул на него дракон, выпуская из носа две струи густого белого дыма.

«Еще сочтемся», - мысленно пообещал дракону Джаво, решив, что сейчас не время для выяснения отношений.

Грот, где они укрылись, был сухим, и выглядел намного

больше, чем это казалось снаружи, переходя в узкий черный тоннель, круто устремлявшийся под землю. Порывы теплого ветра, приходившие из тоннеля, были неровными, напоминая дыхание погребенного заживо левиафана.

Снаружи гриллы приблизились к гроту и начали принюхиваться, пытаясь взять след решившей схитрить добычи. Один из них увидел беззаботно снующего между камней крохотного ийса и, ловко подцепив острыми когтями, проглотил не пережевывая.

С занесенным над головой боевым топором, готовый в любой момент вступить в бой, Джаво стоял возле входа в грот, не веря, что тьма сможет спрятать их от кровожадных охотников.

Проглотивший ийса грилл приблизился к убежищу беглецов и начал принюхиваться. Он находился от цели так близко, что Джаво мог разглядеть застрявшую между его зубов шерсть ийса. Казалось, что разоблачение неизбежно, но неожиданно тварь хищно оскалилась и громко срыгнула. Из ее рта вытекла слюна. Грилл жадно сглотнул, подавился отрыжкой и с силой ударил себя лапами в живот. В глазах монстра отразилась боль. Разинув пасть, тварь попыталась взвыть, но острые зубы, усеивавшие полость рта, давно искромсали язык, поэтому из горла вырвался только хрип. Схватившись за живот, грилл принялся разрывать его своими когтями. Из открытой раны хлынула густая слизь. Удушливая вонь заполнила грот, где скрывались беглецы.

Борясь с отвращением, Джаво не сводил с грилла глаз, все еще ожидая нападения. В разорванном желудке твари виднелось изуродованное тело ийса. Оно двигалось, выворачиваясь наизнанку. Его внутренности, подобно сорным растениям, пускали корни в тело уродливой твари, сожравшей его. Это уже не был ийс. Это был цветок. Много цветов, прораставших в живой плоти.

Обезумев от боли, грилл продолжал вырывать их из своего тела до тех пор, пока не упал замертво. Его предсмертные судороги быстро стихли, а цветы продолжали расти. Они распускались сочными бутонами, и Джаво видел, что эти бутоны разговаривают между собой. Он попытался разобрать, о чем они говорят. Сначала это были буквы, затем отдельные слога. Когда слога начали неловко складываться в слова, Джаво услышал крик: дикий, истошный. Так могут кричать только люди.

Обнаженная женщина, окруженная уродливыми тварями, металась среди камней, тщетно ища спасение. Гриллы забавлялись над ней, не позволяя покинуть поляну. Им нравилось издеваться над беспомощной жертвой, играть с ней: щелкать зубами перед лицом, царапать кожу острыми, как бритва,

когтями.

- Это просто имитация. Не человек. Бездушный набор протоколов и схем восприятия. Не игрок… - шептал словно молитву Джаво, наблюдая, как гриллы терзают беспомощную женщину, крики которой врезаются в сознание нестерпимой болью.

- Не смотри, - шепотом посоветовала Саломея.

Джаво послушно попытался отвернуться, но взгляд помимо воли зацепился за мертвого грилла возле входа в грот, из брюха которого выросли цветы. Кивая бутонами, они о чем-то оживленно спорили. Обостренные протоколы восприятия заставили Джаво поверить, что цветы говорят о нем, сравнивая с пойманной гриллами женщиной. Молодой стражник прислушался.

Несуразная птица по спирали спустилась с неба, почуяв плоть мертвого грилла. Падальщик Аида. Она ела быстро, жадно глотая крупные куски, давясь и смешно выпучивая глаза во время отрыжки. Вот только Джаво, не видел ничего в этом забавного, вздрагивая каждый раз, когда до него доносился крик женщины, попавшей в лапы гриллов. Возрастные ограничения явно не работали, поэтому оставалось контролировать поступающую в сознание информацию самостоятельно. Например, следить за падальщиком. Хотя и здесь картина была не менее мерзкой.

- Надеюсь, женщина уже мертва, - тихо сказал Джаво, перестав наконец слышать слабые крики и мольбы о помощи.

- Гриллы не едят падаль, - ответил тонким голосом дракон, заставив молодого стражника вздрогнуть. – Но это не самая страшная смерть из возможных, - спешно добавила имитация древнего бога. – Если, конечно, тебе от этого станет легче.

- Не станет, - буркнул Джаво.

Ория, падальщик Аида, за которой наблюдал молодой стражник, закончила с трапезой и грузно поднялась в небо, оставив в память о себе несколько ровных горок помета. Внутри одной из них что-то шевелилось, росло, пока не выбралось на свободу. Под слоем грязи Джаво узнал ийса. Крошечный зверек огляделся и испуганно побежал прочь. Джаво молча смотрел ему в след.

- Удивительно, правда? – спросила его Афна. – Жизнь умирает и снова рождается на твоих глазах.

- По-моему, это отвратительно.

- Наверное, дело в том, что твой дом – это закрытый город. Поэтому тебе никогда не понять красоты Аида.

- Ты считаешь, что здесь есть красота?

- Так же, как ты считаешь, что здесь ее нет.

- Я видел, что гриллы сделали с женщиной. Ты называешь это красотой?

- Да. Что может быть лучше быстрой смерти?

Афна вышла из убежища. Гриллы насытились и спали, развалившись на теплых камнях, выбрав самые старые и гладкие из них. От растерзанной женщины остались только белые кости, которые не привлекали даже круживших высоко в небе падальщиков.

- Что ж, думаю, больше они вас не побеспокоят, - сказал дракон, указывая Саломее на далекую гору, возвышающуюся черным монолитом на горизонте. – Продвигайтесь в этом направлении, пока небо не начнет спускаться на землю, - давал распоряжение дракон, летая возле бывшей танцовщицы театра Торсия. – Ночью найдете убежище в одном из гротов. Там их будет много. Обязательно выставьте часового. Дорогу для вас я выбрал сравнительно безопасную, но мало ли что… Утром, как небо поднимется, и снова будет видно горы у Мертвого озера, выдвигайтесь в путь. Опасайтесь диких душ, которые будут встречаться вам довольно часто. Не позволяйте окружить себя. Люди приходят в наш мир обычно из вод Мертвого озера… - имитация древнего бога смерила Джаво и Саломею недовольным взглядом. – Ваша история не в счет… И не покупайтесь на льстивые речи зоргулов, которые могут встретиться вам. Они приходят в эти края, чтобы найти людей для жертвоприношений… В остальном, пожалуй, разберетесь сами, - дракон покосился на кровоточащее запястье Саломеи. – Сегодня ты потеряла много жизненных сил, танцовщица. На твоем месте я бы потратил один день и задержался на полянах аворов, которые обязательно встретятся вам на пути. Питаясь ими, ты сможешь набраться сил, чтобы вызвать меня, когда доберетесь до гор у Мертвого озера… Ну или раньше, если снова влипнете в историю, в чем я, впрочем, ничуть не сомневаюсь…

Глава седьмая

Шел пятый день пребывания Джаво и Саломеи в Аиде, когда им наконец-то удалось добраться до Мертвого озера. Причем почти три из этих пяти дней они провели, набираясь сил, осваивая искусство поедания аворов, которому научил их мудрец по имени Пронидиус. Старик был словоохотлив и расточительно делился секретами и особенностями выживания в мире Аида. Джаво сразу определил в нем имитацию, но прогонять не стал, хотя многие другие игроки, тоже находившиеся на поляне, питаясь аворами, гнали мудреца в зашей, и даже иногда пытались лишить его жизни, впрочем, безрезультатно. В целях самозащиты посох старика превращался в змею, с которой не могло совладать ни одно оружие. По крайней мере, Джаво не видел, чтобы кто-то, из имевших глупость бросить мудрецу вызов, обладали таким оружием.

Когда Джаво и Саломея впервые увидели Пронидиуса, то он сказал, что его привели к ним аворы. Что ж, никого подобное не удивило, потому что цветы на полянах, где путники останавливались в последнее время, были особенно ворчливыми.

- Вам здесь не место! Не место! Не место! – твердили аворы, кивая тяжелыми бутонами.

- Нам просто нужно немного отдохнуть и подкрепиться, - говорила им Афна.

- Твоим друзьям не место здесь! Не место! Не место! – ворчали аворы.

- Не разговаривай с тем, что придется потом съесть, - шутливо посоветовал Джаво имитации нимфы.

- Ты молод и глуп, серьезно сказала Афна. – Аворы – это вестники Аида. Обидишь их, и каждый грилл узнает о тебе. Ты этого хочешь?

- Вообще-то я хочу их съесть, - пожал плечами Джаво.

Пара набухших бутонов склонилась к его ногам. Лепестки задрожали. Сочные стебли начали пульсировать подобно венам, затем неожиданно лопнули, роняя на землю свои семена. Самые крупные из них задрожали, заставляя молодого стражника отступить. Их оболочка растянулась, покрылась слизью и начала лопаться. В образовавшихся трещинах появились ростки. Они разрывали оболочку еще больше, вытягивая за собой маленькие извивающиеся тела будущих ийсов.

- Ого! – выпучил глаза Джаво. – И как мы будем это есть? Они ведь вылупятся у нас в животах… Может быть, пискля-дракон разыграл нас? – спросил он Саломею.

Бывшая актриса театра Торсия пожала плечами, увидела пульсирующие бутоны аворов у своих ног и предусмотрительно попятилась.

- Не бойтесь их, - раздался старческий голос.

Молодой стражник вздрогнул и выхватил из-за плеч боевой топор, ругая себя за то, что не услышал, как к ним подкрался старик. Адаптивные алгоритмы подсвечивали его посох алым светом, предупреждая об опасности. Никогда прежде Джаво не видел, чтобы оружие светилось алым. Выходит, дракон оказался прав, и они снова влипли в историю?

- Я – Пронидиус, – представился старик, разглядывая бывшую актрису и молодого стражника. Посох, зажатый в его руках, извивался подобно змее. – А вы кто? И как попали сюда?

Джаво и Саломея молчали.

- Вы не похожи на местных обитателей, - старец прищурился и громко выпустил газы. – И на людей из Мертвого озера вы тоже не похожи… - он почесал свой вздувшийся живот. – Отвечайте, кто вы?

- Мы пришли из закрытого города Новые Фивы, - подала голос Афна.

- Новые Фивы? – старик произнес это слово, обсасывая беззубым ртом каждую букву. – Место, где колосятся пшеничные поля, – он жадно втянул носом воздух, но тут же поморщился, учуяв собственную вонь. – Вы не могли прийти из закрытого города. Никто не может.

- Мы нашли дверь, которой пользуется Сфинкс, чтобы проникать в Новые Фивы, - сказал имитация нимфы.

- Дверь? – старик беззвучно пошевелил губами. – Даже если так… Никто не сможет выбраться из дворца правительницы Аида, и уж тем более добраться до Мертвого озера!

- Нам помогли.

- Помогли? И кто же? – старик уже готов был рассмеяться, набрав в легкие воздух, но когда услышал историю о Люции и драконе из озера Скорби, сморщился, выпустив газы. – Если это действительно правда, то я определенно что-то упустил.

- Мы направляемся в святилище Алкмены, ты знаешь, где это? – спросила Саломея, надеясь, что адаптивные алгоритмы решили позволить ей отказаться от использования дракона, забирающего слишком много жизненных сил.

- Святилище Алкмены? – мудрец хитро прищурился. – Хочешь стать жрицей любви? – он притворно скривился. – Сомневаюсь, что у тебя есть шанс. Вот ваша нимфа… - старик бросил на Афну осудительный взгляд. – Да. Нимфа, пожалуй, могла бы, а ты – нет.

- Никто не собирается становиться жрицей, - скривилась

Саломея.

- Тогда возвращайтесь в Новые Фивы, - посоветовал Пронидиус.

- Позволь нам самим решать.

- Никто здесь не решает сам.

Старик шагнул вперед. Его трость изогнулась, пытаясь дотронуться до Саломеи.

- Эй! – взялся за боевой топор Джаво, готовый защищать друга.

- Не бойся, – успокоил его старец. – Подарок Сфинкс не опасен, – он ехидно прищурился. – Не опасен до тех пор, пока кто-нибудь не пожелает причинить мне зло. Ты ведь не хочешь этого?

- Без причины – нет.

- Тогда тебе нечего бояться. Подарок Сфинкс не тронет вас.

- Ты покланяешься Сфинкс? – вмешалась в разговор Афна.

- Все поклоняются ей, - пожал плечами Пронидиус.

- Когда мы доберемся до святилища Алкмены и возродим древнего бога Иакха, то время правления Сфинкс закончится, - пообещала имитация нимфы.

- Вы хотите оживить Иакха? – вытаращил глаза старец, не удержался, выпустив от натуги газы, и растерянно хлопнул глазами. – Это сложный квест. Не каждому под силу подобное.

- У нас есть сердце Иакха! – гордо заявила Афна. – Вот здесь, - она прижала руки к животу.

- Вот как… - Пронидиус сжался, затравленно огляделся, желая убедиться, что никто не мог подслушать их, затем упал на землю и начал разговаривать с аворами, уговаривая ворчливые бутоны не разносить по миру Аида весть о том, что сердце Иакха найдено, и группа смельчаков близка к тому, чтобы явить миру нового бога. – Кажется, они согласились хранить молчание какое-то время, - неуверенно сказал старик, поднимаясь на ноги и неловко отряхивая старый доходивший до земли хитон грязно-белого цвета.

- Ты помогаешь нам? – удивился Джаво. – Мне казалось, ты покланяешься богини Сфинкс.

- Все здесь кому-то поклоняются, иначе не получишь волшебный посох, - пожал плечами старик. – А насчет богини… - Пронидиус начал тужиться. – Никакая она не богиня. Боги не плетут интриг. Они либо милуют, либо карают, – он снова громко выпустил газы. – Вот!

Пара людей на соседней поляне устроили драку, и старик мгновенно переключившись на них, поднял над головой посох, выкрикивая угрозы.

- Кажется, это не имитации, - сказал Джаво, когда драчуны послали в адрес Пронидиуса пару проклятий, обозвав вдобавок старым дураком.

- Я мудрец! – Пронидиус с гордостью ударил себя кулаком в грудь и тут же сконфужено выпустил газы. – Ох уж эти аворы, – извиняясь, сказал он Саломее и Джаво, махая руками, чтобы разогнать вонь. – Как видите, даже мудрец вынужден чем-то питаться, – он заговорщически перешел на шепот. – Иногда если вовремя не выпустишь газы или не присядешь, как только приспичит, то кажется, будто ийс уже родился у тебя в кишках и пытается выбраться.

- Ого! – молодой стражник растерянно уставился на сочные бутоны аворов. – А дракон говорил нам, что питаясь ими, можно вернуть жизненные силы и повысить стойкость к получаемым ранениям.

- Все верно, - расплылся в широкой улыбке Пронидиус.

- Но разве ты не сказал сейчас, что если съесть такой цветок, то в животе родится ийс и выберется наружу? Я видел, как рождаются эти маленькие грызуны, и мне не хочется, чтобы такая тварь поселилась у меня в животе, хоть я и знаю, что мое тело – это просто образ, созданный из энергии Подпространства.

- Но тем не менее ваш дракон все правильно сказал, - улыбка Пронидиуса стала шире. – Нужно лишь знать систему.

- И что ты потребуешь за объяснения? – спросила Саломея, понимая, к чему все идет.

- Что потребую? – растерялся Пронидиус. – Ничего я в принципе не хочу… Разве что попасть на остров Покоя, хотя это, наверное, слишком большая плата за науку поедания аворов. Если бы вы помогли мне покинуть Аид, оказавшись в божественном забвении на острове Покоя, то я, пожалуй, мог отдать вам свой посох… и хитон… - старик смущенно шмыгнул носом. – Больше у меня ничего нет.

- Посох это хорошо… - алчно потер подбородок молодой стражник, но тут же получил под ребра от Саломеи и отказался от мысли выполнить между делом еще один квест. – Но, боюсь, старик, у нас нет времени на это.

- Жаль, - помрачнел Пронидиус. – Посох мой ох как хорош! – взгляд его стал пытливым, вызывая жалость и усиливая желание получить мощное оружие.

Джаво чувствовал, как обострившиеся протоколы восприятия подчиняют себе его волю, заставляя взяться за поручение хитрого старика, который начал жаловаться, что устал от своей жизни.

- Сколько можно встречать отверженных и заблудших у Мертвого озера?! – кряхтел он, и от его голоса сердце обливалось

слезами. – Для этого есть Эрот и Гес. Они прекрасно справляются со своими обязанностями… - старик комично скривился, изображая глубокие раздумья. – Иногда мне хочется все бросить и поплыть на остров Покоя… Правда мне кажется, что меня там не ждут. Я ведь просто старик… Но если я стану настоящим мудрецом и буду знать очень много, то богам будет проще отправить меня на остров Покоя, чем держать здесь. Понимаете, о чем я?

- Так ты хочешь, чтобы мы рассказали тебе свою историю?

- От начала и до конца. Каждый секрет. Каждая тайна…– он хитро прищурился, но тут же скривился и начал яростно чесать свой зад, проклиная аворов, на чем свет стоит.

Джаво рассмеялся и позвал имитацию нимфы, надеясь, что Пронидиус сочтет ее историю достойной платой за искусство поедания аворов. Да и двум имитациям будет общаться друг с другом намного проще.

- Криос предупреждал, чтобы мы никому не доверяли, - напомнила Саломея, отозвав молодого стражника в сторону.

- Мне казалось, что дракон говорил только о зоргулах.

- А потом напомнил, что мы все равно вляпаемся в неприятности и позовем его. Ты понимаешь, что он выкачивает из меня жизненные силы почти так же, как это сделают гриллы, если мы встретим их.

- С той только разницей, что гриллы не оставят тебя в покое, если ты пожелаешь, - Джаво примирительно улыбнулся, подчеркивая, что не ищет поводов для ссоры. – К тому же если мы освоим искусство поедания аворов, то ты сможешь восстанавливаться в разы быстрее и проблемы с прожорливостью дракона в плане твоей жизни решатся сами собой. Может быть, мы даже сможем чаще вызывать его, чтобы он помогал сражаться… - молодой стражник спешно замолчал, чувствуя, что сейчас либо нарвется на грубость, либо получит очередную затрещину. – Не забывай, что при грамотном потреблении аворов мы можем не только восстановить жизненные силы, но и увеличить их доступный запас.

- Надеешься, что это поможет тебе стать искусным воином? – неожиданно съязвила Саломея. – Зря.

- Ничего не «зря»! – надулся Джаво и начал торопить имитацию нимфы быстрее пересказывать Пронидиусу историю их путешествия по Аиду.

- Не торопи девушку. Я старый, и у меня плохая память! – заворчал старик.

- А мне-то что? – огрызнулся молодой стражник.

- Не забывай, у кого посох! – напомнил мудрец. – Думаешь, в

твоем топоре есть хоть сотая доля от силы посоха?

- Это не топор, а лабрис, - сумничал Джаво. – Его, между прочим, подарила мне Гея.

- Ну, эту часть истории я уже слышал! – широко улыбнулся беззубым ртом Пронидиус, повернулся к Афне и велел продолжать рассказ о путешествии по Аиду. – Ты остановилась на моменте, когда Люций отвел вас к озеру Скорби.

Джаво выругался сквозь зубы и вернулся к Саломее, которая пристально наблюдала за шумной компанией на соседней поляне.

- Что там? – спросил молодой стражник.

- Пытаюсь понять игроки это или имитации.

- Мне кажется… - Джаво прищурился. – Мне кажется, что имитации.

Один из персонажей громко закричал и повалился на спину, хватаясь за живот. Другие громко заржали.

- Говорили же мы тебе, что за один игровой день нельзя съедать так много аворов! – смеялись они, пока живот бедолаги не лопнул, разорванный изнутри дюжиной крохотных ийсов.

Смех стих. Образ мертвеца находился на площадке, а сознание уже было возвращено в оставленное в игровом терминале тело. Друзья погибшего растерянно молчали: молодые и неопытные. Джаво наблюдал за ними, понимая, что до встречи с Саломеей и сам был таким, но сейчас… Он вздрогнул, увидев, как с неба по спирали спустилась стая падальщиков. Голодные ории вытеснили живых игроков с поляны, избавляясь от останков мертвеца. Процедура заняла у них не больше нескольких секунд, затем, тяжело хлопая огромными крыльями, падальщики улетели.

- Пожалуй, я больше не буду есть аворов, - растерянно сказал один из друзей мертвеца.

Остальные согласно закивали и потащились прочь.

- Думаю, твой дракон хотел, чтобы с нами случилось нечто подобное, - подметил Джаво.

Саломея нахмурилась, но спорить не стала. Сейчас, кажется, был тот редкий случай, когда молодой стражник говорил дело, если, конечно…

- Если, конечно, дракон не знал, что мы встретимся с Пронидиусом, - сказала бывшая актриса. – Наш карманный бог ведь часть адаптивных алгоритмов, которые объединяют всех системных персонажей игровой площадки «Фивы». Так что… - Саломея замолчала, увидев, что Джаво согласно кивает, понимая, куда она клонит. – Полагаю, если сделаем все правильно, то действительно станем сильнее и получим способность быстрее восстанавливаться.

- Если бы еще получить посох мудреца, - алчно прищурился

Джаво.

- Да забудь ты о своем посохе! Нет времени проходить дополнительные квесты.

- Но если бы у тебя был посох, то тогда ты бы не была обузой.

- Это ты меня называешь обузой? На себя посмотри! Твой топор ни на что не годен. У меня хоть есть дракон.

- Которого ты боишься активировать, потому что он высасывает из тебя очень много жизненных сил, - скривился Джаво.

- Вот освоим искусство поедания аворов и посмотрим на дракона в действии. Догадайся, на кого я его натравлю сразу.

- Ну хватит вам! Хватит! – закудахтал Пронидиус, встревая в спор. – И кстати, если вам это важно, то боевой топор и дракон не годятся для выполнения квеста по оживлению Иакха.

- Ты знаешь что-то, чего не знаем мы? – спросила Саломея.

- Судя потому, что рассказала Афна, знаете вы не так много, как думаете, - посох мудреца начал извиваться, и ему пришлось тряхнуть его, заставляя змею вновь обратиться в палку. – Не вы первые беретесь решить эту задачу. Знаю, что смельчаки и прежде пытались оживлять древних богов. Взять хотя бы армии Ареса и Оместеса. Когда-то давно земли Аида были тихими и спокойными. Здесь царил порядок, не то что сейчас. Я согласен, правлению Сфинкс нужно положить конец, но разве появление анархической армии Ареса и армии проповедников боли Оместеса не доказывает, что желая помочь можно навредить? А ведь смельчаками, оживившими двух новых богов, тоже двигали добрые помыслы.

- Иакх древнее Оместеса и Ареса, - напомнил Джаво.

- Не забывай, что квест по оживлению Оместеса включал в себя загадку Хтона, который тоже является древним божеством, - напомнил Пронидиус на манер заядлого игромана. – К тому же, каким бы могущественным не был Иакх, в землях Аида божество без армии – это всего-навсего половина божества.

Слова мудреца заставили Саломею и Джаво переглянуться.

- Об этом мы не подумали, - честно признался молодой стражник.

- Сомневаюсь, что для Икха разработчики вообще создали армию, - сказала Саломея, вспоминая, как еще до приобретения ключа игрока, обсуждала предстоящий игровой процесс с Арк-Ми, знавшим о «Фивах» не понаслышке. – Помнишь, я рассказывала тебе о двух братьев, которые втянули меня в историю? – спросила она.

Джаво кивнул.

- Один из них ничего не знал об армии Иакха… - Саломея

нахмурилась. – Впрочем, и о самом Иакхе он мне ничего не рассказывал.

- Но ведь мы нашли его сердце, - молодой стражник покосился на имитацию нимфы. – Думаешь, все это обман?

- Не знаю… Наверное, нет. По крайней мере, что касается сердца – нет. Вот армия… - Саломея обернулась, смерив Пронидиуса пытливым взглядом. – Как ты думаешь, имитациям можно верить?

- Знаю, что при необходимости имитации могут быть отличными лжецами, - Джаво огляделся, желая убедиться, что поблизости нет настоящих игроков, пришедших в долину аворов, чтобы набраться сил, питаясь странными цветами, способными при неправильном потреблении забрать жизнь. – Расскажи, что ты знаешь об армии Иакха, - потребовал молодой стражник у мудреца.

- А что взамен? – хитро прищурился Пронидиус.

- Расскажешь все, что знаешь, и, обещаю, что не убью тебя, - решил пойти ва-банк Джаво.

- Угрозы? – растерялся старик и тут же помрачнел. – Как же я устал от угроз, - он покосился на свой посох, начинающий превращаться в змею. – Почему все в этом мире начинают переговоры с угроз? Дурные времена. До того как к власти пришла Сфинкс все было иначе. А сейчас… - Пронидиус тяжело вздохнул. – За вчерашний день я спас троих отверженных, появившихся на берегу Мертвого озера. Вытащил их, можно сказать, из пастей гриллов, чтобы потом уничтожить двоих при помощи своего посоха. Это была самозащита, потому что спасенные чудаки решили в благодарность отобрать у меня хитон и посох.

Адаптивные алгоритмы добавили в точки сборки Саломеи и Джаво информационные протоколы о нападениях на Пронидиуса за последний год. Случайные имитации не брались в расчет. Учитывались только реальные игроки. Одни, как уже рассказал мудрец, пытались отобрать у него хитон и посох в благодарность за спасение, другие оказывались умнее и, едва узнав о том, что старик хранит множество тайн и секретов, хотели пленить его и пытками заставить рассказать обо всех известных хитростях и уловках, благодаря которым они смогут быстро прокачать своих персонажей, выполняя сложные задания и находя бонусные квесты, в конце которых ждут щедрые призы от разработчиков… Подобную алчность проявляли больше половины спасенных Пронидиусом игроков.

- Может быть, они просто считают тебя бонусным персонажем? – спросил Джаво, жалея беззубого старика, пусть тот

и был простой имитацией.

- Бонусным персонажем? – Пронидиус нахмурился. – Не понимаю, о чем ты, парень! Это что, какое-то проклятие? – он взмахнул превратившимся в змею посохом. – Если так, то я…

Джаво отступил и машинально потянулся за боевым топором, висевшим за плечами, но Саломея остановила его, вышла вперед и примирительно подняла руку, показывая Пронидиусу, что не имеет дурных намерений.

- Мы пришли сюда не для того, чтобы найти неприятности, - сказала она мудрецу. – Мы здесь, чтобы оживить древнего бога и положить конец правлению Сфинкс. Недавно ты говорил, что желаешь того же. Или я ошибаюсь?

- Я говорил, что хочу отправиться на остров Покоя, растворившись в его божественном эфире, как это сделали многие древние боги до того, как мир Аида сошел с ума… - на лице старика отпечаталась глубокая печаль. – А что касается Сфинкс, то положить конец ее правлению – это задача для молодых, - он смерил бывшую актрису театра Торсия и молодого стражника внимательным взглядом. – Как раз для таких, как вы.

- И ты поможешь нам? Расскажешь о том, где найти для Иакха армию?

- Боюсь, эта история вам не по карману, - тяжело вздохнул Пронидиус. – Афна уже рассказала мне историю ваших путешествий по Аиду в обмен за науку поедания аворов, а ничего другого у вас нет.

- Но разве… - Саломея покосилась на посох в руках старика, который продолжал представлять угрозу, шипя и извиваясь, отчего обострялись протоколы восприятия, заставляя испытывать страх, мешающий думать. – Разве ты не говорил, что хочешь отправиться на остров Покоя?

- Остров Покоя? – губы Пронидиуса дрогнули. – Остров Покоя – это хорошо, но… - он опустил посох, превратившийся в обыкновенную палку. – Но, как я уже говорил, боги не хотят принимать меня в свою юдоль.

- А еще ты говорил, что есть способ обойти запрет богов, - напомнила Саломея, увидела, как нахмурился старик, и напомнила о его предложении обменять волшебный посох на возможность оказаться в божественном эфире острова Покоя. – Что если мы изменим ставки, и вместо посоха ты поможешь нам разгадать тайну армии Иакха? – предложила бывшая танцовщица.

Пронидиус задумался.

- А кому достанется мой посох? – осторожно спросил он.

- Сможешь оставить его себе, - отмахнулась Саломея.

- Или, если на остров Покоя не пускают с оружием, можешь

оставить посох нам, - спешно добавил Джаво, не желая упускать то, что само идет в руки.

- Если я и отдам посох, то только тому, кто займет мое место, - сказал как отрезал Пронидиус.

- Ладно, хватит нам и того, что ты поможешь найти для Иакха армию, - хмуро проворчал молодой стражник.

- Хватит нам и того, что ты поможешь найти для Иакха армию, - передразнил его старик, кривляясь словно ребенок. – Как быстро растут запросы. Сначала вы просили научить питаться аворами, а теперь хотите, чтобы я помог свергнуть Сфинкс?

- Ты сам сказал, что Иакху нужна своя армия. А если есть задание, то, значит, должны быть и те, кому его выполнять. Разве нет? – спросила Саломея старика, бросив короткий гневный взгляд на Джаво, надеясь, что он все поймет и не станет вмешиваться в разговор, раздражая Пронидиуса, позволяя уходить от основной темы разговора. – Поправь меня, если я ошибаюсь, - требовательно уставилась на мудреца бывшая актриса.

- Я не знаю, - скривился Пронидиус, смущаясь подобного взгляда.

Он отвел глаза и задумчиво поскреб указательным пальцем с грязным ногтем подбородок, покрытый короткой седой щетиной, размышляя вслух:

- С одной стороны остров Покоя – это, конечно, хорошо, но с другой… - мудрец покосился на Саломею и Джаво. – Не справиться им с заданием без посторонней помощи… Армия для Иакха! Подумать только! Не успели еще оживить древнего бога, а уже планируют, как получить для него армию… Дурные времена. Дурные нравы. Все кому не лень считают себя особенными. Думают, что именно они смогут добиться того, чего не удалось другим, - он снова наградил новых знакомых оценивающим взглядом. – Да вы только посмотрите на себя! Вам ведь не место в Аиде. Вы слишком хрупкие и беззащитные. Я вообще удивлен, как вы смогли зайти так далеко! – взгляд его стал колким. – Да вы хотя бы представляете себе, что вас ждет?

Саломея и Джаво переглянулись, пожав плечами.

- Я говорю сейчас даже не о том, чтобы привести к древнему богу армию. Попытайтесь представить, через что вам придется пройти, чтобы получить возможность отправить меня на остров Покоя, - старик выпустил газы, но не заметил этого. – И не думайте, что сможете обмануть меня. Ничего подобного! Я стреляный воробей! Сначала билет на остров Покоя, затем тайна армии Каньона ветров, - мудрец понял, что проговорился и спешно зажал рукой рот, вытаращив глаза.

Саломея и Джаво снова переглянулись.

- Не думайте, что зная место назначения, сможете решить задачу без моей помощи, - поспешил реабилитироваться Пронидиус.

- Мы и не думали, - успокоила его Саломея.

- Совсем? – старик недоверчиво прищурился. – А как же притязания мальчишки на мой посох?

- Мальчишка просто боится, что для выполнения задания его боевой топор будет слабым подспорьем.

- Вот как? – Пронидиус снова поскреб указательным пальцем щетинистый подбородок. – Что ж, в таком случае он, пожалуй, прав. Каньон ветров опасное место, но прежде чем отправиться туда, вам придется выполнить еще одно задание – заработать для меня дорогу на остров Покоя, и для этого ваших навыков явно не хватит, - старик окинул взглядом окруженную скалами долину, которая, как проплешинами, была покрыта небольшими цветочными полянами. – Поэтому давайте вернемся к нашему первоначальному договору – история о путешествиях за науку поедания аворов, - чтобы вы могли немного улучшить свои способности перед началом нового задания. Что скажите?

Старик отвернулся и замер, демонстративно уставившись вдаль, давая игрокам возможность обсудить его предложение.

- Думаешь, нужно согласиться? – спросил Джаво, вспоминая, как недавно игроку, наевшемуся аворов, ийс разорвал живот изнутри. – Полагаю, это сложная наука… - он увидел улыбку на губах Саломеи и смущенно замолчал, опустив на мгновение глаза, затем не совсем удачно попытался натянуть на себя маску беспечности. – Хотя это ведь все не по-настоящему. Игровая площадка построена в Подпространстве, и у нас, если задумать, в действительности даже нет тел – только образы, существующие в мире энергии благодаря взаимосвязям ядер личности и протоколов точки сборки… Так что, если у моего персонажа из живота вылезет ийс, то это ничего не будет значит, верно?

- Верно, - осторожно улыбнулась Саломея, понимая, что храбрость молодого стражника – это просто маневр, чтобы успокоить себя. – К тому же, у нас ведь будет учитель. Это совсем не то, что осваивать науку поедания аворов самостоятельно.

- Интересно, у меня после этого улучшиться всеядность? – нахмурился Джаво. – Друзья в Размерности говорили, что можно развить эту способность до такого уровня, что игровые схемы позволят тебе питаться своими сородичами, улучшая способности… Съешь сердце храброго игрока, которому благоволят адаптивные алгоритмы, и сможешь сам безнаказанно совершать безрассудные поступки. Или если съесть мозг колдуна,

то тебе откроется доступ к заклинаниям…

- Сомневаюсь, что разработчики «Фив» пошли бы на такое, - перебила мальчика Саломея, уловив основную суть. – Способность каннибализма уже используется игровой площадкой «Голод», а это, как ты знаешь, главный конкурент «Фив». Конечно, разработчики часто воруют у конкурентов удачные идеи и наработки, но только не в этом случае, потому что площадки построены в разных реальностях двухуровневого мира и у каждой свой круг потребителей. Конкуренция иногда строится даже не на нововведениях и свежих наработках, а на подчеркивании отличия одной площадки от другой, говоря потребителю: «Если вы не хотите приобретать ключ игрока площадки «Голод» по тому-то, тому-то и тому-то, то приобретайте ключ игрока площадки «Фивы», потому что у нас ничего подобного нет»… Так что, поверь мне, скорее всего, твои друзья в Размерности врали о том, что в «Фивах» можно развить всеядность. К тому же от подобных способностей отказались даже разработчики «Голода», потому что в какой-то момент желание быстрого развития дошло до идиотизма и «особенно одаренные» игроки начали есть свои собственные тела, что по замыслу разработчиков допускалось исключительно в экстренных случаях. Процесс дошел до абсурда, вызвав насмешки и негативные отзывы в кругах авторитетных социологов и аналитиков. Учитывая способности к регенерации игровых клонов «Голода», игроки начинали питаться своими телами, едва успевали появиться на игровой площадке. Рейтинги нейронных трансляций игровых проектов резко начали падать, потому что никто не хотел смотреть, как во время бунтов, в разгар ожесточенных боев игроки, вместо того чтобы сражаться или спасать свою жизнь, получив ранение, начинали спешно поедать сами себя. На совете разработчиков «Голода» часто крутили нейронный ролик, где игрок подбирает свой выбитый глаз и гордо отправляет его в рот. Подобный идиотизм привел сначала к критике игрового процесса, а затем к насмешкам, которые едва не пустили «Голод» ко дну, превратив из серьезной игры в собственную карикатуру. Критика и насмешки были столь беспощадными, что даже клирики, всегда обвинявшие «Голод» в чрезмерной жестокости и пропаганде насилия, подняли проект на смех, тонко прочувствовав абсурдность происходящего. Сомневаюсь, что ты застал те времена, но над «Голодом» посмеивались все, включая рьяных поклонников, которые в итоге и настояли на блокировке способности. Следом за «Голодом» от этого отказались и менее крупные игровые порталы. Официального собрания разработчиков ведущих игровых площадок не было, но многие проекты заказали независимые

исследования, в результате чего появился внушительный перечень способностей и сюжетных линий, от которых лучше отказаться на игровых площадках. Впрочем, подобное не стало чем-то новым, повторив ситуацию с игровыми площадками на заре их развития, когда информационные сообщения с отчетами о достижении и развитии персонажа демонстрировались непосредственно во время игрового процесса. Причем технология информационных панелей была практически идентичной вне зависимости от того использует площадка нейронные сети или построена в мире Подпространства.

- А! Я видел нейронные реконструкции об этом, - оживился Джаво. – Вначале игроки не жаловались, но потом, когда площадки стали развиваться и начались эпические сражения, играть стало невозможно, потому что информационные панели были повсюду, мешая нормально вести бой. Разработчики спешно сделали индивидуальный доступ, но и это не помогло, потому что панели отвлекали, появляясь в такие моменты, когда это совсем не нужно.

- Все верно, - снисходительно улыбнулась Саломея. – Для своих лет ты знаешь очень много, хоть и не подключен к информационной нейронной сети.

- У меня хорошая память! – гордо объявил Джаво. – К тому же мой отец всегда рассказывает мне о своем бизнесе и бизнесе конкурентов, так что я, считай с рождения, знаю об игровых площадках и главных разработках жилого комплекса Isistius labialis.

Молодой стражник расхрабрился и сам подошел к Пронидиусу, сообщив, что они согласны пройти обучение.

- Ничуть не сомневался в принятии вами подобного решения, - сказал мудрец, отвесив величественный поклон.

Джаво подумал, что подобные потуги заставят старика снова выпустить газы, но ничего подобного не случилось, хотя старик, казалось, и сам удивился такому повороту дел.

- Ну что ж… - протянул он настороженно, все еще ожидая конфуза. – Приступим, пожалуй?

- Конечно, - беззаботно согласился Джаво.

Старик улыбнулся беззубым ртом и, оглядевшись, пошел на соседнюю поляну, где росли аворы с желтыми бутонами. Убедившись, что никто кроме Саломеи, Джаво и крутившийся возле них Афны его не слышит, он сказал, что поедание аворов нужно начинать с тех, что имеют бутоны желтого цвета.

- Они бесполезны для восстановления и развития, но благодаря им мы приучаем желудок к вырабатываемому аворами яду. К тому же из желтых аворов никогда не рождаются ийсы. Так

что желтые аворы в небольшом количестве совершенно безопасны, но также и бесполезны, - старик снова для верности огляделся и сказал, что главный ингредиент, необходимый, чтобы организм приспособился к поеданию аворов в больших количествах, находится не в цветах и не в определенной системе. – Даже если вы выполните все по порядку: сначала используете аворы с желтыми бутонами, затем отыщите редкие розовы, перейдете к оранжевым и закончите самыми ядовитыми и эффективными для развития и восстановления фиолетовыми, то вам все равно не избежать мучительной смерти от дюжин ийсов, которые родятся у вас в кишках, - Пронидиус нахмурился и бережно погладил свой живот. – Много потерял я времени и перенес страданий прежде, чем постиг истинную науку поедания аворов.

Случайный прохожий заставил мудреца замолчать. Высокий мужчина бегал от поляны к поляне, собирая цветы с фиолетовыми бутонами.

- Эй, на твоем месте я бы так не налегал на фиолетовых аворов! – крикнул ему Джаво. – Я слышал, что они очень ядовиты.

- Спасибо, конечно, но… - мужчина показал на прикрепленную за спиной охапку фиолетовых аворов. – Это на продажу. Здесь недалеко живет кузнец, которому нужны фиолетовые аворы для приготовления раствора, способного закалить сталь, превратив в нерушимый монолит… А что касается твоего предостережения, то… - мужчина нахмурился. – Никогда бы не подумал, что этих говорунов можно есть. И на что это влияет?

- Говорят, помогает восстанавливать жизненные силы, - пожал плечами Джаво. – Но я бы не верил слухам. К тому же я своими глазами видел, как умер игрок, съевший много аворов.

- Умер?

- У него из живота выбрался ийс.

- Мерзость!

- Вот и я о том! – Джаво помялся и назвал свое имя.

- А меня зовут Тэилс, - сказал мужчина с охапкой фиолетовых аворов. – Я отверженный. Если бы знал, каково здесь на самом деле, то никогда бы не приобрел такой ключ игрока.

- У меня вообще был ключ стражника из королевского дворца в закрытом городе.

- В закрытом городе? Это что, какой-то квест? – новый знакомый хитро прищурился, меряя Джаво пристальным взглядом, засомневавшись, что разговаривает с настоящим игроком.

- Я не имитация! – рассмеялся молодой стражник. – Закрытый

город – это Новые Фивы, которые, согласно игровой легенде, были построены Сфинкс, когда она пришла к власти. Это… В общем, закрытый город – скука смертная.

- Понятно, - дружелюбно улыбнулся Тэилс. – А то я уж подумал, что ты пытаешься подписать меня под какой-то квест. Хватит с меня и кузнеца, который в обмен на клинок заставил собирать фиолетовые цветы, не сказав, что в землях, где находится его кузня, аворы под запретом. Я уже пять раз пытаюсь доставить ему необходимую для приготовления отвара охапку аворов, и меня то грабят бандиты, то останавливает местная стража.

- Стража? – растерялся Джаво. – Не знал, что на территории Аида есть организованные поселения за исключением дворца Сфинкса и лагерей армий Оместеса, Ареса и Тидея.

- Не всем нравится бесконечная война в этом мире. По крайней мере, не всем нравятся главенствующие здесь силы. Три великих армии уже порядком достали многих игроков, так что мы пытаемся послать все к черту и организовать собственные поселения и силовые структуры, как это происходит в Далеких землях за Голиафскими горами, только у нас нет игровых ограничений и сложностей со сменой локации, как у телебов.

- И у вас есть свой кузнец?

- Да. Мерзкий тип.

- В закрытом городе кузнецы были героями, которые победили великанов.

- Хотел бы я сказать то же самое о кузнецах Аида. Ничего не делают просто так. Даже для тех, кто состоит в их гильдии. За все требуют плату, - Тэилс указал на фиолетовые цветы. – Думаешь, стал бы я по доброй воле собирать этих говорунов?

- Не знаю, по-моему, это нормально, - пожал плечами Джаво. – Когда в закрытом городе мне потребовалась помощь кузнеца, то я выполнял ряд заданий.

- Вот поэтому я и хочу получить хороший кинжал, - сказал новый знакомый, косясь на висевший за плечами молодого стражника лабрис. – У тебя-то, я смотрю, уже есть достойное оружие. С таким, думаю, можно не выполнять квесты, а просто заставить кузнеца или еще кого-нибудь делать то, что тебе нужно, - в глазах Таилса сверкнул алчный блеск. – Давно у тебя эта игрушка?

- Уже и не помню, - соврал Джаво.

- Наверное, развил высокий уровень владения?

- Само собой.

Новый знакомый задумчиво погрыз нижнюю губу.

- А может, врешь ты все? – спросил он, хитро прищурившись.

– Просто повезло и подобрал где-нибудь или добил раненного воина, который в нормальном состоянии уделал бы тебя одной левой.

- Я убил этим топором телеба, иддала и несколько менее серьезных монстров, включая пару гриллов.

- Вот как?

- Зря не веришь. Когда ангел утренний звезды вел нас к озеру Скорби, он ранил монстров, встречавшихся нам, позволяя мне добивать их, улучшая навыки и уровень урона, наносимого врагу лабрисом.

- Точно врешь! – осклабился новый знакомый и выхватив нож, побежал на молодого стражника, надеясь застать того врасплох.

Адаптивные алгоритмы подсветили алым предполагаемое место схватки, ограничив к нему доступ посторонним. Джаво видел, как Афна кричит ему что-то, но не мог разобрать ни слова – система ограждала его от внешнего мира. Оставалась округлая проплешина выжженной земли под ногами и противник напротив, который, прежде чем Джаво взял в руки боевой топор, успел нанести ему десяток колющих ударов, отраженных броней молодого стражника, которая была пусть и начального уровня, но отнюдь не дешевой.

- Где ты раздобыл такую защиту? – спросил Тэилс, отскакивая от противника. Нужно было сменить тактику, и он спешно пытался разглядеть в броне стражника уязвимые места.

«Что там говорили бывалые воины о подобных доспехах? – думал пройдоха Тэилс, вспоминая разговоры стражников поселения, когда он вертелся возле их костров с другими проходимцами, готовый драться за объедки. – Кажется, нужно бить между защитных пластин. Точно! Акурат между пластин!»

Перебросив нож из одной руки в другую, надеясь, что это отвлечет молодого стражника, он снова бросился в атаку. Джаво шагнул назад и махнул топором. Нож противника лязгнул о доспехи, скользнул между пластинами. Боль обожгла сознание, но молодой стражник был готов к этому. Урон был допустимым, особенно учитывая то, что Пронидиус скоро передаст ему науку поедания аворов, и он сможет исцелить себя. Плюс выпад противника заставлял открыться. Остальное было плевым делом.

Лезвие лабриса расчленило тело Тэилса с такой легкостью, что Джаво едва не выронил от неожиданности топор из рук. Разрубленные части противника упали на землю, из которой вылезли цепкие корни, утащив погибшего вниз. Ничего не осталось кроме появившихся крошечных цветов. Информационные протоколы точки сборки напомнили, что такие цветы называются алозии и растут исключительно на могилах.

Среди цветов блеснул неизвестный предмет. Джаво нахмурился, подошел ближе, обнаружив карту, на которой был изображен тайный проход в окруженное скалами поселение. Джаво убрал карту в походную сумку, и поднял нож Тэилса, использовав его для развития лабриса.

Адаптивные алгоритмы сняли защиту с места поединка, позволив молодому стражнику вернуться к друзьям.

- Какого черта ты делаешь? – накинулась на него Саломея.

- Он первый начал! – по-детски топнул ногой Джаво, готовый до последнего отстаивать свою позицию.

- А кто первый заговорил? – Саломея выглядела так, словно собиралась надрать молодому стражнику уши – он мог поклясться, что видит это намерение в ее глазах. – Тебя ведь предупреждали, что в этом мире лучше держаться подальше от других игроков.

- Он собирал фиолетовые аворы, и я просто предупредил его, что будет, если их съесть. Кто же знал, что этот пройдоха позарится на мой топор? К тому же он был знаком с кузнецом. Я хотел выпытать у него дорогу. Кто знает, когда нам потребуется хорошее оружие или броня… - он смутился, увидев вспыхнувший в глазах Саломеи огонь. – Но теперь у нас есть карта, ведущая в тайное поселение игроков, так что если мы решим укрыться, чтобы восстановить силы или выждать время…

- У нас что, дел других нет?

- Учиться поеданию аворов у нас, значит, есть время, а заглянуть к кузнецу – нет? – обиделся Джаво. – Ты – танцовщица, тебе не нужно оружие. А что делать мне? Я без хорошего оружия как без рук.

- У тебя есть лабрис.

- Пройдет много времени, прежде чем я прокачаю его до уровня, когда смогу сражаться с серьезными противниками, а у кузнеца мы могли бы приобрести много хорошего оружия, применив его для слияния с лабрисом. И не забывай, что какого уровня бы не достиг лабрис, моя броня от этого не станет крепче.

- Я понимаю, но у нас на это сейчас нет времени, - неожиданно примирительно сказала Саломея. – Ты хочешь защитить меня и Афну – это хорошо, но мы и так набрали очень много квестов, которые нужно решить, а кузнец ведь, как ты понимаешь, не станет ничего делать просто так.

- Я могу ему заплатить. Ты ведь знаешь, что отец регулярно пополняет мой личный счет.

- Не все в этой игре можно приобрести за единицы Влияния. И это не просто слова. Арк-Ми рассказывал мне, что разработчики создали специальный аналитический отдел, который следит за

подобным. Сам понимаешь, богатых игроков вроде тебя не так много. Основная масса покупателей игровых ключей – средний класс. Так что если богачи начнут контролировать игровой процесс, то это резко снизит интерес в кругах основных пользователей проекта… Да ты и сам, думаю, уже столкнулся с этим, когда сходил с ума от скуки в Новых Фивах, тщетно пытаясь развивать навыки. Какого уровня силы и мастерства ты смог достичь не выполняя специальных заданий?

- Чуть выше начального.

- Вот видишь! – улыбнулась Саломея, заставляя молодого стражника признать, что она права. – Кузнец в поселении, карту с дорогой к которому ты нашел, обязательно поручит нам какое-нибудь задание.

- Собирать фиолетовые аворы, - сказал Джаво, вспомнив рассказанную Тэилсом историю.

- Учитывая, сколько оружия тебе потребуется для апгрейда лабриса, сильно сомневаюсь, что мы отделаемся заданием по собиранию аворов. Если, конечно, кузнец не решит организовать оптовую продажу этих цветов, - Саломея улыбнулась, подчеркивая, что последние слова – шутка.

Молодой стражник помрачнел, вынужденный согласиться.

- Как только будет возможность, мы обязательно улучшим твои боевые навыки, - пообещала ему Саломея и позвала ожидавшего окончания разговора Пронидиуса, сообщая, что они готовы к продолжению изучения науки поедания аворов.

- Не прошло и года! – скривилась Афна, встретилась взглядом с молодым стражником и неожиданно улыбнулась. – Здорово ты уделал того задиру! – подмигнула она, и Джаво почувствовал, как что-то екнуло внизу живота, напоминая, что после смены локаций и начала игры в Аиде возрастные ограничения явно перестали работать должным образом.

Молодой стражник завороженно смотрел на обольстительную имитацию нимфы, понимая, что очарование вызвано поддельными протоколами восприятия, но не мог ничего поделать. Где-то далеко, словно в другом мире, Пронидиус рассказывал об ингредиентах, необходимых для нейтрализации яда аворов и снижения активности рождающихся после поглощения бутонов ийсов.

- Много бессонных ночей я провел, мучимый спазмами и болями, пока боги не сжалились надо мной, послав Орфея, спевшего историю о том, как правильно потреблять в пищу аворов. Это случилось во сне, и долго я не мог решиться проверить рассказ, но потом голод и скрученный живот доконали меня окончательно и я все-таки прислушался к совету

приснившегося мне божества, - Пронидиус тяжело вздохнул. – Секретный ингредиент в науке поедания аворов – алозии.

- Алозии? – оживилась имитация нимфы, позволяя молодому стражнику выдохнуть, вырвавшись из лишающих воли чар. – Ты что, хочешь сказать, что нам придется питаться не только говорящими аворами, но и цветами, растущими на могилах мертвецов? – спросила она старика.

Пронидиус смущенно кивнул.

- Я понимаю, что это редкий ингредиент, - сказал он. – Несмотря на то, что смерть достаточно частое явление в Аиде, отыскать алозии крайне сложно. Они живут не дольше дня. Спрос на них велик среди магов, которые отправляют на поиски могильных цветов своих подмастерьев и просто новичков, которые меняют алозии на снадобье и тайные заклинания. Слышал я, что и некоторые кузнецы стали применять алозии для смесей, необходимых при закалке стали, хотя обычно они ограничиваются аворами, за что последние, кстати, сложили о них нелицеприятную песню… - старик продолжал говорить, но слушала его только имитация нимфы.

Саломея и Джаво переглянулись и, не сговариваясь, обеспокоенно уставились на могилу Тэилса, над которой дрожали на теплом ветру хрупкие и невзрачные цветы с фиолетовыми лепестками.

- Думаешь, это была случайность? – спросила Саломея. – Я имею в виду появление наглеца, бросившего тебе вызов, и его последующую смерть?

- Ты много видел подобных случайностей? Все выглядит так, словно Тэилс был частью обучения Пронидиуса. Как имитация телеба в покоях Геи, когда она подарила мне лабрис, помнишь?

- Но мне казалось, что это был обычный игрок.

- Мне тоже так казалось. Он разговаривал, как игрок, не отрицая, что есть мир вне игровой площадки. Ты хоть раз видела, чтобы имитации вели себя подобным образом?

- Нет, но когда рядом много имитаций мы тоже не можем общаться свободно, потому что игровые протоколы активируют необходимость следовать легенде выбранного персонажа. Когда я только попала в игру, то долгое время не могла даже думать о реальном мире. Контроль над сознанием приходил только в комнате личных достижений, во время перезагрузок системы, но когда начинался игровой день, я снова забывала обо всем. Словно у меня и не было жизни вне игровой площадки. С одной стороны это, конечно, хорошо – долой проблемы, но с другой… Вместе с проблемами уходили и светлые воспоминания. Родители, детство, работа, друзья, дочь Ариша… - Саломея помрачнела,

возвращаясь мыслями в оставленный за игровой площадкой мир Размерности с его проблемами, которые казались неразрешимыми.

- Со мной вначале было нечто подобное, - согласился Джаво. – В первые дни в окружении имитаций я вообще был так увлечен игрой, совершенно забыв о том, что меня недавно похищали, требуя отца финансировать запрещенные Иерархией исследования центров Энрофы, и о том, что у меня обнаружили способности нейропата, которые должны со временем выжечь основные чувства… Такое всегда происходит, когда вокруг тебя имитаций больше, чем реальных игроков. Иначе мы будем знать, кто реален, а кто нет, и играть станет не интересно. Думаю, это была хорошая идея разработчиков, позволившая расширить игровой мир, не боясь, что большинство территорий превратятся в заброшенные пустыни – адаптивные алгоритмы создадут столько имитаций, сколько потребуется… - Джаво покосился на могилу Тэилса и задумчиво прикусил губу. – Может быть, разработчики создали новый вид имитаций? Тогда появление Тэилса легко объясняется. Мы приняли квест Пронидиуса, начали обучение искусству поедания аворов, чтобы набраться сил перед выполнением главного задания, и чтобы не превращать процесс в рутину, адаптивные алгоритмы решили помочь нам, послав Тэилса, который напал на меня. Это упростило задачу поиска могильных цветов и добавило движухи. Но тогда… - молодой стражник вспомнил полученную после победы карту поселения. – Есть вероятность, что в процессе выполнения заданий нам придется обращаться за помощью к кузнецу. Иначе зачем адаптивные алгоритмы подсунули мне карту тайного поселения? У них каждое событие строго обусловлено и продуманно… Да и в то, что Тэилс был имитацией верится с трудом. Зачем разработчикам такие сложности? Система прекрасно работала, используя имитации старого образца. Никто не жаловался, - Джаво задумался, но в голове вертелся лишь один ответ. – Если только спрос на ключи игроков площадки «Фивы» не упал ниже критически допустимого уровня, и чтобы сохранить иллюзию движения и развития, приходится добавлять новых персонажей, скрывая от людей реальный низкий рейтинг и спрос? Впрочем, сомневаюсь, что это так.

- Не сомневайся, - Саломея вспомнила время, когда работала в Размерности на двух братьев, покинувших проект «Фивы». – Арк-Ми и Прай-Ми говорили мне, что проект переживает сейчас не лучшие времена. А они, поверь мне, знали ситуацию изнутри, так как входили в первый круг совета разработчиков… Прай-Ми, по крайней мере, точно входил.

- И как тогда отличать имитаций от реальных игроков? – озадаченно спросил Джаво, пытаясь вспомнить детали разговора с Тэилсом, чтобы разглядеть в них особенности, принадлежащие имитации, но… - Думаю, подобный расклад многим игрокам не понравится, - протянул молодой стражник.

- Какой расклад? – вклинилась в разговор Афна. – Спорите о том, считать богохульством поедание могильных цветов или нет?

- О каком богохульстве идет речь, если об этом мне рассказал Орфей? – подхватил слова имитации нимфы Пронидиус. – Вот найти их… - он хитро прищурился, устремляя взгляд к Джаво. – Если бы не наш молодой герой, победивший напавшего на него проходимца, то нам бы пришлось потратить много времени и сил на поиски могильных цветов, а так… - беззубый рот старика растянулся в широкой улыбке. – Вот нужные нам алозии, - он указал рукой на синие невзрачные цветы на могиле Тэилса.

- Ну, точно – Тэилс был имитацией! – в сердцах воскликнул Джаво.

Пронидиус проигнорировал его слова, подошел к свежей могиле, бережно сорвал синий цветок и положил в рот.

- Здесь тоже нужно знать меру, - сказал он, шлепая губами и прикрыв глаза, притворяясь, что получает удовольствие от пережевывания. – Алозии не менее ядовиты, чем фиолетовые аворы, но если сразу после проглатывания алозии начать поедание аворов… - старик метнулся на соседнюю поляну, налегая на растущие в большом количестве розовые и оранжевые аворы. – То яд двух разных видов растений нейтрализует друг друга, - сказал Пронидиус с набитым ртом. – Это спасает вам жизнь и позволяет подготовить организм к новым дозам алозий и фиолетовых аворов, - старик замахал руками, требуя делать так же, как он. – Здесь главное не допустить промедления, потому что яд алозий распространяется быстрее яда аворов! – кричал он, не скрывая, что страдает от боли в животе. – Не нужно бояться и останавливаться. Как только вас начинает скручивать от попавшего в кровь яда алозий, налегайте на фиолетовых аворов – это самый благоприятный момент для того, чтобы вобрать в себя содержащуюся в говорящих цветах энергию. Боль обязательно пройдет.

Пронидиус упал на колени, но продолжил жадно набивать рот фиолетовыми аворами. Казалось, что он умирает, но затем неожиданно силы вернулись, и старик вскочил как ни в чем не бывало.

- Ну, что я вам говорил? – спросил он, гордо подняв голову. – Доведете технологию до автоматизма и сможете проделывать такое по полсотни раз за день, лишь бы под рукой были

необходимые ингредиенты.

Желая продемонстрировать новые способности, старик разбежался и, подпрыгнув, сделал сальто. Приземлившись на ноги, он сложил на груди руки с горделивым видом ребенка, но тут же сконфузился, громко выпустив газы.

- Извиняюсь! Небольшой побочный эффект, - пробормотал он, опираясь на посох, словно боялся напрягаться, зная, что конфуз тут же повторится.

- Ого! – только и сказал Джаво, не скрывая, что относится к процедуре с сомнением.

- Первые полдня придется помучаться, зато потом можно довести процесс до автоматизма, - пожал худыми плечами Пронидиус.

- Это значит, что освоив способность поедания аворов, можно будет, найдя нужные ингредиенты, активировать процесс, не участвуя в нем, как это происходит, когда ты играешь в режиме пропуска ненужных сюжетных линий? – спросил молодой стражник, но имитация мудреца, не собираясь отвечать, демонстративно уставилась вдаль, словно там появилось что-то крайне важное. – Ненавижу, когда они так делают! – сказал Джаво.

- Думаешь, действительно есть возможность, освоив способность, переводить ее в автоматический режим? – спросила Саломея. – А то, чтобы получить значительный прирост, судя по всему, одной поляной аворов дело не обойдется, а бегать здесь несколько дней не особенно хочется.

- Ну, старик нам точно не скажет, - молодой стражник покосился на имитацию нимфы. – От нее тоже не стоит ждать дельных советов, так что… - он тяжело вздохнул. – Так что остается выяснять в процессе. Как там говорил Пронидиус? Немного алозий заедаем алыми и оранжевыми аворами, затем повышаем дозу могильных цветов и налегаем на фиолетовых говорунов?

- Кажется, как-то так.

- Интересно, если что-то не сработает и у меня из живота вылезет ийс, я успею порубить Пронидиуса на части или нет? – Джаво заставил себя улыбнуться и начал обучение.

Первые этапы показались настоящей пыткой. Действия были разрозненными. Обостренные протоколы восприятия мешали мыслить рационально, словно система специально ставила игрокам палки в колеса. Казалось, что меняются даже поляны, где находятся аворы нужных цветов. Хотя, возможно, виной всему был исключительно искусственный сбой протоколов точки сборки, имитирующий волнение, потому что не удавалось даже

запомнить цветовую последовательность, согласно которой необходимо было есть аворы, не говоря уже о дозировках могильных цветов, о которых обычно просто забывали. Если бы не Афна, которая появлялась, когда Джаво или Саломея готовились к смерти от отравления аворами, и приносила алозии, то все могло бы закончиться плачевно.

Успехи в освоении науки поедания аворов наметились лишь во второй половине дня. Бывшая актриса театра Торсия и молодой стражник начали справляться без помощи Афны, соблюдая необходимые последовательности потребления цветов.

Ближе к вечеру стали появляться первые признаки возможности перевода процедуры в автоматический режим. Если бы не стычка с группой пленных солдат армии Ареса, заявивших, что им удалось сбежать из темниц Тидея, представителя официальной власти Аида, то к концу игрового дня Саломея и Джаво могли бы постичь науку поедания аворов. Но воины Ареса, безоружные, но не менее опасные, позарились на боевой топор молодого стражника, решив, что смогут добыть его малой кровью.

- Если увидишь, что я начинаю проигрывать, то активируй дракона, - сказал Джаво покидая поляну, чтобы перемеситься в отведенный для поединка подсвеченный синим светом пятачок.

Он насчитал дюжину обессиленных и безоружных воинов армии Ареса, готовясь, что они набросятся на него все сразу, как стая голодных падальщиков, но адаптивные алгоритмы ограничили площадку для сражения, позволив войти на нее только троим представителям армии Ареса. Остальные толпились вокруг, подбадривая товарищей восторженными криками. Кулаки и зубы диких воинов не могли противостоять острым лезвиям боевого топора Джаво, но их навыки ведения боя и сила тел была значительно выше способностей молодого стражника. Люди, приобретавшие ключ воина армии Ареса, получали персонаж изначально развитый в несколько раз лучше, чем достался Джаво. До сих пор он мог только мечтать, чтобы приблизиться по уровню мастерства и силе к представителям одной из трех армий Аида.

Воины Ареса считались одними из самых неорганизованных, но славились ловкостью и жестокостью, позволявшей им не щадить ни себя, ни противника. Впрочем, сейчас, вынужденным действовать голыми руками против вооруженного стражника, им, как никогда, пригодились бы организационные навыки, коими славились воины армии Тидея. Последние знали правила видения боя, держали строй, соблюдали порядок и субординацию. Конечно, иддалы не были такими ловкими, как воины Ареса, но окажись они сейчас противниками Джаво, то у молодого стражника не было бы шансов. Иддалам изначально

устанавливались в точку сборки информационные протоколы всевозможных вариантов ведения боя.

К тому же оставшиеся вне сражения воины Ареса не смогли дождаться своей очереди. Им следовало наблюдать за сражением молодого стражника, отмечать его ошибки и слабые стороны – так поступили бы иддалы. И пусть Джаво расправился с первой тройкой противников без особого труда, на второй волне он бы неминуемо столкнулся с трудностями, вымотавшими его, а третья тройка смогла бы достать его… Но воины Ареса не были иддалами. Устав ждать своей очереди, они, распаленные видом сражения, не смогли удержаться и начали искать себе новую жертву.

- Берегись! – крикнула имитация нимфы, заметив, что пара грязных и диких воинов Ареса подбираются к Саломее.

Бывшая актриса театра Торсия попятилась и предупредила наглецов, что у нее есть возможность вызвать для своей защиты древнее божество по имени Криос. Воины Ареса переглянулись, не понимая, о чем идет речь.

- Это дракон! – сказала Саломея. – Он небольшой, но обладает чудовищной силой, так что… - она увидела хищные оскалы у грязных и отощавших воинов, которые не поверили ее словам, и грязно выругалась, надеясь, что дракон успеет появиться прежде, чем дикари накинутся на нее.

Но вызывать Криоса не потребовалось. В сражение вмешался Пронидиус, пустив в ход свой превратившийся в змею посох. Воины Ареса не знали страха, поэтому вместо того, чтобы разбежаться, предпочли принять бой. Адаптивные алгоритмы проигнорировали схватку, оставив полный доступ к месту сражения. Воины Аресы окружили старика, но посох в его руках был куда более грозным оружием, чем боевой топор Джаво. Превратившись в змею, посох направлял руки старика, выбирая себе жертву. Он жалил, парализуя противников, обвивался вокруг их конечностей, ломая кости, душил, хлестал, разрубая кожу и мясо.

Поединок дряхлого старика с дикими воинами закончился раньше, чем Джаво успел разделаться со своими противниками. Молодой стражник как раз прикончил второго нападавшего, когда посох-змея Пронидиуса, обвив шею последнего противника, оторвал ему голову, заставив Саломею, удивленную подобной жестокости, растерянно ахнуть.

- Мне тоже не нравится, как действует посох, но, видимо, не нужно забывать, что его подарила мне Сфинкс, а она не отличается милосердием, - сказал Пронидиус. – Хотя многие считают, что жестокость – это часть очарования Аида.

- Я так не считаю, - категорично заявила Саломея и снова охнула, увидев, как лабрис Джаво расчленил тело последнего противника молодого стражника надвое. – Мать твою! – только и произнесла она, увидев кровавый фонтан, брызнувший из разрубленного тела.

Струи крови достигли высоты в два человеческих роста, замерли, словно адаптивные алгоритмы специально смаковали отвратительный момент, затем пролились на пятачок, где проходило сражение, кровавым дождем. Поединок закончился. Ожившие корни утащили мертвецов под землю. На местах погребений появились невзрачные синие цветы.

- Вот и решилась проблема с алозиями! – оптимистично сказал Пронидиус. – А то ваше обучение науке поедания аворов в самом разгаре, а необходимые ингредиенты начали заканчиваться.

Джаво, пошатываясь, покинул круг, отведенный адаптивными алгоритмами для сражения. Несмотря на видимую легкость, с которой он расправился с противниками, они тоже изрядно потрепали его. От полного запаса жизненных сил, осталось меньше четверти. На лице красовались синяки и рассечения, а на левой руке, которой молодой стражник прикрыл горло, не хватало внушительного куска мяса, вырванного одним из нападавших, когда он пытался вцепиться зубами в шею Джаво.

- Могло быть и хуже, - отмахнулся мальчик, когда Саломея спросила, все ли с ним в порядке.

- У тебя все еще течет кровь, - отметила бывшая актриса театра Торсия.

- Зато удалось записать в актив победу над тремя воинами армии Ареса. Если повезет, то система не станет учитывать, что они были безоружны и истощены долгим пребыванием в плену.

- А то, что тебя могли убить, ты не учитываешь?

- Ну, это ведь игра, к тому же… - Джаво покосился на поляну с фиолетовыми аворами. – Думаю, адаптивные алгоритмы специально послали нам воинов Ареса. Учитывая, что мы сейчас осваиваем искусство поедания аворов, а затем попытаемся выполнить сложный квест Пронидиуса, то дополнительные навыки не помешают, - запрокинув голову, молодой стражник посмотрел на небо игровой площадки, начинавшее неспешно опускаться на землю. – Думаешь, мы успеем пройти несколько кругов поедания аворов прежде, чем начнется ночь? Мне бы не помешало повысить запас жизненных сил, да и практика лишней не будет.

- Конечно, успеете! – воодушевленно вмешался в разговор Пронидиус. – И не волнуйтесь о месте для ночлега. Я знаю

небольшой безопасный грот неподалеку. Там вы сможете провести ночь, не переживая о том, что подвергнитесь нападению.

- Уже не терпится попасть в комнату личных достижений и посмотреть на показатели развития моего персонажа, - оживился Джаво, возвращаясь к поеданию аворов. – Надеюсь, завтра мы освоим это искусство и сможем перевести в автоматический режим, избежав рутины.

- Надеюсь, мне хватит терпения на все это, - произнесла Саломея сквозь зубы, начиная новый круг обучения.

Игровой день выдался долгим и утомил сильнее, чем недели жизни в закрытом городе вместе взятые. Если бы не встреча с Пронидиусом и начало освоения искусства поедания аворов, то вряд ли она дотянула бы до вечера – это было видно из графиков развития персонажа, когда Саломея, закончив игровой день, оказалась в комнате личных достижений. Прежде, когда она играла на территории закрытого города, большая часть КЛД пустовала, зияя темнотой, сейчас же повсюду пестрели достижения, выполненные и предстоящие задания, сведения о персонажах, с которыми она успела вступить в контакт. Последние делились на друзей и врагов, соблюдая относительный баланс.

- Плевать, - буркнула Саломея, пытаясь отыскать среди информационного многообразия личные записи воспоминаний, сделанные, когда она только появилась в игре.

В основном это была информация о дочери – в первые дни игры Саломея не могла привыкнуть к измененной точке сборки и дополнительным алгоритмам восприятия, мешавшим отвлекаться, ухудшая во время игрового дня связь с ядрами воспоминаний, отвечавшими за реальную жизнь. Имитация по имени Криста, которую Саломея считала реальным игроком, выслушала опасения актрисы и посоветовала, попав в комнату личных достижений, создавать информационные блоки, посвященные жизни в Размерности… Саломея вспомнила напавшего на Джаво проходимца, притворявшегося настоящим игроком, разговаривая о реальной жизни.

«Как я могла забыть, что так же поступала Криста?» – отчитала себя Саломея, решив, что, как только наступит новый игровой день, обязательно расскажет об этом Джаво…

На глаза попался информационный образ с показателями преобразования старого персонажа актрисы театра Торсия в новый, соответствующий игровой площадке Аида. Основные специализации не были определены, оставляя за игроком право выбора. Правда большинство персонажей оставались недоступными, предлагая выполнить ряд заданий, чтобы

получить возможность разблокировки.

- Как будто мне тех заданий, что есть, не хватает! – проворчала Саломея, не без отвращения изучая короткий перечень персонажей, доступных без дополнительных квестов: нимфы и хариты. – Всегда считала разработчиков всех этих проектов извращенцами, - проворчала она, не без улыбки отмечая, что доступ был закрыт даже для персонажа простого человека. – И о чем, черт возьми, они думают, когда решают, кем я могу стать, а кем нет?

Процентные показатели здоровья нового персонажа, формирующегося в процессе игры после смены локации, превосходили максимально доступные прежнему персонажу почти в два раза. Рядом находилась информация с прогнозом развития, допускавшим увеличение жизненных сил на четыреста пятьдесят шесть процентов в ближайшие дни, при условии перевода способности поедания аворов в автоматический режим.

- Четыреста пятьдесят шесть процентов прироста! – хмыкнула Саломея. – Кому нужна такая точность? Это ведь просто игра!

На другие показатели не хотелось даже смотреть. Уровень выносливости, ловкости, удачи, хитрости, быстроты мышления, смелости, стойкости к чарам, всеядности и ориентация в пространстве – все графы сигнализировали о приросте. В среднем от тридцати до семидесяти процентов, но некоторые показатели перевалили за гордую сотню, активировав новый уровень.

- Представляю, как сейчас веселится Джаво, - безрадостно улыбнулась Саломея, немного завидуя беспечности молодого друга, затем увидела появившийся таймер под образом нового формирующегося персонажа, который будет принадлежать ей в игре.

Обратный отсчет показывал, что до завершения процесса становления игровой личности осталось шесть дней. «А что потом?» - подумала Саломея, неосознанно активировав систему запросов КЛД, интегрировавшую в точку сборки необходимый информационный протокол. В сознание появилось четкое понимание, что когда закончится время, отведенное на становление новой игровой личности, система автоматически сделает произвольный выбор из доступных игроку персонажей.

«Нимфой становиться я определенно не хочу», - подумала Саломея и тут же получила новый информационный протокол с подробным перечнем доступных персонажей с учетом прежнего образа, сохранить который невозможно после смены игровой локации. Больше всего удивило бывшую актрису театра Торсия, что в Аиде, оказывается, можно было играть практически за любое живое существо.

Словно заманивая игрока, подталкивая сделать выбор, список персонажей, доступных без выполнения дополнительных квестов, неожиданно расширился с двух – нимфы и хариты – до шести.

- Ории? – растерялась Саломея. – Система предлагает мне стать падальщиком? Серьезно? Да кто вообще выбирает подобных персонажей?

Ответ пришел практически мгновенно, так как уже находился в интегрированном ранее информационном протоколе, показав действия игроков, купивших ключи падальщиков. Саломея видела, как они объединяются в стаи, соперничают за лучшие локации во время битв. Скептическое отношение сменилось удивлением, когда пришло понимание, что играя падальщиком можно неплохо заработать.

- Очень неплохо! – присвистнула Саломея, увидев призовые выплаты игрокам, затем представила, как шесть дней спустя система превратит ее в орию и смачно выругалась. – Это что же получается: я теперь могу стать падальщиком? Идиотизм! Пока я не начала изучать возможности развития, были только два доступных персонажа: нимфы и хариты, что, в общем, приемлемо. Но становиться падальщиком – это перебор!

Система обработала запрос и практически выдала ответ – выраженную в процентах вероятность стать орией при автоматическом выборе для игрока, сменившего локацию, нового персонажа, когда закончится отведенный для принятия самостоятельного решения срок.

- Хорошо еще нет вероятности превратиться в авора, - проворчала Саломея и тут же прикусила язык, решив, что сейчас получит отчет о том, что подобное возможно. Выждала пару секунд. – Ну, и на том спасибо, - облегченно выдохнула, поняв, что опасения не оправдались.

«Главное не забыть, в ближайшие шесть дней сделать выбор, и ничего страшного не случится», - решила Саломея, приближаясь к расположенному в центре комнаты личных достижений образу трех богинь судьбы – интерфейсу, взаимодействуя с которым, можно было перейти к началу следующего игрового дня или выйти из игры. Первые дни в игре Саломея думала только о том, что не хочет продолжать играть, но затем втянулась. Сейчас, например, мыслей о том, чтобы покинуть проект не было.

«Пока все идет неплохо, но если стану орией, то сразу покину проект», - успела подумать Саломея за считанные секунды до сброса протоколов восприятия времени, чтобы не томиться в ожидании завершения системных проверок и перезагрузки. Затем наступила темнота. До окончания перезагрузки игровой площадки, построенной в Подпространстве, оставалось чуть

меньше трех часов линейного времени, но для Саломеи, точка сборки которой во время ожидания лишилась протоколов восприятия, возвращение в Аид заняло не больше нескольких секунд. Дискомфорт от перехода, испытываемый вначале, давно вошел в привычку.

Еще в закрытом городе Саломея слышала, что многие игроки сравнивают отсутствие чувств и мыслей во время перехода со смертью, строя теории, что именно это ждет каждого человека, когда угаснет связь тела с сознанием. Разговоры о вечной жизни шли всегда, хотя никто так и не приблизился к практическому решению этого вопроса. Ходили слухи, что есть возможность перенаправить энергию Подпространства, настроив ядра извлеченного из тел сознания на альтернативный источник питания, но официальных теорий о том, что подобное возможно, не было.

Что касается Саломеи, то она вообще никогда не мечтала о вечной жизни. Разве что в детстве, да и то давно забыла об этом. Впрочем, в Размерности вообще мало кто интересовался подобными вопросами. Разговоры о бессмертии и другие фантастические теории были свойственны Квазару и ученым акеми, хотя братья, из-за которых Саломея оказалась на игровой площадке «Фивы», были другими. По крайней мере, один из них.

Она очнулась в гроте, куда их с Джаво и Афной отвел в прошлую ночь Пронидиус, продолжая думать об Арк-Ми. Их первоначальный план совместной игры явно провалился. Он должен был стать демоном, отыскать ее и помогать, следуя по пятам невидимой тенью. Что ж, персонального демона Саломея получила, вот только это был не Арк-Ми, а, судя по всему, имитация, хотя вначале она надеялась, что это не так.

«Но если рядом со мной имитация, то где же тогда сейчас Арк-Ми? - думала Саломея, покидая крошечный грот, чтобы вернуться к освоению искусства поедания аворов. – Продолжает ли Арк-Ми играть? И если да, то как далеко смог зайти в попытках заработать? И нужно ли продолжать играть мне в одиночку?»

Если бы у Саломеи был другой план, благодаря которому появлялась бы призрачная надежда рассчитаться с долгами в Размерности, покинув игровую площадку «Фивы», то она без раздумий именно так и поступила бы. Но плана не было. Да и в «Фивах» все складывалось как нельзя лучше, особенно после встречи с Джаво. «От сорванца явно больше пользы, чем проблем», - думала она по дороге к полянам аворов, в то время как Джаво, захлебываясь эмоциями, рассказывал о существенных улучшениях его личных навыков.

- В КЛД среди прочих квестов (Как же их теперь много!) висит предложение о смене игрового персонажа, но я посмотрел все доступные, и пришел к выводу, что они не стоят того, чтобы лишаться ради них заработанных способностей моего стражника, а чтобы стать воином армии Ареса или проповедником боли нужно выполнять дополнительные задания, на которые у нас нет времени.

- Я тоже так решила, - отметила Саломея практичный подход к делу у мальчика. – Только мне система дала шесть дней на смену персонажа. У тебя не так?

- Кажется, нет… - Джаво нахмурился. – Нет, точно – никаких временных лимитов.

- Везучий. – Саломея рассказала о том, что если не сделает вовремя выбор, то система может превратить ее в орию.

- В падальщика? – сначала не поверил Джаво, а затем зашелся беззаботным смехом. – Никогда бы не подумал, что ключи подобных персонажей вообще существуют.

- Я была удивлена не меньше… Особенно когда поняла, что меня могут превратить в орию.

- Интересно, а существую игроки в образе аворов?

- Насколько я поняла, нет.

- Жаль, а то было бы прикольно.

- Издеваешься, да?

- Пытаюсь представить, как мы будем проходить квесты, если ты станешь падальщиком.

- Никак не будем. Я просто покину игру – и дело с концом.

- Ты серьезно? – растерялся Джаво, перестав улыбаться.

- А ты бы стал играть в образе птицы?

- Нет, но ты ведь все равно не особенно пользуешься своим телом. Мне, например, нужны руки, чтобы держать боевой топор. Мой персонаж может надевать разные виды брони, которая пригодится во время боя. А ты… Главный твой плюс – это то, что ты настоящий игрок, и то, что у тебя есть дракон… - Джаво нахмурился. – Думаю, ничего не изменится, если ты превратишься в орию. Разве что… Ты не знаешь, они могут общаться с другими персонажами или общение ограничивается их видом?

- Не знаю, и узнавать не собираюсь, - отрезала Саломея.

- Не обижайся. Я просто пытаюсь рассмотреть варианты.

- Рассмотри лучше вариант превратиться в кромна, - скривилась Саломея.

- Ты говоришь о боевых животных телебов из Далеких земель? – оживился молодой стражник, словно всерьез рассматривал такую возможность. – А что? Кромны сильные и

выносливые. У них острые зубы и можно установить рога и панцирь, аналогичный моей нынешней броне, только на несколько уровней выше. Плюс, мы могли бы использовать меня, как вьючное животное, запасаясь необходимым арсеналом для предстоящих квестов. Да и ты могла бы освоить навыки наездницы, и тогда мы бы передвигались во много раз быстрее, чем сейчас…

- Знаешь, с Арк-Ми мы тоже много планировали, но ничего не вышло, - сказала Саломея, обрывая молодого стражника на полуслове. – Думаю, адаптивные алгоритмы именно так и работают – пока ты играешь по правилам системы, у тебя есть шанс идти вперед.

- А я думаю, что если ты будешь придерживаться строгих правил, то никуда не уйдешь, а будешь топтаться на месте. Потому что всегда найдется хитрец, который решит обойти установленные системой правила. Знаешь, когда я только попал в игру, кто-то интегрировал в мою игровую точку сборки зараженный вирусом протокол, в результате чего с моего счета списывались все средства, едва отец успевал совершить перевод. Думаю, ненужно напоминать тебе, кто мой отец и сколько единиц Влияния он готов перечислить на мой счет… - Джаво дождался, когда Саломея кивнет. – Так что выходит, кто-то обошел систему и озолотился.

- То, что мы планировали с Арк-Ми было намного серьезней, чем дюжина списаний с личного счета игрока, учитывая установленные разработчиками ограничения максимального количества единиц Влияния на счете.

- Ладно. Тогда чем сейчас, по-твоему, занимаемся мы? Разве не планируем обмануть систему?

- Если мы все еще не вылетели из игры, значит, нет. Арк-Ми говорил, что в «Фивах» существует определенная система, которая следит за махинациями, ограничивая возможность сговора. Я не говорю, что нельзя обмануть систему в процессе игры, но на ранних этапах, подобное жестоко упраздняется. Разработчики стараются контролировать только предварительный сговор, за все остальное отвечают классические адаптивные алгоритмы.

- С богами не поспоришь! – сказал не к месту Пронидиус, вклиниваясь в разговор, чего прежде не делал. – А что? – смутился старик, когда Саломея и Джаво наградили его удивленными взглядами. – Дурные времена требуют решительных мер, - пожал плечами мудрец. – Разве вы не хотите посадить на престол Аида нового бога взамен прогнивших старых?

- Что-то мне не по себе становится, когда имитации ведут себя подобным образом, - поежилась Саломея, снова вспоминая подругу по имени Криста, которую считала настоящим игроком, и демона, ошибочно принятого за Арк-Ми.

- Имитации вообще ведут себя крайне странно, если вспомнить последние дни, - сказал Джаво. – Ты слышала о теории эволюционного развития игровых адаптивных алгоритмов?

- Не хочу тебя разочаровывать, но это не теория, а просто игровая байка, не имеющая к науке никакого отношения, - снисходительно улыбнулась Саломея.

- Как дети Квазара, появления которых ожидают акеми?

- Нет. У акеми есть хотя бы теории, а здесь…

- Только воображение игроманов?

- Именно. Мир давно пережил веру, что адаптивные алгоритмы могут обрести разум. Стать опасными, мутировать, усовершенствовать себя – да, но не обрести свойственный людям интеллект. Думаю, что вера в подобное рухнула тысячи лет назад, когда были открыты Подпространство и способы извлечения сознания, доказав исключительность человечества, потому что ни одна другая животная форма жизни на планете не обладала энергетической формой сознания… Ты ведь знаешь, что до наступления Великого ледника Землю населяло много разных представителей животного мира?

- Конечно, - не столько с гордостью в голосе, сколько с обидой, что в его знаниях усомнились, сказал Джаво.

- Значит, ты должен понимать, что скорее предсказания акеми окажутся правдой и на свете действительно появятся дети квазара, чем адаптивные алгоритмы обретут интеллект.

Они вернулись в долину аворов, где уже суетилось около дюжины других персонажей.

- Смотри, там кромн! – закричал Джаво, указывая на могучее двуногое животное, пасшееся на дальней поляне. Другие персонажи старались держаться подальше от него. – Пойду поговорю с ним. Вдруг он не имитация.

- Хочешь снова ввязаться в драку?

- Нет, но…

- Думаешь, сможешь его одолеть? – Саломея смерила кромна внимательным взглядом.

Передние лапы у него напоминали человеческие руки, но заканчивались острыми когтями. Спина изгибалась, давая возможность использовать боевого кромна в качестве вьючного животного. Голова животного была просто огромной, если сравнивать с остальным телом. Наездники обычно сидели на плечах кромнов, так что голова, увенчанная рогами, служила

отличным щитом.

- По-моему, он отвратительнее иддала, - сказала Саломея. – Не знала, что они вообще есть в Аиде. Разве кромны – это не персонажи Далеких земель?

- Говорят, телебы торгуют ими с представителями враждующих армий, - Джаво с восхищением смотрел на кромна. – Как думаешь, если бы у меня была возможность сменить персонажа, то…

- Ты серьезно?

- Посмотри какая мощь!

- Сомневаюсь, что кромны доступны игрокам.

- Ории же доступны.

- Не забывай, что кромны – продукт Далеких земель, а там не приветствуются смешанные персонажи. Ты видел хоть одну имитацию телеба?

- Во дворце Сфинкс, когда Гея подарила мне лабрис, я дрался с имитацией телеба.

- Телебы здесь редкость. К тому же нельзя приобрести ключ игрока телеба и начать игру в Аиде. Ты окажешься на площадке Далеких земель, а там, сам понимаешь, не существует имитаций телебов. Думаю, нечто подобное применительно и к кромнам. В Далеких землях они используются как часть вооружения телеба. Если кто-то и хотел бы приобрести игровой ключ кромна, то таких отчаянных голов крайне мало. Смешанные персонажи в Далеких землях отсутствуют, поэтому если разработчики начнут продавать игровые ключи кромнов, то им придется отказаться от имитаций этих животных, что лишит враждующие племена телебов конницы.

- Печально, - тяжело вздохнул Джаво, сожалея, что от идеи стать кромном придется отказаться, но тут же оживился. – А как ты думаешь, что произойдет, если одна из имитаций телеба Аида, решит проникнуть в Далекие земли?

- Думаю, что адаптивные алгоритмы, которые управляют имитациями, не допустят подобного.

- А если имитация телеба перехитрит их?

- То есть мы вернулись к тому, что снова начали рассматривать возможность возникновения искусственного интеллекта?

- Нет, просто подумал, что, возможно, мне разрешат стать кромном на территории Аида, при условии, что я не смогу попасть в Далекие земли…

- Сильно сомневаюсь.

- Я тоже… - Джаво снова тяжело вздохнул и заставил себя отвернуться от пасущегося на дальней поляне кромна.

Пронидиус воспользовался паузой и начал объяснять нюансы использования способности поедания аворов в автоматическом режиме, стараясь делать это так, чтобы все выглядело как часть игровой легенды, но и было понятно игрокам.

- В общем, на время перехода в автоматический режим мы, по сути, превращаемся в имитации, - первым сообразил Джаво.

Пронидиус проигнорировал его слова, продолжая рассказывать о том, что произойдет, когда духи Аида завладеют переведенными в автоматический режим телами.

- Духи, занявшие ваши тела, не смогут воспользоваться способностями, не имеющими отношения к процессу поедания аворов. Вы окажитесь беззащитными в случае нападения серьезного противника, - старик указал рукой на других персонажей, находившихся в долине. – Чтобы защитить от нападения, я останусь с вами. Если же мне придется отлучиться, то я призову для вашей защиты кого-нибудь из своих должников.

- Надеюсь, это будут имитации? - насторожился Джаво. – Не хотелось бы связываться с настоящими игроками, особенно учитывая, какие задания нам предстоят.

Саломея согласно кивнула.

- Вот только как спросить об этом Пронидиуса? – озадачилась она, понимая, что напрямую вопрос задать не получится.

- Может, попросить показать его должников? – пожал плечами Джаво.

Старик услышал вопрос и оживившись, указал на пасшегося на краю долины кромна.

- Я спас его, когда он только начинал свой жизненный путь, - сказал Пронидиус. – Телебы продали его перекупщикам, поставлявшим кромнов воинам Ареса. Он не владеет навыками речи, чтобы поведать мне о том, что случилось, поэтому могу лишь сказать, что когда я нашел его на берегу Мертвого озера, у него была сломана нога и жизненных сил оставалось так мало, что любой новоприбывший отверженный смог бы одолеть его, получив бонус за победу над кромном. Я выходил его и назвал Янни, что означает добрый бог. Знаю, что торговцы, проложившие тайные тропы через Голиафские горы в Далекие земли, часто получают от хитрых телебов старых кромнов, которые издыхают по дороге к воинам Ареса, но Янни был совсем молод, поэтому, думаю, что он, скорее всего, сбежал, а повреждения получил после, подвергнувшись нападению новоприбывших отверженных. Не знаю, скольких он убил, прежде чем другие достали его, но уровень его боевых навыков уже тогда был намного выше среднего. Я вылечил его раны и показал, что не все отверженные несут в себе зло. Многим из них нужна помощь. Так что Янни

патрулирует вместе со мной берега Мертвого озера, спасая новоприбывших от гриллов и зоргулов, коих в наших краях в последнее время стало появляться очень много.

- Никогда бы не подумал, что кромны не имеют речевых навыков, - сказал Джаво, обращаясь к Саломее. – А я еще планировал сменить игрового персонажа на кромна. Представляешь, как бы сложно нам было бы общаться.

- Да, поговорить ты любишь, - скептически подметила бывшая актриса театра Торсия.

Джаво пропустил замечание мимо ушей, пытаясь выпытать у Пронидиуса о других доступных ему союзниках, но кромн, кажется, был самым грозным из всех. Остальные были либо отверженными, либо ориями, либо полубогами, не имеющими права покидать берег Мертвого озера. Последнее относилось к полубогу в теле маленькой девочки Гес, встречавшей появляющихся игроков, выбравших ключ человека. Еще Пронидиус намекал на дружбу с одним из фемитов, но намеки были такими осторожными, что становилось ясно – дружба эта условная и на дивиденды нечего рассчитывать.

- Не понимаю, что вообще фемиты делают в районе Мертвого озера, - подала голос Афна. – Во времена, когда я жила в Аиде, бывшие ангелы летали где угодно, но только не возле острова Покоя, боясь прогневать богов.

- А во времена твоей жизни в Аиде зоргулы часто появлялись на берегу Мертвого озера? – прищурился Пронидиус, обижаясь, что его попытались уличить во лжи.

- Нет, - удивилась имитация нимфы, вынуждая старика рассказывать о том, что зоргулам нужны тела отверженных, чтобы приносить их в жертву Оместесу, владеющему ключом от врат в иной мир.

- Лучше бы просто добавили в наши ТС информационные протоколы с историей появления зоргулов у Мертвого озера, чем разыгрывать эту комедию, - раздраженно скривился Джаво, понимая, что прервать Пронидиуса, скорее всего, не получится. – Только время теряем, а могли бы уже переключиться в автоматический режим и продолжить развитие.

Старик между тем продолжал рассказывать об отбившимся от рук брате полубогини в образе девочки по имени Гес.

- Не помню, когда он должным образом исполнял свои прямые обязанности по спасению появляющихся на берегах озера людей, объясняя им правила Аида, - сетовал, тяжело вздыхая, Пронидиус. – Гес думает, что он попал под дурное влияния зоргулов, к которым хитростью заманивает отверженных, меняя их на диковинных зверей, которых древние демоны поставляют

ему из другого мира. Лично я никогда не видел этих зверей, но говорят, что они обладают властью над душой и мыслями. Ходят слухи, что один из таких зверей прижился у трона Сфинкс. Эрот называет их азолями, и Гес, видевшая одного из них, уверяет, что эти крохотные твари прекрасные и отвратительные одновременно.

- Нет, с информационными протоколами однозначно было бы лучше, - покачал головой Джаво, не сомневаясь, что Пронидиус проигнорирует его слова, продолжая жаловаться на поведение полубога по имени Эрот. – И пропуск ненужных сюжетных линий, как назло, не работает!

- Ладно, не ворчи, - одернула его Саломея. – Может, нам еще придется вернуться к этой истории, когда закончим здесь, приступив к выполнению других заданий.

- Тогда тем более будет лучше узнать все из информационных протоколов, а не со слов беззубого старика!

- Не нравится – не слушай.

- Вот и не буду! – Джаво отвернулся, пытаясь определить, кто из персонажей, присутствующих в долине, является настоящим игроком.

Судя по тому, как все косились в сторону Пронидиуса, то многие о нем знали и, возможно, соблюдали перемирие только пока он находился здесь. «Но ведь игроков и подобных долин много, а Пронидиус один. Не может же он уделять внимание паре игроков, игнорируя сотни, а возможно, тысячи других», - промелькнула у Джаво мысль, заставившая его забыть, что еще минуту назад он хотел познакомиться с кем-нибудь из присутствующих в долине.

- Как ты думаешь, - обратился мальчик к Саломее, – полубоги и прочие эксклюзивные персонажи находятся на игровой площадке в единичном экземпляре или есть вероятность, что их много? Ты не думала, что где-то на другой поляне еще один мудрец по имени Пронидиус обучает других игроков искусству поедания аворов, чтобы они могли отправить его на остров Покоя?

- Сомневаюсь, что подобное сходство игровых сюжетных линий возможно, - сказала бывшая актриса.

- Но то, что Пронидиусов может быть несколько, допускаешь?

- Возможно.

- А что говорил тебе об этом Арк-Ми?

- Официально соблюдается численное количество ключевых персонажей, таких как Арес, Тидей, Оместес, Сфинкс. Число второстепенных имитаций может варьироваться.

- Значит, ты не отрицаешь, что где-то сейчас в соседней

долине старик обучает искусству поедания аворов других?

- Возможно, только не пойму, что это тебе дает?

- Просто пытаюсь понять, как работает система изнутри. Вот смотри, вчера на нас дважды нападали. Где гарантии, что это не повторится сегодня? Только на этот раз мы будем беззащитны. Я помню, что Пронидиус обещал оберегать нас, но что если где-то на соседней долине адаптивные алгоритмы повторяют наш игровой сценарий с другими игроками? Что будет дальше? Нас отправят выполнять задание Пронидиуса вместе или избавятся от одной группы? Но кого выберут? Если за выбор будут отвечать адаптивные алгоритмы, то, скорее всего, это станут более перспективные игроки. Значит, чем лучше мы разовьем способности своих персонажей, тем больше у нас шансов перейти к следующему игровому сценарию. Это при условии, что адаптивные алгоритмы запрограммированы на помощь в выполнении задания Пронидиуса. Но нельзя исключать обратного. Если система решит, что Пронидиус не должен отправляться на остров Покоя, то вместо сильных игроков будет выбирать слабых, чтобы они провалили задание старика. Это значит, что нападение состоится на игроков, чьи персонажи менее развиты… Отсюда встает вопрос: нам продолжать развиваться или взять паузу?

- По-моему, ты слишком сильно все усложняешь, - сказала Саломея, надеясь, что правильно ухватила мысль, которую пытался донести до нее Джаво.

- Мой отец говорит, что лучше потратить пару часов на планирование, чем потом всю жизнь разгребать последствия ошибки, которую можно было предотвратить.

- И как ты собираешься понять, чего от нас ждут адаптивные алгоритмы? Да и ждут ли? В «Фивах» задействовано так много игроков, что вряд ли система сможет осуществлять контроль игрового процесса на таком глубоком уровне, как ты говоришь.

- Отец рассказывал, что в Размерности живет один скандальный монополист по имени Лок-Кли, семья которого на протяжении многих поколений собирала архивы с компроматом на жителей всех жилых комплексов. Когда люди не знают, как поступить, они обращаются за советом к Лок-Кли. Как думаешь, может быть, здесь тоже есть кто-то похожий?

- Ты говоришь о чем-то наподобие колодца воспоминаний? Только не понимаю, что тебе это даст? Там хранятся логи игрового процесса, а то, о чем толкуешь сейчас ты, скорее, относится к совету разработчиков первого круга.

- Ты говорила, Арк-Ми и его брат входили в совет разработчиков?

- Да, но Арк-Ми не предупреждал меня ни о чем подобном.

- Может быть, он просто не знал? Или не хотел забивать тебе голову, понимая, что это слишком для тебя?

- Ты никогда не сдаешься, верно? – Саломея улыбнулась, услышав, что Пронидиус, закончив рассказ о персонажах, спасенных возле озера Мертвых, предлагает вернуться к освоению искусства поедания аворов в автоматическом режиме.

- А чего тут осваивать? – недовольный, что его прервали, Джаво всплеснул руками. – Возможность пропуска ненужных игровых сюжетов интегрирована в точку сборки на инстинктивном уровне. Это все равно что идти – не нужно ведь думать какие мышцы напрягать, просто делаешь и все. Так и здесь. Если, конечно, ты не хочешь поделиться какими-то особенными секретами, - он наградил старика нетерпеливым взглядом.

- Вот молодежь пошла, - покачал головой Пронидиус.

- Зато боевым топором умеет махать, - попыталась найти компромисс Афна.

Саломея предпочла промолчать. Выслушала последние напутствия Пронидиуса и переключилась в режим пропуска ненужных сюжетных линий, активировав автоматический режим поедания аворов.

Никогда прежде она не делала подобного: видела, как режимом пропуска пользуются другие игроки, но сама и не думала о том, чтобы активировать эту способность. Джаво говорил, что пропуск напоминает переход из комнаты личных достижений на игровую площадку – темнота, сброс протоколов восприятия, затем медленное восстановление органов чувств, словно пробуждение. Главное, нарушаются протоколы восприятия линейного времени, сокращая часы ожидания в считаные секунды.

Сейчас Саломея ожидала, что произойдет нечто подобное, с той только разницей, что контроль над ее персонажем возьмут адаптивные алгоритмы. Она закроет глаза на пару секунд, а когда очнется, то пройдет несколько игровых дней, за которые ее персонаж задействует весь потенциал развития доступный на этом уровне, используя искусство поедания аворов.

«Очень удобная функция», - подумала Саломея, закрывая глаза и мысленно благодаря разработчиков, что позволили игрокам избежать рутины улучшения персонажей и прочих процедур, требующих времени. Хотя с другой стороны не очень-то хотелось терять несколько дней реальной жизни, но…

Саломея почувствовала, как нарушается связь с игровой площадкой, но вместо сброса восприятия линейного времени

адаптивные алгоритмы активировали новый информационный протокол, необходимый для выполнения следующего задания. Десятки разрозненных образов хлынули в сознание, формируясь в четкую картину мира, откуда, согласно игровой легенде, приходили отверженные. В Аиде это место называли Эдемом. Разработчики создавали его, взяв за основу мир Земли до Великого ледника и Третьей мировой войны, едва не погубившей планету. Впрочем, для Саломеи, родившейся и выросшей в жилом комплексе, где давящую монолитность прогнивших и промерзших конструкций отчасти скрашивали нейронные сети, создавая тысячи образов, скрывая от глаз неприглядную реальность, мир цветов и подпиравших небо вековых деревьев был чем-то далеким и недосягаемым, словно дивный сон, который цепляется за сознание после пробуждения какое-то время, будоража чувства.

Саломея не сомневалась, что волнение при виде Эдема появляется в основном из-за искусственного обострения чувствительности игровых протоколов восприятия, но видеть планету до Великого ледника было все равно, что видеть своих родителей в годы, когда они сами были детьми. Казалось, что если сосредоточиться, то можно увидеть сразу всю Землю, не упустив при этом ни одной детали. Но затем восприятие начало сужаться до крохотного дома на берегу искрящегося в лучах теплого солнца моря. В доме на брошенном на пол набитом соломой матрасе умирала молодая женщина. Разработчики не потрудились заложить в информационные протоколы сведения о том, чем болела женщина, зато не забыли усилить сочувствие, заставляя с болью в сердце смотреть, как угасает жизнь.

Глаза молодой женщины закрылись и сознание – энергия, которую в те годы называли душой, отправилось в мир иной, названный разработчиками игры Аидом. Они могли подменить восприятия таким образом, что игрок перестал бы отличать реальность от вымысла, но предпочли сохранить понимание, что происходящее – это просто сюжетная линия, захватившая внимание, распалив любопытство: что же будет дальше с погибшей девушкой?

Информационные протоколы пропустили момент перехода сознания на новый уровень реальности, сразу показав Саломее пропитавшиеся кровью пустыни Аида, где недалеко от Мертвого озера небольшая группа гриллов, истекая слюной, наблюдала за неподвижной водной гладью. Им повезло и недавно удалось полакомиться забредшим в этих краях люмидом – агрессивным животным средних размеров и всевозможных форм. Неизменным у этих животных оставалась лишь крошечная обезьянья голова. Но закуска в виде люмида лишь распалила аппетит крупных,

прожорливых гриллов. Поэтому им оставалось либо убивать друг друга, чтобы утолить голод, либо ждать, когда на берегу появится очередной отверженный – свежее и сочное мясо.

Саломея увидела, как, брызжа слюной, гриллы нетерпеливо защелкали зубами. Поверхность Мертвого озера вздрогнула, являя миру живое существо. Отплевывая скопившуюся в легких воду, молодая женщина, смерть которой видела недавно Саломея, плыла к берегу. Гриллы ждали, боясь спугнуть свою добычу, не замечая приближавшегося к ним Эрота.

- Боюсь, этого мяса на всех не хватит, – раздался за их спинами тонкий детской голосок полубога.

Защелкав зубами, гриллы обернулись.

- Вас слишком много, – сказал им мальчик лет семи. – А она одна. Это не удовлетворит ваш голод, а только усилит его.

Гриллы зарычали, смутно понимая смысл сказанных полубогом слов.

- Но вы можете сделать так, чтобы мяса было больше, – в глазах мальчика вспыхнул азарт. – Для этого вас должно стать меньше.

Продолжая рычать, Гриллы посмотрели на плывущую к берегу женщину, затем друг на друга.

- Да, да, – подначивал их мальчик. – Вас слишком много, а мяса мало. Теплого, душистого мяса. Оно плывет к вам, – он нетерпеливо топнул ногой. – Так чего же вы ждете, глупые гриллы?!

Страх и искушение боролись в примитивных мозгах монстров Аида. Победила алчность. Довольно кивнув, мальчик побежал к берегу, огибая клубок вцепившихся друг в друга существ. Их острые зубы нещадно разрывали плоть себе подобных. Клочья мяса и брызги похожей на слизь крови разлетались в разные стороны. Несколько капель попали на хитон мальчика и он, продолжая бежать к берегу, старательно оттирал их.

Девушка, смерть которой в Эдеме недавно наблюдала Саломея, выбралась на берег Аида. Тяжело дыша, она лежала, уткнувшись лицом в песок. Мокрый хитон прилипал к телу. Увидев Эрота, девушка заставила себя подняться и спросила:

- Что это за место?

Мальчик пожал плечами и по-детски беззаботно улыбнулся.

- Не понимаю, как оказалась здесь, - девушка огляделась, увидела гриллов и вздрогнула. – Боже мой! Кто это?

- Тебе лучше не знать, – мальчик протянул ей руку. – У нас мало времени. Скоро они вспомнят, зачем они здесь, и тогда будет уже поздно.

- Но…

- Они сожрут тебя! Ты этого хочешь? – недовольно топнул ногой полубог.

Девушка качнула головой.

- Тогда беги за мной, - велел мальчик.

Когда свора гриллов осталась далеко позади, он остановился, позволяя женщине отдышаться.

- Меня зовут Вера, - сказала она. – А тебя?

- Эрот, - полубог гордо поднял голову.

- Эрот? Какое странное имя.

- Какое место, такое и имя, – недовольный тем, что его имя не произвело желанного эффекта, полубог обиженно надул губы. – Мы должны идти дальше.

- Ты знаешь, как отсюда выйти?

- Можно и так сказать, – Эрот указал за каменную гряду. – Нам туда!

Он схватил девушку за руку и потянул за собой в скрытый от посторонних глаз каменный грот, где их дожидались зоргулы. Услышав свистящие голоса бывших демонов, Вера насторожилась.

- Не бойся, это мои друзья, - соврал полубог, подводя ее к разведенному в глубине грота костру.

Адаптивные алгоритмы обострили протоколы восприятия Саломеи, и когда Вера закричала, увидев уродливых зоргулов, бывшая актриса театра Торсия хотела закричать вместе с ней, но в этом информационном потоке ей было позволено только смотреть.

Протоколы не показали Саломее, что случилось, когда Вера поняла, что Эрот заманил ее в ловушку. Оказавшись вне грота, Саломея услышала дикий женский крик, разнесшийся по окрестностям. Затем длинный змеиный язык одного из зоргулов сдавил девушке горло, заставляя упасть на колени.

Сознание Саломеи вернулось в грот. Информационные протоколы показали ряд клеток, за прочными прутьями которых сидели крошечные азоли. Их огромные глаза испуганно хлопали, взирая на подошедшего к ним полубога. Плененная женщина, которую привел Эрот, смирилась, оставив попытки освободиться.

- Хочу погладить их! – сказал полубог, протягивая к азолям руку.

- Нет! – зашипели зоргулы.

- Почему?! – затопал ногами Эрот. – Разве я не привел к вам отверженного?

- Этого недостаточно. Мы поставляем азолей во дворец Сфинкс из Эдема. Ты знаешь, как сложно проникнуть в другой мир? – зоргулы окружили мальчика, сверкая рубиновыми глазами. – Но если бы ты согласился переправлять старейших из

нас на остров Покоя, то тогда, мы могли бы поставлять азолей и тебе.

- Высшие силы никогда не пропустят зоргула на остров Покоя. Будь вы полубогом, как я, или хотя бы людьми, а так… - взгляд Эрота стал колким. – Вы всего лишь старые, никому не нужные демоны…

Саломея вернулась в оставленный на площадке Аида игровой образ актрисы театра Торсия, но какое-то время продолжала видеть мальчика-полубога, мечтающего получить азоля и готового оказать за это любую услугу.

- Кажется, я знаю, как нам отправить Пронидиуса на остров Покоя, - сказала она, увидев Джаво.

- История с зоргулами, да? – спросил молодой стражник.

Саломея кивнула.

- Что ж, думаю, нам интегрировали одинаковые информационные протоколы.

- Оперативно, - Саломея огляделась, пытаясь отыскать взглядом Пронидиуса.

- Если ищешь старика, то он ушел, - сказал Джаво. – Дождался, когда я очнусь, сообщил, что наше обучение искусству поедания аворов успешно завершилось, и куда-то свалил.

- А как же наше новое задание?

- Сказал, что теперь путь нам будет указывать Морфей во время сна.

- Это значит, что вся необходимая информация содержится в комнате личных достижений?

- Да.

- Нужно дождаться окончания игрового дня и посмотреть, что к чему.

- Я уже посмотрел, - Джаво нахмурился. – Ты очнулась на два дня позднее меня. Наверное, из-за того, что у тебя есть питомец-дракон, уровень твоих жизненных сил развивается лучше моего… Расскажешь после перезагрузки о прогрессе. Сравним успехи.

- Конечно. Что насчет задания Пронидиуса? Ты выяснил в КЛД, как нам получить азоля, чтобы подарить его Эроту в обмен на билет до острова Покоя?

- В общих чертах… - Джаво замялся, но затем решил все-таки продолжить. – Не знаю, есть ли обходные пути, но в комнате личных достижений в графе вариантов числится всего один…

- Мы должны отправиться в Эдем? – догадалась Саломея.

Молодой стражник кивнул.

- А если напасть на зоргулов или выкрасть азоля у Сфинкс?

- Сомневаюсь, что это сработает. Вчера в долине аворов было дюжины три игроков, так что я кое с кем успел подружиться и

навести справки. О зоргулах знают все, но вот о том, что они торгуют азолями, - Джаво покачал головой. – История о контрабанде азолей может существовать исключительно в квесте Пронидиуса.

- Понятно, - Саломея только сейчас вспомнила об имитации нимфы, которую они должны были доставить в обитель Алкмены. – А где, черт возьми, Афна?

- Пронидиус посадил ее на ручного кромна Янни и сказал, что об этой части задания мы можем больше не волноваться – когда мы отправим его на остров Покоя, то найдем Афну в обители Алкмены.

- А если мы не сможем отправить его на остров Покоя, то, получается, и нимфы больше не увидим? – Саломея отметила, что Джаво пожал плечами, и выругалась. – Вот старый пройдоха!

- Я тоже так подумал, затем вспомнил, что он имитация, и…

- Что-то еще?

- Плохого или хорошего? – Джаво услышал очередное ругательство Саломеи и спешно сказал, что за проход в Эдем им придется заплатить Оместесу, охраняющему врата между мирами.

- Еще один квест? – скрипя зубами, спросила Саломея.

- Не так глобально, как в случае с Пронидиусом. Насколько я понял, площадка Эдема открыта совсем недавно. Ходят слухи, что разработчики планировали развернуть нечто эпическое наподобие Далеких земель, но аналитики завернули проект, расценив его экономически невыгодным. А так как часть площадки была уже построена, то чтобы не нести большие потери, было решено переписать игровую легенду, добавив ряд новых квестов. В силу этого, думаю, не стоит ждать особых трудностей в путешествии туда и обратно. Разработчики на первых этапах всегда стараются привлечь игроков, обещая интересный сюжет и хорошие бонусы, - Джаво фальшиво улыбнулся.

- Это, как я понимаю, хорошая новость? – безрадостно спросила Саломея. Джаво кивнул. – Что на счет плохой?

- Ты видела, как зоргулы расплачиваются за проход?

- Нет, но… - Саломея вспомнила девушку по имени Вера. – И сколько отверженных нам нужно привести Оместесу, чтобы попасть в Эдем?

- Одного за тебя. Одного за меня.

- И это твоя плохая новость?

- Нет. Моя плохая новость – в КЛД сообщается, что Пронидиус не позволит пленить отверженных в районе Мертвого озера. Если мы так поступим, то вызовем его гнев и навсегда потеряем возможность выведать у него тайну четвертой армии

Аида. Поэтому придется охотиться на отверженных по дороге к святилищу Оместеса, а вдали от озера, сама понимаешь, это будут уже не безобидные новички – новичкам в Аиде не выжить, особенно в землях проповедников боли, возглавляемых Оместесом.

Глава восьмая

Первая охота на отверженных оказалась настолько неудачной, что Саломее и Джаво едва не пришлось вновь возвращаться в долину аворов, чтобы восстановить силы. Ну кто мог подумать, что персонаж, на которого они нападут, окажется настоящим игроком да еще и членом гильдии «Последователей Пейофы»?!

Невысокий и худощавый, в сером хитоне, мужчина бродил по пустынным землям, тщетно пытаясь ловить ийсов. Персонаж был настолько слаб, что встречая обезьяноподобных люмидов, предпочитал держаться от них подальше, вместо того, чтобы попытаться поймать.

Джаво и Саломея наблюдали за ним больше часа. Ничто не предвещало беды – скорее всего, очередная имитация, созданная специально для того, чтобы настоящим игрокам не было скучно.

- Да у него даже оружия нет! – потерял терпение Джаво.

Он решил, что сделает все сам, велев Саломее держаться в стороне.

- Главное не спугни его! – посоветовала бывшая актриса театра Торсия.

- Я буду двигаться быстрее ветра, - самонадеянно пообещал молодой стражник, но на деле все вышло с точностью до наоборот.

Отверженный притворялся, что не замечает преследования, но передвижения его происходили таким образом, что ему удавалось все время держаться на расстоянии от Джаво, а когда молодой стражник, потеряв терпение, выскочил из укрытия и попытался настичь жертву, бросился наутек. Бежал отверженный не быстро и не медленно, подстраиваясь под силы и способности преследователей.

- Такого не бывает! – говорил задыхаясь Джаво, продолжая преследование. – Это ведь хиляк. Он не может выиграть у нас этот марафон.

Тяжелая амуниция отнимала у молодого стражника много сил, но он старался не показывать Саломее, что готов сдаться.

«Буду бежать, пока не упаду, - думал он, представляя, как бывшей актрисе придется тащить его до ближайшей поляны аворов, чтобы он смог хоть немного восстановиться и передвигаться самостоятельно. – Если такое случится, то она до конца моих дней будет напоминать об этом».

- Да падай же! Сдавайся! – приказывал Джаво бегущему впереди отверженному.

Беглец не оборачивался. У него была цель. За последние игровые месяцы тактика выработалась до автоматизма. Гильдия «Последователи Пейофы» была молодой, и главными ее участниками стали в основном новички. Да гильдии и не было бы вовсе, если бы группа отверженных, загнанная голодными гриллами в тайный каньон, не отыскала храм забытой богини. Находка была случайной и предполагала ряд заданий, которые должны были привести игрока в это место, но толи виной всему был случай, толи адаптивные алгоритмы, проанализировав ситуацию, решили дать игрокам шанс. Хотя обычно подобное происходило, когда та или иная тайна признавалась устаревшей и система принимала решение помочь игрокам в разгадке, чтобы подогреть интерес к другим тайнам игровой площадки.

Храм Пейофы не приносил игроку особенных дивидендов, если не считать защиты и возможности организовать надежный склад – идеальное место для мелких воров, коими в большинстве своем и были представители новой гильдии «Последователей Пейофы». Здесь можно было складировать краденное и скрываться от преследователей, но… каждый успешный вор должен был развивать соответствующие способности: хитрость, удачливость, маскировку, владение ножом, базисы магии, чтобы вселить в стражников страх или отвлечь владельцев от товаров…

В общем, отверженные, организовавшие гильдию «Последователей Пейофы», решили пойти другим путем. Они заманивали игроков в храм, активируя функцию защиты. Выбирались специально богатые персонажи – богатые по меркам нищих и неразвитых представителей гильдии. Вложения заработанных средств проводились только для развития узкого круга навыков, необходимых, чтобы заманить жертву в храм Пейофы. Обычно список ограничивался выносливостью и наблюдательностью. В перспективах гильдии было освоение доступных для всех участников магических навыков, способных улучшить процедуру выявления богатых персонажей и заманивания их в храм, но для этого нужно было пройти ряд квестов, а найти тех, кто смог был сделать для гильдии подобное, пока не удавалось.

Беглец, которого преследовали Джаво и Саломея, обладал только выносливостью и наблюдательностью. Остальные навыки были осознанно не развиты. Он не был удачной приманкой, заманив в храм за последние дни всего одного грилла, мясо которых можно продать воинам армии Ареса. Молодой стражник и бывшая актриса театра Торсия должны были стать его первым серьезным уловом. Особенного внимания заслуживал двусторонний боевой топор – редкий трофей даже для черного

рынка Аида. Если удастся добыть лабрис, то потом его можно будет продать, преумножив личные накопления гильдии да и свои собственные, на случай, если придется покинуть игру.

- У тебя нет такого чувства, что нас заманивают в ловушку? – спросила Саломея, когда погоня за отверженным привела их в секретный каньон.

- У меня такое чувство, что сейчас моя точка сборки развалится на части – так сильно я устал, - задыхаясь сказал Джаво. – Надеюсь, что это тупик, иначе придется прекратить погоню.

Они обогнули вспоровший землю огромный валун, за которым скрылся беглец, и увидели заросли миртового кустарника, разросшегося так сильно, что песок, блуждавший среди камней, не мог пробраться сквозь сплетенные ветви. Стайки голодных ийсов кружили возле аппетитных ягодообразных плодов. Конкуренцию им составляли несколько люмидов причудливой формы и окраски. Их обезьяньи морды хищно скалились, отпугивая ийсов от дозревающих плодов, но они, так же, как и ийсы могли только ждать, когда эти плоды наконец-то упадут на землю. Живая миртовая изгородь трепетно охраняла неприкосновенность жизни, заключенной в ее объятьях, пресекая любую попытку даже прикоснуться к своим ветвям.

Это был небольшой оазис среди камней и песка. Розы и лилии украшали его почву. Адаптивные алгоритмы добавили в игровые точки сборки Саломеи и Джаво информационные протоколы, показавшие, что когда-то, согласно игровой легенде, это место было другим. На полянах порхали рядом с бабочками очаровательные хариты, а воздух содрогался от их веселого и беззаботного смеха, в то время как богиня Пейофа наблюдала за дочерями из своей нерушимой обители, скрытой за непреступной стеной из миртового кустарника.

- Кажется, беглец спрятался там, - сказал Джаво, снимая с плеч лабрис.

- Думаешь, безопасно входить в этот храм? – спросила Саломея.

- Ну, если доходяга, вроде нашего беглеца, смог войти, то почему это не удастся нам?

Джаво попытался отыскать в зарослях проход, затем потеряв терпение взмахнул топором, надеясь, что удастся прорубить вход. Миртовая изгородь задрожала, распугав ийсов и люмидов.

- Кажется, это плохая идея, - попыталась остановить молодого стражника Саломея, но было уже поздно.

Миртовый кустарник вздыбился и проглотил непрошеных гостей. Десятки колючих ветвей опутали тела молодого

стражника и бывшей актрисы. Джаво взмахнул топором, избавившись от пут, но тут же появилась дюжина новых отростков, острые шипы которых ранили не хуже настоящего оружия. И если молодого стражника отчасти защищали доспехи, то Саломея оказалась отличной мишенью. Джаво видел, как ее игровой персонаж покрывается десятком шрамов. Кровь, сочащаяся из ран, щедро орошала землю. Впрочем, и доспехи не могли оберегать молодого стражника постоянно. Ветви кустарника с острыми шипами добрались до его лица, целясь в глаза. Щеки кровоточили. На лбу зияла уродливая рваная рана.

- Выпускай дракона! – закричал Джаво, когда ветви кустарника, сменив тактику, попытались отобрать у него боевой топор.

- Ты уверен, что не сможем выбраться самостоятельно? – спросила Саломея, уклоняясь от очередной ветви, пытавшейся выбить ей глаза.

- Я с трудом отбиваюсь, а ты говоришь о том, чтобы выбираться самостоятельно?!

Усеянная шипами ветвь обвила шею молодого стражника и начала душить. Перехватив топор одной рукой, Джаво другой вытащил нож, рассекая растение надвое.

- Без дракона нам кранты! – прохрипел он, отбиваясь от новой атаки.

Саломея выругалась и призвала питомца, доставшегося ей возле озера Скорби.

Древний бог по имени Криос, персонифицированный в виде крошечного дракона, появился почти сразу и тут же подвергся нападению ветвей кустарника. Взмахнув крыльями, Криос избежал первых коварных ударов, вылетев в центр поляны, окруженной взбесившимся кустарником.

- Помоги нам выбраться отсюда! – велела Саломея, понимая, что цена за использование дракона в боевых целях обойдется не дешево. – Сражайся за нас!

На запястьях обеих рук танцовщицы открылись раны. Кровь хлынула на землю одновременно с вырвавшимся из пасти дракона пламенем, выжигавшим ветви кустарника. Защита распространялась только на Саломею, поэтому Джаво пришлось держаться вблизи бывшей актрисы.

- Не смей махать перед моим носом своим топором! – зашипел на него Криос, выпустив из носа две струи густого дыма.

Джаво проигнорировал предупреждение, отбивая очередную атаку неугомонных ветвей. Храм Пейофы не собирался сдаваться, поэтому единственным шансом спастись было бегство.

- Если не выберемся отсюда в ближайшие пару минут, то тебе

придется нести меня на руках, - сказала молодому стражнику Саломея, показывая, как быстро теряет кровь.

- Найди выход! – заорал Джаво дракону, тело которого, казалось, пылает изнутри, раскаляя чешую.

Вырвавшаяся из его рта струя пламени миновала ветви, устремляясь к стенам живой изгороди, выжигая покрывавшие их соцветия, которые тут же превратились в бабочек, пытаясь спастись от огня. Цветущий оазис смерти содрогнулся, но персонификация древнего бога не собиралась останавливаться. Он прожигал путь к спасению, превращая храм Пейофы в объятый пламенем дом, где никто не сможет спастись. Джаво чувствовал, как нестерпимый жар начинает обжигать лицо, но худшее было впереди – усыпанный раскаленными углями и окруженный полыхающими ветвями проход.

- Чего ждете? – зашипел дракон. – Бегите! Я не смогу долго сдерживать атаки.

- Тебе легко говорить, - проворчал Джаво, представляя, какую боль придется испытать, особенно учитывая, что его возрастные ограничения после смены локаций перестали действовать.

Дымящаяся ветвь, словно подгоняя молодого стражника, хлестнула его по лицу. Он разрубил ее прежде, чем атака повторилась, схватил Саломею за руку и потянул к спасительному выходу.

Протоколы восприятия обострились, принося в сознание нестерпимую боль. Джаво закричал, но заставил себя не останавливаться, отражая на бегу атаки горящих ветвей кустарника. Странно, но в то время, когда, казалось, раскалился весь мир, золотая рукоять топора оставалась холодной, придавая державшей ее руке сил. Джаво не сомневался, что это одна из скрытых способностей доставшегося ему от богини лабриса. «Если выживем, то обязательно посмотрю, какие еще плюсы можно почерпнуть из этого и если будет перспектива, то попытаюсь провести максимальный апгрейд», - подумал молодой стражник, краем глаза отмечая не отставшего от них дракона.

Отбивая атаки полыхавших ветвей, он двигался следом, заливая огнем созданный проход.

- А Криос не так плох, как мне показалось вначале, - похвалил дракона Джаво, обращаясь к Саломее.

Она не ответила. Кровь, вытекавшая из ее запястий, шипела, капая на раскаленные угли. Силы заканчивались – бывшая актриса театра Торсия чувствовала, что еще пару мгновений, и ноги подогнуться. «Держаться, - велела себе она. – Спасение близко».

Они выбрались из охваченного огнем храма Пейофы,

повалившись на холодные камни. Саломея деактивировала Криоса, бессмысленно наблюдая, как гаснет пожар, охвативший миртовый кустарник. Стены оазиса смерти исцеляются, проход, ведущий к его центру, затягивается.

- Чертов дракон, чуть не прикончил меня, - тяжело дыша, сказала Саломея, отмечая, что раны на запястьях затянулись, перестав кровоточить.

- Нас чуть не прикончил чертов кустарник, - поправил Джаво, - а твой дракон нас спас.

- Как скажешь, - бывшая актриса закрыла глаза. – Теперь, наверное, придется снова искать долину аворов и активировать полученное от Пронидиуса искусство поедания этих цветов.

- У меня только внешние повреждения. Думаю, они исчезнут после ночной перезагрузки систем. В остальном, кажется, все нормально.

- Из меня выкачивал жизненные силы Криос, забыл? – разозлилась Саломея.

- Неужели все действительно так плохо?

- Пока не знаю, - Саломея посмотрела на опускающееся небо Аида. – Давай дождемся второй половины дня, посмотрим что к чему, посетив комнату личных достижений, а завтра решим, что делать.

- Я не против, - сказал Джаво и снова вспомнил добрым словом спасшего их дракона.

- Да, я тоже рада, что он у нас есть, - устало сказала Саломея, активируя способность пропуска ненужных сюжетных линий, чтобы быстрее завершить игровой день.

Система преобразовала восприятия линейного времени, превратив ожидание в несколько секунд. Саломея очнулась в комнате личных достижений, отметив, что пострадавшее во время заварушки тело игрового персонажа полностью исцелилось. Еще одним бонусом были зачисленные балы за победу над гильдией воров «Последователи Пейофы», которые погибли в храме во время пожара. Информационные панели сообщали, что теперь Саломея может организовать собственную гильдию. Так же к ней перешли некоторые уникальные способности погибших воров, получить которые можно было только выполняя определенные задания: умение вселять ужас в противника и создавать копию своего персонажа, чтобы обмануть преследователей, спасаясь от погони. Способности показались ей бесполезными, так как вселять страх можно было только в персонажей с целью последующего грабежа, а от двойника проку было и того меньше, потому что для успешного бегства требовались еще навыки маскировки и развитие выносливости, если придется бежать.

Что касается жизненных сил, то их осталось чуть больше половины – приемлемо, если не активировать дракона в ближайшие дни. Силы медленно восстановятся. Пусть не полностью, но… Саломея уже собиралась покинуть КЛД, когда заметила нового персонажа, доступного для обязательной смены образа актрисы театра Торсия после перехода из закрытого города на игровую площадку Аида. Полуобнаженный персонаж девы-воительницы смущал и вызывал интерес одновременно.

- Ну, доспехи и амуницию можно докупить, - беззаботно заявил Джаво, когда Саломея, покинув комнату личных достижений, рассказала ему о полученных бонусах. – Я бы, конечно, предпочел, чтобы ты выбрала персонажа, имеющего отношение к магии – так мы бы могли дополнять друг друга, но, в общем, амазонка тоже не плохо. Сам я, как понимаешь, никогда не интересовался подобными персонажами, но знаю, что многим воинам Ареса хорошо досталось, когда они попытались разорить поселение, принадлежавшее гильдии амазонок. Тем более это лучше, чем хариты и нимфы, которыми ты могла стать прежде.

- Подожду до последнего, и если не подвернется ничего лучше, то стану девой-воительницей, - сказала Саломея. – К тому же в этом случае я смогу сохранить контроль над Криосом.

- Да и возможность увеличения уровня необходимых для вызова дракона жизненных сил у амазонок намного больше, чем у актрисы, - подметил Джаво, но тут же нахмурился, сокрушаясь, что в отличие от Саломеи практически не получил дивидендов от уничтожения гильдии «Последователей Пейофы».

- Считай, что это был не твой день.

Покинув секретный каньон, где находился храм Пейофы, они вернулись торговым путем, надеясь, что на этот раз проблем с пленением отверженного не возникнет. Прячась за камнями и оставленными у дороги разграбленными телегами, Саломея и Джаво выглядывали себе подходящую жертву. Несколько раз по дороге прошли иддалы Тидея, соблюдая строй. Затем появились дикие воины армии Ареса – антипод субординации войск главнокомандующего правительницы Аида. Воины устраивали дуэли, оставляя на обочинах трупы, на которые тут же слетались ории.

Встреча с контрабандистом, поставлявшим враждующим армиям кромнов из Далеких земель, казалась настоящей удачей. Вокруг не было ни души. Торговец гнал небольшое стадо кромнов по пыльной дороге, на которой еще не успела засохнуть пролитая дикими воинами Ареса кровь. На вид кромны были молодыми и сильными, напоминая питомца Пронидиуса по имени Янни. Разве что рога у тех, что принадлежали торговцу, были покороче, да

брони в виде панцирей поменьше. Что касается самого торговца, то он был одет в кожаный хитон, под которым красовалась украшенная золотом туника. Последнее считалось пижонством даже в кругу друзей торговца. Подобные украшения не приносили никаких дивидендов в виде улучшения способностей или защиты игрового персонажа, как это делали, например, менее дорогие кожаные латы. Роспись туники золотом служила исключительно для того, чтобы подчеркнуть свой социальный статус и навлечь лишние неприятности, соблазняя воров дорогим украшением…

Впрочем, торговец по имени Сет, которого встретили Саломея и Джаво, имел такой высокий уровень маскировки и прочих магических хитростей, что воры были ему не страшны, особенно, если учитывать, что уровень развития дополнительных способностей у воров в большинстве случаев был крайне низким. Им проще было вложиться в способности карманника и держаться в черте небольших поселений, а если повезет, то прибиться к одной из армий поставщиком дефицитных товаров, между делом обчищая карманы незадачливых воинов, пока однажды кто-нибудь не поймает воришку за руку и не выпустит ему кишки.

Когда-то торговец Сет и сам промышлял подобным – с чего-то надо начинать. Он находился в игре уже больше года, пройдя долгий путь от мелкого мошенника до торговца кромнами. Последних на игровой площадке можно было по пальцам пересчитать, так как вести переговоры с телебами было крайне сложно. Представители Далеких земель постоянно жульничали, зная, что никто не отправится на их поиски, чтобы отомстить. Да что там поиски, миновать Голиафские горы – и то было уже подвигом.

Обычно торговцы пользовались услугами горного народа, который выступал посредником в сделках. Долгое время Голиафские горы служили буферной зоной, заставляя торговцев терпеть убытки, оплачивая услуги посредников, но затем появились тайные тропы, по которым торговцы начали проникать в Далекие земли лично – опасный путь, но игра стоила свеч.

Сет был одним из первых, кто подкупил представителя горного народа, выведав у него тайный маршрут. Были и другие, но он никогда не встречался с ними лично. Бизнес шел в гору – и это главное. Если бы еще не слухи, согласно которым конкуренты пытались организовать гильдию торговцев, способную взять под контроль торговлю кромнами, то Сет был бы самым счастливым игроком на всей площадке. Ему нравился игровой процесс и выбранный персонаж, но вот ненужная суета, связанная с конкурентами…

В последние недели слухи о создании гильдии торговцев

усилились, вызывая головную боль. Если им действительно удастся взять под контроль торговлю кромнами, то можно забыть о хороших прибылях. Гильдия тут же привлечет кучу новичков, которые станут горбатиться на нее, польстившись бонусными программами и обещаниями защиты. Так что прощай мечты заработать и покинуть игру богачом, обналичив средства на личном счете.

Сет пока не получал приглашения от гильдии вступить в их ряды, но не сомневался, что скоро это случится. Сомнения в том, как поступить не было – он откажется. Если повезет, то в первые недели или месяцы политика гильдии не будет агрессивной, позволив осуществить еще пару ходок в Далекие земли, но потом они неизбежно начнут действовать с позиции силы – так всегда бывает. Сет уже видел, как появлялись подобные гильдии, когда он только начинал играть. Он даже был членом одной из них – в большом поселении, где разводили люмидов, продавая снабженцам армии Оместеса, чтобы те могли удовлетворять аппетит проповедников боли.

Гильдия воров появилась с подачи руководителей поселения, надеявшихся взять под контроль мелких карманников и домушников, от которых в последние месяцы спасения не было. В результате руководители гильдии смогли навести порядок, окрепли и начали требовать у торговцев люмидами процент с прибылей, а когда те отказались, спустили на поселение всех воров, что числились в рядах гильдии, а было их к тому моменту немало.

Жители решили заплатить, потребовав повесить треть воров, совершавших налет на поселение. Руководители гильдии согласились. С тех пор подобное повторялось с завидным постоянством. Что случилось дальше с поселением, Сет не знал, потому что покинул гильдию воров сразу после первого масштабного налета на поселение и волной последовавших за этим казней.

В том, что новая гильдия торговцев, пытающаяся взять под контроль торговлю кромнами, будет действовать подобным образом, он не сомневался. Возможно, знай Сет, как бороться с ними, то он именно так и поступил бы, но большинство начинающих торговцев видело только плюсы в образовании гильдии, так что Сет оставался в меньшинстве. Можно было либо тратить накопленные средства, собирая собственную небольшую армию для борьбы за территории, когда начнется глобальный передел, либо попытаться заработать, пока есть шанс, как можно больше и отступиться, начав осваивать новые сегменты рынка. Сет предпочел последнее.

Когда его встретили Саломея и Джаво, он как раз гнал на продажу стадо кромнов, гадая успеет или нет сделать еще одну ходку в Далекие земли, прежде чем гильдия возьмет тайные тропы в Голиафских горах под контроль. Стадо кромнов, перегоняемое Сетом, было самым большим в его карьере. Его способности погонщика достигали завидных уровней, но даже этого было мало, чтобы удержать диких животных. Он уже потерял троих из девяти: двое сбежали, а один не попал под защитное поле, когда Сет активировал способность маскировки, заметив группу голодных гриллов. В итоге гриллы напали на кромна, разорвав животное на части. Хотя кромн успел прикончить пару монстров, насадив на единственный рог.

Дальнейший путь казался свободным, но Сет допускал, что лишится еще пары голов своего стада – непредвиденные расходы. Причиной могут стать отбившиеся от отряда голодные воины армии Ареса, которые, чтобы повысить уровень жизненных сил пустят пару кромнов в пищу, или появившийся пост иддалов, да любые бандиты на худой конец! Со всеми нужно уметь торговаться, убеждая, что они получают максимально возможный куш. Сет специально развивал способность обмана, чтобы адаптивные алгоритмы подменяли протоколы восприятия партнеров во время сделки, позволяя заключать выгодные договора тем, у кого способность развита лучше. Другие понимали, что их провели только спустя какое-то время, пытались спешно все исправить, но возобновляя торги снова попадали впросак.

Увидев вышедших из убежища Саломею и Джаво, Сет решил, что на этот раз отделается малой кровью. Пара выглядела безобидной. Если честно, то Сет вообще не понимал, как они смогли заметить его, ведь он активировал способность маскировки, пусть и перевел ее на минимальный уровень защиты, чтобы сократить потребление жизненных сил, тратившихся очень быстро, особенно учитывая численность перегоняемого стада кромнов.

Активированная Сетом после прохождения несложного, но затратного в плане израсходованных средств квеста способность получать информацию о каждом персонаже, с которым вступаешь в контакт, проанализировала Саломею и Джаво, но сообщила о невозможности сбора информации вне Аида.

«Они что, появились из пустоты?» - разозлился Сет, вспоминая сколько средств потратил на способность.

Адаптивные алгоритмы выдали с небольшой задержкой ответ, что персонаж актрисы/танцовщицы может оставаться на площадке Аида не более пяти дней.

«А что потом?»

В ответ появилась информация о смене персонажа и перечень доступных образов.

«Персонаж полуобнаженной воительницы мне определенно нравится, - ухмыльнулся Сет. – Вот только как они смогли меня заметить? Судя по всему, уровень развития их персонажей ниже среднего».

Система перечислили навыки, перешедшие Саломее от группы воров, погибших в храме Пейофы, уничтоженным ее питомцем.

«Танцовщица и вор в одном лице? Это что-то новенькое», - подумал Сет, изучая информационный протокол, показывающий, как Саломее достались несвойственные актрисе или танцовщице навыки. Наличие у женщины собственного дракона вызывало зависть – владеть им мог любой игрок, но где и как получить его система умалчивала.

- Ты уверена, что видишь то, что видишь? – спросил Джаво, обращаясь к бывшей актрисе театра Торсия. – Потому что я вижу только туманную дымку и пару кромнов.

Воображение рисовало молодому стражнику группу телебов, покинувших Далекие земли, решив попытать удачу в Аиде. Конечно, через Голиафские горы с трудом мог пробраться один-два телеба за раз, не больше, но кто запрещал собраться после? Да и правила перехода могли измениться. Что если следом за контрабандистами с горным народом договорились и лидеры телебов, начав захват новых территорий?

- Это просто контрабандист, перегоняющий стадо кромнов, используя маскировку, - успокоила мальчика Саломея.

Джаво кивнул, но для верности снял с плеч боевой топор.

- Покажись! – велел он, стараясь смотреть в центр туманной дымки, где, казалось, не было ничего, кроме пыльной дороги.

- Ой, да ладно! – рассмеялся Сет, деактивируя маскировку. – Ведешь себя так, словно недавно в одиночку прикончил дюжину иддалов.

- Одного иддала, телеба, нескольких гриллов и целую кучу простых персонажей вроде тебя, - процедил сквозь зубы Джаво, обиженный смехом контрабандиста.

- Впечатляет, - похвалил Сет, но улыбаться не перестал, хотя и активировал способность обмана, начавшую подменять протоколы восприятия противника.

Эта способность не раз спасала его из казавшихся тупиковыми ситуаций. Сейчас целью Сета было заболтать явных новичков на площадки Аида и, если удастся, выманить у них оружие. В особенности дракона. «С этой птичкой, пожалуй, я бы

смог на первых порах противостоять гильдии торговцев, решивших прибрать к рукам поставки кромнов», - думал Сет. Боевой топор молодого стражника, хоть система и высоко оценивала его, не особенно интересовал контрабандиста.

- Что вы хотите? – начал Сет, надеясь, что способности обмана уже начали подменять протоколы восприятия встретившейся ему парочки. – Я, например, продаю кромнов, а вы?

- Мы ничего не продаем, - сказала Саломея, чувствуя, что внезапно появилось желание оказать новому знакомому услугу. – Мы… - она замялась, решив, что будет неплохо для начала представиться. – Меня зовут Саломея, а это Джаво.

- И мы пришли из закрытого города, - сказал молодой стражник.

- А меня зовут Сет, и совсем недавно я побывал в Далеких землях, где выменял у телебов лучших кромнов, что были, - контрабандист взмахнул рукой, указывая на свое внушительное стадо. – Не желаете приобрести одного из них? – закинул он удочку, планируя обменять пару кромнов на питомца танцовщицы.

- Вы предлагаете нам купить кромна? – оживился Джаво, забыв о том, что минуту назад планировал пленить контрабандиста. – Ого! Это круто. Мы уже встречали одного кромна. Старик Пронидиус называл его Янни – настоящая машина смерти… - молодой стражник окинул пристальным взглядом стадо Сета. – Хотя ваши кромны тоже ничего.

- Тогда вам повезло, - улыбнулся контрабандист. – Я как раз гоню этих красавцев на продажу и могу вам уступить одного по доступной цене.

- О, не думал, что кромна можно просто купить!

- Можно купить, можно обменять, - Сет покосился на Саломею, решив, что удастся обменять дракона не на двух, а даже на одного кромна. Новички явно не отличаются способностью вести переговоры. – У вас есть что-нибудь ценное?

- У меня есть боевой топор! – с гордостью объявил Джаво. – Но я ни за что не поменяю его на кромна.

- Поверь мне, я бы никогда не посмел просить воина продать свое оружие, - склонился в лицемерном поклоне Сет, следуя подсказкам активированной способности обмана. – Воин не может лишиться оружия, но вот… - он как раз собирался перейти к питомцу танцовщицы, сказав, что женщине не нужна такая сила, когда Джаво, будь он не ладен, сообщил, что у него достаточно средств на личном счете, чтобы приобрести пару кромнов. – Не сомневаюсь, что ты думаешь именно так, но новичкам сложно

заработать такие суммы…

- Мой отец богач, - отмахнулся от контрабандиста Джаво.

В его голосе Сет не услышал гордости, как это было прежде, когда он встречал состоятельных игроков. «Бывают исключения. Хотя лучше бы это было просто бахвальство», - подумал контрабандист все еще строя планы выменять кромнов на питомца Саломеи.

- Разве для того, чтобы управлять кромнами, не нужны специальные навыки? – спросила Саломея, обращаясь к Джаво.

- Кажется, нужны, - помрачнел молодой стражник.

- При наличии на счете достаточного количества средств получить такие навыки не проблема, - поспешил сообщить Сет, уже прикидывая к кому из друзей можно будет отвести странную парочку, чтобы они смогли без лишних хлопот освоить управление кромнами. – Если, конечно, у вас действительное есть нужное количество единиц Влияния, потому что в противном случае можно всегда совершить бартер… - он бросил беглый взгляд на Саломею, но сомнений на ее лице не было, да и запах прибыли начинал прельщать сильнее призрачной надежды получить питомца танцовщицы, который, возможно, поможет отсрочить потерю рынка в Голиафских горах.

В довершение ко всему система интегрировала в точку сборки Сета информацию о том, что Саломея не может передавать питомца другому игроку – ограничение системы, целью которого было обязать игроков проходить необходимые квесты для получения серьезных улучшений навыков персонажа или личного вооружения.

«А может, в таком случае нанять эту парочку для охраны? – подумал Сет. – Или создать полноценную гильдию, привлекая не только торговцев, но и вояк, которые будут иметь процент от продаж?»

- Хотите получить двух кромнов совершенно бесплатно? – предложил контрабандист, решив, что если Саломея и Джаво согласятся вступить в гильдию, то он компенсирует потерю двух кромнов завышенным членским взносом.

Неспешно, но и не вдаваясь в ненужные детали, Сет рассказал о своем бизнесе и планах создать гильдию для расширения торговых связей и прибылей, мельком упомянув о противоборствующих силах в лице других контрабандистов.

- Если честно, то я вначале планировал обменять пару кромнов на вашего питомца, - признался Сет. – Но если дракон – игрушка именная, то не откажусь видеть вас в рядах своей гильдии.

- Мой лабрис тоже кое на что годится, - вздернул нос Джаво.

- Конечно, годится, но дракон…

- Думаю, мы не заинтересованы создавать какие-либо объединения, - прервала контрабандиста Саломея. – Если на чистоту, то мы сейчас выполняем другой квест, так что…

- Какой квест? – оживился Сет, решив, что может получить шанс приобрести собственного дракона. – Хотите заработать питомца для мальчишки? – он кивнул в сторону молодого стражника.

- Нет! – натянуто рассмеялась Саломея. – Все… как бы сказать… Не то, чтобы проще, но…

- Нам нужно отправиться в Эдем и добыть там азоля для одного полубога из Аида, - помог Джаво и спешно добавил, не желая вдаваться в подробности, что это долгая и скучная история. – Сам знаешь, как бывает: пока играешь сюжет затягивает и кажется интересным, но попробуй рассказать кому-нибудь об этом – скука смертная!

- Ты называешь скукой смертной путешествие в Эдем? – рассмеялся Сет. – Да для контрабандиста – это лучшая возможность заработать! Тем более если речь об азолях. Я слышал, что кто-то поставляет их ко двору Сфинкс, но думаю, что это всего лишь слухи.

- Это не слухи. – Джаво рассказал о зоргулах.

- Ого! – присвистнул Сет.

Его способность обмана, продолжала подменять протоколы восприятия Саломеи и Джаво, заставляя их доверять новому знакомому, но контрабандист уже не думал о том, чтобы их обмануть. Нет, конечно, он все равно всучит им пару кромнов по завышенной цене – для торговца подобный обман священен, но в остальном…

- Мой бизнес в Голиафских горах не сегодня-завтра накроется, и поэтому я бы хотел присоединиться к вам, - решил играть в открытую Сет.

- А ты знаешь, что Эдем молодая и очень маленькая игровая площадка? – спросила Саломея, поддельные восприятия которой уже давно заставили видеть в Сете друга, которому можно доверять почти так же, как и Джаво. – У меня был один знакомый… Арк-Ми. Он входил в совет разработчиков проекта «Фивы» и рассказывал, что идея Эдема в дни его работы только рассматривалась.

- Не вижу ничего плохого в этом? – сказал Сет. – Новая площадка всегда полна бонусов и редких способностей, доступных на льготных условиях, чтобы привлечь игроков. Я уже не говорю о видах новых персонажей таких, как азоли, например. Кстати, никто не знает, они все имитации, как кромны, или нет?

- Сомневаюсь, что кто-то захочет становиться азолем, - скривился Джаво, вспоминая крохотное мохнатое существо с огромными глазами, которое видел во время демонстрации истории зоргулов и мальчика-полубога.

- Кому-то нравится быть птицами-падальщиками, - напомнила Саломея.

- Азоли хуже! – не согласился с таким сравнением молодой стражник…

Какое-то время они продолжали обсуждать плюсы и минусы новой площадки, затем были вынуждены покинуть дорогу, спрятавшись за ближайшими валунами, потому что освоенные Сетом элементарные магические чары предупредили его об опасности – группа полуразложившихся проповедников боли, очевидно разбитых после сражения с воинами Ареса или Тидея, прошла по дороге, считавшейся нейтральной территорией.

- А ты знаешь, что для прохода в Эдем нужно будет обращаться к предводителю проповедников боли? – шепотом спросил Джаво.

Сет промолчал, наблюдая за бредущими по дороге воинами Оместеса. Вонь разлагающейся плоти казалась невыносимой.

- Испугался? – не без доли ехидства отметил молодой стражник. – Когда я увидел их впервые…

- Страх вызывается искусственно повышением уровня восприятия, так что к этому невозможно привыкнуть, - отмахнулся Сет. – Я видел проповедников боли десятки раз, но каждый раз боюсь, как в первый. И не говори, что у тебя все иначе. Это единая процедура для всех.

- Кто же спорит, - растерялся Джаво. – Я просто хотел обратить на это внимание, потому что дорога в Эдем лежит через охраняемые Оместесом врата.

- Вот как? – Сет вздрогнул помимо воли. – Другого пути нет?

- Не знаю. Когда мы взялись за это задание, то информационные протоколы показали нам только врата Оместеса.

- Жуткое место.

- Ты бывал там?

- Нет, но наслышан. Один знакомый торговец раньше играл за проповедников боли, так что об ужасах, которые там происходят с тобой, если ты не живой мертвец, наслышан.

Сет вспомнил, как впервые оказался в Голиафских горах. Тайный проход был крохотным, и стены, казалось, могут сомкнуться в любой момент, раздавив незваного гостя. И еще этот далекий рык самок горного народа, о жестокости которых ходили легенды…

- Что еще я должен знать перед тем, как отправиться в Эдем? – спросил Сет, кишками чувствуя о том, что найдутся в этом путешествии и другие подводные камни, кроме дороги по землям проповедников боли.

- Нужно принести Оместесу жертву, чтобы он открыл проход, - сказал Джаво.

- А какие условия? Нужен лучший воин одной из трех армий или могущественный жрец?

- Отверженного, думаю, будет достаточно.

- И все?

- За каждого, кто проходит. Такую плату, по крайней мере, Оместес берет с зоргулов. – Джаво помялся и сказал, что они как раз искали двух отверженных, чтобы принести в жертву Оместесу. – Ты должен был стать одним из них.

- Вот как… - Сет представил, какая бы началась заварушка, попытайся его новые знакомые пленить его. – Как думаешь, кто бы победил: мои кромны или ваш дракон?

- А мой боевой топор ты не учитываешь? – шутливо напомнил Джаво.

- На каждый боевой топор есть свое магическое заклинание, способное раскалить сталь.

- Я так лишился своих старых кинжалов, когда мы украли у культа тушителей свечей сердце Иакха.

- Еще один серьезный квест?

- Говорят, если все сделать правильно, то можно оживить бога, способного свергнуть Сфинкс, и… - Джаво понизил голос. – Добыть для него армию.

- Ого! – оживился Сет. – Да вы настоящая находка для контрабандиста, решившего сменить игровой профиль.

- Хочешь присоединиться к нам? А как же торговля азолями?

- Одно другому не мешает, - улыбнулся Сет, не скрывая, что относится немного скептически к возможности разгадать тайну четвертой армии Аида. – Если не выгорит дело с вами, то вернусь к контрабанде.

- Нужно посоветоваться с Саломеей, - засомневался Джаво, буквально почувствовав воздействие скрытых способностей Сета.

Контрабандист спохватился и спешно деактивировал способность обмана.

- В торговле без этого разоришься, - извинился он. – Потому что если ты не будешь пользоваться этой способностью, то ей воспользуется тот, кому ты пытаешься продать товар, и ты в итоге останешься в дураках.

Проповедники боли скрылись за горизонтом, позволив выбраться из убежища. После того, как Сет деактивировал

способность обмана, общение зашло в тупик. Доверие лопнуло. Контрабандист из лучшего друга превратился в чужака.

- Да ладно вам! Это ведь просто игра! – взмолился Сет, когда Саломея высказалась, что им будет лучше без него. – Что плохого в том, что мы объединимся? Я помогу вам, вы поможете мне. Будет весело!

- Не все здесь оказались, чтобы веселиться, - сказала Саломея, понимая, что если они с Джаво не дадут согласие, чтобы к ним присоединился Сет, то ни каким обманом ему не удастся получить доступ к их заданию. Даже если он затуманит их мозги своими способностями – дохлый номер, потому что от них потребуется личное согласие и включение Сета в список исполнителей задания, дать которое нужно в комнате личных достижений, где игровые чары и прочие воздействия не имеют силы над игроком.

- Со мной вам будет лучше, чем без меня, - не собирался сдаваться контрабандист. – Я намного опытнее вас. У меня есть навыки торговли, и это касается не только продажи кромнов. Я могу договориться с имитациями о чем угодно. С реальными игроками немного сложнее, но поверьте, часто бывают такие моменты, что оружием ничего не решить, - он покосился на Джаво, понимая, что говорить о подкупе не имеет смысла, так как если верить мальчишке, то внушительным личным счетом эту парочку не удивить. - Думаю, вы уже поняли, что игра устроена таким образом, что будь ты хоть миллионером, толку от этого немного? Здесь правит бартер. А кому, как не контрабандисту вроде меня, знать, где и что достать?

- Не пойми нас неправильно… - начала было Саломея, но Сет прервал ее, сказав, что они совершают много ошибок, которых могли избежать, если бы он помогал им.

- Взять хотя бы поиски отверженных! Почему вы ищете их здесь? Не проще ли было пленить пару игроков или имитаций возле Мертвого озера? Там ведь появляются новички, силы которых едва хватает, чтобы сбежать от гриллов, и то не всегда. Все знают – чем дальше от берегов Мертвого озера, тем сильнее персонажи и выше конкуренция.

- Пронидиус запретил нам охотиться возле Мертвого озера, - устало сказала Саломея.

- Вот как… - растерялся Сет, спешно соображая, как реабилитироваться за допущенный промах в глазах новых друзей. – Но почему тогда вы пришли к главным дорогам этого района? – спросил контрабандист. – Отверженные здесь редкость. В основном солдаты враждующих армий… - Он неожиданно просиял. – Вам нужно было обратиться к местным наемникам из

гильдии «Диадохов». Услуги их стоят недешево, но гильдия давно зарекомендовала себя. Думаю, будет проще поручить поимку отверженных, необходимых для жертвоприношения Оместесу, гильдии «Диадохов», чтобы не попасть впросак, как это случилось, когда вы едва не погибли в храме богини Пейофы, - Сет выдержал паузу, ожидая, что его слова оспорят, но Саломея и Джаво молчали. – Заинтересовались? – догадался контрабандист. – Я могу отвести вас в поселение, где можно встретить представителей гильдии «Диадохов»… Там же, на время путешествия в Эдем, мы сможем оставить кромнов, которых вы купите у меня.

- Кажется, мы сказали, что не готовы позволить тебе присоединиться к нашим квестам, - сказала Саломея.

- Я помню, - примирительно улыбнулся Сет. – Поэтому предлагаю отложить разговор об объединении и совершить пробное путешествие в Эдем, и только потом вернуться к этому разговору. Вы посмотрите, на что способен я, а я посмотрю, на что способны вы. Как вам такое предложение?

- Звучит разумно, - согласилась Саломея после недолгих раздумий.

- Не понимаю только, почему мы должны будем оставлять кромнов в незнакомом поселении, когда отправимся в Эдем? – засомневался Джаво.

- Исходя из того, что рассказал мне друг, побывавший в землях проповедников боли, то солдаты Оместеса превращают всех, кого видят, в своих последователей, - Сет выдержал пытливый взгляд молодого стражника, желая показать, что говорит серьезно. – Хочешь, чтобы твоих кромнов превратили в живых мертвецов?

- Мы же не воевать туда едем.

- Сомневаюсь, что им есть дело до этого. К тому же не забывай, что кромны – имитации. Система не станет оберегать их.

- Думаю, он прав, - сказала Саломея, зная, что Джаво может спорить с контрабандистом до ночи. – Да и кромны нам сейчас совсем ни к чему, - она смерила Сета внимательным взглядом. – Что еще ты знаешь о землях Оместеса?

- Знаю, что контрабандисты, пытавшиеся сократить торговые маршруты, проложив новые через земли Оместеса, были обращены в проповедников боли.

- Все до единого?

- Нет, - Сет широко улыбнулся. – Не буду врать, я не знаю деталей, но, говорят, что существует определенная система оберегов. Этим занимаются не то местные шаманы, не то кузнецы… Лично я никогда не верил в подобное и старался

держаться подальше от владений проповедников боли. Хотя есть пара торговцев, которые сделали себе состояние, проложив маршруты через проклятые земли.

- Так может, обратиться к этим торговцам, попросив их продать карты? – оживился Джаво.

- Боюсь, их давно уже никто не видел, и есть мнение, что воины Оместеса превратили торговцев в проповедников боли, - Сет нахмурился и смущенно пожал плечами. – Хотя, возможно, они просто покинули игру.

- И снова все складывается так, что без тебя нам не справится, - хитро прищурилась Саломея.

- Без меня вы никогда не плените двух отверженных, потому что здесь нет новичков, и уровень каждого игрока будет не ниже, а зачастую выше вашего. Удивлюсь, если вам удастся пленить хотя бы одного игрока, - Сет выдержал паузу, ожидая возражений, но Саломея и Джаво молчали. – Не знаю, чего вы боитесь, но я вам не враг и не собираюсь красть ваши задания. Хотя я бы не смог этого сделать в любом случае. Для меня это просто шанс попасть на новую игровую площадку. Не знаю, как вам, а мне интересно посмотреть, что разработчики придумали на этот раз. Плюс, я ведь могу и без вас навести справки, заказать гильдии «Диадохов» пленить человека и отправиться к Оместесу. Просто одному играть не так интересно, как группой. Имитации не в счет. А реальные игроки, из тех, которым я могу доверять, вряд ли готовы сейчас менять игровую локацию.

- Для нее это больше, чем игра, - напомнил Джаво, указывая на Саломею. – Слишком много поставлено на кон. Так что если ты попробуешь нас предать… - молодой стражник на мгновение задумался, пытаясь назвать какую-нибудь страшную пытку, которой подвергнет контрабандиста. – В Размерности есть игровой проект «Голод». Думаю, ты слышал о нем, - он дождался, когда Сет кивнет. – Там сознания игроков управляют игровыми клонами, поэтому, сам понимаешь, ни о какой эфемерности энергетических образов Подпространства, как в «Фивах», речи быть не может…

- Хочешь рассказать о том, что при определенном стечении обстоятельств клона можно ранить так, что он потеряет контроль, но будет оставаться в теле еще несколько дней, испытывая боль, пока клон не умрет?

- Да.

- Жуткая процедура, - согласился Сет.

- В общем, пока не знаю, как проделаю нечто подобное здесь, но, клянусь…

- Я понял, - контрабандист широко улыбнулся и сказал, что

если основные вопросы решены, то самое время создать заклинание, которое отведет их к поселению, где можно встретиться с представителем гильдии «Диадохов». – Нюансы обсудим по дороге, - добавил он, начиная чертить на земле набор изогнутых символов, похожих со стороны на заходящее за горизонт солнце. – Это символ заблудших, - пояснил контрабандист. – Если хотите получить такой же, то нужно будет провести целый день в пустыне за поселением, куда мы отправляемся, после чего у имитации местного мага вам откроется возможность приобрести умение создавать символ заблудших, активируя навигационные протоколы. Вещь незаменимая, учитывая обширность игровой площадки Аида. Сомневаюсь, что это будет действовать, когда мы попадем в Эдем, но сейчас… - Сет прервался, увидев, как начертанный им символ вспыхнул алым пламенем. Линии распрямились, объединяясь в общую каплю, словно состояли из воды, и, неожиданно зашипев, устремились прочь от дороги, оставляя за собой алую дымку. – В отличие от карт, система указывает кратчайший маршрут, учитывая особенности рельефа и неблагоприятные зоны, где могут происходить в это время сражения и устраиваться засады на путников.

- Удобно, - согласился Джаво. – Думаю, будет неплохо, если ты выделишь один игровой день и получишь такой же навык, - сказал он Саломее.

- Тебе надо – ты и получай, - отмахнулась она.

- След быстро исчезает, так что если мы не хотим заблудиться, то самое время выдвигаться в путь, - поторопил их Сет, достал кнут и начал охаживать им спины не желавших покидать дорогу кромнов.

- Почему, работая погонщиком, ты не выучился управлять кромнами? – спросил Джаво, когда пыльная дорога осталась далеко за спиной. – Разве персонаж контрабандиста не открывает доступ почти ко всем навыкам на начальном уровне? Кромны сильные. Сейчас мы могли бы воспользоваться одним из них. Ты бы управлял, а мы сидели сзади.

- Я получил навыки управления кромнами сразу, как только решил заниматься контрабандой этих животных из Далеких земель. Правда никто не сказал мне, что для активации способности нужно сначала получить собственного кромна, которого нельзя потом ни продать, ни обменять. Думаю, так разработчики пытались показать преданность животных или усложнить их использование на территории Аида, потому что в Далеких землях подобные ограничения не действуют.

- Может быть, все дело в телебах? – предположил Джаво. –

Никто не проверял: они могут без оформления в собственность управлять кромнами или нет?

- Не знаю, но, думаю, в этом есть смысл, - сказал Сет и тут же начал оживленно развивать мысль, что в этом случае можно будет нанять беглого телеба в погонщики и ускорить поставки кромнов воинам трех армий. – Где ты был до того, как появилась гильдия торговцев, решившая наложить руку на контрабанду кромнов? – шутливо упрекнул контрабандист молодого стражника.

Пользуясь способностью маскировки, они проскочили мимо группы гриллов, вышедших на охоту уже после того, как навигационные системы проложили маршрут. Кромны фыркали и били копытами, пытаясь спровоцировать драку, которой желал избежать даже воинственный Джаво, потому что гриллов было больше двух десятков.

- Первый раз вижу такую большую группу, - прошептал молодой стражник, когда они, скрытые туманом, пересекали каньон, где охотились гриллы.

- Меня больше удивляет, что среди них нет ни одного реального игрока, - ответил Сет.

- Откуда ты знаешь? – спросил Джаво, решив, что это, возможно, какая-то способность, но контрабандист сказал, что в подобные засады несколько раз попадали его знакомые.

- И поверь мне, с этими имитациями невозможно договориться, - сказал он. – Существует мнение, что это временное явление. Виной всему возросший спрос на гриллов. Реальные игроки вытесняют имитации от берегов Мертвого озера. Система принимает эти тенденции, уводя имитации вглубь Аида. Люди считают, что скоро произойдет перерасчет и адаптивные алгоритмы ликвидируют часть имитаций гриллов… Если, конечно, разработчики не решат иначе.

- Не понимаю, почему они делают имитации такими сильными? – признался он, рассказывая, как сражался с воинами Ареса, когда они с Саломеей обучались искусству поедания аворов.

- Вам повезло, что у них не было оружия, - сказал Сет.

- Нам повезло, что за нас заступился Пронидиус, - вмешалась в разговор Саломея, ожидая, что Джаво начнет спорить, доказывая, что и сам смог бы одолеть воинов, но мальчик неожиданно согласился и с детским энтузиазмом начал рассказывать о посохе Пронидиуса.

Засада гриллов осталась далеко позади. Дорога до поселения была свободна, но Сет еще дважды выбирал обходной маршрут, предупреждая о возможных долинах с живыми камнями ин-незами.

- Арк-Ми говорил, что они способны помочь игрокам добиться успеха, - вспомнила Саломея такой, сейчас казалось, уже далекий разговор с одним из двух братьев, знакомство с которыми вместо ожидаемого избавления от проблем втянуло ее в проблемы еще большие. – Или это только касается очень сильных персонажей? – она нахмурилась. Разговор стирался из памяти, словно прошла не пара месяцев, а несколько лет, а возможно, и десятилетий.

Сет признался, что мало знаком с природой ин-незов, но его знаний хватает для того, чтобы понять – лучше держаться от них подальше.

- Контрабандисты часто попадают в неприятности, прокладывая новые маршруты, так что ин-незы, пожалуй, для нас еще хуже, чем гриллы. Притворяясь обычными камнями, они поджидают жертву, а затем активируют невидимую паутину, способную разрушить связи игровой точки сборки.

- Вот я и говорю, зачем делать имитации такими сильными! – оживился Джаво, но тут же нахмурился. – Ин-незы ведь имитации? А то после того, как узнал, что некоторые игроки предпочитают быть птицами-падальщиками, я уже ничему не удивлюсь.

- Кажется, ин-незы имитации, - неуверенно сказал Сет. – Они ведь, как сказала Саломея, взаимодействуют напрямую с системой адаптивных алгоритмов, поэтому сомневаюсь, что разработчики дадут простым игрокам такой мощный инструмент власти.

Группа люмидов, испугавшись кромнов, решила убраться подальше от опасности, спустилась в долину и попала в ловушку, созданную ин-незами.

- Ого! – присвистнул Джаво, увидев, как тела причудливых животных с обезьяноподобными мордами взрываются, словно наполненные кровью мешки.

- Жуть какая-то, - передернула плечами Саломея, не скрывая, что не понимает восхищения молодого стражника.

- Это цветочки, если сравнивать с тем, что нас ждет в землях проповедников боли, - сказал Сет.

- А нет никакой способности, чтобы блокировать внезапные обострения восприятий? – спросила бывшая актриса театра Торсия, на что контрабандист пообещал познакомить ее с неплохим магом и кузнецом по совместительству, который, вероятно, сможет помочь.

- Думаю, перед путешествием в Эдем нам всем будет неплохо немного модифицировать игровые точки сборки, - согласно закивал Джаво, затем вспомнил, о нейронных трансляциях

игровых процессов в Размерности и на всякий случай гордо заявил, что может обойтись и без модернизаций ТС.

Они миновали еще одну предположительную ловушку ин-незов и выбрались на каменную гряду, за которой взору открывалась небольшая долина и окруженное высокой защитной стеной поселение. Горная река, извиваясь между камней, пересекала долину, теряясь под стенами поселения, чтобы потом вынырнуть рядом с главными воротами и скрыться под противоположной горной грядой.

- Место поселения специально выбиралось так, чтобы подступы к нему охранялись ин-незами, - сказал Сет.

Стражник возле открытых ворот, к которым вел перекинутый через горную речку мост, признал контрабандиста, но отказался пропускать его друзей, сославшись на то, что его способности распознавания персонажей не могут определить к какому виду принадлежат Саломея и Джаво.

- Они сменили локацию, - пояснил Сет. – Когда-то играли в закрытом городе, но сейчас интегрируются в местную флору и фауну.

- Какое мне дело до того, где они играли прежде? – спросил стражник, пропуская шутку контрабандиста мимо ушей. – Кромнов, которыми ты торгуешь, моя система тоже, между прочим, не распознает, но они, по крайней мере, имитации, а твои новые друзья настоящие игроки. Кто знает, что у них на уме?

- Нет у них ничего на уме, - начал злиться Сет. – Они просто хотят посетить нашего мага и кузнеца, чтобы немного подкорректировать точку сборки перед походом в земли проповедников боли.

- Тем более не пущу! Только психи добровольно отправятся в обитель мертвецов. А от психов точно ничего хорошего ожидать не следует.

- Мы не психи, у нас просто такой квест, - попыталась вклиниться в разговор Саломея.

- Да какое мне дело до вашего квеста? – вытаращил глаза стражник, понимая, что сможет справиться в одиночку со всей троицей, даже если каждый из них оседлает кромна. – Проваливайте, пока я не обнажил оружие.

- Эй, угомонись! – прикрикнул на стражника Сет и начал обсуждать сумму взятки.

- Вот это уже другой разговор! – похвалил стражник.

- Почему ты сразу не заплатил ему, если знал, что по-другому нам не войти? – спросил Джаво, когда они оказались в поселении.

- Надо было сбить цену, - отмахнулся контрабандист. – Начни

мы сразу предлагать взятку, и цена за проход была бы в несколько раз выше. К тому же всегда есть вариант нарваться на крайне подозрительного стражника, который решит, что если человек предлагает сразу взятку, значит, ему есть что скрывать, и ни за что не пропустит за ворота. Хотите ждать смены караула?

Они заглянули в стоило, находившиеся в аренде у Сета, оставили там кромнов и отправились к местному кузнецу.

- В закрытом городе я был знаком с одним кузнецом, - хвастался Джаво, вспоминая, как спускался в королевские шахты, чтобы встретиться с богиней Гекатой, получив от нее способность укрощать змей.

Он представлял себе кузню местного умельца похожей на обитель Зотикоса в закрытом городе, но здесь, если не считать крошечного горна и наковальни, помещение скорее напоминало избу ведьмы, чем кузню. Самого кузнеца и по совместительству мага звали Линос, и он с гордостью объявил, знакомясь с Саломеей и Джаво, что это имя означает крик горя. С Сетом он держался приветливо, можно сказать дружески, мимоходом поинтересовавшись о деталях последнего рейда в Голиафские горы за кромнами, посетовал, что в последнее время сложно доставать травы и коренья долины Цестус, расположенной в Далеких землях телебов.

- Думаю, дальше будет только хуже, - разохался Сет, напоминая о новой гильдии торговцев, решивших взять под контроль контрабанду товаров из Далеких земель. – С одной стороны, может быть, удастся урезонить телебов, пытающихся все время подсунуть полудохлых кромнов, но с другой…

- Свободных ходок в Голиафские горы больше не будет, - подытожил Линос.

- Да, - тяжело вздохнул контрабандист, выудил из рюкзака увесистый свиток и протянул кузнецу и магу в одном лице. – Здесь все зелья, которые ты просил, но в следующий раз доставку не гарантирую.

- Я все понимаю, - закивал Линос, спрашивая цену, не отрицая, что готов заплатить немного больше, чем было оговорено.

- Сегодня я бы предпочел получить вместо единиц Влияния услугу, - сказал Сет, переводя тему разговора к новым друзьям. – Они покупают у меня пару кромнов, так что начнем с навыков управления этими упрямыми, как ослы крестьян закрытого города, животными. Затем нам нужно, чтобы ты поработал над нашими точками сборки, чтобы, когда мы окажемся в землях проповедников боли, обостренное восприятие не сводило нас с ума.

- В землях проповедников боли? – удивленно переспросил Линос. – Ты хочешь, чтобы я модифицировал вам точки сборки? – задал он следующий вопрос, увидел, что контрабандист кивнул, и начал перечислять все необходимые ингредиенты для проведения подобных изменений.

- Подсчитай общую стоимость услуг, вычти то, что должен мне за доставку зелья из Далеких земель, и назови конечный результат, - велел Сет.

- Ты не понимаешь, - затряс головой Линос. – Ингредиенты для подмены игровых протоколов уникальны. Их крайне сложно достать, а ты просишь, чтобы я провел изменения сразу у троих. Мне придется потратить все свои запасы!

- Зато подумай о том, что я смогу доставить тебе из Эдема, - хитро прищурился контрабандист. – Как много эксклюзивных трав, камней и прочих необходимых тебе ингредиентов я смогу принести тебе?

- Из Эдема, говоришь? – в глазах кузнеца и мага вспыхнул алчный блеск. – Нужно навести справки касательно того, что можно достать на новой площадке! – засуетился он, начиная готовить зелье для связи с другими магами. – Дайте мне час! – попросил он, намекая, что должен остаться один.

Сет вывел Саломею и Джаво на улицу.

- Кузнец, которого я знал, был совсем другим, - сказал молодой стражник. – А этот Линос какой-то странный.

- Зато дело свое знает, - отмахнулся контрабандист. – К тому же нам тоже есть чем заняться. – Он напомнил о гильдии «Диадохов», с представителем которых им нужно встретиться, заказав поймать четырех отверженных для принесения в жертву Оместесу.

- Почему четырех? – растерялась Саломея. – Нас же трое. Или ты хочешь взять друга-кузнеца?

- Нет. Четвертый нужен на случай, если столкнемся с непредвиденными обстоятельствами: подкупить проповедников боли по дороге или еще что-нибудь… - Сет раздраженно пожал плечами. – Всего не предусмотреть.

Они отправились в местную таверну, где находился представитель гильдии «Диадохов», ожидая предполагаемых клиентов. Он был имитацией, но если бы Сет не сказал об этом, ни Саломея, ни Джаво, никогда бы не догадались сами.

- Я не вижу ни одного отличия от обычного игрока, - признался молодой стражник. – На мой взгляд, он делает все тоже, что и мы.

- Не смотри, что он делает. Смотри, чего он не делает, - посоветовал контрабандист. – Будь он настоящим игроком, разве

стал бы сидеть здесь сутки напролет, ожидая, когда к нему подойдут заказчики и сделают предложение?

Они подсели за столик к представителю гильдии «Диадохов». Персонаж, управляемый адаптивными алгоритмами, был хмур и держался надменно. Неспешно подняв голову, он наградил Сета и его новых друзей усталым взглядом.

- Не верю, что он имитация, - прошептал Джаво, обращаясь к Саломее.

- А ты проверь, - предложил представитель гильдии «Диадохов», положив на стол украшенный янтарем стилет.

Джаво растерянно посмотрел на оружие, затем на незнакомца.

- И что я должен делать? – спросил он.

- Решать тебе, - сказал представитель гильдии «Диадохов».

- Ничего он не будет делать! – вклинился в разговор Сет. – Мы здесь не для того, чтобы драться.

- Вот как? – спросила имитация, неспешно переводя усталый взгляд на контрабандиста.

- Мы хотим сделать заказ, - Сет примирительно улыбнулся. – Хотим воспользоваться услугами гильдии «Диадохов». Ты ведь для этого здесь сидишь, верно? – контрабандист покосился на стилет. – И спрячь свою игрушку, пока не пришла стража.

- Я не боюсь местных стражников.

- Уверен, что это так, но разве нам нужны неприятности?

- Неприятность здесь только одна, - представитель гильдии «Диадохов» указал на Джаво.

- Эй! – попытался вспылить молодой стражник, но Сет предусмотрительно положил руку ему на плечо.

- Нам нужно заключить договор, а не устроить драку, - напомнил он.

Джаво недовольно поджал губы.

- Никаких договоров, пока выскочка не исчезнет с глаз долой, - сказал представитель гильдии «Диадохов», продолжая сверлить молодого стражника взглядом.

- Ты слышал, что он сказал, - поторопил контрабандист Джаво.

- Какого…

- Делай, что говорят, если хочешь попасть в Эдем, - сказала Саломея.

Молодой стражник попытался вспомнить какое-нибудь грубое ругательство, коими она сыпала, когда что-то ей не нравилось, но все, что приходило на ум, было родом из детского мира до того, как он оказался в игре и познакомился с бывшей сотрудницей игрового проекта «Голод».

- Это просто игра, Джаво, - напомнила она. – Иногда, чтобы двигаться вперед, необходимо соблюдать правила.

Молодой стражник кивнул и покинул таверну, хлопнув входной дверью с такой силой, что затряслось, казалось, все здание.

- Хочешь развлечься, чужак? – тут же пристал к нему случайный прохожий.

- Пошел прочь! – огрызнулся Джаво, снимая с плеч двусторонний боевой топор.

Прохожий примирительно поднял руки и спешно ретировался.

- Так-то лучше! – проворчал молодой стражник, активируя режим пропуска ненужных сюжетных линий, не сомневаясь, что разговор Саломеи и Сета с представителем гильдии «Диадохов» не продлится долго, а прогонять еще одного надоедливого торговца не хотелось. Да и местная стража всегда могла появиться и неверно истолковать агрессию чужака.

- Что за черт? – растерялся Джаво, когда понял, что режим пропуска не активируется.

Из-за угла соседского здания выглянул торговец, которого он прогнал, и замахал кому-то рукой.

«Снова я влип в неприятности», - безрадостно подумал Джаво, готовясь к драке.

Торговец привел пару амбалов с увесистыми дубинами.

- Издеваешься? – скривился Джаво, снимая с плеч лабрис. – Да я нашинкую их одной левой.

- Сделаешь это, и местная стража тут же вышвырнет тебя за границы поселения, запретив возвращаться, - улыбнулся торговец.

Джаво не ответил, но топор убрал. Амбалы приблизились. Он увернулся от первого удара. Дубина просвистела рядом с головой. Оружие было примитивным и не могло причинить серьезный урон, но… Вторая дубина опустилась на плечо, заставив молодого стражника упасть на колени. Первый нападавший проворчал что-то бессвязное и ударил его по спине. Джаво упал на пыльную дорогу, надеясь, что избиение не продлится долго.

- И не смей больше мне грубить! – прошипел ему на ухо обиженный торговец, пнув напоследок ногой по ребрам.

Джаво отполз с центра дороги, по которой проехала на кромнах пара стражников, сел на ступени возле входа в таверну и снова безуспешно попытался активировать режим пропуска ненужных сюжетных линий.

- Ну и ладно, - проворчал он, прижимаясь к периллам, рядом с которыми был привязан старый осел, словно специально в

насмешку, чтобы усилить нелепость происходящего.

«Я мог бы справиться с амбалами даже голыми руками», - подумал Джаво, а когда из таверны вышли Сет и Саломея, сказал об этом им.

- И стража сразу бы вышвырнула тебя за главные ворота, - уточнил контрабандист.

- Меня об этом уже предупредили, - безрадостно согласился Джаво.

- Ты все правильно сделал, - похвалила его Саломея, сообщив, что они договорились с представителем гильдии «Диадохов», и к вечеру у них будут четыре отверженных, которых можно принести в жертву Оместесу для прохода в Эдем.

- К вечеру? – повреждения восстанавливались быстро, но когда Джаво поднял голову, чтобы посмотреть на небо, в шее что-то хрустнуло и отдалось болью во всем теле. Нечто подобное случилось, и когда он попытался подняться. – Ой, - крякнул молодой стражник, но от помощи отказался. – Если бы у меня получилось активировать режим пропуска ненужных сюжетных линий, пока я ждал вас, то драки бы удалось избежать.

- Для чужаков, находящихся в поселении, местные заблокировали этот режим, - сказал Сет. – А то некоторые хитрецы используют постоялый двор, как безопасное хранилище для своих персонажей, когда выполняют связанные с временами года квесты. Понимаешь? Если активировать режим пропуска на незащищенных территориях, то кончится тем, что тебя найдут какие-нибудь монстры и сожрут, а здесь тихо и спокойно.

Они вернулись к местному кузнецу и магу, потратив около часа на получение навыков управления кромнами. Процедура была необязательной, учитывая, что в Эдем они отправлялись пешком, но Линос сказал, что это поможет скоротать время, пока он готовит индивидуальные зелья, для внесения изменений в точки сборки, чтобы во время путешествия по землям проповедников боли обостренные протоколы восприятия не свели их с ума.

- А с твоей точкой сборки, я смотрю, уже кто-то работал и прежде! – присвистнул Линос, когда следом за Саломеей начал подготавливать к дороге в Эдем молодого стражника. – Очень редкий набор протоколов.

- Зотикос, кузнец из закрытого города, сказал, что я смогу использовать это, чтобы проходить сквозь стены или что-то в этом роде.

- Думаю, ты сможешь использовать это для чего угодно, - гордо заявил кузнец и долго перечислял всевозможные диковинные артефакты, которые мог бы создать, используя набор

измененных протоколов Джаво.

Молодой стражник сначала оживился, с безумными глазами планируя, какие плюсы он сможет извлечь от магических камней, которыми украсит доспехи и оружие, повысив их эффективность и стойкость к чарам, затем переключился на личных зверей, не скрывая, что после битвы в храме Пейофы не отказался бы получить и себе питомца вроде карманного дракона, потом услышал, что использовать измененные протоколы, чтобы получить артефакт, можно будет только один раз и помрачнел, признаваясь, что не может сделать выбор.

- Тогда оставь до лучших дней, - посоветовала Саломея. – Никто ведь не знает, какие задания нас ждут впереди.

Молодой стражник помрачнел сильнее, но решил согласиться.

- К тому же у меня теперь есть собственный кромн, - вспомнил он и тут же оживился, решив, что опробует полученные сегодня навыки наездника сразу, как только вернется из Эдема. – Если, конечно, гильдия «Диадохов» не будет тянуть с плененными отверженными. Тогда я испытаю кромна завтра с утра.

- Гильдия «Диадохов» всегда держит слово, - сказал Сет. – Впрочем, как и большинство жителей этого поселения, - последние слова предназначались Линосу. – Думаю, - он снова устремил взгляд на Джаво, - завтра утром мы получим отверженных и сможем отправиться в земли проповедников боли.

Глава девятая

Вопреки ожиданиям, прежде чем вылететь из игры, Джаво попал в комнату личных достижений. Точка сборки разрушалась медленно, и у него было время, чтобы приуныть от вида выполненных заданий и полученных бонусов, понимая, что подобного успеха вряд ли удастся достичь во второй раз. Затем окружавшая КЛД тьма вздрогнула, наполнилась белым шумом. Информационные панели изогнулись и начали распадаться.

Какое-то время игровая точка сборки Джаво сохраняла целостность, затем уступила неизбежному коллапсу, осыпаясь вместе с остальными элементами комнаты личных достижений. Треск помех стал невыносим. Джаво хотел заткнуть уши, но рук, чтобы сделать это, у него уже не было. Протоколы восприятий сбоили на уровне ядер сознания. Он и не думал, что распад игрового персонажа будет таким неприятным, почти болезненным.

Тьма стала абсолютной. Джаво парил в ней, не чувствуя ничего, кроме холода, в котором застывали даже мысли, лишившиеся привязки к линейному времени. Они то растягивались, становясь картинками, то сжимались, пробегая безумной чередой мелькающих сюжетов. Но вскоре не осталось и этого. Сознание рухнуло в бездну небытия, поглощенное пустотой.

«Ноги моей больше не будет в этой чертовой игре», - подумал Джаво, не сразу поняв, что очнулся в капсуле игрового терминала. Созданная разработчиками площадка проекта «Фивы» осталась в Подпространстве. Где-то там остались и обретенные в игре друзья.

Джаво открыл глаза, уставившись на улыбчивую сотрудницу игрового терминала, любезно предлагавшую ему помощь выбраться из капсулы.

- Я сам, - буркнул мальчик.

Нейронные медицинские системы исправно следили за телом, пока пользователь находился в игре. Хотя привыкнув к гибкости и силе игрового персонажа, собственное тело казалось хрупкой, неуклюжей оболочкой, над которой еще работать и работать: улучшать силу, скорость реакции, навыки владения оружием…

Джаво тряхнул головой, заставляя себя собраться. Перед началом игры консультанты предупреждали, что в первые

минуты, а иногда и часы после возвращения в Размерность, игровые восприятия могут наслаиваться на реальность. Объяснялось это медленным распадом искусственных ядер интегрируемых во время игры в извлеченное сознание. Но подобное неудобство быстро проходит – именно об этом сейчас сообщали Джаво хлынувшие в сознание информационные потоки, транслируемые по нейронной сети, подключенной к интегрированному жидкому чипу. Мальчик вспомнил, как однажды этот чип дал сбой, и подумал, что без подключения к нейронным сетям было в общем даже неплохо. По крайней мере, никто не лез в голову, забивая мысли ненужным информационным хламом.

- Кажется, я впервые в жизни начинаю понимать коренных жителей Подпространства, которые на дух не переносят нейронные сети Размерности, - сказал Джаво.

Сотрудница игрового терминала кивнула, продолжая улыбаться.

«Совсем как имитация», - подумал мальчик, игнорируя пришедшее по нейронной сети сообщение.

- Что-то не так? – спросила улыбчивая сотрудница.

- Вы человек? – спросил Джаво.

- Конечно, - улыбка девушки стала шире. – Это скоро пройдет, - пообещала она, дублируя информационный поток, передаваемый нейронной сетью, о временных неудобствах, связанных с восприятием, в первые минуты после возвращения с игровой площадки. – О, кажется, тебя кто-то вызывает, - обратила внимание сотрудница терминала на непринятое сообщение Джаво. – Наверное, это родители. Ты ведь еще ребенок, поэтому система оповещает поручителей сразу, как только несовершеннолетний игрок возвращается в Размерность. Думаю, тебе стоит ответить.

Джаво не стал спорить, решив, что примет вызов отца сразу, как только покинет терминал. Сделав неуверенно пару шагов, он с грустью вспомнил оставшийся в игре персонаж молодого стражника: сильный, крепкий, ловкий, а это тело…

- Квашня, а не тело, - процедил сквозь зубы Джаво, однако адаптация уже заканчивалась, и к моменту, когда он добрался до выхода из терминала, возвращенное в тело сознание полностью адаптировалось к старой оболочке.

Мальчик собирался вызвать отца, но его отвлек невысокий коренастый мужчина, который подошел сразу, как только он покинул терминал.

- Ты сын Дамира? – спросил мужчина.

Джаво не ответил. Однажды его уже похитили, чтобы

заставить отца спонсировать незаконные исследования Энрофы. Что если сейчас происходит нечто подобное?

- Меня послал твой отец, - сказал коренастый мужчина. – Ты должен был получить сообщение от него касательно этого.

- Получил, но еще не просмотрел, - осторожно произнес Джаво, активируя принятое нейронное послание, в котором отец, как всегда лаконично и немногословно, если общение проходило в сети, сообщил сыну, что его встретит представитель сыскного агентства «Ксанет» и объяснит подробности. Других указаний и распоряжений, не считая переданного образа представителя агентства, не было.

«Такое послание можно легко подделать», - подумал Джаво, отступая к дверям терминала, который недавно покинул. Мужчина напротив был похож на переданный отцом образ, но…

- Почему отец не сообщил мне идентификационный номер вашего жидкого чипа? – спросил Джаво.

- Потому что сообщение могут перехватить и выследить мой маршрут по регистратору в сетях общественного транспорта, - сказал коренастый мужчина.

- Кому нужно это делать? – Джаво ожидал, что мужчина напомнит ему о прошлом похищении, но вместо этого незнакомец перечислил имена людей, пострадавших, когда у мальчика активировалась способность к нейропатии и он, объединяя посредством нейронных сетей мысли окружавших его людей, спровоцировал заварушку, стоившую некоторым жизни. История была запутанной и неоднозначной, хотя из уст незнакомца и звучала как случайный инцидент, в котором Джаво был виноват не больше, чем другие пострадавшие люди. – Не думаю, что вы верно передаете суть того, что тогда случилось, - признался мальчик.

Коренастый мужчина пожал плечами, показывая, что ему плевать на то, что на самом деле случилось, по мнению мальчика.

- Ты просил отца узнать о сторонних программах для модуля блокировки, разработанного Иерархией для нейропатов, - сказал незнакомец. – Он поручил это моему агентству… - мужчина замолчал, явно испытывая терпение мальчика.

- И что вам удалось накопать? – спросил Джаво.

- Ты хочешь разговаривать об этом здесь или предпочтешь, чтобы я отвез тебя в безопасное место?

- В безопасное место? – Джаво нахмурился. Незнакомцу удалось заинтересовать его. – Вы нашли что-то… важное?

- Мы нашли Юмико, - осторожно сказал коренастый мужчина. – Если, конечно, ты понимаешь, о чем я.

Джаво не ответил, пытаясь собрать воедино разрозненные

мысли. Чувство было такое, словно он и не покидал игру – просто сменил одну игровую площадку на другую. Снова появлялся ряд квестов и заданий, новые персонажи и сюжеты. Джаво заново изучил полученное от отца послание, желая узнать имя коренастого мужчины напротив. Окс. Джаво не знал почему, но оно напомнило имя контрабандиста из покинутого игрового проекта «Фивы». Окс и Сет.

- Словно игра действительно продолжается, - прошептал мальчик.

- Не понял, - растерялся коренастый мужчина напротив.

Джаво качнул головой и сказал, что готов сотрудничать.

- Куда мы должны отправляться?

- На окраины комплекса, - сказал Окс. – Твой отец выкупил там целый квартал, установив альтернативный генератор, чтобы можно было бороться с холодом без использования нейронных сетей.

- Золотая клетка для нейропата? – ухмыльнулся Джаво.

- Ты знаешь другой способ, как приостановить развитие твоего недуга?

Джаво не ответил, понимая, что вопрос риторический.

Они покинули зону игровых терминалов, воспользовавшись пневмотоннелями общественного транспорта. Сделав три пересадки, добрались до заброшенных секторов окруженного Великим ледником жилого комплекса. Квартал казался вымершим, а нейронный генератор, призванный бороться с холодом, работал на минимуме возможностей.

- А здесь прохладно, - подметил Джаво, начиная стучать зубами.

- Будет еще холоднее, - предупредил Окс. – Но ближе к центру квартала, выкупленного твоим отцом, температура нормализуется.

- Понятно, - протянул Джаво, стараясь не замечать покрытые инеем стены конструкций, мимо которых они проходили.

Нейронные образы, скрывавшие в жилой части неприглядность древнего комплекса, были деактивированы в самом начале заброшенного сектора.

- Никогда не видел такого упадка прежде? – спросил Окс.

- Видел, - Джаво шмыгнул носом. – Однажды у меня отказал жидкий чип и связь с нейронными сетями прервалась. Я находился в те моменты в центральной части Isistius labialis, но, поверь мне, те кварталы ничуть не отличались от того, что мы видим сейчас.

- А я никогда не видел жилые части комплекса без нейронных образов, - признался Окс.

- Я же говорю: что тут, что там – никакой разницы, - пожал плечами Джаво.

- Зато я видел поселение содомитов в неиндексированных территориях Квазара, - отрешенно сказал Окс.

- Врешь! – оживился мальчик. – Ни один нормальный человек не может добраться туда. Это ведь земли преступников и безумцев.

- Я работаю в сыскном агентстве, - напомнил Окс. – И мы славимся тем, что можем решить любую проблему клиента…

- Похоже, у кого-то были серьезные проблемы, если для их решения вам пришлось отправиться в неиндексированные территории Квазара, - усмехнулся Джаво.

- Да, похоже… - согласился Окс.

Мальчик бросил на него короткий взгляд и нахмурился.

- Это… Это ведь не из-за меня?

- Нет, - криво улыбнулся представитель агентства «Ксанет». – Ты всего лишь ребенок, который не успел еще наделать в этом мире серьезных бед. Но вот чтобы выполнить поручение твоего отца, который, несомненно, заботится о тебе, мне пришлось побывать в поселении содомитов.

- Неужели для того, чтобы достать стороннюю программу для модуля блокировки, нужно зайти так далеко?

- Ну, начнем с того, что твой отец хотел не только получить программу взаимодействия с нейропатами, о которой ты узнал от похитивших тебя людей, но и выяснить все, что касается создателя этой программы, а заодно и навести справки о проекте, который его пытались заставить спонсировать, угрожая твоей жизни.

- Никто не угрожал моей жизни. Они просто рассказали о том, что Всемирная иерархия тормозит прогресс и показали образец нового терминала переходов, который может вывести двухуровневый мир на новую ступень развития.

- Верно… - согласился Окс. – Иногда все становится очень сложным. Особенно когда речь заходит о схемах жизнеустройства.

- Рахаб, один из нейропатов, похитивших меня, говорил, что наша способность позволяет напрямую взаимодействовать с системным кодом схем жизнеустройства.

Они миновали самый холодный участок сектора и теперь, приближаясь к центру выкупленного Дамиром квартала, чувствовали, что воздух становится значительно теплее. Охраны не было, если не считать пары синергиков. Использование биоэлектронных машин в личных целях находилось под запретом. Но кто в подобных районах прислушивался к предписаниям

Всемирной иерархии?

- Словно вернулся в игру, - сказал мальчик, затем увидел встречавшую их женщину с огромными выпученными глазами на крошечной голове и повторил свое заявление.

- Это Эсфирь, - представил ему женщину Окс, снисходительно улыбнувшись. Наклонился к уху мальчика и шепнул, что у нее два мозга: один, дефективный и не развитый, в крошечной голове, а второй занимает место левого легкого. – А еще она гениальный инженер и содомит, - добавил Окс.

- Врешь… - прошептал Джаво не в силах оторвать взгляд от жутко косящих огромных глаз уродливой женщины с пучками рыжих волос на крошечной голове.

- Без нее я бы не выбрался из неиндексированных территорий Квазара, - сказал представитель агентства «Ксанет».

- Расскажи лучше о своей особенности выкачивать из других силу, когда тебе это нужно, - сказала Эсфирь.

- Это правда? – Джаво уставился на Окса, требуя ответа.

- Она создала сеть между мной и моим другом, позволяя ему пользоваться моим мозгом, чтобы обрабатывать больше потоков информации, поступающих по нейронным сетям, а мне выкачивать предназначающуюся ему кинетическую энергию… - Окс недовольно покосился на Эсфирь. – Сделай одолжение, перестань говорить обо мне так, словно я могу подключаться к любому человеку. Это пугает людей.

- Принято, - улыбнулась странная женщина и заговорщически подмигнула Джаво. Он так и не понял, что это значит. – Пойдем, - предложила она, протянув ему руку, - я отведу тебя к отцу.

Мальчик недоверчиво покосился на Окса.

- Не скажу, что этой женщине можно доверять, - пожал тот плечами, - но учитывая, что нейронные сети здесь переведены в охранный режим, то думаю, они вывернут ее наизнанку раньше, чем один из мозгов активирует в ней личность убийцы, которая попытается причинить тебе вред.

- Личность убийцы? – опешил Джаво.

- Долгая история, но суть твой друг уловил верно, - сказала Эсфирь, кивком требуя, чтобы мальчик следовал за ней. – Так и каково это – быть нейропатом второй волны? – спросила она, когда они поднимались по лестнице.

- А каково это – иметь два мозга? – задал встречный вопрос Джаво.

- Я привыкла, - улыбнулась Эсфирь.

- Я, надеюсь, тоже привыкну.

- Да. Юмико тоже так сказала.

- Не ври. С Юмико могут разговаривать только нейропаты.

- Все верно. Я никогда не видела Юмико, но с ней общался Чанго – создатель сторонней программы для модуля подмены, на поиски которой твой отец отправил Окса. – Ты ведь знаешь, будущее невозможно предсказать, но можно попытаться свести количество доступных вариантов к минимуму.

- Хочешь сказать, Юмико знала, что я приду сюда сегодня?

- Хочу сказать, что нет смысла пытаться изменить будущее, каждый вариант которого прописан в плитке многоуровневости бытия. По сути, ты не можешь даже остановиться и умереть, потому что и такой вариант там есть. Мы всегда будем марионетками в уравнениях жизни, понимаешь?

- Не очень, - признался Джаво.

- Я тоже, - рассмеялась Эсфирь. – Ни один из моих двух мозгов не понимает, но где-то на уровне ядер сознания, я знаю, что это так.

Дамир встретил их в просторном зале, где из мебели не было ничего кроме стола, кресла и пары стульев для посетителей.

- Как ты добрался? – спросил он сына.

Джаво кивнул.

- Как поиграл?

- Лучше, чем рассчитывал.

- Хорошо, - на губах Дамира появилась улыбка. – Извини, что встречаю тебя в месте, похожем на… - он огляделся, но так и не нашел нужных слов.

- У нас неприятности? – догадался Джаво.

- Неприятности? – отец растерянно хлопнул глазами. – Пока нет, но, думаю, могут появиться, если Клирики узнают, что я курирую запрещенный проект.

- Ты начал спонсировать разработку новых терминалов переходов? – обрадовался Джаво.

- Что? – растерялся отец. – Ты говоришь о проекте, похитивших тебя людей? – он увидел, как Джаво кивнул. – Нет. Боюсь здесь все намного сложнее, чем проекты находящихся вне закона ученых Энрофы. То, что нашел Окс… - Дамир задумался. – Ты знаешь о том, кто такие квазацентристы и какое влияние на нашу жизнь имеют тонкие грани временных мембран?

- Нет, но если ты дашь мне время подключиться к нейронным сетям и сделать информационный запрос…

- Несколько поколений назад считалось, что тонкие грани позволят людям получить новый источник энергии, изымая ее непосредственно из Подпространства. Это могло изменить мир. Дать человечеству возможность не только противостоять Великому леднику, подступающему к уцелевшим жилым комплексам, но и расширить свои границы, бросив Леднику

вызов, возвращая, шаг за шагом, замерзшие территории.

- Ты решил возродить зашедшие в тупик проекты? – растерялся Джаво.

- Лучше. Я нашел людей и место, где эти проекты, несмотря на замалчивание клириков, продолжали развиваться и совершенствоваться, - Дамир покосился на Эсфирь.

- О, нет, - простонал Джаво. – Только не говори, что это поселение содомитов.

- Когда-то оно называлось «Виадос-12» и было исследовательской базой квазацентристов, - сказала Эсфирь. – Когда я только появилась там, то меня встретила одна пара… - она покосилась на отца Джаво и предпочла замолчать.

- Поверь мне, Джаво, - сказал Дамир. – Это может стать золотой жилой для нашей семьи… Нужно лишь набраться терпения…

Позднее он отвел сына в специально подготовленную часть дома, где не действовали нейронные сети, которые могли активировать способности Джаво к нейропатии.

- Можешь делать все, что захочешь, - сказал отец, показывая старый нейронный модулятор. – Эсфирь говорит, что они безвредны для тебя. Ни о каком эффекте погружения, конечно, речи не идет, но это лучше, чем ничего. К тому же мои люди будут поставлять свежие выпуски с игровых площадок, модифицированные для использования в этом модуляторе, так что сможешь быть в курсе событий.

- Скука смертная, - признался Джаво.

Отец похлопал его по плечу и неуместно поблагодарил за понимание.

- Надо было остаться в «Фивах», - проворчал мальчик, когда отец ушел.

Какое-то время он бродил по отведенной ему части, исследуя новые территории, но кроме старого нейронного модулятора больше ничего интересного не было. Можно, конечно, устроить себе приключение, попробовав сбежать, но это уже будет безрассудством, которое отец, определенно, не одобрит. Джаво увидел, как отец говорит:

- Ты разочаровал меня, сын.

Или что-то в этом духе.

Так что оставалось смотреть упрощенные для старого модулятора нейронные трансляции с игровых площадок. О том, что удастся найти свежие трансляции не стоило надеяться – как бы оперативно не работали нанятые отцом люди, они все равно не смогут модифицировать и поставлять трансляции без задержки в несколько часов. Значит, дальнейшие приключения

оставшихся в Аиде друзей, при условии, что разработчики рассказывают о них, можно будет увидеть только завтра.

- Значит, остается «Голод», - пробормотал Джаво себе под нос, удаляя информационные потоки третьесортных игровых площадок.

Когда он покинул Размерность, аналитики говорили о том, что в «Голоде» скоро начнутся бунты. Что ж, кажется, он пропустил все самое интересное, потому что, если верить свежим выпускам, то стремительное развитие бунтов привело к первому в истории проекта полному обрушению системы. Повстанцы нижних уровней буквально смели защитные сооружения небожителей. Аналитики назвали стремительное развитие событий «Ситуация снежный ком» и оживленно обсуждали, закроется «Голод» или продолжит догорать кострами бунтов, выстраивая новую иерархию власти в рамках проекта.

- Не нужно мне было начинать смотреть трансляции с последних выпусков! – схватился за голову Джаво, сожалея, что узнал, чем закончились бунты, вместо того, чтобы наблюдать за их поэтапным развитием, гадая о том, что принесет следующий игровой день и переживая за полюбившихся героев… Но что сделано, то сделано.

Теперь оставалось смотреть выступления аналитиков и трансляции с игровой площадки, где догорали осколки рухнувшей системы. Особых споров удостоился последний бой небожителей с армией бунтующих, когда две силы практически уничтожили друг друга после того, как небожители предприняли беспрецедентный ход, отключив генератор и заморозив целый сектор, решив, что если им не удастся удержать позиции, то и бунтующим они не достанутся. Армии разделились, и в то время как одни сражались за последний оплот небожителей, другие пытались добраться до генератора. В результате основные силы небожителей были разгромлены, но их представители, захватив генератор, смогли перепрограммировать его, заставив не бороться с Великим ледником, а наоборот заморозить сектор и всех игровых клонов, находящихся в радиусе действия. Уцелеть удалось лишь нескольким небожителям, которые воспользовались гидрокостюмами, чтобы спасти своих клонов.

Ходили слухи, что тела игроков, спасшихся небожителей, заложены в незаконных терминалах, но официального подтверждения не было. Аналитики спорили о причастности разработчиков «Голода» к скандальному обрушению системы, приводя в качестве доводов, что гибель двух армий на руку руководителям проекта, так как набранные очки во время бунтов переводятся в единицы Влияния только спустя определенный

срок, при условии, что игрок сможет продержаться это время в игре. А так как погибли практически все из небожителей и бунтующих, то и выплаты сводились к минимуму. Официального ответа представителей «Голода» по этому вопросу не было, поэтому аналитики набросились с расспросами на игроков, возглавлявших враждующие армии.

Одним из лидеров, к великому удивлению Джаво, оказался друг Саломеи по имени Арк-Ми, явно не обрадовавшийся пристальному вниманию к своей персоне, отказываясь давать внятные интервью, объясняя это тем, что в «Голоде» остался его брат, тело которого заложено в незаконном терминале, и ему нужно продержаться в игре еще несколько дней, чтобы заработанные во время сражений очки были переведены системой в единицы Влияния, необходимые для того, чтобы рассчитаться с терминалом.

Заявления эти спустя день были вырезаны разработчиками из общественного доступа, чтобы избежать щекотливой темы касательно незаконных терминалов. Так что единственное интервью Арк-Ми сохранилось только в частных архивах. Потом аналитики в основном рассуждали, да беседовали с другими предводителями враждующих армий, вылетевших из игры после взрыва генератора.

Возможно, аналитики забыли бы об Арк-Ми, имея под рукой более словоохотливых героев, если бы не выяснили, что его брат, тело которого все еще находилось в незаконном терминале под угрозой конфискации в случае гибели в игре, был одним из лидеров, взорвавших генератор. Вернувшиеся игроки, выступавшие за небожителей, которые принимали участие в захвате генератора, в один голос заявляли, что главным идейным вдохновителем и разработчиком новых видов оружия в последние дни сражений был брат Арк-Ми. Именно ему приписывалось создание основных алгоритмов перенастроивших работу взорванного генератора.

Последней каплей в переполненной чаще вспыхнувшего интереса к личностям Арк-Ми и Прай-Ми стало заявление лидеров армии бунтующих, назвавших братьев личными врагами номер один, заверяя аналитиков, что без них сопротивление небожителей было бы сломлено намного раньше.

Лидерами бунтующих оказалась пара профессиональных охотников за наживой, имевшая за плечами внушительный послужной список игровых площадок, где они принимали участие с целью заработать. Но подняться так высоко, как это случилось в «Голоде», им удалось впервые. Успешное завершение захвата небожителей могло обеспечить им безбедную жизнь до конца

дней, но взрыв генератора перечеркнул все достижения, обнулив большую часть очков, заработанных в основном в последние дни сражений.

- Это еще не конец, - заявляли охотники, обещая встретиться с братьями и продолжить противостояние на другой игровой площадке. – Пусть выбирают любой проект. Мы найдем их и уничтожим.

Арк-Ми отказался отвечать на вопросы касательно брошенного вызова, напомнив, что его брат все еще находится в опасности, оставаясь в проекте. Вспыхнувший интерес среди поклонников игровых проектов, заставил разработчиков обратить внимание на братьев, поднимая за их счет упавший после обрушения интерес к «Голоду», организовав специальный нейронный канал, следивший исключительно за приключениями Прай-Ми. Открылся легальный тотализатор, где принимались ставки: удастся старшему из двух братьев спастись или нет. Независимые нейронные каналы открыли портал, где игроманы проводили неофициальное голосование относительно того, в каком игровом проекте хотят увидеть противостояние братьев и охотников за наживой.

Особый интерес в игровой среде вызвала информация, что Прай-Ми и Арк-Ми некогда входили в первый круг разработчиков проекта «Фивы», но потом ушли, чтобы запустить собственную игровую площадку.

«Я должен встретиться с Арк-Ми и рассказать о Саломее», - решил Джаво и начал наседать на отца, выпрашивая разрешение воспользоваться терминалом переходов, чтобы отправиться в жилой комплекс Galeus longirostris, где находились братья. Отец, разумеется, отказал, сославшись на риск нового похищения.

- Отправь тогда со мной Окса, - предложил Джаво.

- А как же твои способности к нейропатии, которые начнут прогрессировать сразу, как только ты снова подключишься к нейронным сетям? – нашел новый аргумент Дамир.

- Я ведь не отстану, - предупредил Джаво, объясняя, что стремление встретиться с Арк-Ми вызвано не праздным любопытством, а желанием рассказать ему о Саломее. – Она была моим лучшим другом в игре. К тому же у нее дочь нейропат.

- Вот как… - протянул отец.

- Если боишься отпускать меня, тогда отправь к Арк-Ми Окса, - предложил компромисс Джаво. – Пусть привезет одного из братьев сюда, или хотя бы договорится о связи.

- А ты сам не пробовал связаться с ним?

- Арк-Ми сейчас знаменитость! – вытаращил глаза Джаво. – К нему поступают миллионы запросов. Думаешь, он обратит

внимание на меня?

- Ладно, - сдался отец. – Надеюсь, что дело действительно серьезное, иначе…

- Я тебе когда-нибудь врал в подобных ситуациях?

- У тебя были подобные ситуации? – Дамир снисходительно улыбнулся, дав обещание, что свяжется с Оксом по вопросу встречи с Арк-Ми в ближайшее время.

- Я буду напоминать тебе об этом каждый день, - предупредил Джаво, но подобных мер не потребовалось.

Агентство «Ксанет» сработало безупречно – не прошло и двух дней, как Арк-Ми сам вышел на связь с сыном богатого дельца из жилого комплекса Isistius labialis.

- Саломея описывала тебя другим, - признался Джаво после пяти минут общения с легендой игрового проекта «Голод».

- Хуже или лучше? – спросил Арк-Ми.

- Не знаю, - беззаботно пожал плечами Джаво. – Наверное, просто другим. Вот о твоем брате она, точно, нелестно отзывалась, а о тебе… В общем, думаю, ты стал для нее другом, - сказал мальчик, сильно хмурясь, желая подчеркнуть важность своих слов.

- Как и ты, - сказал Арк-Ми, понимая, что Джаво ждет ответной любезности. – Не знаю ни одного игромана, готового вылететь из игры, чтобы помочь другу пройти дальше.

- Я нейропат, а не игроман, - поправил мальчик. – Кому, как не мне, понимать, что испытывает сейчас дочь Саломеи.

Арк-Ми не ответил, но остатки сомнений, что Джаво действительно знал Саломею, окончательно растаяли.

Связь осуществлялась через серию декодеров, преобразовывающих обычный видеосигнал в нейронный поток, чтобы можно было передать его через Подпространство из одного жилого комплекса в другой. Арк-Ми понимал, что так отец Джаво оберегает сына от пагубного воздействия нейронных сетей, активирующих способности нейропатов, но общаться подобным образом, в силу постоянных обрывов и зависаний, было крайне сложно. Приходилось постоянно прерываться и ждать, когда система заново установит соединение.

- И что теперь ты собираешься делать? – спросил Джаво, с трудом закончив историю своих приключений на игровой площадке «Фивы».

- Дождусь брата и попробую помочь Саломее, - сказал Арк-Ми.

Джаво кивнул и признался, что тоже планирует вернуться в «Фивы».

Они закончили разговор, условившись, что снова установят

связь, когда Прай-Ми выберется из «Голода». О том, что старший брат Арк-Ми может потерпеть неудачу, не было даже мысли. Аналитики и нейронные игровые каналы превратили его в легенду. А легенды не могут погибать, сталкиваясь с такими незначительными трудностями. Подумаешь, всего-то продержаться на охваченной анархией игровой площадке пару дней!

Джаво следил за судьбой Прай-Ми с опозданием в день, получая модифицированные записи нейронных потоков, переработанных для использования в допотопном интерактивном модуле. В игровых информационных выпусках говорили только о Прай-Ми, каждый день открывая подписчикам новые детали его личной жизни.

Самой громкой новостью, касательно Прай-Ми, стала история, как он, будучи ребенком, обрушил известную в те годы игровую площадку. Так что «Голод» стал вторым. Аналитики вцепились в эту информацию, сообщая о собственном игровом проекте братьев, который должен был стать главным конкурентам популярных площадок. Теперь любители дешевых сенсаций заявляли, что обрушение «Голода» не было случайным.

- Братья спланировали это, желая избавиться от конкурентов, - говорили они, уверяя, что следующей на очереди к обрушению стоит игровая площадка «Фивы».

К удивлению новостных каналов, представительница «Фив» по имени Шамс, выступила с официальным заявлением, сообщив общественности, что совет разработчиков не будет возражать, если Прай-Ми примет участие в игровом проекте.

- Адаптивные алгоритмы работают исправно и не допустят фальсификации, - заявила она. – Поэтому если Прай-Ми желает попытать счастье на игровой площадке, то мы будем только рады. Полагаю, это даже сыграет нам на руку, повысив популярность игры, в виду ажиотажа вокруг братьев, которые некогда входили в наш совет разработчиков, но предпочли уйти, чтобы начать собственный проект.

О собственном проекте братьев говорили немного, но, возможно, именно это и подогрело интерес к игровой площадке «Мекка», находящейся на стадии бета-тестирования, а количество заявок на приобретение ключей-игрока за несколько дней побило предыдущие рекорды «Голода» и «Фив». Удивительно, но сами разработчики игровых площадок-гигантов, не скрывали, что у «Мекки» большой потенциал.

Вся игровая индустрия, казалось, замерла, ожидая, что предпримет Прай-Ми, когда выберется, наконец, из рухнувшего «Голода». Был объявлен официальный набор игроманов в группу,

которая встретит Прай-Ми, когда он вернется в Размерность, правда не было выдвинуто ни одной достойной теории, как найти незаконный терминал, где находится его тело.

Это была настоящая лихорадка, бомба замедленного действия, которой не хватало катализатора. Аналитики ждали, что таким катализатором станет заявление Прай-Ми, но к всеобщему разочарованию, покинув «Голод», Прай-Ми решил последовать примеру брата и отказался от комментариев. А два часа спустя, по неизвестным для большинства причинам, в нейронных сетях трех уцелевших после наступления Великого ледника жилых комплексах произошел сбой, и жители размерности начали слышать тихий гул, отдаленно похожий на человеческий стон, который некоторые аналитики в погоне за легкой сенсацией тут же связали с обрушением игровой площадки «Голод» и возвращением Прай-Ми.

- Ума не приложу, что это за гул, но я не имею к этому никакого отношения, - заявил он, когда фанаты выследили его возле одного из официальных терминалов игрового проекта «Фивы» и отказывались расходиться, не получив ответы.

На вопрос, собираются ли они с братом принять участие в игровом проекте «Фивы», Прай-Ми ответил, что после перипетий в «Голоде» они с Арк-Ми предпочитают взять паузу и немного отдохнуть, затем покосился на игровой терминал и, пожаловавшись на несносных фанатов, не дающих покоя ни ночью, ни днем, сказал, что, не видя вариантов избежать внимания общественности в КвазаРазмерности, они с братом решили, что лучшим способом сбежать ото всех и «отдышаться» станет приобретение ключей игроков площадки «Фивы».

- К тому же, мы ведь с Арк-Ми акеми, - улыбнулся он, перед тем, как скрыться за дверями игрового терминала. – Для нас Подпространство – дом родной.

Фанаты снова попытались поднять вопрос сроков обрушения второй игровой площадки, но Прай-Ми больше не собирался отвечать на вопросы, скрывшись в игровом терминале.

Фанаты растерянно замолчали. Если бы не рожденный сбоем гул, то воцарившуюся тишину можно было бы считать абсолютной, а так… Так в этой тишине было что-то зловещее, недоброе… Словно предупреждение о надвигающейся беде, о которой еще никто не знал, но все чувствовали. Впрочем… Беда действительно надвигалась…